В. Ф. Шаповалов

РОССИЕВЕДЕНИЕ

Учебное пособие для вузов

Москва
2001

ИЗДАТЕЛЬСКО
ТОРГОВЫЙ ДОМ
ГРАНД
Фаир
пресс

ББК 63.3(2)
Ш24

Шаповалов В. Ф.

Ш24 Россиеведение: Учебное пособие для вузов. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. — 576 с.

ISBN 5-8183-0310-1

Книга представляет собой первое в российской научно-учебной литературе учебное пособие, многосторонне освещающее особенности современной российской цивилизации в ее отличии от иных цивилизаций прошлого и современности. Обосновывается понятие современной цивилизации в России, раскрываются ее устойчивые черты, ведущие свое начало главным образом с эпохи петровских преобразований.

Адресована студентам, преподавателям и аспирантам вузов, всем, кто интересуется Россией, не равнодушен к ее судьбе.

ББК 63.3(2)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы та ни было форме без письменного розрешения владельцев овторских прав.

ISBN 5-8183-0310-1

© Шаповалов В. Ф., 2001
© ФАИР-ПРЕСС, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача книги состоит в том, чтобы познакомить читателя с основными чертами России как особого цивилизованно-культурного образования, раскрыть место и значение России в составе мирового сообщества, обнаружить черты отличия и линии взаимосвязи с иными цивилизациями прошлого и современности. Вопросы, обсуждаемые в книге, — это вопросы, обращенные гражданами России к самим себе. Их можно сформулировать следующим образом.

«Каковы ваши традиции, откуда вы родом, где вы живете? Как добываете пропитание, правите страной, решаете неизбывные вопросы власти и свободы? Как делитесь на этнические группы и социальные классы? Как уживаетесь с глубинными, извечными проблемами? Какими вехами отмечена ваша жизнь от рождения до смерти? Как вы влюбляетесь, женитесь, растите и воспитываете своих детей? Как вы работаете, веселитесь, воплощаете свой творческий дух в искусстве и литературе? Каковы связующие и организующие принципы, удерживающие вашу цивилизацию от распада? Каким богам вы поклоняетесь, какие верования держат вас в узде или дают вам силу? Какие вы признаете отношения, какие убеждения вами движут, какие культурные рамки направляют вашу жизнь? Какие мечты, какие мифы вас вдохновляют и какие страхи лишают вас сил? Что дает вам мужество для борьбы? Какие неурядицы грозят вам распадом и какое чувство общности спаивает вас воедино?»

Эти вопросы ставит Макс Лернер в предисловии к своей книге «Развитие цивилизации в Америке», обращая их к американцам и намечая путь исследования американской цивилизации*. При этом автор справедливо замечает, что эти же вопросы «можно было бы задать представителям любой великой нации»**. В этой книге мы попытаемся ответить на них применительно к России.

Эта книга не является историей российской цивилизации. Не является она и некоторым моментальным срезом современного российского общества. Текущее положение столь неустойчиво и подвижно, что всякая попытка теоретически его запечатлеть неизбеж-

---

* *Лернер Макс.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. В двух томах. М., 1992. Т. 1. С. 8.

** Там же.

но превращается в описание вчерашнего дня, в описание уже свершившегося. Нас же будут интересовать прежде всего *универсальные* черты России, черты «вечности». Это означает, что основная идея книги состоит в признании того, что Россия представляет собой самобытную цивилизацию, обладающую множеством специфических механизмов самоподдержания и саморазвития. Характер этих механизмов отличает ее от других обществ (цивилизаций) и изменяется значительно медленней по сравнению с тем, как происходят очевидные перемены. Россия не является простым собранием изолированных индивидов, связанных между собой лишь формальной связью. Совместное бытие людей предполагает множество взаимосвязей и взаимозависимостей. Очевидно, что характер этих взаимосвязей и взаимозависимостей, при наличии общих черт с их характером в иных странах, в России всегда был и останется отличным от тех, которые свойственны, например, Западной Европе, Китаю или Японии. Специфическими остаются и характеры людей, их привычки, обычаи, системы ценностей. На фоне исторических изменений уловить относительно устойчивые черты достаточно сложно, но тем не менее они есть, ибо при всех изменениях Россия остается Россией.

Изучая российскую цивилизацию, ту цивилизацию, которая является своей, родной и близкой, важно суметь избежать двух одинаково опасных крайностей — греха лести и соблазна самоуничижения. Автор не стремится ни заниматься апологетикой всего российского, ни оплакивать судьбу России. Хотя и не собирается сделать вид, что равнодушен к России, к ее проблемам, ее будущему. Было бы правильным последовать примеру крупнейшего французского историка Фернана Броделя, который на первой же странице фундаментального труда «Что такое Франция?» пишет: «Заявляю это раз и навсегда: я люблю Францию... Люблю, не делая различий между ее достоинствами и недостатками, между тем, что нравится, и тем, с чем я соглашаюсь скрепя сердце. Однако страсть эта никак не выскажется на страницах моей книги. Я буду изо всех сил ее сдерживать. Я намерен, честно предупреждая читателей обо всех своих слабостях, говорить о Франции так, как если бы это была чужая страна, чужое отечество, чужая нация»*. Подобно тому как Фернан Бродель стремится, по его словам, «взглянуть на Францию так, словно ты не француз», в пределах настоящей работы мы будем пытаться рассматривать Россию по возможности отстраненно, оставляя за скобками свою любовь к России. Российские же недостатки и проблемы, которых немало, не должны увлечь на путь бесплодного порицания и хулы.

Задача комплексного цивилизованного изучения России, поставленная в предлагаемой читателю книге, исключительно сложна. Ее

* *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1994. Т. 1. С. 5.

решение должно опираться на огромное множество данных самых различных наук: истории, культурологии, социологии, географии, экономики, демографии, литературоведения, языкознания, этнографии и др. Получить широкую панораму российской цивилизации можно лишь при условии обобщения значительного числа источников и материалов. Как показывает опыт исследований других современных цивилизаций (на который мы будем широко опираться), эта задача принципиально разрешима. При этом цивилизованный подход отнюдь не призван подменить собой другие науки. Наше внимание будет сосредоточено на самых разнообразных сторонах жизни российского общества с тем, чтобы выявить в них некоторое единство и специфику, характерные именно для России. Для того чтобы не утонуть в деталях, мы будем стремиться в каждом случае обнаружить *основополагающие структуры*, определяющие тот или иной аспект жизни российского общества. Структуры, о которых идет речь, обусловлены коренными особенностями России: природно-географическими условиями, историческим наследием, этническим составом населения и другими, а также вытекающими из них особенностями исторического пути, культуры, традиций, ментальности.

Цивилизованный подход дает возможность представить Россию в качестве единого целого — хотя и противоречивого, проблематического, исключительно сложного. Формирование целостного взгляда на Россию особенно важно при получении образования. Представляется, что студент российского вуза должен иметь возможность взглянуть на Россию в ее целом и сформировать продуманное представление об этом целом. Предлагаемая книга является первым шагом и первой попыткой на пути разработки учебной дисциплины, охватывающей разнообразные стороны российского общества в их единстве и в их отличии от того, что свойственно иным цивилизациям.

Не будет преувеличением утверждать, что сегодня Россия переживает один из самых критических периодов своей истории. В этой связи не лишены оснований самые пессимистические прогнозы, в том числе те, в которых представляется близкий конец российского государства, его распад на множество изолированных частей, разрушение всех основ российской цивилизации. Характерным примером такого исключительного по своей пессимистичности прогноза является, в частности, книга Джульетто Кьеза с красноречивым названием «Прощай, Россия!». Ее автор, известный итальянский журналист, с симпатией и сочувствием относится к России и ее народу. Однако события последних лет и обстоятельный анализ происходящего подводят его к неутешительным выводам. Замечу, что автору настоящего пособия никак не хотелось согласиться с тезисом о «конце Рос-

сии». Однако, по моему мнению, для того чтобы сохранить Россию, необходимо в самой максимальной степени учитывать опасности, стоящие на этом пути. Поэтому выводы Джульетто Кьеза нельзя не привести.

«Прощай, Россия! Иногда страны, нации, народы исчезают, уходят и не возвращаются. Бывало, что от народа не оставалось и следа и ученым даже не удается разузнать что-либо из его истории. Но это — не наш случай. От России в любом случае останется память, огромная, как ее вклад в развитие человеческой цивилизации, как ее литература, театр и наука, как ее военная мощь и ее жестокость, ее подлость и ее свирепость, как ее нетронутая, дикая красота и гениальная авантюрная склонность к утопии, превратившая ее в лабораторию гигантского трагического эксперимента. Только великий народ мог создать все это одновременно...

Быть может, еще есть время для мучительных конвульсий, для кровавых и бесполезных судорог, порожденных иллюзиями, которые всегда отказываются умирать. Но новый взлет маловероятен. Спад и распад — которым сами способствовали своей ленью и глупым подражанием чужим примерам — только начались. За потерей Средней Азии последует утрата Кавказа. А потом россияне распрощаются с Сибирью, их подомнет самый сильный из «азиатских тигров». Это произойдет само собой, потому что Россия делает харакири на глазах у Азии, и колоссальное демографическое давление китайцев скоро не будет сдерживаться уже ничем»*.

Главной причиной вероятной катастрофы Джульетто Кьеза считает неумелое проведение демократических реформ. Из всех возможных вариантов рыночных отношений и демократии российским руководством во главе с Б. Ельциным был выбран тот, который служит интересам незначительного меньшинства, непомерно богатеющего за счет беззастенчивого ограбления большинства населения, присвоения национального богатства страны. Богатеющее на страданиях и обнищании народа меньшинство, сгруппировавшееся вокруг главы государства, — по выражению Кьеза, «стая пираний вокруг полутрупа», — поставило под свой контроль почти все жизненно важные центры российского общества. Через средства массовой информации оно сеет смятение и растерянность, внушая мысль, что населению якобы остается либо смириться с господством олигархического меньшинства, либо вернуться назад к тоталитарному прошлому. Именно смятение и растерянность, искусственно посеянные олигархией, являются тем решающим фактором, который не позволяет обществу противостоять грозящим опасностям распада и дезинтеграции.

---

* *Кьеза Дж.* Прощай, Россия! М., 1998. С. 256—257.

Очевидно, что с главной линией рассуждений итальянского автора трудно не согласиться. Аналогичные мысли можно встретить в работах многих других отечественных и зарубежных ученых, журналистов, писателей. Особенно важно то, что в них названа главная причина нынешнего катастрофического положения. Считать, что так называемые «реформы» проводились в соответствии с либеральной теорией рыночной экономики, может только тот, кто наивно верит политической трескотне и поставленным под контроль или растерявшимся средствам массовой информации. Воровство не нуждается в теории. Оно нуждается только в идеологическом прикрытии. Этому и служат все рассуждения о рынке, демократии и других ценностях либерализма. Захватившие власть политические авантюристы организовали беззастенчивое расхищение бывшей государственной собственности. Многомиллионные состояния возникали в считанные мгновения — факт, не предусматриваемый никакой самой «либеральной из либеральных» теорией. Не случайно западные издатели книги, благопристойно названной ее авторами «История приватизации в России», дали ей название, более приближающееся к истине: «Распродажа советской империи», видимо, только из чувства деликатности не употребив еще более точного термина. После 1991 г. страна живет почти исключительно за счет экспорта нефти и газа и зарубежных кредитов, беспощадно разрушая собственную промышленность, сельское хозяйство, культуру, науку, образование. Финансовый крах 17 августа 1998 г. лишний раз подтвердил полную бесперспективность этого курса.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы мобилизовать силы и, не отказываясь от основополагающих принципов либерализма и рыночной экономики, найти и осуществить такой путь реформ, который бы соответствовал реалиям России, служил интересам большинства россиян. Конечно, в реальной практике эта задача осложнена многими обстоятельствами. Однако нельзя забывать и того, что силы, стоящие на пути действительных, а не мнимых демократических преобразований, как правильно замечает Кьеза, это «всего лишь немногочисленная и жадная олигархия, невежественная и подлая, неумелая и преступная. В любых других условиях их бы смели после нескольких лет их грабительской деятельности»*.

Важно, однако, не допустить, чтобы на смену одной олигархии пришла другая. Различного рода «сменами декораций», когда, используя народное возмущение, одна группировка сметает другую, но лишь для того, чтобы в свою очередь использовать власть исключительно для целей личного обогащения, полна история многих стран, особенно из числа развивающихся и осуществляющих модернизацию.

* Там же. С. 259.

Не хотелось бы, чтобы Россия пошла по такому пути, превратившись в арену бесконечного противоборства хищнических группировок, отстаивающих узкие интересы своего клана и подвергающих разграблению национальные богатства страны, обрекающих на нищету и гибель огромное число людей. Только конец эры политических авантюристов создаст предпосылки для выхода на путь действительных реформ. Для того чтобы Россия вышла на путь подлинной модернизации, демократии и рациональных рыночных отношений, необходимо обеспечение целого ряда социальных, культурных, психологических условий. Внести свой вклад в формирование этих условий автор считает своеобразной *сверхзадачей* настоящей книги.

Сегодня приходится, к сожалению, констатировать, что научная работа, и особенно преподавание в области социально-гуманитарных дисциплин, в общем и целом продолжает оставаться оторванной от реалий России. В области преподавания положение таково, что сведения о российской действительности тонут в общем потоке информации о социальных, политических, экономических, культурны и т. п. закономерностях «вообще». Редкие вкрапления, касающиеся российской тематики, радикально не меняют положения, а иной раз создают ложное впечатление обо всем российском как о «довеске», не заслуживающем серьезного внимания, как о второстепенной «прибавке» к знанию, рассматривающемуся в качестве теоретического и всеобщего. Одностороннее увлечение общими идеями, их подчас умозрительный характер, а также пренебрежение ко всему конкретному, живому, близкому были названы русскими мыслителями «беспочвенностью сознания и мышления». Эту мысль подчеркивали авторы знаменитых сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), призывая сосредоточить наибольшее внимание на конкретном изучении своей страны и ее особенностей. Еще Пушкин с горечью констатировал, что «Россия слишком мало известна русским» («О народном воспитании», 1826). Н. В. Гоголь, с сожалением говоря о том, что «велико незнанье России посреди России», настаивал на необходимости «проездиться по России». Вполне очевидно, что, прежде чем делать теоретические выводы, тем более принимать государственные решения, необходимо знать ту реальность, на которую они направлены. Забвение этого достаточно элементарного требования является застарелой болезнью российской общественной мысли и практики государственного управления. С данной точки зрения, многократно подтвержденной в трудах многих мыслителей русской эмиграции, именно «беспочвенность мышления» образованного слоя российского общества явилась одной из причин катастрофического хода отечественной истории в XX в.

Очевидно, что глубокое и всестороннее знание российской реальности сегодня совершенно необходимо каждому российскому граж-

данину, или, по меньшей мере, тому, кто стремится быть образованным человеком. Однако данная книга обращена не только к россиянам. Она адресована и зарубежному читателю. Одну из своих задач автор видит в разоблачении огромного множества ложных стереотипов и мифов о России, сложившихся под влиянием разнообразных факторов в зарубежном сознании, в частности в сознании людей Запада. Создавая свой образ России, автор стремился внести вклад в развитие тесного сотрудничества и более глубокого взаимопонимания между народами России и Запада. Эта задача не представляется тривиальной как в свете исторического прошлого, так и в свете опасности роста антизападных настроений в современном российском обществе.

Коренной причиной усиления враждебного отношения к Западу стало, несомненно, разорительное направление реформ, избранное российским руководством. В этой связи поддержка, оказанная ельцинскому окружению со стороны западных стран, не могла не восприниматься российским населением иначе как проявление заинтересованности Запада в полном и окончательном сокрушении России. Конечно, считать, что западные страны (прежде всего США) руководствуются исключительно антироссийскими мотивами, — полный абсурд. Вообще говоря, политика Запада в отношении России — тема для отдельного разговора. В данном случае важно то, что внутри страны находится немало политических сил, умело разжигающих и нагнетающих антизападные настроения, используя в этих целях ошибки и промахи российского руководства. Опасности отрицательного отношения ко всему западному нельзя недооценивать, поскольку оно способно привести к отказу от всяких попыток модернизации российского общества в направлении политической и экономической либерализации. Отказ же от ценностей либерализма в современных условиях означал бы для России едва ли не окончательный крах. Во всяком случае, такой отказ был бы равносилен тому, чтобы смириться с ролью изгоя мировой жизни, от которого отвернулось бы все мировое сообщество, как от зараженного бациллой тоталитаризма и не желающего выздоровления. Автор верит, что данный вариант развития событий можно и нужно предотвратить.

Огромную роль для теоретического описания цивилизации играют идеи и размышления выдающихся отечественных мыслителей, писателей, ученых. История отечественной мысли накопила огромный материал, касающийся различных сторон современной российской цивилизации, ее особенностей и специфических черт. Не менее интересны и значимы наблюдения и мысли о России иностранных авторов. Задача настоящего пособия состоит, в частности, в том, чтобы свести все известные суждения в единую, целостную картину.

Особая сложность воссоздания такой целостной картины связана с противоречивостью суждений и оценок. Тем не менее ни одна из противоположных точек зрения не должна быть отброшена или проигнорирована. Напротив, только максимальный учет всех зафиксированных в документальных свидетельствах их точек зрения создает возможность для теоретического описания широкой панорамы цивилизации в России. Исключение составляют откровенно экстремистские, человеконенавистнические суждения и призывы, которые подвергнуты в книге обстоятельной критике или исключены из рассмотрения как принципиально выходящие за рамки всякой цивилизованной мысли. Такой подход способствует выработке сбалансированного взгляда на Россию; он позволяет избежать как «жанра плача», так и непомерного восхваления России — двух крайностей, подстерегающих всякого исследователя на пути изучения локальной цивилизации.

Текст книги составлен с учетом материалов спецкурса, прочитанных на ряде гуманитарных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова и Государственной академии славянской культуры. Автор выражает искреннюю признательность коллегам по кафедре философии гуманитарных факультетов МГУ (зав. кафедрой профессор А. П. Алексеев) и Академии славянской культуры (ректор профессор И. К. Кучнаева) за помощь и поддержку в работе над книгой.

Глава 1

«ОСОБЕННАЯ СТАТЬ» РОССИИ (РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ)

1. *Понятие локальной цивилизации.*
2. *Общая характеристика российской цивилизации.*
3. *Пути изучения российской цивилизации.*
4. *Единство российской цивилизации. Цивилизация и империя.*
5. *Общероссийский национальный характер.*
6. *Как понять Россию, или Несколько замечаний о российской «экзотичности».*
7. *Полярно-структурный метод анализа цивилизации.*
8. *Российская противоречивость и проблема истоков тоталитаризма.*
9. *Понятие современной российской цивилизации.*
10. *Идея России как цивилизации, «русская идея» и концепция евразийства.*

Весну в развитии общества немецкий философ О. Шпенглер (творивший в первые десятилетия XX в.) назвал культурой, а сезону зимнего оцепенения дал имя «цивилизация». Трактовка культуры и цивилизации как двух последовательных этапов в развитии общества с тех пор утвердилась как научно правомерная. Однако, говоря о России как о цивилизации, мы будем иметь в виду то понимание, которое связано прежде всего с именами Н. Я. Данилевского и А. Дж. Тойнби. В их трудах заложено понятие локальных цивилизаций, то есть цивилизаций, охватывающих определенный регион земного шара, включающий в свой состав одну или несколько стран. Задача настоящей главы состоит в том, чтобы показать оправданность и плодотворность взгляда на Россию как на особую цивилизацию, занимающую свое место в ряду локальных цивилизаций прошлого и современности.

Рассмотрение России как самобытной цивилизации оправданно при условии, если не превращается в набор утверждений об исключительности, якобы характерной для России и резко выделяющей ее из общего ряда стран. Тезис о мнимой российской экзотичности может быть истолкован двояко — либо в горделиво-заносчивом,

либо в самоуничтожительном смысле. Однако и в том, и в другом случае он одинаково опасен, поэтому должен быть заранее выведен за рамки научного изучения российской цивилизации.

Смысл и назначение локально-цивилизованного подхода следует усматривать в выявлении универсальных черт, отличающих российское общество от других обществ, но не по линии «лучше — хуже», «выше — ниже», а по линии обнаружения характерных особенностей без противопоставления другим цивилизациям. Образцы такого подхода к изучению соответствующих стран можно найти в работах современных зарубежных исследователей. Особо назовем таких авторов, как Макс Лернер (исследование цивилизации в США), Фернан Бродель («Что такое Франция?»), Мигель де Унамуно и Хосе Ортега-и-Гассет (исследование цивилизационных особенностей Испании и Европы). Впрочем, и отечественная традиция изучения России в ее универсально-цивилизованных чертах, представленная в прошлом такими мыслителями, как Владимир Соловьев, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Федор Степун, Георгий Федотов, Семен Франк и многие другие, сегодня активно возрождается. Потребность в цивилизованном изучении России возрастает по мере того, как общество все более осознает важность самоопределения и самоидентификации, а также — масштабы стоящих на этом пути трудностей и проблем. Сегодня перед Россией стоит вопрос, подобный тому, который в свое время Арнольд Тойнби адресовал цивилизации Запада: «Предстоит ли нам процесс упадка и распада как некий неизбежный рок, от которого ни одной цивилизации не уйти?»* Тойнби ответил на свой вопрос отрицательно, полагая, что судьба цивилизации не определяется фатальными факторами, а решающим образом зависит от ее творческих сил. Думается, российская цивилизация также сумеет найти достойные ответы на вызовы современной эпохи.

1. ПОНЯТИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Основателями теории локальных цивилизаций были Н. Данилевский, М. Вебер, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби. Позже, во второй половине XX в., проблемами локальных цивилизаций занимались многие западные мыслители. Этим проблемам посвящена обширная литература. Главная задача, на решение которой были направлены усилия исследователей, состояла, по словам П. Сорокина, в выделении «реально существующих, причинно взаимосвязанных и внутренне связанных организмов, отличных от всех смешанных культурных образований и малых культурных систем, а также

* *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. СПб., 1996. С. 39—40.

от государства, нации, политических, религиозных, расовых, этнических и всех иных социальных групп. Эти цивилизации, или культурные суперсистемы, в значительной мере определяют жизнь, организацию и функции малых групп и культурных систем, менталитет и поведение индивидов, множество конкретных исторических процессов и тенденций»*.

В процессе почти полуторавекового опыта изучения проблемы сложилась обстоятельная и всесторонняя теория цивилизаций, «очищенная от целого ряда неточностей, погрешностей и преувеличений, которые были присущи ей первоначально, когда она еще формировалась. Хотя и сегодня термин «цивилизация» понимается неоднозначно (что присуще, впрочем, многим терминам социальных наук), в нашей книге мы принимаем следующее определение.

Цивилизация — это «социокультурная общность, формируемая на основе универсальных, то есть сверхлокальных, ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах морали, права, искусства. Эти ценности сочетаются с обширным комплексом практических и духовных знаний и разработанными символическими системами, способствующими преодолению локальной замкнутости первичных коллективов... Именно при данном употреблении слово «цивилизация» получило наиболее устойчивый терминологический статус в теоретической мысли и обоснование в теории, которую и можно назвать собственно теорией цивилизаций»**.

В составе мирового сообщества на каждом данном этапе его развития можно выделить целый ряд цивилизаций (П. Сорокин называл их также «культурными суперсистемами»), которые функционируют как реальное единство. Они не обязательно совпадают с государством, нацией или другой социальной группой. Обычно границы цивилизации перекрывают географические границы национальных, политических или религиозных единиц. В общем и целом каждая из цивилизаций сохраняет свою самобытность, свою самотождественность вопреки изменениям, касающимся отдельных сторон ее жизни. Изменения внутри цивилизации происходят в соответствии с собственными законами, присущими каждой цивилизации, при поддержании единства всех ее существенных частей. Внешние воздействия ускоряют или замедляют, облегчают или затрудняют раскрытие внутреннего потенциала цивилизации. Общие тенденции мирового развития находят в составе каждой цивилизации свое особенное преломление и реализуются в специфической для данной цивилизации форме.

---

* *Sorokin P.* Sociological Theories of Today. L; N. Y., 1966. P. 177.

** *Ерасов Б. С.* Цивилизация: слово, термин, теория. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1999. С. 25.

Составляют цивилизацию необязательно близкие по языку и культуре народы (так противоположной позиции придерживался Н. Я. Данилевский). Целый ряд цивилизаций (особенно современных) имеют в своем составе народы самого разного происхождения. Точно так же для цивилизации не обязательно доминирование какой-либо одной религиозной конфессии. Во многих случаях цивилизация интегрирует в своем составе людей различной конфессиональной принадлежности, в большинстве случаев исповедующих одну из мировых религий. Вместе с тем на этапах зарождения и становления цивилизации особую роль играет определенное этноконфессиональное «ядро», то есть та или иная, как правило, этническая группа людей, исповедующая ту или иную религию. Язык и культура такого ядра оказывают решающее влияние на интеграцию всех элементов цивилизации в единое целое, на создание общих для всех частей цивилизации символических систем. Именно «ядро» во многом определяет характер и особенности цивилизации, ее отличия от других цивилизаций.

Цивилизация никогда не представляет собой «монолита», то есть такого образования, которое составлено из единообразных элементов, подобно зданию, построенному из одинаковых кирпичей: цивилизация — это единство многообразного. Многообразие может быть большим или меньшим, однако в большинстве случаев оно столь обширно, что с трудом поддается полному теоретическому обозрению и описанию. Кроме того, в рамках цивилизации могут существовать и внесистемные элементы, то есть отдельные общности, принадлежащие к ней территориально, но не включающиеся в полной мере в ее механизмы и системы. Такие общности представляют собой своеобразные «вкрапления», по-разному влияющие на общий контекст развития цивилизации, причем они могут то в большей степени интегрироваться в нее, то существовать относительно изолированно.

П. Сорокин и другие исследователи признали ошибочным положение, которое не вызывало сомнений у основоположников теории цивилизации, а именно положение, что «каждая «цивилизация» на протяжении своего существования проявляет способность к творчеству в одной или, в лучшем случае, в двух сферах. Так, утверждается, что эллинская цивилизация проявила себя в основном в сфере эстетики, индская — в религиозной сфере, западная — только в сфере науки и технологии. Фактически в каждой из этих «цивилизаций» имелись творческие достижения в различных сферах культуры в разные периоды их существования, и все они были творчески не в одной, а в нескольких сферах культуры»*.

* Цит. по: Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1999. С. 54.

Уподобляя цивилизацию живому организму, основоположники цивилизационного подхода (Н. Данилевский и О. Шпенглер) полагали, что всякая локальная цивилизация проходит в своем развитии последовательные стадии от зарождения — через расцвет — к увяданию и гибели. Поэтому «закат» европейской цивилизации, как и других цивилизаций, миновавших стадию расцвета, виделся им как неизбежный заключительный этап их развития, преддверие близкого конца. С критикой этой идеи выступили такие мыслители, как А. Тойнби, Н. Бердяев, И. Ильин, Ж. Маритэн, Х. Ортега-и-Гассет и другие. Они подчеркивали, что в развитии любой цивилизации могут возникать периоды кризисов и подъемов, однако строгая цикличность: «зарождение — подъем — увядание — гибель» — не является законом существования цивилизации. Действительно, мировая история дает немало примеров цивилизаций, последовательно прошедших отмеченные стадии: Древний Вавилон, Древний Египет, Древняя Греция, Древний Рим и др. Явив миру свои достижения, они, словно истощенное дерево, увяли, исчерпав весь запас жизненных сил. Однако автоматически переносить опыт прошлого на современность следует с большой осторожностью. Разумеется, цивилизация может погибнуть, оставив потомкам лишь память о себе и остатки памятников культуры. Однако многое зависит от людей и идей — тех, которые способны в кризисные моменты вывести цивилизацию из гибельного тупика, дать ей новое дыхание, открыть новые перспективы.

Наконец, был обоснованно отвергнут тезис об органической враждебности цивилизаций друг другу. Органическая враждебность неизбежно вела бы к военным столкновениям. В действительности между цивилизациями существует целая гамма отношений — от соперничества и конкуренции до взаимопонимания и сотрудничества. Вместе с тем установление взаимопонимания между различными цивилизациями сопряжено с целым рядом трудностей в силу различий в культуре, менталитете, природно-географических условиях, геополитическом положении и др.

Наука о цивилизациях является на сегодня одним из признанных и влиятельных направлений общественной мысли. В ее развитие внесли свой вклад многие видные представители общественно-гуманитарных наук. Помимо уже названных, следует отметить таких ученых, как О. Андерле, Д. Уилкинсон, У. Макнейл, М. Перри, Ш. Эйзенштадт, А. Швейцер, К. Ясперс и другие. Крупнейшим координационным центром цивилизационной науки стало Международное общество по сравнительному изучению цивилизаций, основателями которого были А. Тойнби, П. Сорокин и А. Крёбер. С 70-х годов XX в. проводятся научные конференции этого общества.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Рассмотрению России как одной из локальных цивилизаций, обладающей характерными отличительными чертами, длительное время препятствовало господство официальной партийно-государственной идеологии. Так называемый «исторический материализм» предписывал в качестве единственно верного подхода к истории подход с точки зрения «общественно-экономических формаций». Теория цивилизаций отвергалась как «буржуазная». При отвержении самого понятия локальной цивилизации невозможно было, разумеется, не только изучение, но и сама постановка вопроса о российской цивилизации. К сожалению, позиция радикального отрицания цивилизованного единства России широко представлена и в литературе последних лет. Следует подчеркнуть, что теоретическое отрицание существования российской цивилизации нередко основано на непривычности как самого понятия локальной цивилизации, так и понятия «российская цивилизация». Тем не менее нельзя не обратить внимания на теоретическую аргументацию противников признания российской цивилизации.

Один из аргументов состоит в том, что «множество народов с разной цивилизационной ориентацией, входящих в состав государства... превращало Россию в неоднородное, сегментарное общество». Народы России «исповедуют ценности, которые не способны к сращиванию, синтезу, интеграции... Татаро-мусульманские, монголо-ламаистские, православные, католические, протестантские, языческие и другие ценности нельзя свести воедино... Россия не имеет социокультурного единства, целостности». Поэтому «Россия не является самостоятельной цивилизацией и не относится ни к одному из типов цивилизаций...»*.

Однако подобные аргументы не выдерживают критики со стороны современной теории цивилизаций, согласно которой локальная цивилизация в большинстве случаев не является «монолитом»: в ее состав входят народы и индивиды с различными ценностными ориентациями, возникшими на основе множества религиозных направлений. Этот тезис особенно ярко подтверждается на примере цивилизаций современности. Ни одна из современных цивилизаций не является моноконфессиональной и моноэтнической. Классическим образцом в этом отношении является цивилизация в Соединенных Штатах Америки. Надо иметь в виду, что «цивилизация» — именно то понятие, которое способствует выработке сбалансированного

---

* *Семенникова О. И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск., 1996. С. 86.

взгляда на сложносоставные, отличающиеся своеобразным сочетанием разнородных факторов социальные образования. Этот тезис лег в основу обстоятельной книги об американской цивилизации*. С точки зрения американского исследователя, факт этнического и религиозно-культурного многообразия не является аргументом против единства в рамках цивилизации. На вопрос о том, является ли Америка цивилизацией, он уверенно дает положительный ответ: Соединенные Штаты являются особой цивилизацией. Одна из ее отличительных особенностей как раз и состоит в соединении в рамках единого целого огромного множества разнообразных этносов, конфессий и ценностей. Тот факт, что книга, в которой утверждается реальность такого единства и раскрываются его конкретные механизмы, выдержала 30 (!) изданий, говорит сам за себя.

Пример Америки нельзя считать исключительным, хотя и единственного примера достаточно, чтобы опровергнуть тезис о невозможности многоэтнической и многоконфессиональной цивилизации. Однако главное состоит в том, что цивилизация — это в большинстве случаев *суперэтническое*, то есть сверхэтническое, образование. Вопрос о механизмах и способах обеспечения цивилизованного единства достаточно сложен и заслуживает отдельного рассмотрения. К нему мы еще вернемся в ходе дальнейшего изложения. Пока же замечу, что уповать на «сращивание» различных по своей природе ценностей не приходится в принципе: такого сращивания не происходит даже в относительно простых и однородных по своей структуре обществах. Что же говорить о столь сложных, внутренне дифференцированных и масштабных, какими, как правило, являются цивилизации? Механизм возникновения цивилизованного единства не в сращивании. Он гораздо более сложен. В частности, не уничтожая особенностей отдельных входящих в ее состав этносов (национальностей), цивилизация способна создать уровень единства, располагающийся над уровнем различий, — уровень общности. Простой пример поясняет сказанное.

Американец (гражданин и постоянный житель США), кем бы он ни был по происхождению, приобретает дополнительно к своим коренным свойствам ряд черт специфического американского характера. Это означает, что он освоил американский образ жизни и мыслей, американскую систему ценностей, вжился в Америку, стал ее составной частью. Несмотря на теоретические трудности определения «духа Америки», сам факт существования такого духа едва ли можно отрицать. Основание этого духа является основой для того, чтобы быть органическим носителем черт специфического амери-

* См.: *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. Т. 1—2. М., 1992.

канского характера. Не случайно, что независимо от этнической или иной принадлежности американцы легко опознают друг друга, так же как окружающие легко отличают их по манере поведения, характеру и т. п. Случайно ли и то, что в разнонациональной толпе мы во многих случаях легко определяем нашего туриста или недавнего соотечественника, кем бы он ни был — русским, армянином, башкиром или украинцем? Случайно ли, что иностранцы легко опознают нас, часто называя всех без разбора представителей России-СССР «русскими»?

Очевидно, украинцы или армяне, ставшие гражданами и постоянными жителями новых независимых государств (соответственно, Украины и Армении), через одно-два поколения утратят общероссийские (отнюдь не только советские) черты. Однако вовсе не обязательно, что те же армяне или украинцы должны утратить характерное армянское или украинское своеобразие, оставаясь полноправными членами российского общества и связав свою судьбу с новой Россией. В этом случае надэтнические (суперэтнические), то есть общероссийские, черты их характера будут существовать наряду с собственно этнонациональными. Они составят как бы второй ярус социально-психологической структуры личности. Такую структуру личности, вовлеченной в стихию той или иной цивилизации, но не утратившей своего этнического своеобразия, можно назвать *двухъярусной структурой,* имея в виду, что коренные этнические черты продолжают составлять глубинную психологическую основу, над которой затем надстраиваются черты личности, обусловленные особенностями цивилизации. (См. более подробно об этом в главе 3, п. 2.)

Таким образом, особенности российской цивилизации следует усматривать не в многоэтничности, многоконфессиональности и т. д., а во многом другом. Такие особенности связаны с ее конкретным этнонациональным составом, а также, например, с сочетанием территориальной распыленности этносов с компактностью их проживания, с отсутствием естественных границ, на которых можно было бы закрепиться окончательно, с континентальностью территории с характерной удаленностью от морей, с характером взаимодействий с географически соседними цивилизациями и т. д. Обо всем этом (как и о многом другом) мы будем говорить в дальнейшем.

Нельзя признать убедительным и еще один аргумент против трактовки России как локальной цивилизации. Он связан с тем, что история России нередко прерывалась, вследствие чего следует говорить не об одной, а о нескольких Россиях: Киевская Русь, Московская Русь, Россия Петра Первого, Россия Советская и т. д. Надо помнить, что прерывность истории и связанное с этим наличие ряда резко различных обликов страны не является исключительной особенностью России. Крупнейший французский историк Фернан Бро-

дель, в частности, писал: «Если взглянуть на Францию в ее самых общих хронологических рамках, то она предстанет целой чередой Франций, последовательно сменяющих друг друга, разных и похожих, попеременно то тесных, то широких, то единых, то раздробленных, то благополучных, то страждущих, то удачливых, то неудачливых»*. Признание «множества Франций» не является для Ф. Броделя поводом для отказа от написания истории Франции как истории одной страны, принадлежавшей в разное время к разным цивилизациям и вносившей свой вклад в современную западноевропейскую цивилизацию.

Однако для цивилизационного подхода важно не это. Важно то, что, вообще говоря, всякий предмет, изменяясь по отношению к самому себе, в общем случае никогда, однако, не совпадет с другим. Так, Россия или Франция сегодняшние резко отличаются от себя прежних. Однако из этого отнюдь не следует, что результатом исторических трансформаций должно стать их совпадение между собой: Россия современная не похожа на современную Францию в той же мере (но по-иному), в какой обе эти страны были не похожи друг на друга в любую другую историческую эпоху. Поэтому Россию современную, как и Францию или, допустим, Соединенные Штаты, можно представить в качестве особых образований, отличающихся от себя в прошлом, но от этого не ставших похожими друг на друга сегодня. Цивилизованный подход, в отличие от исторической науки в ее классическом виде, сосредоточивает внимание не столько на динамике исторических изменений, сколько на характерных чертах того или иного общества, взятого в длительной исторической перспективе. Таким образом, цивилизованный подход предстает существенно отличным от исторического подхода, но не альтернативным ему и не вступающим с ним в конкуренцию.

Очевидно, что та или иная страна, взятая в определенную, достаточно длительную историческую эпоху, либо принадлежит к одной из сосуществующих цивилизаций, либо тяготеет к одной из них, либо, наконец, сама по себе представляет отдельную цивилизацию. Именно последнее относится к России (разумеется, не только к ней).

«Цивилизации проходят сквозь политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения, которые они подчас деятельно навлекают на самих себя. Французская революция не была тотальным крушением в судьбах французской цивилизации, а революция 1917 года не являлась таким крушением в судьбах русской цивилизации...» — отмечает Ф. Бродель. При исторических испытаниях цивилизация «лишь поменяла бы... присущий ей цвет, но сохранила бы почти все особенности по отношению к другим

* *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1992. Т. 2. Ч. 1. С. 7.

цивилизациям... Итак, утверждаемое нами существенное положение заключается в признании постоянства мировых цивилизаций, длительности их существования. Это положение настоятельно требует изучения сложившихся типов мышления, устойчивых отношений, привычных норм поведения, устоявшихся вкусов — всего того, что дает нам замедленный, уходящий в незапамятное, мало осознаваемый ход истории»*.

О *современной* российской цивилизации можно вести речь начиная от эпохи петровских преобразований, от XVIII в., от имперского, «петербургского» периода российской истории. Петровские преобразования заложили *основы* той цивилизации в России, в рамках которой мы продолжаем жить и сегодня. В полной же мере эта цивилизация сложилась во второй половине XVIII — начале XIX в. Века XIX и XX стали эпохой ее интенсивного развития. Ниже мы подробно рассмотрим аргументы в пользу данного тезиса, а вся книга призвана стать не только доказательством, но и раскрытием самых существенных черт современной российской цивилизации в означенном понимании. Предварительно же уточним некоторые аспекты понятия локальной цивилизации.

Важнейшей стороной понятия цивилизации является многообразие, многоуровневость, многоплановость и масштабность. Цивилизация — это масштабное, сложно организованное предприятие, включенное в мировое целое самым непосредственным образом и оказывающее существенное влияние на это целое. Эти качества локальной цивилизации отчетливо представлены в определении американского исследователя С. Зантингтона: «Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких, как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так, житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы цивилизации»**.

Россия целиком вписывается в рамки данного определения. В самом деле, самоидентификация большинства россиян, скорее всего,

---

* *Бродель Ф.* Цивилизация как длительная временная протяженность. Цит. по: Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1999. С. 228.

** *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 34.

имеет своим пределом именно принадлежность к России. Во всяком случае, трудно ожидать, что типичный представитель российского общества осознает себя «человеком Запада», впрочем, как и «человеком Востока». Идентификация себя в качестве россиянина является предельным уровнем, за которым уже следует отождествление себя с представителем человечества в целом. Отнюдь не случайно и то, что во всем массиве литературы, посвященном России, едва ли найдется какая-либо значительная публикация, в которой бы однозначно признавалась принадлежность России к какой-либо из цивилизаций — западной или восточной. Даже для самых горячих российских западников российская «западность» выступала и выступает в качестве проекта наиболее предпочтительного будущего, а не в качестве очевидности и данности. В работах зарубежных исследователей за Россией, как правило, закрепляется самостоятельное место во всемирном целом. Зарубежные авторы независимо от своего отношения к России — положительного или отрицательного — отводят ей роль значительного и самостоятельного фактора мировой жизни. Так, М. Лернер подчеркивает основные заслуги Шпенглера и Тойнби: «...они упорно отстаивали тезис о том, что великие цивилизации мировой истории — Западная Европа, Россия, исламский регион, Индия, Китай или Америка... — каждая из них имеет свою личную судьбу, свою собственную жизнь и смерть, у каждой есть свое сердце, своя воля и свой характер»*.

Не подвергают сомнению понимание России как самостоятельной цивилизации многие современные отечественные исследователи. Например, А. С. Панарин отмечает: «Россия — не этническое «государство русских», а особая цивилизация, обладающая своим суперэтническим потенциалом и соответствующим набором геополитических идей»**.

Вообще говоря, в современных условиях непризнание за какой-либо страной права быть цивилизацией (или принадлежность к одной из цивилизаций) равнозначно низведению ее до уровня варварства и дикости. Такое низведение не может не оскорблять чувства национального достоинства граждан и жителей данной страны. Это объясняется, в частности, тем, что наряду с различиями локальные цивилизации имеют, конечно, и черты сходства. К ним в первую очередь относятся черты, отличающие цивилизацию от дикости и варварства: наличие определенных правил и норм, идеалов и ценностей, упорядоченной общественной структуры. Однако характер этих правил и норм, идеалов и ценностей, способа упорядочения общественной

---

* *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. С. 75.

** *Панарин А. С.* Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры. Вып. 2. М., 1996.

жизни различается от цивилизации к цивилизации. Не следует думать, что он во всех случаях должен быть целиком идентичен западным образцам. Наличие характерных черт, отличных от тех, что присущи странам Запада, далеко не всегда следует рассматривать как свидетельство отсталости. Один из глубинных смыслов теории локальных цивилизаций как раз и состоит в том, чтобы отказаться от достаточно распространенного и ставшего привычным выстраивания всех известных истории обществ в одну линию, располагать их «по ранжиру». Признание множества цивилизаций позволяет представить всемирное человечество не в качестве унылой массы, стремящейся лишь к единообразию, а в качестве многоцветия разнообразных обществ, между которыми тем не менее возможны и необходимы взаимообмен, сотрудничество и взаимопонимание.

Очевидно, что события последних лет привели к расширению границ западной цивилизации: в ее состав вошли или находятся в стадии вхождения некоторые восточноевропейские страны. Однако надо иметь в виду, что *модернизация* по западному образцу отнюдь не всегда совпадает с процессом вхождения в состав цивилизации Запада. Так, например, Турцию или Японию принято считать странами, «продвинутыми» в модернизационном отношении. Однако сколь бы далеко ни продвинулись эти страны по пути усвоения элементов западного образа жизни, общественных отношений, западных технологий и т. п., они едва ли вообще смогут стать органическими частями западного мира. Впрочем, такая задача, видимо, перед ними и не стоит. То же можно сказать и о России: современные модернизационные процессы реформирования не следует путать с превращением страны в общество, по своим основным параметрам целиком идентичное западному.

Последний тезис не должен быть, разумеется, истолкован в пользу идей исключительности и изоляционизма. Однако при нормальном протекании процессов модернизации (то есть если не произойдет чего-то чрезвычайного, разрушительного для страны) Россия останется Россией, занимая свое место в составе мирового сообщества и не сливаясь целиком ни с западной, ни с какой-либо иной цивилизацией.

Правильно ли называть цивилизацию в России «русской»? Чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на своеобразие термина «русский». (Более подробно значение термина «русский» будет рассмотрено в главе 3, п. 3.) Исследователи отмечают тот факт, что представители различных народов называются по-русски именами существительными: француз, немец, поляк, грузин, татарин, монгол, китаец, турок, бурят, чукча и т. д. В этой связи слово «русский», будучи прилагательным, стоит как бы особняком. Как прилагательное, оно может выполнять функцию определения. Его можно использовать в

качестве определяющего слова по отношению к самым различным предметам. В этих случаях в нем отсутствует этническое значение: фиксируется лишь принадлежность данного предмета к России. В таком широком смысле можно говорить о русской культуре, русской науке и т. д.; можно сказать, например, «русский немец» или «русский кореец», имея в виду связь представителя данного этноса с Россией, его вовлеченность в российскую жизнь. Однако нередко термин «русский» употребляется в своем непосредственном, узком значении — как принадлежность человека к одному из восточнославянских этносов — русскому. Такое словоупотребление также вполне оправданно. С учетом этого обстоятельства более правильно будет говорить не о русской, а о *российской цивилизации,* или *цивилизации в России.*

Как уже отмечалось, российская цивилизация (как и многие другие) не моноэтническое и даже не полиэтническое, а суперэтническое образование. Это означает, что свой вклад в особенности образа жизни и мысли в России вносили и продолжают вносить представители самых различных народов и культур. На основе этнонациональных культур складывается еще один ярус культуры — культуры общероссийской. Он и определяет особенности образа жизни и мысли, характерные и общие для цивилизации. И именно он является главным предметом рассмотрения для исследователя цивилизации. Вместе с тем есть все основания полагать, что круг народов, входящих в состав российской цивилизации, принципиально ничем не ограничен. Вполне вероятно, что в него в будущем будут входить в том числе и те, которые ранее для России не были характерны, рассматривались как диковинные, например китайцы, африканцы или индусы. Однако по мере интеграции в российское общество они могут становиться носителями специфического российского образа жизни и мысли, впрочем, без обязательной утраты исконно присущих особенностей их социально-психологической структуры.

3. ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Перед исследователем простирается широкое поле самых разнообразных возможностей для изучения особенностей российской цивилизации. Какому из подходов следует отдать предпочтение?

Отечественные мыслители XIX — начала XX в. в большинстве случаев использовали подход, который можно назвать спекулятивно-психологическим*. Вл. Соловьев поставил вопрос о русской идее, Н. Бердяев — о душе России, С. Франк написал трактат о

* Спекулятивное рассуждение — рассуждение, основанное на умозрении, не требующее подтверждения строгими экспериментальными данными.

русском мировоззрении, Н. Лосский — о характере русского народа и т. д. Впрочем, весьма близкие аналоги к подходу отечественных авторов у исследователей иных цивилизаций и стран. Например, один из признанных классиков в области изучения особенностей английского характера Дж. Эмерсон написал книгу «Английские черты», получившую широкую известность в Великобритании и за ее пределами. Американец Гарольд Ласки в книге под характерным названием «Дух Америки» перечисляет следующие особенности американского духа, или характера: устремленность в будущее, страсть к величию, чувство достоинства, дух первопроходчества, индивидуализм, неприязнь к застою, гибкость, эмпирический подход и приоритет практических интересов, стремление к благополучию и преуспеянию, вера в собственные силы, уважение к истовому труду и частной собственности. Изучению того, что можно было бы назвать «характером американца», «духом Америки» или «американской душой», посвятили свои труды многие американские исследователи. От автора к автору перечни основ «американской веры» различны, хотя и не лишены целого ряда совпадающих позиций.

По пути перечисления и раскрытия основных свойств русской души пошел Н. О. Лосский в книге «Характер русского народа». Он обращает внимание на следующие черты: религиозность, способность к высшим формам духовного опыта и связанное с ним искание абсолютного добра, органическое соединение чувства и воли, свободолюбие, народничество (под которым Лосский понимает готовность заботиться не о личном благе, но в первую очередь о благе народа; это стремление наиболее отчетливо проявилось в характере русской интеллигенции), доброта, даровитость, мессианство и миссионерство, недостаток срединной области культуры, склонность к проявлениям нигилизма и хулиганства. Широко известна характеристика русской души, данная Н. Бердяевым. Он особо подчеркивал противоречивость русского духа: «Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие (то есть формальное отношение к религии, сводящееся к бездумному исполнению религиозных обрядов. — *В. Ш.*) и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»*. Своеобразные характеристики русской души мы находим и

* *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX—XX века. В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 44—45.

у других авторов. В случае с Россией, как и в случае с Америкой, перечни типичных свойств различаются от автора к автору, хотя и обнаруживают немало совпадений.

Вряд ли есть смысл прибавлять к уже известным новые списки характеристик русской души. Не следует, однако, и торопиться с их окончательной оценкой, соглашаться или не соглашаться с той или иной трактовкой души России. Во всяком случае, едва ли можно оспаривать тот факт, что каждый из известных подходов схватывает что-то реальное или, по меньшей мере, на что-то реальное намекает. Однако для изучения российской цивилизации с учетом современных достижений общественно-гуманитарных наук гораздо важнее другое — ответить на ряд принципиальных вопросов.

Первый из них связан с определением тех условий, при которых размышления о национальном характере вообще имеют смысл, не превращаясь в род научно бесплодных и социально опасных изысканий на кровно-расовой почве. Очевидно, что рассуждения о душе России (как и всякой другой страны) правомерны лишь при условии, если ведутся не с позиций кровно-этнических, а с позиций культурно-исторических. Видимо, происхождение народа, его принадлежность к определенному расовому типу, играет определенную роль и в формировании его психологических особенностей. Однако несравненно более значительна роль социально-культурных факторов. Ценности и идеалы, модели поведения, образ жизни и образ мысли — все это имеет главным образом социально-культурные корни. Если же говорить о природных факторах, то в большей мере, чем кровно-этнические, на характер народа воздействуют природно-географические условия, в которых протекает и осуществляется его жизнедеятельность. «Есть сходство между географией природной и географией душевной», — отмечал Н. Бердяев. Природно-географические факторы выступают в роли той среды, с которой данный народ связан своей судьбой. В рамках этой среды протекает его повседневная деятельность, в характерных условиях природной среды народ ведет свою борьбу за существование. Поэтому природно-географические факторы являются факторами длительного действия и сохраняют свое значение при любых социально-экономических формах общественного устройства. Вместе с тем влияние природно-географической среды на народный характер не является прямым и однозначным, особенно в современном урбанизированном*, технологическом, информационном и т. п. обществе.

Умозрительно-психологический подход, основанный, как правило, на личных наблюдениях и размышлениях ученого, а не на стро-

* Урбанизация — процесс развития городов. Урбанизированное общество — такое общество, в котором городское население количественно преобладает над сельским.

гих данных социологических исследований, тем не менее способен дать очень многое для уяснения образа России. Вместе с тем плодотворность умозрительно-психологического подхода ограничена еще одним существенным условием. Прав Н. Бердяев, что в этом случае исключительную роль приобретают «добродетели веры, надежды, любви», ибо эмпирически столь многое отталкивает в российской действительности. В отсутствие же заведомой любви к России, веры в ее творческие силы, надежды на ее будущность теоретические спекуляции способны завести исследователя в полный тупик. Они могут, в частности, привести к выводам, оскорбительным для россиян и весьма сомнительным с научной точки зрения. К таким выводам привели спекулятивные рассуждения американских исследователей Горера и Рикмена в их труде «Народ Великороссии». В качестве отправного пункта исследования авторы приняли переживания раннего детства русских крестьян, которых матери якобы обязательно туго пеленали в первые месяцы жизни. Этой несвободой на досознательном этапе жизненного пути авторы брались объяснить все характерные особенности русской души.

Еще один важный вопрос связан со степенью и темпами изменчивости основных параметров российского характера. Вообще говоря, народ, о котором писали Бердяев, Лосский, Федотов и другие дореволюционные и эмигрантские мыслители, тот ли это народ, который существует сегодня, или его социально-психологические характеристики изменились настолько, что в настоящее время более правомерно говорить о другом народе?

При ответе на этот вопрос не следует, прежде всего, впадать в излишний социологизм, полагая, что народная душа изменяется в строгом соответствии с изменениями социально-экономических и политических порядков. В большинстве случаев народный характер обнаруживает значительную устойчивость и неожиданным образом проявляет себя в совершенно новых социально-экономических и политических условиях. Это с одной стороны. С другой — не следует думать, что душа России есть нечто абсолютно неизменное, никак не реагирующее на социальные и иные перемены. И уж совсем абсурдным было бы полагать, что, сформировавшись где-то на заре российской истории (например, в древней Киевско-Новгородской Руси) и оставаясь в дальнейшем неизменным, русские характер и ментальность предопределили собой весь ход последующей российской истории, все ее положительные и отрицательные стороны.

Тезис об абсолютной неизменности менталитета русской культуры, якобы сохранившегося в первозданном виде на протяжении целого тысячелетия, стал в известной мере популярен в наши дни. Некоторые современные авторы используют его, в частности, для объяснения феномена российского тоталитаризма XX века. По их

логике, российский тоталитаризм заложен едва ли не... в Киевской Руси. Поразительно, что подобные идеи проповедуют сегодня авторы, еще недавно резко осуждавшие исторический фатализм* (и совершенно справедливо!), настаивавшие на определяющей роли материального производства (эту роль нельзя сбрасывать со счетов), подчеркивавшие значение материальных и иных общественных отношений. Они забывают, что истина не достигается ни шараханиями из одной крайности в другую, ни простой переменой знаков с плюса на минус и наоборот. Осмыслить Россию как цивилизацию удастся лишь при условии максимального учета самых разнообразных сторон ее бытия. На каком пути это достижимо?

Отнюдь не очевидно, что социальная психология, о которой мы вели речь выше, является именно тем фактором, который должен быть признан в структуре цивилизации ведущим или определяющим. Играя важную роль, он существует наряду с другими, составляя важную, но всего лишь одну из граней сложного строения цивилизации.

Исследование России как сложной цивилизации, конечно, можно начать с социальной психологии, то есть с постижения российской разновидности человеческой души, и, определив основные параметры души России, вывести из них особенности экономического, социального и культурного бытия. Как уже отмечалось, именно так поступали во многих случаях русские мыслители дооктябрьского периода и зарубежья. Можно несколько изменить угол рассмотрения, взяв за отправной пункт ценностно-религиозные установки российского общества. В этом случае исходной основой России как цивилизации станут религиозные убеждения и верования, а также религиозные организации, церковь. Особую роль при таком подходе часто отводят православию, что имеет под собой серьезное историческое оправдание: следует без колебаний признать, что православие в течение многих веков истории российского общества играло роль гораздо более значительную, чем любая иная конфессия. Это обстоятельство и дало основание, например, А. Тойнби квалифицировать российскую цивилизацию как «православно-христианскую в России». По пути выделения религиозной составляющей шли и идут мыслители, близкие православной церкви, видя главный стержень российского бытия в его прошлом, настоящем и будущем, прежде всего, или даже исключительно, в православии.

Можно избрать еще один вариант подхода, приняв за исходную точку особенности политической системы российского общества.

---

* Исторический фатализм — учение о предопределенности истории, об исторической судьбе, которая закладывается вместе с рождением данного общества и на которую не могут в дальнейшем повлиять никакие человеческие действия.

Этот вариант представлен, в частности, западными учеными, такими, как, например, американский историк Ричард Пайпс. В этом случае из особенностей дореволюционной самодержавной, а затем советской и нынешней демократической политической системы делается попытка вывести все другие параметры российского общества. Наконец, мыслители марксистского и близких к нему направлений предпочитают говорить в первую очередь о типе экономики, собственности и связанной с ним классовой структуре общества. По мнению этих исследователей, именно экономика и классовая структура представляют собой ту определяющую основу, анализ которой позволяет уяснить особенности любого общества, в том числе и российского.

Очевидно, что все перечисленные подходы обладают своими преимуществами и в каждом есть «своя правда». Однако столь же очевидно, что ни один из них, взятый в отдельности, не в состоянии полностью раскрыть все грани сложнейшего целого, каким является цивилизация. Во всяком случае, при отдельном применении любого из них искусственные натяжки и спекуляции становятся неизбежными. Так, вполне правомерной может быть гипотеза о наличии определенной связи между характером религиозности и политической и экономической жизнью России. Но попытка вывести особенности современной политической и экономической ситуации из ценностей и установок какой-либо из религиозных конфессий вряд ли будет плодотворной. Точно так же государственно-политические теории способны многое объяснить в реальной жизни российской цивилизации, поскольку государство и политика играли и продолжают играть в России исключительно большую роль. Однако едва ли удастся объяснить российскую цивилизацию как таковую мощью государства и ролью политической системы — хотя бы потому, что антигосударственные тенденции (например, анархизм) в России всегда были представлены не менее отчетливо, чем государственно-охранительные.

Примеры нерезультативности монистического* взгляда легко умножить.

Исследовательский монизм во всех его модификациях неизбежно огрубляет реальность, чрезмерно упрощает и схематизирует ее. Это связано, в частности, с тем, что монистический подход ставит перед собой неразрешимый в общем виде вопрос — о первичности одного фактора и вторичности, подчиненности других. При таком подходе считается, что можно раз и навсегда найти некий один фактор, который при всех условиях играет решающую роль и от которого зависит вся структура общественной жизни. Однако логично предпо-

* От слова «монизм» — учение, согласно которому в основе всякого предмета лежит один-единственный фактор, определяющий собой все стороны и все грани данного предмета.

ложить, что в различных обществах и на разных этапах их развития в роли решающих могут выступать различные факторы. Если это так, то не лучше ли отказаться от утверждения о единственности фундаментального принципа и тем самым прекратить бесплодную трату интеллектуальных сил с целью загнать все богатство жизненных проявлений в прокрустово ложе монистических схем? Во всяком случае, для теоретического воссоздания широкой панорамы российской цивилизации такой отказ вполне оправдан. Вместе с тем крайне важно, чтобы отказ от монизма не стал отказом от концептуальности. Концептуальность означает, что знание должно быть систематизированным, а не превращаться в разрозненное нагромождение беспорядочных сведений. Таким образом, возникает необходимость в новом (немонистическом) принципе, способном служить основой для концептуальных построений, поскольку при отсутствии всякого принципа исследователю грозит опасность скатиться к примитивному эмпиризму, к голой фактологии. Вряд ли на роль такого принципа подойдут плюрализм и многофакторность, понятые как перечисление разнообразных факторов и их механическое суммирование. Что же остается?

Цивилизацию можно изучать на различных временных срезах ее существования. Понятно, что особенно важно и интересно знать и понимать ее сегодняшнее состояние. Образ жизни и мыслей в России сегодняшней и есть то, что можно назвать нынешним состоянием российской цивилизации. Его можно разложить на отдельные составляющие, каждая из которых связана с определенным аспектом этого образа жизни и мысли. Следовательно, цивилизация может быть представлена в виде совокупности тематических блоков. Каждый из них будет раскрывать какую-либо отдельную грань или одну из слагаемых сложного строения цивилизации. Такой подход к изучению цивилизации будет называться *тематическим*. В число тематических блоков могут, например, войти следующие:

- природно-географические характеристики российской цивилизации;
- многонациональная природа российской цивилизации;
- земля и особенности сельскохозяйственного производства в России;
- труд и предпринимательство в России;
- политическая система в России;
- наука и технология в России;
- искусство и массовая культура в России;
- брак и семья, особенности российской сексуальной культуры;
- особенности российской религиозности, религии и верования в России;

- личность и общество в России;
- место и роль России в мировом сообществе государств.

Рассматривать отдельные тематические блоки вне связи друг с другом, конечно, невозможно. Однако искомая концептуальность достижима не только на пути соотнесения каждого отдельного блока с другими, но и на пути соотнесения его с целым, то есть с общим представлением о российской цивилизации как таковой. Рассматривая отдельный тематический блок, мы будем постоянно иметь в виду целое, которое будет выступать в качестве необходимого фона. Соотнесение отдельного аспекта цивилизации с ее целым и станет основным концептуальным принципом изучения. Постоянное соотнесение с целым должно препятствовать тому, чтобы картина цивилизации не свелась к простому эмпирическому перечислению и описанию, а представлялась бы в качестве концептуально оформленной. Откуда же возьмется представление о целом? Во-первых, из знания истории России. Приступающий к изучению России как цивилизации должен, разумеется, иметь некоторые представления об основных вехах ее истории. Во-вторых, целое определяется из общих теоретических представлений о современной российской цивилизации. Дать такие общие представления и призвана настоящая глава, предваряющая рассмотрение отдельных тематических блоков.

Тематический подход к изучению современной российской цивилизации предопределяет и меру обращения к историческому прошлому. Привлечение исторического материала оказывается тематическим, а не хронологическим. История привлекается на ту хронологическую глубину (начиная отсчет от современности), которая необходима для понимания современного положения дел в данном тематическом блоке. Современность в большинстве случаев имеет своим истоком прошлое. Однако в одних случаях современная ситуация коренится в близком, относительно недавнем прошлом, в других — ее истоки уходят далеко в глубь веков. Следовательно, необходим конкретный подход с учетом особенностей того или иного цивилизационного феномена.

Таким образом, предложенный путь изучения цивилизации позволит получить не только панораму, но и объемное представление о современной российской цивилизации в ее сегодняшнем состоянии, притом не в просто фактологическом, а в осмысленном виде.

4. ЕДИНСТВО РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ИМПЕРИЯ

«Любой народ, любая страна — заложница своих начал, — писал отечественный историк и философ М. Гефтер. — Мы же — не

страна. Мы — страна стран. Мы наследники сугубо разных начал, встроенных напрямую в мировой процесс. Отсюда наша особая зависимость от судьбы тех проектов, суммарное название которых — человечество...»* В словах известного мыслителя можно усмотреть два признака России как цивилизации. Они красноречиво говорят о том, что Россия не просто страна, а страна-цивилизация.

Во-первых, речь идет о «стране стран» (в других случаях Гефтер употреблял близкое выражение «мир миров»), что ярко выражает исключительное многообразие России, сочетание в ней различных начал, ценностей различного содержания и происхождения, огромного множества культур, верований, мировоззрений и т. д. Именно многообразие, а отнюдь не монолитность — характерный признак цивилизации. Конечно, наряду с многообразием цивилизация должна обладать и определенным единством. Однако в отсутствие многообразия вообще нет никакого смысла даже ставить вопрос о цивилизации, а следует говорить максимум просто о стране.

Во-вторых, в словах Гефтера подчеркивается еще одна особенность, которая выражает цивилизационный признак России, — встроенность «напрямую» в мировой процесс. «Напрямую» — то есть без посредников. В силу географических и ряда иных причин для России не существует такой общности, через посредство которой она входила бы в мировое целое; Россия целиком не вписывается ни в одну из субмировых общностей — ни в Европу, ни в Азию, ни в Запад, ни в Восток, ни в Тихоокеанский или какой-либо иной регион. Легко заметить, что свойство быть встроенным в мировой процесс напрямую соответствует рассмотренному выше определению Хантингтона, согласно которому цивилизация — это наиболее широкий уровень самоидентификации людей, за которым непосредственно следует мировое сообщество людей, человечество, или «то, что отличает род человеческий от других видов живых существ».

За счет чего может достигаться единство в рамках цивилизации? Прежде всего обратим внимание на то, что хотя некоторые цивилизации на протяжении части или всего периода своего существования функционировали и развивались в виде империй, тем не менее ставить знак равенства между империей и цивилизацией, разумеется, нельзя. Более того, имперская форма не адекватна цивилизации. В современных условиях империя вообще представляет собой исторический анахронизм. Понятие империи, при всех возможных истолкованиях, прочно ассоциируется с угнетением и социально-правовым неравенством, с господством привилегированной группы населения над другими. Поэтому цивилизации в форме империй всегда стоят перед выбором: либо, полностью разложившись под действи-

* *Гефтер М.* Из тех и этих лет. М., 1991. С. 465.

ем внутренних противоречий, исчезнуть с лица земли, либо найти способ сбросить имперскую форму, не утратив основ и своеобразия цивилизации.

Вряд ли оправданными являются и попытки придать понятию империи некий новый, «облагороженный» смысл. Такие попытки предпринимаются сегодня некоторыми отечественными теоретиками. В одной из публикаций говорится: «В традиционной редакции «империя» связывается с «экспансивностью», «репрессивностью». В нашей редакции «империя» коннотирует с «самодостаточностью развития», «эффективностью жизневоспроизводства»*. Конечно, любой автор имеет право вкладывать в каждое понятие тот смысл, который полагает наиболее правильным. Но ставить вопрос так, что российская цивилизация при всех условиях должна оставаться империей, нельзя, поскольку в этом случае уже невозможно не считаться с общепринятым («традиционным») пониманием слова «империя». Для самодостаточности же развития и способности к самостоятельному творчеству совсем нетрудно подыскать вполне подходящие определения: они, кстати, заложены уже в самом понятии цивилизации.

В этой связи вряд ли можно согласиться, что «устойчивой и жизнеспособной является лишь та цивилизация, которая при возможно большем разнообразии индивидуальных, региональных, этнических и иных типов является максимально единой в области духовных идеалов, общегосударственной морали, нравственных ценностей»**. Пожелание, выраженное в этих словах, противоречиво и нереалистично, поскольку максимум этнического и иного разнообразия неизбежно повлечет за собой разнообразие в идеалах, морали и нравственности. Единую мораль и нравственность, единые идеалы в многонациональной стране, где разные национальности исповедуют различные религии, придерживаются различных традиций, убеждений и т. д., можно лишь пытаться насадить принудительно, притом с самым минимальным, если не отрицательным результатом. Использование государственной власти для целей насаждения обязательного для всех образа мысли есть один из признаков империи. Историей России апробированы два одинаково опасных и утопичных варианта.

Единые идеалы и ценности, призванные в глазах государственной власти выполнять функцию объединения, могут быть теоретически сконструированными и внедряться посредством пропаганды.

---

* *Ильин В. В., Ахиезер А. С.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. С. 118.

** *Артемов И.* Россия: империя или цивилизация? // Неизбежность империи. М., 1996. С. 115.

Это один из вариантов. Он хорошо известен на примере единой государственной идеологии советского периода. Будучи обязательной, такая идеология неизбежно предполагала те или иные карательные санкции в отношении тех, кто отклонялся от нее. Второй вариант состоит в том, чтобы выбрать в качестве эталонных идеалы и ценности одного или нескольких народов из числа входящих в цивилизацию или какую-либо из религий. В условиях России особенно велик соблазн принять за такой эталон идеалы и ценности русского народа и, соответственно, русского православия и объявить их именно теми началами, которые призваны обеспечить цивилизационное единство. Этот вариант опробован в дореволюционное время государственной властью императорской России. Сегодня, после крушения советской системы, нередко раздаются голоса в пользу возврата к дореволюционному варианту. Однако очевидно, что и сегодня он приведет к тем же отрицательным последствиям, к каким привел в свое время. К тому же надо учесть, что самосознание нерусских народов России сегодня находится на столь высоком уровне, что ни один народ не согласится ни на какой диктат со стороны другого, будь то русский или какой-либо иной.

Отрицательный опыт обоих вариантов говорит о том, что в условиях России (очевидно, не только России) объединяющий принцип должен быть классово-идеологически, этнически и конфессионально (религиозно) нейтральным. Он должен быть как бы «бесцветным» в идеологическом, этническом и религиозном отношениях. В первом приближении это просто негласные правила взаимоотношений людей, отдающих себе отчет в различиях, которые имеются между ними, но строящих отношения на умении абстрагироваться от различий. Это негласные общероссийские «правила общежития». Их не нужно выдумывать и изобретать: они складываются в процессе жизни, и всякий живущий в России способен усвоить их с детства. Сам опыт жизни в многонациональной стране обучает этим правилам. При всей близости к ценностям общечеловеческого характера они все же целиком не совпадают с последними, поскольку имеют российскую (а не европейскую, американскую или китайскую) окраску. Важно и то, что они, конечно, не могут обладать абсолютной прочностью, поскольку созидаются и поддерживаются той частью населения, которая укоренена в России и связывает свои жизненные перспективы с судьбой России.

Массовый наплыв чужеродных по отношению к цивилизации элементов, незнакомых с устоявшимися нормами общения, резкое изменение этнодемографического состава населения и другие факторы подобного рода могут существенно изменить или разрушить эти нормы, что будет означать изменение самого характера цивилизации. Правила межэтнического общения в России, конечно же, не-

мыслимы без русского языка и некоторого, пусть минимального, знакомства с основами русской культуры. Не обладая никакими формально закрепленными привилегиями, русский язык в России выполняет функцию основного средства межнационального общения. Через его посредство только и могут осуществляться правила и нормы, о которых идет речь.

Наличие и незримое функционирование общих для всех и привычных форм общения придает цивилизации характер не просто межэтнического, а суперэтнического, то есть сверхэтнического, образования.

Термин «суперэтнос» широко применялся крупнейшим этнологом и оригинальным исследователем Л. Н. Гумилевым. По мнению Гумелева, при определенных условиях этносы могут объединяться друг с другом таким способом, что при этом не утрачивается своеобразие отдельных этносов, входящих в объединение, и одновременно создается новое качество, не сводимое к простой сумме объединившихся единиц. Суперэтническое образование — это объединение множества народов, создающее новую, сверхэтническую общность. По Гумилеву, именно такие, суперэтнические образования характерны для России. По сути, Россия и есть не что иное, как гигантский суперэтнос.

Понятие суперэтноса все больше входит в научный обиход. С его помощью можно описывать аналогичные российским надэтнические образования — например, в Соединенных Штатах или в Европе. Очевидно, что США едва ли не с момента своего возникновения представляют собой гигантский суперэтнос, в рамках которого сосуществует огромное разнообразие народов. Современная Европа, в силу резкого увеличения числа мигрантов из стран Африки и Азии, становится все более схожей по своему этническому многообразию с Соединенными Штатами. Различные народы вынуждены жить вместе в рамках одной страны, а следовательно, принуждены самими обстоятельствами наряду с уровнем различий образовывать уровень общности. Наличие двух уровней — уровня различий и уровня общности, как бы «надстраивающегося» над первым, — и есть характерная черта суперэтнического образования. Истолкованное таким образом понятие Гумилева вполне пригодно для научного описания целого ряда больших многоэтнических образований, которым свойственно тесное сосуществование представителей различных народов.

Вместе с тем следует учесть, что Гумилев не ограничился данным истолкованием. Он ввел важнейшее в рамках своей концепции дополнительное условие для формирования суперэтноса. С точки зрения мыслителя, для объединения в суперэтнос необходимо наличие предварительного условия: этносы должны быть «комплементарны»

между собой; не комплементарные этносы не способны вступать в суперэтническое объединение. Под *комплементарностью* (от лат. *complementum* — дополнение) Гумилев понимал духовное соответствие, совместимость народных характеров, взаимопонимание, сродство душ, чувство взаимной симпатии, обусловливающее взаимное притяжение. Наличие в поле взаимодействия комплементарных этносов некомплементарного с ними этноса создает, по Гумилеву, угрозу разрушения суперэтнической системы. Поэтому система и каждый из входящих в нее этносов вынуждены защищать себя от инородного тела, в роли которого и выступает некомплементарный с ними этнос. Согласно Гумилеву, некомплементарные этносы чужды друг другу; между ними невозможно не только объединение, но и подлинное взаимопонимание, а потому и сотрудничество.

Думается все же, что наличие комплементарности является желательным, но не необходимым условием для объединения этносов в рамках современной единой цивилизации. Например, в состав цивилизации в США входят самые различные по своей природе этносы и этнические группы. Можно допустить, что некоторые из них комплементарны между собой, другие нет, если приложить гипотезу Гумилева к американской ситуации. Тем не менее различные этносы и этнические группы в Соединенных Штатах уживаются между собой вполне сносно, хотя и не без проблем и противоречий, полное отсутствие которых мыслимо лишь в идеальном межэтническом рае. В земной же жизни приходится мириться со множеством несовершенств в области межчеловеческих, в том числе межэтнических, отношений. Умение наладить нормальные взаимоотношения между представителями различных национально-этнических групп становится особенно важным для современного мира, в котором на наших глазах происходит резкая интенсификация миграционных процессов.

Резкий рост числа мигрантов характерен и для России. Речь прежде всего идет о колоссальном наплыве на европейскую территорию России жителей из кавказского и среднеазиатского регионов, а на сибирскую и дальневосточную — выходцев из Китая. Следует отдавать себе ясный отчет в том, что такая массовая миграция — отнюдь не рядовое явление, к которому можно относиться равнодушно или делать вид, что ничего особенного не происходит. Колоссальная миграция чревата самыми разнообразными, в том числе непредсказуемыми, последствиями. Следовательно, имеется насущная потребность в таком осмыслении происходящего, которое способно выработать уравновешенный, сбалансированный подход к этому явлению. Во всяком случае, замалчивание — верный путь к тому, чтобы оказаться в полной неготовности к последствиям происходящих процессов.

Современная миграция уже стала предметом пристального внимания ученых, общественных деятелей и политиков западных стран. Факт уникальности и значительности этого явления можно считать общепризнанным в Западной Европе и Северной Америке. Огромные массы южных народов устремились в эти регионы. Красноречиво свидетельствуют о значимости происходящего слова итальянского писателя Умберто Эко: «Сейчас в Европе впервые за 15 веков мы находимся перед новой волной массивной миграции; последняя миграция была миграция готов и визиготов, которая изменила генетический и лингвистический состав этого континента. Сейчас мы стоим перед той же проблемой: с юга идет поток, который ничто не может затормозить — ни один министр внутренних дел, ни один закон не сможет остановить эту волну, и вполне возможно, что через пятьдесят лет президентом Франции, например, станет араб или китаец, а будущий Папа Римский будет негром». Умберто Эко обращает внимание на то, что «такие перемены не могут происходить мирно. Они вполне могут вызвать кровавый период нетерпимости, и нужно готовиться его пережить: это может быть проблемой будущего века»*.

Происходящие в России процессы миграции вполне вписываются в общемировые тенденции. Поэтому не следует рассматривать массовый наплыв переселенцев с юга как явление случайное, временное и преходящее. Взвешенная государственная политика по отношению к мигрантам не может сводиться к неправовым мерам, подобным тем, которые начиная с 1991 года применяются в Москве к так называемым «лицам кавказской национальности». В этом случае, в частности, не делается никакой разницы между жителями Северного Кавказа (которые, являясь гражданами России, обладают всей полнотой гражданских прав на всей ее территории) и гражданами новых независимых государств — Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана. Между тем наплыв азербайджанцев по своим масштабам беспрецедентен: в 1999 г. в Москве их насчитывалось свыше двух миллионов, то есть более четверти всего населения столицы. Ежедневно в Москву прибывает свыше четырехсот азербайджанцев. Нет необходимости специально доказывать, сколь позорно в начале XXI в. выглядит осуществляемое органами милиции вылавливание людей по «признаку лица» (как это происходит в Москве), совершенно недопустимое с точки зрения международных принципов права, унижающее честь и достоинство личности. В подобном подходе нельзя не усмотреть один из рецидивов имперской государственной политики.

---

* Интервью У. Эко корреспонденту «Независимой газеты» // Независимая газета. Ex libris. Книжное обозрение. 28 мая 1998 г.

В приведенных выше словах У. Эко верно отмечено, что массовая миграция не может быть остановлена решением государственной власти. Однако она, разумеется, нуждается в правовом регулировании и контроле со стороны государства.

С точки зрения социально-психологической нужно быть готовым к тому, что в самом ближайшем будущем под влиянием миграционных процессов в характере российской цивилизации (как и других цивилизаций Севера) будут происходить существенные перемены. Легко заметить, что они уже начались. Эти перемены сделают жизнь людей еще более сложной и напряженной, прежде всего в психологическом смысле. Впрочем, существование индивида в рамках цивилизации всегда характеризуется определенной сложностью и напряженностью. Жизнь в пределах цивилизованности постоянно ставит человека перед лицом сложнейших проблем межличностного общения, перед необходимостью налаживать взаимоотношения с людьми различных национальностей, разного происхождения, с носителями разных культур и т. д.

В известном смысле цивилизация всегда предполагает наличие формальности в межчеловеческих отношениях. Поэтому для отношений в масштабах цивилизации в немалой степени характерен элемент механистичности, бездушности. Цивилизация «работает», не нуждаясь в особой теплоте межчеловеческих отношений. Оттенок механистичности, «машинности», бездушности присутствует в понятии цивилизации со времен О. Шпенглера. В частности, по этим параметрам цивилизация противопоставлена культуре. Поэтому при всей желательности комплементарности (в смысле Л. Гумилева) в межчеловеческих отношениях следует трезво сознавать, что цивилизация — это не та сфера, где во главу угла ставятся такие качества общения, как духовная близость и симпатия. По принципу комплементарности следует подбирать себе близкий круг общения, компанию, друзей, спутника жизни и т. д. Вступая же в цивилизационные отношения, человек, напротив, не вправе требовать от тех, с кем общается, особой душевной теплоты и душевного участия. Мы также не вправе настаивать, чтобы окружающие разделяли наши убеждения. Отнюдь не обязательно стремиться к тому, чтобы на каждом шагу вступать в тесный душевно-духовный контакт с окружающими, — достаточно соблюдать общепринятые в данном обществе нормы общения. Такой подход является важным и, вероятно, единственно возможным в полиэтнической и поликонфессиональной среде с огромным множеством различий, где никто не собирается менять свои веками устоявшиеся идеалы, ценности, убеждения, тем более отказываться от них.

Вместе с тем при известной мере механистичности цивилизация, конечно, не во всем подобна механизму, поскольку представляет

собой объединение не бездушных тел, а людей, существ одушевленных. Люди же не могут полностью уподобиться механизмам, не могут функционировать в машинном режиме, то есть постоянно соблюдая лишь внешние и формальные правила. Более того, само существование правил поведения и общения, а также их практическая эффективность во многом зависят от того, насколько легко устанавливаются контакт и взаимопонимание между людьми. Об этом, в частности, красноречиво говорит замечание одного из крупнейших отечественных философов С. Франка: «Самая мимолетная внешняя встреча двух людей или внешнеутилитарное или принудительное их объединение предполагает взаимное понимание между ними, усмотрение в другом человеке «себе подобного»... Так, без единства языка, без некоторого единства нравов и нравственных воззрений или, в предельном случае, без сознания единства «человеческого образа» невозможна даже простая встреча двух людей, немыслимо никакое, даже самое внешнее, их сотрудничество. И внешнеутилитарные, и принудительные сношения между людьми предполагают все ту же молчаливую встречу двух пар глаз, в которой обнаруживается и пробуждается исконное чувство внутренней их сопринадлежности...»*

Таким образом, существование цивилизационной общности предполагает наличие элементов доверия, элементов взаимопонимания между входящими в нее представителями различных общественных групп, а также национальностей. Отнюдь не обязательно, чтобы все души были скроены на один лад, — достаточно того, чтобы участники общения хотя бы в общих чертах представляли, чего можно ожидать от партнера. Необходим некоторый минимум взаимного доверия, минимум взаимопонимания, минимум комплементарности, ниже которого общение становится невозможным. Такой минимум отнюдь не всегда должен быть изначально присущ самой природе входящих в цивилизацию народов: он может вырабатываться в ходе их совместного проживания, общения, деятельности. Кроме того, процесс овладения языком межэтнического общения (применительно к России — русским) и его использования предполагает усвоение присущих языку понятий и понятийного строя, которые тем самым становятся общим достоянием всех владеющих языком. Вообще говоря, совместная деятельность и общение, длительность совместного бытия могут воздействовать на участников в двух взаимосвязанных направлениях: по линии взаимной «притирки», то есть адаптации друг к другу, и по линии взаимного влияния, взаимного уподобления, которое, впрочем, никогда не в силах полностью искоренить различия.

---

* *Франк С.* Духовные основы общества. М., 1992. С. 58.

5. ОБЩЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

В «Очерках по истории русской культуры», вышедших в свет в 1896 году, П. Н. Милюков назвал всякие рассуждения о народном духе и национальном характере недоразумениями и предрассудками, «теоретическое обоснование которых давным-давно сдано в архив, но которые тем не менее продолжают господствовать над популярными представлениями о русской духовной культуре»*. Милюков выразил достаточно распространенное в среде ученых-гуманитариев того времени представление о том, что понятие народного характера ненаучно и поэтому должно быть исключено из научного оборота.

Сегодня вполне очевидно, что со «сдачей в архив» понятия национального характера автор «Очерков» явно поторопился. В XX в. получила бурное развитие такая научная дисциплина, как социальная психология, сделавшая предметом своего изучения психологические свойства больших групп людей, в том числе народов, этносов, наций. Не менее показателен факт развития (по преимуществу на Западе) культурной антропологии — науки, близкой к тому, что у нас принято называть этнографией. Западные культурные антропологи самым пристальным образом изучают особенности ментальности и чувствования самых различных народов, опираясь на их обычаи, традиции, нравственные нормы, на особенности языка. Тот факт, что научный анализ в большинстве случаев оказывается в состоянии выявить искомые особенности, не может не свидетельствовать о том, что народы, как правило, обладают специфическими чертами национальной психологии. Поэтому факт существования народных характеров сегодня в общем и целом не оспаривается.

Более сложным представляется вопрос о существовании общих психологических черт для общностей, *более широких*, чем отдельный народ, отдельный этнос. Поскольку Россия как раз и представляет собой такую суперэтническую общность, то именно этот вопрос оказывается исключительно важным в контексте изучения специфических свойств российской цивилизации. Современный автор И. В. Кондаков отмечает: «Ментальные факторы цивилизации оказываются общими для ряда народов и даже этносов и в случае с Россией носят определенно надэтнический и межэтнический характер, то есть оказываются действующими, более того, системообразующими — для целого ряда генетически различных культур, связанных между собой общей исторической судьбой, единством территории, сходными геополитическими и природными условиями (ландшафтом, климатом, почвенным строением, акваторией, фауной и флорой и т. д.), принци-

* *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1992. С. 127.

пами земледелия и скотоводства, чертами быта, а постепенно и особенностями государственного устройства, типами социокультурной динамики. Так, обладая своеобразными культурами, многие народы, населявшие Россию: тюркские и финно-угорские, закавказские и среднеазиатские — оказались причастными к единой, общей для них российской цивилизации, и даже обретение национальной независимости и государственной самостоятельности не освободило большинство из них от общих цивилизационных закономерностей и тяготений. В этом смысле не только Карелия, Татарстан, Саха—Якутия, Калмыкия, Бурятия, Дон и Кубань, но и Украина, Беларусь, Молдова, Казахстан, Грузия, Армения и т. д. принадлежат до сих пор к одной цивилизации, при всех своих типологических отличиях»*.

Всякий, кто провел хотя бы часть жизни в республиках бывшего Советского Союза и России, несомненно, подтвердит справедливость приведенных слов, хотя, очевидно, со многими оговорками и добавлениями. Наличие общих черт психологического склада жителей бывшего СССР легко обнаруживается в практике общения, однако нелегко поддается теоретическому описанию. В разряд неудачных попыток такого описания следует отнести разработанный официальной партийно-государственной идеологией периода правления Л. И. Брежнева тезис о возникновении на просторах СССР так называемой «новой исторической общности» — «советского народа». Согласно этому тезису, главная роль в формировании общих черт народов принадлежит идеологическому фактору. Иначе говоря, сближение народов СССР произошло якобы в результате всеобщего усвоения коммунистической идеологии. Однако, выдавая желаемое за действительное, партийные теоретики в этом случае (как и в ряде других, которые мы рассмотрим в дальнейшем) опирались тем не менее на реальные факты, а именно на факты известного сближения психологических характеристик различных народов, исторические судьбы которых связаны совместным существованием в рамках единого государства.

Идеологический фактор не может быть важнейшим в формировании общих психологических черт. Предписанная идеология способна затронуть лишь поверхностные слои сознания. Поэтому истоки общих психологических черт следует искать в сфере *повседневного общения*, в сфере *совместной жизнедеятельности*.

При этом приобретение общих черт не предполагает обязательной утраты тех, которые непосредственно связаны с исконной национальностью, поскольку они входят в базовый ярус двухъярусной психологической структуры, о которой шла речь выше (см. п. 3 наст. главы). Первый, базовый ярус, то есть черты национальности,

* *Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 43—44.

к которой исконно принадлежит индивидуум, находит свое проявление в узком кругу общения — в семье (если она мононациональна), в среде соплеменников, реализуется на родном языке. Второй, общероссийский ярус реализуется в сферах более или менее публичных — на работе, в общественных местах: в магазинах, транспорте, учебных заведениях и т. п. В России он реализуется на русском языке. Таким образом, очевидно, есть основания говорить о существовании не только общерусского, но и *общероссийского национального характера.*

Выше уже говорилось о суперэтничности как свойстве цивилизации в России. Если наше утверждение верно, то, помимо специфических национальных характеров, должна существовать душа России, общая для всех населяющих ее народов, — так же как существует американская душа, общая для американцев различного происхождения. На сегодняшний день вычленить ее из «советскости», пропитавшей за долгие десятилетия огромную часть населения бывшего Советского Союза, независимо от этнической принадлежности, — очень непросто. Тем не менее как отмечалось, общение этносов и общение отдельных индивидов ни при каких условиях не могут быть сведены к идеологии: они предполагают выработку некоторых общих базовых ценностей и общих правил. С учетом этих правил и ценностей и создается то, что можно назвать «общероссийским духом», «душой России», «общероссийским национальным характером». Отдельные его черты можно угадать в описаниях души России, данных русскими дореволюционными мыслителями и авторами, работавшими в эмиграции, — в той мере, в которой эти описания ориентированы на общий культурный дух России. Представление о нем может быть сформировано на основе анализа произведений литературы и искусства, культурных явлений, различного рода свидетельств и описаний и т. д.

Таким образом, общероссийский национальный характер — это общие черты психологии всех россиян, то есть граждан России, или, более широко, тех людей, чья судьба в нескольких поколениях оказалась связанной с Россией так, что они приобрели характерно российские психологические черты. Народный характер вообще является не категорией родства по крови, а категорией духовного плана. Это тем более справедливо, если речь идет об общих чертах характеров *многих* народов. Понятие общероссийского национального характера как раз и призвано отразить общие черты характеров народов, населяющих Россию. При этом целесообразно говорить именно о характере, а не только о *менталитете (ментальности).*

Менталитет — это совокупность «жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроений, которая опирается на глубин-

ные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции»*. Такое определение дано менталитету известным современным историком А. Я. Гуревичем. Однако оно представляется чрезмерно широким, поскольку фиксирует, по сути, все, что свойственно психике: и установки, и модели поведения, и эмоции, и настроения. Целесообразнее исходить из более узкого понимания ментальности, непосредственно связанного с этимологией слова. Последнее образовано от латинского *mens*, то есть *ум*. Следовательно, ментальность — это присущие данному обществу и его представителям устойчивые способы *мышления*, находящиеся в тесной связи и взаимной зависимости со столь же устойчивыми способами *чувствования*. Устойчивые способы мышления и чувствования в своей совокупности образуют то, что мы будем называть характером или устойчивыми психологическими чертами данной общности людей. Разумеется, речь пойдет прежде всего об общероссийском национальном характере.

Очевидно, что особенности характера выявляются уже на уровне чувственного восприятия: люди с различными характерами не только по-разному мыслят, но и по-разному воспринимают окружающий мир. Одно и то же явление видится ими по-разному, в характерных ракурсах, окрашивается в характерные эмоциональные цвета. Особенности уровня чувственного восприятия создают предпосылку для своеобразия на уровне мысли — для специфических устойчиво функционирующих способов мышления. Именно связь с устойчивыми характеристиками чувственного восприятия является одним из факторов устойчивости ментальности — того, что она может сохранять свои черты на протяжении длительного времени, в существенно различных социально-политических, экономических и др. условиях. Опора ментальности на уровень чувственного восприятия обеспечивает ей связь с фундаментальными условиями жизнедеятельности — в частности, с природно-климатическими условиями существования. Понятно, что последние изменения гораздо медленнее, чем условия социального порядка. Относительная неизменность природных факторов бытия человека в данной местности оказывает существенное влияние на устойчивость черт характера.

Особое значение для уяснения особенностей того или иного национального характера имеют специфические жизненные установки, присущие данной общности людей и отличающие ее от других общностей. Установка означает выбор тех или иных предпочтений, ценностей. Она предполагает определение того, что принимается за норму, а что рассматривается как отклонение от нормы. Установка во многом определяет оценку своих и чужих поступков. С позиций принятого за норму всякое событие или поступок могут быть распо-

* *Гуревич А. Я.* Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 454.

ложены на той или иной отметке ценностной шкалы, оценены положительно или отрицательно. Установка также предполагает определенный набор моделей поведения в их соотнесенности с ценностной шкалой. Характерные для данного общества ценности имеют огромное значение для его понимания. Ценностные установки значимы даже независимо от того, насколько они практически реализованы членами данного сообщества. Это объясняется тем, что в любом случае именно ценности определяют особенности отношения членов сообщества к жизни, к поступкам и событиям, к себе и к другим людям.

Способы ментальности и чувствования оказываются не чем иным, как глубинными *инвариантами** жизни определенного сообщества людей, взятого в длительной исторической перспективе. После известных работ Т. Куна, М. Фуко, К. Юнга в научный оборот прочно вошли понятия «парадигма», «эпистема», «архетип». Все они так или иначе выражают инварианты, о которых идет речь, то есть устойчивые структуры длительного действия, лежащие в основе ментальности и чувствования определенного сообщества людей. К сожалению, в отечественной социально-гуманитарной науке подход к изучению общественных явлений с точки зрения выявления инвариантов не получил пока широкого распространения. Применительно к изучению российской истории и культуры попытки выявления устойчивых структур встречаются не столь часто. Напротив, господствующей в этой сфере является тенденция судить о российском характере не по глубинным структурам, а по поверхностным проявлениям. Так называемый «принцип историзма», которого придерживаются многие авторы, вообще не позволяет говорить ни о каких структурах длительного действия. С позиций принципа историзма буквально все в развитии общества предстает преходящим, изменчивым, зависящим от быстро меняющихся политических и экономических порядков.

Можно ли сформировать адекватный образ России на основе, например, слепого и чрезмерного доверия к письменным свидетельствам, произведениям художественной литературы, публицистики и т. д.? Являются ли вообще произведения культуры прямым отражением реальности или характерных ментальных установок, доминирующих в данном обществе? Правомерна ли логика, согласно которой «чем чаще встречается в источниках, тем чаще встречается в жизни»? Чтобы ответить на эти вопросы, достаточно взять один пример. В средневековых хрониках и рукописях фиксировались главным образом военные столкновения, распри и междоусобицы.

* Инвариант — то, что в процессе изменения остается относительно неизменным, инвариантным, то есть проявляющимся во многих разных вариантах.

Если же ничего подобного не происходило, считалось, что и не о чем сообщать. В исландских сагах в таких случаях говорилось: «Все было спокойно». В русских летописях летописец вписывал год, оставляя рядом пустое место, или записывал: «Мирно быть», ставя на этом точку. Понятно, что если целиком довериться тексту эпохи, и только ему, то история окажется сплошь заполненной войнами и распрями, о том же, что люди делали в промежутках между кровавыми разборками, останется только догадываться. Но ведь не исключено, что именно последнее характеризует людей, их образ жизни и мысли наиболее адекватно.

Положение, подобное приведенному примеру, не исключение: в текстах и документах чаще всего прямо и непосредственно фиксируется то, что отнюдь не является самым важным для верного понимания особенностей жизни и мысли данного сообщества. В информационных потоках наибольшее место занимает то, что привлекает к себе внимание, чем-то особенно примечательно, может претендовать на сенсацию и т. д. Это легко видеть на примере современных средств массовой информации. Очевидно, люди вообще склонны много, подробно и публично говорить и писать о привлекшем к себе внимание, но отнюдь не о том, что затрагивает самое главное и существенное. Если это так, то в афористическом замечании В. В. Розанова не содержится столь уж большого преувеличения:

Есть история говоров, шумов, событий...
И есть история молчания —
Того, о чем было промолчано.
И эта-то — главная,
А та — так себе*.

Разумеется, обнаружить то, «о чем было промолчано», можно только посредством анализа сказанного, засвидетельствованного, зафиксированного. Именно поэтому письменные источники, в том числе произведения культуры, остаются важнейшими для обнаружения устойчивых способов мышления и чувствования. Однако использование источников не предполагает слепого доверия к ним. Напротив, оно требует целенаправленных усилий по реконструкции на их основе искомых структур мышления и чувствования, то есть того, что нами понимается как общероссийский национальный характер. Такая реконструкция должна учитывать самые разнообразные факторы, способные повлиять на то, как нами воспринимается содержание источника — документа или произведения культуры. Опираясь на них, мы должны обнаружить те мысли-

* *Розанов В. В.* 1915 год. В кн.: Русская идея. М., 1992. С. 284.

тельные структуры, которые характерны не для автора документа, не для того, кто «владеет словом», а для всех людей данного сообщества.

Следует учесть, что владеет публичным словом, как правило, незначительное меньшинство — журналисты, писатели, политики, общественные деятели, мыслители, священнослужители и т. д., тогда как остальные люди обычно принадлежат к «молчаливому большинству». Но ведь национальный характер — это именно то, что характерно как для меньшинства, так и для большинства. Поэтому привилегией в рассматриваемом отношении не обладают принадлежащие ни к тому, ни к другому. Главный вопрос заключается в том, насколько правомерно распространение результатов изучения продуктов творчества меньшинства на всех — на то, что инвариантно для всех представителей данного сообщества. Картина, которая рисуется публично говорящим меньшинством, не может не отражать особенностей взгляда сравнительно узкого круга людей, а также индивидуальных особенностей авторов произведений. Следовательно, необходимо отдавать себе отчет в том, что перед исследователями национального характера стоит сложнейшая задача, связанная, в частности, с тем, чтобы суметь прорвать своеобразный «заговор молчания о главном». Поэтому анализ произведений — сам по себе исходный и важнейший компонент изучения национального характера — должен сопровождаться рассмотрением под особым исследовательским углом не одной, а целого ряда сфер общественной жизни. Вообще говоря, искомые инварианты могут быть обнаруживаемы повсюду, в самых различных проявлениях цивилизации, поскольку по самой своей природе они суть то, что придает данной цивилизации внутреннее единство, поэтому зримо и незримо присутствуют в самых разных ее проявлениях. Инварианты характера цивилизации наиболее отчетливо выражаются в присущих ему *образах* или *моделях*. Именно на пути выявления и описания данных образов и моделей (в первом приближении эти термины могут рассматриваться в качестве синонимов), а не на пути теоретически невозможного раскрытия всего многообразия индивидуальных характеров людей и бесконечного многообразия мира человеческой психики возможно изучение характера цивилизации.

Образ (или модель) может обладать исключительной устойчивостью и длительностью существования. При том что реальное поведение людей, как правило, отклоняется от идеала, зафиксированного в образе, и успевает неоднократно измениться, оно может не переставать оцениваться с позиций образа. Именно поэтому присущая цивилизации культура стремится публично осудить те явления жизни, которые противоречат ее глубинным ценностным установкам.

Следовательно, в образе запечатляется не просто идеал, а наличествует также своеобразная ценностная шкала, в соответствии с которой оценивается поведение людей и явления жизни.

Образы выражают устойчивую структуру мировосприятия, а не его идеологическое содержание. Поэтому они могут определять одинаковость структуры личности (то есть индивидуального характера) и глубинной ценностной ориентации у носителей различной или даже противоположной политической идеологии, представители которой оказываются по разные стороны политических баррикад. Возможно, гражданские конфликты (например, гражданская война 1918—1920 гг. в России) принимают столь ожесточенные формы именно потому, что в них сталкиваются структурно одинаковые, но противоположно направленные мировоззрения.

К числу образов, так или иначе зафиксированных в культуре той или иной цивилизации, можно отнести образы хозяйственной деятельности и экономического поведения, государственной власти, земли и сельского хозяйства, образ жизненного пути человека, жизни и смерти, взаимоотношений мужчины и женщины, образ мира и вселенной и места человека в ней и другие. Образы — независимо от того, осознаются они или нет, оказывают ли они определяющее воздействие на поведение людей или последнее находится в трагическом разладе с ними, — выражают «черты вечности» соответствующей цивилизации, ее культурно-генетический код. Черты вечности — это, разумеется, не то, что остается мертвенно-неподвижным, а то, что существует вопреки переменчивому времени, вопреки исторически изменчивому и стремительно преходящему.

Самый главный ресурс цивилизации — ее народ, а самое важное качество народа — его жизненная сила, основанная на понимании единства исторической судьбы и совместного будущего, сила, зреющая и растущая вместе с историческим развитием цивилизации. Наиболее полно она концентрируется в характере народа, в его устойчивых психологических чертах. Можно подробно обрисовать природные условия, экономику, политику, демографию, технику и другие особенности цивилизации. Но при этом нечто важное останется непознанным — то, что лучше всего назвать «духом цивилизации». Именно поэтому во всем последующем изложении мы будем обращать пристальное внимание на особенности общероссийского национального характера, в котором в наибольшей степени как раз и реализуется дух российской цивилизации. Предварительно остановимся на тех ошибочных трактовках образа России, без развенчания которых дальнейшее продвижение окажется невозможным.

6. КАК ПОНЯТЬ РОССИЮ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О РОССИЙСКОЙ «ЭКЗОТИЧНОСТИ»

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

Эти строки Федора Тютчева сегодня цитируются часто и по самым различным поводам. Слова поэта нередко воспринимаются в качестве едва ли не классического свидетельства принципиальной необычности России, ее несопоставимости ни с какими другими странами, ее выпадения из общего миропорядка и «природы вещей», то есть всего того, что более или менее точно выражается словом «экзотичность». Однако насколько правильна такая трактовка? Во всяком случае, существует немало причин сомневаться в ее правомерности. Поэтому, не стремясь ни к восхвалению России, ни к ее уничижению, попробуем разобраться с «комплексом российской экзотичности». Начать целесообразно с более детального уяснения смысла процитированного стихотворения.

Известная идейная тенденция творчества Ф. Тютчева — протест против абсолютизма рассудочного начала. В свете этого обстоятельства следует признать, что в процитированном стихотворении Тютчева речь идет в первую очередь *об особом понимании познания* — познания как такового, познания «вообще», безотносительно к тому, на что оно направлено. Тютчев исходит из того, что нельзя ограничиваться рассудком: важно стремиться «зажить жизнью» изучаемого предмета, научиться сочувствовать и сопереживать его бытию. В противном случае познание становится формальным, иссушающим жизнь и душу и отделяющим нас от мира. Эта мысль выражена поэтом во многих стихотворениях. В одном из них он, в частности, сожалеет о том, что «Нет веры к вымыслам чудесным, / Рассудок все опустошил / И, покорив законом тесным / И воздух, и моря, и сушу, / Как пленников — их обнажил. / Ту жизнь до дна он иссушил, / Что в дерево вливала душу, / Давала тело бестелесным!..»

Говоря о России, поэт лишь применяет к проблеме ее познания метод, с его точки зрения, свойственный познанию вообще. Поэтому правильная трактовка мысли Тютчева о России невозможна вне общего контекста его творчества, прежде всего вне учета направленности этого творчества против возведения рассудка в ранг единственной познавательной способности. Эта направленность близка целому ряду течений русской мысли XIX в. Характерна она, например, для таких мыслителей, как Ив. Киреевский и А. Хомяков, с которыми Тютчев был дружен, разделял их воззрения, а нередко

выражал характерные для них идеи в стихотворной форме. В рассматриваемом случае именно это и имеет место, в чем легко убедиться, приняв во внимание особенности философского метода Хомякова. Подход Хомякова может стать своеобразным ключом к тютчевским строкам, позволяющим более глубоко расшифровать их содержание.

Хомяков полагал, что знание, размышление, рассуждение, то есть все, что может быть непосредственно сформулировано рациональным образом, не является беспредпосылочным. Фундаментальной предпосылкой всякого рационального знания является *жизнь целостного духа*. Знание (познание) есть лишь фрагмент целостной жизни духа, которая принципиально не может быть сведена к рационально-теоретическим формулировкам. Жизнь человеческого духа богаче всякого явно выраженного знания теоретического характера. Иначе говоря, подлинная полнота теоретического знания предполагает учет того контекста, который всегда остается невыраженным, скрытым и определяется непосредственной жизнью духа. Непосредственную данность душевной жизни Хомяков называет «живым знанием»: «*...знание живое в высшей степени* и в высшей степени неотразимое»*. Живое знание предшествует логическому и поставляет для него первичный материал. Оно «*не отрешено* от сознаваемой действительности, оно проникнуто ею... оно бьется всеми биениями жизни, принимая от нее все ее разнообразие, и само проникает ее своим смыслом»**. Таким образом, теоретическое познание есть прежде всего и более всего истолкование непосредственной жизни духа. Важно найти способ адекватного истолкования. Для этого недостаточно лишь строго следовать фактам, обнаруживать причинные или иные зависимости: «...нужна поэзия, чтобы понять историю».

Согласно Хомякову, исходная цельность духа есть условие мышления. Прежде чем субъект сознательным мыслительным усилием полагает себя в качестве субъекта теоретического познания, он уже присутствует в бытии на некотором первичном уровне. Это означает предшествование онтологического*** плана мыслительному (рефлексивному) — приоритет «я есть» по отношению к «я мыслю». «Хомяков убежденно и твердо прокладывает дорогу для онтологизма в учении о познании»****, — замечает известный историк русской философии В. В. Зеньковский. Таким образом, познание, независимо от того, на что оно направлено — на изучение ли природы,

---

* *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 279.
** Там же. С. 278.
*** От слова «онтология» — учение о бытии.
**** *Зеньковский В. В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 1. С. 205.

общества или человека, — всегда является процессом самопонимания. Описывая внешнее, то есть объект, субъект (человек) одновременно описывает самого себя, познает и расширяет свой внутренний мир. Следовательно, познание всегда имеет дело с категориями человеческого духа. Оно выступает не тем, что находится вне духовного общения, а является одной из форм межчеловеческого общения. Во многих отношениях оно подобно искусству, в котором невозможен чисто рассудочный путь. Всегда следует стремиться сохранить цельность духовной жизни, которую рассудочность рассекает. Именно поэтому критика абсолютизма рассудочности становится одной из важнейших тем философии А. Хомякова, как и поэзии Ф. Тютчева.

Сказанное позволяет сделать вывод, что в стихотворении Тютчева «ум», которым «не понять Россию», — это и есть то, о чем говорит Хомяков, имея в виду понятие рассудка, ограниченного схематизмом и не способного проникать в суть вещей. «Верить» у Тютчева — равнозначно формуле «постигать интуитивно», то есть непосредственно и жизненно, переживать, сопереживать и сочувствовать. «Понять» означает познавать не равнодушно, не отстраненно, а сочувственно, сопереживающе. Без сопереживания и сочувствия невозможно подлинное познание не только России, но и вообще чего бы то ни было: любой другой страны с особой культурой и духом, другого человека, природы, космоса. Такое познание ставит своей целью постижение объекта в его целостности и особенности, в его уникальности и неповторимости, а не останавливается на свойствах, объединяющих данный предмет с другими. Рассудок же действует в строго обратном направлении — он ищет «общий аршин». Поэтому «познание рассудочное не обнимает действительности познаваемого; то, что в нем мы познаем, уже не содержит первоначала в полноте его сил»*. Рассудок оперирует абстрактными категориями, стремясь подвести все богатство данности под абстрактную общность. От рассудка ускользает *особенное* — то, что отличает данный предмет от остальных. А именно особенное составляет суть предмета, поскольку является основой его бытия, оправдывает его отдельное существование. «Особенная стать» есть стержень бытия, без которого оно превратилось бы в небытие.

Абстрактная рассудочность не только не позволяет в полной мере постичь изучаемый предмет, но отрицательно сказывается на самом познающем субъекте — возникает холодная и безжизненная закрытость человеческого «я». Отношение такого «я» к окружающему миру характеризуется стеной непонимания, отчуждения. Человек теряет способность к свободному творческому поиску и к восприя-

* *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 278.

тию окружающего в живой стихии жизни. Чтобы этого не произошло, следует доверять не только рассудку, но и интуиции. Есть все основания полагать, что под «верой» Хомяков, как и Тютчев, понимает в том числе и интуицию. «Под словом «вера», — писал один из крупнейших знатоков русской философии Н. Лосский, — Хомяков подразумевает интуицию, то есть способность непосредственного понимания действительной жизненной реальности. До него слово «вера» употреблялось в немецкой философии Якоби, а впоследствии в русской — Владимиром Соловьевым»*. Заметим также, что, как показано современным исследователем, русский глагол «верить» означает мнение, основанное на добрых интуициях о мире**.

«Живая истина» не укладывается в границы лишь рассудочного познания, которое представляет собой лишь один из видов познания, не способный самостоятельно справиться с задачей познания — задачей постижения истины. Истина является также объектом интуиции или веры, но не в смысле субъективной уверенности, а в смысле непосредственной данности. Интуиция — это познание сочувствующее и сопереживающее. *Именно понимание ограниченности рассудочного познания и призыв к осознанию важности интуитивного, разумно-сочувствующего и разумно-сопереживающего постижения реальности, а не утверждение о некой особой экзотичности России и следует в первую очередь усматривать в стихотворении Тютчева.*

Одну из своих важнейших задач многие русские мыслители XIX в. видели в развенчании и обличении того, что Ф. М. Достоевский именовал «эвклидовым умом», Вл. Соловьев — «отвлеченным началом», а западноевропейские философы XX в. — «европейским нигилизмом» (М. Хайдеггер) или «высокомерием разума» (Ф. Хайек). За перечисленными терминами скрывается не что иное, как мировоззрение плоского рационализма, с позиций которого человек, общество и природа предстают не более чем подобием механизма, не заключающего в себе ничего, кроме автоматического взаимодействия чуждых друг другу частей. «Эвклидов ум» — это абсолютизация методологии классического естествознания, это убежденность в том, что наука, построенная в соответствии с принципами механики и физики, является единственным и всемогущим инструментом достижения самых заманчивых целей, вплоть до построения «земного рая». Критика плоского рационализма, намеченная в трудах мыслителей XIX в., с особой силой зазвучала в XX в., став предметом размышлений не только русских, но и западных философов и писателей. Одного этого факта достаточно, чтобы опровергнуть тезис об

---

* *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1991. С. 32—33.

** См.: *Селезнев М. Г.* Вера сквозь призму языка. // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

«экзотичности» русской мысли и для того, чтобы прекратить эксплуатацию мнимой экзотичности как в заносчиво-горделивом, так и в уничижительном для России смысле. Русская мысль и культура, при всех своих особенностях, лежат в общем и целом в русле развития европейской и мировой культурной традиции христианского ареала.

Так, с учетом современных герменевтических представлений, к примеру, упомянутая выше идея Хомякова о том, что «нужна поэзия, чтобы познать историю», выглядит не только правомерной, но и весьма значительной. Ее суть в том, что плодотворное познание не должно ограничиваться рассудочным схематизмом. Познание должно достигнуть сокровенной глубины изучаемого предмета, а при изучении человека и общественной истории — вникнуть в мотивацию людей и в их внутренний мир. Этого нельзя добиться, не обращаясь к методам, родственным методам искусства. По сути, ту же идею отстаивает один из крупнейших представителей западной философской герменевтики XX в. Х.-Г. Гадамер, когда пишет: «Науки о духе сближаются с такими способами постижения, которые лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства... Все это такие способы постижения, в которых возвещает о себе истина, не подлежащая верификации средствами науки»*. Российскую версию «понимающего» познания, которую разрабатывали Хомяков и Тютчев (как и ряд других отечественных мыслителей), можно рассматривать как прямой аналог основных идей ряда направлений западной мысли XIX—XX вв.: понимающей психологии В. Дильтея, понимающей социологии М. Вебера, современной философской герменевтики Х.-Г. Гадамера и П. Рикёра.

Неверная трактовка стихотворения Тютчева является, к сожалению, далеко не единственным способом культивирования идеи о российской экзотичности. Эти способы столь разнообразны, что едва ли обозримы в полном объеме. Поэтому в качестве примеров остановимся лишь на некоторых из тех, что являются стереотипными.

В размышлениях о российской истории стало едва ли не общим местом представление об особом *катастрофизме* нашего исторического пути. На первый взгляд действительно может показаться, что история России изобилует катастрофами (то есть войнами, революциями, периодами «смутного времени», обрывами исторической связи и т. п.) в таком грандиозном масштабе, который не свойствен истории никакой другой страны. Однако вот что пишет об истории Франции один из выдающихся ее историков Ф. Бродель: «Катастрофы образуют в истории страны зияющие провалы, похожие на те разрывы между облаками, те светлые колодцы, в которых взорам

* *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1990. С. 39.

человека, летящего на самолете, внезапно открывается земля. Катастроф и бездонных пропастей в нашей истории довольно: назовем хотя бы, чтобы не погружаться чересчур глубоко в толщу времен, годы 1815, 1871, 1914... 1940...»* А что сказать об истории Испании, которая за одно столетие, от начала XIX в. до начала XX, пережила два иностранных вторжения, распад колониальной империи и утрату колоний, три смены династий, шесть отречений монархов, пять революций, семь конституций и множество военных переворотов?! Не избежала множества значительных катастроф на своем историческом пути в общем-то ни одна европейская страна. Если же в своем обзоре мы бросим взгляд на историю стран Латинской Америки, Африки и Азии, то легко убедимся, что катастрофизм здесь просто переливает через край.

Конечно, тот факт, что другим жилось не лучше и что другие страны также страдали от исторических катастроф, отнюдь не причина для самообольщения. Но он свидетельствует о том, что особого повода считать характерной чертой России и российской истории тенденцию к катастрофам тоже нет. Такие утрированные представления российского общества не могут вести, разумеется, ни к чему позитивному для самих россиян.

Заметим, что Западу Россия кажется страной достаточно экзотической, во многом непонятной и таинственной. В свое время Н. Бердяев отмечал: «Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного человека как экзотическая пища, непривычно для него острая»**. Очевидно, что со времен Бердяева характер западного восприятия России изменился не очень значительно, к чему мы вернемся в главе «Россия в западном восприятии». Однако одно дело — западное восприятие, с которым приходится считаться как с объективным фактом, и совсем другое — наше собственное стремление культивировать российскую экзотичность. В последнем случае мы заведомо обрекаем себя на провинциальность, безропотно соглашаемся с ролью быть только лишь объектом этнографического интереса, с отсталостью и с вечной бесперспективной «гонкой за лидером». Рассматривается ли экзотичность как предмет гордости или, наоборот, как свидетельство неполноценности — не имеет с этой точки зрения существенного значения.

В отечественных научных работах о России едва ли не расхожим стереотипом стало утверждение об исключительной *противоречиво-*

---

* *Бродель Ф.* Что такое Франция? Т. 1. С. 13.
** *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990. С. 9.

сти России, русской души, народного характера, ментальности, культуры. Акцент на противоречивости России характерен для работ ряда авторов первой волны русской эмиграции, прежде всего таких мыслителей, как Н. Бердяев и Г. Федотов. Именно они заложили основы теории специфически русской противоречивости, полярности русской души. Однако справедливости ради следует отметить, что в их трактовке характерные противоречия русской жизни не превращались в род навязчивой идеи, не были доведены до такого абсурда, чтобы только ими объяснять все стороны исторического бытия России. Трактовка противоречивости и полярности Бердяевым и особенно Федотовым отличалась изяществом и утонченностью подхода. Не то у некоторых современных авторов. Нередко можно встретиться прямо-таки с нарочитым муссированием российской противоречивости. Так, в одном солидном томе, рекомендованном Государственным комитетом РФ по высшему образованию в качестве учебного пособия для высших учебных заведений, противоречивость России избрана главным концептуальным положением при рассмотрении всех сторон русской культуры. Идея противоречивости проходит, что называется, красной нитью через все разделы работы. Тезис об исключительности русской противоречивости дополняется и раскрывается в книге через множество эксплицирующих понятий, таких, как «антиномичность русской культуры», «двойничество русского человека», «бинарное строение русской культуры», «амбивалентность дикости и культурности, добра и зла». Понятие амбивалентности* связывается, в частности, с образом кентавра, который основывается на словах М. Гефтера (они были приведены нами выше), нарочито полемически заостренных, о том, что «мы — кентавр от роду». Автор пособия, видимо, не замечает, что в результате суммирования всего, что сказано о противоречиях России, под его пером рождается образ России — какого-то монстра, которому просто нет места в семействе нормальных сообществ рода человеческого. Тут уже не экзотичность, о которой мы ведем речь, а сверхэкзотичность. На фоне того, что говорится о России в этой работе, высказывания даже таких откровенных ненавистников России, как, скажем, граф Астольф де Кюстин (XIX в.) или З. Бжезинский (XX в.), выглядят почти дифирамбами.

Приведенный пример дает яркое представление о той категории литературы о России, авторы которой состязаются между собой в стремлении доказать мнимую российскую экзотичность. В этих книжках нет и намека на любовь к России, нет и боли за нее. Такого

* Амбивалентность — сочетание противоположных начал, в частности добра и зла, при одинаково равнодушном отношении и к тому, и к другому.

рода сочинения производят поистине удручающее впечатление своими потугами доказать «кентаврообразность» России.

Вместе с тем при оценке такого рода произведений следует учитывать особенности духовной ситуации постсоветской России. Эти особенности связаны прежде всего с окончательным крушением тоталитарной системы. В данной ситуации всякое суждение о России попадает в контекст недавнего прошлого и читается в рамках, в которых явно или неявно доминирует вопрос об истоках тоталитаризма, о его причинах и, следовательно, об исторической ответственности и грехах России. Вопрос об истоках советского тоталитаризма столь важен, что требует особого разговора. Мы вернемся к нему в одном из следующих параграфов настоящей главы. Предварительно лишь подчеркну, что нередко, к сожалению, случается так, что авторы, что называется, «бьют по тоталитаризму, а попадают по России».

Не будет лишним обратить внимание на то, что философ русской эмиграции И. А. Ильин, комментируя знаменитые строки Тютчева, дал их собственную краткую интерпретацию. Ее уместно привести: «Может быть, и не прав Тютчев, что «в Россию можно только верить», ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидать ее земное величие и духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить»*.

7. ПОЛЯРНО-СТРУКТУРНЫЙ МЕТОД АНАЛИЗА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Для более глубокого понимания так называемой русской противоречивости необходимо рассмотреть по меньшей мере два вопроса. Первый состоит в *мере* противоречивости: настолько ли Россия противоречива, чтобы резко выделять ее по этому основанию из общего ряда стран? Второй вопрос связан с тем, как следует интерпретировать русскую противоречивость — только лишь как историческое проклятье и основание для пессимизма? Здесь мы подходим к вопросу о *полярно-структурном методе анализа цивилизации.*

«Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, — писал Н. Бердяев, — можно, сразу же признав антиномичность** России, жуткую ее противоречивость»***. Тезис о противоречивости Рос-

---

* *Ильин И. А.* Наши задачи. М., 1992. С. 90.

** От слова «антиномия» — неразрушимое противоречие.

*** *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. С. 10.

сии мыслитель повторил и развил в целом ряде своих работ, прежде всего в таких, как «Истоки и смысл русского коммунизма» и «Русская идея». Очевидно, что противоречивость и даже антиномичность России вряд ли можно оспорить, поэтому не случайно многие авторы вслед за Бердяевым признают противоречия и полярности, присущие русской истории и культуре, российскому менталитету. Однако обратим внимание на то, что исследователь американской цивилизации отмечает: «Америка — это средоточие самых полярных значений»*. Автор называет, а затем раскрывает противоречия, свойственные цивилизации в Соединенных Штатах: «между властью и идеями, между наукой и совестью, революционным механизмом и консервативной скорлупой традиций, между массовым производством и социальным творчеством, между индивидуалистическими ценностями и коллективным действием, между капиталистической экономикой и демократическими свободами, между классовыми структурами и образом успеха и престижа в сознании американца, между элитарной властью и народным искусством, между ростом военной мощи и давлением на нее гражданского контроля, между фактом существования американской империи и образом открытого конституционного мира». Автор замечает (хотя и не останавливается на этом замечании, о чем мы скажем ниже), что в «массе подобных противопоставлений можно узреть свидетельство того, что американская жизнь несет в себе глубинный раскол»**.

Признание противоречивости истории своей страны, фактов борьбы в ней ряда противоположных сил, нередко обостряющейся до вооруженного противоречия, характерно для многих мыслителей. В ряде случаев из фактов истории делаются радикальные выводы обобщающего порядка. Характерна в этом смысле реплика Ф. Броделя: «Хладнокровный историк Марк Ферро утверждает даже, что призвание французов состоит *исключительно* в том, чтобы воевать друг с другом»***.

Очевидно, что противоречивость свойственна не только ныне существующим сообществам и государствам, но и цивилизациям, ушедшим в прошлое. Например, исследователь цивилизации средневекового Запада отмечает резкое противостояние в ней двух строев мысли — христианского и античного («языческого»). Именно это противоречие во многом определило особенности западного общества периода средневековья****.

---

* *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. С. 95.
** Там же. С. 96.
*** *Бродель Ф.* Цивилизация как длительная временная протяженность. С. 25.
**** См.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 106.

Смысл приведенных примеров состоит в том, чтобы показать, что противоречивость присуща не только России, она свойственна многим странам и цивилизациям и составляет неотъемлемую черту их бытия на всех исторических отрезках.

Тонко и глубоко подходил к проблемам русской противоречивости уже упоминавшийся нами мыслитель русской эмиграции Г. Федотов. Впрочем, его подход применим не только к России и русскому характеру, но и к анализу культурно-исторической и цивилизационной специфики любой страны. Федотов не ограничился лишь констатацией противоречивости. В труде «Письма о русской культуре» он разработал основы *структурного анализа* цивилизации. Федотов отчетливо сознавал, что причинно-следственный подход не достаточен при анализе цивилизации. Цивилизационные особенности в процессе исторической эволюции претерпевают нередко значительные изменения, в том числе и радикальные метаморфозы. Для последних характерны резкие перемены в ценностно-смысловой сфере — так что знаки меняются на противоположные: то, что прежде рассматривалось как положительное, понимается как отрицательное, и наоборот.

В качестве одного из примеров Федотов рассматривает Германию. Ценностно-смысловые ориентации немца периода 30-х годов XX в. (то есть эпохи Гитлера) полностью противоположны ценностно-смысловым ориентациям германского общества эпохи романтиков начала XIX в. Произведения первой половины XIX в. сохранили для нас «трогательный образ немца: прекраснодушного, чистого сердцем, немножко смешного в своей наивности, преданного музам и мечтам»*. Отметим, что тот же образ немца косвенно воспроизводит А. Пушкин, когда в «Евгении Онегине» рисует образ Ленского: «По имени Владимир Ленский, / С душою прямо геттингенской, / Красавец, в полном цвете лет, / Поклонник Канта и поэт. / Он из Германии туманной / Привез учености плоды: / Вольнолюбивые мечты, / Дух пылкий и довольно странный, / Всегда восторженную речь / И кудри черные до плеч».

Немец же гитлеровской эпохи, то есть 20—40-х годов XX столетия, — полная противоположность немца первой половины XIX в.: «...судороги насилия он принимает за выражение силы и манию величия — за национальное самосознание. Теперь он презирает интеллектуальный труд и живет пафосом войны. Из всего великого прошлого Германии ему импонирует только «белокурый зверь» первобытного язычества»**. Спрашивается, как совместить, как связать воедино столь противоположные образы Германии, немецкого на-

---

* *Федотов Г. П.* Письма о русской культуре / *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. В двух томах. СПб., 1992. Т. 2. С. 168.

** Там же. С. 168—169.

ционального характера? Неужели это одна и та же страна, одна и та же культура, та же самая нация?

Аналогичная метаморфоза (в структурном, а не в нравственном смысле), согласно Федотову, характерна, например, для истории Греции-Византии: «...духовный тип византийского грека настолько далек от классического, что их можно просто считать антиподами»*. Наконец, говоря о России, автор отмечает разительную перемену, происшедшую в русском национальном характере после революции 1917 года. Дореволюционный тип русскости, с которым принято связывать сострадательность, милосердие, тонкость душевной структуры, неприкаянность, стремление к духовности и пренебрежение к земным радостям, в советское время сменился на противоположный. Молодое советское поколение «с энергией и даже яростью борется за жизнь, вгрызается зубами... в горло своего конкурента-товарища... Жалость для них бранное слово, христианский пережиток. Злость — ценное качество, которое стараются в себе развивать»**. Это тип европейско-американский — «вечное пугало русских славянофилов, от которого они старались уберечь русскую землю, по-видимому, сейчас в ней торжествует»***. Замечу, что если бы Федотову довелось увидеть постперестроечных «новых русских», посмотреть постперестроечное телевидение и почитать некоторые наши газеты, то, очевидно, ему не пришлось бы делать осторожные оговорки о «первом впечатлении», которое «нуждается в проверке». Наша современная практика дает немало поводов для вывода о том, что мы даже превзошли Запад в его «западности», как понимали ее славянофилы. Установка на выгоду, рационализм, корыстолюбие, культ силы и власти, напористость и нахрапистость, граничащие с нахальством, привычка не считаться с интересами других — давно уже не редкость в российском обществе. Просто удивительно, как этого не замечают те, кто продолжает уповать на якобы «никем не превзойденную» особую русскую духовность! Впрочем, именно в этом пункте нам необходимо сделать остановку, чтобы перейти к конкретной характеристике полярно-структурного метода Федотова. Рассмотрение этого метода даст нам возможность всесторонне рассмотреть и вопрос о русской духовности.

С точки зрения Федотова, противоположные типы национального характера в действительности с наибольшим правом можно считать не отдельными типами, а двумя *крайними* характеристиками *одной и той же* народной души. «Схемой личности будет тогда не круг, а эллипс. Его двоецентрие образует то напряжение, которое

* Там же. С. 171.
** Там же. С. 165.
*** Там же. С. 166.

только и делает возможным жизнь и движение непрерывно изменяющегося соборного организма»*. Основное содержание национального характера будет в этом случае располагаться в промежутке *между* двумя крайностями и оказывается динамически подвижным, тяготея, в зависимости от различных факторов, то к одному, то к другому полюсу. Таким образом, в разные исторические эпохи более ярко в национальном характере выражается то, что ближе либо к одному, либо к другому полюсу. Сами же крайние точки (полюса) встречаются в чистом виде гораздо реже, чем содержание, располагающееся между ними и лишь *склоняющееся* в большей мере к одному из полюсов. Так, если в XIX в. в России были ярко представлены (по крайней мере, в образах и авторах произведений культуры) черты утонченной духовности и душевности, то в XX в. известное количественное преобладание получили черты брутально-волевые**. Но — что крайне важно — и первые, скорее всего, не исчезли полностью, а лишь ушли с поверхности жизни, залегли в ее глубине. Следовательно, они в принципе могут и в состоянии вернуть себе достойное место. В целом же духовный облик России и российский национальный характер есть то, что располагается в интервале между отмеченными крайностями, между полюсами. Основные черты этого характера попеременно склоняются в большей мере к одному из них, однако полностью не порывая связь с другим.

Следует отметить: Федотов нигде не говорит о том, что предлагаемый им метод полярной структуры применим только лишь и исключительно к России. Напротив, приводимые им примеры из истории различных стран наводят на мысль об универсальности метода, его применимости везде, где удается выявить соответствующие противоположности, или полюса. Для каждой цивилизации набор противоположностей будет своим, характерным именно для данной цивилизации. Именно особенности противоположностей (полюсов) и их набор определяют специфику духовного облика данной страны или, точнее, ее цивилизации.

В рамках своего метода Федотов отмечал, что при взгляде на Россию и на каждую отдельную сторону ее бытия легко обнаружить две противоположные точки зрения. Они являются выражением и проявлением в познании той же полярной структуры, которая характерна для изучаемой реальности постольку, поскольку высказывающий их является одним из ее элементов. Поэтому ученый, занятый изучением российской цивилизации, должен представлять себе обе противоположные позиции и постоянно соотносить их между собой. Характерно, что современный исследователь американской

---

* *Федотов Г. П.* Письма о русской культуре. С. 172.

** Брутальность — грубость, напористость, «нахрапистость».

цивилизации рассуждает аналогичным образом: «Вот что такое Америка», — говорит один наблюдатель американской жизни, в то время как другой ему перечит: «Нет, Америка совсем другая». И скорее всего, и то и другое представление окажется верным... С другой стороны, ни одну из предлагаемых нам картин не удастся до конца понять, не соотнеся со второй, а заодно и со всеми остальными нашими изрядно запутанными представлениями об этой цивилизации. Вот так исследование американской цивилизации превращается в исследование самой этой поляризованной структуры наших представлений, а не в поиск того единственного ключа, который мог бы раскрыть все тайны причинных связей»*.

В качестве иллюстрации (не более того) применения полярно-структурного метода рискну привести пример из российской политической жизни постперестроечного периода, точнее, конца 80—90-х годов. Одна из множества характерных для нее пар противоположностей может быть представлена фигурами В. Ампилова на одном полюсе, В. Новодворской — на другом. Обозначив в лице этих деятелей (надеюсь, они не будут в обиде, поскольку, скорее всего, отдают себе отчет в особенностях избранного ими политического амплуа) крайности политической жизни современной России, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что основной спектр политической жизни и политические воззрения большинства россиян лежат в диапазоне *между* этими крайностями. Вместе с тем в воззрениях большинства можно обнаружить нечто от Ампилова и нечто от Новодворской. Не исключено также, что под воздействием каких-либо факторов политическая жизнь страны может резко качнуться в сторону одного из полюсов. Названные деятели представляют вместе с тем два облика России, два ее предельных выражения, в жизни встречающихся не столь часто, но показывающих, в каких противоположных, но одинаково опасных направлениях российская политическая жизнь может двинуться при неблагоприятном развитии событий. Образы и символы крайностей в той или иной мере присутствуют в сознании большинства людей, в том числе и в сознании исследователей, характеризуя ту самую «поляризованную структуру наших представлений», о которой пишет американский автор.

Важный смысл полярно-структурного метода состоит в его направленности на выявление устойчивых *структур длительного действия*. Так, революционный популизм**, с одной стороны, и антигосударственный интеллигентский «демократизм» — с другой, кото-

---

* *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. С. 95.

** Популизм (от лат. «popularis» — народный) — политическая риторика, апеллирующая к народу с целью подогреть массовые настроения недовольства существующим общественным порядком и обещающая простой путь решения всех социальных проблем.

рые выше были условно ассоциированы с именами двух современных политических деятелей, не являются характеристиками только лишь России последних десятилетий XX в. Их аналоги легко обнаруживаются в политической идеологии и практике 1905—1917 гг., а также и в более ранние периоды. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить характеристики, данные «безрелигиозному отщепенству от государства» и «народопоклонству» авторами сборников «Вехи» (1908) и «Из глубины» (1918). Логично также предположить, что воззрения, ассоциируемые в постперестроечную эпоху с фигурами Ампилова и Новодворской, в скрытом виде существовали в советское время как в рядах формально разделявших официальную партийно-государственную идеологию, так и в рядах диссидентского движения. Они вновь отчетливо заявили о себе, как только появилась возможность для открытого публичного самовыражения.

Можно поражаться тому, с каким постоянством цивилизация воспроизводит характерные для нее структуры. Однако факт остается фактом и подтверждается исследованием многих, притом самых различных, обществ. Вместе с тем при сохранении «несущих конструкций», то есть структур длительного действия (абсолютных гарантий прочности которых, конечно, не существует), исторически сложившиеся локальные общества обнаруживают, разумеется, и огромный потенциал исторической изменчивости.

Как и все характерные для современной науки структурные методы, описанный выше полярно-структурный метод не претендует на причинно-следственное объяснение. Более того, само его применение свидетельствует об отказе от причинно-следственного объяснения — отказе, конечно, не полном, а частичном. Полярно-структурный метод позволяет также преодолеть опасность трактовки истории как процесса предопределенного, фатального. Обозначая крайности, исследователь оставляет окончательный выбор пути за жизнью, за историей, одновременно косвенно предупреждая об опасности. Противоположности же следует воспринимать не как нечто четко очерченное и жесткое, а скорее как что-то вроде импрессионистского намека. Вообще говоря, процесс перехода к полярно-структурному методу в науке можно сравнить с переходом искусства от натурализма к импрессионизму: проигрывая в определенности и однозначности, мы выигрываем в объемности и полноте.

8. РОССИЙСКАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ И ПРОБЛЕМА ИСТОКОВ ТОТАЛИТАРИЗМА

Таким образом, сама по себе противоречивость ничего не говорит об универсальных особенностях того или иного общества, его

культуры, менталитета, народного характера. Не предопределяет она и особенностей исторического пути. Так же как, скажем, у водителя автомобиля всегда есть возможность проехать вдоль полотна дороги, по обе стороны которой установлены ограничительные столбики, так и цивилизации при нормальных условиях находят способы существовать и двигаться в диапазоне между характерными полюсами. Иное дело, когда на пути опасный участок, кто-то толкает под руку или ослаблены внимание и самоконтроль, тогда происходит опасное приближение к обочине, чреватое катастрофой. Полюса — это не сам путь, а опасности вдоль него.

Вместе с тем широта диапазона между полюсами определяет спектр исторических возможностей данной цивилизации. «О чем же свидетельствует эта широта и поляризованность русского человека? — размышляет академик Д. С. Лихачев. — Прежде всего — о громадном разнообразии возможностей, скрытых в русском характере, об открытости выбора, о неожиданности нового, о возможности бунта против бунта, организованности против неорганизованности, о внезапных проявлениях хорошего против дурного, о внутренней свободе русского человека, в котором сквозь завесу дурного может неожиданно вспыхнуть самое лучшее, чистое, совестливое»*.

Таким образом, поляризованность, являясь фактором риска, одновременно создает и предпосылки для многообразия, богатства, многоцветия цивилизации. В массе различных противоречий можно увидеть «величайшую попытку» соединения в рамках одной цивилизации огромного множества противоречивых тенденций и направлений — таков ход мысли исследователя американской цивилизации**. Очень похоже, хотя и несколько по-иному рассуждает Ф. Бродель, акцентируя первоочередное внимание не на противоречивости, а на ярко выраженном, по его мнению, разнообразии Франции: «Имя Франции — разнообразие»***. Французский мыслитель рассматривает разнообразие в качестве интегративной характеристики, охватывающей все стороны жизни Франции на всех этапах ее истории: разнообразие — «вечная» черта облика Франции. Именно эта черта создает живописную неповторимость и особую эстетичность образа Франции. Сюда входит отчетливо выраженное разнообразие природных условий, когда за каждым новым изгибом дороги открывается совершенно неожиданная панорама. Сюда же относится и неповторимое своеобразие городов и провинций: яркие различия в образе и ритме жизни в разных регионах, со-

---

* *Лихачев Д. С.* Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992. С. 26.
** См.: *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. С. 96.
*** *Бродель Ф.* Что такое Франция? С. 23.

хранение множества местных диалектов языка и т. д. Однако разнообразие создает опасности: «Несчастье в том, что все различия — физические, культурные, религиозные, политические, экономические, социальные — накладываются одно на другое и порождают непонимание, вражду, ссоры, подозрительность, распри, гражданские войны, которые разгораются ярким пламенем, а затем затухают, — но лишь для того, чтобы при первом же порыве ветра вспыхнуть вновь»*. Разумеется, Ф. Бродель отнюдь не в восторге от склонности французов воевать друг с другом. Однако, не пытаясь закрыть глаза на характерную для французской истории интенсивность гражданских конфликтов как на своеобразную национальную отличительную черту, он уповает на то, что страна если и не научится их избегать, то по крайней мере сможет минимизировать и нейтрализовывать их отрицательные последствия.

Устойчивые характерные особенности стран, выражающиеся в известной повторяемости исторических ситуаций, в воспроизведении одних и тех же структур в совершенно разных исторических условиях, дают основание говорить о присущем данным обществам определенном *культурно-генетическом коде*. Свой код, или своя генетическая программа, присущ Франции, США, России и, разумеется, многим другим странам. Необходимо, однако, особо подчеркнуть, что не следует трактовать культурно-генетический код как некую жесткую программу, всецело и однозначно определяющую исторический путь страны. Аналогия с генетикой здесь имеет условный характер. Тем более вряд ли можно говорить о фатальной предопределенности истории страны, якобы заложенной в культурно-генетическом коде в виде предзаданного плана.

Дело в том, что понятие культурно-генетического кода связано с понятиями многообразия и противоречивости, о которых речь шла выше. Следовательно, культурно-генетический код определяет спектр возможностей или набор вариантов исторических сценариев для данного сообщества или цивилизации. Будучи выведенным не иначе как на основе анализа пройденного исторического пути, код в состоянии указать на признаки возможностей и на характер диапазона возможностей, но не в состоянии дать их полного перечня. В культурно-генетическом коде присутствуют ряд полярностей и ряд линий, промежуточных по отношению к полюсам. Так, в политической истории дореволюционной России наряду с антидемократической тенденцией легко обнаруживается огромное множество иных, в частности либеральная**. Вопрос о том, какая из них главная, как и

---

* *Бродель Ф.* Что такое Франция? С. 98.

** См., напр.: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995.

вопрос о полном перечне тенденций, мог бы быть решен только при условии, если бы история России была окончательно завершена — тогда она стала бы обозримой в целом. Однако мы живем внутри незавершенной истории, поэтому не вправе делать вид, что противоречия окончательно разрешены. Это тем более справедливо, что полярность генетического кода проявляется не только в прошлом, не только в том, что уже совершилось, но и в наших сегодняшних суждениях об этом прошлом. Одно из самых наглядных свидетельств тому — дискуссия об истоках советского тоталитаризма, явно или неявно присутствующая во многих размышлениях о России.

Как бы ни называть общественную систему, просуществовавшую в России XX в. более семидесяти лет: тоталитаризмом, коммунизмом или как-то еще, — вопрос о ее происхождении не теряет своей остроты. Две противоположные точки зрения на него просматриваются вполне отчетливо. Одна из них состоит в том, что «тоталитаризм-коммунизм» есть явление не российского происхождения; оно рождено Западом и лишь привнесено на российскую почву, навязано России. Другая точка зрения связывает тоталитарную систему исключительно с Россией, отстаивает тезис о том, что тоталитарный «ген» заключен в самой России как таковой, а Запад имеет к происхождению тоталитаризма весьма косвенное отношение или не имеет никакого отношения вовсе.

Ярким выразителем первой из названных точек зрения был, например, мыслитель русской эмиграции И. А. Ильин. Он, в частности, писал: «Советский коммунизм имеет *европейское происхождение*... Он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой капитализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное управление. В мире стал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, жестокий и безбожный *величайший лжец и пошляк мировой истории*, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства»*.

Характерно, что с этой позицией солидарны некоторые западные исследователи, хотя по понятным причинам выражают свое мнение не столь эмоционально. Крупнейший английский историк и философ Арнольд Тойнби писал: «Коммунизм есть... оружие западного происхождения. Не изобрети его в XIX в. Карл Маркс и Фридрих Энгельс, два человека с Запада, воспитанные в рейнской провинции

* *Ильин И. А.* Наши задачи. М., 1992. С. 108.

и проведшие большую часть жизни в Лондоне и Манчестере, коммунизм никогда не стал бы официальной российской идеологией. В российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там могли изобрести коммунизм самостоятельно; и совершенно очевидно, что русским и в голову бы не пришло ничего подобного, не появись он на Западе, готовый к употреблению...» «Россия рассталась со своей вековой традицией, впервые в истории переняв западное мировоззрение»*.

Одним из наиболее активных выразителей противоположной позиции явился хорошо известный у нас американский специалист по России Ричард Пайпс. С его точки зрения, устройство России неизменно было тоталитарным, и при царском режиме не в меньшей мере, чем при советском, и, таким образом, тоталитаризм в России, что называется, в крови, в генах. Аналогичной позиции придерживаются многие отечественные исследователи. Во всяком случае, высокой оценки России и ее исторического прошлого нередко избегают именно из опасения, что такая оценка может быть воспринята как скрытая или явная апология тоталитаризма.

Очевидно, что обе противоположные точки зрения являются верными, но только в *соотнесенности друг с другом*. Очевидно также и то, что мера их истинности окончательно определится не теоретическими дискуссиями ученых, а дальнейшим ходом истории. Если нам удастся в полной мере преодолеть тоталитарное наследие, то мы сможем относиться к темным сторонам российской истории как к историческому испытанию, ставшему источником жизненной силы для настоящего и будущего. Не обнаружится ли тогда, что склонность впадать в крайности при истолковании российской истории, борясь то против очернительства, то против самовосхваления, объясняется лишь неготовностью воспринять свою страну как вполне нормальную, а значит, всегда занимавшую достойное место в мировом сообществе и способную сохранить его в будущем?

9. ПОНЯТИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

По мысли испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, западные европейцы давно жили в рамках единой цивилизации, но осознали этот факт только в XX в.**.

---

* *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. С. 160.

** См.: *Ортега-и-Гассет Хосе.* Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991. С. 188—228.

Как ни покажется странным, но еще относительно недавно, в 20—30-е годы XX в., самобытники и почвенники* в Испании отказывались признать свою страну частью единой западноевропейской цивилизации. Впрочем, не только Испании, но и другим странам Европейского континента потребовалось немало времени и усилий, чтобы наконец отказаться от национальной замкнутости и, признав свое европейское родство, приступить к целенаправленному строительству общеевропейского дома. Это произошло только во второй половине XX в. и означало, что Европа осознала себя особой цивилизацией в составе мирового целого; родилась и стала воплощаться в жизнь идея Европы как единой цивилизации.

Не наступил ли в истории современной России момент, когда потребность осознания себя в качестве особой цивилизации вполне назрела? Думается, что дело обстоит именно так. Речь, разумеется, не идет о принятии какого-либо постановления или решения «сверху». Речь не может идти и о том, чтобы постоянно ссылаться на общее прошлое и продолжать заклинания о якобы вечности и неизбежности единой судьбы. Идея России как цивилизации предполагает осознанную и добровольную готовность ее народов и всех, кто считает себя россиянином, к общему (совместному) будущему.

Осознание этническими и региональными элитами — политическими, экономическими, духовными, — так же как и центром, потребности жить и развиваться в составе единого целого и есть осознание идеи России как цивилизации. Региональные и национальные элиты вольны сами решать этот вопрос, и сам факт наличия свободы выбора есть предпосылка цивилизованного, а не имперского единства. Тем самым признание России в качестве цивилизации означало бы осмысленный отказ от возврата к имперскому прошлому. Это с одной стороны. С другой — признание идеи России как цивилизации противостоит популяризации и культивированию разнообразных национальных идей, понятых в *узком смысле*. Национальная идея в непосредственном, узком значении имеет своей целью и пределом национальное государство, то есть государство, в котором доминирующим становится один из этносов (национальностей). Идея цивилизации является преодолением национальной идеи. Иначе говоря, признание России в качестве цивилизации означает, что фундаментальной идеей каждого из входящих в ее состав народов становится не создание национального государства, а идея принадлежности к России в целом.

---

* Самобытники и почвенники (от слова «почва») — сторонники самобытного пути развития, отвергающие всякие воздействия, идущие из-за рубежа, как заведомо вредные.

Идея российской цивилизации плодотворна в целом ряде отношений. Она, в частности, позволяет преодолеть те известные идейные конфликты и противоречия, которые стали в истории русской мысли камнем преткновения для мыслителей XIX в. и, к сожалению, во многом сохраняются и по сей день. В этом смысле отечественная мысль вот уже на протяжении двух столетий словно ходит по замкнутому кругу: славянофилы (почвенники) — западники, патриоты — демократы и т. д. Между тем, вступив в новое тысячелетие, человечество вынуждено подчиняться правилам игры, разительно отличающимся от тех, какие были в прошлом. Речь идет о самом выживании человеческого рода, которому неизбежно придется культивировать подходы, весьма отличные от прежних. Сегодня нет времени для того, чтобы «нянчить старые обиды». Идея России как цивилизации преодолевает порочный круг противостояния западничества и почвенничества, в частности, за счет того, что она органически связана с идеей *модернизации.*

Осмысленная и целенаправленная модернизация не является процессом уподобления Западу. Напротив, она представляет собой укрепление основ самобытного существования России, для чего привлекаются достижения Запада, — впрочем, это могут быть достижения не только Запада, но и любой страны и любого региона. Модернизация всегда выступает как отрицание собственного прошлого, известное отречение от него. Однако в процессе модернизации происходит не отказ от самобытности как таковой, а отречение от самобытности старого образца и созидание новой модели самобытности. Именно это имело место, например, в результате реформ, начатых Петром Великим, — если перестать смотреть на них сквозь призму дискуссий, уместных в XIX в., но не сегодня. Великим реформатором была заложена новая Россия, непохожая на себя в прошлом, но от этого не ставшая идентичной ни Англии, ни Франции, ни Западу в целом: Россия приступила к строительству новой модели самобытности. Петр Первый отрекся от России прошлой и, опираясь на достижения Запада, заложил основы России новой, отличной от прежней, но столь же (по-другому) непохожей на Запад. В отличие от некоторых современных реформаторов, великий преобразователь России изначально ставит перед собой не задачу уподобления Западу, а задачу превращения страны в могущественную, оснащенную самыми передовыми технологическими и иными достижениями державу. И хотя при ее решении не обошлось без крайностей слепого подражательства, поверхностного западничества, «европейничания», тем не менее вряд ли кто осмелится утверждать, что дело Петра пошло на пользу какой-то иной стране, а не России.

На протяжении своего более чем тысячелетнего существования Русь-Россия пережила ряд последовательно сменивших друг друга

цивилизаций. Однако современная российская цивилизация, то есть та, которая существует и по сей день и в рамках которой протекает наша жизнедеятельность, ведет свое начало с эпохи Петра. Вместе с тем надо подчеркнуть, что петровские реформы стали лишь самой начальной фазой рождения новой цивилизации, ее истоком. На модернизацию прошлого, то есть на становление этой цивилизации, ушло почти все XVIII столетие. И лишь к концу царствования Екатерины Второй или к началу царствования Александра Первого современную российскую цивилизацию можно считать окончательно сформировавшейся. С этого момента начинается ее развитие, продолжающееся и сегодня.

Новая цивилизация была заложена Петром в имперской форме — единственно возможной для своего времени, но принципиально не соответствующей цивилизации. Тем не менее вполне очевидно, что, в отличие от своей предшественницы — Руси Московской, — Российская империя фактически стала наследницей не одного (православно-русского), а многих и разных начал, объединяя в своем составе огромное множество народов различной культурной и религиозной ориентации. Эту черту соединения в себе многих и разных начал при постоянном стремлении сбросить имперскую форму и новых возвратах к ней российская цивилизация пронесла через последующие столетия, вплоть до наших дней.

Реформы Петра знаменовали собой начало и исток современной российской цивилизации и в том отношении, что Россия впервые отчетливо заявила о своем нежелании смириться с ролью только лишь продолжательницы и наследницы своей прародительницы — Византии. Русь Московская в подражании Византии и продолжении ее дела видела смысл своего существования. Однако подобно тому как в пору возмужания подросток решается на бунт против родителей, так и в начальный момент становления новой цивилизации происходит решительный разрыв с тем, что еще недавно казалось святым и незыблемым. Подлинные зрелость и самостоятельность не выносят посторонней опеки. И хотя бунт и отречение от родительского духовного наследия со временем сменяются более сбалансированным и взвешенным подходом, они составляют важный момент на пути осознания своей независимости, осознания готовности к самостоятельному творчеству. Россия решилась обрести собственное лицо и выступать не от чьего-то, а исключительно от своего имени. По словам выдающегося отечественного историка С. М. Соловьева (1820—1879), реформы Петра знаменовали собой начало перехода «из возраста чувств в возраст мысли»*.

---

* *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 53.

В связи со сказанным неверной представляется мысль о том, что «Россия всегда была эксплицитно ориентирована на чужую культуру. Сперва это была ориентация на Византию, затем — на Запад. Реформы Владимира Святого, ознаменовавшие приобщение Руси к византийской цивилизации, и реформы Петра I, декларировавшие приобщение России к цивилизации западноевропейской, обнаруживают принципиальное сходство: реформы эти, в сущности, аналогичны по своему характеру — меняется лишь культурный ориентир»*.

С точки зрения нашей концепции, реформы Петра I принципиально отличны от процесса введения христианства на Руси князем Владимиром. Христианизации, несколько раньше или несколько позже, подвергается в тот же период вся Европа. Закладываются основы того, что в дальнейшем собственно и будет именоваться Европой не только в географическом, но и в культурно-цивилизационном смысле. Христианская культура приходит на смену варварству или полуварварству. Принятие христианства — это период детства как Европы в целом, так и России. Реформы же Петра осуществляются на совершенно ином фоне. За их спиной длиннейший путь определенного цивилизационного развития, сложившиеся и устоявшиеся формы культурной жизни. Задача состояла не в том, чтобы начать с чистого листа, как это было в общем и целом с принятием христианства, а перестроить то, что имеет собственные культурные основания, является целостной культурной системой, гораздо более прочной, чем та, которая существовала на момент принятия христианства. Именно поэтому инициативы Петра встречают сопротивление, несравненно превосходящее то, которое было оказано инициативе князя Владимира. Реформы Петра открывают эпоху коренной модернизации, которая продолжается в течение всего XVIII в. В ходе модернизационного процесса и складывается новая российская цивилизация — современная.

Специалист по истории России XVIII в. пишет: «Я пытался найти главное, системообразующее в жизни России XVIII столетия. И постепенно я пришел к выводу, что важнейшим для русского Века Просвещения был процесс модернизации, преобразований, постепенно превращавший традиционную Русь в «Россию молодую», новую»**. Что означала модернизация, занявшая целое столетие? Она означала рождение новой цивилизации — той цивилизации, которая в основных чертах существует и сегодня и в условиях которой протекает наша сегодняшняя жизнь. Сформировавшись к

---

* *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. М., 1998. С. 5.

** *Каменский А.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 8.

концу XVIII в., а именно к концу царствования Екатерины Второй, эта цивилизация интенсивно и противоречиво развивалась в XIX и XX вв.

Если пристально всмотреться в Московскую Русь XVII в. и Россию конца XVIII — начала XIX в., то разительность перемен не может не броситься в глаза. Территория страны увеличилась в 36 раз. Россия не только вышла к Балтийскому морю (на что обычно обращается внимание в связи с деятельностью Петра), но и включила в свой состав огромные территории, примыкающие к Черному и Азовскому морям, Северный Кавказ и распространила свое влияние на Закавказье. Сибирь и Дальний Восток стали органической частью страны, хотя их завоевание было начато еще в XVII в. Территориальное расширение, в частности, означало, что в орбиту российской истории вошли народы, которые и по сей день являются ее неотъемлемой частью. В этом отношении распад СССР изменил не так уж много: представители народов, входивших в состав Российской империи, в значительном числе остаются полноправными гражданами постперестроечной России. В результате модернизации, о которой идет речь, Россия стала полиэтнической и поликонфессиональной, какой и остается до сих пор.

В послепетровскую эпоху была практически забыта идея Москвы как «третьего Рима», характерная для Московской Руси периода от Ивана Грозного до Алексея Михайловича. Эта идея составляла неотъемлемую часть государственной идеологии Московской Руси и ориентировала русское государство на роль преемницы Византии. Начиная же с послепетровского времени идея «третьего Рима» воспринималась всерьез только очень небольшой частью общества, по преимуществу церковными и околоцерковными кругами. Теперь «государство приобретает статус высшей политической и моральной ценности, и высшими доблестями становятся добродетели гражданские. Идея «Святой Руси» заменяется общественным идеалом «Великой России»*. Культура все больше и больше ориентируется на самостоятельную роль России, следовательно, предполагает осознанный отказ от роли прямой преемницы какой-либо из предшествующих цивилизаций. Общественный идеал «Великой России» составил идейный стержень послепетровской России. Он не утратил своего значения и в XIX в., и в советское время, и сегодня.

Еще в середине XVIII в. в России сохранялась система церковнославянско-русского двуязычия, о которой мало кто помнил уже в конце XVIII — начале XIX столетия. «Русские — принадлежавшие к высшему обществу и политические деятели должны были, с одной

* *Амелина Е. М.* Общественный идеал в философии всеединства. М., 2000. С. 11.

стороны, в совершенстве понимать церковнославянский язык, чтобы быть признанными соответственно их официальному статусу, с другой — им приходилось общаться на разговорном языке, чтобы быть понятыми нижестоящими по общественному положению»*. Только к концу XVIII — началу XIX в. трудами Карамзина, Грибоедова, Пушкина созданы основы литературного русского языка, который в целом остается таким же и сегодня. Современный человек без труда прочтет любой текст, относящийся к периоду от начала XIX в., тогда как более ранние тексты дадутся ему с гораздо большим трудом, а читать произведения Московской или Киевской Руси придется со словарем. Это ли не свидетельство того, что последние относятся хотя и к русской, но не к современной цивилизации, к цивилизации существенно иной?

Разительные перемены произошли к началу XIX в. в области науки, культуры и просвещения. Были заложены основы тех культурных учреждений и традиций, которые в общем и целом сохраняются по сей день. В 1724 г. была основана Академия наук, в 1755-м — Московский университет, в 1775-м — Большой театр. Упомянем и на первый взгляд малозначительные факты, касающиеся бытовых и чисто жизненных сторон человеческого существования. Жителям допетровской, Московской Руси неизвестна была картошка, появившаяся в России именно в XVIII в. Тогда же появился подсолнечник, чуть позже чай и кофе. Очень многое из того, что нам сегодня привычно и без чего мы не представляем свою повседневную жизнь, приходило в Россию начиная с XVIII в. и было совершенно неведомо в Московской допетровской Руси. Нам сегодня трудно понять, как могли древние русичи жить, например, без картошки. Очевидно, их образ жизни — а одним из важнейших элементов его является способ питания — был радикально отличным от нашего.

В ходе дальнейшего изложения мы будем постоянно возвращаться к выдвинутому выше фундаментальному тезису, подтверждая его новой информацией: современная российская цивилизация ведет свое начало от реформ Петра Великого, а ее формирование совершалось в ходе модернизации в XVIII в. Эта цивилизация интенсивно развивается в XIX—XX вв. и сохраняет свои основные черты в наши дни. Модернизация XVIII в. создала новый культурно-генетический код, в соответствии с которым Россия развивалась в дальнейшем. Этот код (если продолжить условную аналогию с генетикой) включил в себя гены новые, возникшие в процессе модернизации, и сохранил в себе часть прежних, доставшихся от Древней Руси. Вместе с тем из него выпало многое из того, что являлось неотъемлемой

* *Ефимова Н.* Ветхий Завет в контексте Божьего мира героев романа Достоевского «Братья Карамазовы» // Русская литература и христианство. М., 1997. С. 341.

частью культурно-генетической программы Руси допетровской. В разных сферах общественной жизни — что соответствует выделенным нами тематическим блокам — соотношение новых и древних элементов различно. Поэтому оно будет конкретно выясняться в ходе последующего изложения.

В каком отношении находится идея России как цивилизации к другим концепциям, имеющим своим предметом Россию как целое, стремящимся ответить на вопросы о ее сущности, исторических задачах и предназначении?

Идея России как цивилизации совместима, в частности, с «евразийским проектом для России» современного отечественного исследователя А. С. Панарина* и полностью согласуется с «идеей Новой России» И. Б. Чубайса**.

Концепция А. С. Панарина совпадает с идеей России как цивилизации в том, что решительно отвергает трактовку России как неполноценной страны, обреченной лишь на то, чтобы, отказавшись от всяких попыток сохранить самобытность и самостоятельность, всецело и слепо следовать в фарватере Запада. Как идея цивилизации в России, так и евразийский проект Панарина не отрицают значения общечеловеческих ценностей. Однако они предполагают при реформировании российского общества первоочередной учет не абстрактно-общих положений, а конкретных особенностей России, благо и процветание ее народа.

Согласно И. Б. Чубайсу, «центральная идея Новой России — идея обустройства, качественного, интенсивного роста»***. Такая постановка обосновывается тем, что возможности экстенсивного развития для России полностью исчерпаны. Исчерпаны и возможности территориальной экспансии (расширения), на которую в предыдущие периоды истории и без того было растрачено и распылено слишком много сил. Пришло время концентрации усилий, чтобы направить их внутрь страны, на ее обустройство, отказавшись от их распыления и траты, от экспансии в любом виде, — пришло «время собирать камни». Очевидно, что идея России как цивилизации вполне согласуется с данным пониманием задач современной России. Обустройство — это, разумеется, не только процесс строительства и улучшения материального бытия. Это еще и улучшение межчеловеческих отношений, отношений между классами, социальными груп-

---

* См. работы *Панарина А. С.:* Евразийский проект в миросистемном контексте // Восток. 1995. № 2; Заблудившиеся западники и пробудившиеся евразийцы // Цивилизации и культуры. М., 1995. Вып. 1; Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Там же. Вып. 2 и др.

** См. *Чубайс И. Б.* От Русской идеи к идее Новой России. М., 1996.

*** Там же. С. 97.

пами, национальностями, населением различных территорий и т. д. Это, по сути, сплочение и солидарность, в которых остро нуждается современное российское общество. Задача обустройства адекватна тем возможностям, которыми располагает сегодняшняя Россия. Вообще говоря, цивилизация на каждом историческом отрезке существования в состоянии решать лишь те задачи, которые ей по силам в данных условиях. Попытка же превышения собственных возможностей приводит к надрыву, чреватому заболеванием и саморазрушением. Именно это и произошло с российской цивилизацией в облике Советского Союза, когда непомерность взятых на себя задач привела к истощению сил и распаду.

10. ИДЕЯ РОССИИ КАК ЦИВИЛИЗАЦИИ, «РУССКАЯ ИДЕЯ» И КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА

Идея России как цивилизации не противоречит национальной идее, понятой в *широком смысле*. Именно в таком, широком смысле российская национальная идея была рассмотрена Владимиром Соловьевым (1853—1900). В мае 1888 г. он выступил в Париже с лекцией, тема которой была обозначена как «Русская идея». В лекции Соловьев поставил вопрос, который представлялся ему крайне важным для судеб отечества, — вопрос о смысле существования России в составе мирового сообщества, во всемирной истории.

Вл. Соловьев считал, что каждая нация, объединенная в соответствующее государственное целое, призвана выполнять в составе человечества определенную миссию или роль. Под нацией он понимал не этнос, не национальность, а всю совокупность людей (вне зависимости от этнической или иной принадлежности), объединенных в одном государстве. Миссия или роль нации в составе мирового сообщества и есть ее национальная идея. Каждая нация должна обрести свою идею, в противном случае существование нации и соответствующего государства неоправданно, лишено высшего смысла. По Соловьеву, национальная идея — это задание, данное Богом, это долг народа, объединенного в государстве перед Богом. Одновременно это вклад, который нация призвана внести в сокровищницу общечеловеческих достижений. Национальная миссия тем более высока и значительна, чем более она способствует достижению общечеловеческого единства и согласия, предотвращению международных раздоров и конфликтов, способствует процветанию человечества.

Согласно Соловьеву, историческая миссия России связана с задачей усиления в мире роли христианства и христианских ценностей в противовес варварству и обскурантизму. Он полагал, что

мощь российского государства следует использовать не для узконациональных целей, а в пользу христианизации человечества. Россия, как одно из крупнейших христианских государств, должна стать инициатором и главной опорой духовного объединения христианских стран. По мнению Соловьева, в этом и состоит «русская идея»: «Христианская Россия... должна подчинить власть государства... авторитету Вселенской Церкви и отвести подобающее место общественной свободе... Русская империя, объединенная в своем абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн. Русская империя, пожелавшая служить Вселенской Церкви и делу общественной организации... внесет в семейство народов мир и благословение»*.

Разрабатывая проект национальной идеи, Соловьев преследовал цель наметить такой путь для России, который избавил бы страну от опасностей революционных и иных социальных потрясений. С его точки зрения, для этого необходимо, в частности, раз и навсегда покончить с высокомерным отношением к Западу, с неоправданным противостоянием ему. Напротив, следует предпринять усилия для налаживания взаимопонимания и сотрудничества на основе общих христианских ценностей. Необходимо также отказаться от самонадеянных и гордых притязаний на обладание абсолютной религиозной истиной — такие притязания, по мнению Соловьева, были характерны для современной ему русской православной церкви, которая вела политику жесткого противостояния церквам западным — римско-католической и протестантской. Во внешней политике следует избегать завоевательских тенденций. В частности, пора отказаться от давно изжившей себя и нереалистической идеи завоевания Константинополя (такая идея была популярна в некоторых кругах российской общественности), а также от идеи объединения всего славянского мира под эгидой России.

Разумеется, в современных условиях разработка Соловьева представляет скорее исторический, чем актуальный политический интерес. Она примечательна как первый опыт постановки вопроса о долговременных и перспективных задачах страны на международной арене. Вместе с тем следует учесть, что подчеркнутые Соловьевым важность и значение долговременных перспектив вполне оправданны. Характерно, что и в XX в. мыслители многих стран и политики из числа мыслящих и дальновидных не отказались от поисков национальной идеи, как понимал ее Владимир Соловьев. Так, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в 30-е годы сформировал и обосновал национальную идею для Испании как задачу тесной интеграции в западноевропейское сообщество наций. Он противопо-

* *Соловьев В. С.* Соч. В двух томах. М., 1989. Т. 2. С. 245.

ставил свое понимание «испанской идеи» тем взглядам, которые отстаивали изоляцию Испании от остальной Европы. Испанские почвенники полагали, что Испания столь своеобразна и не похожа на остальную Европу, что никогда не сможет стать ее органической частью, во всяком случае, без утраты национального своеобразия. Сегодня можно смело констатировать, что задача, поставленная Х. Ортегой-и-Гассетом, Испанией успешно решена, при том, конечно, что испанское культурное своеобразие сохраняется и приумножается. Для Соединенных Штатов Америки современная национальная идея сформулирована в 70-е годы государственным секретарем Сайрусом Вэнсом: «осуществление в мире революции свободы». С позиций этой идеи главная миссия США на международной арене состоит в распространении и пропаганде либерально-демократических ценностей, в борьбе с тоталитарными и террористическими режимами, в защите прав человека.

В 1996 г. президент Б. Н. Ельцин обратился с призывом о разработке национальной идеи для России. В связи с этим официальным печатным органом «Российская газета» был объявлен конкурс на лучшую идею для России. Был даже дан срок в один год. И сам призыв, и организованное газетой обсуждение носили в значительной мере формальный характер. Как и следовало ожидать, при столь формальной постановке вопрос о «российской идее» выродился в краткосрочную политическую кампанию, никак не повлиявшую на реальную политику российской власти. Тем не менее надо отметить, что в ходе развернувшегося обсуждения было высказано немало интересных предложений. Дискуссия стала хорошим поводом для того, чтобы посмотреть на судьбу России не с позиций непрерывно меняющейся политической конъюнктуры, а в глобальном масштабе и с точки зрения долговременной перспективы. Вместе с тем стало очевидно, что уяснение «российской идеи» предполагает в качестве необходимого условия более глубокое и всестороннее знание особенностей России. Необходимо серьезно задуматься над вопросом «Что такое Россия?» и постараться найти на него обстоятельный ответ. В противном случае всякий проект «российской идеи» останется не более чем умозрительной конструкцией, оторванной от реальной жизни российского общества. Таким образом, долгосрочная миссия современной России в составе мирового сообщества государств должна быть сформулирована не иначе как обобщающий итог характерных особенностей России, ее устойчивых цивилизационных черт, отличающих ее от иных цивилизаций Запада и Востока. Не менее важным является еще один аспект. Он связан с концепцией евразийства.

Годом рождения евразийства принято считать 1921-й, когда четверо молодых русских интеллигентов: князь Николай Сергеевич

Трубецкой, Петр Николаевич Савицкий, Петр Петрович Сувчинский и Георгий Васильевич Флоровский — выпустили в Софии коллективный труд под названием «Исход к Востоку». В 20—30-е годы евразийство стало заметным интеллектуальным явлением и привлекло многих сторонников из числа русских эмигрантов в Европе. Среди тех, кому были близки идеи евразийства, следует назвать таких авторов, как историк Георгий Владимирович Вернадский (сын выдающегося естествоиспытателя академика В. И. Вернадского), философ Лев Павлович Карсавин, лингвист Роман Осипович Якобсон и др.

Одну из заслуг евразийского движения можно усмотреть в том, что его представители в своих работах сумели выявить множество черт России, отличающих ее от цивилизаций как Запада, так и Востока. В их концепции отчетливо выражена мысль, что Россия представляет собой особый природно-культурный мир, определяемый прежде всего своеобразием географического положения. Он соединен в единое целое природно-ландшафтными особенностями территории, а также этнокультурными особенностями народов, издавна населяющих эту территорию. Россия ни в каком смысле не является ни только Европой, ни только Азией. Россия есть Евразия. «Русские люди и люди народов «Российского мира», — писал в программном заявлении Н. С. Трубецкой, — не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родной и окружающей нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя — евразийцами»*. Ареал русской культуры есть «особая зона», в которую, «кроме русских, входят еще некоторые угрофинские инородцы, вместе с тюрками волжского бассейна. С незаметной постепенностью эта культура на востоке и на юге соприкасается с культурой степной (тюрко-монгольской) и через нее связывается с другими культурами Азии. На западе имеется тоже постепенный переход (через белорусов и малороссов) к культуре западных славян, соприкасающейся с романо-германской, и к культуре «балканской»**.

Одной из коренных идей евразийского учения является идея о «сокровенном сродстве душ» народов, населяющих Евразийский материк, то есть Россию. Из этой идеи прямо следовал вывод, что все российские народы обречены самой судьбой навеки жить вместе в рамках единого государства. «Сродство душ», то есть, по сути, то же, что впоследствии у Льва Гумилева получило название комплементарности, якобы выступает как необходимое условие объединения народов России в единую целостность. Такое сродство душ, со-

---

* *Трубецкой Н. С.* Вступ. статья в сб. «Исход к Востоку» // Пути Евразии. М., 1992. С. 316.

** Исход к Востоку. С. 96—97.

гласно концепции евразийцев, имеет место между русским народом и народами тюркскими, кавказскими, монгольскими, кочевыми народами степи. Сродство душ было показано евразийцами на анализе множества примеров культуры, искусства, особенностей языков народов России. Ученые евразийского направления обратили пристальное внимание на те факты, которые порой оказывались под рукой, но им никто не придавал особого значения. Евразийцы истолковали их в пользу того, что не только в России в целом, но и в самом русском народе исключительно силен азиатский элемент.

Например, многие русские народные песни составлены в так называемой пятитонной гамме, характерной для музыки тюркских и финских племен волжского бассейна, а также для монголов, но совершенно нехарактерной для народов Западной Европы. В отличие от западноевропейских танцев, русский народный танец не имеет в своей основе танцующую пару (мужчину и женщину), а представляет собой разнообразное сочетание элементов. Многие из этих элементов в значительной степени присущи танцам восточных финнов, монголов, тюркских и кавказских народов. Исключительно тесные связи с индо-иранским Востоком были обнаружены в русском языке. В характере русского народа евразийцами были отмечены некоторые черты, которые присоединяли его к Востоку, такие, как склонность к созерцательности, приверженность к обряду. Особо была отмечена удаль — добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романо-германцам, ни остальным славянам.

Многие достижения евразийской концепции будут нами привлекаться в ходе дальнейшего изложения. Заслугу этой концепции можно, в частности, усмотреть и в том, что в ее рамках азиатские элементы российской культуры и Азия в целом решительным образом перестают рассматриваться в качестве того, что выступает синонимом отсталости и варварства. Отождествление прогресса и цивилизованности с Европой (Западом), отсталости и варварства — с Азией было свойственно большинству направлений русской дореволюционной мысли. Это отождествление унаследовали В. И. Ленин и другие видные большевики, видевшие одну из своих важнейших задач в бескомпромиссной борьбе с «азиатчиной». Под «азиатчиной» понимались почти все элементы прежнего бытового уклада, особенно крестьянского. К сожалению, и у многих современных «демократов» азиатские черты культурного облика русского и других народов России вызывают не меньшую досаду и раздражение, рассматриваются как помеха на пути к «светлому» — на этот раз капиталистическому — будущему. Между тем современные реформы, немыслимые, конечно, без усвоения западного опыта, отнюдь не предполагают тотального разрушения всего отечественного, в том числе элементов отечественной культуры азиатского происхожде-

ния. Саму же по себе принадлежность к Азии, конечно, нельзя рассматривать как «антипрогрессивную», как приверженность дикости и отсталости.

Для цивилизации, в том числе и российской, отнюдь не обязательно, чтобы «все души были скроены на один лад». В состав цивилизации могут входить народы с самым различным психологическим складом и культурой. Об этом свидетельствует опыт цивилизационного развития в XX в. С этой точки зрения мысль о «сродстве душ» следует оставить для узкого круга общения. Идея России как цивилизации предполагает свободный выбор совместного будущего, осуществляемый народами и отдельными личностями при каждом новом повороте истории. Только свободный выбор общей судьбы, общего будущего, а не мистическое «сродство душ» может служить реальной основой цивилизации.

При всех достоинствах евразийской концепции следует отметить, что вызывает большие сомнения само определение России как Евразии. Термин «Евразия», с присущей ему двусмысленной «гибридностью», способен не только прояснить, но и затемнить суть российской цивилизации. Дело ведь не в том, из каких элементов складывается цивилизация (хотя это, разумеется, имеет значение), — главное состоит в способе взаимосвязи этих элементов. Европейские и азиатские начала, конечно, присутствуют в составе российской цивилизации. Но вся суть в том, что европейское и азиатское внутри России далеко не то же самое, что вне ее. Внутри России они приобретают иной вид, специфическую российскую окраску. Важно не только то, что Россия является частью Европы и Азии, но и то, что она не является ни Европой, ни Азией, взятыми в их чистом виде: Россия есть нечто третье. Образ жизни и мыслей в России никогда не был и в обозримом будущем не будет ни чисто европейским, ни чисто азиатским, ни простой суммой двух начал; психологическая структура россиянина, независимо от его этнической и иной принадлежности, никогда полностью не совпадет с психологической структурой европейца или представителя какого-либо из азиатских регионов, например Ближнего Востока, Китая, Индии или Японии; политическая и экономическая система в России никогда не была и не будет целиком идентична ни одной из политических и экономических систем Европы или Азии. А что говорить о природно-географических и климатических условиях, об очертании территории, местоположении и многом другом, что присуще России и не присуще в данном сочетании никакой другой стране!

Перечисление составных элементов вообще немного дает для характеристики той или иной цивилизации. Что бы дало для понимания, например, американской цивилизации квалифицирование ее в соответствии с ее составляющими: «европейско-африканско-индейс-

ко- и т. д. цивилизация»? Конечно, весьма заманчиво найти однозначный термин, точно выражающий суть той или иной цивилизации, или хотя бы лаконичное выражение, раскрывающее содержание данной сути. Однако это удается далеко не всегда. Так, если выражение «исламская цивилизация» прямо указывает на принцип, лежащий в ее основе, то, например, выражение «западная цивилизация» ничего не говорит о подобном принципе, хотя, несомненно, имеет смысл. Западную цивилизацию нередко принято характеризовать как «прометеевскую» или «фаустовскую», что тем не менее требует дальнейших пояснений. Точно так же и суть российской цивилизации едва ли поддается короткому определению, а требует обстоятельного исследования и осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

Амелина Е. М. Общественный идеал в философии всеединства. М., 2000.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1991.

Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX—XX века // О России и русской философской культуре. Под ред. М. А. Маслина. М., 1990.

Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.

Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1994. Т. 1—2.

В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков / Составитель Н. Г. Федоровский. М., 1997.

В раздумье о России. XIX век / Отв. ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1996.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

Дорофеев В. Энциклопедия русской души. М., 1999.

Зеньковвский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1.

Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.

Ильин И. А. Наши задачи. М., 1992.

«Исход к Востоку» // Пути Евразии. Составление, вступит. статья, комментарии И. А. Исаева. М., 1992.

Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. М., 1997.

Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.

Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. М., 1992. Т. 1—2.

Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992.

Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—XIX века). СПб., 1994.

Неизбежность империи. М., 1996.

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991.

Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Руководитель авторского коллектива Д. С. Львов. М., 1999.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.

Россия в актуальном времени-пространстве / Под ред. Ю. М. Осипова, О. В. Иншакова, М. М. Гузеева, Е. С. Зотовой. М.—Волгоград, 2000.

Панарин А. С. Евразийский проект в миросистемном контексте // Восток. 1995. № 2.

Панарин А. С. Заблудившиеся западники и пробудившиеся евразийцы // Цивилизации и культуры. М., 1995. Вып. 1.

Панарин А. С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры. Вып. 2. М., 1996.

Перепелкин Л. С. К вопросу о модернизации России // Мир России. Социология. Этнология. Культура. 1993. № 1. Т. 2.

Селезнев М. Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996.

Соловьев В. С. Русская идея / Соч. В 2 т. М., 1989. Т. 2.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.

Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Составитель Б. С. Ерасов М., 1999.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1996.

Федотов Г. П. Письма о русской культуре // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.

Франк С. Духовные основы общества. М., 1992.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1.

Чубайс И. Б. От Русской идеи к идее Новой России. М., 1996.

Шаповалов В. Ф. «Восстание масс» по-российски // Свободная мысль. 1993. № 12.

Шаповалов В. Ф. Неустранимость наследия // Общественные науки и современность. 1995. № 1.

Шаповалов В. Ф. Археология гуманитарного знания и образы России // Общественные науки и современность. 1995. № 3.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Разъясните смысл понятия «локальная цивилизация». Кто явился основателем теории локальных цивилизаций? В трудах каких ученых она получила дальнейшее развитие?

2. Какие поправки вносит современная теория локальных цивилизаций в концепции ее основателей?

3. Почему теория локальных цивилизаций не получила распространения и развития в советской общественной науке?

4. Почему цивилизация в большинстве случаев является сверхэтническим образованием? Как соотносятся этнические черты характера представителей цивилизации со сверхэтническими чертами? Обязательно ли цивилизация подавляет этническое начало?

5. Охарактеризуйте основные подходы к изучению цивилизации. Почему ни один из этих подходов не в состоянии обеспечить всестороннее изучение цивилизации?

6. В чем преимущества тематического подхода? За счет чего в нем достигается концептуальность?

7. На чем основывается в первом приближении единство цивилизации? Почему общение людей в рамках цивилизации не может быть наделено теми качествами теплоты, взаимного внимания и любви, которые характерны для общения близких людей? Почему для существования цивилизации тем не менее важны элементы взаимопонимания и доверия?

8. Почему понятие «народный характер» не теряет своей актуальности?

9. Из чего складывается общероссийский национальный характер?

10. Каков смысл понятий «менталитет» («ментальность»), «способы чувствования», «народный характер», «образ (или модель) поведения»?

11. Какой смысл вкладывал Ф. Тютчев в стихотворение «Умом Россию не понять...» и др.? Как связаны идеи Тютчева с философским методом А. Хомякова?

12. Почему без сочувствия и сопереживания невозможно подлинное постижение реальности?

13. Каковы основные способы культивирования идеи о российской экзотичности? В чем несостоятельность и опасность этой идеи?

14. Почему имперская форма в современных условиях не адекватна цивилизации?

15. В чем актуальность проблемы истоков тоталитаризма для познания России?

16. В чем сущность полярно-структурного метода анализа цивилизации? Почему причинно-следственные отношения не исчерпывают всего многообразия и сложности цивилизации?

17. В каком смысле идея России как цивилизации является преодолением национальной идеи?

18. Что означает национальная идея, понятая в широком смысле? В произведениях каких русских философов впервые обстоятельно и глубоко разработана российская национальная идея?

19. Каково соотношение идеи России как цивилизации и концепции модернизации?

20. Приведите аргументы, подтверждающие, что современная российская цивилизация ведет свое начало от эпохи Петра Великого, а завершение ее формирования относится приблизительно к концу царствования Екатерины Второй.

21. В чем сходство и в чем различие между идеей России как особой цивилизации и концепцией евразийства?

Глава 2

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. *Важнейшие природно-географические особенности российской цивилизации.*
2. *Российская цивилизация — «организм природы и духа»?*
3. *Российский опыт освоения новых территорий.*
4. *Природно-географические условия и народный характер.*

1. ВАЖНЕЙШИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Все цивилизации являются в некоторой степени результатом географических факторов, — писал Георгий Вернадский, — но история не дает более наглядного примера влияния географии на культуру, чем историческое развитие русского народа»*. Особое значение природно-географических факторов для развития России связано с самим их характером, то есть с природными особенностями того географического пространства, на котором протекала и в целом продолжает протекать история России. Представители евразийского движения назвали его *Евразией*.

В географическом понятии Евразии прежде всего подчеркивается, что с точки зрения *природных* факторов деление территории России на европейскую и азиатскую части неоправданно и лишено всякого смысла. Евразия представляет собой целостную природную систему, в составе которой европейская и азиатская части не имеют сколько-нибудь заметной границы, являясь непрерывным продолжением одного и того же природного комплекса. Уральский хребет, избранный в качестве географической границы между Европой и Азией, в действительности не является естественным рубежом, имеющим сколько-нибудь существенное значение. Задолго до ев-

---

* *Вернадский Г. В.* Русская история. М., 1997. С. 12.

разийцев на искусственность границ между Европой и Азией указывал Н. Я. Данилевский. Имея в виду Уральский хребет, он писал: «Хребет этот по вышине своей — один из ничтожнейших, по проходимости — один из удобнейших; в средней его части, около Екатеринбурга, переваливают через него... спрашивая у ямщика: да где же, братец, горы?.. Далее... честь служить границей двух миров падает на реку Урал, которая уже совершенно ничто. Узенькая речка, при устье в четверть Невы шириной, с совершенно одинаковыми по ту и другую сторону берегами. Особенно известно за ней то, что она очень рыбна, но трудно понять, что общего в рыбности с честью разграничивать две части света»*.

Разумеется, слова Данилевского и идея единства Евразии — не повод для того, чтобы оспаривать ставшие общепринятыми границы между Европой и Азией. Важно лишь отдавать себе отчет в их условности и не приписывать линии, условно и достаточно произвольно проведенной на карте, значения реального естественного рубежа. Ни Уральский хребет, ни река Урал в действительности не разделяют географическое пространство на две различные природные территории. Напротив, в своих основных характеристиках эти территории во многом совпадают, являются взаимным продолжением. В действительности приходится констатировать, что существует *громадная специфическая область* в центре Евразийского континента. Она состоит из соединенных между собой равнин. Эта громадная область делится на несколько вытянутых по широте полос, которые отличаются друг от друга в первую очередь вегетационными периодами развития растений, характером и плодородием почв.

Самую северную полосу представляет протянувшаяся вдоль арктического побережья *тундра* — холодная, безлесная и малопригодная к обработке земля. Сразу же за ней, южнее лежит полоса *густых лесов*. Ее нижняя граница начинается к югу от Карпат и проходит приблизительно по линии Киев — Казань — Тюмень — Алтайские горы и далее вдоль южной границы монгольских степей и пустынь. Следующая третья полоса — полоса *степей*, идущая с запада на восток вдоль почти всего Евразийского континента. Степи — это обширные равнины плодородной черной земли (чернозема). Наконец, последняя, четвертая полоса — Арало-Каспийская и Монгольская *пустынные зоны*.

Одна из важнейших особенностей рассматриваемой территории, ставшей ареной развития российской цивилизации, состоит в отчетливо выраженной *континентальности*. Континентальность — это удаленность от морского побережья, способного служить надежной гаванью для осуществления морских контактов всемирного масшта-

* *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 56—57.

ба. В рамках географического пространства российской цивилизации возможностями для таких контактов располагают побережья Балтийского, Северного и Черного морей, а на Дальнем Востоке — побережье Охотского и Японского морей. Однако нетрудно видеть, что основная часть территории располагается на значительном удалении от морского побережья. По степени удаленности от морей географическое пространство российской цивилизации не имеет себе равных в мире, за исключением, возможно, внутренних районов Китая. Не случайно, А. Тойнби относит как китайскую, так и российскую цивилизации к цивилизациям континентального типа*.

Континентальные цивилизации существенно отличаются от морских. Для морских цивилизаций характерна близость всей территории или, как минимум, ее основных центров к морскому побережью. В связи с этим значительная часть торговых путей проходит через моря и лишь относительно небольшая осуществляется сухопутно. Типично морской цивилизацией является, например, британская. Заметим, что британцы (англичане) отдают себе полный отчет в морском характере своей цивилизации. Об этом свидетельствуют хотя бы слова британского гимна: «Торжествуй, Британия, владычица морей!» В значительной степени морскими являются цивилизации США, Испании, Португалии и других стран.

В условиях отдаленности основной части территории России от морского побережья особое значение приобретают *реки*. Они связывают российскую территорию по преимуществу в меридиональном отношении: только одна из величайших рек России, Амур, течет в широтном направлении. Реки способствуют развитию внутренней торговли. Не случайно крупнейшая всероссийская торговая ярмарка расположена в Нижнем Новгороде, городе, занимающем выгодное положение в средней части Волги. Реки сыграли огромную роль в территориальном расширении страны, о чем подробно речь пойдет ниже (см. п. 3 настоящей главы). Река нередко выступает в роли кормилицы, источника продовольствия (рыбы, икры и других продуктов), что особенно важно в условиях неустойчивого земледелия, характерных для российского климата. Значение реки вообще трудно переоценить. Так, Петр Великий, приступив к созданию морского флота, приказал набирать для него матросов и морских офицеров из числа жителей речных побережий, справедливо полагая, что именно для них морская наука окажется наиболее доступной и притягательной. Например, один из выдающихся русских флотоводцев адмирал Ф. Ушаков был выходцем из речного села Бурнакова, расположенного на Волге, недалеко от города Рыбинска**.

---

* См.: *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991. С. 106.

** См.: *Овчинников В.* Адмирал Ушаков. М., 1998. С. 17—28.

Несомненно, особую роль в России играла и играет Волга. Не случайно, в народе она получила ласковое и уважительное наименование «Волга-матушка». В. Розанов назвал ее «русский Нил», имея в виду значение, которое имел Нил для цивилизации Древнего Египта. Розанов писал: «Русским Нилом» мне хочется назвать нашу Волгу. Что такое Нил — не в географическом и физическом своем значении, а в другом, и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? «Великая, священная река», подобно тому как мы говорим «святая Русь»... Нил, однако, звался «священным» не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за то огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну. Но и Волга наша издревле получила название «кормилицы». «Кормилица-Волга»... Так почувствовал ее народ в отношении к своему собирательному, множественному, умирающему и рождающемуся существу. «Мы рождаемся, умираем как мухи, а она, м а т у ш к а (разрядка Розанова. — *В. Ш.*), все стоит (течет)» — так определил смертный и кратковременный человек свое отношение к ней — как к чему-то вечному и бессмертному, как к вечно сущему и живому...»*

Другой особенностью российской территории является *отсутствие каких-либо отчетливо выраженных рубежей естественного происхождения*, которые можно было бы принять в качестве государственных или хотя бы, за редким исключением, административных границ. Во всех направлениях она является почти сплошной равниной, не пересекаемой сколько-нибудь значительными горными цепями с непроходимыми ущельями и опасными перевалами. В связи с этим защита российских границ (где бы они ни проходили в различные периоды истории) всегда была трудной задачей. Крупнейший русский историк С. М. Соловьев отмечал: «Враги со всех сторон, а границы открыты, нет гор, которые бы окружали страну и защищали ее, надобно жителям защищаться грудью; нападет неприятель нечаянно, осилит, одно убежище — в лесах; у других народов, у немцев, французов, англичан, итальянцев, испанцев, — горы, можно построить крепость на высоком неприступном месте, крепость каменную, камня много в горах; а у нас нет гор, камня мало, дома деревянные...»** На всем описываемом пространстве можно передвигаться, не встретив на своем пути того, что бы отчетливо указывало на естественный рубеж, отделяющий один природный мир от другого. Как мы уже отметили, Уральский хребет — единственная крупная возвышенность на всем пути с запада на восток — в силу

---

* *Розанов В. В.* Русский Нил / Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 526.

** *Соловьев С. М.* Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992. С. 191.

своих особенностей не воспринимается в качестве отчетливого рубежа, служащего границей различных миров: природа Зауралья является непосредственным продолжением природных зон европейской части.

Сторонники евразийской концепции справедливо указывали *на роль степи* как своеобразного соединительного моста, сплачивающего всю рассматриваемую территорию в широтном направлении. При том что почти все реки текут вдоль меридианов — с севера на юг или с юга на север, степь позволяет легко передвигаться по широте. Именно степь позволила в далеком прошлом монголо-татарам столь далеко продвинуться с востока на запад: двигаясь по степям, монгольская конница легко преодолевала огромные пространства, что гораздо труднее было бы сделать при движении по лесным чащобам. Столь же значительную роль степь сыграла в распространении русских на восток. Во многом именно наличие степи способствовало расширению российского государства в восточном, южном и юго-восточном направлениях. Бескрайность степных просторов, открывающиеся взору широкие горизонты, особая атмосфера и запахи степи оставляют неизгладимое впечатление. Особенности степи, несомненно, выступают фактором, оказывающим влияние на российский характер и менталитет. Не случайно образ степи нашел свое выражение во многих произведениях литературы. Так, А. П. Чехов в повести «Степь» размышляет о богатырском размахе русской степной дороги, которой к лицу были бы «громадные, широко шагающие люди». Не только степная зона, но и в целом почти вся территория России имеет *равнинный* характер. «Россия до того равнинная страна, — писал в присущей ему полуиронической манере В. В. Розанов, — что, всю жизнь живя и даже совершая большие поездки, можно все-таки не увидать ни единой горы по самый гроб свой. Для такого переутомленного равнинностью соотечественника правый «гористый» берег Волги правда кое-что представляет. Но для каждого, кто доезжал до Урала, бывал на Кавказе, в Финляндии, и тем более кто видал Тироль или Альпы, «гористый» берег Волги является приблизительно «ничем»*.

Очевидно, что важнейшей природно-географической особенностью российской цивилизации является ее *северное* расположение. Основная часть территории лежит далеко на север от других цивилизационных центров всемирной истории и современности. Самые северные штаты США (за исключением Аляски) располагаются приблизительно на широтах Волгограда, Ростова-на-Дону. Последний же по российским представлениям может считаться уже югом. Париж располагается приблизительно на широте Краснодара, столицы

* *Розанов В. В.* Сумерки просвещения. М., 1990. С. 531—532.

Кубани, которая в сознании россиян ассоциируется с южным теплом и природным изобилием. На карте мира найдется совсем немного обжитых территорий, соответствующих российским по суровости климатических условий из-за северного расположения. Помимо упомянутой Аляски, это лишь относительно мало заселенные центральная и северная части Канады, Норвегия (омываемая к тому же теплым течением Гольфстрим, смягчающим суровость северного климата) и Финляндия. В Южном полушарии по близости к полюсу им соответствуют небольшие части территории Аргентины и Чили с незначительным населением и почти не имеющие хозяйственного значения.

Наиболее похожи на российские природно-географические условия Канады. Однако, как справедливо отмечает американский историк Ричард Пайпс, «подавляющее большинство канадского населения всегда жило в самых южных районах страны, по Великим озерам и реке Святого Лаврентия, то есть на 45-м градусе широты, что в России соответствует широте Крыма. К северу от 52-й параллели в Канаде мало населения и почти нет сельского хозяйства»*. Отметим, что 52-я параллель соответствует широте Курска и Воронежа. В тех частях Скандинавии и Канады, где сосредоточено 90 процентов населения, средняя температура самого холодного зимнего месяца — января — *плюс* 2—4 градуса, тогда как в южных районах России (в Краснодарском и Ставропольском краях) она составляет *минус* 6—10 градусов.

Сезон сельскохозяйственных работ в России продолжается всего 4—6 месяцев, тогда как в подавляющем большинстве других стран, которые принято относить к развитым, — 6—9 месяцев. Жилые и производственные помещения в России необходимо повседневно отапливать в течение 6—8 месяцев (для сравнения: на значительной территории США по причине теплого климата необходимость в отоплении отсутствует вообще). Обогрев помещений в течение больше полугода предполагает, разумеется, значительные затраты энергоресурсов. С учетом сказанного российскую цивилизацию с полным правом можно рассматривать в качестве *самой северной в мире.*

Северное расположение дополняется *неустойчивостью* российского климата, что выражается, в частности, в несоответствии погоды тем параметрам, которые она должна была бы иметь согласно календарю. Как писал А. С. Пушкин, «В тот год осенняя погода / Стояла долго на дворе, / Зимы ждала, ждала природа. / Снег выпал только в январе».

Вслед за лютыми морозами и в январе, и в феврале может наступить неожиданная оттепель, а день 8 марта, считающийся весенним

* *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 17.

праздником, — оказаться больше похожим на Новый год, со снежными сугробами и морозцем. Столь же капризно и лето, не говоря уже о весне и осени.

Наконец, обратим внимание на то, что характерно-русский (или характерно-российский) пейзаж в общем и целом отличается своей неброскостью, отсутствием резко выраженных форм. Эта его особенность нашла свое отражение во многих художественных произведениях отечественных авторов. На нее обращали внимание русские мыслители, нередко связывая с ней свойства российской ментальности, культуры и истории, о чем мы более подробно скажем ниже. Выдающийся русский историк В. О. Ключевский замечал: «Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление»*. Федор Степун, в частности, писал: «Вся красота русского пейзажа в том, что в нем нет самодовлеющих, к себе тяготеющих красот: снежных вершин, незабываемых очертаний горных хребтов, как сапфир, синих озер, вычурных деревьев и экзотических цветов. Вообще ничего нету, есть только «вообще». Нет никаких форм, ибо все формы поглощаются бесформенностью; смысл дали — в бесконечности; смысл бесконечности — в Боге»**. Здесь мы подходим к важнейшему вопросу о связи особенностей российской цивилизации, культуры, ментальности, с одной стороны, и природно-географических условий — с другой.

2. РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ — «ОРГАНИЗМ ПРИРОДЫ И ДУХА»?

Известный русский мыслитель И. А. Ильин подчеркивал, что одной из причин катастрофического хода российской истории в XX в. явилось непонимание как культурной и политической элитой, так и народом (Ильин употреблял слово «простонародье», не вкладывая в него никакого уничижительного смысла) того, что Россия есть единый живой организм. Ильин, в частности, писал: *«Русское простонародье, также и радикально-интеллигентное правосознание, не было на высоте тех национально-державных задач, которые были возложены на него Богом и судьбою.* Русский человек видел только ближайшее; политическое мышление его было узко и мелко; он думал, что личный и классовый интерес составляет главное в жизни; он не

---

* *Ключевский В. О.* Сочинения. В девяти томах. М., 1987. Т. 1. С. 83.

** *Степун Ф. А.* Мысли о России // Русская философия собственности. Составители К. Исупов, И. Савкин. СПб., 1993. С. 335.

разумел своей величавой истории; он не был приучен к государственному самоуправлению; он был нетверд в вопросах веры и чести... И прежде всего он не чувствовал своим инстинктом национального самосохранения, что *Россия есть единый живой организм.*

И с этого нам надо теперь начинать. Это нам надо уяснить себе и укрепить в наших детях. *Россия есть организм природы и духа...*»*

Очевидно, что в словах выдающегося мыслителя и патриота заключен глубокий смысл. Они, разумеется, должны быть восприняты не как упрек в адрес прошлых поколений, а как наказ поколениям — современному и будущим. Их актуальность в наших условиях не уменьшилась, а возросла, поскольку быть на высоте национально-государственных задач, не подменяя их классовыми, групповыми и личными, сегодня еще более важно, чем в прошлом. Что же имел в виду Ильин, характеризуя Россию как «организм природы и духа»?

Конечно, предполагается, что не только Россия, а *всякая* цивилизация является своеобразным организмом, в котором сплавляются в неразрывное единство природные и культурные составляющие. В этом убеждении Ильин не был одинок. Так, в своих размышлениях о Франции Ф. Бродель обращал особое внимание на особенности сочетания различных природных факторов и влияние этих особенностей на образ жизни: «Как много определяет соотношение климата, почвы и рельефа — от него зависят такие важнейшие вещи, как характер земледелия, тип жилища, еда, образ жизни, средства передвижения, источники энергии»**.

Вообще говоря, всякое длительно существующее и относительно устойчивое общество можно уподобить некой целостности, во многих отношениях схожей с живым организмом. Живой же организм требует для своего нормального существования обеспечения определенных условий, таких, как вода, пища, свет, воздух. Подобно тому как организм нуждается в жизненно важных для него условиях существования, всякое локальное общество нуждается, например, в доступном для него выходе к морю. В случае невозможности выхода к морям страна оказывается отрезанной от мировых торговых путей, ее существование и развитие будут затруднены и уж во всяком случае она окажется неспособной конкурировать с теми, кто обладает свободным выходом к морскому побережью и особенно к устьям рек, впадающих в море. *«Хозяйственный массив суши всегда задыхался без моря,* — пишет Ильин. — Заприте французам устье

---

* *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992. С. 232.

** *Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. первая. Пространство и история. М., 1994. С. 43.

Сены, Луары или Роны... Перегородите германцам низовья Эльбы, Одера, лишите австрийцев Дуная — и увидите, к чему это приведет. А разве их «массив суши» может сравниться с русским массивом?»*

Подход, предложенный Ильиным, позволяет вести речь о *природно-географических императивах* российской цивилизации. Под природно-географическими императивами понимаются такие требования (от слова «императив» — требование, повеление), которые обусловлены природными и географическими условиями российской цивилизации и выполнение которых необходимо для полноценного существования цивилизации.

Помимо отмеченной ранее необходимости выхода к морям и устьям рек, к числу таких императивов может быть отнесен ряд других. Их набор и трактовка могут меняться в зависимости от позиции исследователя, от его представлений о России, о ее месте и роли в составе мирового сообщества. Однако сам факт наличия природно-географических императивов едва ли можно отрицать. Очевидно, например, что северное расположение территории России, как и ее континентальный характер (о чем речь шла выше), должны быть определенным образом учтены при решении самых разнообразных вопросов российского бытия — от политических и экономических до вопросов спорта и обеспечения здоровья населения. Так же очевидно, что природно-географические условия властно предъявляют свои требования к характеру людей, к их нравственно-этическим установкам: для того чтобы выжить (а тем более достичь успехов) в суровых климатических условиях, необходимо обладать определенным набором морально-волевых качеств. Наши предки прекрасно осознавали тот факт, что жизнь в российских климатических и природных условиях предполагает готовность к самоотверженному труду, терпение, настойчивость, могучую силу воли. Современник и друг Пушкина поэт Петр Вяземский писал, обращаясь к соотечественникам: «За трапезой земной печально место ваше! / Вас горько обошли пирующею чашей. / На жертвы, на борьбу судьбы вас обрекли: / В пустыне снеговой вы — схимники Земли. / Бог помощь вам, друзья! / Его нужна вам благость, / Чтоб бодро выносить суровой жизни тягость, / Чтоб ропот одолеть, не унывать умом / И скудно добывать настойчивым трудом. / Бог помощь! Свят ваш труд, на вечный бой похожий...»

История России свидетельствует, что с учетом суровости российского климата наиболее жизнеспособной оказывалась моральная установка, содержащая значительный элемент *аскетизма*, готовности к самоограничению. Вместе с тем аскетические элементы постоянно подвергались и подвергаются разрушающему воздействию со

* *Ильин И. А.* Наши задачи. С. 234.

стороны установки на потребительство, на быстрое достижение высокого уровня комфорта и качества жизни. Признание важности элементов аскетизма *не означает*, что в России недостижим уровень материальной обеспеченности и комфорта, характерный для стран Запада. Оно говорит лишь о том, что достижение этого уровня предполагает приложение более значительных усилий, а также использование особых механизмов и нетривиальных решений, соответствующих природно-географическим реалиям именно России, а не какой-либо иной страны. Прошлые неудачи не избавляют от необходимости новых поисков, поскольку слепое следование иноземным образцам заведомо не способно привести Россию к благополучию и процветанию. В этом выводе можно усмотреть еще один природно-географический императив российской цивилизации.

Понятие природно-географического императива позволяет объяснить многие события российской истории не как субъективную прихоть русских самодержцев и агрессивные политические устремления российской власти, а как то, что обусловлено самими особенностями географического положения России. Так, борьба российской власти за выход к Черному и Балтийскому морям, особенно активная и принесшая свои плоды при Петре Первом и Екатерине Второй, является ярким примером реализации одного из природно-географических императивов российской цивилизации. Очевидно, что, находясь в аналогичных условиях, так же поступила бы власть любой страны, если бы она, конечно, была озабочена благом и процветанием своего народа, укреплением государства. Это же относится и к расширению России на восток, вплоть до побережья Тихого океана. Можно сказать, что соответственно своим природно-географическим условиям Россия обречена быть распространенной до берегов Тихого океана. С одной стороны, это связано с тем, что на всем протяжении Евразии отсутствуют какие-либо отчетливые естественные рубежи (о чем уже говорилось), на которых можно было бы остановиться. В этом смысле движение русских на восток сравнимо с покорением американцами запада: самой природой Соединенным Штатам было «предписано» выйти к Тихому океану. С другой стороны, всякое самостоятельное государство, образованное на просторах Сибири, будучи отрезанным от морей и находящимся в глубине континента, оказалось бы практически нежизнеспособным именно из-за географических условий своего существования.

Здесь мы подходим к вопросу, имеющему *ключевое значение* для рассмотрения России как «организма природы и духа»: являются ли природно-географические факторы единственными, исходя из которых можно исчерпывающим образом объяснить все богатство проявлений цивилизации? В общем виде ответ на него должен быть *отрицательным*: играя важную роль, эти факторы не являются един-

ственными для понимания сложной структуры цивилизации. Именно такой точки зрения придерживались многие русские мыслители в своих размышлениях о России. Так, сторонники евразийской концепции видели одну из своих важнейших задач в том, чтобы обратить пристальное внимание на роль природно-географических факторов. С этой целью ими было использовано специальное понятие «месторазвития», призванное подчеркнуть значение природно-географической среды. Вместе с тем они ясно отдавали себе отчет в том, что к понятию «месторазвития» нельзя свести все проявления цивилизации. Один из представителей евразийства П. Н. Савицкий в 1926 г. писал: «Не только начала месторазвития встречаем в социально-историческом мире. Наряду с ними существуют также начала внеместные... Утверждение понятия месторазвития не равнозначно проповеданию «географического материализма». Это последнее имя подходило бы к системе «географического монизма», которая все явления человеческой истории в жизни возводила бы к географическим началам. Концепция «месторазвития» сочетаема с признанием множественности форм человеческой истории и жизни... Сторона явлений, рассматриваемая в понятии «месторазвития», есть одна из сторон, а не единственная их сторона»*.

Среди «внеместных» факторов евразийцы особо выделяли религию, прежде всего православное христианство, пришедшее в Россию из Византии. Вместе с тем они справедливо подчеркивали, что явления, рожденные в иных природно-географических условиях, при переносе на новую почву претерпевают известные изменения. Эти изменения связаны в первую очередь с *адаптацией,* приспособлением к новым условиям. Если говорить о православии (и религии вообще), то такого рода изменения касаются, конечно, не догматического содержания вероучения, а иных сторон. Очевидно, что суровый российский климат, совершенно не сравнимый в этом отношении с благодатными природными условиями Византии, не мог не наложить своего отпечатка на особенности русского православия. Можно, в частности, предположить, что он способствовал усилению аскетической направленности, рождению особой этики, для которой характерно признание высокой нравственной ценности труда, и ряд других черт. (Более подробно об этом см. в главе «Религии и верования в России».)

Таким образом, цивилизация, как организм природы и духа, предполагает определенное единство, в рамках которого занимают свое место как факторы, непосредственно связанные с природно-географическими условиями, так и факторы, не имеющие столь не-

---

* *Савицкий П. Н.* Географический обзор России-Евразии // Мир России — Евразия. Антология. Составители Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1995. С. 30.

посредственной связи с природой и географией, — факторы «внеместные». История осуществляет синтез двух типов факторов, связанных, в частности, с адаптацией духовного наследия, заимствованного от цивилизаций и стран с иной природой и географией, к местным условиям. На этой основе образуется *баланс*, равновесие природно-географических и духовных факторов, то есть та целостность цивилизации, которую и можно с полным правом называть «организмом природы и духа».

Вместе с тем надо особо подчеркнуть, что равновесие природы и духа не устанавливается в рамках цивилизации раз и навсегда. Оно носит подвижный, динамический характер. Цивилизация периодически переживает нарушения равновесия с тем, чтобы снова восстановить его, но на новом, более высоком уровне. Это означает, что взаимодействие природно-географических («местных») факторов и факторов «внеместных» нельзя представлять как взаимодействие причины и следствия. Такое взаимодействие более адекватно может быть описано с помощью особой методологии, которую А. Тойнби характеризовал как *«вызов-и-ответ»*.

Согласно Тойнби, цивилизации, как правило, возникают в качестве своеобразных «ответов» человеческих сообществ на «вызовы» со стороны окружающей среды — соседних сообществ и природы. «Вызов побуждает к росту, — писал Тойнби. — Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние»*. В результате вызова возникают устойчивые стимулы существования и развития цивилизации. Однако общество может не заметить вызова или уклониться от него — тогда рождения цивилизации не происходит. Вопрос о том, почему в одних случаях вызов оказывается принятым, в других — нет, с точки зрения Тойнби, не поддается рациональному разрешению, да и не является принципиальным. Важно то, что во многих отношениях общество ведет себя подобно отдельному человеку: в одних случаях оно находит в себе силы найти достойные ответы на вызов со стороны окружающего мира, в других — нет. Его возможности определяются таинственными силами, заключенными в его культуре, в душах людей. Рационально объяснить то, почему был принят вызов и найден тот или иной ответ, удается задним числом, после событий. Это говорит о том, что цивилизации существуют лишь благодаря усилиям человека. «Достаточно лишить город энергоснабжения, как цивилизованная жизнь в нем сразу же окажется поставленной под сомнение, — пишет Тойнби. — Достаточно было полинезийским купцам прекратить свои опасные вояжи на остров Пасхи, как великие

* *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991. С. 119—120.

достижения его древней культуры превратились в загадку уже через несколько поколений. Итальянская Капуя оказалась «коварной», потому что солдаты, пристрастившись к «радостям земным», полностью деморализовались и позабыли о своем воинском долге. Одиссей не поддался искушениям гарпий, сулившим «радости земные» взамен родины, путь к которой был труден, но желанен. Моисей вывел соплеменников из Египта... И наоборот, предоставленные самим себе народы, обитавшие в жарких... джунглях, оказались лишенными естественного стимула и в течение тысячелетий оставались в застывшем состоянии на примитивном уровне»*.

Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Это справедливо и в отношении природных условий. Как правило, природные условия создают определенные трудности, преодолевая которые общество мобилизует творческую энергию, совершенствуется и развивается. Конечно, не исключено, что в ряде случаев вызов может иметь разрушительные последствия, общество оказывается не в состоянии дать на него адекватный ответ. В другом варианте оно уклоняется от вызова тем, что народ, получивший вызов, мигрирует в другую географическую местность, с более благоприятными природными условиями. В этих случаях внутренних изменений в обществе не происходит: природные вызовы не становятся фактором внутренних изменений. Цивилизация возникает лишь тогда, когда общество принимает вызовы природных условий, совершенствует и усложняет свои внутренние механизмы, обнаруживает способность освоить тот или иной тип природно-географической среды.

Таков ход рассуждений Тойнби. Достоинством данного подхода является отказ от попытки рассматривать взаимодействие природы и общества в понятиях детерминизма, то есть видеть в природных условиях причину того или иного устройства общества. В его рамках значительная роль отводится *творческому потенциалу* общества и человека. Однако Тойнби применял свою методологию с целью объяснить генезис цивилизации, включая самую первую, начальную ее фазу. Думается, что неверно ограничивать применение методологии «вызов-и-ответ» только фазой генезиса цивилизаций. В ряде случаев, в частности в случае с российской цивилизацией, ее следует распространить на все фазы или, во всяком случае, на длительный период существования. Цивилизации приходится отвечать на вызовы природной среды не только в период рождения, но и впоследствии, в ходе дальнейшего развития. Относительное равновесие природы и духа, достигнутое в результате соответствующих ответов, разрушается новыми вызовами со стороны природных факторов.

* *Тойнби А.* Постижение истории. С. 120.

Цивилизация вновь и вновь встает перед задачей поиска ответов, перестраивает внутреннюю структуру, вынуждена создавать новые формы общения и совместного бытия людей.

Особенно характерен постоянный поиск ответов для России, поскольку вся история России — это почти непрерывное движение в разных направлениях — на север, на восток, на запад, на юг, это освоение огромных пространств с ранее неизвестными или непривычными природно-географическими условиями. Даже в сегодняшних (после 1991 г.) границах России сохраняются значительные неосвоенные территории, что само по себе примечательно, если учесть тотальную обжитость и освоенность Западной Европы и США. Конечно, оставшиеся неосвоенными российские территории в основном почти непригодны для жизни человека. Однако важен сам факт наличия свободного пространства как фактор, присутствующий в ментальности и оказывающий влияние на ее особенности. Кроме того, не исключено, что, например, открытие новых месторождений полезных ископаемых подвигнет к более интенсивному освоению необжитых районов, несмотря на всю сложность природных условий. Так не раз бывало в истории России: достаточно вспомнить открытие нефти в Тюмени, газа в Уренгое и т. д. Примерами освоения новых территорий в XX в. является массовое переселение крестьян-земледельцев за Волгу и в Сибирь, связанное с реформами П. А. Столыпина, освоение целинных земель в 50—60-е годы, неудачно завершившееся строительство БАМа и др.

Важно обратить внимание на то, что каждое масштабное продвижение в освоении новых территорий с их особыми природно-географическими условиями затрагивает не только людей, его осуществляющих, но в той или иной степени всю страну, *требуя подчас существенной перестройки всего социального организма.* Оно предполагает мобилизацию значительных людских и материальных ресурсов, создание новой инфраструктуры (дорог, средств связи), постройки нефте- и газопроводов и т. д. На вызов со стороны природы осваиваемых территорий отвечает вся страна. Установившееся равновесие между природой и обществом нарушается. Цивилизация подвергается новым испытаниям. Отметим, что не менее значительные испытания ожидают цивилизацию и в случае отказа от ранее освоенных территорий. Этот вариант тоже является вызовом со стороны природы, поскольку ставит перед обществом не менее сложные проблемы. Отказ от ранее освоенных территорий предполагает переселение людей на новые места, их обустройство и т. д. Во многих случаях те, кто посвятил свою жизнь освоению труднодоступных районов, не в состоянии решить эти проблемы исключительно своими силами. Бросать же их на произвол судьбы — бесчеловечно и преступно.

3. РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Крупнейшие отечественные историки С. М. Соловьев и В. О. Ключевский отмечали, что «история России есть история страны, которая колонизуется». Под колонизацией они понимали освоение новых территорий. Действительно, если окинуть мысленным взором русскую историю, начиная, скажем, от правления Ивана Калиты, когда Московское государство было небольшим княжеством, ограниченным прилегающими к Москве землями, до Российской империи XIX — начала XX в., то нельзя не поразиться масштабам пространственного расширения: территория страны увеличилась в 36 раз!

Конечно, далеко не все из присоединенных территорий были колонизированы в подлинном смысле, то есть освоены и превращены в органическую часть России. Освоение — гораздо более трудный и сложный процесс, чем простое присоединение. Он требует не только значительных усилий, но и особых механизмов, способных обеспечить не временное, а длительное и устойчивое существование на вновь обретаемых территориях. В чем же состоит российский механизм освоения огромных пространств? Как развивался процесс присоединения и освоения новых территорий? Какие качества проявили россияне, сумев освоить столь значительные пространства в столь суровых природно-климатических условиях? К сожалению, советская историческая наука, привычно выискивая во всех событиях прошлого и настоящего «классовую борьбу» и «усиление эксплуатации», на поставленные вопросы ответа не дала. Во всяком случае, их бесполезно искать в учебниках по истории. Найти ответы на эти вопросы можно лишь в трудах историков-энтузиастов, в исторических романах некоторых отечественных писателей и в работах зарубежных специалистов.

Невнимание к вопросам освоения российским человеком огромных пространств родной земли как отрицательную черту исторических сочинений отмечал еще А. И. Герцен: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, — закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана... И такие колоссальные события едва помечены историей (имеется в виду историческая наука. — *В. Ш.*) или помечены для того, чтобы поразить воображение дантовским образом ледяного острога в несколько тысяч верст»*. Герцен глубоко понимал, что освоение русским народом Сибири —

* *Герцен А. И.* Собр. соч. В тридцати томах. М., 1958. Т. 14. С. 12—13.

факт огромного значения, который следует отнести к одному из величайших достижений не только российской, но и мировой цивилизации. Однако сам Герцен не дает и намека на всю масштабность этого предприятия, на его драматичность и, самое главное, на природу и источники той силы духа, без которой процесс освоения огромных необжитых пространств не был бы возможен. В процессе освоения не только складывалась территория, но и рождался и складывался сам дух российской цивилизации, отличающий ее от других цивилизаций прошлого и современности. Как невозможно понять дух Америки, не принимая во внимание того, как происходил процесс колонизации, с какими трудностями он сталкивался и каким образом американцы преодолевали их, так невозможно понять и дух России, оставаясь в неведении относительно способов освоения, основных вех процесса и его героях. Поэтому особенности российской ментальности и народного характера могут быть поняты только в связи с деятельностью по освоению конкретных территорий с характерными природно-климатическими и географическими особенностями, с соответствующими трудностями и проблемами.

А. Тойнби, рассматривая характерные для российской цивилизации особенности освоения новых территорий, подчеркивал особую роль *казачества*. Казачество явилось своеобразным ответом на вызов со стороны степных кочевых народов. Тойнби отмечает: «В России ответ представлял собой эволюцию нового образца жизни и новой социальной организации, что позволило впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тимур), но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразив в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища — в оседлые деревни. Казаки, одержавшие эту беспрецедентную победу, были пограничниками русского православия, противостоящими евразийским кочевникам...

Казаки представляли собой полумонашеское военное братство, наподобие братства викингов, эллинского спартанского братства или же рыцарского ордена крестоносцев. Однако у казаков выработались в ходе борьбы с кочевниками степи некоторые признаки, скорее принадлежащие будущему, чем прошлому. В чем-то казацкие объединения напоминают колониальные власти современного западного мира. Они поняли, что для победы в борьбе с варварами необходим более высокий уровень вооружения и опора на более совершенную материальную базу.

Подобно тому как современные западные «строители империи» подавили своих примитивных противников превосходящей материальной мощью, казаки подавили кочевников, опираясь на развитую

культуру земледелия. Казаки обезоруживали кочевников весьма оригинальным способом. Они обосновались на реках, представляющих собой естественное препятствие для кочевых племен. Реки были серьезной преградой для кочевников-скотоводов, не имевших навыков использовать их как транспортные артерии, тогда как русский крестьянин и дровосек, издавна знакомый с традицией скандинавского мореплавания, был мастером речной навигации. Следовательно, казаки, когда они выходили из русских лесов, чтобы оспорить у кочевников право на естественное обладание степью, имели все возможности с успехом применять свое древнее наследственное искусство. Научившись у кочевников верховой езде, они не позабыли и своих исконных навыков и именно с помощью ладьи, а не коня проложили путь в Евразию.

Казаки использовали реку как транспортную артерию для связи с Россией. Они осуществляли контроль по всему течению, не позволяя кочевникам даже пересекать реку. Многочисленные притоки давали казакам возможность строить удобные порты и переходить из бассейна одной реки в бассейн другой. Так, к концу XVI в. родительская казачья община бассейна Днепра породила две сестринские общины — казаков Дона и казаков Яика. Впоследствии в неравном союзе с Московией, которая усиливала свою экспансию, но не лишила казаков свободы, казацкие владения распространились до сибирских рек, впадающих в Ледовитый океан. В 1586 г. казаки пересекли водораздел между бассейнами Волги и Оби; к 1638 г. освоение бассейнов сибирских рек привело их на побережье Тихого океана в районе Охотского моря»*.

К верховьям реки Тагил, принадлежащей Обскому бассейну, дружины Ермака вышли в 1582 г., а первый русский город в Зауралье — Верхний Тагил — был основан в 1583 г. В 1639 г. Иван Москвитин достиг берега Тихого океана. В 1643—1646 гг. Василий Поярков впервые прошел по Амуру до устья и вышел в Охотское море. В 1647 г. был основан город Охотск. Семен Дежнев в походе 1648—1654 гг. прошел из Колымы в Анадырь, обогнув таким образом северо-восточную часть Сибири. Таковы основные исторические вехи открытия и завоевания Сибири, которые сегодня широко известны. Нельзя не отдать должного смелости и мужеству покорителей Сибири. «Подобные подвиги изумительны, — писал один из крупнейших историков XIX в. Н. И. Костомаров (1817—1885), — если принять во внимание крайнюю суровость климата, перемены ветра при плавании, необходимость строить кочи (лодки. — *В. Ш.*), проходить сухопутьем по неизвестным странам и таскать на себе тяжести, зимовать в дикой пустыне, при морозе не менее сорока градусов, при

* *Тойнби А.* Постижение истории. С. 140—141.

недостатке средств и с малым числом людей, среди диких неизвестных племен»*.

Повсюду русскими землепроходцами применялся механизм освоения новых территорий, описанный Тойнби: передвижение по рекам (из бассейна одной реки в бассейн другой приходилось переходить «волоком»), установление контроля над реками посредством устройства крепостей в наиболее важных пунктах, организация оседлых форм сельскохозяйственного и иного производства там, где позволяли природно-климатические условия.

Несомненно, Сибирь представляла для жителей России XVII—XVIII вв. приблизительно то же, что в XVIII—XIX вв. западная территория США («Дикий Запад») для населения цивилизованного атлантического побережья. Так же как Дикий Запад и Аляска для американцев, для россиян Сибирь ассоциировалась с неизведанностью, опасностями и ожиданием сказочных богатств. После того как первые походы позволили получить общее представление о необъятности сибирских просторов и богатствах Сибири, сюда на свой страх и риск устремились наиболее отважные и сильные люди. Они стремились разбогатеть за счет промысла пушнины, рассчитывали обнаружить золото, серебро и другие полезные ископаемые (например, соль, дефицит которой в те времена ощущался не только в Сибири), изыскать возможности для земледелия. В большинстве своем это были выходцы с русского Севера (из Вологды, Костромы, Великого Устюга и других городов), становившиеся в Сибири казаками.

В XVII в. в Сибири основываются поселения особого типа, призванные служить опорными пунктами для промыслов и для дальнейшего продвижения в глубь территории. Одним из таких поселений была Мангазея, по словам современников, «златокипящая государева вотчина». Мангазея располагалась близ устья Оби, на высоком берегу реки Таз. В 1601 г. русские отряды во главе с М. Шаховским, Д. Хрипуновым, В. Масальским и С. Пушкиным на высоком берегу реки построили Мангазейскую крепость. В 1625 г. она была обновлена и расширена.

Замечательное описание Мангазеи 30-х годов XVII в. находим в работе современной исследовательницы Г. А. Леонтьевой: «Крепость имела форму, близкую к квадрату, со сторонами до 70 метров. Стены имели четыре глухие и одну проезжую башню. Такой город можно было обойти по периметру за четверть часа. Самый большой дом внутри городских стен предназначался для воевод. Здесь же рядом находились приказная изба и амбары для государевой соболиной казны, хлебных и соляных запасов. В углу городской стены

* *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. Т. 2. С. 347.

располагался зелейный погреб с порохом и ядрами для пушек и пищалей.

Но главной достопримечательностью Мангазеи была та ее часть, которая лежала вне городских стен. Это был так называемый посад. На посаде жили служилые люди мангазейского гарнизона и промысловое население. Как показали раскопки Мангазеи, проводившиеся в 1968 г., площадь посада занимала около 10 тыс. кв. м. Внутри посада было не менее 60—70 домов, в которых проживали как постоянные, так и временные жители... Мангазею строили выходцы с русского Севера. Дома стояли на высоком подклете. Наличники окон, крылечки украшались богатой резьбой по дереву... Крытые дворы жилых домов и шатровые звонницы трех мангазейских церквей — Успенской, Василия Мангазейского и Желтоводской — представляли образцы северорусской архитектуры. Был в Мангазее и свой святой — Василий Мангазейский, поклоняться которому приходили паломники из Сибири. Он считался покровителем промысловиков». Особенно большое впечатление производил Мангазейский гостиный двор. «Он размещался на берегу реки Таз и фасадом смотрел на город. В гостином дворе рядами тянулись торговые лавки и полки. Некоторые из лавок имели два этажа: нижний предназначался для торговли, верхний — для жилья. В подвальных помещениях лавок хранились товары.

Чем только не торговали в гостином дворе этого заброшенного в далекую тундру северного городка! Здесь предлагали пушнину: меха соболей, песцов, лисиц; продовольствие: хлеб, мясо, рыбу, соль, мед, вино, квас; металлические и деревянные изделия: котлы, ножи, сковородки, тарелки, рыболовные крючки, ложки; охотничье снаряжение и приспособления для ловли пушного зверя: капканы, ловушки, сети; средства передвижения: лодки, каяки, нарты, оленьи упряжки, лыжи»*.

В городе, почти сплошь состоящем из приезжих «искателей удачи», поддерживался строгий административный порядок. Каждый прибывший должен был зарегистрировать свой приезд в «приказной избе» — отделе администрации. Была здесь и государственная таможня, куда предъявлялись все товары, предназначенные на продажу. В пользу государства с товаров взималась десятая часть стоимости. Это и был единственный установленный государством налог, которым облагалась предпринимательская деятельность.

В пунктах, подобных Мангазее, намечались маршруты, сколачивались артели и «ватаги», обговаривались условия будущих предприятий, готовилось необходимое снаряжение. В XVII в. центрами организации экспедиций, кроме Мангазеи, были Енисейск и Якутск,

* *Леонтьева Г. А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 28.

бывшие к тому же и административными столицами, резиденциями воевод. Обратим внимание на то, по каким принципам формировались группы или отряды, направлявшиеся в походы. Эти принципы раскрывают способности российского человека к самостоятельной инициативе, с одной стороны, и к коллективному действию — с другой. Кроме того, в них частный интерес достаточно успешно сочетался с интересом государственным.

В основе организации экспедиции лежал принцип старинной русской *покруты*. Покрученником считался человек, шедший на промысел за счет нанявшего его хозяина. Наем на покруту скреплялся договором на определенный срок, как правило, не менее чем на год. Покрученники должны были промышлять пушного зверя. По условиям покруты хозяину и покрученнику обговаривалась соответственная доля от добычи. Покрутный договор предусматривал также иные виды работы, прежде всего работу по обслуживанию речных судов. Поскольку почти весь путь пролегал по рекам, то в договоре подробно обговаривались обязанности покрученника по обслуживанию судов, начиная от их постройки и на всем протяжении маршрута. Особо обговаривались условия переброски грузов через волоки и в обход порогов.

По договору покруты немалые обязанности ложились и на хозяина. За счет своих средств он обеспечивал членов артели всем необходимым для предстоящего похода, приобретал или выделял деньги на покупку одежды повседневной и для промысла зверя, спальные меховые мешки, орудия охоты и рыбной ловли, ножи, котлы, топоры, а также оружие (пищали с запасом пороха и свинца). Наконец, хозяин снабжал каждого из участников индивидуальным пищевым пайком. Характерно, однако, что пища, добытая во время похода, поступала в общий котел артели. В состав экспедиции могли входить не только покрученники (то есть те, кто обеспечивался за счет хозяина), но и те, кто снарядился на собственные средства, — так называемые «своеужинники». Таковы были принципы организации самостоятельных (негосударственных) экспедиций. Вместе с тем широко практиковалось объединение этого рода промысловых экспедиций с правительственными отрядами, снаряжаемыми за счет казны и имеющими определенное предписание за подписью воеводы. «Промышленники не только действовали вместе со служилыми людьми, но нередко приходили на новые земли и начинали их освоение еще задолго до появления там правительственных отрядов»*.

Управление отрядом осуществлялось руководителем или хозяином экспедиции, назначаемыми им десятниками и пятидесятниками (если экспедиция состояла из более чем ста человек). Примечатель-

* Там же. С. 49.

но, что наряду с названными административными должностями были должности выборные — есаулы. Это были представители казацкого самоуправления. На маршруте соблюдались все правила казацкой боевой дисциплины и взаимовыручки: во время сухопутных привалов выставлялись охранные пикеты, на зимовках отстраивались укрепления, распределялись обязанности по самообороне и т. п.

В свете сказанного интересно взглянуть на то, какими правилами руководствовались люди, решавшие приблизительно те же задачи по освоению новых земель на противоположном полушарии Земли — колонисты американского Запада. Вот выдержка из книги Рэндолфа Марси «Путешественник по прерии. Справочник для сухопутных экспедиций» (1859).

«*Организация товарищества.*

После того как выбран конкретный маршрут путешествия через равнины, а требуемое количество людей собралось на востоке в исходной точке путешествия, им надлежит прежде всего организоваться в товарищество и выбрать себе командира. Товарищество должно быть достаточно большим, чтобы управляться со скотом и обеспечивать защиту от индейцев. Для этих целей достаточно от пятидесяти до семидесяти соответственно вооруженных и оснащенных людей. Слишком большая численность лишь затруднит передвижение экспедиции.

Затем следует составить соглашение, подписанное всеми членами данного сообщества, согласно которому каждый обязуется во всех случаях повиноваться распоряжениям и решениям капитана и оказывать ему всяческое содействие в выполнении им своих обязанностей. Им надлежит также принять взаимные обязательства по отношению друг к другу, дабы личные интересы каждого из них становились предметом заботы всего сообщества. Для обеспечения сего надлежит учредить фонд с целью приобретения запасного тяглового скота на случай болезни и падежа животных в пути; если же выйдет из строя фургон либо упряжка кого-либо из членов сообщества не выдержит тяжести дороги и их придется бросить в дороге, сообщество должно принять на себя обязательство обеспечить перевозку его имущества, а капитану надлежит обеспечить размещение его в караване наравне со всеми остальными. В подобном случае все члены сообщества будут заинтересованы в том, чтобы беречь и охранять собственность других наравне со своею...

Создание обрисованной мною ассоциации открывает многочисленные преимущества. Скот можно сгонять вместе и охранять по очереди, тем самым гарантируя всем возможность сна и отдыха. Более того, это единственный путь оградить себя от посягательств индейцев, от их набегов и попыток угона скота. Эффективность со-

вместных действий проявляется во всех отношениях, особенно при переправах через реки, ремонте дорог и т. д.»*.

Из приведенных строк можно, в частности, сделать вывод, что ходячее мнение об индивидуализме американцев явно преувеличено. Во всяком случае, в период освоения «Дикого Запада» им приходилось действовать коллективно. Тем не менее недавних переселенцев из Европы все еще приходилось убеждать в преимуществах коллективного способа действий, о чем свидетельствует сам факт появления приведенного документа. Американский историк Дэниэл Бурстин видит в освоении колонистами навыков коллективного действия один из факторов формирования американского духа, складывания новой нации**.

В отличие от колонистов Америки, русские первопроходцы и переселенцы не нуждались в дополнительных доказательствах преимущества коллективного действия при освоении новых территорий: такой способ был для них естественным и очевидным. Он не осваивался заново, а приспосабливался к новым условиям и совершенствовался. К середине XVII в. организация сибирских экспедиционных отрядов была четкой, продуманной и отработанной. Однако вполне очевидно, что эта четкая система складывалась далеко не сразу, а была результатом народного творчества, обобщением более раннего опыта освоения необъятных пространств России.

Своеобразной вершиной описанной организации, как по степени ее совершенства, так и по достигнутым результатам, была серия экспедиций Ерофея Павловича Хабарова 1649—1659 гг. Как государственно мыслящий человек, Хабаров (сын крестьянина Вологодской губернии) первым понял значение Амура для России. Отряд Хабарова и его сподвижника Онуфрия Степанова «освоил громадную территорию, привел в российское подданство местное население... Присоединение Приамурья, начатое экспедицией Хабарова, привело к распространению на этой территории различных форм хозяйственной деятельности: пашенного земледелия, ремесел, промыслов»***. Слаженность организации, взаимовыручка, профессиональные навыки, смелость и решительность участников лежали в основе успехов отрядов Хабарова—Степанова. Эти качества позволяли им одерживать в том числе и военные победы — над войсками маньчжурского императора, оснащенными вполне современным для XVII в. оружием. Две из этих побед — у Ачанского и Кумарского городков — поразительны: в первом случае отряд Хабарова, насчи-

* Цит. по: *Бурстин Д.* Американцы: национальный опыт. М., 1993. С. 91—92.
** Там же. С. 87—96.
*** *Леонтьева Г. А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 115.

тывавший триста человек, разгромил двухтысячную армию неприятеля, во втором — отряд его преемника Степанова из шестисот человек успешно противостоял десятитысячной маньчжурской армии. В лице Хабарова мы встречаем выдающегося организатора — человека, способного увлечь за собой других во имя достижения общей цели, невзирая на множество трудностей и опасностей. Колоссальная работа по освоению российской территории не могла осуществиться без людей такого типа — организаторов, готовых принять на себя ответственность, отличающихся личным мужеством и твердостью воли.

Процесс колонизации Сибири пошел особенно интенсивно после реформы 1861 г. Отменив крепостное право, российское правительство приняло меры к тому, чтобы способствовать заселению неосвоенных земель. Желающим переселиться были предоставлены льготы и оказана поддержка в организации сложного переезда на новое место жительства. На восток устремились тысячи переселенцев из Воронежской, Вятской, Орловской, Пермской, Тамбовской и других губерний.

В наши дни яркое художественное освещение новый этап освоения восточных территорий нашел в серии романов Николая Задорнова (1909—1985), прежде всего в романе-эпопее «Амур-батюшка». Эти романы позволяют увидеть в освоении Дальнего Востока событие не локального, а общероссийского масштаба. В них отчетливо показано, в борьбе с какими трудностями и на каких путях формируется и крепнет *российский дух* в процессе освоения новой территории. Особое внимание писатель уделяет личности организатора — человека, ведущего за собой других. Основной акцент в произведениях Н. Задорнова сделан на способности русского человека достойно ответить на вызовы необжитой суровой природы, на широте натуры и твердости характера. Со страниц романов веет победный дух, торжествующий над слабодушием и духовной рыхлостью.

По-иному предстает жизнь российских колонистов в одном из очерков Г. Успенского. Успенский обнажает нищету и неустроенность жизни крестьян-переселенцев. В отличие от Н. Задорнова, Успенский выступает в роли стороннего наблюдателя, хотя и внимательного и сочувствующего. Такой взгляд вполне оправдан. Быт сибиряков выглядит убогим и неустроенным. Писатель рисует картину жизни растерявшихся людей, не находящих в себе духовных сил для противостояния трудностям, смирившихся с повседневной бессмысленной рутиной. Они не способны к самоорганизации и коллективному действию. В их среде не находится решительных людей-организаторов, способных повести за собой других. Они погрязли в мелочах, не готовы сообща подступиться к проблеме, в

решении которой заинтересованы все. Они недоверчивы и подозрительны. Картину, нарисованную Успенским, можно отнести не только к Сибири, но и к другим регионам. Ее не назовешь нетипичной. Она не менее правдива, чем картина, выписанная на страницах романа Николая Задорнова «Амур-батюшка». Поэтому только в сопоставлении двух противоположных взглядов можно получить верную картину. Действительно, суровость российского климата и особенности природы таковы, что выдвигают перед человеком тяжелые и непростые задачи. Немудрено и сломиться под их тяжестью. Однако тяжести могут не только сломить, но и закалить дух. И только закаленный дух смог покорить огромную территорию, создав в борьбе за ее освоение современную российскую цивилизацию

4. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И НАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР

«Есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной, — писал Н. А. Бердяев. — В душе русского народа есть такая же необъятность и безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы»*. Обратим особое внимание на выражение «огромная сила стихии и сравнительная слабость формы». С его учетом мысль Бердяева можно переформулировать так: природа России такова, что не способствует формированию *чувства формы*. Под «чувством формы» здесь понимается особое внимание к четкости, очерченности, определенности, строгой упорядоченности, отчетливости контрастов и граней. Эту мысль можно встретить не только у Бердяева, но и у многих других русских мыслителей: человеку, живущему на бескрайней и в общем-то однообразной равнине, трудно дается чувство формы. Разумеется, это нельзя понимать так, что природные условия препятствуют формированию чувства формы, — речь идет о том, что природа как бы располагает к формированию одних качеств и не располагает к формированию других. Таким образом, по Бердяеву, природа российской равнины такова, что создает в характере народа, населяющего ее, два взаимосвязанных качества. С одной стороны, это «устремленность вдаль», широта характера, «сила стихии», с другой — это

* *Бердяев Н. А.* Русская идея. С. 44.

«сравнительная слабость формы», безразличие к форме, пренебрежение формой. Следует обратить внимание на то, что природные факторы, разумеется, одинаковым образом действуют на любой народ, населяющий данную территорию, поэтому черты характера, порождаемые природой, являются не чисто русскими, а общими для всех народов, населяющих территорию с соответствующими природно-климатическими условиями.

Таким образом, за широту характера — качество скорее положительное — приходится платить своеобразную плату качеством отрицательного порядка — отсутствием чувства формы, а значит, трудностями в организованном и продуманном обустройстве быта и жизни, отсутствием стремления к рациональному ведению хозяйства. Ф. Степун, разделявший указанную точку зрения, в частности, писал: «Превратись русские крестьяне уже 50 лет тому назад в просвещенных собственников и культурных фермеров с дизелями и тракторами, и русская революция прошла бы, быть может, приглушеннее, рациональнее, чем она в действительности прошла, но зато и Толстой и Достоевский не стали бы тем, чем они стали: всемирно значительными иероглифами русской народной религиозности»*.

Между достижениями русской культуры, нерациональностью («бесформенностью») российской ментальности и способов ведения хозяйства (повседневным образом жизни вообще) и характерно российским ландшафтом, отличающимся невыраженностью форм, существует внутренняя связь — такова идея русских мыслителей. Прежде чем ответить на вопрос о том, верна ли она, более пристально всмотримся в российский пейзаж.

Нельзя, разумеется, сказать, что природа России не разнообразна. Но разнообразие ее особого свойства. Плавность переходов, невыраженность, неконтрастность — вот его характерные черты, отмеченные еще В. О. Ключевским; повторим еще раз его слова: «Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление». При такой плавности переходов можно проехать сотни километров в самых разных направлениях и почти не ощутить изменения пейзажа. Совсем иное бросается в глаза при взгляде, например, на природу Франции. Выдающийся французский историк Фернан Бродель особо обращает внимание на *резкость* переходов, характерную для ландшафта Франции: «Вообразите себе, что вы прощаетесь с темными елями, идущими под уклон лугами и вьющимися меж обрывистых склонов дорогами Юра и внезапно въезжаете на низкую и плоскую Бресскую равнину, поросшую травой, усеянную водоемами,

* *Степун Ф. А.* Мысли о России. С. 338.

прошитую стройными рядами деревьев... В мгновение ока вы попадаете в другой мир.

Или, например, вы едете из Парижа в Орлеан; за Этампом вы покидаете зеленеющую долину реки Жюин... подождите немного — и глазам вашим предстанет плоскогорье Бос с его широкими горизонтами, нескончаемыми полями пшеницы, колосящейся ровными рядами, и лугами, заросшими пунцовым клевером...

Иной раз достаточно проехать на машине четверть часа — и все меняется стремительно, словно в театре за время антракта»*. «Сущность Франции — разнообразие», — пишет Бродель. В. О. Ключевский так передает впечатление русского путешественника о Западной Европе: «Теперь путник с Восточно-Европейской равнины, впервые проезжая по Западной Европе, поражается разнообразием видов, резкостью очертаний, к чему он не привык дома. Из Ломбардии, так напоминающей ему родину своим рельефом, он через несколько часов попадает в Швейцарию, где уже другая поверхность, совсем ему непривычная. Все, что он видит вокруг себя на Западе, настойчиво навязывает ему впечатление границы, предела, точной определенности, строгой отчетливости...»**

Особенности российской природы в указанном отношении отчетливо выявляются в сравнении не только с природой Франции, но и с природой Италии. Многие известные русские в прошлые века нередко подолгу бывали в Италии, и такое сравнение напрашивалось само собой. Еще Н. В. Гоголь в письмах из Италии обратил внимание на ту черту российского пейзажа, о которой идет речь. Современный исследователь замечает: «...конечно, Гоголь был всецело прав, утверждая, что на Руси нет той *зримой* красоты, тех очаровывающих *взор* «див», которые создали природа и люди на Апеннинском полуострове»***. Красота российского пейзажа — неброская красота. В ней нет того, что сразу приковывает взгляд; открывающаяся бескрайняя даль создает совершенно особое настроение, настраивает на размышления о беспредельном, о вечном. По словам В. О. Ключевского, «наблюдателем овладевает... чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли»****. Российский пейзаж способствует широте взгляда, масштабности мышления, но не формирует внимательного отношения к деталям, отчетливости контуров образов и идей. Таково

---

* *Бродель Фернан.* Что такое Франция? Книга 1. Пространство и история. М., 1994. С. 35.

** *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга первая. М., 1995. С. 56.

*** *Кожинов В.* Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 234.

**** *Ключевский В. О.* Русская история. С. 57.

мнение, которое можно встретить у многих авторов. Оно широко распространено в отечественной литературе и философии. Именно на нем основана та идея, к которой нам предстоит вернуться, — идея внутренней связи между высокими достижениями русской культуры, нерациональностью, неотчетливостью стиля мышления и деятельности, с одной стороны, и особенностями российского ландшафта — с другой.

Следовательно, природные условия, в частности особенности российского ландшафта, создают своеобразную *предпосылку* для особенностей менталитета. Однако для того чтобы она реализовалась в продуктах высокой культуры, разумеется, необходимы дополнительные условия, нужны индивидуальные усилия, а следовательно, волевая направленность, воля. Точно так же воля необходима для того, чтобы преодолеть порождаемое жизнью в соответствующих природных условиях характерное невнимание к форме. (См. более подробно об этом в главе 5, п. «Чувство формы».)

Тесно связан с природным ландшафтом еще ряд черт российского характера. Подчеркнем еще раз, что в рассматриваемом аспекте правомерно вести речь о российском характере, а не о характере отдельных народов, населяющих Россию, в частности русского народа: природа, разумеется, не делает различий, одинаковым образом воздействуя на любого человека, независимо от его этнической принадлежности. Как уже отмечалось, природные условия являются далеко не единственным фактором, определяющим народный характер. Однако пренебрегать им не следует, как не следует пренебрегать особенностями природных условий при рассмотрении любого вопроса, касающегося жизни страны, особенно при разработке проектов будущего или желаемого общественного устройства — о чем мы еще будем говорить более подробно в последующих главах. В советское время под воздействием обязательной партийно-государственной идеологии стало привычным относить едва ли не всякое упоминание о природно-географических факторах к так называемому «географическому детерминизму». Первоочередной акцент ставился на «социальных факторах». Соответственно, предполагалось, что народный характер способен резко изменяться в зависимости от общественного строя: при социализме — он один, при капитализме — совсем другой и т. д. Однако изменчивость черт народного характера не столь велика, как считают сторонники решающей роли социальных факторов. Во всяком случае, она не находится в прямой и однозначной зависимости от изменений общественного устройства. Одной из причин устойчивости фундаментальных черт народного характера является тесная связь ментальности и форм чувствования с природно-географическими условиями.

Обратим внимание на характерное понятие, специфичное для российской ментальности. Его возникновение и существование, несомненно, тесно связаны с природно-географическим ландшафтом России. Речь идет о понятии *«воля»*. «Мне бы только волю, / Во широком поле, / Мне бы только шашку / Да буланого коня!» — поется в известной песне. В этих словах отчетливо выражены особенности понятия воли — в частности, его отличие от понятия свободы. Понятие «свобода» встречается во всех языках, тогда как «воля» — специфично именно для русского языка. Воля — это особое понимание свободы, порожденное, в частности, необъятностью российских просторов, бескрайними горизонтами русской равнины, особым настроением внутренней раскрепощенности, ощущением безграничности возможностей. В словаре Вл. Даля приведены следующие определения: «*Воля* — данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках». «*Произвол* — своя воля, добрая воля, свобода выбора и действия, хотенье, отсутствие принужденья». Представление о воле тесно связано с понятием «удаль». Как заметил Н. С. Трубецкой, «удаль — добродетель, непонятная ни романо-германцам, ни славянским народам, существуют черты, отличающие их друг от друга. Ряд этих отличительных черт обусловлен природно-географическими условиями. Это с одной стороны. С другой — все народы, живущие на равнинных просторах России, независимо от того, славяне они или нет, в той или иной степени приобретают общие черты, в частности интимное представление о воле и об удали как своеобразном качестве человека. «Казак удалой», «удалой молодец», «вольный казак», «вольная птица», «мне бы только волю во широком поле», «я пришел дать вам волю», «нагуляться вволю» — такого рода выражения и словосочетания проясняют понятие воли и связанное с ним понятие удали».

«Воля есть прежде всего возможность жить или пожить по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями, — писал Г. П. Федотов. — Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует... в уходе из общества, на степном просторе...»* Он же подчеркивал отличие понятия воли от понятия свободы: «Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе; воля — всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо»**.

Из факта распространенности в российском менталитете понятия воли Федотов делал далеко идущие выводы. В частности, он полагал, что в силу господства установки на волю российскому менталитету недоступно понятие свободы, предполагающее, по Фе-

---

* *Федотов Г.* Судьба и грехи России. М., 1992. Т. 2. С. 286.
** Там же.

дотову, уважение к чужой свободе. Понятие личной свободы, то есть такой, которая исходит из уважения достоинства и прав другого человека и в этом смысле предполагает добровольное самоограничение, — западного, а не российского происхождения. Российское же понятие воли принципиально ничем не ограничено. Отсюда у мыслителя возникали сомнения относительно возможности установления в России демократического государственного устройства западного образца, поскольку такое устройство немыслимо без бережного отношения не только к своей, но и к чужой свободе. Подобные сомнения характерны и для других русских мыслителей. При этом одни, будучи ориентированы на демократию (как, например, Федотов), писали о препятствиях к ней с сожалением, рассчитывая, что эти препятствия со временем могут быть преодолены; другие делали вывод о том, что в силу чрезмерно вольного характера российский народ следует обязательно держать в состоянии сурового повиновения власти. По их мнению, демократия пригодна лишь для стран Запада, но непригодна и даже разрушительна для России. Спор между сторонниками двух противоположных позиций продолжается по сегодняшний день. Отметим, что установление демократического государственного устройства действительно сталкивается в России с целым рядом трудностей и проблем. К их числу относится и та, о которой идет речь, — распространенности чрезмерно вольного понимания свободы — как свободы для произвола и самоуправства, а нередко и для самодурства. Однако вряд ли на этом основании следует делать пессимистический и, по сути, оскорбительный для российского народа вывод, что он недостоин демократических свобод и непременно нуждается в «палке» в виде самодержавия или диктатуры. Демократическое государственное устройство успешно осваивают в современном мире многие народы, причем с самым различным менталитетом. Вряд ли есть основания полагать, что Россия столь резко и не в лучшую сторону отличается от остального мира, что ей недоступно то, что доступно остальным. Черты же характера, порожденные российской природой, — вольность и удаль — не только неоднократно выручали наших предков в труднейших ситуациях, когда на карту было поставлено само существование России, но и способствовали самому возникновению и формированию российской цивилизации. Они составляли и впредь будут составлять одну из ее своеобразных черт.

А. Ильин отмечал, что «открытое и обильное пространство облегчает людям обособление и расселение: нет необходимости «уживаться друг с другом» во что бы то ни стало, ибо организационное приспособление друг к другу заменяется расхождением в *разные стороны*. Теснота жизни и *густота населения* приучают к организу-

ющей сплоченности; и обратно»*. Высокая плотность населения (характерная для Западной Европы, Японии и ряда других стран), отсутствие возможности разойтись в разные стороны порождают *необходимость регламентации*, то есть гласных или негласных, но четких правил, совместной жизни.

Очевидно, что плотность населения и ограниченность пространства, например, в Японии, в немалой степени способствовали четкой регламентации всех сторон жизни японского общества посредством множества тщательно оберегаемых традиций, ритуалов, правил вежливости. То же в общем и целом можно сказать о Западной Европе. Плотность населения и отсутствие пространства, куда можно при случае убежать, уехать, уйти, несомненно, заставляли европейцев устанавливать и добровольно соблюдать достаточно четкие правила поведения. Не только в Германии, известной своей аккуратностью в соблюдении различных правил, но и в любой западноевропейской стране мы легко обнаружим множество гласных и негласных порядков и установлений, регламентирующих различные стороны жизни. В этом смысле Соединенные Штаты, пространства которых сопоставимы с российскими, гораздо более «раскованная» страна, хотя по степени раскованности им все же далеко до России. Впрочем, сопоставление народных характеров является самостоятельной и интересной темой, к которой мы по возможности будем еще возвращаться в последующих главах. Сейчас нам важно подчеркнуть, что «открытое и обильное» (выражение И. Ильина) пространство России приучает обходиться без строгой регламентации, без того, чтобы вырабатывать разного рода правила, регламенты и т. п. И заставлять себя следовать им. Поскольку народ мог беспрепятственно вести себя почти «как угодно», переходить из одних мест в другие, то всякого рода регламентация шла обычно «сверху», со стороны государственной власти. Не исключено, что и введение крепостного права было вызвано (разумеется, в числе многих других причин) стремлением государственной власти закрепить население на постоянных местах, чтобы такой «драконовской» мерой хоть с какой-то стороны упорядочить общественную жизнь. Впрочем, это предположение нуждается в дополнительном обсуждении. Более или менее бесспорным остается то, что в России придают немного значения всякого рода ритуалам, правилам, этикетам, а если и вынуждены подчиняться тому, что идет «сверху», то делают это, отчетливо сознавая вынужденность соблюдения регламента.

В этой связи уместно вспомнить, что К. П. Победоносцев, влиятельный государственный деятель царской России конца XIX в. (обер-прокурор Святейшего Синода), который вряд ли мало знал

* *Ильин И. А.* Наши задачи. С. 244.

свою страну, говорил, что «Россия — это ледяная пустыня, по которой ходит лихой человек». «Лихой» в этом контексте означает не столько «разбойный», сколько «вольный», «не ведающий внутренних ограничений», «заряженный энергией на любое дело, как на доброе, так и на злое». Победоносцев считал главным и, по существу, единственным средством сдерживания человека такого типа деспотизм государственной власти. Однако следует заметить, что деспотическая власть, ставя заслон проявлениям агрессивной стороны человеческой природы посредством жестких ограничений и запретов, лишь способствует накоплению мощного заряда негативной энергии. Накопленный потенциал разрушения прорывается с невиданной силой в критические моменты истории, сметая на своем пути все и разрушая ранее достигнутое. К сожалению, так не раз бывало в истории России, и сегодня мы вновь стоим перед задачей прорвать наконец замкнутый круг деспотизма и разрушения, с тем чтобы Россия твердо встала на путь не мнимого, а подлинного демократического развития.

С волей, удалью, отсутствием жесткой регламентации связано еще одно качество российского духа, на формирование которого прямое влияние оказывают природные условия. Это качество многими русскими мыслителями названо «безмерностью». Чтобы понять, что имеется в виду, достаточно вспомнить строки из песни А. Розенбаума: «Учили меня / Отец мой и мать: / Любить так любить! / Гулять так гулять!»

Безмерность — особое качество российской души, означающее, разумеется, не ее разгульность, а стремление во всем дойти до предела, до конца, до последних оснований. Российский человек редко ограничивается «золотой серединой» и в жизни, и в мысли: «Во всем мне хочется дойти до самой сути» (Б. Пастернак). Это качество нашло свое проявление во многих значительных эпизодах российской истории. Проявилось оно и в творчестве писателей, поэтов, мыслителей.

Влияние особенностей российской природы, ее безграничности, порождающей ощущение простора, чувство внутренней свободы и раскрепощенности, своеобразно резюмируется в чрезвычайной популярности в российской ментальности *образа дороги.* Без преувеличения можно утверждать, что дорога — вечный символ России. Его можно проследить от знаменитой птицы-тройки Н. В. Гоголя и «Очарованного странника» Н. Лескова до не менее знаменитой «Эх, дороги, пыль да туман, / Холода, тревоги да степной бурьян...» и до самого современного искусства последних лет. Вряд ли можно найти сколько-нибудь значительного российского автора, в творчестве которого образ дороги не получил бы своего отражения. Приведем слова из песни Юрия Визбора, замечательного поэта и композитора, чье творчество было особенно популярно в 60—80-е годы:

Не верь разлукам, старина,
Их круг лишь сон, ей-богу!
Придут другие времена, мой друг,
Ты верь в дорогу!

Нет дороге окончанья,
Есть зато ее итог.
Дороги трудны, но хуже —
Без дорог.

Российская дорога — символ российской жизни, ее романтики и ее неустроенности. Дорога выражает настроение тревоги, неустойчивости, временности. Но одновременно она успокаивает, лечит. Дорога — символ трудностей жизни и ожидание встречи с домом.

Дорога, дорога,
Ты знаешь так много
О жизни такой непростой.
Дорога, дорога,
Осталось немного,
Мы скоро вернемся домой, —

поется в песне группы «Любэ». Дорога настраивает на раздумье: «Мягко качусь я по рельсам чугунным, / Думаю думу свою» (Н. А. Некрасов). Дорога символизирует бесконечность, открывающиеся безграничные перспективы. Она говорит о неизведанности будущего, намекает на предстоящие испытания, на возможные превратности судьбы, вызывает ощущение продолжающейся жизни:

И умолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека-далека...

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX—XX века. В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990.

Бродель Фернан. Что такое Франция? Книга 1. Пространство и история. М., 1994.

Бурстин Дэниэл. Американцы: национальный опыт. М., 1993.

Вернадский Г. В. Русская история. М., 1997.

Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т. М., 1958. Т. 14.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Задорнов Николай. Амур-батюшка. Роман./ Задорнов Н. Собр. соч. в шести томах. Т. 1. М., 1977.

Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах Книга первая. М., 1995.

Кожинов В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. Т. 2.

Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991.

Овчинников В. Адмирал Ушаков. М., 1998.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Розанов В. В. Русский Нил / Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990.

Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // Мир России — Евразия. Антология. Составители Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1995.

Степун Ф. А. Мысли о России. В кн.: Русская философия собственности. СПб.: 1993.

Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.

Федотов Г. Судьба и грехи России. М., 1992. Т. 2.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Почему с природно-географической точки зрения не имеет смысла разделять территорию России на европейскую и азиатскую части? Какие природные зоны проходят через всю территорию России в широтном направлении?

2. Почему российскую цивилизацию приходится считать самой северной в мире?

3. Что означает понятие «континентальность»? Каковы аргументы в пользу того, что российская цивилизация должна быть отнесена к цивилизациям континентального типа?

4. Назовите и разъясните другие природно-географические особенности российской цивилизации.

5. В чем смысл понятия «природно-географический императив»? Каковы основные природно-географические императивы российской цивилизации?

6. Являются ли природно-географические факторы единственными, исходя из которых можно исчерпывающим образом объяснить все богатство проявлений цивилизации? Каков смысл понятий «месторазвития» и «внеместные факторы»?

7. Что означает положение о том, что всякая цивилизация есть «организм природы и духа»?

8. Каков смысл методологии «вызов-и-ответ»? Кому принадлежит ее авторство? Какие поправки должны быть внесены в нее с учетом современных условий?

9. В чем состоял российский механизм освоения огромных пространств?

10. Как развивался процесс присоединения и освоения новых территорий? Почему именно казакам принадлежала важнейшая роль в этом процессе?

11. Какие качества проявили россияне, сумев освоить столь значительные пространства в столь суровых природно-климатических условиях?

12. Вспомните основные вехи жизненного пути и первопроходческой деятельности Е. П. Хабарова. Имена каких выдающихся российских землепроходцев вам известны? Каковы их заслуги в территориальном расширении российской цивилизации?

13. Какова роль монастырей в освоении территорий российского Северо-Запада?

14. Какое влияние оказывают природно-географические условия на народный характер? Является ли это влияние фатальным?

15. В чем состоят радикальные отличия российского природно-географического ландшафта от ландшафта западноевропейских стран? Какое влияние на менталитет и народный характер имеют особенности ландшафта?

16. На каком пути возможно преодоление отрицательных черт менталитета, возникающих вследствие воздействия природно-географических условий?

17. В чем состоят особенности характерно российского понятия воли? В чем его отличия от понятия свободы? Какие проблемы создает присутствие вольности в менталитете народа при установлении демократического государственного устройства? Разрешимы ли эти проблемы?

18. Почему одним из характерных символов России является образ дороги? В произведениях каких отечественных авторов образ дороги нашел свое художественное воплощение?

Глава 3

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. *Нация, национальность, этнос.*
2. *Российское этническое многообразие. Ассимиляция и аккультурация.*
3. *О значении термина «русский».*
4. *Русский народ среди народов России.*
5. *«Всемирная отзывчивость».*
6. *Так называемый «еврейский вопрос».*
7. *На пороге эпохи массовых миграций.*

1. НАЦИЯ, НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ЭТНОС

Кем считают себя люди, живущие на необъятных просторах России? Считают ли они себя русскими, татарами, башкирами, удмуртами, якутами, армянами, евреями и т. д., то есть представителями только лишь определенного народа, входящего в состав России или населяющего ее, или же наряду с этим относят себя и к представителям более широкой общности — России в целом? Очевидно, что этот вопрос имеет огромное значение для настоящего и будущего России, особенно для сохранения и укрепления российского единства. Прежде чем ответить на него, обратим внимание на понятие, которое раскрывает восприятие человека самого себя. Оно важно для дальнейшего изложения. Это понятие *самоидентификации.*

То, как человек воспринимает самого себя, к какой общности людей он себя относит, называется его *самоидентификацией.* Самоидентификация, как правило, имеет несколько уровней. Человек относит себя к нескольким общностям, от самой малой, которой является семья или род, до самой большой, какой является человечество в целом. Так, житель Москвы на вопрос «кто ты такой?» может ответить, что он носитель такого-то имени и фамилии, житель такой-то улицы, определенного района Москвы, работник такого-то предприятия, москвич, русский (татарин, еврей и т. д.), россиянин, наконец, представитель человеческого рода, житель планеты Зем-

ля. Естественно, самоидентификация людей, населяющих Россию, включает в себя ряд подобных уровней.

Нельзя не учитывать, что события последнего десятилетия, связанные с распадом СССР, образованием новых независимых государств, развитием национальных движений внутри России и другие, не могли не наложить отпечатка на самоидентификацию жителей бывшего Советского Союза. Однако важно иметь в виду, что огромное большинство населения современной России обладает самоидентификацией в качестве представителя России, «россиянина» (разумеется, наряду с другими уровнями самоидентификации). Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований. Лишь небольшая часть опрошенных жителей России не отнесла себя к представителям России, назвав себя «советскими» (то есть представителями бывшего СССР), или остановилась на идентификации себя в качестве определенного народа или национально-культурной общности*. Тот факт, что, несмотря на все сложности и трудности современного положения, подавляющее большинство жителей России ощущают себя ее представителями, причем не только формально, не только по паспорту (к тому же в период проведения опроса у большинства паспорта были еще старые, советские) — следовательно, сынами и дочерьми России, — имеет огромное значение. В самом деле, возможно ли существование какого-либо государства без наличия некоторой внутренней связи между людьми — гражданами данного государства? Возможно ли государство без того, чтобы большинство его граждан не идентифицировало себя именно с ним, с этим государством, а не с чем-то другим? «Государство — это не только границы, институты и правовые декларации, но и то, что в качестве представления существует в самих людях. Если такого представления как одной из доминирующих идей нет, то нет и государства», — отмечает крупнейший отечественный специалист по этнографии В. А. Тишков**. Следовательно, только опираясь на отмеченный факт идентификации себя в качестве россиянина, представителя России, — идентификации, характерной для подавляющего большинства населения, — можно с уверенностью утверждать, что Россия подлинно существует как самостоятельное государство, существует как *единая нация*.

Здесь термин «нация» употреблен в международно-правовом смысле, так, как он употребляется в документах, признанных миро-

---

* См.: *Губогло М. Н.* Развивающийся электорат России. М., 1996.; *Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

** *Тишков В. А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 644.

вым сообществом. Однако не следует забывать о том, что существует и иное значение этого термина, о чем речь пойдет ниже. В международных документах под «нацией» понимается совокупность граждан определенного (данного) государства. По сути, это общегражданская идентичность, т. е. общность лиц, являющихся гражданами определенного государства. Никакого этнического, кровно-родственного элемента в данном понятии нет: все граждане данного государства, независимо от этнической, расовой и иной принадлежности, признаются представителями данной нации. Такое понятие нации имеет западноевропейское происхождение, поэтому его можно условно называть «европейским». В отличие от понимания нации в международно-правовом смысле, существует также понятие нации как термина для обозначения любого этноса, любого народа. При этом любой народ России, в первую очередь из тех, которые имеют свою государственность (то есть образуют на территории России соответствующие республики), представляет собой отдельную нацию. С этой точки зрения существует, скажем, азербайджанская нация как совокупность всех азербайджанцев, независимо от мест их проживания; существует башкирская нация — совокупность всех башкир, независимо от мест их проживания, и т. д. Характерно, что при таком понимании возникают затруднения относительно права малых народов называться нацией. Например, ни у кого не возникнет сомнения в том, что, скажем, грузины представляют собой нацию, но в отношении абхазов и аджарцев (народов, входящих в состав Грузии и образовавших на ее территории самостоятельные республики) ведется нескончаемая и безрезультатная полемика.

Надо подчеркнуть, что, в отличие от первого (международно-правового или европейского) понятия нации, второе прочно укоренено в России, где и является доминирующим. Можно сказать, что *наличие двух понятий нации*, о которых мы ведем речь, при доминировании второго, является *одной из характерных черт* своеобразия российской ментальности в вопросах, касающихся обсуждаемой темы. Очевидно, доминирующее положение второго понятия сохранится, по меньшей мере, в близком будущем. Реально можно рассчитывать лишь на то, что европейское понятие нации станет в скором времени общепринятым в среде образованных людей. При этом необходимо учесть, что введение в широкий оборот признанного мировым сообществом понятия нации не должно задевать национальных чувств представителей ни одного из народов России.

В связи со сказанным возникает вопрос о понятии *«национальность»*. В целом для российского менталитета характерно отождествление понятий национальности и нации. Такое отождествление заложено во втором из отмеченных выше понятий нации и находится с ним в непосредственной связи. При первом же (европейском)

нация и национальность строго различаются. Национальность в этом случае — это совокупность людей, объединенных общим происхождением, языком, традициями и культурой. При таком понимании признается, в частности, что в России множество национальностей, но одна нация. В этом случае слово «национальность» становится синонимом слова *«этнос»* или словосочетания «этническая общность» (группа). Такое словоупотребление принято во всем мире. С таких позиций США, например, представляют собой единую нацию, в которую включено огромное множество этносов (национальностей). На сегодняшний день то же самое можно сказать практически обо всех европейских странах, которые все более превращаются из стран с доминированием одного этноса в конгломерат, состоящий из множества разнородных этнических групп. Международно-правовая терминология позволяет достаточно определенно отображать сложные процессы современного мира. По пути принятия этой терминологии в общем и целом идет и российское законодательство, что нашло свое отражение, в частности, в утвержденной в 1996 г. «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» и принятом в том же году законе Российской Федерации «О национально-культурной автономии».

Нередко говорится о том, что Россия — многонациональная страна, включающая в свой состав 176 «наций, народностей, этнических групп»*. Такое словоупотребление укоренилось достаточно прочно. Однако разделение этнических общностей на «категории», от более высокой до более низкой, несомненно, не может не ущемлять национального достоинства людей. Вообще, всякое выстраивание этнических общностей «по ранжиру» совершенно недопустимо как по политическим, так и по этическим соображениям. Недопустимо и разделение этнических общностей на те, которые якобы заслуживают наименования «нация», и те, которые не удостаиваются такой чести, заслуживая лишь наименование «этническая группа» или — неопределенного — «народность». Среди этнических общностей России 21 имеет по Конституции Российской Федерации собственную форму государственности в виде соответствующих республик: Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушская республика, Кабардино-Балкарская республика, Калмыкия, Карачаево-Черкесская республика, Карелия, республика Коми, Марий-Эл, Мордовия, Саха—Якутия, Северная Осетия, Татарстан, Тува, Удмуртская республика, Хакасия, Чеченская республика, Чувашская республика. Тот факт, что некоторые этнические общности России имеют на ее территории собственные формы государственности, не

* См. напр.: *Зорин В.* Национальной политике — правовую основу. В кн.: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 577.

должен служить основанием для того, чтобы резко выделять их из других, предоставляя им статус нации и лишая его других. Этот факт следует рассматривать лишь как свидетельство фиксированности территории, где исконно проживал данный народ, как свидетельство его исторической укорененности в России. Следует в то же время иметь в виду, что только 47% представителей нерусских национальностей проживают на территории «своих» республик.

В современных условиях понятие «национальное государство» (от слова «национальность») все более утрачивает смысл, если такой смысл вообще когда-либо существовал. Не только Соединенные Штаты Америки, известные своим многонациональным составом, но ни одно из современных государств не является и никогда не было мононациональным. Подавляющее большинство современных государств исконно населено многими народами. В последние десятилетия, в силу чрезвычайного роста процесса миграции, многоэтничность большинства европейских государств резко возросла. Если в прошлом можно было с несущественными оговорками говорить о доминировании одного («титульного») этноса, то сегодня во многих случаях о таком доминировании говорить не приходится.

Например, сегодняшняя Франция не только не является «страной французов» (в этническом смысле), но и не является страной, в которой этнические французы занимают какое-то исключительное место. То же самое можно сказать о большинстве европейских государств. Аналогичная тенденция действует и в России. Максимум, в чем может быть выражена некоторая «исключительность» титульного этноса, это признание его исторических заслуг в создании данного государства, то есть того, что было сделано данным народом в прошлом. Например, в современных США ни одна этническая группа не имеет законодательно закрепленных привилегий. Однако всякий образованный американец знает, что решающий вклад в создание Соединенных Штатов в свое время внесли белые англосаксы-протестанты (так называемые «wasps») — выходцы из Англии и ряда других стран Европы. Их заслуги не могут быть оспорены со стороны других этнических групп, хотя из этого не должны вытекать и требования каких-либо законодательных преимуществ. Современная Франция по этническому разнообразию все более приближается к Соединенным Штатам. Этническим французам если еще и не грозит опасность остаться в своей стране в меньшинстве, то, во всяком случае, едва ли удастся в ближайшем будущем сохранить свое лидирующее положение. (Более подробно об этом см. п. 5 настоящей главы.) Однако они с полным правом могут рассчитывать на то, что современный разноплеменный состав французского общества изъявит готовность признать исторические заслуги титульной национальности в создании и укреплении французского го-

сударства. То же самое следует сказать о месте и роли русского этноса в России. При всем разнообразии этнического состава России, при равноправии всех народов следует без оговорок признать, что решающий вклад в создание и укрепление российского государства на протяжении многих веков вносили этнические русские, опирающиеся на свою веру — православие. Такое признание предполагает только моральный аспект, но не может быть поводом для каких-либо юридически закрепленных привилегий. Моральное признание исторических заслуг титульного этноса призвано стать одним из факторов консолидации общества, фактором солидарности всех граждан данного государства, то есть всей нации.

Подобно тому как англосаксы-протестанты составляют этноконфессиональное ядро цивилизации в США, так и русские-православные представляют собой такое же ядро российской цивилизации. Язык и культура этого ядра оказали решающее влияние на соединение всех элементов цивилизации в единое целое, на создание общих для всех частей цивилизации структур. Именно ядро во многом определяет характер и особенности цивилизации, ее отличия от других цивилизаций.

2. РОССИЙСКОЕ ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ. АССИМИЛЯЦИЯ И АККУЛЬТУРАЦИЯ

Россия — гигантский конгломерат народов. По степени этнического разнообразия с Россией могут соперничать только Соединенные Штаты Америки, исконно бывшие страной иммигрантов. Российское этническое разнообразие ведет свое начало с имперского периода российской истории, с послепетровского времени, с XVIII в. Именно в этот период в состав России вошли те народы, которые и по сей день составляют основу ее этнического разнообразия. Не будет преувеличением утверждать, что с этого момента Россия стала грандиозной генетической и психологической лабораторией, в которой испытываются различные способы совместного существования необычайного разнообразия этносов и соответствующих им языков, культур, верований. Несомненно, что генетическое разнообразие России явилось одним из тех факторов, который позволял и позволяет добиваться успехов в самых различных видах человеческой деятельности. Этническое и культурное разнообразие России стало предпосылкой грандиозных свершений, которыми вправе гордиться каждый россиянин. Оно является залогом таких свершений в будущем.

Отечественная историческая наука, сконцентрировавшаяся в советский период на вопросах классовой борьбы и «эксплуатации», и

сейчас продолжает, к сожалению, заниматься по преимуществу развенчанием «проклятого прошлого». Между тем прошлое призвано стать источником духовного опыта. Исторические испытания могут быть основой жизненной силы нации в настоящем, подобно тому как пережитые трудности и невзгоды способны закалить характер индивида. Чрезмерная концентрация на общественно-политических вопросах явилась причиной того, что историческая наука оставила незамеченным тот огромного значения факт, что на пространствах России совершался и продолжает совершаться масштабный эксперимент совместного бытия огромного числа народов, как резко различающихся по своим характеристикам, так и относительно близких по языку, культуре, генетическому типу. Не иммиграция, как в Америке, создала этот грандиозный бурлящий «котел» огромного множества этнических общностей и соответствующих языков, культур, верований. В большинстве случаев российские народы испокон веков укоренены на своих территориях, что, однако, не помешало им взаимно проникать друг в друга, совместно осваивать огромные территории, преодолевать исторические испытания, переживать трагедии и одерживать победы.

Российское этническое многообразие — это огромное богатство, ставящее немало проблем, но и приносящее благодатные плоды. В частности, именно оно способствовало тому, что российский дух приобрел широту, которая стала его отличительной чертой, внутреннюю свободу, которая недоступна привыкшим к унификации и упорядоченности народам Запада. Именно российское многообразие, в числе других предпосылок, превращает Россию в значительный фактор мировой жизни, заставляет считаться с ней мировое сообщество.

Несомненно, что вовлеченность в орбиту российской истории не оставила неизменным ни один из народов; ни один из народов не остался равным самому себе. Можно с уверенностью утверждать, что представители разных народов творили историю России, а история видоизменяла, трансформировала, творила их. Попытки вернуться к «исконному», «дороссийскому» положению недостижимы даже для отделившихся новых независимых государств хотя бы потому, что значительное число этнических представителей этих государств осталось в России, навеки став ее органической и неотъемлемой частью. Немалое же число выходцев из России, в свою очередь, навеки связало свою судьбу с образовавшимися на территории бывшего СССР новыми государствами.

За три века (в некоторых случаях и больше) при достаточно широкой свободе брачных союзов, которая до 1917 г. в большинстве случаев ограничивалась лишь религиозным признаком, а впоследствии не ограничивалась со стороны государства никакими усло-

виями, со всеми этносами России произошли, несомненно, значительные генетические изменения. В целом вряд ли сегодня в России можно найти народ, чей генетический фонд остался в нетронутом виде, то есть таким, каким он был до вступления этноса в орбиту российской истории. Можно определенно утверждать, что генетическая вариантность в современной России огромна и продолжает возрастать, поскольку число смешанных браков не имеет тенденции к снижению. Вместе с тем данное утверждение нуждается в пояснениях.

Казалось бы, можно ожидать, что в России имеет место *смешение* различных национальностей и что Россия является с этой точки зрения не чем иным, как огромным «плавильным котлом», в котором «варятся» и «плавятся» различные национальности. С одной стороны, так оно и есть. Но только с одной стороны. В действительности взаимоотношения национальностей (не только в России) — гораздо более сложны. Они не сводятся только к смешению, поскольку наряду с тенденцией к смешению постоянно действует и противоположная — тенденция к *обособлению и самосохранению.* Вероятно, тенденция к смешению представлена в России более масштабно и отчетливо, чем в других странах с ярко выраженной многонациональной структурой, например в США. Следует подчеркнуть, что представление о США как о стране, где в невиданных масштабах осуществляется «смесительный» процесс различных народов, устарело и не соответствует действительности. Американские исследователи достаточно давно (в 50-е годы) пришли к выводу, что Соединенные Штаты — это «плавильный котел» (или «тигель»), в котором «все варятся», но далеко не все «плавятся». Иначе говоря, совместное бытие представителей различных рас и культур в США не сопровождается, как можно было ожидать, исчезновением различий и переплавкой всех в нечто единое и однообразное. Крупнейший исследователь американской цивилизации М. Лернер писал: «Период, когда иммиграционный процесс считался в Америке аналогичным процессу, происходящему в «плавильном тигле», оказался, к счастью, непродолжительным. Сегодня трудно найти серьезных писателей и мыслителей, которые бы не признавали ошибочность взгляда на американскую культуру как на нечто вроде производственного процесса, сглаживающего культурные различия и превращающего разнообразный человеческий материал в монолит Большого Каменного Лица»*.

Длительное господство в России партийно-государственной идеологии, предусматривавшей в перспективе полное устранение национальных различий, конечно, не способствовало своевременному

* *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. Т. 1. С. 118.

развенчанию идеи «плавильного котла», которая в той или иной мере, несомненно, присутствовала в массовом сознании советского общества. Нельзя забывать, что идеология советского периода исходила из положения о «буржуазном» происхождении нации и отсюда делался вывод, что в будущем коммунистическом обществе нации «отомрут» и объединенное человечество не будет знать национальных различий. Промежуточной фазой в движении к отмиранию наций должно было стать социалистическое общество, в котором, согласно теории, предполагался активный процесс сближения народов, устранения национальных различий. Надо признать, что партийно-государственная идеология в этом случае, как и во многих других, хотя и в искаженном виде, но отображала вполне реальные процессы. Дело в том, что как в советское время, так и во времена Российской империи действительно имели место процессы сближения и этнокультурного перемешивания народов России. Однако эти процессы, конечно, не имели отношения ни к социализму, ни к коммунизму, как это представлялось коммунистическим идеологам. Кроме того, тенденция к перемешиванию никогда не была единственной: наряду с ней всегда действовала тенденция к самосохранению национальностей, к сохранению собственной этнической и культурной самобытности. Вопреки коммунистической теории, говорить о том, что тенденция к перемешиванию когда-либо полностью и окончательно возьмет верх, нет оснований. Напротив, события последних десятилетий говорят о мощной способности народов *противостоять смешению*, об их могучем стремлении сохранить свою культурную и этническую самобытность. Видимо, в перспективе нас ожидает не «монолит Большого Каменного Лица» (выражение М. Лернера), а мир культурного и этнического разнообразия. Таким образом, тенденцию к интеграции, к сближению народов, которая, несомненно, действует как в России, так и в современном мире в целом, не следует понимать в смысле устранения национальных различий. Ее следует понимать как налаживание контактов и взаимопонимания *при сохранении различий*.

Тем не менее есть основания полагать, что тенденция к смешению этносов в России выражена в целом ярче, чем где бы то ни было. Число смешанных браков в России всегда было значительным. «В СССР был и сохраняется в России высокий уровень мисцегенации (генетического смешения. — *В. Ш.*) и число потомков смешанных браков составляет огромную часть населения»*, — отмечает В. А. Тишков. Особенно легко вступают в смешанный брак этнические русские. Семья, в которой один из супругов русский, а другой — грузин, армянин, дагестанец, казах, еврей, чуваш, мордвин

* *Тишков В. А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. С. 629.

и т. д., не является редкостью в России. Гораздо меньше распространены, хотя и не являются абсолютными исключениями, браки между представителями нерусских этносов. Действие тенденции смешения в прошлые века вряд ли можно отрицать, хотя трудно привести для ее подтверждения достоверные статистические данные. Насколько можно судить, статистика на этот счет не велась. Не располагая статистикой, сошлюсь на слова И. Ильина, косвенно подтверждающие гипотезу о традиционности для России смешанных браков: «Американские антропологи исчислили, что вариации в строении черепа у населения России не превышает пяти пунктов на сто, тогда как французское население варьирует в пределах девяти пунктов, а итальянское — в пределах четырнадцати пунктов, причем средний череповой тип чисто русского населения занимает почти середину между нерусифицированными народами Империи»*. Ильин ссылается на работу А. А. Башмакова, чей труд «Пятьдесят веков этнической эволюции вокруг Черного моря» вышел в 1937 г. в Париже (на французском языке).

Таким образом, существует немало оснований полагать, что тенденция к смешению этносов в России представлена достаточно ярко. Вместе с тем нельзя ни в коем случае забывать, что эта тенденция никогда не была абсолютной и не может быть таковой в принципе: наряду с ней действует тенденция к обособлению и самосохранению. История России действительно уникальна хотя бы тем, что за многие века совместного существования — существования, полного суровых испытаний, — ни один этнический тип не исчез с лица земли, ни один народ не был уничтожен, не погиб в бурных водоворотах истории. Российское этническое разнообразие неуклонно возрастало и продолжает возрастать, ничто не предвещает того, что впредь будет по-иному. Следовательно, нам необходимо отдавать себе полный отчет в том, что мы живем в многонациональной стране, что все мы разные и останемся разными и что нам нужно уметь жить вместе. Очевидно, что это не просто.

Задача состоит в том, чтобы удерживать внутри себя несколько типов ментальности в органическом равновесии. В условиях, когда человек окружен представителями разных этносов, разных культур, когда вокруг слышна разноязычная речь, когда многое кажется чуждым и непонятным, он испытывает психологический дискомфорт. Человек должен прилагать усилия для того, чтобы приводить себя в состояние душевного равновесия. В России все, кто не относит себя к русскому этносу, постоянно живет как бы в двух мирах, в двух измерениях, оказываются носителями двух типов ментальности. Это требует определенных усилий, предполагает

* *Ильин И. А.* Наши задачи. С. 238.

наличие определенных навыков. Человеку может казаться, что он постоянно стоит перед проблемой выбора по принципу «либо — либо», хотя в действительности такая дилемма перед ним может и не стоять. В этой связи следует различать *ассимиляцию* и *аккультурацию*. Ассимиляция — это полная или почти полная утеря исконного состояния и столь же полное освоение нового состояния. Ассимиляция — это своеобразная «улица с односторонним движением». В отличие от нее, аккультурация — это приобретение основных черт нового состояния при сохранении основных черт исконного*. Успешная аккультурация не означает, что человек полностью овладел ценностями другой культуры, обязательно отказавшись от своих прежних ценностей**. Аккультурацией называется усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры***. Однако своеобразие разновидностей аккультурации может иметь место и в том случае, если человек изначально растет и воспитывается в многонациональной среде. Для нас важно, что в России (как и во многих странах современного мира) огромное число людей с детства растет и воспитывается в двух традициях, двух культурах, двух языковых средах. Первый круг традиций, культуры и языка связан с ближайшим окружением, семьей, в первую очередь с родителями. Второй круг включает в себя общение на улице, в школе (если преподавание ведется на русском языке), впоследствии — на работе и в рамках любой специально этнически не ограниченной публичной деятельности.

Согласно идее двухъярусности, изложенной нами в главе 1, каждый представитель цивилизации становится носителем характера и ментальности, *общих* для данной цивилизации, *без обязательной* утраты социально-психологических черт той национальности, к которой он исходно принадлежит. Усвоение общих для данной цивилизации черт не предполагает также и обязательного отказа от конфессиональной принадлежности (от веры предков) и отрицания тех ценностей, которые связаны с принадлежностью к той или иной конфессии. В современных условиях в России нет принципиальных препятствий для развития любого языка и любой национальной культуры. Для этого необязательно проживать на территории соответствующей республики. Упомянутый выше закон «О национально-культурной автономии» предусматривает возможность создания

---

* См.: *Арутюнов С. А.* Билингвизм и бикультурализм // Советская этнография. 1978. № 2.

** См.: *Acton William R., Judith Walker de Felix.* Acculturation and mind // Culture Bound. Cambridge Universiry Press, 1995. P. 20.

*** См.: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1990.

национально-культурных обществ и других объединений для любой этнической общности на всей территории России.

Идея двухъярусности актуальна в первую очередь для тех семей, которые не являются собственно русскими, но укоренены в России, относятся к числу ее коренных народов, к числу издавна проживающих в ней или связавших с ней свою судьбу на протяжении жизни хотя бы одного-двух поколений. Что же касается собственно русских, то для них, разумеется, аккультурации как отдельного процесса не существует или, точнее, он совпадает с общим процессом вступления во взрослую жизнь, овладения навыками жить в обществе, социализации. В этом случае на первый план выходит другая задача, связанная с осознанием того, что Россия — это не только «страна русских», но и страна многих национальностей. Следовательно, нужно научиться жить и успешно общаться в условиях многоэтничности, многоконфессиональности и т. д. Эта задача — составная часть огромного комплекса, который можно было бы обозначить как проблему «свой и чужой». Именно с этой проблемой связаны многие противоречия современного мира. Несомненно, именно она является главной для межнациональных отношений. Именно о ней применительно к России мы будем более подробно говорить в дальнейшем. Пока же отметим, что в общем и целом в России сложилась прочная традиция успешного сосуществования многих народов. Разумеется, абсолютно бесконфликтное бытие возможно только в мечтах или в раю, на небесах. Однако если окинуть мысленным взором несколько последних столетий российской истории, то острых межэтнических конфликтов обнаружится не так много. В большинстве случаев у российского человека хватало здравого смысла, чтобы своевременно устранять возможные недоразумения на этнической почве. Это не может не свидетельствовать о наличии у российских людей прочных навыков межэтнического общения.

В отличие от США, где этническое разнообразие явилось продуктом иммиграции, в России национальности в большинстве случаев укоренены, являются исконными для данной территории. Вместе с тем в процессе исторического развития произошло значительное «распыление» всех народов по всему российскому пространству. В результате, как отмечалось, только 47% представителей нерусских народов проживают на территории «своих» республик. Кроме того, не следует забывать, что все крупные российские города многонациональны по своему составу, а в них проживает около половины населения страны. Такое сочетание территориальной укорененности и распыленности, видимо, уникально для современного мира. Оно, в частности, способствует выработке своеобразной формы чувства родины. С одной стороны, существует «малая» родина — тот регион или та республика, которая является колыбелью данного народа,

с другой — «большая» Родина, вся Россия (и даже весь бывший Советский Союз), в которой проживают родственники, друзья, знакомые и т. д. Такое чувство «большой» Родины является одним из факторов той характерно российской широты духа, которая отличает его от духа народов Запада.

Своеобразие российской распыленности еще и в том, что нигде в России не встречаются особые «кварталы», заселенные представителями одной национальности. Такие кварталы — типичное явление для США, а в последние десятилетия оно становится все более характерным и для Западной Европы. В прошлом такое локально ограниченное («точечное») расселение отчасти было характерно и для российских городов. Следы его сохранились, например, в московских названиях — Большая и Малая Грузинская, Большая Татарская улицы, Армянский переулок и др. Не исключено, что в российских городах в недалеком будущем могут появиться китайские кварталы, азербайджанские кварталы и др. Этот вопрос специально будет рассмотрен ниже. Сейчас же подчеркнем, что характерное для России, особенно в XX в., распыленное, «диффузное» расселение, конечно, в немалой степени способствовало как отмеченному выше большому числу смешанных браков, так и выработке навыков межэтнического общения.

К сожалению, ситуация в области межнациональных отношений часто осложняется тем, что трудности и противоречия совместного бытия народов так или иначе создают благоприятную почву для политических и иных нечистоплотных спекуляций. На этих противоречиях спекулируют и паразитируют различные политические силы и группировки, подогревая и углубляя в своих интересах межнациональную напряженность, а иногда и прямо провоцируя конфликты на национальной почве. Так, тезис о русских «угнетателях» нередко используется в сугубо политических целях, то есть в целях, весьма далеко отстоящих от действительных проблем межнациональных отношений. Это имеет место, например, в бывших республиках Советской Прибалтики (нынешних странах Балтии: Латвии, Литве, Эстонии), где тезис о «русской оккупантах» применяется для оправдания политики дискриминации в отношении некоренного населения.

Внутри России сохраняется высокая вероятность этнократических тенденций. *Этнократия* — это власть, построенная по этническому признаку. При этнократическом устройстве власть закрепляется за представителями одного этноса, тогда как представители других этнических общностей под разными предлогами к рычагам государственной власти не допускаются. Таким образом, этнократическое государство в той или иной форме предполагает национальную и расовую дискриминацию. Оправданием этнократии в большинстве случаев служит защита интересов коренного, или титульного, этноса против «пришельцев», «инородцев» и т. п. В ряде случаев даже дела-

ются попытки закрепить преимущества титульного, или коренного, этноса законодательно, однако чаще этнократия использует в своих интересах массовые настроения народа, подогревая недовольство в адрес «чужаков».

В современной России этнократические тенденции, как правило, не заходят столь далеко, чтобы прямо провоцировать национальную рознь, хотя опасность развития событий в направлении обострения межнациональных отношений на почве этнократии сохраняется. Однако этнократические аргументы нередко пускаются в ход с целью скрыть злоупотребления и различные нарушения закона со стороны власти. И тогда проворовавшийся политик или представитель руководства той или иной республики отметает всякую критику в свой адрес на том основании, что эта критика якобы направлена против «его народа», против его «возрождения», «развития» и т. д. Всякий стремящийся к восстановлению законности и справедливости ложно изображается как противник всего народа. Случается, что нечистоплотный местный руководитель находит поддержку в центре, в Москве. Неудачное проведение реформ и вследствие этого низкая популярность центральной власти нередко заставляла ее искать опору в лице нечистоплотных региональных и республиканских руководителей. Ельцинское руководство ввело в практику политической жизни принцип «круговой поруки», применимый в среде воров, но не в политике цивилизованного государства. В соответствии с этим принципом в обмен на поддержку со стороны руководства республик центр «прикрывал» произвол и злоупотребления последних, не допуская их разоблачения на законной основе. Вряд ли требуется специально доказывать, сколь опасна подобная практика.

Не будет преувеличением утверждать, что этнократия — это дамоклов меч, висящий над Россией и как ничто другое угрожающий ее целостности. Недооценка опасности этнократических тенденций способна привести к распаду страны на множество мелких государств, построенных по принципу этнократии, в которых люди «нетитульной» национальности оказались бы людьми второго сорта, — не говоря уже о том, что подобный распад сопровождался бы ожесточенными столкновениями соперничающих группировок и кланов. Эти столкновения самым негативным образом сказались бы не только на «нетитульных» национальностях, но и на всем населении.

3. О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «РУССКИЙ»

Процесс аккультурации предполагает особую роль русского языка и русской культуры: именно овладение русским языком и элемен-

тами русской культуры является основой интеграции индивида в российское общество (как отмечалось, такое овладение не предполагает обязательного отказа от собственного языка и собственной культуры). В этой связи возникает вопрос о значении термина «русский». Уже отмечался (см. главу 1), например, такой своеобразный факт (из которого, впрочем, не следует делать далеко идущих выводов), что представители различных народов называются по-русски именами существительными: француз, немец, грузин, татарин, монгол, китаец, турок, бурят, чукча и т. д. В этой связи слово «русский», будучи прилагательным, стоит как бы особняком. Как прилагательное, оно может выполнять функцию определения; его можно использовать в качестве определяющего слова по отношению к самым различным предметам. В этих случаях в нем отсутствует этническое значение, фиксируется лишь принадлежность данного предмета к России. В таком широком смысле можно говорить о русской культуре, русской науке и т. д.; можно сказать, например: «русский немец» или «русский кореец», имея в виду связь представителя данного этноса с Россией, его вовлеченность в российскую жизнь. Однако нередко термин «русский» употребляется в своем непосредственном значении — как принадлежность человека к одному из восточнославянских этносов — русскому.

Вообще для дореволюционной литературы во многих случаях характерно употребление понятия «русский» в смысле «российский». Так, известная статья Вл. Соловьева имела название «Русская идея». Однако речь в ней шла о том, какую роль призвано играть Российское государство на мировой арене, в мировом сообществе государств, то есть затрагивалась тема, лежащая совсем в иной плоскости по сравнению с проблемами национально-этнического плана. Знаменитый сборник «Вехи» (1909) имел подзаголовок «Сборник статей о русской интеллигенции», в котором термин «русская» не включал никакого этнического смысла: в книге речь шла о российской интеллигенции. В более ранний период истории слово «русский» имело еще более широкий смысл. Так, в XVII в. запорожские казаки, боровшиеся за выход из-под власти Москвы, провозгласили создание «Великого Княжества Русского». Казалось бы, для стремившихся отделиться от Москвы логичнее было бы употребить в названии какое-то иное слово взамен слова «Русское» (например, «Украинское»). Однако исторические свидетельства даже не говорят о существовании какой-либо дискуссии на этот счет — настолько естественным представлялся казакам избранный ими вариант названия*. Заметим, что термин «Украина» возник в XIV в. и первоначально обозначал только небольшую часть современной Украины — Галицко-Волынскую Русь.

---

* См.: *Костомаров Н.* Казаки. М., 1995. С. 118.

Еще одно значение термина «русский» связано с истолкованием его как собирательного имени для трех народов: собственно русского (великорусского), украинского и белорусского. Так, Георгий Федотов писал о том, что нарождающееся украинское «самосознание утверждало себя как особую форму русского самосознания»*. Он же отмечал, что «наше национальное самосознание должно быть сложным... Это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским... Для малороссов, или украинцев, не потерявших сознание своей русскости, эта формула получит следующий вид: малорусское, русское, российское»**. Как видим, данное значение термина «русский» связано с различием «русского», с одной стороны, и «великорусского» и «малорусского» — с другой. Очевидно, что с отделением Украины такое различение потеряло всякий смысл. Тем не менее нельзя сказать, что значение термина «русский» в качестве общего имени трех народов полностью вышло из употребления.

В 1905 г. проходивший в Нижнем Новгороде Съезд мусульман Кавказа и Сибири направил прошение императору, в котором, в частности, говорилось: «...не отчуждения от коренного населения жаждем мы, а единения с ним на всех путях по праву полноправных *русских граждан...*» (выделено мной. — *В. Ш.*)***. Очевидно, вместо выделенного в тексте выражения логичнее было бы употребление словосочетания «российских граждан». Однако такой традиции в ту эпоху не существовало, и авторы документа пошли по пути общепринятого в их время словоупотребления. Есть основания полагать, что даже в названии такой ставшей одиозной организации, как «Союз русского народа», слово «русский» не имело этнического смысла — иначе как объяснить, что членами этой организации были представители самых разных народов, а возглавлял ее Грингмут, еврей по национальности? Очевидно, что как сторонники «Союза», так и его противники играли на двузначности слова «русский», используя возникавшую впоследствии этого неопределенность в своих интересах. Этот факт нельзя не рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу четкого разграничения понятий «русский» и «российский»: первое лучше применять в смысле принадлежности к русскому этносу, второе — в смысле принадлежности к России. В этой связи все более распространяющееся в последние годы употребление слов «россиянин», «россияне» вполне оправданно.

---

* *Федотов Г. П.* Будет ли существовать Россия? В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 458.

** Там же. С. 457.

*** Цит. по: Национальная политика России: история и современность. Под редакцией Михайлова В. А., Абдулатипова Р. Г. и др. М., 1997. С. 130.

В дореволюционные годы нередким было словосочетание «Русское государство», использовавшееся наряду с «Российским государством». В большинстве случаев оно не носило этнического смысла, поскольку в царской России главным был не этнический, а вероисповедальный принцип, то есть большее значение имела принадлежность человека к той или иной религиозной конфессии. Тем не менее опять же в силу двусмысленности слова «русский», оно могло быть истолковано в том смысле, что Россия есть государство русских, а все другие народы к нему не принадлежат или находятся в нем в положении зависимых. Тем более очевиден этот смысл в современных условиях. Поэтому использовать сегодня термин «Русское государство», «русская цивилизация» и т. п. в приложении к России в целом — значит сознательно или бессознательно провоцировать конфликты, вызывать отторжение и негативную реакцию со стороны народов России.

4. РУССКИЙ НАРОД СРЕДИ НАРОДОВ РОССИИ

В дореволюционные годы большевиками был выдвинут тезис о том, что царская Россия — «тюрьма народов». Его выдвижение, несомненно, было продиктовано в первую очередь задачами революционной борьбы, в частности задачами дискредитации самодержавной власти, существовавшего государственного устройства. В советское время тезис о царской России как «тюрьме народов» стал неотъемлемой частью официальной партийно-государственной идеологии, вошел в школьные и вузовские учебники истории и обществоведения, на которых воспитывались миллионы советских людей. Суть этого тезиса состояла в том, что государственное устройство царской России якобы было таким, что по своему существу предполагало национальное угнетение. Речь шла об угнетении нерусских народов. Надо признать, что в большинстве случаев коммунистические теоретики стремились к тому, чтобы тезис о «тюрьме народов» не был воспринят в качестве утверждения о русском народе как народе-угнетателе. Поэтому в соответствии с общим марксистским положением о приоритете классового над национальным они переводили вопрос из плоскости национальной в плоскость классовую: угнетателями, по их учению, выступали представители господствующих классов («помещики и капиталисты») и государственной власти («царские чиновники», непременно награждавшиеся эпитетами «бездарные», «тупые» и т. п.) — *без различия* национальностей. Однако, несмотря на разъяснения, предусматривавшие, в частности, перевод проблемы из плоскости национальной в плоскость классовую, тезис о «тюрьме народов» (порой вопреки жела-

нию его разработчиков) по самой своей сути не мог восприниматься иначе как тезис о русском народе — угнетателе всех других народов Российской империи. Именно в таком виде он вошел в сознание многих людей.

Представление о русском народе как народе «поработителе и угнетателе» сохраняется, к сожалению, и по сей день, причем как в России, так и за рубежом. Так, принятый в политических целях разрушения Советского Союза Конгрессом США закон «О порабощенных народах» (PL 86—90 от 1959 г.) предусматривал перечень народов, порабощенных советским тоталитаризмом. В этот перечень были включены все народы бывшего Советского Союза, за исключением русского. Исключение русского народа из числа порабощенных тоталитаризмом нельзя, разумеется, трактовать иначе как признание за ним положения «поработителя». Данный закон был эффективно использован для разрушения Советского Союза. Не отменен он и по сей день. Отмечается и связанная с ним «Неделя порабощенных народов». Все это не может не свидетельствовать о том, что тезис о необходимости освобождения от «угнетения» со стороны русских может быть в любой момент применен вновь, исходя из глобальных политических интересов Запада, но не из интересов российских народов, — на этот раз в целях разрушения России.

Можно с большой уверенностью утверждать, что тезис о народе-поработителе находится в вопиющем противоречии с самоощущением и самовосприятием русских. Русскому человеку этот тезис представляется нелепым и непонятным хотя бы потому, что русские никогда не ощущали на себе каких-то реальных положительных результатов от приписываемого им привилегированного положения «угнетателей». Не требует специальных доказательств и то, что подобное представление по отношению к целому народу не может восприниматься иначе как оскорбительное и несправедливое.

Впрочем, следует особо подчеркнуть, что свои обиды существуют у каждого народа, и не только в России. Поэтому крайне важно понять, что в области межнациональных отношений нет ничего менее продуктивного и более опасного, чем идти по пути «сведения счетов», по пути взаимных препирательств. Единственный продуктивный путь заключается в стремлении понять «другого», иного, непохожего на меня, представляющегося мне чужим, непонятным, поэтому вызывающим подозрение. Этот путь сложен и требует особых интеллектуальных и духовно-нравственных усилий. Он не обещает быстрых и простых решений: на обещаниях мгновенного разрешения всех проблем, посредством радикальных методов основываются легкомысленные и опасные предложения, на практике ведущие лишь в тупик и неизбежно оборачивающиеся трагедиями для миллионов людей.

Как и у большинства народов России, генетическая основа русского народа, несомненно, утратила древнюю чистоту, если о такой чистоте вообще можно говорить всерьез. Сегодня люди, признающие себя русскими, в большинстве случаев отдают себе ясный отчет в том, что их генетическая составляющая включает в себя множество компонентов. Широко распространено мнение о том, что наибольшее влияние на генотип русского народа оказало смешение с татарским этносом, а также с целым рядом народов азиатского происхождения. Наиболее ярко эта позиция была представлена сторонниками евразийства.

Уже отмечалось (см. главу 1), что евразийское движение существовало в 20—30-е годы XX в. в кругах русской эмиграции. Начало его принято датировать выходом в 1921 г. в Софии сборника «Исход к Востоку», авторами которого были Н. С. Трубецкой (ставший известным лингвистом), П. Н. Савицкий (географ), П. П. Сувчинский (известный музыковед), Г. В. Флоровский (богослов и философ). В разное время к евразийству примыкали такие мыслители, как Н. Н. Алексеев, Л. П. Карсавин, Р. О. Якобсон, Я. А. Бромберг и другие. Продолжателем традиций евразийства следует считать Л. Н. Гумилева, хотя он внес своей теорией целый ряд новых идей, поэтому о нем следует говорить отдельно.

На основании обширного антропологического и этнографического материала евразийцы пришли к выводу, что русские не просто славяне. Русские скорее принадлежат к отдельному культурному типу, имеющему прочные связи как со славянством, так и с «туранским» Востоком, — в этом состоит одно из важнейших положений евразийской концепции*. Евразийцы также утверждали, что «в русских жилах, несомненно, течет, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь»**. Подчеркивая значение азиатских элементов как для антропологических характеристик русского народа, так и для народного характера и культуры, евразийцы вместе с тем стремились соблюсти «баланс» между элементами азиатского и европейского происхождения. Особое акцентирование ими значения азиатских элементов призвано было в их глазах восстановить справедливость, которая ранее была нарушена представлением о русских как чистых европейцах. Поэтому «безосновательными были частые заявления противников этого движения, утверждавших, что евразийцы считали русских азиатами...»***.

Евразийцы бросили решительный вызов широко распространенному представлению об Азии как олицетворении отсталости и вар-

---

* См., напр.: *Рязановский Н. В.* Азия глазами русских // В раздумьях о России. XIX век. М., 1996. С. 407.

** Исход к Востоку. София, 1921. С. 100.

*** *Рязановский Н. В.* Азия глазами русских. С. 409.

варства. Очевидно, в этом можно усмотреть одну из заслуг их концепции. Другая заслуга связана со столь же решительным включением многих азиатских народов в историческую эволюцию русского народа, подчеркиванием их участия в российской истории. С точки зрения евразийцев, история России не является только лишь историей русского народа (как подразумевалось прежде) — она есть плод совместной деятельности многих народов, в том числе и народов азиатского происхождения.

Вместе с тем следует признать, что из своих открытий и достижений евразийцы сделали ряд необоснованных и далеко идущих выводов. Один из таких выводов состоял в «беспрецедентном, решительном разрыве с Западом»*. С точки зрения евразийцев, от Запада России, как и другим народам незападного мира, не приходится ожидать ничего хорошего. Россия не имеет и никогда не будет иметь с западными странами никаких точек соприкосновения, которые могли бы служить основой для взаимопонимания и сотрудничества. Следовательно, необходимо находиться в постоянной готовности к бесконечной конфронтации с Западом. Основанием для такого вывода стало фундаментальное положение евразийства об «особости» России, в конечном итоге — о наличии в генетической основе русского народа значительного влияния азиатского элемента.

В своем резко негативном отношении к Западу евразийцы продолжили одну из традиций российской мысли, лишь доведя до крайности присущее ей отталкивание от Запада. Кроме того, они подвели под негативное отношение к Западу новую теоретическую базу, обосновав идею не о европейском, а о смешанном, европейско-азиатском происхождении русского народа и его культуры. Названная традиция была представлена в XIX в. славянофилами, Н. Я. Данилевским, в XX в. ее продолжил Л. Н. Гумилев, называвший себя «последним евразийцем». К сожалению, традиционное отталкивание от Запада находит своих продолжателей и сегодня. В его рамках популярна, в частности, идея о близком конце Запада, о его «загнивании». Сторонники идеи «загнивания», как правило, склонны истолковывать каждый временный кризис, которые периодически переживает западная цивилизация, в качестве «начала ее конца»; проявления же самокритики Запада, выраженной в ряде произведений западных авторов, принимаются ими излишне всерьез — в качестве признаний самого Запада в своем окончательном упадке.

Следует иметь в виду, что мнение евразийцев о значительном влиянии татарского элемента на генотип русского народа оспаривается многими авторами. Например, И. А. Ильин писал: «Напрасно говорить о «татаризации» русского народа. На самом деле в исто-

* Там же. С. 410.

рии происходило обратное, то есть *русификация иноплеменных народов*, ибо иноплеменники на протяжении веков «умыкали» русских женщин, которые рожали им *полурусских детей*, а русские, строго придерживавшиеся национальной близости, не брали себе жен из иноплеменниц (чужой веры! чужого языка! чужого нрава!)»*. Впрочем, Ильин скорее не возражает евразийцам, а выступает против мнения, выраженного в словах: «Поскреби любого русского — найдешь татарина». Сторонники же евразийства, как отмечаось, не стремились целиком свести русское к тюркскому, отдавая должное славянским и угро-финским элементам.

Очевидно, что для установления степени смешиваемости русских с татарами в период ига необходимо достаточно четко представлять себе характер взаимоотношений Руси и Орды в соответствующее историческое время. Новые исследования все более подвергают сомнению устоявшиеся представления об этих взаимоотношениях. Вместе с тем появление новых данных и концепций не столько проясняет, сколько все более запутывает картину, ранее представлявшуюся более или менее ясной. Очевидно, что термин «иго» можно принимать со значительной мерой условности: в действительности отношения между Русью и Ордой носили гораздо более сложный характер. С точки зрения нашей темы важным является то, что Орда не покушалась на русскую веру (православие), поскольку, возможно, не придавала ей сколько-нибудь серьезного значения. Этим можно, кстати, объяснить тот факт, что угроза с Запада на Руси всегда воспринималась как более значительная, поскольку Запад открыто претендовал на уничтожение или, по меньшей мере, на вытеснение православия. Нельзя забывать, что в рассматриваемую эпоху религиозная вера была одним из наиболее важных факторов существования народа, была тем, что надлежало оберегать в первую очередь. Поэтому отсутствие со стороны Орды притязаний на уничтожение православия, несомненно, способствовало установлению более или менее приемлемых отношений между ней и Русью. Отсюда можно заключить и о возможности смешанных браков. Однако верно и то, что такие браки предполагали переход в соответствующую веру, и очевидно, что если брак заключался законным путем, а не путем «умыкания», то такой верой было, несомненно, православие.

На протяжении всей истории русские, безусловно, постоянно вступали в контакт с тюркскими народами. Эти многовековые контакты, конечно, не могли не наложить своего отпечатка на генотип русского этноса, отразились в русском языке, в котором немало слов тюркского происхождения. Оказали они влияние на черты народного характера. Представители евразийского направления отме-

* *Ильин И. А.* Наши задачи. С. 238.

тили, например, что многие русские народные песни составлены в пятитонной гамме, характерной для музыки тюркских и финских племен волжского бассейна, а также для монголов, но совершенно нехарактерных для народов Западной Европы. В отличие от западных, русский народный танец не имеет в своей основе танцующую пару, мужчину и женщину. Он представляет собой разнообразное сочетание элементов, в известной мере присущих танцам восточных финнов, монголов, тюркских и кавказских народов. Исключительно тесные связи с индоиранским Востоком обнаружены были в русском языке. В характере русского народа евразийцами были отмечены некоторые важные элементы, которые присоединили его к Востоку, такие, как склонность к созерцательности, приверженность к обряду и удаль — добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романо-германцам, ни остальным славянам.

Разумеется, азиатская составляющая российской цивилизации в целом не может вызывать сомнений. Эта составляющая представлена многими народами азиатского происхождения, а также самим фактом распространенности России в Азии. Иное дело — вопрос о русском народе: насколько сильны в нем элементы азиатского происхождения, как они соотносятся с европейской составляющей и какие выводы следует сделать из признания факта влияния этих элементов на генотип русского народа и его характер?

В этой связи весьма интересен тот факт, что идея принадлежности русского народа и, соответственно, России не только к Европе, но и к Азии, то есть идея «двуликости» России, была высказана поэтами «серебряного века». Особенно ярко она представлена в известном стихотворении А. Блока: «Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. / Попробуйте, сразитесь с нами! / Да, скифы — мы! Да азиаты — мы. / С раскосыми и жадными очами! / <...> Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя, / И обливаясь черной кровью, / Она глядит, глядит, глядит в тебя / И с ненавистью, и с любовью!»

Восточные мотивы, конечно, можно встретить во многих произведениях русского искусства — достаточно вспомнить оперу Бородина «Князь Игорь» с ее половецкими плясками и т. п. Однако поэты «серебряного века» впервые сделали попытку рассмотреть азиатские элементы не вне России, а внутри нее, считая их внутренними составными частями ее духа и духа самого русского народа. В этом их можно считать непосредственными предшественниками евразийцев. Так, в романе А. Белого «Петербург» ужасы революции 1905 г. представлены как столкновения европейских начал — начал рационализма, упорядоченности, организации — с азиатской стихией, вольницей, с клокочущими «азиатскими» массами. В видениях романа всадники Чингисхана опять скачут по степи, татарское лицо смотрит со стены, являющийся в видениях таинственный перс нео-

жиданно материализуется и т. п. Да и главные герои романа — отец и сын Аблеуховы — татарского происхождения.

При всей высокой вероятности фактов смешения русского этноса с тюркским вряд ли следует делать из них далеко идущие выводы, поскольку очевидно, что русский народ, впитывая в себя разнообразные влияния, при всех условиях сохранял свою языковую и культурную самобытность. Надо иметь в виду, что в процессе колонизации российского Севера русские вступили в тесный контакт также и с народами *угро-финской* группы. В. О. Ключевский, описывая процесс колонизации северных территорий, активно развивавшийся в XIV—XVII вв., постоянно подчеркивает мирный характер отношений русских народов, принадлежащих к угро-финской группе: финнов, эстонцев, карелов, мордвы, удмуртов. Интенсивность этих контактов не подлежит сомнению. Очевидно, есть основания предполагать и определенную интенсивность брачных отношений представителей русского и угро-финских народов. Смешение с угро-финнами можно рассматривать в качестве своеобразного противовеса смешению только с тюркскими народами.

Тем не менее следует со всей определенностью подчеркнуть, что, сколь бы тесными ни были контакты с представителями различных этносов, какое бы значение ни имели разного рода влияния, *главное* для исторического существования народа (в данном случае русского) состоит в другом — в его способности сохранять свою языковую, конфессиональную и культурную самобытность. Факты свидетельствуют, что русский народ, оказавшийся волею истории в самой гуще сложнейшего переплетения судеб многих народов, обнаружил в себе способность сохранить и развить черты самобытности.

5. «ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ»

Тезис о «всемирной отзывчивости» как характерной черте русского народа был высказан Ф. М. Достоевским в знаменитой речи о Пушкине (1880). Согласно Достоевскому, одним из коренных отличительных свойств русского народа является его способность к глубокому проникновению в дух других народов, к понимающему и сочувствующему отношению к иным культурам, к иным народам: «необыкновенная способность усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций — черта, которая особенно выразилась в поэзии Пушкина»*. Это свойство и было названо писателем «всемирной отзывчивостью».

* *Соловьев В. С.* Соч. В двух томах. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 304.

Не подвергая сомнению авторитет великого писателя, надо решительно подчеркнуть, что в своем возвышенном стремлении к торжеству мирных отношений между народами, к «примирению» он зашел слишком далеко, неправомерно выделив из огромного разнообразия народных свойств одно-единственное и сведя к нему все черты народного характера. Пушкинская речь Достоевского, «по сути, свела своеобразие русского национального склада, — отмечает современная исследовательница, — к высшей степени благородной, но, так сказать, служебно-посреднической функции, не выявляющей самобытную, качественную определенность души народа»*. На односторонность подхода Достоевского обращали внимание целый ряд отечественных мыслителей, о чем мы специально скажем ниже.

Достоевский, вероятно, прав в том, что русскому народу действительно присущи такие черты, как ровное отношение к национальным особенностям других народов, отсутствие высокомерия, привычка не выпячивать своего национального «я», не подчеркивать национальные различия, а, напротив, искать общие точки соприкосновения. Во всяком случае, целый ряд свидетельств не может не вызвать ассоциации с известным тезисом Достоевского. Приведем одно из таких свидетельств: «Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени напоминает злобу, чем сама жестокость. Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами. Его непобедимая беззаботность делает для него легкой позицию невмешательства в чужие дела; и терпимость, с которой он смотрит на религиозные обряды, общественные обычаи и местные предрассудки своих азиатских собратьев, в меньшей степени итог дипломатического расчета, нежели плод беспечности»**. В этих словах лорд Д. Н. Керзон, занимавший в 1919—1924 гг. пост министра иностранных дел Великобритании, вспоминал о своей поездке в дореволюционную Россию.

Очевидно, что именно «всемирная отзывчивость» помогает русскому человеку легко вступать в контакт с представителями самых различных народов, прежде всего из числа тех, которые населяют Россию. Именно это свойство русской души выразилось, например, в легком, «беспроблемном» вступлении в брак с представителями разных народов, что нашло свое отражение в большом числе смешанных браков, характерном как для дореволюционного, так и для советского периодов. (См. об этом в п. 2 наст. главы.) Можно при-

---

* *Гальцева Р.* По следам гения // Пушкин в русской философской критике. Вступ. статья. М., 1990. С. 9.

** Цит. по: *Нестеров Ф. Ф.* Связь времен. М., 1987. С. 108.

вести и другие примеры. Однако не следует забывать, что тезис о «всемирной отзывчивости» таит в себе и опасности. Одна из них связана с возможностью его использования в целях оправдания имперского устройства и имперских притязаний России. Другая — с абсолютизацией заимствования и подражания другим народам, что равносильно отказу от собственной самобытности и самостоятельности, отказу от собственного творчества. Начнем со второй из отмеченных опасностей.

«Стать настоящим русским, — писал Достоевский, — может быть и значит только (в конце концов...) стать братом всех людей; всечеловеком...» «Для настоящего русского Европа и удел всего великого Арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силою братства». «Стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в русской душе, всечеловечной и всесоединяющей...»*

Опасность абсолютизации заимствования и подражания, ведущая к национальному самоотречению, вытекающая из приведенных изречений Достоевского, была отмечена И. А. Ильиным. Ильин прямо возражал писателю. «И что за плачевная участь была бы у того народа, — писал Ильин, — главное призвание которого состояло бы не в самостоятельном созерцании и творчестве, а в честном перевоплощении в чужую национальность, в целении чужой тоски, в примирении чужих противоречий, в созидании чужого единения! Какая судьба постигнет русский народ, если ему Европа и «арийское племя» в самом деле будут столь же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли!

Тот, кто хочет быть «братом» других народов, должен *сам* сначала *стать и быть* — творчески, самобытно, самостоятельно: созерцать Бога и дела Его, растить свой дух, крепить и воспитывать инстинкт своего национального самосохранения, по-своему трудиться, строить, властвовать и молиться. Настоящий русский есть прежде всего *русский* и лишь в меру своей содержательной, качественной, субстанциальной русскости он может оказаться и «сверхнационально» и «братски» настроенным «всечеловеком»**.

«Не будем же наивны и скажем себе зорко и определенно: заимствование и подражание есть дело не «гениального перевоплощения», а беспочвенности и бессилия»***. Следует отличать (как это и

---

* *Достоевский Ф. М.* «Дневник писателя» за 1880 год.

** *Ильин И. А.* Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в российской философской прозе. М., 1990. С. 334.

*** Там же.

предполагает Ильин) заимствование и подражание от переимчивости и способности учиться у других народов. Подражатель слепо заимствует и копирует чужое; вдумчивый ученик внимательно изучает чужой опыт, подмечает в нем то, что можно использовать к своей пользе. Подражательство по самой своей природе не способно породить ничего творческого и оригинального. Перевоплощаться можно лишь на сцене, в жизни же «перевоплощение» не только никому не нужно, но и ведет к добровольному самоотречению от самого себя, от собственной индивидуальности. Это справедливо как для отдельной личности, так и для целого народа.

Своеобразное преломление идеи «всемирной отзывчивости» находим у Л. Н. Гумилева. Гумилев отчасти синтезировал идею Достоевского с концепцией евразийцев, хотя в целом его, разумеется, следует считать прямым продолжателем евразийства. Надо заметить, что с творческим наследием Гумилева в постперестроечный период нашей истории произошло то же, что и с наследием многих авторов, которые в советский период запрещались и замалчивались. Внезапное открытие огромных пластов российской мысли, бывших ранее запретными и поэтому неизвестными в обществе, где привычным было господство установок «сверху», привело к своеобразным последствиям. Одним из них явился специфический эффект безоговорочного признания всего, что ранее было запретным и гонимым: оно признается истинным уже потому, что ранее запрещалось и находилось в конфронтации с официальной советской идеологией. Феномен исключительной популярности Гумилева в первые постперестроечные годы во многом объясняется именно данным эффектом, если, конечно, исключить поразительную эрудицию мыслителя и столь же поразительную оригинальность его идей.

Как уже упоминалось, одним из важнейших понятий концепции Гумилева является понятие комплементарности. Под комплементарностью Гумилев понимает духовное соответствие народов, из которого проистекает способность представителей данных народов легко понимать друг друга, не только мирно уживаться, но и плодотворно сотрудничать. С точки зрения Гумилева, русские «комплементарны» народам Азии, но не комплементарны народам Запада. Не комплементарны между собой русские и евреи, поскольку евреи в большей степени комплементарны народам Запада. Через все исторические построения Гумилева проходит мысль о том, что евреи с самых древних времен (по меньшей мере, с эпохи Хазарского каганата) неизменно выступали пособниками Запада в деле разрушения Руси, а затем России. Евреи по самой своей природе и духу, по мнению Гумилева, несовместимы с природой и духом русского народа, поэтому их включенность в российскую историю всегда имела для России негативные последствия.

Из этих теоретических построений Л. Гумилева, естественно, не следует, что столь выдающийся человек поддерживал столь низкое явление, как антисемитизм, и более того — оправдывал его теоретическими средствами. Так называемый «еврейский вопрос» нами будет рассмотрен в следующем параграфе. Сейчас же важно подчеркнуть, что в противовес еврейству, комплементарному Западу, Гумилев обосновывает союз русского народа с народами Евразии, народами Востока именно отношениями комплементарности, издавна включившими их в орбиту российской истории. В отношениях между русским и этими народами действует закон «комплементарности», взаимного притяжения, поэтому им, по мысли Гумилева, суждено на вечные времена жить вместе в рамках единого российского государства. Таким образом, тезис о комплементарности обосновывает в рассматриваемой концепции сохранение многонационального состава российского государства, причем в том виде, в каком он сложился в эпоху Российской империи и в основных чертах сохранился при Советском Союзе.

Вопрос о взаимоотношениях разных народов в составе единого государства был ахиллесовой пятой Советского Союза. Во многом он остается таковым и в сегодняшней России, хотя федеральное устройство, закрепленное в ныне действующей Конституции, отличается от имперского принципа царской России и СССР самым коренным образом. Оно создает принципиальные возможности для сохранения целостности государства при обеспечении прав народов. Однако наивно полагать, что какой-то народ можно убедить оставаться в составе того или иного государства посредством тезиса о комплементарности. Ни один из народов, обретших независимость в результате распада СССР, не откажется от нее, а если это и произойдет, то уж во всяком случае не по причине комплементарности с русскими. Вообще говоря, если «комплементарность» действительно существует, то ничто не мешает ей проявиться через государственные границы, «поверх барьеров». Иначе говоря, народы в силу тех или иных причин, прежде всего в силу общей исторической судьбы, объединявшей их в течение длительного периода в рамках единого государственного образования, вполне могут поддерживать и развивать тесные отношения и в дальнейшем, даже находясь в составе новых независимых государств.

Разнообразные попытки удержать народы в составе колониальных империй посредством различных теорий отнюдь не единичны. Так, идеологи португальской колониальной империи стремились обосновать ее существование с помощью специальной концепции, согласно которой колониальные завоевания португальцев привели к образованию особого культурно-этнического мира — мира «лузотропикал», объединившего в неразрывное целое Португалию с ее

африканскими и южноамериканскими колониями. Согласно этой теории, португальцы отличаются от других европейцев тем, что обладают исконным свойством «симпатии» по отношению к африканским и южноафриканским народам, психологические черты которых, в свою очередь, таковы, что не позволяют развивать враждебности по отношению к пришельцам из Португалии. Эта теория опиралась на реальные факты тесных контактов, взаимного влияния и многовекового генетического смешения народов колоний и метрополии. Однако сохранить империю при помощи идеи «лузо-тропического мира» (от древнего названия Португалии — Лузитания) не удалось. Вслед за Бразилией и остальные португальские колонии обрели независимость, что, впрочем, не мешает им развивать тесные и даже особые отношения между собой и бывшей метрополией, опираясь на сложившиеся в колониальный период прочные культурные и генеалогические связи.

Таким образом, тезис о «всемирной отзывчивости», как и его более узкую разновидность — идею «комплементарности», не следует использовать для оправдания имперских притязаний. Более того, к этому тезису следует подходить с совершенно иных позиций — с позиций, далеко выходящих за пределы темы о национально-государственном устройстве и политической проблематики вообще. То, что Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью», в действительности является не чем иным, как одним из частных проявлений *универсальных качеств* русской души и русского духа: широты, объемности, открытости. Тот размах души и тот полет духа, которые первоначально рождаются необъятностью российских просторов, бескрайностью русской равнины (см. об этом более подробно в главе 2), имеют еще один источник — длительные, непрерывные и самые непосредственные контакты с огромным множеством народов, испокон веков населявших пространства Евразии. Такие контакты приучали русский народ не выпячивать своего национального «я», стимулировали познание «иного», непохожего на «меня», расширяли духовный кругозор. Сама империя в обеих ее формах — царистской и советской — явилась одним из следствий широты духа, его устремленности вдаль, к бесконечности, одним из внешних результатов внутренней жизненно-душевной свободы, то есть тех качеств, о которых мы уже вели речь в связи с природно-географическими особенностями России и будем вести речь в дальнейшем.

Решительный отказ от имперских притязаний и от стремления к восстановлению империи отнюдь не означает, что мы должны «мазать черной краской» наше имперское прошлое. Напротив, мы вправе гордиться им, как гордятся своим имперским прошлым британцы, португальцы, испанцы. Мы вправе гордиться деяниями наших предков, чьей волей и силой духа была создана одна из величайших импе-

рий в истории человечества. Память об имперском могуществе должна предохранять нас от уныния и апатии, от того, чтобы смиряться с национальным унижением России сегодня и в будущем. Если мы хотим быть достойными наследниками наших предков, мы должны сохранить в себе твердость, широту и величие имперского духа.

По мере того как новые независимые государства, образовавшиеся на пространствах бывшего СССР, будут чувствовать себя более уверенно, все меньше опасаясь кажущихся им имперскими притязаний со стороны России, теплые тона в воспоминаниях о совместном имперском прошлом, как дореволюционном, так и советском, несомненно, будут все более преобладать. В самом деле, не будь этого прошлого, разве могли бы вообще состояться многие из тех феноменов, относящихся к самым разным областям жизни и творчества, которые дороги всем людям бывшего СССР и которые по праву считаются выдающимися достижениями человечества? Состоялся бы полет Гагарина? Была бы построена первая в мире атомная электростанция? Была бы одержана победа во Второй мировой войне? Наконец, смогли бы приобрести столь широкую популярность на одной шестой части земной суши Лайма Вайкуле и Ане Вески, София Ротару и Муслим Магомаев, Вахтанг Кикабидзе и Иосиф Кобзон, Чингиз Айтматов и Олжас Сулейменов, как и многие другие деятели искусства и культуры? Таких риторических вопросов можно поставить огромное множество. Не было бы империи, неизвестно, где бы находились современные Алма-Ата и Душанбе, возникшие на месте созданных российскими войсками укрепленных поселений; не было бы лермонтовского «Мцыри», как и многих других произведений на кавказские темы; не было бы увлекательного кинофильма Эдмона Кеосаяна «Неуловимые мстители». И уж точно не было бы прекрасного фильма «Белое солнце пустыни» с незабываемыми образами красноармейца Сухова и царского таможенника Верещагина, созданными А. Кузнецовым и П. Луспекаевым, и с замечательными словами, не утратившими, к сожалению, своей актуальности и поныне: «За державу обидно!»

Нельзя, разумеется, исключить и того, что в будущем может произойти воссоединение России с Белоруссией и Украиной, а возможно, и с другими республиками. Конечно, это не должно стать восстановлением СССР и реставрацией тоталитарного общественного устройства. Такое воссоединение должно быть осуществлено на основе демократических принципов, с учетом интересов всех входящих в союз народов.

Впрочем, Россия и в современных границах, значительно урезанных по сравнению с имперскими, остается огромной и исключительно многообразной страной. К ней вполне приложимы слова Ф. Степуна, выраженные в них чувства и обращенный вопрос: «Сумеет ли

она после падения большевистской власти столь мудро сочетать твердость государственной воли со вдумчивым отношением к духовным и бытовым особенностям ведомых ею народов, чтобы оказаться достойной владеть просторами, на которых не заходит солнце? Представить себе только: на севере несутся запряженные оленями или лайками легкие саночки, на востоке — медлительно, но споро несут свои клади переваливающиеся верблюды, на юге — в ярме работают черные буйволы. И все это не в колониях и доминионах, а лишь в разных частях единого материального океана. Какое счастье дышать такими далями»*. «Мы русские — какой восторг!» — приводит Степун слова выдающегося полководца А. В. Суворова. К ним остается только добавить: не меньший восторг принадлежать к многонациональной России, ощущать себя неотъемлемой частью одной из великих цивилизаций, независимо от того, к какой национальности ты сам исконно принадлежишь.

6. ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

«Движение против еврейства... — писал русский философ В. С. Соловьев, — представляет... нарушение самых основных требований справедливости и человеколюбия. Мы считаем нужным напомнить русскому обществу эти элементарные требования. Их забвение есть единственная причина так называемого еврейского вопроса, а простое и искреннее их принятие есть единственный путь к его разрешению.

1. Во всех племенах есть люди негодные и зловредные, но нет и не может быть негодного и зловредного племени, так как этим упразднялась бы личная нравственная ответственность, и потому всякое враждебное заявление или действие, обращенное против еврейства вообще и против евреев как таковых, показывает или безрассудное увлечение слепым национальным эгоизмом, или же личное своекорыстие и ни в коем случае оправдано быть не может.

2. Несправедливо возлагать ответственность на еврейство за те явления в его жизни, которые вызваны тысячелетними преследованиями евреев в Европе и теми ненормальными условиями, в которые этот народ был поставлен. Если в течение многих веков евреев насильно принуждали заниматься одним денежным делом, закрывая для них другие роды деятельности, то нежелательные последствия такого исключительного направления еврейских сил никак не могут быть устранены дальнейшими стеснениями, которые только увековечивают прежний ненормальный порядок.

* *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М. — СПб., 1995. С. 197.

3. Принадлежность к семитическому племени и Моисееву закону не представляет собою ничего предосудительного, не может сама по себе служить основанием для особого гражданского положения евреев сравнительно с русскими подданными других племен и вероисповеданий. Так как русские евреи, принадлежащие к известным сословиям, несут одинаковые повинности со всеми прочими представителями тех же сословий, то по справедливости они должны иметь и общие права».

С точки зрения Вл. Соловьева, антисемитизм не только антигуманен и безнравствен, но и опасен для страны. Поэтому «следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России»*.

Активными противниками антисемитизма были многие видные писатели, мыслители, деятели культуры дореволюционной России. Приведенный выше текст был подготовлен Вл. Соловьевым в 1890 г. для коллективного обращения, которое было поддержано Л. Толстым, В. Г. Короленко и другими известными писателями. В нем с предельной ясностью сформулированы демократические принципы, на основе которых могут быть построены отношения между народами, отвечающие нормам цивилизованного общества. Только на их основе может быть обеспечено взаимное уважение народов, исключены случаи национального унижения, оскорбления национального достоинства.

Названные принципы открыто и систематически нарушались в дореволюционной России как со стороны власти, так и со стороны определенных общественных кругов. Откровенные и неприкрытые нарушения данных принципов в наибольшей степени были характерны прежде всего по отношению к евреям. Государственный антисемитизм в царской России имел открытый характер. В отличие от дореволюционного периода, государственный антисемитизм, вновь проявившийся с 30-х годов советского времени, был более скрытным, завуалированным. В более или менее открытой форме он проявился во время организованной Сталиным и его приспешниками в послевоенное время кампании против «космополитов» и так называемого «дела врачей». В последующий период советской власти (в последний период правления Хрущева, во времена Брежнева, Андропова, Черненко, отчасти Горбачева) государственный антисемитизм проявлялся в негласных формах. Он выражался в дискриминации при приеме на работу в престижные закрытые учреждения, при направлении за границу, в ограничении для евреев доступа на важные государ-

* *Соловьев В. С.* Соч. В двух томах. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 281—282.

ственные посты и т. п. Лишь в современной, демократической (если выражаться точнее — «квазидемократической») России государственный антисемитизм изжит. Этого нельзя сказать об антисемитизме *бытовом*.

Бытовой антисемитизм находит свое проявление в высказываниях ряда политических и общественных деятелей, в распространенности специфической литературы, наводняющей книжный рынок и рынок периодической печати и пользующейся спросом у определенной части населения, в ряде других проявлений. В чем причины устойчивости и живучести бытового антисемитизма в России? Несомненно, эти причины имеют глубокие исторические корни. Вместе с тем они в значительной степени связаны и с неосведомленностью немалой части россиян относительно особенностей собственной страны, с весьма смутным представлением о роли и месте евреев в истории России, об особенностях их национального характера, об иудаизме, его взаимоотношениях с христианством и т. д. Общеизвестно, что национальная рознь нередко питается элементарным незнанием, неосведомленностью. Неосведомленности способствовала запретность еврейской темы для публичного обсуждения на протяжении всего периода советской власти. Запретность, в свою очередь, привела к недостатку навыков деликатности, терпимости, учета сложности и тонкости всех вопросов, относящихся к теме межнациональных отношений вообще и к еврейской теме в частности. Этим недостатком страдают не только авторы, открыто заявляющие о своем антисемитизме (о них говорить не приходится), но и авторы, относящие себя к демократам, представляющие печать демократической направленности.

Так, в одной из статей газеты «Московский комсомолец» за 1999 г. говорится: «Дело в том, что у русских и евреев разные ценностные ориентации. Для русских очень важно осознавать себя частью «великой державы» с героическим прошлым, богатым набором всяческих реликвий, символов, знамен, легендарных подвигов и преданий. Для русского человека жить правильно — значит служить Отечеству, и нет большей доблести, чем честно исполнить свой долг перед Родиной, каким бы он ни был. В глубине души своей они исповедуют идеологию героичности и самопожертвования, идеологию общего долга, заставляющего сплачиваться перед общей угрозой, идеологию служения государству, лояльности, подчинения власти.

А у евреев ценностные ориентации совсем иные, куда более прагматичные. Карьера, профессиональные успехи, материальное благополучие, образованные и удачливые дети, обеспеченная старость. У них правильно живет тот, кто во главу угла ставит такие вот простые человеческие радости, а вовсе не принесение себя в жертву

ради Отечества. Идеология общего долга идеально подходила для социалистического строя...»*

Идеология общего долга «идеально подходила» и подходит не для социалистического строя, а для всякой нормальной страны. Отрицать это — значит отказаться от принятых во всем цивилизованном мире норм отношения к родной стране, к стране, гражданином которой ты являешься. Сам факт гражданства налагает на человека определенные обязанности, являющиеся его гражданским долгом. Это становится особенно очевидным в те моменты истории, когда существование страны находится под угрозой или вообще поставлено на карту. В этом смысле понимание общего долга не является и не может являться привилегией какого-то одного народа, будь то русский или любой другой. Иначе как объяснить тот факт, что во время Великой Отечественной войны на защиту страны встали люди самых разных национальностей? Считать, что ими двигали лишь «прагматические», а если выражаться не столь «научно», как автор приведенной цитаты, — то шкурные интересы, значило бы не только принижать их подвиг и самоотверженность, но и попирать всякие нормальные человеческие представления о долге и почтении к предкам.

Впрочем, автор указанной статьи и почтение к предкам объявляет чисто русской чертой, считая набор «легендарных» подвигов и преданий достоянием исключительно русского народа. Между тем легенды и предания о подвигах героев прошлого составляют основу исторического бытия каждого народа, являясь могучим источником его жизненных сил. Очевидно, что для всякого еврея подвиг Моисея, выведшего народ Израиля из пустыни, не менее значим и дорог, чем для русского подвиги былинных богатырей или, скажем, подвиг Александра Невского, спасшего Русь от иноземных захватчиков. Наличие ценностей духовного порядка является важнейшим условием существования всякого народа. Цинизм же, то есть отрицание духовных ценностей, не может быть идеологией ни одного народа, ни одного человеческого сообщества, если этот народ или сообщество стремится не к историческому самоубийству, а к полноценной жизни и творчеству.

Что же касается любви к «символам, реликвиям и знаменам», то не секрет, что в России к ним нередко относятся как к ненужным «побрякушкам», что, впрочем, скорее плохо, чем хорошо. Во всяком случае, у западных народов такая любовь выражена гораздо более ярко: достаточно вспомнить парады королевских гвардейцев где-нибудь в Лондоне или Стокгольме. Интуитивно чувствуя характерное для российской ментальности равнодушие ко всякого рода

* Московский комсомолец. 18 июня 1999 г.

внешней атрибутике и поставив служение Родине в один ряд с ним, автор «Московского комсомольца» достигает того, что Максом Шелером было названо «игрой на понижение», то есть скрытым принижением ценностей духовного порядка. Известный русский философ Семен Франк, кстати еврейского происхождения, назвал результат такой «игры» «циническим мировоззрением».

Таким образом, вполне правомерен вывод, что целью автора указанной статьи в «Московском комсомольце» является оправдание и поддержание нездоровой атмосферы *цинизма и безверия*, ведущей к забвению элементарных понятий, без которых человеческое бытие немыслимо. Эта нездоровая атмосфера является благоприятной почвой для беззакония и произвола, для широкомасштабного расхищения общенациональных богатств России. Вопрос о евреях и русских служит всего лишь ширмой для апологии сложившейся ненормальной политико-экономической ситуации.

В связи со сказанным еще раз подчеркиваем, что в целом для россиян характерно отсутствие чрезмерного внимания к вопросу о национальной принадлежности. Так, если кто-то публично начинает акцентировать национальную принадлежность, безразлично, свою или чужую, то в большинстве случаев он не встретит поддержки со стороны окружающих. Культура межнационального общения в России в целом достаточно высока, что, конечно, не исключает возникающих время от времени всплесков агрессивности на национальной почве. Повторяю еще раз, что межэтнический рай, как и всякий другой, возможен только на небесах. На земле же приходится мириться со многими несовершенствами. Избежит ли Россия серьезных столкновений и противоречий межэтнического характера? Ответ на этот вопрос зависит только от нас, ибо в сфере человеческих взаимоотношений нет никаких «объективных» законов или закономерностей, которые ведут людей в заранее заданном направлении.

Выдающийся отечественный мыслитель В. В. Розанов (1856—1919) посвятил еврейскому вопросу значительную часть своего творчества, рассмотрев его как с антисемитских позиций, так и с юдофильских. Знаменитый парадоксалист кончил все же признаниями в любви к евреям, к тому же доверив сохранение собственного литературного наследия своему секретарю-еврею Э. Ф. Голлербаху. Интерес Розанова к проблемам еврейства станет вполне понятен с учетом особенностей общественной ситуации в России того периода.

В конце XIX — первые десятилетия XX в. в России произошел вполне объяснимый всплеск активности русских евреев. Такому всплеску способствовали бурное экономическое развитие, свобода предпринимательства, невиданная интенсивность в развитии культуры. Активность представителей еврейства вполне вписывалась в

общее повышение активности всего российского общества, в то состояние «брожения», в которое оно вступило после реформ 60—70-х годов XIX в. «В царствование Александра II закончилось внешнее, природное образование России, образования ее *тела*, и начался в муках и болезнях процесс *ее духовного* рождения, — отмечал Вл. Соловьев. — Всякому новому рождению, всякому творческому процессу, который вводит существующие элементы в новые формы и сочетания, неизбежно предшествует *брожение* этих элементов»*. Прежде чем образоваться новым «формам, освобожденное общество должно пройти чрез внутреннее духовное *брожение*»**.

В контекст этого «брожения» укладываются многие известные явления отмеченного периода российской истории: всплеск общественно-политической и литературной борьбы, резкий взлет культуры, науки и образования, развитие промышленности и успехи в развитии народного хозяйства в целом. Вплоть до начала Первой мировой войны в России происходили крутые изменения, затрагивающие все стороны жизни общества и сравнимые по своим масштабам разве что с эпохой Петра Великого. Однако в отличие от петровских преобразований, эти изменения шли не от царской власти, а по инициативе представителей самых широких общественных кругов, вовлекали в свою орбиту самые разные классы и общественные слои, представителей всех этнических и конфессиональных общностей России.

Отмечая резкое возрастание активности еврейского народа в России в конце XIX — начале XX в., не следует забывать, что евреи всегда играли немалую роль в жизни российского общества. Россия издавна была страной, где проживало значительное число людей еврейской национальности: к 1917 г. в России жило более половины всех евреев мира — более 7 млн человек. Из бывшей Российской империи и из Советского Союза вышли лидеры сионизма и основатели Израильского государства: первый президент Х. Вейцман, премьер-министры Г. Меир, Ш. Перес, И. Шамир. Нигде как в России не получило столь широкого распространения марксистское учение и имя Маркса не стало столь популярным, известным практически всем. Именно на выходцев из России по преимуществу опирался З. Фрейд в разработке и популяризации своего учения***. Именно в Советском Союзе было создано первое в новой истории территориально-государственное еврейское образование — Еврейская автономная область со столицей Биробиджаном. Эти и другие факты говорят о том, что Россия занимает в истории мирового еврейства совершенно особое место. Исто-

---

* *Соловьев В. С.* Соч. В двух томах. Т. 2. С. 307.

** Там же. С. 309.

*** См., напр.: *Эткинд А.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993.

рия российского еврейства уходит в глубь веков, свидетельствуя о глубокой укорененности еврейского народа в России.

«Вопреки распространенному мнению, уже в XVII в. (и даже в XVI в.) проявляется... тяга евреев в Великороссию, — отмечал Я. А. Бромберг, — несмотря на резко отрицательное отношение правительства. Так, именно в середине XVII в. укоренился в России род Шафировых. Знаменитому вице-канцлеру Петра Великого его еврейское происхождение часто припоминалось в ссорах «птенцов гнезда Петрова» из-за власти и влияния. Совершенно равнодушен к этой особенности биографии был сам Петр, с его умением практически использовать людей различнейшего звания для государственной работы»*. Можно обнаружить немало и других фактов участия евреев в российской истории в петровскую и тем более в послепетровскую эпоху. Однако история российского еврейства уходит на гораздо большую историческую глубину.

Самое раннее свидетельство присутствия еврейского элемента в ареале российской цивилизации связано с Хазарским царством (или каганатом) и относится к X в. Это переписка, которую вели испанский еврей Хасдай ибн Шапрут и хазарский каган (царь) Иосиф в 954—961 гг. Испанский еврей, занимавший видное положение при халифе в Кордове, обратился к хазарскому царю Иосифу, узнав о существовании еврейского государства, но сомневался в этом. Он просит царя Иосифа подтвердить, что еврейское государство существует. Он просит сообщить, «есть ли где остаток и царство изгнанному Израилю, где бы он не был подчинен и подвластен другим. Если бы я знал, что это действительно правда, то я бы отказался от почетного места, бросил бы высокий сан... и ходил бы, пока не достиг бы места...», где смог бы увидеть «величие и славу» подданных кагана и «спокойствие остатка Израилева»**. «Потому-то и обращается Хасдай к кагану Иосифу, живущему за пять тысяч верст от Кордовы. Иосиф отвечает подробно и добросовестно — о своей стране и своей генеалогии, о появлении в стране иудейской веры и ее признании, об Обадии, «который обновил государство и укрепил истинную веру»... и о преемниках Обадии. Иосиф раскрывает широкую геопанораму Хазарии...»***

Как свидетельствуют источники, Хазарский каганат представлял собой крупное государство, простиравшееся от берегов Волги до Днепра, со столицей в г. Итиль в низовьях Волги, несколько выше

---

* *Бромберг Я. А.* Еврейское восточничество в прошлом и будущем // Мир России — Евразия. Антология. М., 1995. С. 209.

** Цит. по: *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., Т. 1. 1995. С. 343.

*** Там же.

современной Астрахани. До принятия Русью христианства (988 г.) хазарские евреи составляли значительную часть населения Киева, а русско-хазарские связи и контакты были исключительно тесными, хотя и не исключали противоречий. После принятия христианства еврейское влияние в Киеве сохранилось, о чем свидетельствует уже тот факт, что киевский князь еще некоторое время продолжал называться еврейским словом «каган». Оттесненный после принятия христианства, — пишет современный исследователь, — еврейский элемент не исчез, но положение его изменилось: хозяйственно-экономическая деятельность еврейского элемента в Киеве продолжалась, видимо, без особых потрясений вплоть до большого погрома при Владимире Мономахе в 1113 г., но главным мотивом при этом был экономический: «мешало» богатство евреев, которое до тех пор не вызывало, видимо, зависти»*. В Киеве были разгромлены дома евреев-ростовщиков, взимавших огромные проценты. После этого Владимир Мономах издал указ, ограничивающий сумму процента, выплачиваемого по кредиту до 20% годовых.

Что касается сферы религиозной, то естественно, что между христианством и иудаизмом не могла не продолжаться полемика, лишь обострившаяся с принятием Русью христианства из Византии. «Евреи, разумеется, стремились не к борьбе, но к сохранению веры в новых условиях, к тому, чтобы предотвратить переход соплеменников в христианство. Боролось христианство с иудаизмом, но эта борьба сначала, по-видимому, имела форму полемики-дускуссии, напоминающей споры Константина Философа с иудеями, подробно описанные в его «Житии»...** Такая полемика, скрытая или явная, продолжалась и в последующие века российской истории. Впрочем, ее нельзя рассматривать в качестве чего-то необычайного: полемика между религиозными направлениями — это естественный элемент взаимоотношений между ними. Достаточно вспомнить остроту полемического противостояния между католической и православной ветвями христианства, между католической церковью и протестантскими направлениями, возглавляемыми Кальвином и Лютером, и т. д.

«Золотоордынский период евразийской истории был также весьма небезразличен для судеб еврейства, — отмечал Я. А. Бромберг. — При известной религиозной терпимости монгольских ханов (по крайней мере до принятия ими мусульманства) в разных частях их необъятных владений (в южно-русской степи, в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии и, по-видимому, на Руси в тогдашнем смысле) не редкость было встретить еврейские общины»***. При-

* Цит. по *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1.
** Там же. С. 347.
*** *Бромберг Я. А.* Еврейское восточничество в прошлом и будущем. С. 207.

сутствие еврейского элемента на следующем, Московском этапе российской истории обнаруживается в так называемой «ереси жидовствующих», получившей распространение в Великом Новгороде в конце XV — начале XVI в. Крымский еврей Схария заносит в Московское царство новое религиозное учение, пытающееся соединить иудаизм с православным христианством. Ересь активно распространяется не только в простом народе, но и в среде боярства, при великокняжеском дворе и даже среди духовенства. В борьбу против нее вступают лучшие силы православной церкви; в диспутах с еретиками участвуют известные богословы и авторитетные деятели православия того времени, прежде всего Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. Характерно, что в борьбе с ересью не было применено насилие, хотя Иосиф Волоцкий и настаивал на суровом преследовании еретиков, на применении к ним мер физического воздействия. Однако в этом вопросе восторжествовала точка зрения признанного главы «заволжских старцев» Нила Сорского, считавшего недопустимым применение насилия в религиозных вопросах. «Приходится отдать дань справедливости православию в целом: «каленое железо» не фигурировало в числе средств борьбы с ересью, — отмечает Я. А. Бромберг. — Были уклоны и соблазны, и даже на огромном расстоянии... действовала грозная повесть об Инквизиции (эпоха «ереси жидовствующих» знаменательно совпадает с гибелью мусульманско-еврейского месторазвития на Пиренейском полуострове)»*. Речь идет о том, что жестокими действиями испанской инквизиции почти полностью было истреблено еврейское население Пиренейского полуострова.

Новый этап существования евреев в России начинается в XVIII в., с присоединением к Российской империи части Польши со значительным еврейским населением. Включение в состав России польских областей было связано с событиями, получившими в исторической науке название «разделы Польши», которые произошли в 1772, 1793 и 1794 гг. «Это верно, что еврейский вопрос существует для России только со времен раздела Польши»**, — отмечал Морис Палеолог. Собственно, только с этого периода официально вводятся ограничения на территорию постоянного проживания еврейского населения — так называемая «черта оседлости». Сначала это только недавно включенные польские земли, в числе которых значительные территории современных Литвы и Белоруссии, а затем и Новороссия, под которой подразумевались причерноморские районы, вошедшие в состав России в результате русско-турецких войн конца XVIII столетия.

---

* Там же. С. 208.

** *Палеолог Морис.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 160.

Таким образом, присутствие евреев в российской истории на всем ее протяжении — бесспорный факт. Его не отрицают и многие сторонники концепции антиеврейской направленности. Однако они исходят из того, что роль еврейского народа в истории России была по преимуществу негативной, «вредной». Характерно, что при этом игнорируется вопрос, принципиальный для темы межнациональных отношений, а именно: можно ли вообще оценивать роль того или иного народа в истории как положительную или отрицательную? Очевидно, что роль отдельной личности может быть оценена положительно или отрицательно. Мы помним людей, внесших свой положительный вклад в историю, обогативших человечество новыми достижениями в различных областях, помним и тех, чья деятельность отмечена негативными последствиями. Но можно ли говорить о том, чтобы роль целого народа в истории была однозначно положительной или отрицательной? Очевидно, что речь может идти не о народе, а об отдельных его представителях, о *личностях*, проявивших себя теми или иными деяниями. Конечно, деятельность отдельных представителей того или иного народа неизбежно бросает отсвет на весь народ, вызывая в нем чувство стыда или, наоборот, чувство гордости за своего соплеменника. Однако не народ, а сам человек несет ответственность за все, что он сотворил, за все свои поступки и свершения.

Сказанное не отрицает того, что каждый народ обладает определенными социально-психологическими особенностями, специфической национальной психологией. Особенности национальной психологии того или иного народа, разумеется, оказывают влияние и на социальное поведение его представителей. В этой связи нельзя не упомянуть о так называемой теории «закваски», или «бродильного начала». Согласно этой теории, евреи часто выступают в истории в роли инициативного меньшинства, в роли тех, кто своими идеями и действиями побуждает общество к движению, не дает ему погрузиться в состояние дремотного застоя, пробуждает в нем силы самоизменения и развития. Сторонниками этой теории в той или иной форме были многие мыслители. Так, уже цитированный Я. А. Бромберг, говоря о ереси жидовствующих, обращает внимание на своеобразный побочный положительный результат, к которому привело ее распространение в России: «В диспутах с еретиками впервые получает полемический закал богословская мысль русского православия. Для борьбы мобилизуются все его наличные культурные силы, возникает полемическая литература, производится пересмотр положительного содержания религиозной традиции (Библия, жития святых)»*. Н. Бердяев, разделявший в целом теорию «закваски», пола-

* Палеолог Морис. Царская Россия во время мировой войны. С. 160.

гал, что и социализм Маркса возник как проявление революционного духа еврейства, органически присущей ему неуспокоенности, неудовлетворенности, — «в этом основа революционного характера религиозного сознания еврейства. Еврей легко становится революционером и социалистом»*.

Если теория «закваски» действительно верна, то совершенно очевидно, что положительная роль революционного меньшинства осуществима только при наличии массы, сохраняющей консервативную инерционность. Меньшинство побуждает массу к движению, пробуждает в ней творческие силы, способствует развитию общества. Именно в этом суть теории «закваски». Именно этим она отличается от известной концепции, отстаиваемой И. Шафаревичем, — концепции о «малом народе» и «большом народе», которую можно считать разновидностью теории «закваски», но с отрицательным знаком, что может служить оправданием самого примитивного антисемитизма.

К активному меньшинству, разумеется, могут принадлежать люди любой национальности. Тот факт, что евреи часто оказывались в составе такого меньшинства, находит свое объяснение прежде всего в сложности, а во многих случаях и в полной невозможности для них органической интеграции в общество, где существует дискриминация по национальному или религиозному признаку. А именно таким было европейское и российское общество длительное историческое время. Принадлежность к иудаизму закрывала путь к свободному выбору профессии и своего места в жизни. В отсутствие собственного еврейского государства евреям была, по сути, навязана дилемма: либо обращаться в христианство, что открывало возможность для приобретения прав наравне с другими членами общества, либо смиряться с ролью людей второго сорта, которым было отказано в целом ряде гражданских прав: поселяться в тех или иных районах, заниматься профессиональной деятельностью по своему выбору, получать образование и т. д. Оставался еще и третий путь — стать в оппозицию к существующему порядку, исповедовать идеологию, революционную по отношению к общепринятому порядку. Все эти пути были испробованы еврейством на протяжении того длительного исторического периода, в течение которого они испытывали на себе тяжесть дискриминации.

Конец государственной политике дискриминации еврейского населения в России был положен Временным правительством в 1917 г. Им были отменены все ограничения в отношении евреев: черта оседлости, запреты на занятия любой деятельностью, квота на поступление в высшие учебные заведения. Отметим, что ограничения и

* *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990. С. 77.

дискриминация в отношении евреев длительное время были характерны не только для России, но и практически для всех государств Европы. Так, еще в начале XIX в. в германских княжествах евреи должны были при въезде в города платить за себя «скотскую пошлину», что красноречиво говорит о характерном отношении к евреям в тогдашней Германии. Примечателен и факт, что остзейские бюргеры всячески противились предоставлению еврейским купцам Риги (входившей тогда в состав Российской империи) равных прав в области торговли, поэтому Екатерина Вторая вынуждена была принять соответствующее решение в тайне от немецкого бюргерства.

Дореволюционный антисемитизм в России (как и в странах Европы вплоть до конца XIX в.) носил по преимуществу религиозный характер. Дискриминационная государственная политика в отношении евреев, так же как и бытовой антисемитизм, обосновывалась религиозными аргументами, связанными с негативной оценкой иудаизма. Сторонники иудаизма рассматривались как последователи тех евреев, которые не приняли и не признали Христа, участвовали в гонениях на Него и первых последователей христианства. В отличие от дореволюционного, антисемитизм советского периода основывался по преимуществу не на религиозных, а на светских или бытовых аргументах. На этих же аргументах основывается и бытовой антисемитизм в современной России. Евреям вменяются различного рода пороки, наличие коварных замыслов в отношении России и всего человечества. «Послеперестроечный» антисемитизм, в частности, активно эксплуатирует в своих целях, с одной стороны, факт участия немалого числа евреев в революции 1917 г. и последующих событиях, а с другой — приписывает международному еврейству разрушение Советского Союза.

Необходимо отчетливо и ясно понять, что активное участие евреев в революции (отрицать которое не приходится) было не в последнюю очередь спровоцировано дореволюционным антисемитизмом российской власти. Как тут не вспомнить Вл. Соловьева (чьи слова были приведены в начале параграфа), предупреждавшего еще в конце XIX в. об опасности антисемитизма для самой России. Исторический опыт должен, наконец, убедить в том, сколь опасна политика дискриминации по отношению к любой этноконфессиональной группе. Такая политика отторгает часть населения от государства, отчуждает ее от остального общества, не только рождает в ее представителях протест против собственного бесправного положения, но и провоцирует недовольство общим порядком вещей, вызывает стремление к радикальной переделке самих основ общественного устройства. Отчуждение части общества от государства способно породить у представителей отторгаемой части настроения тотального

отрицания всех ценностей данного общества, резкое неприятие всей его истории, стремление начать ее сначала, с «чистого листа». С учетом сказанного становится предельно ясным, что государственная политика в числе прочих приоритетов должна быть направлена на общенациональное сплочение, на недопущение дискриминации по национальному, религиозному и иному признаку.

Бытовой антисемитизм (как и всякая неприязнь на этнической почве) основывается по преимуществу на предрассудках, на «непроговоренности», неясности и смутности не вполне осознанных представлений и эмоций. Будучи вынесенными на свет сознания, эти представления и эмоции в значительной мере утрачивают свою силу. Умолчание и сокрытие, напротив, рождают агрессивность.

В числе «пороков» и «недостатков» евреев, служащих оправданием бытового антисемитизма, нередко фигурирует упрек в «клановости» евреев, то есть в присущей им этнической солидарности, в стремлении сохранить свою обособленность от остального населения, во взаимной поддержке. Этот упрек, как и все другие, не выдерживает критики и не является аргументом в пользу антисемитизма, поскольку может быть обращен едва ли не ко всем этническим общностям. В не меньшей степени такая клановость присуща и другим народам, особенно когда они живут в разноплеменной среде. Азербайджанцы и армяне в России или в бывшем СССР, итальянцы в США, китайцы в любой стране вне Китая и представители многих народов нередко демонстрируют яркие образцы этнической солидарности и взаимоподдержки. Характерно и то, что солидарность и взаимоподдержка на этнической основе, как правило, имеют свои пределы и не способны исключить различия личных интересов и полностью предотвратить возникающие на основе такого различия противоречия. Поэтому этническая солидарность, если она не оформляется в тенденцию к этнократии (о чем речь шла выше), принципиально не нарушает права других людей и не угрожает целостности общества.

В еврейской среде имеет известную популярность идея о превосходстве еврейского народа над всеми другими народами. Однако следует особо подчеркнуть, что в этом евреи не оригинальны, ибо мало на земле найдется народов, которые в той или иной форме не лелеяли бы мысли о собственном превосходстве и предназначенной им великой миссии. Из широкоизвестных примеров достаточно назвать японцев и немцев. Идея об особом призвании русского народа и его избранности присуща и ряду представителей отечественной мысли. Не будет преувеличением утверждать, что ни один из народов, по меньшей мере из тех, которым довелось оставить свой след в истории, не избежал соблазна уверовать в свое избранничество. Африканский теоретик Ж. Фанон выдвинул тезис об интеллектуаль-

но-культурном превосходстве черной расы над белой, что, впрочем, в свете разнообразия представлений об избранности не выглядит слишком экстравагантным. Столь широкое распространение подобных представлений не может не наводить на размышления.

Как это ни покажется странным на первый взгляд, но надо решительно признать, что идея избранности и великого предназначения не только помогает народу жить и выживать, но и вдохновляет его на свершения, на творчество. Без великой идеи невозможно бытие ни индивида, ни народа, если это бытие творческое и осмысленное. Идея избранности и великого предназначения вполне оправданна, если, конечно, она не направлена против других народов, не служит оправданием для национальной дискриминации, неуважительного отношения к представителям других народов.

«Ненависть к евреям — нехристианское чувство, — отмечал Н. Бердяев. — Христиане должны относиться к евреям по-христиански»*. Следует обратить внимание и на особый акцент, сделанный Вл. Соловьевым в словах, с которых мы начали этот параграф: «Во всех племенах есть люди негодные и зловредные, но нет и не может быть негодного и зловредного племени, так как этим упразднялась бы личная нравственная ответственность...» Соловьев подчеркивает значение ответственности личности и усматривает именно в *личной* нравственной ответственности залог нормальных отношений между народами. И в этом он, безусловно, прав. Дело не только в том, что отношения между народами складываются в конечном счете из отношений между отдельными людьми, что крайне важно. Дело еще и в том, что за рассуждениями о «хороших» и «плохих» народах в действительности скрывается не что иное, как стремление переложить на народ ответственность за поступки отдельных его представителей. Не народ, а сам человек несет ответственность за свои дела, за тот след, который он оставил или оставит в истории. Только при осознании собственной ответственности личности становятся возможными нормальные отношения и между народами.

7. НА ПОРОГЕ ЭПОХИ МАССОВЫХ МИГРАЦИЙ

Период после 1991 г. в России, как и во многих других странах постсоветского пространства, отмечен принципиально новыми этническими явлениями и процессами. Они связаны прежде всего с началом массовой миграции с юга. Применительно к России речь идет о миграции главным образом из закавказских республик (ставших независимыми) и из Китая.

---

* *Бердяев Н. А.* Смысл истории. С. 82.

Россия стоит на пороге принципиально новой эпохи — эпохи резкого изменения национального и расового состава населения. Наступающая миграция по своим масштабам, по всей видимости, значительно превзойдет все миграции, которые имели место на всем протяжении российской истории. Ее результатом, вероятно, станет превращение российских городов в подобие американских Нью-Йорка или Сан-Франциско с характерным для них крайне пестрым расово-этническим составом, с отсутствием ярко выраженного количественного преобладания одной этнической группы. Процесс притока огромного числа выходцев из Азии и Африки активно развивается в последние десятилетия в странах Западной Европы. Европа все больше начинает напоминать Нью-Йорк или Сан-Франциско. Париж и Рим и многие другие города становятся местами, в которых коренные жители вот-вот превратятся в меньшинство, утонувшее в океане выходцев из южных стран афро-азиатского континента.

О значении происходящих перемен красноречиво говорят слова, которые мы уже приводили, когда затрагивали рассматриваемую проблему в общих чертах (см. главу 1). Эти слова принадлежат итальянскому автору Умберто Эко: «Сейчас в Европе впервые за 15 веков мы находимся перед новой волной массивной миграции, последняя была миграцией готов и визиготов, которая изменила генетический и лингвистический состав этого континента. Сейчас мы стоим перед той же проблемой: с юга идет огромный поток, который ничто не может затормозить — ни один министр внутренних дел, ни один закон не сможет остановить эту волну, и вполне возможно, что через пятьдесят лет президентом Франции, например, станет араб или китаец, а будущий Папа Римский будет негром». Умберто Эко предостерегает, что «такие перемены не могут происходить мирно. Они вполне могут вызвать кровавый период нетерпимости, и нужно приготовиться его пережить: это может быть проблемой будущего века»*.

В другой работе У. Эко отмечает: «Феномены, которые Европа все еще пытается воспринимать как иммиграцию, в действительности представляют собой миграцию. Третий мир стучится в двери Европы и входит в них, даже когда Европа не согласна пускать. Проблема состоит не в том, чтобы решать (политики любят делать вид, будто они это решают), можно ли в Париже ходить в школу в парандже или сколько мечетей надо построить в Риме. Проблема, что в следующем тысячелетии (я не пророк и точную дату назвать не обязываюсь) Европа превратится в многорасовый, или, если

* Интервью У. Эко корреспонденту «Независимой газеты» // Независимая газета. Ex libris. Книжное обозрение. 28 мая 1998 г.

предпочитаете, в многоцветный, континент. Нравится вам это или нет, но так будет. И если не нравится, все равно будет так»*.

Факты свидетельствуют, что процессы в России развиваются в том же направлении. Так, современный наплыв азербайджанцев по своим масштабам беспрецедентен: в Москве их уже насчитывается свыше двух миллионов, то есть более четверти всего населения. *Ежедневно* в Москву прибывает свыше четырехсот азербайджанцев. При этом нет серьезных оснований полагать, что выходцы с юга рассматривают свое существование в Москве или других городах как временное. Напротив, по прошествии определенного периода пребывания они стремятся основательно закрепиться в Москве, не теряя, разумеется, связи с родиной.

Понятно, что установить будущие временные границы самого явления миграции невозможно, поскольку невозможно определить, когда в южных республиках экономическая ситуация стабилизируется настолько, что пребывание выходцев из них в России потеряет для них смысл. Не исключено, что такое время не наступит никогда или только после того, как значительное число южан уже укоренится в России. Кроме того, отнюдь не очевидно, что современная массовая миграция связана исключительно с неблагополучным экономическим положением на родине мигрантов. Из всех азиатских стран бывшего Советского Союза именно Азербайджан отмечен относительно наилучшими показателями экономического развития, но именно Азербайджан поставляет наиболее массовый приток мигрантов в российские города. Россия притягательна не только для бедных, которые не в состоянии обеспечить себе минимум существования на родине. Россия остается и останется в будущем притягательной и для относительно богатых или даже для очень богатых выходцев из южных краев бывшего Советского Союза, поскольку в России они приобретают возможности для бизнеса, несравненно превышающие те, которые открываются на родине. Богатейшие ресурсы, огромная территория, финансовые потоки, несравнимые по своим масштабам с имеющими место в рамках относительно небольших экономик других республик, относительная близость российских центров по сравнению с удаленностью западных, наконец, знание русского языка и наличие приобретенных в советское время старых связей — все это является стимулами к миграции в Россию самого разного по своему составу населения с юга. Поэтому коренным образом ошибочно рассматривать происходящее как разновидность сезонных «отхожих промыслов», популярных в далекие времена, — мы имеем дело с совершенно иным процессом.

---

* *Эко Умберто*. Пять эссе на темы этики. СПб., 1998. С. 79.

Мотивы миграции китайцев несколько отличаются от мотивов населения южных республик бывшего СССР. Следует иметь в виду, что в последние десятилетия китайцы огромными массами распространяются по всему миру. Только наличие в советские времена «железного занавеса» препятствовало их расселению на территории СССР. Выходцев из Китая сегодня можно встретить во всех уголках земного шара. В странах Восточной Африки они составляют основную часть мелкооптовых и розничных торговцев. В городах атлантического побережья США численность китайцев превысила численность выходцев из других регионов, в частности мексиканцев, которые издавна расселялись в этих районах. В странах Юго-Западной Азии (Малайзия, Филиппины, Индонезия) китайское население представлено многими миллионами. Основным фактором расселения китайцев по странам мира является перенаселенность Китая, население которого, как известно, давно превысило миллиард человек. Все эти факты говорят о том, что Россию ожидает новое смешение рас и национально-культурных типов.

Какие выводы вытекают из констатации беспрецедентной массовости и новизны современных миграционных процессов? Главный из них состоит в том, чтобы избежать массовых проявлений нетерпимости, способных привести к обострению конфликтов и столкновений на этнической основе.

В условиях, когда человек окружен представителями разных этносов, разных культур, когда вокруг слышна разноязычная речь, когда многое кажется чуждым и непонятным, человеку свойственно испытывать психологический дискомфорт. Ему необходимо прилагать усилия для того, чтобы приводить себя в состояние душевного равновесия. Постоянное внутреннее психологическое напряжение порождает возможность срывов, проявлений агрессивности, в первую очередь по отношению к тем, кто вызывает раздражение своей непохожестью, к чужакам. Возникает чувство неприязни, враждебности. Как правило, в рациональном, «проговоренном» виде оно обосновывается социально-экономическими или политико-правовыми аргументами. Чаще всего это аргументы типа: «мы имеем большее право на эту страну, а вы, пришельцы, на нее права не имеете»; «у нас у самих не хватает, а вы забираете у нас последнее»; «во всем виноваты политики, сознательно допустившие массовое нашествие пришельцев с целью уничтожения России», и т. д. В свою очередь, в среде пришельцев, так или иначе ощущающих на себе молчаливо неприязненное отношение со стороны окружающих, возникает чувство внутренней неуверенности, ощущение неустойчивости своего положения. Таким образом, может возникнуть ситуация, когда представители самых разных этнических общностей могут одинаково ощущать себя обиженными, хотя мотивы у всех будут разными. Отсюда — один шаг до открытых проявлений нетерпимости и агрессивности.

Как уже отмечалось, в области межнациональных отношений нет ничего менее продуктивного и более опасного, чем идти по пути «сведения счетов», по пути взаимных препирательств. «Истощающее отрицание не оставляет места для положительного творчества»*, — писал Н. Бердяев. Злобная мстительность, пафос страданий и недостатка есть пафос антитворческий, разрушительный. Зависть и месть не ведут ни к чему позитивному. Единственный продуктивный путь заключается в стремлении понять «другого», иного, непохожего на меня, представляющегося мне чужим, непонятным, поэтому вызывающим подозрение.

В своих истоках социальная реальность всегда есть взаимодействие «Я» и «Другого». «Жизненный мир... — пишет известный современный социолог А. Шюц, — не является моим частным. К нему принадлежат другие, не только как тела и объекты моего опыта, но как alter ego (другое я. — *В. Ш.*), то есть субъективности, наделенные такой же активностью, как и я»**. Х. Ортега-и-Гассет следующим образом разъясняет понятие Другого: «Что мы хотим сказать, когда говорим, что перед нами Другой, то есть другой, такой же, как я, человек? Ведь это предполагает, что это новое существо — не камень, не растение и даже не животное, — это и есть я, «ego», но в то же время это — другое, «alter ego», иными словами — «alter ego», другое я... Здесь передо мною находится другое существо, которое тоже — я, тоже «ego»... И вот в *моем мире* появляется некое существо, которое, пусть и в форме со-присутствия, тоже заявляет свое право быть «человеческой жизнью», а следовательно, жизнью уже не моей, а своей и, соответственно, со своим миром, изначально отличающимся от *моего*. Мы сталкиваемся с поистине феноменальным парадоксом: на горизонте моей жизни, вся суть которой сводилась исключительно к тому, что она моя и поэтому представляла собой изначальное одиночество, появляется другое одиночество, другая жизнь, строго говоря, не имеющая ничего общего с моей, но имеющая свой мир, мне чуждый, — *другой* мир»***.

Таким образом, Другой — это тот, кто наделен своим собственным душевно-духовным миром, своим собственным потоком сознания. Кроме того, Другой дан мне, по выражению Э. Гуссерля, «в модусе *там*», тогда как мое собственное существование — «в модусе *здесь*»: я могу изменить место моего нахождения, но где бы оно ни находилось, это будет мое «здесь». Существование же Другого

---

* *Бердяев Н. А.* Смысл истории. С. 134.

** *Schutz A.* Phenomenology and the Social Sciences // Phenomenology and Sociology. Th. Luckman. Penguin, 1978. P. 125.

*** *Ортега-и-Гассет Х.* Человек и люди // *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991. С. 330—331.

навсегда останется для меня в рамках «модуса *там*», более или менее близкого к моему «здесь», но никогда не совпадающего с ним. Следовательно, ни при каких условиях я не могу пережить в сознании богатство личности Другого. Другой не может быть полностью открыт мне даже в самых интимных отношениях.

Отчетливо переживается инаковость индивидуальности Другого в непосредственных контактах, контактах «лицом к лицу». Особую роль в таком контакте играет взгляд: Ж.-П. Сартр отмечал, что бытие Другого открывает его взгляд, «ибо у куклы нет взгляда». «*Глаза*, — по словам Х. Ортеги-и-Гассета, — «окна души» — могут сказать нам больше, чем что-либо иное, поскольку взгляд, как ничто иное, исходит *изнутри*. Мы видим, *на что* он обращен и *каков* он. Он не только обращен на нас изнутри, но дает почувствовать, какая за ним скрыта глубина»*.

В процессе жизни тот, кто поначалу был Другим, может превратиться для меня в Ты. Превращение Другого в Ты означает, что он стал для меня в полной мере привычным, повседневным, будь то родственник, приятель или сослуживец. Я присутствую при его жизни, она приоткрывается мне. Вместе с тем в общении с Ты я все более убеждаюсь, насколько мне не по силам во всем объеме проникнуть во внутренний мир Другого, ощущаю и понимаю невозможность отождествить себя с ним. Отсюда следует, что я не могу избавиться от настороженности по отношению к нему. В общении с Ты я понимаю, что Другой может быть опасен. Дело не в том, что существует возможность, что Другой, как дикий зверь, набросится на меня, а в том, что Ты — это Ты, а стало быть, живет по-своему, своей жизнью, отличной от моей. Опасность — не обязательно нечто враждебное и злое. Она лишь таит в себе самые различные, порой взаимоисключающие возможности.

Таким образом, отношения «Я и Другой» обнаруживают то, что можно назвать *экзистенциальным напряжением* общественной жизни. Качество экзистенциальности означает, что оно не есть нечто производное от конкретных типов общественной организации, а обусловлено самой природой человеческих взаимоотношений и, следовательно, сохраняется в любом обществе, как бы оно ни называлось — феодальным, социалистическим, капиталистическим и т. д. Напомним, что Ф. Ницше, задумываясь над вопросом, почему человек испытывает особую легкость в общении с природой, ответил, что это происходит потому, что «природа к нам безразлична». Человеческие же взаимоотношения по самой своей сути никогда не могут быть охарактеризованы как безразличные: каждым словом, каждым жестом, каждым движением мы воздействуем на другого

* Там же. С. 306.

человека, влияем на него. Так было, есть и будет в любом обществе, при любой власти, при любых законах. Поэтому уповать на то, что власть и закон когда-либо смогут полностью упорядочить межчеловеческие отношения и довести их до идеального совершенства, не приходится. С учетом сказанного остается только одно — не забывать, что каждый из нас сам ответствен за то, какие отношения он сумел построить с окружающими, какие мысли и чувства его личность и поведение вызывают у других людей.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулатипов Р. Нации на распутье: опасные заблуждения оракулов национализма / Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультуризм / Советская этнография. 1978. № 2.

Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990.

Бромберг Я. А. Еврейское восточничество в прошлом и будущем / Мир России — Евразия. Антология. М., 1995.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1990.

Гальцева Р. По следам гения / Пушкин в русской философской критике. Вступит. статья. М., 1990.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 год.

Зорин В. Национальной политике — правовую основу / Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

Ильин И. А. Наши задачи. М., 1992.

Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина / Пушкин в русской философской прозе. М., 1990.

Исход к Востоку. София, 1921.

Клямкин И., Лапкин В. Русский вопрос в России // Политические исследования. 1996. № 1.

Костомаров Н. Казаки. М., 1995.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. Т. 1.

Рязановский Н. В. Азия глазами русских / В раздумье о России. XIX век. М., 1996.

Соловьев В. С. Соч. в двух томах. Мысль, 1990. Т. 2.

Соловьев В. С. Соч. в двух томах. М., Правда, 1989. Т. 2.

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.—СПб, 1995.

Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России / Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1.

Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? / О России и русской философской культуре. Ред. и автор вступ. статьи М. А. Маслин. М., 1990.

Эко Умберто. Пять эссе на темы этики. СПб., 1998.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем смысл понятия «самоидентификация»? Какие уровни может включать в себя самоидентификация?

2. Разъясните смысл и соотношение понятий «нация», «национальность», «этнос (этническая группа)». В чем отличие международно-правового понятия нации от принятого в российском обиходе?

3. Какова роль этноконфессионального ядра в становлении и развитии цивилизации? Почему русский народ и русское православие следует признать этноконфессиональным ядром современной российской цивилизации? Влечет ли признание за народом и религиозным направлением роли этноконфессионального ядра какие-либо привилегии для них?

4. Как соотносятся в России две тенденции в области отношений между национальностями: тенденция к смешению и тенденция к самосохранению? Разъясните тезис о том, что в современном мире все как бы «варятся в общем котле, но никто не плавится». Какие факторы оказывают наиболее существенное влияние на сближение народов России?

5. На чем основывается утверждение, что культура межнациональных отношений в России всегда была достаточно высокой? Могут ли отношения между национальностями быть абсолютно беспроблемными?

6. Каков смысл понятий «ассимиляция» и «аккультурация»? Как влияет аккультурация на психологическую структуру личности? В чем смысл концепции двухъярусной психологической структуры?

7. В чем заключаются опасности этнократических тенденций для целостности России? Какие аргументы используют этнократы для сокрытия своих подлинных намерений?

8. Каковы основные значения термина «русский»?

9. Как следует расценивать влияние на русский этнос тюркского элемента? Какие другие генетические и культурные влияния испытал на себе русский народ? Что помогло ему сохранить свою самобытность?

10. Как следует относиться к имперскому прошлому России? Почему оно может быть предметом гордости? Равнозначна ли гордость за прошлое стремлению вернуться к этому прошлому?

11. В чем смысл идеи Ф. Достоевского о «всемирной отзывчивости» русской души? Каково положительное содержание этой идеи и в чем ее опасность?

12. В чем смысл идеи комплементарности Л. Гумилева? Как эта идея может служить оправданию имперских притязаний? Надо ли разделять национальности на комплементарные и некомплементарные между собой?

13. Как сформулировал Вл. Соловьев фундаментальные принципы отношений между народами?

14. К каким последствиям для государства и общества приводит дискриминация по национальному или религиозному признаку?

15. Как проявлялся в царской России и в Советском Союзе антисемитизм? На чем основывался в прошлые века государственный антисемитизм во многих странах Европы?

16. В чем причины живучести бытового антисемитизма?

17. В чем смысл теории «закваски»? Каково ее отличие от концепции И. Шафаревича о «большом» и «малом» народах?

18. Каковы основные факты и вехи участия еврейского народа в российской истории? Правомерно ли оценивать роль того или иного народа в истории исключительно как отрицательную или положительную? Почему в первую очередь личность, а не народ призван быть ответственным за совершенные дела и поступки?

19. В чем особенности современных миграционных процессов? Какими последствиями они чреваты для современного мира в целом и для России в частности? На каких путях преодолимы отрицательные последствия этих процессов?

20. Возможно ли нормальное и плодотворное общение между людьми, отчетливо осознающими свои психологические, культурные, национальные различия? Какова диалектика «Я» и «Другого»?

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В РОССИИ

1. *Монархия в России.*
2. *Тоталитаризм в России.*
3. *Либерализм в России.*
4. *Так называемый «русский фашизм».*
5. *Власть и общество в России.*

1. МОНАРХИЯ В РОССИИ

Монархия (в переводе с греческого — «единоначалие») — «такая форма правления, при которой верховная государственная власть осуществляется единолично и переходит, как правило, по наследству»*. Принято различать абсолютную и конституционную монархию. В России длительное время существовала абсолютная монархия, которая, по сложившейся традиции, называлась самодержавием. Термин «самодержавие» в первом приближении можно считать синонимом термина «абсолютная монархия». «Под именем абсолютной монархии, автократии, самодержавия, — отмечает современный специалист, — понимается такая форма государства, при которой вся государственная власть полностью сосредоточивается в руках одного человека: князя, короля, царя, императора. Законодательство, управление, суд своими источниками сходятся все в этом центре. Никакой конкурирующей власти в государстве не может быть, — все существующие власти производны от власти монарха»**.

Не секрет, что под воздействием длительного господства советской партийно-государственной идеологии и последующих событий российской истории в воззрениях немалого числа людей на вопросы политического устройства установилась поистине невообразимая путаница. Одним из ее проявлений является едва ли не отождествление монархии с тоталитаризмом, подобным тому, который имел место в нашей стране в период правления Сталина. Однако требует-

---

* *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права. М., 1996. С. 101.

** *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. Вып. 1. М., 1995. Т. 1. С. 225—226.

ся специально доказывать, что монархия в подавляющем большинстве известных истории случаев не претендовала и не могла претендовать на тотальный контроль над всеми проявлениями жизни индивида, тогда как именно тотальный контроль власти над всеми сторонами жизни личности и охват таким контролем всего населения являются классическими признаками тоталитаризма. Тоталитарные режимы XX в., такие, как режим Сталина в Советском Союзе, Гитлера в Германии, Муссолини в Италии, Франко в Испании, Салазара в Португалии, продемонстрировали столь высокую степень подчинения индивидов государственной власти, какая была не только неведома монархиям прошлого, но и в эпоху классических монархий едва ли могла быть возможной.

Восстановление конституционной монархии, например, в Испании знаменовало собой окончательное преодоление тоталитарного наследия диктатора Франко и его последователей. В связи с этим замечу, что восстановление монархии в России (в конституционной форме) было бы, вероятно, желательным, но вряд ли оно реально. Скорее всего, Россия, подобно Франции, навсегда или, по меньшей мере, на обозримое будущее распрощалась с монархической формой государственного устройства. В этой ситуации нам остается только воздерживаться от того, чтобы сваливать на династию Романовых все мыслимые и немыслимые прегрешения или, напротив, впадать в неумеренный восторг при всяком упоминании о династии и царизме.

Ф. Бродель отмечал, что монархическое правление было более мягким, чем режим Великой французской революции. История свидетельствует, что в результате революции на смену монархии нередко приходят режимы, отличающиеся еще большей жестокостью и деспотизмом по сравнению с тем, против которого была изначально направлена революция. Так случилось во Франции в 1793 г. Так в конечном итоге случилось и в России в 1917 г., когда после короткого восьмимесячного периода весьма либеральной, но неопытной и неумелой демократии установилась жесткая диктатура. Но дело не только в этом.

«Нельзя не признать, что абсолютизм может быть реакционным и прогрессивным, либеральным и антилиберальным, — писал известный отечественный исследователь В. В. Леонтович, работавший в эмиграции. — Если бы это было не так, либеральные реформы 60-х годов, проведенные Александром, который был тоже абсолютным монархом, не получили бы того определения, которое общепризнано: все согласны с тем, что его реформы были именно либеральными»*. Поэтому при оценке российского самодержавия необходимо

* *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 39.

учитывать характер каждого отдельного царствования, а также всех мероприятий, которые в период данного царствования были реализованы. Так, время правления Александра II, несомненно, отмечено в целом либеральной направленностью. Освобождение крестьян от крепостной зависимости и последующие реформы были либеральными по своему существу. В день, когда император был убит народовольцами (1 марта 1881 года), он намеревался подписать проект документа, получившего название «конституции Лорис-Меликова». Этот документ предусматривал введение элементов представительной власти. Немало либеральных тенденций наблюдалось в мероприятиях Александра I (1801—1825) и Екатерины II (1762—1795), тогда как правление Николая I (1825—1855) и Александра III (1881—1894) было в основном антилиберальным. Николай II (1894—1917) шел на либеральные реформы вынужденно, под давлением общественности.

В чем причины того, что абсолютная монархия в России просуществовала столь длительное время и продолжала существовать в том числе и тогда, когда многие западные общества перешли к парламентской форме правления? Почему крушение монархии в России привело к столь катастрофическим последствиям для страны, для всех сторон ее жизни? Эти вопросы остаются и сегодня не только предметом академического интереса ученых-историков, но и непосредственно касаются современной политики, идеологии многих политических партий современной России. Неслучайно вопросам о природе российского абсолютизма, о причинах и обстоятельствах его крушения посвящена огромная литература.

Очевидно, что абсолютная монархия в России, как и во многих других странах, была оправданна для определенного и достаточно длительного исторического отрезка. Ее оправданность для определенного периода истории не исключает, разумеется, того, что самодержавию во все времена были присущи многие недостатки. Речь идет прежде всего о недостатках, органически присущих этой форме правления, а не только о тех, которые обусловливаются некоторыми несовершенствами, без которых не обходится ни одна форма земного человеческого бытия.

Исчерпанность самодержавного принципа все более отчетливо обнаруживалась на протяжении почти всего XIX века. Предчувствие падения монархии в России и связанных с ним трагических последствий отчетливо ощущается в ряде произведений русской культуры еще в первой половине века. Такое предчувствие выражено, например, в строках Лермонтова:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...

Однако с особой ясностью необходимость преодоления самодержавной формы правления обнаружилась начиная с 70—80-х годов XIX столетия, с конца царствования Александра Второго, в царствование Александра Третьего и в последующее время. Крупный отечественный историк Е. Ф. Шмурло отмечал: «Характерно, что, поставив задачей своего царствования «утверждать и охранять самодержавную власть от всяких на нее поползновений», император Александр Третий бессознательной силой вещей сам срывал с нее ореол божественности и низводил ее с той недосягаемой высоты, на которой, по его мнению, ей следовало пребывать»*. Этому, в частности, способствовало вполне оправданное с точки зрения международного положения сближение России с республиканской Францией. Союз с Францией (1891), необходимый России для противодействия агрессивным устремлениям Германии, был заключен российским императором вопреки его резко негативному отношению к республике. Такой союз выглядел в глазах российской общественности как вынужденное признание легитимности республиканского общественного устройства. Этот факт, как и многие другие, способствовал тому, что идея самодержавия все более низводилась со своего пьедестала. К концу XIX — началу XX вв. практически вся образованная и политически активная часть российского общества была убеждена в необходимости замены самодержавия на конституционные формы правления. При этом представления многих либеральных интеллигентов, выступавших против самодержавия, о политике в целом, о государственном устройстве, об особенностях России и о многом другом, без чего невозможна государственная мудрость, оставались во многих случаях наивными и оторванными от действительности. Об этом мы подробней будем говорить в дальнейшем.

Причины установления в России абсолютной монархии сложны и разнообразны. Н. О. Лосский, будучи либералом по своим политическим убеждениям, по этому поводу писал: «Одна из причин, почему в России выработалась абсолютная монархия, иногда граничившая с деспотизмом, заключается в том, что трудно управлять народом с анархическими наклонностями. Такой народ предъявляет чрезмерные требования государству»**. То, что здесь имеется в виду под «анархическими наклонностями», составляет одну из сторон той черты российского характера, которая может быть охарактеризована как «стремление к безграничной воле и безмерность». О ней мы подробно говорили в главе «Природно-географические характеристики российской цивилизации». Здесь же обратим внимание на ее значение для утверждения в России самодержавной монархии.

---

* *Шмурло Е.* История России. М., 1997. С. 687.

** *Лосский Н. О.* Характер русского народа. Париж: Посев, 1955. С. 48.

Безграничность российской природы, особенности российского ландшафта и ряд других факторов, видимо, действительно порождают эту черту или, по меньшей мере, способствуют ее формированию. Представления российского человека о свободе еще и сегодня во многом отличаются от соответствующих представлений человека Запада. Характерно-российское понятие воли принципиально не признает никаких ограничений — ни со стороны других людей, ни со стороны закона. Напротив, вызванная ограниченностью пространства стесненность жизни в Западной Европе, четкие контуры ландшафта, отнюдь не уходящего в безграничную даль, как в России, способствуют выработке определенных правил, обязательных для всех и служащих упорядочению общественной жизни. Это стремление к упорядоченности не нуждается в том, чтобы быть предписанным или навязанным «сверху». Оно рождается стихийно в массе рядовых жителей и тружеников западноевропейских обществ. Ни в коем случае не стремясь к принижению России, надо тем не менее решительно признать, что в нашей стране дело обстоит едва ли не противоположным образом.

В России стихийно рождается не стремление к упорядоченности и закону, а то, что явно противоположно упорядоченности и закону, — разгул, попрание достоинства других людей, разнузданность, произвол, обскурантизм и нигилизм. Все это находит яркое проявление даже в наши дни, в эпоху всеобщей грамотности, развития городов, средств массовой информации. Что же говорить о прошлых эпохах, когда подавляющее большинство населения было безграмотным, проживало в деревнях, редко разбросанных по безграничному пространству, а связь и средства коммуникации были едва развиты. Обширность территории России и сравнительно неплотная ее заселенность крайне затрудняли распространение просвещения и культуры (в том числе и христианского просвещения и христианской культуры, как и культуры других мировых религий, о чем специально пойдет речь в главе «Религии и верования в России») — а именно они способны радикально противостоять варварству и обскурантизму. Только культура в состоянии сформировать навыки дисциплины в стране, природно-географические особенности которой не способствуют стихийному складыванию таких навыков. К концу XIX в. Россия все более переставала быть похожей на «ледяную пустыню, по которой бродит лихой человек», и эти слова К. Победоносцева все более утрачивали свою актуальность применительно к городам и ряду регионов, однако в стране еще сохранялось немало того, что еще было совершенно не затронуто цивилизацией. Разумеется, еще более характерно такое положение для более ранних периодов истории.

Стихийно рождающееся стремление к безграничной воле, к ничем не ограниченному произволу, огромные пространства, не имею-

щие четких природных рубежей, — это факторы, отнюдь не способствующие выработке навыков дисциплины, привычки строго следовать определенным правилам общественной жизни. В этих условиях для поддержания элементарного порядка, для предотвращения хаоса и развала, разгула преступности Россия нуждалась в сильной централизованной государственной власти, не допускающей даже возможности оспаривания ее решений, власти, освященной божественным авторитетом. В этом, очевидно, одна из причин установления и длительного существования самодержавия в России.

Другая причина связана с тем, что в традициях российского мышления весьма длительный период всякая государственная власть связывалась с самодержавным принципом. Такое положение было характерно не только для России. В эпоху расцвета западноевропейского абсолютизма подавляющее большинство населения Западной Европы не мыслило верховную власть иначе как власть абсолютную, власть монарха. В России эта ментальная традиция сохранилась дольше, чем в Европе. Характерно, что в то время как западноевропейские просветители активно разрабатывали антиабсолютистские, республиканские идеи и эти идеи все более проникали в широкие массы населения Западной Европы, в России даже восстания против существующей власти проходили под знаменем монархии. Предводитель крупнейшего народного восстания Емельян Пугачев хорошо понимал необходимость оправдания своих претензий на власть монархически-самодержавным принципом: только опора на этот принцип могла придать его претензиям законный характер в глазах народа. Отождествление верховной власти с властью самодержавно-монархической, хотя и подвергалось в дальнейшем все большему сомнению, сохранялось в сознании значительной части российского населения вплоть до 1917 г.

Таким образом, важнейшей функцией самодержавия была *функция упорядочения* общественной жизни, поддержания общественного порядка и законности. Для ее реализации сложился соответствующий бюрократический аппарат, состоящий из государственных чиновников. Громоздкость и неэффективность государственно-бюрократического аппарата царизма, продажность чиновников и другие недостатки сделали его излюбленной мишенью для критики со стороны интеллигенции. Особенно интенсивно эта критика развивалась в XIX — начале XX в. Однако примечательно, что некоторые из яростных критиков царизма, пережив опыт Временного правительства и находясь впоследствии в эмиграции, вынуждены были частично признать несправедливость своих нападок. Так, П. Б. Струве считал, что аппарат царизма был «технически удовлетворителен», а недостатки режима коренились не в порядках и учреждениях, а в «нравах народа и всей общественной среды, которые отчасти в

известных границах сдерживались именно порядками и учреждениями». Вл. Набоков (отец известного писателя, один из функционеров Временного правительства), до революции придерживавшийся либеральных воззрений и жестко критиковавший царизм, впоследствии же, находясь в эмиграции, писал, что до февральской революции в России «был еще не расшатанный административный аппарат, не первоклассный, далеко не безукоризненный, но, как общее правило, дисциплинированный и работоспособный, была техническая организация и централизация власти»*.

Недостатки административно-бюрократического аппарата царской России подверглись критике и осмеянию в русской классической литературе, прежде всего в творчестве Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако совершенно неверно трактовать сатирическое изображение царских чиновников в произведениях этих писателей как призыв к свержению самодержавия. Сатира классиков была направлена на *нравственные* пороки лиц, находившихся на различных ступенях государственного управления. «Гоголь был убежденным консерватором, монархистом, никогда не ставившим вопрос об изменении социального строя, не мечтавшим о социальных потрясениях... — пишут современные специалисты по творчеству Гоголя. — Русский монарх для писателя — «помазанник Божий», воплощение мощи государства и высший моральный авторитет. Он способен покарать любое социальное зло... Писатель критикует «плохих» чиновников, не выполняющих обязанности, возложенные на них царем, не понимающих своего долга перед Отечеством. У него не было сомнений в том, что любой чиновник, имеющий «полное познание его должности», не выступающий «из пределов и границ, указанных законом», необходим для управления огромной страной. Бюрократия, по Гоголю, — благо для России, если она понимает значение занимаемого «важного места», не поражена корыстью и злоупотреблениями»**.

Не менее важной, чем фигура чиновника, для реализации самодержавным устройством своих общественных функций была фигура помещика. Самодержавная власть опиралась, разумеется, прежде всего на помещиков. Помещик же (наряду с сельским священником и учителем, там, где он был) оказывался проводником законности и просвещения в крестьянские массы. Поэтому от нравственных качеств помещика зависело очень многое. Это отчетливо понимал, например, Гоголь, неоднократно призывавший власть имущих к

---

* Цит по: *Сенин Александр.* Познай, сравнивая // Независимая газета. 4 июня 1999 г.

** *Скороспелова Е. Б., Голубков М. М., Красовский В. Е.* Н. В. Гоголь // Русская литература XIX—XX веков. В двух томах. М., 1998. Т. 1. С. 178—179.

добросовестному выполнению своих обязанностей. Так, в письме к одному из своих знакомых помещиков он дает целую программу деятельности и поведения, которая, по мнению писателя, соответствовала бы их общественной миссии. Приведем небольшой отрывок из этой программы.

«...Будь патриархом, сам начинателем всего и передовым во всех делах. Заведи, чтобы при начале всякого общего дела, как-то: посева, покосов и уборки хлеба — был пир на всю деревню, чтобы в эти дни был общий стол для всех мужиков на твоем дворе, как бы в день самого Светлого Воскресения, и обедал ты сам вместе с ними, и вместе с ними вышел бы на работу, и в работе был бы передовым, подстрекая всех работать молодцами... Когда же наступит осень и кончатся полевые работы, воспраздную таким же образом и еще большим пиршеством окончание работ, в сопровожденье торжественного и благодарственного молебна. Мужика не бей. Съездить ему в рожу еще не большое искусство... Но умей пронять его хорошенько словом; ты же на меткие слова мастер. Ругни его при всем народе, но так, чтобы тут же обсмеял его весь народ; это будет для него в несколько раз полезней всяких подзатыльников и зуботычин... Выкопай слово еще похуже, словом — назови всем, чем только не хочет быть русский человек. В комнате не засиживайся, но появляйся чаще на крестьянских работах. И, где ни появляйся, появляйся так, чтобы от твоего прихода глядели все живей и веселей, изворачиваясь молодцом и щеголем в работе. Поддай и от себя силы словами: «Прихватим-ка разом, ребята, все вместе!» Возьми сам в руки топор или косу; это будет тебе в добро и полезней для твоего здоровья всяких Мариенбадов (то есть заграничных курортов. — *В. Ш.*), медицинских муционов и вялых прогулок»*.

Разумеется, далеко не все помещики изъявляли готовность следовать указаниям Гоголя. Среди представителей помещичьего сословия встречались самые разные люди. Некоторые из них «прославились» крайне жестоким обращением с крестьянами, например, пресловутая Салтычиха. Однако были среди них и те, кто стремился к установлению отношений взаимного уважения между барами и крестьянами, прилагал немало усилий для просвещения крестьян и создания для них нормальных условий труда и быта. К числу таких людей можно отнести, например, А. С. Хомякова, известного представителя славянофильского направления русской мысли.

Хомяков-помещик разделял с крестьянами все трудности их жизни, их радости и заботы. Он стремился к усовершенствованию сельскохозяйственного производства, много внимания уделял организации здравоохранения в своих поместьях. Хомяков изобрел особый

* *Гоголь Н. В.* Духовная проза. М., 1992. С. 164—165.

тип паровой машины, которую применил на сельхозработах, разработал ряд методов лечения средствами гомеопатии, применял новые методы сахароварения. Он непрестанно был озабочен нововведениями, им владел поистине «предпринимательский дух». В своей хозяйственной деятельности Хомяков не забывал об интересах всей России, об интересах других людей. Трагическим свидетельством тому стала смерть этого замечательного человека, застигшая его во время эпидемии холеры в одном из поместий, куда он направился для организации помощи пострадавшим.

Хомяков глубоко переживал отрицательные последствия разрыва, образовавшегося между дворянством и народом, вследствие двухвекового господства крепостничества. Он считал закрепощение крестьянства явлением, чуждым русскому духу и русской почве. Хомяков считал крепостное право ужасной общественной язвой и был горячим сторонником его отмены. Он даже отказывался называть его «правом», говоря о нем как о «наглом поругании всяческих прав». С его точки зрения, крепостная зависимость представляла собой один из главных тормозов на пути прогрессивного развития России. Кроме того, он считал, что сохранение крепостных отношений является причиной социальной напряженности и не дает использовать весь духовный и творческий потенциал, заключенный в народе. Поэтому его глубоко огорчала колонизаторская установка по отношению к собственному народу, распространенная среди части помещиков. Корни этой установки он видел в отрыве господствующего класса от интересов своей страны, в презрении к ее культуре и традициям. «Если прервана связь веры и любви, наступает раздор и борьба»*, — отмечал Хомяков. Именно это и происходит между той частью помещичьего класса, которая не понимает своего общественного предназначения, и крестьянством. Со своей стороны, лидер славянофильства делал все от него зависящее, чтобы не допустить превращения разрыва в ожесточенную конфронтацию.

Легко заметить, что общим в воззрениях Гоголя и Хомякова является особое внимание к проблеме *личной ответственности*. Как Гоголь, так и Хомяков исходят из того, что принадлежность к тому или иному классу, в частности к классу помещиков, не избавляет человека от личной ответственности. Напротив, с точки зрения обоих мыслителей, положение помещика возлагает на него особую миссию, требует от него высоких нравственных качеств. Именно поэтому Гоголь в «Мертвых душах» рисует галерею отрицательных образов русских помещиков, чтобы подвергнуть осмеянию отрицательные черты и тем самым способствовать их преодолению. Произведения Гоголя — не что иное, как нравственная проповедь и

* *Хомяков А. С.* Соч. В восьми томах. СПб., 1900. Т. 1. С. 128.

обличение пороков в их концентрированном и гротескном изображении. Поэтому гоголевское творчество нельзя рассматривать в качестве объективной картины дореформенной России. Россия отнюдь не была сплошь заселенной маниловыми, плюшкиными, ноздревыми и коробочками. Трактовка «Мертвых душ» и других произведений писателя в качестве объективного отражения реальности является грубым искажением творческого замысла писателя. Такая трактовка глубоко ранила Гоголя, о чем свидетельствуют его многочисленные признания.

Монархия длительное время являлась, по существу, единственным проводником и организатором *просвещения* в России, что составляло одну из ее важнейших функций. Не будет преувеличением сказать, что едва ли не вся система просвещения и образования в России создана царями. На значение просветительской миссии самодержавия обратил внимание Пушкин. «Со времени восшествия на престол дома Романовых, — говорит Пушкин в «Мыслях на дороге», — правительство у нас всегда шло впереди на поприще образования и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно». В письме к Чаадаеву Пушкин замечает: «Следовало бы добавить (не в качестве уступки, а ради истины), что правительство есть единственный европейский элемент России...» В другом месте он отмечает: «Мы обязаны монархам нашей историей, следственно, и просвещением» (Пушкин А. С. Исторические замечания. 1822).

На политических взглядах Пушкина следует остановиться особо. «Монархизм Пушкина, — отмечает С. Франк, — есть глубокое внутреннее убеждение, основанное на историческом и политическом сознании необходимости и полезности монархии в России — свидетельство необычайной объективности поэта, сперва гонимого царским правительством, а потом всегда раздражаемого мелочной подозрительностью и враждебностью»*. Согласно Франку, монархия для Пушкина «единственный подлинно европейский слой русского общества, которому Россия обязана — начиная с XVII века — всем своим культурным прогрессом»**.

В этой связи отметим, что внушавшийся советской школьной программой образ Пушкина, во всем сочувствовавшего декабристам и целиком разделявшего их убеждения, не соответствует действительности. Так или иначе, сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что Пушкин на протяжении всей жизни оставался убежденным монархистом. Об этом свидетельствуют многие исследователи творчества поэта, об этом же говорят его многочисленные

---

* *Франк С.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 417.

** Там же. С. 419.

собственные признания. Он считал монархию наиболее приемлемой для России формой правления на современном ему этапе общественного развития, предпочитая не гадать о будущем.

На вопрос Николая Первого, где бы он был 25 декабря, если бы находился в Петербурге, Пушкин ответил: «Был бы на Сенатской площади вместе с восставшими». Этот известный факт советская историография использовала в целях доказательства революционности Пушкина. Однако ему может быть дано иное объяснение, прежде всего с позиций морально-этических принципов, которых незыблемо придерживался поэт на протяжении всей жизни. Одним из них был, несомненно, принцип товарищества, верности друзьям. Пушкин ставил дружеские отношения исключительно высоко и необычайно дорожил друзьями: достаточно вспомнить его взаимоотношения с Дельвигом и Пущиным. С. Булгаков отмечал, что исключительное личное благородство Пушкина больше всего «выражается в его способности к верной и бескорыстной дружбе: он был окружен друзьями в юности и до смерти, причем и сам он сохранил верность дружбе через всю жизнь»*. Дружба вообще входила в число тех ценностей духовного порядка, которые были для поэта незыблемыми. Вращаясь в кругу друзей, среди которых было немало будущих декабристов, Пушкин, несомненно, был свидетелем и участником многих разговоров, содержащих критику существующих порядков. Раз это было так, то принцип товарищества делал для него совершенно невозможным отказаться от дружбы в самый решающий, критический момент — это было бы равносильно предательству. Не будучи осведомлен о выступлении заранее, находившийся в Михайловском Пушкин предпринимает попытку срочно добраться до Петербурга. Лишь разыгравшаяся метель заставляет его повернуть лошадей обратно. Справедливости ради следует упомянуть тот широко известный факт, что друзья-декабристы делали все, чтобы оградить Пушкина от непосредственного участия в рискованном предприятии, понимая значение пушкинского таланта и желая сберечь поэта для России.

Помимо причин личного характера, были, разумеется, и общественно-политические причины сочувственного отношения Пушкина к декабристам. Не разделяя их антимонархических устремлений, не возлагая, подобно им, больших надежд на вооруженное выступление, Пушкин был солидарен с ними в том, что представлялось ему наиболее важным и ценным и что впоследствии составило ядро его либерально-консервативных убеждений. Речь идет о *свободе личности*. Именно свобода личности, ее достоинство и права явились центром либерального консерватизма Пушкина.

---

* *Булгаков С. Н.* Жребий Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 274.

Пушкин полагал, что гражданские права и свободы личности могут быть обеспечены в условиях монархии. В этом он не был одинок в истории российской и европейской общественной мысли: основатели европейского либерализма Локк и Кант придерживались того же мнения. Исторически либерализм вообще развивался под сенью монархии. Не кто иной, как император Наполеон принял знаменитый «Кодекс», в котором впервые с юридической ясностью и определенностью формулировались права и свободы личности. Обо всем этом нелишне напомнить по той причине, что пушкинское отношение к царям как раз и может служить образцом такого сбалансированного, объективного подхода. Оно тем более заслуживает уважения, что Пушкин сумел преодолеть все личные обиды и свое неприятие индивидуальных черт характера двух самодержцев, при правлении которых ему выпало жить.

Пушкин не только не разделял надежды декабристов на возможность улучшения общества посредством действий насильственного характера, но и еще в большей степени не одобрил бы их главной конечной цели — установления республики. А именно это предусматривала программа Пестеля. Зрелый Пушкин глубоко осознавал всю несерьезность замыслов декабристов. Об этом, в частности, свидетельствуют строки из отрывков 10-й главы «Евгения Онегина»: «Все это были разговоры, и не входила глубоко в сердца мятежная наука. Все это было только скука, безделье молодых умов, забавы взрослых шалунов».

Просветительская и образовательная миссия самодержавия, которую столь высоко оценивал Пушкин, подтверждается множеством исторических фактов. Ее активным зачинателем следует считать Петра Первого, основавшего «Школу математических и навигацких наук», или так называемую «Навигацкую школу». По мнению многих историков, «Навигацкая школа» стала одним из наиболее удачных творений Петра в области образования. Из нее вышли первые русские профессионалы — моряки, гидрографы, геодезисты, инженеры, артиллеристы. Преподавателем в ней работал Леонтий Магницкий. Его учебник «Математика, сиречь наука числительная» стала одной из книг, возбудивших любознательность М. Ломоносова. В 1715 г. высшие классы были переведены в Петербург, образовав Морскую академию, низшие же остались по-прежнему в Москве. Петром была также основана Хирургическая школа, а также приняты меры к введению широкого начального образования. При Петре российская школа «впервые перестала быть исключительно церковно-духовной; при всей утилитарности поставленной ей цели, она впервые стала выпускать людей, приучающихся самостоятельно разбираться в своих сведениях, самостоятельно мыслить; вырабатывала в них сметку, привычку к умственной работе, и притом к работе на-

пряженной, ответственной... Старой косности был положен предел; дана возможность широкому культурному общению с Западной Европой; и хотя русский человек надолго еще останется на положении ее ученика, но первый сдвиг уже был сделан, так что ближайшее поколение могло выдвинуть Ломоносова, этого по духу истинного ученика Петра Великого и после него величайшего человека в России XVIII столетия»*.

Деятельность Петра Первого в области просвещения не ограничивалась открытием новых учебных заведений. Он впервые стал широко практиковать посылку русских людей на обучение за границу и вызов иностранных специалистов и ученых в Россию, учредил первую в России регулярную газету, принял меры к созданию театра, переписывался с Лейбницем и лично общался со многими зарубежными учеными, богословами, философами. Им была учреждена Академия наук (1724). Петр поручил составить карты Азовского и Каспийского морей и направил научную экспедицию в Сибирь для изучения ее географии, природы и населения. Уже будучи тяжело больным, за три недели до смерти, он инструктирует капитана Беринга и отправляет его в далекое плавание с целью выяснения вопроса о соединении Азии с Америкой. Этим он кладет начало целой серии широкомасштабных научных экспедиций, в организации и материальной поддержке которых принимали непосредственное участие последующие российские самодержцы.

Царствование императрицы Елизаветы ознаменовалось созданием первого в России Московского университета (1755), основанием Академии художеств (1757), первого русского театра (1756) и первой гимназии для дворян и разночинцев в Казани (1758). Указами Екатерины Второй была создана сеть народных училищ, нижних, средних и высших, в 25 губерниях учреждены главные народные училища, при Александре Первом превращенные в гимназии. «Устав народным училищам» (1786) заложил основы всеобщего народного образования и явился одним из замечательных законодательных актов царствования Екатерины Второй. Решениями императрицы открыты Горное училище в Екатеринбурге, медицинские школы, земледельческая школа, училище для купеческих детей в Москве.

Екатерина Вторая многое сделала для того, чтобы укрепить гражданское правосознание своих подданных, прежде всего дворян, направляла усилия к тому, чтобы способствовать развитию чувства гуманности, терпимости, смягчению нравов. В своем известном «Наказе», адресованном депутатам всех сословий и классов, созванных в Москву (1767) для выработки «Нового Уложения», она подчеркивала значение гражданской свободы и законности. С точки

* *Шмурло Е. Ф.* История России. С. 404.

зрения императрицы, ничего не следует запрещать законами, кроме того, что может нанести вред отдельной личности или обществу, и только закон (а не прихоть чиновника) должен определять поведение. В «Наказе» подчеркивалось значение веротерпимости, поскольку российские подданные принадлежат к разным религиозным конфессиям. Религиозные гонения только ожесточают людей, терпимость же смягчает сердца. Екатерина обосновывала взгляд на преступления как на болезнь, которую «следует лечить мерами кроткими», ужесточение же наказания отнюдь не всегда способствует борьбе с преступностью. Она подтвердила отмену смертной казни, произведенную Елизаветой, и выступила за отмену телесных наказаний, а также пыток. «Наказ» во многом шел вразрез с укоренившимися в российском обществе того времени достаточно суровыми нравами и представлениями. Тем более велико было его значение для их преодоления.

Постановлениями правительства Александра Первого основаны Дерптский (1802, Юрьевский в 1893—1918, ныне Тартуский университет в Эстонии), Казанский (1804) и Харьковский (1804) университеты. Учрежден Педагогический институт (1804), позже (1819) преобразованный в университет. Открыт Александровский (Царскосельский) лицей (1811), в котором учился Пушкин. Правительство покровительствовало ученым и литературным обществам, улучшило материальное положение Академии наук и Академии художеств. За литературные и научные заслуги стали награждать орденами и денежными пособиями. Карамзин получил звание «историографа» и пенсию, давшую ему возможность спокойно работать над своей «Историей государства Российского». Правительство оказывало материальную поддержку в публикации научных трудов.

Просветительская деятельность самодержавия в эпоху Николая Первого носила противоречивый характер. С одной стороны, Николай продолжал традиции своих предшественников по дальнейшему расширению системы образования и охвату ею все большего числа людей. Были основаны Киевский университет (1835), Главный педагогический институт (1828), Училище правоведения (1835), Технологический институт (1828) в Петербурге. С другой стороны, правительство Николая Первого приняло ряд мер по ограничению проникновения в общество, прежде всего в российские университеты и гимназии, либеральных идей. Эти меры особенно характерны для периода после 1848 г., когда во Франции вспыхнула революция. Правительство опасалось, что вызванное ею во всей Европе «брожение умов» распространится и на Россию. Учащиеся университетов и гимназий были поставлены под строгий надзор чиновников, прекращена посылка за границу молодых ученых. Философия была изгнана из учебной программы ряда университетов, на уроках гео-

графии и истории предписывалось упоминать о способах правления в других государствах «как можно короче». Сообщать о событиях за рубежом позволялось только правительственной газете «Северная пчела». В области истории запрещалось писать о Смутном времени (1610—1613), о народных выступлениях под предводительством Болотникова, Разина, Пугачева, о древних нравах русского народа.

Факты ограничения самодержавием образования и просвещения следует рассматривать как свидетельства исчерпания им своей просветительской и цивилизаторской миссии. Самодержавие оказывалось все менее способным, как локомотив, тянуть за собой все общество по пути просвещения. Наступала новая эпоха. Российское общество все менее нуждалось в опеке и покровительстве со стороны монархической власти. В этих условиях недостатки, органически присущие самодержавной форме правления, становились все более очевидными.

Один из таких недостатков состоит в том, что самодержавная власть замыкает на себе решение всех, даже самых незначительных, вопросов. Тенденция к мелочной регламентации всех сторон жизни общества из центра ярко проявилась в эпоху Николая Первого. Приведем документ, весьма показательный в этом отношении. На основе такого рода документов и строилось управление государством в николаевскую эпоху.

В циркуляре министерства внутренних дел от 16 декабря 1848 г. говорилось: «Государь Император, обратив особое внимание на чрезвычайное распространение зажигательных спичек, усмотреть изволил, что при случившихся в 1848 году пожарах, истребивших в одних городах более как на 12 000 000 рублей серебром обывательских имуществ, поджигатели весьма часто совершали свое преступление посредством спичек. Вследствие сего Его Императорское Величество в день 29 ноября 1848 г. высочайше повелеть изволили:

1. Чтобы заведения для выделки зажигательных спичек допускаемы были в одних столицах.
2. Чтобы продажа зажигательных спичек вразнос была вовсе запрещена.
3. Чтобы те из указанных заведений, которые существуют ныне в губерниях, были закрыты через месяц со дня объявления о том содержателям...»

В приведенном документе ярко выражено недоверие к подданным и связанное с ним предпочтение мер запретительного характера, вообще характерное для самодержавия. Недоверие к подданным вело к мелочной регламентации всех сторон общественной жизни.

При таком положении дел царь должен был вникать во все вопросы, во все подробности и детали разнообразных проявлений жизни. Характерна в этом отношении деятельность Петра Великого.

«...Петр всю жизнь свою был учителем и командиром. Армия и флот, промышленность, школа, наука, внешний порядок и благочиние — всего коснулась его энергичная рука... Он вмешивался во все и, как настоящий нянька, руководил каждым шагом своих подданных; предписывал в домах печи ставить на фундаменте, а не прямо на пол; дымовые трубы воздвигать такой ширины, чтобы в них можно было пролезть человеку; потолки делать с глиной, а не бревенчатые; не ездить на лошадях, не взнуздав их; надгробные памятники ставить без деревянных будок. Он запрещал носить и продавать остроконечные ножи, снимать зимой шапки перед дворцом; заборов перед домами не делать, а ставить тыны, чтобы ворам несвободно было перелезть; свечи перед иконами ставить в фонарях, во избежание пожара. Регламентации подверглись ношение бороды, платья, пиры, свадьбы, погребения. На обеды и вечера предписывалось приглашать не одних мужчин, но и женщин. Указ об устройстве ассамблей в частных домах определял не только в какое время они должны созываться, но и в каком порядке рассылаться приглашения на них, что должен делать на ассамблее хозяин, как вести себя гостям. Правительство брало на себя даже заботу о спасении души, предписывая подданным посещения церквей, хождение к исповеди и причастию и строго карая за неисполнение»*.

Такая регламентация не являлась для того времени ничем удивительным. Представление о государе как отце, неусыпно пекущемся о своих детях-подданных, характерно для европейской мысли той эпохи. Немецкий философ Христиан Вольф (1679—1754) обосновывал идею о том, что забота обо всех сторонах жизни подданных является не только правом государя, но и его обязанностью. Аналогичных воззрений придерживались многие мыслители. Представление о самодержце как отце, призванном опекать своих подданных, получило название «патернализм». Патернализм возлагает на правителя огромное множество обязанностей, выполнение которых, как правило, не по силам обычному человеку. Со столь огромным кругом проблем под силу справляться лишь выдающимся личностям, подобным Петру Великому или Наполеону, и то не без промахов и ошибок. Рост масштабов российского государства, усложнение хозяйственной, общественной и политической жизни к концу XIX — началу XX в. все более превращали самодержавную форму правления в глазах российской общественности в очевидный анахронизм.

* *Шмурло Е. Ф.* История России. С. 429.

Об этом свидетельствует, например, запись из дневника французского посла в России начала XX в. Мориса Палеолога:

«Соответствует ли самодержавие характеру русского народа, это — проблема, относительно которой крупнейшие умы колеблются высказываться; но что не оставляет сомнения, это что оно несовместимо с земельным протяжением России, с разнообразием ее племен, с развитием ее экономического могущества. По сравнению с современной империей, в которой насчитывается не менее ста восьмидесяти миллионов населения, распределенного на двадцати двух тысячах квадратных километров, что представляла собою Россия Ивана Грозного и Петра Великого, Екатерины II, даже Николая I? Чтобы руководить государством, которое стало таким громадным, чтобы повелевать всеми двигателями и колесами этой исполинской системы, чтобы объединить и употребить в дело элементы настолько сложные, разнообразные и противоположные, необходим был бы, по крайней мере, гений Наполеона. Каковы бы ни были внутренние достоинства самодержавного царизма, это — географический анахронизм»*.

Существенным недостатком самодержавной формы правления является отсутствие в ней гарантий от субъективного произвола правителя. Как говорил У. Черчилль, «всякая власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютно». Очевидно, что перед соблазнами, возникающими вследствие ничем не ограниченных возможностей властвовать над огромным количеством людей, трудно устоять. Однако многое зависит и от самого властителя, от его характера, от его личностных качеств. Так, за более чем тридцатилетний период активного царствования Петра Первого им было допущено не так уж много актов произвола, идущих вразрез с государственными интересами России. Во всяком случае, подавляющее большинство его действий и решений диктовалось глубокой заботой о росте могущества российского государства и принесло реальные плоды. Этого нельзя сказать о весьма непродолжительных царствованиях Петра Третьего и Павла Первого, капризы и непродуманные решения которых наносили прямой ущерб государственным интересам. Мистическая настроенность императора Александра Первого, резко возросшая в последние годы царствования, привела к его самоустранению от дел и усилению власти Аракчеева, человека исполнительного и дисциплинированного, но весьма далекого от подлинного понимания государственных задач.

Таким образом, опыт самодержавного правления все более подводил к пониманию того, что судьба страны не может быть вручена самодержцу, она не должна целиком зависеть от прихотей отдельно-

* *Палеолог Морис.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 149.

го человека, что государственный механизм должен содержать в себе гарантии от субъективного произвола отдельного лица. Убеждение в необходимости замены самодержавной формы правления на парламентскую в первые десятилетия XX в. становится в среде российской интеллигенции общераспространенным, хотя нельзя сказать, что сторонники самодержавия полностью утратили свои позиции. Октябрьский переворот привел к установлению в стране совершенно особого режима, существенно отличного как от самодержавия, так и от демократии. В наши дни он получил название «тоталитаризм».

2. ТОТАЛИТАРИЗМ В РОССИИ

«Если бы чеховским интеллигентам, — писал А. И. Солженицын, — все гадавшим, что будет через двадцать — тридцать — сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами, голого и привязанного пытать муравьями, клопами, загонять раскаленный шомпол в анальное отверстие... медленно раздавливать сапогом половые части, а в виде самого легкого — пытать по неделе бессонницей, жаждой и избивать в кровавое мясо, — ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом.

Да не только чеховские герои, но и какой нормальный русский человек в начале века, в том числе и член РСДРП, мог поверить, мог бы вынести такую клевету на светлое будущее? То, что еще вязалось при Алексее Михайловиче, что при Петре уже казалось варварством, что при Бироне могло быть применено к 10—20 человекам, что совершенно невозможно стало с Екатерины, — то в расцвете XX века, в обществе, задуманном по социалистическому принципу, в годы, когда уже летали самолеты, появилось звуковое кино и радио, — было совершено не единым злодеем, не в одном потаенном месте, но десятками тысяч специально обученных людей-зверей над беззащитными миллионами жертв»*.

Со второго десятилетия XX в. не только Россия, но и весь мир вступил в полосу развития, неведомую предшествующей истории. Эта полоса характеризуется катастрофами мировых войн 1914—1918 гг. и 1939—1945 гг., ужасами гитлеровского и сталинского режимов, концлагерями и взрывами атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки. Человечество познало трагический опыт тоталитаризма, который

* *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ // *Солженицын А. И.* Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 5. С. 90.

выплеснул поистине океанские потоки зла, невместимые в пределы нормального человеческого разума. Тоталитарная форма общественного устройства наиболее отчетливо проявилась в Советском Союзе, в эпоху правления Сталина, и в Германии, при диктатуре Гитлера. Тоталитарные черты были характерны также для режимов Муссолини в Италии, Франко в Испании, Салазара в Португалии. Их объединял ряд общих черт при наличии существенных отличий.

Советский тоталитаризм и германский радикально различались, прежде всего по своей идеологии. Коммунистическая идеология и идеология национал-социализма (нацизма), в одинаковой степени служившие оправданием схожих общественных порядков, полностью *противоположны* в своих основополагающих идеях. Нацизм открыто исповедовал национальную и расовую рознь, превосходство арийской расы над всеми другими, обосновывая этим претензии на мировое господство. Советская идеология, напротив, основывалась на интернационализме, предполагавшем равенство и солидарность всех наций, народов и рас. Однако в ней была заложена идея превосходства одного общественного класса, а именно — рабочего класса, над всеми другими. Октябрьская революция и дальнейшие события оправдывались неопреодолимым антагонизмом между различными классами общества. Идеей классовой борьбы оправдывались и широкомасштабные репрессии внутри страны, и враждебность по отношению ко всему окружающему миру, объявленному «буржуазным». Гитлеровская идеология строилась на оправдании репрессий и утверждении неполноценности или зловредности «неарийских» народов — евреев, цыган, славян и других. На этом же утверждении основывалась и политика завоевания «жизненного пространства» для арийской расы.

Тоталитаризм, где бы ни проявлялся и какой бы идеологией ни прикрывался, всегда связан с подавлением свободы личности, с отрицанием и попранием прав индивида, с превращением его в «винтик» общественного целого, с безостаточным (от «без остатка») подчинением индивида машине государственной власти. Личность для тоталитарной системы перестает существовать как суверенное существо, обладающее собственным достоинством и правами: она рассматривается только как средство для достижения общественных целей. Из такого отношения к личности следуют самые жесткие формы обращения с ней — достаточно только признать, что та или иная личность по каким-либо причинам не вписывается в социальную систему и не соответствует провозглашенным ею целям. Таким образом, при тоталитаризме государственная власть обладает безусловным правом, в принципе не нуждающимся в юридическом обосновании на принуждение личности, на ее «исправление», на переделку ее природы в соответствии с провозглашенными властью целями и задачами.

Итальянский историк и журналист, специалист по истории России Арриго Леви отмечает: «И социализм, и, к сожалению, тоталитаризм — это все производные западноевропейской цивилизации. На мой взгляд, истоки ленинского понимания природы государства берут свое начало в традиции европейского Просвещения. Я имею в виду уверенность вождей, правителей и монархов в том, что человека можно изменить, что власть может воздействовать на природу людей, их представления, их чувства и разум. Как германский тоталитаризм, так и сталинский террор полностью вписываются в этот порядок европейской истории. Лично для меня — это своего рода ересь и вырождение того, что являлось когда-то европейскими идеалами»*.

Опасность возникновения тоталитаризма в России предвидели многие отечественные мыслители еще в XIX в. В своих произведениях они предупреждали об этой опасности. Так, в 90-е годы XIX в. правовед Б. Н. Чичерин в своем главном труде «Курс государственной науки» писал: «Нынешняя социал-демократия с ее широко распространенной организацией, с ее ненавистью к высшим классам, ее стремлением к разрушению всего существующего общественного строя, неизбежно ведет к диктатуре. Нося в себе идеал, подавляющий всякую гражданскую свободу, она не менее грозит свободе политической. Представленное правление может держаться, только пока эта партия слаба и не в состоянии сильно влиять на государственное управление. Но силы ее очевидно растут, а это неизбежно должно привести к глубочайшим потрясениям. Если ей удастся где-либо получить минутный перевес, она может держаться лишь с помощью самого страшного террора»**.

Глубокий анализ того способа мышления, в котором коренятся истоки тоталитаризма, был дан в произведениях Ф. М. Достоевского. Главные произведения писателя посвящены проблемам отношения личности и общества, проникнуты идеей недопустимости тотального подчинения личности общественному целому, превращения ее в безликий винтик общественного целого: «И что же такое человек без желаний, без воли, без хотений, как не штифтик в органном вале?»* Наиболее яркая характеристика тоталитарных устремлений сторонников социалистических идей дана в романе Достоевского «Бесы». В произведениях Достоевского ярко выражена идея самоценности личности, ее несводимости к общественным институтам, задача которых, согласно Достоевскому, состоит не в подавлении личности, а в защите ее чести и достоинства. Вместе с

---

* *Романова Людмила.* Наблюдения итальянца. Интервью с Арриго Леви // Книжное обозрение «Ex libris НГ». 10 июня 1999.

** *Чичерин Б.* Курс государственной науки. М., 1986. Т. 2. С. 38.

тем писатель обращал особое внимание на значение моральной ответственности личности перед обществом. Без понимания индивидами своей моральной ответственности перед обществом последнее неизбежно превращается в общество эгоистического анархизма. В таком обществе господствуют раздор и борьба, оно не способно к решению самых насущных проблем и обречено либо на гибель, либо на установление диктатуры, подавляющей свободу личности.

Критическое отношение к социал-демократическим идеям свойственно и другим отечественным мыслителям. Крупнейший русский философ XIX в. В. С. Соловьев резко отрицательно относился к идеям социализма марксистского образца. Имея в виду популярное представление о близости идеи социализма христианству, он иронически замечал: «Христианство учит: отдай свое, а социализм говорит: возьми чужое». Л. Толстой писал: «Если бы случилось то, что предсказывал Маркс, то случилось бы только то, что деспотизм переместился бы; то властвовали капиталисты, а то будут властвовать распорядители рабочих»**.

Глубокий анализ истоков тоталитарных режимов XX в. дан английским философом, историком мысли и методологии науки Карлом Поппером. Его двухтомный труд «Открытое общество и его враги» (первая публикация — 1948 г.) содержит основательный разбор историко-культурных предпосылок тоталитаризма. Поппер показал, что истоки тоталитаризма уходят в толщу европейской культурной традиции на еще большую историческую глубину, чем эпоха Просвещения. Они берут свое начало от Платона и Аристотеля, восприняты Просвещением, нашли свое проявление в философии Гегеля и, наконец, получили явное выражение в идеях Маркса. Ставший классическим для изучения тоталитарных систем, труд Поппера доказывает, что идеи построения общества тоталитарного типа не были изобретены в России, они были заимствованы российскими интеллигентами в готовом виде на Западе. Впрочем, Россия стояла перед выбором: либо избрать путь западной демократии, либо, опираясь на традиции собственной истории, идти «своим путем», создав собственный образец демократически-общинного общества (что было малореально), либо, наконец, заимствовать западные идеи тоталитарного типа, прикрытые утопической мечтой о социализме и коммунизме. Создавая общество тоталитарного образца, Россия не пошла «своим путем», а, напротив, поддалась искушению, пришедшему извне.

Отметим, что признание западного (нероссийского) происхождения тоталитарных проектов не дает оснований отрицать тот факт,

---

* *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья // *Достоевский Ф. М.* Соч. Т. 5. С. 114.
** *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. В девяноста томах. М., 1928—1958. Т. 53. С. 206.

что ряд предпосылок для тоталитаризма глубоко укоренен и в российских культуре и ментальности: именно они составили питательную почву для реализации в России и на всем пространстве бывшего Советского Союза проекта западного происхождения. Однако вполне очевидно, что, не будь такого проекта, указанные предпосылки остались бы нереализованными.

Сегодня мало кто сомневается, что в проекте коммунистического общества, предложенном Марксом и Энгельсом и воспринятом с некоторыми дополнениями и исправлениями Лениным, содержались те идеи, которые, будучи реализованными на практике, привели к созданию тоталитарного общества — общества всеобщей несвободы. Надо, однако, учитывать, что их авторы и последователи, вероятно, были движимы самыми лучшими побуждениями. Во всяком случае, едва ли можно отрицать, что лозунги, выдвигаемые марксизмом, написанные «на фасаде» теории марксизма, возвышенны и благородны. Эти лозунги вполне вписываются в понятия здравого человеческого ума, который стремится к идеалам справедливости, истины и добра. Тексты классиков марксизма-ленинизма обильно насыщены обращениями к исконным человеческим ценностям и понятиям, во многих случаях они прямо взывают к чувству справедливости, чести и долга. В произведениях Маркса, Энгельса, Ленина немало слов в защиту «униженных и оскорбленных», в них выражен горячий протест против угнетения и эксплуатации. В этом смысле они мало отличаются от огромного большинства произведений философского, социального и политического характера, созданных человеческой мыслью во все эпохи. В разительном контрасте с ними и со всей многовековой историей мысли находятся выступления людей, присвоивших себе в 1991 г. в России имя «демократов».

Цинизм и возведение в норму пороков и извращений, оправдание воровства и мародерства как якобы соответствующих демократическому обществу открытая публичная ложь и лицемерие — такое «кредо» не может быть основой существования общества, как бы оно ни называлось — капиталистическим, социалистическим или как-то иначе. Чувство беспокойства за судьбы страны и людей, которого в той или иной мере не лишен ни один политик современного мира и которое просматривалось даже в выступлениях коммунистических руководителей и отчетливо выражено в выступлении любого политика так называемых «капиталистических стран», совершенно чуждо тем деятелям, кто целиком поглощен неправедным дележом национальных богатств и интригами. С учетом сказанного, критика коммунистического тоталитаризма не может вестись с позиций отрицания духовных ценностей, являющихся стержневыми для человеческого бытия вообще и содержащихся в том числе и в марксистско-ленинской теории — хотя бы и

в декларативном виде, о чем мы скажем ниже. Напротив, такая критика призвана защитить и отстоять исконные человеческие ценности, без которых немыслимо никакое общество, как бы оно ни называлось, — как немыслимо без них никакое совместное бытие людей. Следовательно, один из аспектов вопроса о причинах и природе тоталитаризма выглядит следующим образом: почему, вопреки провозглашенным в теории благородным и возвышенным целям, коммунизм на практике привел к тоталитаризму, к массовым репрессиям, невиданной жестокости и беспрецедентному подавлению свободы личности?

Вопрос этот исключительно сложен. Неслучайно его изучению посвящена огромная литература. По своему существу он затрагивает самые глубинные основания бытия человека и общества. Кажется, что самый естественный ответ на него заключается в том, что реализаторы марксистско-ленинских идей отклонились от них, извратили их существо. Маркс, Энгельс и Ленин «на самом деле» предусматривали совсем иное. Однако содержащееся в таком ответе объяснение является поверхностным.

Конечно, ни один сколько-нибудь разумный человек не будет в своих произведениях прямо призывать к пыткам, организации массового голода, к беспрецедентным по своей жестокости репрессиям и т. п. Даже нацисты не называли осуществляемые ими зверства своими именами, придумав для их обозначения специальную, более или менее благозвучную терминологию. В произведениях классиков марксизма-ленинизма, в предназначенных для публикации документах КПСС, в речах партийных руководителей не встретить (за редким исключением) открытых призывов к бесчеловечности и жестокости. Напротив, в подавляющем большинстве случаев они обильно насыщены гуманистической риторикой «о человеке труда», о перспективах построения светлого коммунистического будущего, в котором будут наконец разрешены все до сих пор мучившие человечество проблемы. Было ли это сознательным лицемерием и фальшью? На этот вопрос нелегко ответить, как нелегко ответить и на многие другие вопросы этой сложнейшей темы. Насколько человек вообще может быть искренним перед самим собой, и не прячутся ли за вдохновляющими призывами к радикальному преобразованию жизни скрываемые даже от самого себя элементарные импульсы честолюбия, эгоизма, желания господствовать над другими? Как отличить фальшь от подлинного намерения построить справедливое общество? Если отличить принципиально невозможно, то не отказаться ли вообще от принципа справедливости и считать, что попрание человеческого достоинства и отношение к самой жизни человека как к не имеющей никакой ценности и есть норма и ни о чем лучшем не следует и мечтать?

Такого рода вопросы и сомнения говорят о том, что феномен тоталитаризма затронул самые глубокие основы человеческой жизни, само ее существо. Этот феномен нельзя свести только лишь к политике, хотя политический аспект крайне важен. В XX в. многие авторы в той или иной форме посвятили его осмыслению свое творчество. Более того, культура XX в. вообще немыслима без проблематики, вызванной к жизни тоталитаризмом и его последствиями. Осмысление феномена тоталитаризма во всем его объеме осуществлено западными авторами и отечественными авторами, работавшими в эмиграции, а также теми, кто, испытав на себе все ужасы репрессивного аппарата тоталитаризма, нашел в себе силы поведать о пережитом в своих произведениях. Такое осмысление вывело культуру XX в. на совершенно новые рубежи по сравнению с культурой предшествующих эпох, привело к пересмотру многих до этого времени привычных представлений. К числу авторов, внесших свой вклад в теоретическое осмысление феномена тоталитаризма, следует отнести уже упомянутого ранее К. Поппера, немецкого философа К. Ясперса, австрийско-американского мыслителя и экономиста Ф. А. Хайека, испанского философа Х. Ортегу-и-Гассета, русских мыслителей, работавших в эмиграции: Н. Бердяева, С. Булгакова, Б. Вышеславцева, П. Новгородцева, С. Франка и других. В художественной форме тоталитарный феномен исследовали такие, например, писатели, как Е. Замятин (роман «Мы»), О. Хаксли («Дивный новый мир»), А. Платонов («Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»), М. Булгаков («Мастер и Маргарита», «Собачье сердце» и др.). Особое значение в рамках этой темы имеют произведения тех, кто сам испытал на себе ужасы сталинских лагерей. Это такие авторы, как И. Солоневич, А. Солженицын («Архипелаг ГУЛАГ», «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус» и др.), Е. Гинзбург, В. Шаламов и другие. В наши дни существенный вклад в развенчание тоталитаризма внесли работы А. Ципко, Г. Попова, Ю. Афанасьева, Ю. Карякина и других.

Публикация (в основном на Западе) произведений названных авторов привела в конечном итоге к тому, что построенная в СССР система получила резко негативную оценку в глазах политических и общественных деятелей Запада. К концу 60-х — началу 70-х годов XX в. в среде самостоятельно мыслящих людей Запада практически не осталось людей, с симпатией относящихся к советской системе. Существующие ранее симпатии подверглись испытанию в связи со вводом советских войск в Венгрию (1956) и Чехословакию (1968) и были окончательно разрушены после направления советским правительством войск в Афганистан. С этого момента в общественном мнении Запада стало доминировать резко отрицательное отношение к идее коммунизма, к марксизму-лени-

низму и к советской общественной системе, приведшее к тезису администрации президента Рейгана о Советском Союзе как «империи зла».

Однако такое резко отрицательное отношение было свойственно западному общественному мнению не всегда. Долгое время оно колебалось в своей оценке общественного строя, установившегося в СССР. На Западе в период 20—60-х годов было немало искренних приверженцев коммунистических идей, а также людей, с симпатией относившихся к СССР, видевших в нем олицетворение будущего справедливого общественного устройства. Карл Поппер говорит об увлечении марксизмом многих выдающихся людей Запада. «Сегодня мало кто верит в предсказания Маркса, и даже западные марксисты не придерживаются этих взглядов... — пишет Поппер. — Однако в голодные годы Первой мировой войны и в гораздо более голодный послевоенный период марксизм еще казался правдоподобной теорией, и среди его сторонников, как это ни странно, было немало видных физиков и биологов. Так, Эйнштейн не был марксистом... Однако, несомненно, он симпатизировал марксизму и даже преклонялся перед ним. Многие ведущие британские ученые — в том числе Дж. Холдейн и Дж. Бернал — были членами коммунистической партии... Незадолго до смерти Сталина Бернал утверждал, что Сталин являлся величайшим ученым всех времен»*. Поппер упоминает также таких выдающихся ученых, как Ирен и Фредерик Жолио-Кюри, получивших в 1935 г. Нобелевскую премию по химии, — «оба они до самой смерти были активными членами коммунистической партии» (Франции. — *В. Ш.*).

В 20—30-е годы немало простых людей на Западе искренне верили, что в Советском Союзе действительно строится справедливое «общество будущего». Надежды на страну социализма подкреплялись экономическим кризисом, охватившим страны Запада в конце 20-х — начале 30-х годов и больно ударившим по благосостоянию трудящихся. В отсутствие достоверной информации о происходящем в СССР люди принимали советскую пропаганду, бодро возвещающую о небывалых успехах, за реальное положение дел. Массовые репрессии проводились в обстановке строжайшей секретности. Все это создавало предпосылки к тому, что много людей Запада, в частности рабочие, стремились попасть в СССР в надежде на лучшую жизнь. Они не подозревали, что там их ждет не «лучшая жизнь», а лагерь и ссылка и, вполне вероятно, смерть. Вот как описан эпизод перехода границы группой финских рабочих, поверивших в советскую социалистическую мечту, в книге И. Солоневича.

---

* *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 481—482.

«Эту категорию людей я встречал в самых разнообразных местах Советской России, в том числе и у финляндской границы в Карелии, откуда их на грузовиках и под конвоем ГПУ волокли в Петрозаводск, в тюрьму... Это было в селе Койкоры... Мы стояли кучкой у грузовика... Из-за изб на нас выглядывали перепуганные карельские крестьяне, которые шарахались от грузовика и от финнов: перекинешься двумя-тремя словами, а потом Бог его знает, что могут «пришить». Финны знали, что местное население понимает по-фински, и мой собеседник спросил, почему к ним никого из местных жителей не подпускают. Я перевел вопрос начальнику конвоя и получил ответ: «Это не ихнее дело». Финн спросил, нельзя ли достать хлеба и сала. Наивность этого вопроса вызвала хохот у конвоиров. Финн спросил: «А что будет дальше?» Начальник конвоя ответил: «Сам увидит. — И предупредил меня: — Только вы лишнего не переводите». Финн растерялся и не знал, что и спрашивать больше. Арестованных стали сажать в грузовик. Мой собеседник бросил мне последний вопрос: «Неужели буржуазные газеты говорили правду?» И я ему ответил словами начальника конвоя: «Увидите сами». И он понял, что увидеть ему предстоит еще очень много»*.

Характерно для 20—30-х годов разочарование западной интеллигенции в капиталистическом общественном устройстве, экономический кризис, приход к власти в ряде стран Европы фашистских партий — все это способствовало росту симпатий к СССР. Известный французский писатель Андре Жид в 1934 г. писал, обращаясь к советским читателям: «Молодые советские граждане наших дней, понимаете ли вы, что такое для нас СССР? Осуществление смутной еще мечты и неопределившихся желаний. Долгожданный ответ. Живое доказательство того, что казавшееся утопией может стать реальностью. Молодые люди СССР, держитесь стойко! Не отдыхайте на половине пути. Не дайте себя соблазнить. Чтобы сиять на далекие пространства по ту сторону границ, мужество ваше должно оставаться примерным. Вы не кончили побеждать и бороться. Благодаря вам надежды наши окрепли. Товарищи из СССР, братское мое сердце вас радостно приветствует»**. Эти слова были написаны французским писателем до того, как ему лично удалось побывать в Советском Союзе. После посещения СССР его взгляды существенно изменились.

Несмотря на тщательно скрываемую от иностранных визитеров правду, А. Жиду удалось увидеть многие отталкивающие стороны советской действительности: отсутствие свободы слова, беззаконие

---

* *Солоневич И. Л.* Россия в концлагере. М., 1999. С. 41—42.

** Цит. по: *Плутник А.* Анатомия таких разных убеждений. Вступ. статья в кн. «Два взгляда из-за рубежа». М., 1990. С. 7.

и произвол карательных органов, низкий уровень жизни подавляющего большинства населения и привилегии высоких партийно-государственных чиновников; ему удалось узнать о массовых репрессиях, создающих обстановку всеобщего страха, подозрительности и раболепия. Однако весьма характерно то, что все недостатки советской системы писатель отнес на счет *отклонений* от принципов марксизма-ленинизма, объяснил *изменой* идеалам Октябрьской революции. Сами же идеи марксизма-ленинизма, как и факт октябрьского революционного переворота, оставались в его глазах возвышенными и принципиально верными по своему существу. Такое понимание советской системы было вообще характерным для прогрессивной западной интеллигенции в довоенное время.

Глубинная сущность тоталитарного общества начинает обнаруживаться и теоретически проясняться только в послевоенный период. После упомянутой книги К. Поппера (1948) объяснять тоталитарную систему только лишь «отклонениями» от идеалов и от «правильного» проекта становится невозможно. Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС (1956) содержит факты массовых репрессий, хотя они и объясняются личными отрицательными качествами одного человека — Сталина. Выдвигается известный тезис о «культе личности». Однако после этого уже невозможно скрывать ни масштабы репрессий, ни их чудовищность и беззаконие. Все больше мыслящих людей, как в стране, так и за рубежом, начинают осознавать всю глубину и сложность явления тоталитаризма. Все более тщательному анализу подвергается сам «проект», в том виде, как он был разработан «классиками марксизма-ленинизма», и его практическая реализация начиная с Октябрьской революции.

Коренная причина того, что коммунистическая мечта на практике привела к тотальной несвободе, заключена в идее *приоритета* общественного целого (прежде всего государства) над личностью. Из совершенно верного положения, что человек живет в обществе и формируется как человек посредством включения в общественную жизнь, Маркс вслед за своими предшественниками Гегелем и философами Просвещения сделал неправомерный вывод о том, что общество «выше», мудрее и ценнее индивида. Отношения индивида и общества предстали в упрощенном виде, поскольку были сведены к усвоению индивидом социальных норм, которым придавалось заведомо более высокое значение по сравнению с личностью. Следовательно, совершенствование общества должно предшествовать совершенствованию индивида. Общественное целое должно полностью подчинить себе личность, поставить индивида на службу общественной организации, на службу провозглашенным данным обществом целям. Таким образом, приоритет государства над личностью на практике неизбежно вел к тому, что не государство стало служить

личности, а, наоборот, личность оказалась целиком подчиненной государству. А если это так, то личность, по сути, упраздняется и тогда прав один из героев романа М. Горького «Фома Гордеев» (1899), главной аксиомой которого была: «...что такое человек в государстве? Не больше как простой кирпич, а все кирпичи должны быть одной меры — понял? Людей, которые все одинаковой высоты и веса, — как я хочу, так и положу...»*

Тоталитарная система строится на принципе управления «всем и вся» из *единого центра*. Она не допускает никакого проявления самостоятельности низовых звеньев, тем более не допускает самостоятельности личности. Никакая подлинно свободная инициатива в тоталитарной системе невозможна, ибо такая инициатива должна предварительно быть санкционирована «сверху». Все члены общества превращаются в послушные винтики громадной машины государства, все выступают в роли служащих, начальников или подчиненных. Щупальца тотального контроля проникают во все без исключения сферы, в том числе и в сферу личной жизни. Они затрагивают вопросы семьи и брака (нельзя жениться или выйти замуж за «врага народа»), приятельских и дружеских отношений; вопросы отношений супругов могут стать предметом разбирательства партийного бюро или, того хуже, карательных органов. Право человека на частную жизнь практически полностью отрицается. Отрицается и свобода личности, ее право самостоятельного решения, самостоятельного выбора. Несвобода, то есть подчиненность общественному целому, рассматривается как нормальное, естественное состояние человека. «Инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку, и мы в теперешней нашей жизни только сознательно осуществили его», — заявляет герой тоталитарной утопии Е. Замятина**.

По мнению ряда исследователей советского тоталитаризма (М. Восленский и др.), господствующим классом тоталитарного общества стала *номенклатура*. В самом первом приближении это те самые «распорядители рабочих», о которых пророчески писал Л. Толстой. Происхождение термина «номенклатура» связано с тем, что кандидатуры на все руководящие посты предварительно «расписывались» партийными органами. Райкомы партии и все вышестоящие органы имели списки людей, входящих в соответствующую номенклатуру. Из числа людей, внесенных в эти списки, подбирались руководящие работники соответствующих органов. Выбранный узким номенкла-

---

* Цит по: *Страда В.* Литература конца XIX века (1890—1900) // История русской литературы. «Серебряный век». Под редакцией Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. М., 1995. С. 45.

** *Замятин Е.* Избранные произведения. М., 1989. С. 550.

турным кругом кандидат затем представлялся коллективу; в ряде случаев, например в колхозах, на партийных конференциях, он утверждался посредством псевдодемократической процедуры — открытым безальтернативным голосованием.

Номенклатура представляла собой группы людей, повязанных между собой круговой порукой, подобно тому как это бывает в преступной среде. Она получила право корпоративного распоряжения всей государственной собственностью, формально не владея этой собственностью. Правилами выживания в номенклатурной среде стало покрытие злоупотреблений друг друга, принцип «услуга за услугу», понимание корпоративного характера интересов своей группы. Соблюдающий эти правила мог рассчитывать на свою долю в разделе государственного «пирога» — на особые квартиры, дачи, привилегии, в том числе пользоваться закрытыми распределителями, спецбольницами, спецсанаториями и т. п. Номенклатура бесконтрольно распоряжалась всем народным хозяйством, поскольку все экономические решения принимались ею и в ее же интересах, хотя, как правило, прикрывались соображениями идеологии и «интересами народа». Возможность корпоративно распоряжаться и не владеть — уникальная ситуация для общественного слоя. Она означала полную безответственность за провалы в экономике, за государственные злоупотребления. Контроль за деятельностью номенклатуры со стороны органов правопорядка полностью исключался, поскольку все сколько-нибудь значимые посты в этих органах сами входили в состав номенклатуры. Право и законы играли в тоталитарной системе «декоративную» роль и применялись лишь к людям, у которых не находилось защитников в номенклатурной среде, то есть к рядовым труженикам.

Характерным признаком тоталитарного общества является также наличие *обязательной государственной идеологии*. Ее обязательность означает, что всякое отклонение от ее положений карается органами государственного принуждения. Обязательная государственная идеология непосредственно вытекает из идеи приоритета государственного целого над личностью. Ленин во многих работах прямо настаивал на подавлении насильственными методами всякой мысли, не вписывающейся в идеологию партии. Маркс и Энгельс в ранней работе «Немецкая идеология» отвергли идеологию как «ложное сознание». Однако впоследствии они настаивали на том, что только точка зрения идеологов (или «теоретиков») пролетариата является единственно верной, поэтому предусматривали на длительный исторический период необходимость насильственного подавления иных точек зрения. В действительности наличие обязательной государственной идеологии нарушает право личности на собственное мировоззрение, на самостоятельность суждения по любому

вопросу. Правовое государство (в отличие от тоталитарного) вводит запрет только на отдельные виды высказываний: на высказывания, разжигающие расовую, национальную и религиозную рознь, на те, которые призывают к насилию или оскорбляют честь и достоинство личности.

Проект коммунистического переустройства основан на идее *радикальной переделки бытия* — основательного разрушения всей предшествующей культуры и всего веками устоявшегося уклада жизни. В подавляющей своей части они объявляются «буржуазными», «реакционными» и т. п. На основе разрушения всего, что не вписывается в рамки марксистско-ленинской теории, предполагалось «с чистого листа» начать строительство совершенного и справедливого общества, своего рода «рая на земле». Для этого следовало максимально использовать энергию организованных «масс». Под руководством партии огромные массы людей призваны были в короткие сроки ценой напряженного труда радикально преобразовать «одряхлевшее» старое общество, изменить и преобразовать природу. Такую установку Н. Бердяев характеризовал как «социальный титанизм» — ни на чем не основанную уверенность в быстром достижении самых заманчивых целей посредством огромного напряжения сил больших масс людей. Первоначально предполагалось, что это станет возможным благодаря трудовому энтузиазму трудящихся. Однако вскоре выяснилось, что большинство людей не собираются (что вполне естественно) добровольно приносить себя и свою жизнь в жертву отдаленному будущему и, кроме того, просто не очень верят обещаниям вождей. Тогда Троцким была выдвинута идея «трудовых армий», которую Сталин трансформировал в идею широкого использования труда заключенных. Ни одна великая стройка сталинской эпохи не обошлась без колоссальных жертв, из числа прежде всего политических узников ГУЛАГа (Главное управление лагерей).

В советский период народами СССР было создано немало материальных ценностей, которыми пользовались последующие поколения и продолжают пользоваться современные. Днепрогэс, Волгоградский и Челябинский тракторные заводы, ЗИЛ (первоначально «Завод им. Молотова», созданный на основе дореволюционного предприятия «АМО»), московское метро, высотные здания в столице, освоение Курского железорудного месторождения, Кемеровского и Воркутинского угольных месторождений, Магнитогорск, ядерное оружие и первые атомные электростанции, освоение нефтяных и газовых месторождений в Поволжье и Западной Сибири — это и многое-многое другое создавалось и достигалось непомерными усилиями многих миллионов людей.

Современные поколения не имеют морального права забыть о колоссальных жертвах, принесенных их предками при создании ма-

териального потенциала, способного в свое время конкурировать с самыми передовыми достижениями западных стран. Вместе с тем немало энергии и человеческих сил было истрачено впустую, на строительство объектов, не имеющих никакого хозяйственно-экономического значения, лишь для того, чтобы служить «афишей» достижений социализма, или построенных без точного экономического и технического обоснования. Печальным свидетельством тому являются построенные тяжким трудом заключенных бесчисленные железные дороги на Крайнем Севере, ведущие в «никуда», едва функционирующий Беломорско-Балтийский канал, стоивший жизни сотням тысяч заключенных, и т. п.

Одной из отличительных черт тоталитарного общества являлся *культурный изоляционизм*. Контакты с зарубежными странами были строго ограничены и взяты под полный контроль партийных органов. Выезд за границу обязательно должен был быть санкционирован партийными органами. Огромный ущерб развитию культуры нанесло предписанное «сверху» «критическое» отношение к произведениям западных авторов, к «буржуазной идеологии». Только по решению высших партийных инстанций допускалась публикация отдельных произведений, фильмов зарубежного производства и т. д. Вся информация о развитии мировой культуры заменялась партийной идеологией и пропагандой. Из советского человека, как писал И. А. Ильин, «выколачивают революционной «учебой», голодом, страхом, навязчивой пропагандой и партийной монополией печати способность к самостоятельной мысли. В его образовании — все опошлено и оболгано; в его «миросозерцании» — все мертво, трафаретно, безбожно и аморально. Он в течение целых поколений оторван от верного знания — и о самом себе, и о других народах»*.

Тотальный контроль «сверху» всех проявлений жизни индивида породил уродливое и опасное явление, доселе невиданное мировой историей, которое следует характеризовать как *власть страха*. Всеобщие подозрительность и недоверие, боязнь оказаться в числе «врагов народа» или их пособников создавали атмосферу розни между людьми. Для тех, кто оставался лояльным власти, стало правилом приносить личную честность в жертву партии. «Колебаться вместе с линией партии» — таково было негласное кредо тех, кто хотел выжить или подняться на более высокую ступеньку в партийно-государственной иерархии. Беспринципность порождала тотальную ложь. В области общественной мысли полностью фальсифицировались история России и мировая история. Образцом в этом отношении стал «Краткий курс истории ВКП(б)» Сталина, в котором история страны излагалась в примитивно-схематическом виде, гру-

* *Ильин И.* Наши задачи. М., 1992. С. 141—142.

бо искажалась с целью оправдания насильственно насаждаемых «социалистических» порядков. На протяжении долгих десятилетий, вплоть до горбачевской перестройки, основные положения этого курса оставались основной базой всех общественных наук в СССР.

Проект общества, построенного в СССР, как уже отмечалось, был не российского происхождения. На Западе идеи социализма и коммунизма возникли в Германии, Италии, Испании, во Франции; в этих странах они получили наибольшее распространение. В Россию они проникли по преимуществу из Германии, были восприняты и дополнены российскими социал-демократами. Что же способствовало их укоренению на российской почве? Почему именно в России этот проект был реализован столь масштабно и построенное в соответствии с ним общество просуществовало столь длительный срок?

Некоторые авторы склонны объяснять установление тоталитарного строя в России якобы исконно присущей русскому народу нелюбви в свободе и привычке к рабству. При этом, в частности, ссылаются на мысль французского путешественника XIX в. Астольфа де Кюстина, который писал: «за границей не удивляются уже любви русского народа к своему рабству» и что «весь русский народ, от мала до велика, опьянен своим рабством до потери сознания». На подобные нелепые измышления ответил еще Пушкин: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смешливости говорить нечего. Переимчивость его известна; проворство и ловкость удивительны... Никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому... Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу»*. Мы уже отмечали, что российским людям не занимать вольного духа; вольный дух рождается самой российской природой, ее необъятными пространствами и далями. Поэтому воля была и остается фундаментальной характеристикой российского характера. Иное дело — политическая свобода.

Длительное существование самодержавной формы правления и особенно крепостного права не способствовало развитию навыков политической свободы. «Нынче же политическая свобода неразлучна с освобождением крестьян», — отмечал Пушкин (Пушкин А. С. Исторические замечания. 1822). После освобождения крестьян (1861) и эпохи Александра Второго (Освободителя) постепенно создавались предпосылки для либерализации политической жизни российского общества. Однако процесс либерализации был прерван в царствование Александра Третьего. Его преемник Николай Второй начал свое правление с печально известной речи, в которой

* *Пушкин А. С.* Мысли на дороге. 1833—1834.

назвал надежды на участие выборных представителей народа в управлении государством «бессмысленными мечтаниями». Все это способствовало радикализации противников режима, в их среде все большее влияние приобретали самые радикальные требования, получали распространение социалистические и коммунистические идеи.

Самодержавная форма правления вырабатывала в народе привычку во всем полагаться на решения, идущие «сверху». Самостоятельная личная инициатива при самодержавии допускалась в области хозяйственной, культурной, в области семейных и бытовых отношений. Что же касается сферы политической, то здесь ее проявления строго ограничивались: люди привычно ожидали решений «сверху». Такое положение оказалось благоприятным для тоталитарной системы, использовавшей в своих интересах привычку населения во всех основных вопросах общественной жизни полагаться на высший авторитет власти. Тем легче удалось Сталину укрепить у значительной части населения веру в непогрешимость вождя, установить режим автократического типа.

Важно, однако, подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев тоталитарная система не столько опиралась на исконные ценности русского народа, сколько *паразитировала* на них и на древних традициях, искажая и извращая их. Характерное для российского человека стремление к справедливости, понимаемой как наказание за зло и воздаяние за добро, было извращено до примитивной уравнительности. Такое извращенное понятие справедливости было удобным инструментом для разжигания классовой ненависти. Привычка к взаимной поддержке и взаимовыручке, столь необходимая в суровых российских условиях, была использована для насаждения уродливого социалистического коллективизма, в котором взамен поддержки и взаимовыручки торжествовал принцип круговой поруки и всеобщей безответственности. Печальным примером этого стали «колхозы» (коллективные хозяйства) на селе, созданные принудительным «сгоном» крестьян, у которых были отняты индивидуальные средства сельскохозяйственного производства. Крестьянин превращался в наемного работника, целиком и полностью зависимого от произвола партийного и административного руководства. Хозяйственная эффективность колхозов была за редким исключением крайне низкой.

Характерная для России высокая нравственная оценка труда и отрицательное отношение к праздности, которые будут рассмотрены в главе «Труд и предпринимательство в России», были использованы для нещадной эксплуатации населения, искусственного подогревания трудового энтузиазма в тех случаях, когда всем было очевидно, что труд заведомо бессмыслен и выполняется только лишь

для отчета перед вышестоящими организациями или «для галочки». Любовь к родине, исконный российский патриотизм был превращен в уродливый «пролетарский» или «социалистический» патриотизм, который выражался в подозрительности и настороженном отношении ко всему иностранному, прежде всего западному.

Идея построения в короткие сроки справедливого и совершенного общества основана на том, что можно назвать «героическим максимализмом». Героический максимализм не мирится с ни с какими недостатками, а между тем без всякого рода несовершенств невозможна земная человеческая жизнь. Не мирится он и с плавными, постепенными, частичными улучшениями общества. Носителям героического максимализма присущи революционный невроз и горячечный активизм. Они верят в чудесное преображение общества и человека посредством единовременного решительного акта, каким им представляются революция и героический поступок. Их цель — всеобщее счастье людей, построение рая на земле, на меньшее они не согласны. Кропотливая, планомерная, подвижническая работа представляется им скучной рутиной, она не согласуется с их установкой на внешнее геройство и позу. На деле представители героического максимализма не способны к систематической работе, требующей самодисциплины, устойчивости и сосредоточенности. С. Булгаков противопоставил героическому максимализму христианское подвижничество. «Задача героизма, — писал Булгаков, — внешнее спасение человечества (точнее, будущей части его) своими силами, по своему плану, «во имя свое», герой — тот, кто в наибольшей степени осуществляет свою идею, хотя бы ломая ради нее жизнь... Задача христианского подвижничества — превратить свою жизнь в незримое самоотречение, послушание, исполнять свой труд со всем напряжением, самодисциплиной, самообладанием...»*

Крах тоталитаризма означал и полный крах всех установок, которые легли в его основание, — установок на приоритет общественного целого (государства) над личностью, на героический максимализм, на радикальную переделку бытия, на социальный титанизм, на построение земного рая. Для героизма характерна вспышка энтузиазма, тогда как подлинные достижения человечества достигаются ровным течением мерного труда, выдержкой, терпением и выносливостью. Подвиг может быть оправдан лишь экстремальностью ситуации (стихийные катастрофы, военные столкновения и т. п.). Поэтому был ли прав Горький, видевший в подвиге смысл человеческого существования и заявлявший устами своего героя о том, что в жизни всегда есть место подвигу? Решительный, героический поступок спо-

---

* *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 59.

собен предотвратить катастрофу или уменьшить ее последствия. Но возможно ли посредством героического рывка продвинуть общество вперед, сделать его гуманнее, добрее, милосерднее, справедливее?

Таким образом, печальный урок несостоявшегося «рая на земле» должен быть осмыслен не только с политической точки зрения, но и во всей своей глубине и с самых разных точек зрения. Является ли целью человечества построение совершенного и абсолютно справедливого общества? Возможно ли такое общество вообще? Не является ли сама попытка полного искоренения зла из общественной жизни не только утопической, но и опасной тем, что равнозначна устранению человеческой свободы? Н. Бердяев полагал, что это именно так. «Зло есть испытание свободы человека», — писал мыслитель.

Очевидно, что было бы честнее признать: мы не знаем, возможен ли рай на земле. Признав это, придется обрести мужество честно и достойно прожить свою жизнь в этом заведомо несправедливом и несовершенном мире. Если наша жизнь и не продвинет общество к совершенству, то хорошо, если она хотя бы не будет способствовать увеличению на земле зла. Эту мысль еще в конце XIX в. сформулировал В. Соловьев: «Не следует стремиться построить рай на земле, главное — не допустить ада». Применительно к политической деятельности ее конкретизировал Карл Поппер: «Совершенно ясно... что политику следует ограничиться борьбой со злом вместо того, чтобы бороться за «позитивные» и «высшие» ценности — такие, как счастье и т. п.»*. Применительно к личной жизни эту же мысль выразил в одном из своих выступлений выдающийся русский актер, сыгравший главную роль в замечательном фильме «Баллада о солдате», Владимир Ивашов: «Не нужно совершать подвиги, гораздо важнее не делать подлостей».

3. ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ

Сведения, касающиеся развития либеральных идей в России, в советский период замалчивались и искажались. Лишь после 1991 г. стало возможным непредвзятое и открытое обсуждение развития российского либерализма. Сегодня многие исследователи признают наличие в России до 1917 г. значительной либеральной традиции.

«История российского либерализма, восходящая к идеям Новикова и Радищева, к конституционным проектам Панина и Сперанского, начинается одновременно или почти одновременно с его историей в других европейских государствах, исключая разве что Анг-

* *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 318.

лию. На самом деле либерализм был одной из творческих сил российской истории, существенно повлиявших на ее течение»*, — отмечает современный автор.

Либеральная тенденция отчетливо представлена в ряде государственных решений правительств дореволюционной (до октября 1917 г.) эпохи. Это прежде всего ряд мероприятий Екатерины Второй, а также ее теоретические выкладки о роли права и закона в государстве. Либеральная тенденция ярко выражена в конституционных мероприятиях при Александре Первом, в разработках Сперанского и идеях Карамзина. Отчетливо либеральный характер имели реформы Александра Второго: освобождение крестьян и последующие. Либеральными по своей сути были многие мероприятия С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. На принципах либерализма основывались программы политических партий начала XX в., прежде всего конституционных демократов («кадеты») и «Партии 17-го октября» («октябристы»). Идеи либерализма развивали такие авторы, как Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, В. И. Сергеевич, Л. И. Петражицкий, М. Я. Острогорский, С. Н. Трубецкой, П. Н. Милюков, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, С. Л. Франк и другие. Целый ряд идей либерального плана обнаруживается в творчестве П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, В. С. Соловьева.

Советская историческая наука, находившаяся под строгим партийно-идеологическим контролем, выдвигала на передний план тех деятелей российского общественного движения, которые настаивали на революционно-насильственном свержении существующего строя. Поэтому замалчивание и искажение истории либерального направления общественной мысли и практики не были случайными. Дело прежде всего в том, что одной из характерных черт либерализма является отчетливое понимание бесперспективности и вредности насильственного пути общественных изменений. «Согласно либеральному мировоззрению, — отмечал один из крупнейших специалистов по истории отечественного либерализма В. В. Леонтович (живший и работавший в вынужденной эмиграции), — исторические долиберальные государственные формы нельзя разрушать революционным переворотом, а их надо преобразовать. Либерализм знает, что насильственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя, не затрагивая при этом первобытной сущности любой государственной власти — то есть силы в чистом виде, а тем самым создаются предпосылки для того, чтобы государственная власть в дальнейшем проявляла себя

* *Горшков М. К.* К вопросу о либерализме в России // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 11.

еще гораздо более грубо, не будучи уже ограничиваема и сдерживаема вообще ничем после отпадения даже древних традиций. Кроме того, согласно либеральному миропониманию, долгое существование государственной формы, менее совершенной, чем правовое либеральное государство, часто доказывает, что в стране или в народе еще нет нужных условий для перехода к либеральному государственному устройству и к либеральному общественному порядку, а такие условия или предпосылки, конечно же, невозможно создать насильственной акцией»*. Следует также учесть, что периоды насильственно-революционного слома прежних порядков открывают путь «наверх» не только искренним приверженцам нового, но и авантюристам и проходимцам, а также людям, совершенно неподготовленным к решению сложных задач государственного управления.

Таково одно из положений либерализма, которое можно было бы характеризовать как установку на прогресс «без хирургического вмешательства» (А. С. Хомяков). Обратим внимание на ряд других положений. Это лучше всего сделать на примере классического либерализма.

Классический либерализм складывался и утверждался в Западной Европе и Северной Америке начиная с XVII—XVIII вв. У его истоков стояли такие мыслители, как Джон Локк, Томас Гоббс, Шарль Монтескье, Иммануил Кант, Бенджамен Франклин, Жан-Жак Руссо и другие. В наши дни принято различать политический и экономический либерализм. Однако правомерно говорить и о либерализме в общем смысле — как о единой социально-философской концепции, охватывающей все стороны общественной жизни.

Либерализм в широком смысле — учение, принимающее в качестве основного приоритета права и свободы личности. Это учение настаивает на таком общественном устройстве, которое способно максимально обеспечить свободу индивида. Согласно либерализму, в обществе самостоятельных и свободных людей установится острое соперничество между индивидами, но это соперничество будет не ослаблять общественное целое, а, напротив, укреплять и усиливать его, обеспечивая динамичное общественное развитие. Каждый человек будет стремиться наиболее целесообразным путем реализовывать свои собственные интересы, но совокупность усилий отдельных индивидов даст в качестве итога мощный импульс для плодотворного развития общества в целом. Классический либерализм исходит из допущения (как выяснилось позднее, в XX в., отчасти чрезмерно абстрактного, поэтому не вполне верного), что огромное большинство людей в условиях свободы устремит свою энергию не на разрушительные, а на созидательные цели, поскольку сам разум убеждает

* *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. С. 21—22.

человека в том, что разрушение не в его интересах. К меньшинству, направляющему свои силы на разрушение, всегда могут быть приняты меры в соответствии с законом.

Важнейшее положение либерализма состоит в том, что общество в целом, прежде всего в лице государства, не может нарушать права и свободы личности, рассматривая ее лишь в качестве средства для достижения общественных или государственных целей. Либерализм — это тенденция к ограничению вмешательства государства в частную жизнь граждан. Поэтому государство не вправе также опекать своих граждан, подобно тому как родители опекают малолетних детей. «*Правление отеческое*, — писал Кант, — при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различать, что для них действительно полезно или вредно... Такое правление есть величайший *деспотизм*»*. По отношению к личной жизни граждан, как и по отношению к экономической (рынку), государство классического либерализма выступает в роли «ночного сторожа», то есть вмешивается только в исключительных и самых опасных случаях.

Для либерализма важна не только частная собственность сама по себе, а *автономия* частной собственности от государственной власти. Либерализм резко отрицательно относится к такому положению, когда причастность к государственной и политической власти обеспечивает выгодные позиции в присвоении собственности. Поэтому в либеральных концепциях предусматриваются средства к недопущению или, по меньшей мере, ограничению возможностей использования выгодных позиций в государственном управлении или в структуре политической власти для личного обогащения. Таковы основные черты либерализма как социально-политической теории, заложенной мыслителями Запада.

Образ жизни в условиях либеральных общественных порядков можно пояснить словами одного из крупнейших западных мыслителей XX в., лауреата Нобелевской премии Ф. А. Хайека: «Независимость и самостоятельность, инициативность и ответственность, умение многое делать добровольно и не лезть в дела соседа, терпимость к людям странным, непохожим на других, уважение к традициям и здоровая подозрительность к властям»**.

Как уже отмечалось, либерализм в России до 1917 г. являлся сильным течением (наряду с другими) политической теории и практики. Начиная с эпохи Екатерины Второй он завоевывал все большее число сторонников, находил свое проявление в практике государственных решений, в либеральных реформах самодержавной власти (вспомним реформы Александра Второго). Наконец, он на-

---

* *Кант И.* Соч. в шести томах. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 79.

** *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. М., 1992. С. 159.

шел свое проявление в работе Государственных Дум и деятельности Временного правительства (февраль — октябрь 1917 г.). В чем же причина крушения либерализма в 1917 году?

Очевидно, что таких причин много и они достаточно сложны. Неслучайно они давно стали и до сих пор остаются предметом острых дискуссий. Фундаментальным для этих дискуссий является вопрос о принудительной возможности установления в России либеральных порядков. Не является ли либерализм целиком западным изобретением, вообще непригодным для российских условий? Не об этом ли свидетельствуют опыт неудачного проведения реформ в 1917 г. и столь же очевидные неудачи в проведении реформ нынешних? Если согласиться с положительным ответом на эти вопросы, то придется признать, что наиболее подходящим для России государственным строем будет либо самодержавие, либо диктатура. Именно такую точку зрения отстаивают некоторые отечественные авторы. «При таком безгранично вольном... «менталитете» народа само бытие России попросту невозможно, немыслимо без мощной и твердой государственной власти; власть западноевропейского типа, о коей грезили герои Февраля, для России заведомо и полностью непригодна»*, — отмечает Вадим Кожинов. Он справедливо подчеркивает, что в России индивидуальная свобода понимается нередко как безграничная воля («безгранично вольный... «менталитет»). Это связано, как упоминалось в главе «Природно-географические характеристики российской цивилизации», с природными и иными факторами. Не будучи сдерживаемо сильной государственной властью, стремление к воле неизбежно подорвет основы общественного порядка, превратит общественную жизнь в хаос. «Воля есть прежде всего возможность жить по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями, — писал Г. П. Федотов. — Стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует... в уходе из общества, на степном просторе...»** Он же подчеркивал отличие российского понятия воли от европейского понятия свободы: «Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе; воля — всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо»***.

Таким образом, следует признать, что на пути установления в России либерального общественного устройства стоят реальные трудности, которые по-настоящему преодолеть не удалось ни в 1917 г., ни сегодня. Однако делать из этого вывод о полной невозможности для России либерального общества было бы равносильно тому, чтобы

---

* *Кожинов В.* Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 27.

** *Федотов Г.* Судьба и грехи России. Т. 2. С. 286.

*** Там же.

из неудачных попыток взлететь, надев на руки какое-то подобие крыльев, прийти к заключению о невозможности построить самолет или космический корабль.

Одну из причин неудачи либерализма в 1917 г. можно усмотреть в следующем. Процесс либеральных преобразований не был завершен, когда в 1914 г. началась мировая война, а затем в 1917 г. вспыхнула революция. «Первая мировая война страшно истощила силы России. Россия не могла вынести двойной обузы глубоких и быстрых социальных преобразований и крайнего военного напряжения. Наступила глубокая психическая и духовная реакция. Все то, что в течение 150 лет достигнуто было на тяжелом, более или менее успешно пройденном пути развития России в правовое либеральное государство, сметено было революцией. Ретроградные тенденции, с одной стороны, порожденные коллективистскими традициями, традиционным правосознанием крепостного строя, а с другой — утопическими представлениями и обещаниями социалистического коллективизма, одержали верх»*.

К этому следует добавить и явные ошибки и промахи тогдашних российских демократов, представлявших процесс перехода от самодержавия к либеральному обществу схематично и упрощенно. Им, в частности, представлялось, что радикальное разрушение прежних порядков, максимально широкое и быстрое предоставление гражданских и политических свобод являются единственным и достаточным условием установления демократического общества. Они недооценили опасности воцарения хаоса, неуправляемости, разлада всего государственного аппарата и народно-хозяйственного механизма страны. Об этом ярко свидетельствует целый ряд мероприятий Временного правительства, особенно такие вопиющие (граничащие с государственной изменой), как отмена единоначалия в армии (известный приказ № 1), немедленное освобождение из тюрем всех уголовных заключенных, осужденных при «старом режиме», и многие другие. В результате вместо желаемой демократии в стране воцарились хаос и анархия, а само Временное правительство лишило себя практической возможности контролировать ситуацию.

Схематизм и упрощенность представлений о процессе перехода от тоталитарного общества к демократическому стали характерной чертой также и реформаторов современных. От демократов 1917 г. они переняли ошибочный тезис о том, что максимальное и в короткие сроки предоставление всему населению самых широких свобод есть единственное и достаточное условие перехода к новому обществу. Изречение «Берите свободы, сколько сможете (сколько проглотите)» стало девизом реформаторов 1991—1998 гг. К этому до-

* *Леонтович В. В.* История либерализма в России. М., 1995. С. 301.

бавилось также игнорирование важнейших уроков мирового исторического опыта либерализма — того, который был приобретен в XX в., особенно в послевоенные десятилетия. Понятно, что в те десятилетия, когда мерами тоталитарного режима Россия была оторвана от остального мира, теория и практика либерализма в западных странах не стояли на месте.

Первый из этих уроков касается проблемы взаимоотношений общества и личности. «Представители ведущего направления западного либерализма XX в. отвергли постулат либералов предшествующих веков о том, что индивидуальные интересы, получив полную свободу, автоматически удовлетворяют общий интерес. На самом деле, как соглашается большинство либералов XX в., индивидуумы эгоистичны, в режиме «естественной свободы» обуздать врожденный эгоизм не в состоянии даже лучшие представители рода человеческого, — отмечает современный исследователь. — Поэтому гражданское общество и государство обязаны, исходя из интересов всех классов и принципов гуманизма, разрабатывать и поддерживать «правила игры» в экономике и социальных отношениях. Государственное законодательство, социальные и морально-нравственные нормы, этика призваны в качестве важнейшей опоры либеральной политэкономии»*.

Второй урок состоит в следующем. «Российские радикал-либералы (современные. — *В. Ш.*)... демонстрировали экономический детерминизм, доказывая, что рыночная свобода и частная собственность являются главными условиями и гарантами демократии. По меркам западного либерализма это крайне упрощенное представление. В действительности чрезмерное возвышение экономической свободы наносит ущерб демократии, и наоборот. Западный либерализм XX в. рассматривает их как самостоятельные ценности и нацелен на поиск той меры в их взаимоотношениях, которая позволила бы им сосуществовать, а не враждовать»**.

Еще один урок мирового исторического опыта развития либерализма, проигнорированный отечественными либералами призыва 90-х годов, касается проблемы равенства. «Российские радикал-либералы, единодушно осудив искусственное уравнительство социалистической системы, противопоставили ему в качестве либерально-образцовой идею «равенства стартовых возможностей». Было создано представление, что любое государственное вмешательство, направленное на «выравнивание» условий существования индивидов, порочно и антилиберально». Однако «подобное представление

---

* *Согрин В. В.* Либерализм в России конца XX века: перипетии и перспективы // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 156.

** Там же.

является анахронизмом... Простое отстранение государства от участия в социальных взаимоотношениях отнюдь не обеспечивает «равенства возможностей», ибо в этом случае «стартовые возможности» индивидуумов зависят от их семейного происхождения: выходцы из богатых семей автоматически приобретают шанс получить гораздо лучшее образование, воспитание, медицинское обслуживание, не говоря уже о явных преимуществах в виде наследуемых финансов и недвижимости. По этой причине государство, стремясь обеспечить возможность для полной реализации индивидуальных способностей представителей разных классов, обязано обеспечить доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, иным жизненно важным сферам для тех социальных слоев, которые в силу своего происхождения и материального положения не в состоянии обеспечить для себя самостоятельно «равные стартовые возможности»*.

Под влиянием либеральных идей в XX в. произошло существенное изменение и в понятии демократии. *Современная* демократия все больше отходит от буквального понимания этого слова — как «власти народа» или «власти большинства». Например, согласно Карлу Попперу, демократию нельзя характеризовать как правление большинства, даже принимая во внимание важность института всеобщих выборов. Важнейшим критерием демократичности общества является обеспеченность прав *меньшинства*. Разумеется, демократия, поддерживающая меньшинство, не распространяется на тех, кто попирает закон, и на тех, кто подстрекает других к насильственному ниспровержению демократии. Демократическое общество в современном смысле — не что иное, как совокупность институтов, которые дают возможность гражданам критиковать и контролировать государственную власть, а в случае необходимости — заменять ее представителей без кровопролития, в том числе и в промежутке между выборами (например, процедура импичмента — отстранения президента). В центре приоритетов современной демократии стоит защита жизни, достоинства и прав личности. Следовательно, свобода при демократических порядках предполагает уважение к свободе другого человека, недопустимость попрания его чести и достоинства»**.

Таким образом, современная теория демократии очень далеко отстоит от понимания демократических порядков как простого «правления большинства». На первое место выдвигается защита прав и достоинства *личности* от посягательств с чьей-либо стороны, в том числе и со стороны органов государственной власти. В этом

---

* *Согрин В. В.* Либерализм в России. С. 156—157.

** См.: *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. В четырех томах. Т. 4. С. 672—673.

смысле современная демократия сближается с либерализмом, для которого уважение к личности является первоочередным приоритетом. Как отмечалось выше, исторически под *либерализмом* понималась политико-правовая концепция, ставящая на первое место *гражданские* права личности. К числу гражданских прав относятся: право частной собственности, право на неприкосновенность личной и семейной жизни, на индивидуальную хозяйственную деятельность и инициативу, свобода выбора места жительства и передвижения, право объединяться в организации (неполитического характера), исповедовать ту или иную религию или не исповедовать никакой. *Демократия* же как политико-правовое воззрение изначально делала акцент на праве граждан участвовать в управлении государством, то есть на *политических* правах. Для демократии в историческом смысле главным требованием было право избирать и быть избранным в органы государственной власти, а также право создания объединений политического характера (политических партий). Таким образом, *современная* демократия соединяет в себе либерализм и демократию в их историческом значении, является синтезом гражданских и политических прав в качестве двух тесно связанных и незыблемых ценностей.

Очевидно, что для России нужен в принципе более плавный и более постепенный процесс перехода к современной демократии, а не такой, каким он был в 1917 г. и в 1990-х. На постепенности и особой осмотрительности при проведении реформ настаивал И. А. Ильин. В статьях 1948—1954 гг. он разработал целостную программу перехода от тоталитаризма к демократии. С его точки зрения, самым ответственным будет не сам момент краха прежней системы, а первые шаги становления новой. По мнению Ильина, немедленное предоставление полных гражданских и политических свобод станет шагом ошибочным. Люди, сформировавшиеся в условиях тоталитаризма, во многих случаях немедленно воспользуются свободой в разрушительных и нечистоплотных целях. «Мы спрашиваем: что сделает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как *разнуздание*?.. Мы спрашиваем: чем же заполнит такой человек свои политические права теперь, после тридцати- или сорокалетнего революционного рабства? (Написано Ильиным в 1948 г. — *В. Ш.*). Что даст своей стране такой человек, злоупотребляя всеми свободами, выбирая криводушно, голосуя продажно, решая все вопросы государства на основе воровства, мести и жадности? Что же можно будет сделать, если окажется, что *он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы*?»* Ильин предвидел опасность подкупа избирателей, возможность разруше-

* *Ильин И. А.* Наши задачи. С. 143.

ния государства, возрастание сепаратизма на национальной почве вплоть до разрушения России по национально-этническому принципу, резкий рост преступности, беззастенчивое расхищение бывшей государственной собственности, падение промышленного и сельскохозяйственного производства, опасность краха финансовой системы и тотального разлада хозяйственного и государственного механизмов.

Ильин исходил из важнейшего принципа либерализма: демократическое общество и демократические общественные порядки не рождаются немедленно и автоматически как простое следствие разрушения антидемократической общественной системы. Необходима длительная и упорная созидательная работа, прежде всего по овладению людьми навыками правовой свободы, уважения к закону, а главное — выработка уважения к правам и достоинству личности, независимо от ее должностного и иного положения. Такие навыки не успели сложиться в краткий период предреволюционной демократии (1906—1917 гг.). Не способствовала их выработке и жизнь в условиях тоталитарной системы.

Исходя из приведенных соображений, И. Ильин считал, что немедленно после крушения тоталитарной общественной системы на *переходный* период в России должна быть установлена диктатура. Он называл ее «национально-государственно-воспитывающей диктатурой»*. Ее миссия как раз и должна была состоять в предотвращении тех отрицательных последствий резкого крушения тоталитаризма, о которых речь шла выше и которые мы, к сожалению, наблюдаем в последнее десятилетие XX в.

Сегодня соображения Ильина, вероятно, имеют в большей степени исторический, чем актуально-политический, интерес. Во всяком случае, время для диктатуры как формы перехода от тоталитаризма к демократии уже упущено — если предположить, что такая диктатура вообще была бы возможна. Соображения Ильина актуальны в другом отношении. Они показывают, как много еще предстоит сделать для установления в России демократии современного типа и как ошибочно принимать режим, установившийся после 1991 г., за подлинно демократический.

Поскольку переходный период (как его понимал Ильин) не состоялся, то нашему обществу приходится осваивать современную демократию, что называется, «на марше», то есть в процессе сложном и противоречивом. Надо иметь в виду, что абсолютной противоположностью тоталитаризма является эгоистический анархизм, тогда как современная демократия предполагает значительный элемент общественной солидарности. С другой стороны, современная

* *Ильин И. А.* Наши задачи . С. 142.

демократия ориентирована на защиту жизни и достоинства личности как от посягательств со стороны других личностей и преступных элементов, так и со стороны самой государственной власти.

К. Поппер находил авторитарной традиционную форму вопроса «Кто должен управлять?». Сама постановка этого вопроса предполагает, что существует индивид или группа лиц, которым, в силу присущих им особых качеств, следует предоставить полноту власти. Согласно Попперу, так поставленный вопрос направляет на поиск того, чего нет. Ответы на него иллюзорны, ибо ориентированы на поиск авторитета, или «совершенного» правителя, который существует только в нашем воображении. Поэтому Поппер предложил переформулировать вопрос следующим образом: «Как можно улучшить наши политические институты, чтобы освободить граждан от нерадивых правителей, или как свести к минимуму наносимый политиками вред?»* Близкую идее Поппера мысль высказал Дж. Сорос: «Государство должно служить обществу, а не править им»**.

Политика и государственная власть являются необходимыми атрибутами общественной жизни. Однако с точки зрения либерализма от политики и государственной власти могут исходить также и угрозы суверенному существованию индивида. Одним из противовесов произволу государственной власти и политики выступает (в числе других) институт частной собственности. «Лозунг либерализма, — писал В. В. Леонтович, — BEATI POSSIDENTES (блаженны имеющие, обладающие имуществом). Обладание имуществом расценивается как нечто положительное, поэтому либерализм, естественно, берет под свою опеку свободу тех видов деятельности, которые направлены на добывание и рост частной собственности»***.

«Добывание и рост частной собственности», разумеется, в рамках закона.

«Частная собственность является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет, — отмечает Ф. А. Хайек. — Лишь потому, что контроль над средствами производства распределен между многими не связанными между собой собственниками, никто не имеет над нами безраздельной власти, и мы как индивиды можем принимать решения и действовать самостоятельно. Власть надо мной мультимиллионера, живущего по соседству и, может быть, являющегося моим работодателем, гораздо меньше, чем власть маленького чиновника, за спиной которого стоит огромный аппарат

---

* См.: *Реале Дж., Антисери Д.* История западной философии от истоков до наших дней. Т. 4. С. 733—734.

** *Сорос Дж.* Кризис современного капитализма. М., 1999. С. 243.

*** *Леонтович В. В.* История либерализма в России. С. 4.

насилия (государственного. — *В. Ш.*) и от чьей прихоти зависит, где мне жить и работать»*. Таким образом, на вопрос «Что лучше: когда богатые имеют власть или когда богаты лишь власть имущие?» — либерализм дает однозначный ответ: лучшим, несомненно, является первый вариант. При этом, разумеется, имеется в виду, что богатство нажито самостоятельной хозяйственной деятельностью, а не посредством казнокрадства или использования государственной власти в целях личного обогащения, что как раз и подразумевает второй вариант.

Наиболее яркими образцами государственного либерализма в дореволюционный период являются проекты Екатерины Второй и реформы Александра Второго.

Советская историография усиленно насаждала образ Екатерины как лицемерной правительницы, которая на словах неизменно подчеркивала свою приверженность идеям либерализма, будучи в действительности ярой гонительницей свободы и защитницей крепостничества. Ее либерализм, таким образом, являлся лишь чисто демагогической попыткой добиться симпатии и поддержки западной общественности. В пользу такого мнения обычно приводят ее отрицательное отношение к французской революции 1789—1795 гг., преследование Радищева за его книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

Однако враждебность к французской революции не может быть однозначно истолкована в пользу того, что Екатерина была противницей свободы. В действительности отрицательное отношение императрицы к французской революции было основано на том, что она видела в ней не осуществление свободы, а проявление анархической тирании и прямую дорогу к деспотическому строю. Она видела перерождение революционной демократии в единоличную диктатуру. Как известно, так в конечном итоге и произошло: вслед за кровавым террором 1793 года, периодом хаоса и неопределенности появился Наполеон, захвативший власть «явочным» путем и восстановивший многие прежние порядки, ужесточив режим личной власти.

Отношение Екатерины к Радищеву также было более сложным, чем оно предстает в канонизированном советской идеологией варианте. Во взглядах Екатерины и писателя было много общего. Оба выступали в пользу веротерпимости, смягчения наказаний, поддерживали принцип частной собственности, а также предуматривали постепенное освобождение крестьян, рассматривали свободу как высший идеал и безусловную ценность. Однако в книге Радищева Екатерина без труда обнаружила не только вполне оправданную

* *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. С. 83.

критику недостатков российского общества, но и нескрываемое желание изменить все сразу и самым радикальным образом. Книга написана под влиянием того, что на современном языке называется «революционным неврозом». Охваченному этим нездоровым состоянием все в «этой стране» представляется отсталым, диким, варварским, поэтому здесь все необходимо разрушить и сделать заново. В книге обнаруживается непоследовательность либерализма Радищева. Нет сомнения, что автор «Путешествия из Петербурга в Москву» находился под сильным впечатлением идей западных просветителей, которые видели в России не более чем воплощение отсталости и мракобесия. Из всех крупных фигур российской истории на Западе в ту пору высоко оценивался только Петр Первый, и именно за то, что хотел разрушить и построить заново (более подробно об этом см. в главе «Россия в западном восприятии»). Книге Радищева присущ не только вполне оправданный протест против рабства, отсталости и забитости. В ней легко просматривается раздражение всем российским, всем, что не соответствует западным образцам. Все отечественное рассматривается им как ретроградное, подлежащее беспощадному разрушению. В этом смысле Радищева следует считать родоначальником той категории российских «демократов», которые, по словам Пушкина, «воюют не с правительством, а с Россией».

Установка на радикальную переделку общества посредством разрушения всего исконного, отечественного, российского стала одной из доминант российского политического мышления на долгое время. Она решающим образом определила политические взгляды нескольких поколений российских политических деятелей — от В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского до большевиков.

Взгляды Екатерины Второй были полностью противоположны данной установке. Екатерина не могла принять идею крутой революционной ломки веками устоявшихся порядков, что лишний раз свидетельствует о либерализме ее воззрений. Наибольшее влияние на формирование ее политических взглядов оказала книга Монтескье «Дух законов». Книга эта, по собственному признанию императрицы, стала ее «молитвенником»*. Правовые теории Монтескье основывались, в частности, на положении, что реформирование общества не должно идти по пути резкого разрыва с существующим порядком. Напротив, новые законы должны создаваться с целью постепенного улучшения существующего порядка и совершенствования исторически сложившихся институтов в сторону увеличения общественной свободы и расширения гражданских прав. Новые законы должны учитывать нравы и обычаи страны, а не возникать из желания радикальным образом сломать их, пусть и из самых благих

* См.: *Шмурло Е.* История России. С. 485.

побуждений. Власть призвана не переделывать нравы, традиции и общество в целом в соответствии с собственными проектами, а, не мешая естественному развитию, тактично и осторожно направлять его. Изречения: «Всякая вещь натурально возьмет форму, ей свойственную» и «Лучшее учреждение выйдет из естества вещи» следует считать программными для мировоззрения Екатерины*. Фундаментальные положения этого мировоззрения нашли свое отражение в различных записках, документах Екатерины, прежде всего в подготовленном ею «Наказе» для созванной по ее инициативе Законодательной комиссии.

Разумеется, Екатерина не помышляла об отмене самодержавия. Однако вслед за констатацией необходимости самодержавной формы правления в «Наказе» тут же следует пункт о гражданской свободе. «Гражданская свобода — второй краеугольный камень государственного здания: ничего не следует запрещать законами, кроме того, что может принести вред отдельной личности или всему обществу»**. Далее в «Наказе» шли пункты о веротерпимости, о смягчении наказаний и другие. Все они характеризовались яркой либеральной направленностью.

Реформы Александра Второго столь значимы для истории России, что не будет преувеличением сказать: они стали началом новой эпохи. Россия сделала важный шаг на пути расширения политических и гражданских свобод. Поэтому Россия пореформенная разительно и со временем все более и более отличалась от России дореформенной. Советская партийно-государственная идеология прилагала максимальные усилия к тому, чтобы приуменьшить значение реформ, стереть различия между дореформенными и пореформенными общественными порядками. После реформ Александра Второго общественные и творческие силы страны пробудились, Россия решительно пошла по пути либерализации и модернизации. А. Герцен отмечал (эти его слова тщательно замалчивались советской историографией), что «имя Александра Второго принадлежит истории; если бы его царствование завтра же кончилось — все равно: начало освобождения сделано им, грядущие поколения этого не забудут». Герцен первым назвал царя Александра «Освободителем», и это прозвание прочно закрепилось за ним на весь последующий период, вплоть до того, как российская история была фальсифицирована большевистской идеологией.

Разумеется, реформы подготовлялись предшествующим развитием, и готово к ним было далеко не все общество. Однако в их пользу, особенно в пользу отмены крепостного права, задолго до

---

* См.: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. С. 29.

** *Шмурло Е.* История России. С. 489.

1861 г. высказывались многие здравомыслящие люди России. В их числе были не только те, кого советская историография именовала «революционными демократами» и всячески выдвигала на передний план, — Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Следует особо подчеркнуть, что их заслуги в борьбе за отмену крепостного права неоспоримы. Однако не менее значимы и усилия деятелей, принадлежавших к либеральному крылу российского политического спектра. Назовем некоторые имена: Радищев, Н. И. Тургенев, Сперанский, Пушкин, Хомяков, Киреевский, Гоголь, Чичерин, Кавелин, граф Соллогуб, Вл. Даль, Григорович, И. С. Тургенев, И. Аксаков, Ю. Самарин, А. Кошелев, С. М. Соловьев, А. Герцен, К. Д. Кавелин, кн. В. А. Черкасский.

Пока крепостное право тяготело над значительной частью населения, разумеется, не могло быть и речи о правовом, либеральном государстве, не могло быть и речи о правах и свободах личности. Поэтому вслед за освобождением крестьян стал возможен и необходим целый ряд реформ либерального характера: отмена телесных наказаний, земская реформа, городская реформа, судебная реформа, военная реформа. Обратим особое внимание на судебную реформу 1864 г. (О значении отмены телесных наказаний, земской и городской реформ см. главу «Общество и личность в России»; о значении военной реформы см. главу «Россия в мировом сообществе».)

Согласно новому порядку судопроизводства, судебная власть была отделена от административной и законодательной, стала независимой от той и другой. Суд был отделен от прокуратуры (обвинения). Были введены гласность судебного разбирательства в процессе устного обмена мнениями участников, а также состязательность обвинения и защиты, для чего был создан институт адвокатуры. Существенной мерой стало введение присяжных заседателей, которые выбирались по жребию из местного населения и были призваны выражать общественную совесть и служить гарантией беспристрастности.

Все названные преобразования целиком вписывались в либеральную концепцию суда и судебной власти. С их реализацией Россия получила судебную систему, ставшую вровень с системами самых передовых в правовом отношении государств. Однако требовалось время для того, чтобы новая система прочно вошла в практику, чтобы были отработаны ее детали, поскольку только практика способна устранить недостатки и шероховатости, которые невозможно предвидеть чисто теоретическим путем. Одним из недостатков новой системы судопроизводства явилась ее незащищенность от давления общественного мнения. Последующий мировой опыт развития либеральной судебной системы (особенно в XX в.) показал, что влияние общественного мнения и общественных настроений способно

существенно помешать объективности судебного разбирательства. Поэтому в наши дни законодательство многих стран предусматривает меры ограждения суда от давления со стороны, в том числе и со стороны мнений, выражаемых на страницах газет, в других средствах массовой информации. Вводятся также меры по отводу присяжных, если выясняется, что у присяжного могут быть основания для симпатий в пользу одной из сторон и т. д. Судебная система в России не получила достаточного времени для практической отработки всех деталей, в частности для устранения ее зависимости от влияния общественного мнения.

Постепенно, хотя и не «семимильными» шагами, в России возникало уважение к праву, к суду, понимаемому как инстанция, которая призвана разрешить возникающие конфликты и противоречия. Не приказ начальника, не указание вышестоящего лица, не «общественное мнение», сформированное на страницах газет, и не мнение «мира», то есть большинства, а право, закон, осуществленный в процессе судебного разбирательства, все более становился тем критерием, который утверждался в сознании людей как единственно правомерный для разрешения конфликтных ситуаций. Против правового «нигилизма» активно выступали такие социологи и правоведы, как Петражицкий, Остроградский, Кистяковский, Новгородцев и другие. Однако для развития правосознания и совершенствования правовой системы России было отпущено слишком мало времени.

В 1878 г. Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова и тяжело ранила его. Суд оправдал ее под восторженные возгласы публики и при столь же восторженных откликах прессы, которая с самого начала была на стороне Засулич. К. Леонтьев (не принадлежавший к «демократическому» лагерю) писал по этому поводу: «*Ее оправдали, ей сделали блистательную овацию.* В петербургских газетах писали, что выстрел ее будет иметь значение как поворотная точка, после которого политических арестантов или совсем не будет, или они будут иметь право грубить безнаказанно начальству... Судят вовсе не убийцу, не Веру Засулич, а жертву ее, то есть генерала Трепова... Веру Засулич выносят на руках...»* Таким образом, получается, что «жизнь обеспечена всем гражданам, исключая царей и ближайших помощников их»**. Очевидно, что суд, основанный на принципах либерализма, должен прилагать равные мерки права ко всем гражданам и быть защищенным от давления со стороны. Впрочем, случай с Засулич показателен еще и в ином, более масштабном смысле — в смысле характерных для России взаи-

---

* *Леонтьев К.* Записки отшельника. М., 1992. С. 343.
** Там же. С. 344.

моотношений власти и общества, власти и народа. К этому вопросу мы вернемся в дальнейшем, предварительно рассмотрев еще одно течение политической теории и практики.

4. ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «РУССКИЙ ФАШИЗМ»

Есть все основания полагать, что выражение «русский фашизм» вызывает у большинства россиян чувство негодования. Это вполне объяснимо: Великая Отечественная война не изгладилась из памяти народной, она остается важной вехой и нравственным ориентиром и для молодых поколений. Поэтому обвинение в фашизме не может не восприниматься в России иначе как оскорбление. Сама мысль о существовании фашизма в стране, отдавшей столько сил, крови и человеческих жизней борьбе против «коричневой чумы», воспринимается как кощунственная. Фашизм олицетворяется с самым крайним человеконенавистничеством, с попранием всех норм гуманности, со звериной жестокостью, с «теоретическим» обоснованием превосходства одной расы, одной национальности над всеми другими.

В России идея превосходства одной расы или одной национальности никогда не имела многочисленных сторонников. Во всяком случае, она не могла стать идеей общероссийского масштаба уже в силу многонациональности страны. Поэтому отечественный тоталитарный режим периода правления Сталина, по многим проявлениям близкий гитлеровскому фашизму, не воспринимался и не воспринимается в России как фашистский. Отечественный тоталитаризм вырос и укрепился не на национальной идее, а на идее классовой розни.

Однако следует обратить особое внимание на то, что господствующее на Западе представление о России находится в разительном противоречии с ощущением самих россиян. Ядром западного мифа о России является представление о ней как о стране «внутреннего деспотизма и внешней агрессивности» (см. главу «Россия в западном восприятии»). Этот миф существует на протяжении как минимум трехсот лет. Он столь прочно укоренился в западном сознании, что никакие политико-экономические изменения российского общества практически не влияют на него. Западный человек смотрел и продолжает смотреть на Россию как на источник деспотизма, агрессивности, опасности. Среднему человеку Запада и в голову не приходит, что весь незападный мир смотрит на историю своих отношений с Западом совершенно по-иному.

Признания, подобные следующему, сделанному в свое время А. Тойнби, крайне редки в западной литературе. Тойнби писал, что если западный человек сумеет «хотя бы на несколько минут покинуть «свою кочку» и посмотреть на столкновение между Западом и

остальным миром глазами огромного незападного большинства человечества», то он обнаружит непривычную для него картину: «Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомнят, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 гг. Народы Африки и Азии вспомнят о том, как начиная с XV в. западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с моря. Азиаты могут еще напомнить, что в тот же период Запад захватил львиную долю свободных территорий в обеих Америках, Австралии, Новой Зеландии, Южной и Восточной Африке. А африканцы — о том, как их обращали в рабство и перевозили через Атлантику... Потомки коренного населения Северной Америки скажут, как их предки были сметены со своих мест...» Особо примечательна в свете нашей темы следующая реплика Тойнби: «У большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, шок и печаль и даже, вероятно, возмущение. Голландцы скажут, что они же ушли из Индонезии, а британцы оставили Индию, Пакистан, Бирму и Цейлон... У британцев на совести не лежит никакой новой агрессии со времен войны в Южной Африке в 1899—1902 гг., а у американцев — с испано-американской войны 1898 г.»*.

Слова Тойнби, несомненно, ярко свидетельствуют о значительном различии в восприятии событий мировой истории Западом и остальным миром. Для нашей темы важно, однако, не то, что западный человек склонен не замечать собственной агрессивности, а то, что он обостренно воспринимает проявление агрессивности со стороны других. Тот же Тойнби отмечает, что даже незначительные агрессивные действия со стороны России или Китая вызывают исключительный страх и возмущение Запада.

Столь укоренившиеся представления о России как стране внутреннего деспотизма и внешней агрессивности легко объясняют факт распространенности и популярности на Западе обширной литературы о «русском фашизме». Ведь если Россия — вечный источник опасности для всего мира, вечный носитель тиранически-агрессивного начала, то русского фашизма просто не может не быть, он должен существовать уже «по определению». Проявления «русского фашизма» усматриваются практически в чем угодно, в том числе и в том, что у самих россиян не вызывает ассоциаций не только с фашизмом, но и с чем-то, хоть отдаленно напоминающим его.

---

* *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 156—157.

Многие западные авторы отработали целый арсенал приемов для «обнаружения» того, что, по их мнению, служит неопровержимыми индикаторами русского фашизма. Среди такого рода индикаторов наиболее распространены следующие. Всякая критика в адрес Запада в глазах такого рода западных авторов — не что иное, как «фашизм»; всякое отрицание или даже сомнение в применимости западных идей к России — равно «фашизм»; всякая забота об укреплении российской армии и государства — очевидный «фашизм»; укрепление позиций русской православной церкви — «православный фашизм»; всякое проявление заботы о русском народе — «русский фашизм» и т. п. Без сомнения, определенная категория западных авторов *целенаправленно добивается* того, чтобы само слово «русский» выступало бы не иначе как в ассоциативной связке с омерзительным для всякого русского и всякого российского человека понятием «фашизм».

Очевидно, что при определенных условиях в России может действительно возникнуть социально значимое явление, которое в полной мере может быть квалифицировано как фашистское. Как известно, наиболее благоприятная почва для фашизма — массовое обнищание населения, национальное унижение, люмпенизация и маргинализация общества, глубокое расстройство политического и экономического порядка. Именно подобные условия явились основой для возникновения и стремительного взлета в 20—30-е годы фашистских движений в Италии, Германии, Испании. Если руководство современной постсоветской России не сумеет решить стоящие перед страной острейшие проблемы, то не исключено, что фашизм станет одной из влиятельных политических сил. В пользу этого тезиса говорит, например, появление и растущая популярность организаций типа «Русское национальное единство». Однако шансы этой организации, как и ей подобных, завоевать популярность общенационального масштаба ничтожны малы.

Спекуляции на национальной и расовой почве в России в целях завоевания власти практически не имеют перспективы. А если они и имели бы успех, то привели бы только к дальнейшему расчленению России по национальному и конфессиональному признаку, поскольку резкий подъем русского национализма немедленно спровоцировал бы не менее резкий отпор со стороны организаций националистического толка других российских народов. Некоторые из этих организаций и без того уже так сильны, что несут опасность сепаратизма. Все это означало бы не что иное, как распад и ослабление России, уничтожение не только ее «агрессивности», которой «опасается» Запад, но и всякого влияния на международную жизнь (возможно, выгодное Западу).

Все приведенные выше рассуждения подводят к выводу, что фашизм с характерной для него установкой на превосходство одной

национальности над другой — чужеродное явление для российской почвы. Мифы и суеверия, подобные «теории заговора» и аналогичным, имеют к фашизму весьма косвенное отношение, хотя и представляют определенную опасность на пути российского общества к демократии современного типа. Об этих мифах и суевериях речь пойдет несколько позже.

Не случайно, что более или менее серьезная русская фашистская организация возникла не в России, а на чужбине, в китайском городе Харбине в 1931—1945 гг., в среде русских эмигрантов*. Ее возглавил выходец из Сибири Константин Родзаевский. В период своего расцвета она насчитывала около 5000 человек. Харбин оказался к тому времени в уникальной геополитической ситуации. Формально принадлежа Китаю, он почти полностью контролировался японской квантунской армией, которая и оказывала существенную поддержку русской фашистской партии. Возникновение фашистской организации в среде русской эмиграции вполне понятно, ибо она возникла в условиях, полностью идентичных тем, в которых возник фашизм в Италии и Германии: позор национального унижения вследствие поражения в войне, финансовый и экономический кризис, озлобленность, ощущение несправедливости совершившегося.

«Очутившись в новой, чуждой среде, русские эмигранты встретили мало понимания. Пока их мытарства сохраняли печать новизны, они возбуждали любопытство, а порой сочувствие. Христианский союз молодых людей, Лига Наций и различные благотворительные организации помогли тысячам беженцам. Но со временем их бедствия начали восприниматься как должное, а иногда даже становились предметом насмешек...» «Эмигранты всех сословий подверглись экономической эксплуатации, и беспомощность делала их легкой поживой... Эмиграция означала также отчуждение. Объединенные общей бедой, русские эмигранты собирались в замкнутые колонии, которые были разбросаны по всему свету — от изысканных, вроде парижского района Пасси, до неприглядных, вроде шанхайского Хонкью. Прибиваясь друг к другу, они искали успокоения, безопасности, всего, что напоминало о потерянной родине. Отчуждение усиливалось из-за отношения окружающих... Даже те немногие русские эмигранты, кто обладал обширным списком светских знакомств, не всегда чувствовали к себе человеческую приязнь и уважение... Тяжело было вынести и широко распространенные ошибочные представления о России... Многие (иностранцы. — *В. Ш.*) не знали о вкладе Российской империи в дело союзников (речь идет о Первой мировой войне. — *В. Ш.*), другие, что еще хуже, высмеивали его. Забывая о том, что самоотверженное русское наступление в

* См. *Стефан Дж.* Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. М., 1992.

августе 1914 г. отвлекло немцев от атаки на Париж, французы высокомерно обвиняли эмигрантов (которые как раз под рукой) за «измену» в Брест-Литовске»...

«Для русских эмигрантов-ветеранов не было более унизительного зрелища, чем союзнический парад победы, который состоялся в Париже 11 ноября 1919 г. Три года Россия честно воевала в союзе с Англией и Францией. Тремя миллионами убитых и множеством раненых заплатила она за отражение немецких ударов, которые, не будь ее, были бы нанесены на западе. Стоявшие по краям Елисейских полей ветераны, глотая обиду, смотрели на триумфальное шествие, в котором не участвовал ни один русский солдат, но зато гордо маршировали части Черногории и Сан-Марино...»

«Русские эмигранты быстро убеждались в том, что никакое блестящее воспитание и образование не гарантирует им хорошего места. Конечно, такие светила, как Бунин, Набоков, Кандинский, Шагал, Стравинский, Рахманинов, Баланчин, Павлова... рано или поздно доказали, что выдающиеся способности дают эмигранту возможность сделать успешную карьеру. Некоторых ученых приняли Стэнфордский, Корнеллский, Чикагский, Колумбийский, Гарвардский, Пражский университеты или Сорбонна. Но в масштабах всей диаспоры это были исключения из правила. Для огромного большинства эмиграция означала переход в низшую категорию и невозможность самореализации»*.

Приведенные цитаты относятся к положению русских эмигрантов в Европе. Что же касается тех, кого судьба забросила на территорию азиатских стран, то их положение было еще более незавидным. Как уже отмечалось, Харбин находился на территории, подконтрольной японской квантунской армии. Именно здесь и создались условия для создания русской фашистской партии. Она приобрела все основные атрибуты фашизма: исповедовала идею превосходства одной расы над всеми остальными, строгое подчинение лидеру (фюреру), железную дисциплину, строгую иерархию, отбор в состав организации исключительно по расово-этническому принципу, установку на мировое господство, идеологию, основанную на эмоционально-отрицательном отношении к «не своим», к «чужим».

Русская фашистская партия в Харбине полностью отвечала определению «фашизма», так же как ему отвечал германский и итальянский фашизм соответствующего периода. В этой связи следует особо подчеркнуть, что всякое расширительное понимание фашизма, в частности перенесение его в более отдаленные, древние эпохи, не имеет под собой веских оснований. В истории человечества отмече-

* *Стефан Дж.* Русские фашисты. С. 20, 22, 23, 24—25.

но множество теорий и идеологий, ментальных установок, которые при желании могут быть квалифицированы как «фашистские». Так, древние греки рассматривали все народы, не принадлежавшие к греческому миру, как «варварские». Казалось бы, это — явный расизм. Однако ни одному здравомыслящему человеку не приходит в голову назвать великую древнегреческую цивилизацию фашистской. Гегель считал немецкий язык и немецкую культуру наиболее развитой и наиболее приспособленной для выражения тончайших и возвышенных проявлений человеческого духа и находил все другие культуры и языки стоящими на гораздо более низкой стадии развития. Можно ли на этом основании считать Гегеля фашистом? Примеров такого рода можно привести огромное множество, причем из истории самых различных стран.

Однако фашизм — совершенно конкретное явление, связанное с особенностями определенного этапа мировой истории. Он возникает в 20—30-е годы XX в. в ряде стран Западной Европы, на волне массовизации общества, крушения прежних, устоявшихся веками порядков, экономического кризиса, резкого роста возможностей средств массовой информации по обработке сознания населения. Его почвой являются массовые настроения национального унижения, испытанного Германией вследствие поражения в Первой мировой войне. Массовое общество, описанное в работах Х. Ортеги-и-Гассета, К. Ясперса и других мыслителей Запада, с его неопределенностью, с господством «человека-массы», легко поддающегося внушению со стороны органов пропаганды, массовый психоз, направленный против «не своих», чужих по крови и по культуре, — такова почва фашизма. Такова и его сущность. Расширять понятие фашизма за отмеченные пределы означает заведомо намеренное или ненамеренное навешивание ярлыка фашизма с целью дискредитации того или иного явления, той или иной страны и ее народа.

Вместе с тем практически в любой стране существует ряд суеверий и предрассудков, которые при определенных условиях могут быть использованы политическими группами экстремистской направленности. Существуют подобные суеверия и предрассудки и в России.

Приходится с сожалением констатировать, что в среде определенной части российского населения пользуются популярностью мифы и суеверия, характер и содержание которых отнюдь не способствует сплочению российского общества. Напротив, они создают атмосферу подозрительности и недоверия, розни. Едва ли мифы и суеверия, о которых пойдет речь, смогут когда-либо стать основой влиятельного политического движения фашистского толка, однако сам факт их популярности не может не вызывать тревоги.

Очевидно, что первое место среди мифо-фантастических представлений занимает так называемая *теория заговора.* Согласно этой

теории, все неудачи и провалы в истории России целиком объясняются действием тайного заговора против России. Как правило, имеется в виду заговор Запада или так называемой «жидо-масонский» заговор. К сожалению, в нашей научной литературе господствуют две линии — либо напрочь отвергать эту теорию, либо попросту ее замалчивать. Однако, при всей очевидной иррациональности и абсурдности, теория заговора опирается на вполне обоснованный исторический материал. Она ставит вполне реальные вопросы. В частности, мимо ее внимания не проходит проблема, которая касается причин крушения России в 1917 г.

Вопреки мифу советской историографии, большинство современных исследователей единодушны в том, что годы перед началом Первой мировой войны были для России временем экономического оживления, подъема. Прирост промышленной продукции за 1900—1913 гг. составил почти 75%. В урожайные годы Россия вывозила чуть ли не половину всего поставлявшегося на мировой рынок зерна. Темпы роста населения были таковы, что, если бы они сохранились впредь, к середине XX в. в России проживало бы 350 млн человек. (Весь Советский Союз достиг численности 225 млн человек только к концу 1970-х годов за счет главным образом прироста населения в азиатских республиках.) Величайший в мире Транссибирский путь скрепил все тело необъятной страны. «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, — говорил в 1909 г. председатель Совета Министров П. А. Столыпин, — и вы не узнаете нынешней России»*.

Что произошло в последующие годы, хорошо известно. Столыпин был убит выстрелом полуагента полиции и одновременно, полуреволюционера, еврея по национальности Богрова. Россия пережила ряд поражений в сражениях Первой мировой войны, две революции, гибель нескольких миллионов людей в гражданской войне, ужасы репрессий и террора. Как объяснить происшедшее? Как могло случиться, что страна, столь явственно и ощутимо поднимавшаяся к вершине, вдруг оказалась в глубочайшей яме, пережила то, что другим странам не снилось даже в кошмарном сне? Для всякого, кто неравнодушен к судьбам России, эти вопросы не могут не быть предметом самого жгучего интереса. Столь разительная перемена в судьбах огромной страны не может не служить благоприятной почвой для мифо-фантастических представлений, в том числе для теории заговора.

Разумеется, причины крушения 1917 г. вполне поддаются рационально-научному объяснению. Что же касается теории заговора, то она, разумеется, не выдерживает научной критики. В истории дей-

* Цит. по: *Ольденбург С. С.* Двадцать лет перед революцией. Мюнхен, 1949. С. 436.

ствует столкновение разнонаправленных сил и воль, поэтому возможность глобального, тщательно спланированного и успешно осуществленного заговора крайне маловероятна. Если же существование такого заговора все же теоретически допустить, то придется допустить и наличие сил, противодействовавших ему. Тогда придется с сожалением констатировать, что победа «заговорщиков» — не что иное, как признание слабости сил, им противостоявших.

Процесс политических и экономических преобразований в России не был завершен, когда в 1914 г. началась мировая война, а затем, в 1917 г., вспыхнула революция. Первая мировая война страшно истощила силы России. Россия не могла вынести двойного груза глубоких и быстрых социальных преобразований и крайнего военного напряжения. Наступила глубокая психическая и духовная депрессия. Экономический подъем, при всех своих очевидных плюсах, создавал диспропорции в экономике, порождал резкие различия в уровне жизни различных категорий населения и регионов. К этому следует добавить явные ошибки и промахи тогдашних российских демократов, о чем речь шла выше. Страна стояла перед множеством острейших проблем, которые нелегко поддавались решению даже в условиях мирного времени и при самых благоприятных обстоятельствах международной политической жизни. Однако ни того, ни другого в наличии не оказалось. Не выдержав внутреннего и внешнего напряжения, механизм страны распался «на взлете» — на том участке, который считается одним из наиболее опасных в «полете» лайнера, загруженного до предела.

Теория глобального заговора, о которой мы вели речь, абсурдна, поскольку рассчитана на эмоции, а не на разум. Она опирается на потребность человеческой психики найти простой и однозначный ответ сразу на множество сложнейших вопросов. Существование «мировой закулисы», тайно управляющей всем миром, и является таким предельно простым ответом на все вопросы. Вместе с тем, отвергая теорию глобального заговора, вряд ли правильно становиться на полностью противоположную точку зрения, то есть отвергать всякое значение заговоров в истории.

Отвержение всякого исторического значения заговоров характерно для так называемой «марксистско-ленинской» исторической науки. Ее представители объявляли (и продолжают объявлять) всякое историческое событие действием «исторической необходимости». Дескать, так или иначе, раньше или позже, в одной или другой форме и т. д. данное событие все равно случилось бы, ибо все управляется исторической закономерностью, поэтому и ломать теоретические копья по поводу того, что история могла пойти по-иному, собственно, нет никакого смысла. Спасительная историческая необходимость позволяет снимать с людей ответственность за содеянное

ими. По сути, она убивает интерес к истории как к деяниям отдельных людей, позволяет смирять свою совесть с тем, с чем невозможно смириться. Был или не был убит президент Кеннеди, был ли это заговор или действие одиночки — какая, в конце концов, разница, рассуждает сторонник «исторической необходимости», так «распорядилась» история. В его рассуждениях нет ни сочувствия пострадавшему и его близким, ни справедливого желания наказать преступника, ни стремления восстановить истину. Так называемая «историческая необходимость» заслонила в его сознании собственно историю, а люди, участники и деятели истории, предстали в роли песчинок на ветру или безликих винтиков огромной машины.

К сожалению, с той же «легкостью необыкновенной» подходят к судьбам отдельных людей и их влиянию на историю также и те авторы, которые на словах резко противопоставляют себя марксизму-ленинизму с его железной исторической необходимостью. Так, американский историк Уолтер Лакер пишет об убийстве Столыпина: «Нет никаких оснований полагать, что судьбу России предопределил выстрел Богрова. Через некоторое время противники при дворе добились бы его (Столыпина. — *В. Ш.*) отставки. Он нажил себе политических врагов, его политическая база была весьма узкой, слишком часто он угрожал отставкой, состояние здоровья его ухудшилось...»* Иначе говоря, в глазах Лакера убийство Столыпина — столь ничтожный факт российской истории на переломном этапе ее развития, что о нем не стоит и говорить всерьез.

Не испытывая и тени сомнения, американский автор «пророчествует», решительно беря на себя бремя «оракула». Он, видимо, и понятия не имеет о том, что Карлом Поппером и целым рядом современных методологов науки подвергнуты основательной критике претензии подобного рода «оракулов» на масштабные исторические пророчества. (См. п. «Тоталитаризм в России» настоящей главы.)

Как сложилась бы судьба Столыпина, а вместе с ней и России, нам, к сожалению, знать не дано. Однако истории известно множество случаев резких взлетов тех или иных деятелей именно в таких обстоятельствах, которые окружающими расценивались как в полной мере бесперспективные. Был ли окружен Наполеон массой доброжелателей в первый период своего прихода к власти? А кто мог предположить, что после побега из заточения с ничтожной горсткой единомышленников он сможет создать могучую армию, способную противостоять объединенной коалиции всей Европы? Таких вопросов история ставит перед нами множество. Исторический процесс, вопреки мнению «оракулов», не имеет заведомо принятого, прови-

* *Лакер У.* Черная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон: Издательство «Проблемы Восточной Европы», 1994. С. 184.

денциального плана и может в любой момент повернуть в самых разнообразных, в том числе и совершенно неожиданных, направлениях.

Вполне очевидно, что безвременную смерть Столыпина нельзя отнести к числу тех «незначительных фактов», которыми можно пренебречь в размышлениях о судьбах русской истории в предреволюционный период. Как точно так же нельзя пренебречь той весьма значительной поддержкой, которая была оказана большевикам германским генеральным штабом. Не будь этой поддержки, у большевиков практически не было бы никаких шансов на сколько-нибудь значительную роль в событиях 1917 г.

Приходится констатировать, что ход истории — это череда разнообразных заговоров, интриг, сговоров, больших и малых переворотов. Относиться к истории по-другому — значит мистифицировать ее, а самое главное — исключать из нее реальных людей, реальных действующих лиц, снимать личную ответственность с деятелей истории и — что не менее важно — провоцировать и оправдывать безответственность *современных* государственных и политических деятелей. Не мистическая «историческая закономерность», а личная ответственность или безответственность людей, оказавшихся у власти или способных повлиять на нее, их компетентность, деятельность или бездеятельность, добросовестность или халатность, забота о порученном участке или корыстолюбие — все это и является подлинным «локомотивом» истории. Впрочем, то же самое можно сказать о любом деле, о любом проекте и предприятии.

5. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ

Министр земледелия в российском правительстве периода Первой мировой войны Кривошеин в беседе с послом Франции в России Морисом Палеологом признался: «Увы! Вопрос этот существует не с сегодняшнего дня. Антагонизм между императорской властью и гражданским обществом есть самый тягостный бич нашей политической жизни. Я с болью наблюдаю за ним уже давно. И несколько лет назад я выразил мою скорбь в одной фразе, которая произвела некоторый шум; я говорил: «Будущее России останется непрочным, пока правительство и общество будут смотреть друг на друга как на два противоположных лагеря, пока каждый из них будет обозначать другого словом «они», пока они не будут употреблять слова «мы», чтобы указать на всю совокупность русских»*.

* *Палеолог Морис.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 157.

Одной из устойчивых черт российского менталитета следует признать ту, согласно которой власть в России воспринимается как нечто отчужденное от основной массы народа. Государственная власть — это всегда «они», а не «мы». Н. Бердяев писал о народном восприятии власти в России: «Власть есть нечто начало вне его и над ним находящееся, инородное ему»*. Такое отношение к государственной власти, характерное для дореволюционного периода, сохранилось и в советское время. Остается оно в целом таким же и в современной, постсоветской России. Конечно, для каждого из исторических периодов существовали свои причины отчуждения власти и общества. Однако привлекает внимание и сам факт устойчивости данного отношения к власти со стороны общества. Меняются политические режимы и формации, к власти приходят люди, совершенно разные по своему складу, темпераменту, намерениям, до основания рушится одна политическая система, на смену ей приходит полностью противоположная и т. д. Одно остается неизменным: власть в России — это «они», отделенные жирной чертой от основной массы, от «мы». В чем причина такого положения? Ответ на этот вопрос можно усмотреть в размышлениях одного из демократических деятелей предреволюционного периода — В. А. Маклакова:

«Со времени Петра власть была много выше общества и народа и вела их к их же благу насилием. Успехи власти, за которые им должна быть благодарна Россия, народу были непонятны и чужды. И в отношении к исторической власти существовали долго только две крайности: раболепное послушание или тайное сопротивление. Понятие согласия и сотрудничества с властью было обществу незнакомо. История выработала два крайних типа общественных деятелей — «прислужников» и «бунтовщиков». Независимых, самостоятельных, но лояльных по отношению к власти людей жизнь не воспитывала»**.

Это утверждение не совсем верно в том отношении, что независимые и одновременно лояльные к власти люди все же были в России во все времена. Однако они действительно представляли собой исключение. Поэтому Маклаков в целом прав в том, что отношение к власти определялось не ими, а двумя крайностями, о которых он говорит, — прислужничеством или бунтовщичеством. Молчалин и Чацкий, если брать их образы только с точки зрения политических воззрений, — вот два крайних типа отношения к власти, прекрасно изображенные еще Грибоедовым.

---

* *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990. Репринтное воспроизведение издания 1918 г. С. 36.

** *Маклаков В. А.* Вторая Государственная Дума. Цит. по: *Леонтович В. В.* История либерализма в России. М., 1995. С. 534.

Важной вехой в установлении взаимной подозрительности и недоверия между правительством и обществом явились 60—90-е годы XIX столетия. Именно в этот период в обществе сложилась нездоровая атмосфера в отношениях власти и общественности, которая и привела в конечном итоге к тотальному разрушению всех общественных и государственных институтов в октябре 1917 г. У ее истоков стояло умонастроение студенческой молодежи 60—90-х годов XIX в. — ведь именно они, повзрослев, определили ход политических событий конца XIX — первых десятилетий XX в. О характере этих умонастроений можно судить по воспоминаниям современника.

Интересы студентов не выходили «из рамок известного политического направления, — писал в своих воспоминаниях участник студенческих кружков и движений тех лет, — которое могло быть определено одним словом: *народ*, причем под народом понималось исключительно крестьянство. Только в самом конце семидесятых годов в понятие «народ» были введены иные элементы. Увлечение «народом» иногда доходило до смешного. Стоило, например, на сходке или просто среди собравшейся толпы студентов крикнуть: господа, *народ*! И тотчас раздавались бурные возгласы:

— Да здравствует народ!»

«Чтение романов, повестей, стихотворений и т. п. трактовалось студенческой традицией как безделье, но, например, Некрасов был любимым поэтом, и на каждой студенческой вечеринке после обязательной «Дубинушки» («Много песен слыхал я...») распевалось и некрасовское «Укажи мне такую обитель» (из «Парадного подъезда»). Такой же излюбленной песней было и стихотворение Навроцкого «Утес».

С другой стороны, роман Чернышевского «Что делать?» должен был прочесть каждый порядочный студент, и в известную студенческую песню «Проведемте, друзья, эту ночь веселей» обязательно вставлялся такой куплет:

Выпьем мы за того,
Кто «Что делать?» писал.
За героев его,
За его идеал...»

Объяснялось все это тем, «что Некрасов был «печальником горя *народного*», Навроцкий в своем стихотворении поэтизировал Стеньку Разина, а в романе «Что делать?» изображались в хвалебном тоне «мыслящие реалисты». Но и всякое другое беллетрестическое произведение могло смело рассчитывать на успех среди студенчества, если оно удовлетворяло следующим требованиям: все мужики, кроме

«кулаков», должны быть изображены вместилищем добродетелей... по наружности они непременно исхудалые, с землистыми лицами, оборванные; «кулаки», наоборот, все «краснорожие, толстомордые, с выпятившимся брюхом» и... воплощенные изверги естества, состоящие в союзе с начальством.

При изображении городской жизни и среды должен был употребляться такой трафарет: все студенты и «мыслящие реалисты» блистают добродетелями и в этом отношении чище солнца... разумеется, они проникнуты сверхчеловеческой любовью к народу и готовностью положить за него душу по первому требованию. Все остальные... должны быть изображены невеждами, врагами народа, погрязшими во всевозможных пороках»*.

Приведенные цитаты ярко характеризуют тот умственный багаж, с которым российский средний интеллигент конца XIX в. входил в самостоятельную жизнь. Неудивительно, что в области политики большинство недавних студентов занимали самые радикальные политические позиции, резко отвергали саму мысль о сотрудничестве с властью, выдвигали внешне привлекательные, но реально невыполнимые требования. Ни о каком сотрудничестве между властью и общественностью при таких условиях речи быть, разумеется, не могло. «Интеллигенция, нарушая общественный порядок... заняв враждебное (по отношению к правительству. — *В. Ш.*) положение... толкала правительство на борьбу с революцией путем исключительных мер... Получался заколдованный круг, из которого ни та, ни другая сторона не умели найти выход. Чья бы вина ни была, но печальный факт оставался фактом: между властью и обществом легла широкая пропасть»**.

Противостояние «они» и «мы» подпитывалось обеими сторонами. Разумеется, и царская власть отнюдь не всегда была расположена к установлению взаимопонимания с обществом, о чем уже говорилось в параграфе «Либерализм в России». Напомним лишь, что Александр Третий в качестве ответных шагов на убийство своего отца Александра Второго народовольцами, принял меры по ограничению демократических свобод. Им были также существенно урезаны права земства. Николай Второй начал свое царствование со ставшей печально известной речи о «бессмысленных мечтаниях» — так он назвал надежды общества на демократизацию. В своем отношении к интеллигенции он исходил из представления, что это всего лишь незначительная горстка людей, мешающая единению царя с народом. Поэтому он шел на контакт с демократическими слоями

---

* *Никифоров Н. К.* Петербургское студенчество и Влад. Серг. Соловьев // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 166—168.

** *Шмурло Е.* История России. С. 673.

общества только в самых крайних случаях и под нажимом обстоятельств.

Таким образом, взаимное недоверие создавало своего рода замкнутый круг. Прорвать его можно было только совместными, двусторонними усилиями власти и общественности. Моменты единения государственной власти и общественности хотя и редки в истории России, тем не менее порой играли важную роль, особенно в критические моменты. Так было, например, в 1613 и в 1812 гг. Нельзя отрицать факта единения власти и народа в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., хотя тоталитарность режима накладывала на него свои отрицательные последствия.

Особенно важно подчеркнуть, что в предреволюционные годы даже начал складываться определенный *механизм* соединения усилий власти и общества. Особую роль в нем играли земства и все более развивающееся *земское движение и движение союза городов.*

«Пробуждение национальных сил проявило себя вчера, в Москве, захватывающим образом, — писал уже упоминавшийся французский посол Морис Палеолог. — Земский союз и Союз городов собрались там на съезд. Председательствующий князь Львов ярко осветил неспособность администрации мобилизовать силы страны для обслуживания армии». «Задача, стоящая перед Россией, — заявил он, — во много раз превосходит способности нашей бюрократии. Разрешение ее требует усилия всей страны в ее целом...» Практическая программа была тотчас выработана. Наконец-то Россия на правом пути...»* В годы Первой мировой войны практически медицинское обслуживание раненых и пострадавших обеспечивалось земскими, то есть неправительственными, организациями. Многое делалось земствами для обеспечения армии продовольствием и обмундированием.

Взаимное недоверие власти и народа вступило в новую фазу в России советской. Народ, как прежде, с недоверием взирал на исходящую из недосягаемых вершин власть, ожидая от нее очередного подвоха. В советское время люди легко убеждались в необязательности многих решений государства и партии для самой власти. Репрессии и поощрение доносительства, разумеется, не способствовали установлению здоровых взаимоотношений власти и народа. Недоверие также основывалось на злоупотреблениях высокопоставленных партийных чиновников, использовавших свое служебное положение для присвоения государственной собственности. Людей возмущали факты наличия партийных привилегий, закрытых распределителей продуктов питания, дач, закрытых медицинских уч-

* *Палеолог Морис.* Царская Россия во время мировой войны. С. 182.

реждений и т. п. Характерное деление на «они» и «мы» возросло и укрепилось как никогда в предшествующие времена. Теперь под «они» понималась допущенная к государственной кормушке партийная номенклатура, под «мы» — весь остальной народ, не вошедший в число номенклатурных счастливцев.

В период после 1991 г., вопреки надеждам первых лет перестройки, разрыв между властью и обществом, вероятно, достиг критических пределов. Обещания демократических руководителей во многих случаях оказались на деле не более чем лицемерной демагогией, а избранный курс реформ довел престиж государственной власти в глазах большинства россиян до катастрофически низкого уровня. Тем не менее не следует забывать, что в период после 1991 г. Россия обрела практически все важнейшие институты демократического общественного устройства, такие, как независимая законодательная власть (Дума и представительные органы на местах), независимый суд, демократические выборы в органы государственной власти, относительно свободная и плюралистическая система средств массовой информации. Сегодня все же есть основания говорить о наличии предпосылок для преодоления векового противостояния власти и общества, противостояния, за которое Россия и без того уже заплатила немалую цену.

Еще одной формой характерно российского отношения к власти является *тотальное отрицание значения всякой власти.* Такое отрицание основано на представлении о государстве (как особом аппарате управления) и власти как изначальном зле. Государство и власть предстают как порочные в самой своей основе, а потому никакое их совершенствование не принесет пользы. Их следует разрушать при первой возможности. Такой взгляд стихийно вырабатывался в народной среде. Наиболее ярким теоретическим его защитником явился Л. Толстой. В этой связи обратим внимание на характерную и весьма распространенную путаницу, являющуюся следствием внедренного в советское время ложного представления о взаимоотношениях власти и общества в дореволюционной России.

«Основной чертой самосознания дореволюционной русской интеллигенции было ее противостояние власти, — писал в 90-е годы публицист Александр Сенин. — Отсюда множество нелицеприятных оценок последней в творчестве Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Льва Толстого и других выдающихся деятелей отечественной культуры. Отметим сразу, что власть давала к этому повод. Но и интеллигенция в своих призывах к неповиновению власти часто переходила опасную черту, а предостережение, прозвучавшее в сборнике «Вехи», не услышали как раз те, к кому оно было обращено». В приведенном изречении верной является характеристика умонастроения интеллигенции как определенного социального слоя, то есть умонас-

троения «среднего» интеллигента. В сборнике «Вехи» как раз и имеется в виду умонастроение «среднего» российского интеллигента рассматриваемой эпохи. И именно это умонастроение, обрисованное нами выше, подвергнуто авторами сборника всесторонней критике. Что же касается выдающихся русских писателей, то из названных автором, вероятно, только для Некрасова было свойственно характерное настроение противостояния власти, присущее большинству средних интеллигентов. Однако совершенно неверно приписывать его Гоголю и Салтыкову-Щедрину (последний, как известно, сам занимал достаточно высокие посты в государственном управлении) — о чем речь уже шла в первом параграфе настоящей главы.

Толстой же, со своей идеей полного отрицания государственной власти, стоит совершенно особняком в ряду русских мыслителей. Его воззрения на государственную власть радикально отличны от воззрений, присущих современной ему интеллигентской среде. Если интеллигенция стремилась к преобразованию государственной власти и отрицала лишь ее конкретную социальную форму (самодержавие), то Толстой шел гораздо дальше, считая злом *всякую* власть, независимо от ее конкретных форм. Толстовское отрицание всякой власти выразило анархические стремления народных масс — те стремления, которые в немалой степени способствовали превращению обеих русских революций в стихийный и неуправляемый процесс огромной разрушительной силы. Именно такая трактовка обоснована Бердяевым и целым рядом других авторов в статьях в сборнике «Из глубины». Толстовские воззрения характеризуют иную сторону свойственного российской ментальности отношения к власти, а именно — отрицание положительного значения всякой власти, власти как таковой.

На практике это отрицание выражалось бунтом — тем самым бунтом, который Пушкин характеризовал как «бессмысленный и беспощадный». Его бессмысленность в том, что он не преследовал никакой рациональной цели. Возникший стихийно под влиянием необходимости выплеснуть заряд негативной энергии, он служил своеобразной эмоционально-психологической разрядкой. В дореволюционный период такие бунты могли возникать даже против хорошего барина, которого крестьяне уважали и даже любили. В период гражданской войны крестьяне одной и той же местности одинаково яростно восставали и против красных, и против белых. Видеть в таких бунтах проявление каких бы то ни было политических симпатий — явная натяжка. В них обнаруживалось скорее нежелание жить по чужой воле, столь характерное для российского человека.

Впрочем, следует особо подчеркнуть, что элемент недоверия к государственной власти если и не присущ всем людям вообще, то, по меньшей мере, распространен достаточно широко. Исключая случаи ярко выраженной враждебности к власти, Россия в этом от-

ношении не является столь уж экзотическим феноменом, как может показаться на первый взгляд. Мы уже упоминали о «здоровой подозрительности к властям», присущей среднему гражданину европейского общества*. Такое же отношение свойственно и гражданам Соединенных Штатов. «В Америке считается, — отмечает М. Лернер, — что необходимо быть против государства и против политиков. Традиционная американская антигосударственность (или, скорее, «антиправительственность», потому что американцы употребляют термин «государство» в географическом, а не политическом смысле слова) близко граничит с анархизмом»**. Недоверие к правительству объясняется тем, что даже при самом совершенном государственном устройстве (если таковое вообще возможно) полностью исключить злоупотребления государственных чиновников вряд ли удастся. Подозрительность к власти, особенно к исполнительной, можно рассматривать в качестве одного из противовесов этим злоупотреблениям — такая подозрительность позволяет быть бдительным. На основе бдительности как раз и возникает возможность окружить власть целой совокупностью независимых институтов для того, чтобы, по удачному выражению Карла Поппера, «свести к минимуму наносимый политиками вред».

В Соединенных Штатах одним из органов, сдерживающих произвол исполнительной власти, является Конгресс, избираемый непосредственно жителями штатов. «Члены Конгресса избираются в штатах и на местах и ощущают себя частицей «наших», тех, что остались дома... Идея независимого представительного органа... проходит через всю историю западного парламентаризма. Американцы получили ее в наследство и придали ей неповторимое своеобразие. У них она прекрасно уживается с недоверием к правительству: можно сказать, что конгрессмена посылают в Вашингтон не столько для того, чтобы он *что-то делал*, сколько следить, чтобы «правительство» не *наделало делов*»***. Как отмечает автор, хотя сегодня доверие к Конгрессу не столь велико, конгрессмен по-прежнему предстает перед американцами в роли неусыпного стража, охраняющего народ от тирании администрации. К сожалению, ни невысокий авторитет российской Думы, ни ограниченность круга ее полномочий пока не позволяют рассматривать думских депутатов в качестве защитников народа против произвола исполнительной власти и президентского окружения. Однако есть основания полагать, что последующий опыт демократического развития России будет способствовать повышению роли Думы в указанном отношении.

---

* *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. С. 159.

** *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. С. 438.

*** Там же. С. 511—512.

Как известно, роль государственной власти по отношению ко всем сферам общественной жизни была в России при самодержавии исключительно велика. Еще более возросла она в советский период, когда партийно-государственный аппарат поставил под свой контроль практически все стороны общественной и личной жизни. Концентрация в руках государства огромных властных, финансовых и материальных возможностей превращает вопрос о том, в чьих руках окажется государственная власть, в предельно острый. В сознании многих он предстает как наиболее жизненно важный. В условиях крушения прежней системы множество людей, далеко не всегда добросовестных и честных, с остервенением включаются в политическую борьбу. Без преувеличения можно сказать, что политическая борьба захватывает все общество, в том числе и людей, практически не имеющих шансов пробиться даже на нижние ступени политической лестницы. В обществе возникает массовый психоз на политической почве. Политика начинает занимать несоразмерно большое место в жизни, проникая во все ее поры, скажем, на уровень семейных отношений. Политические выборы из рядового события, какими они являются в странах с длительными демократическими традициями, в России вполне могут превратиться в источник неисчислимого множества конфликтов, в том числе не политико-экономического, а личного характера. Вот как описывал это Саша Черный в начале века:

Моя жена — наседка.
Мой сын, увы, эсер,
Моя сестра — кадетка,
Мой дворник — старовер.

Кухарка — монархистка,
Аристократ — свояк,
Мамаша анархистка,
А я — я просто так.

Дочурка — гимназистка
(Всего ей десять лет),
И та социалистка —
Таков уж нынче свет!

От самого рассвета
Сойдутся и визжат, —
По мне, комедья эта,
Поверьте, сущий ад.

Сестра кричит: «Поправим!»
Сынок кричит: «Снесем!»
Свояк вопит: «Натравим!»
А дворник: «Донесем!»

Сестра кричит: «Устроим!»
Свояк вопит: «Плевать!»
Сынок шипит: «Накроем!»
А я кричу: «Молчать!»

Проклятье посылаю
Родному очагу
И втайне замышляю:
В Америку сбегу.

Легко заметить, что здесь описано настоящее безумие, когда политика является предметом сугубо болезненной сосредоточенности. Политические споры действительно могут доводить до истерического умопомрачения. Стихотворение Саши Черного «Жалобы обывателя» увидело свет в 1906 г. Однако нетрудно заметить, что все описанное в нем узнаваемо, поскольку характеризует одну из особенностей того чрезмерно значительного места, которое политика занимает в жизни российского общества, особенно на переломных этапах его развития. В перестроечный и постперестроечный период 90-х годов XX в. на почве расхождений политических симпатий было немало семейных конфликтов, обострений отношений между родными людьми и даже случаев разводов супругов.

Переход от чрезмерных надежд на государственную власть к осознанию того, что главная задача рядового гражданина и демократических институтов следить за тем, чтобы «правительство не наделало делов» (Лернер), или (что приблизительно то же самое) «свести к минимуму наносимый политиками вред» (Поппер), потребует определенного времени. Главными условиями такого перехода являются как минимум следующие: завершение раздела бывшей государственной собственности — так, чтобы она обрела рачительного хозяина, а не временщика, стремящегося сорвать куш и вывести его за границу, — тогда власть перестанет быть тем, что приманивает к себе возможностями баснословного обогащения. Это во-первых. Во-вторых — превращение политических выборов из чрезвычайного в рядовое мероприятие, привычное и естественное, ни малейшим образом не связанное ни с головной болью, ни с истерией. Очевидно, что последнее станет возможным, если страна сумеет избежать ситуаций чрезвычайного характера и если хотя бы несколько парламентских и президентских выборов пройдут в предусмотренные законодательством сроки.

ЛИТЕРАТУРА

Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990.

Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992.

Два взгляда из-за рубежа. М., 1990.

Ильин И. А. Наши задачи. М., 1992.

Лакер Уолтер. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон: Издательство «Проблемы Восточной Европы», 1994.

Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995.

Леонтьев К. Записки отшельника. М., 1992.

Лернер Макс. Развитие цивилизации в Америке. В двух томах. М., 1992. Т. 1.

Лосский Н. О. Характер русского народа. Посев, 1955.

Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

Мощелков Е. Н. Переходные процессы в России. М., 1996.

Политическая история России. Хрестоматия для вузов. Составители: Коваленко В. И., Медушевский А. Н., Мощелков Е. Н. М., 1996.

Никифоров Н. К. Петербургское студенчество и Влад. Серг. Соловьев // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991.

Палеолог Морис. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1—2.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В четырех томах. Т. 4.

Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999.

Скороспелова Е. Б., Голубков М. М., Красовский В. Е. Н. В. Гоголь / Русская литература XIX—XX веков. М., 1998. Т. 1.

Солоневич И. Россия в концлагере. М., 1999.

Стефан Джон. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. М., 1992.

Страда В. Литература конца XIX века // История русской литературы. «Серебряный век». Под редакцией Ж. Нива, И. Сермана, Е. Эткинда. М., 1995.

Сорос Дж. Кризис современной цивилизации. М., 1995.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.

Федотов Г. Судьба и грехи России. М., 1992. Т. 2.

Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М., 1992.

Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 1996.

Чичерин Б. Курс государственной науки. М., 1986. Т. 2.

Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. М., 1995. Т. 1.

Шмурло Е. История России. М., 1997.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Какую форму правления принято называть абсолютной монархией или самодержавием? Почему неверно отождествлять абсолютную монархию с тоталитарными режимами XX в.?

2. Чем можно объяснить установление и столь длительное существование в России абсолютной монархии (самодержавия)?

3. Каковы были позитивные общественные функции самодержавия?

4. Почему к концу XIX — началу XX в. позитивные функции самодержавия в целом были исчерпаны? Какие факты свидетельствовали об этом?

5. В чем смысл понятия «патернализм»?

6. Каковы характерные признаки тоталитаризма? В чем отличие гитлеровского тоталитаризма в Германии от сталинского в Советском Союзе?

7. Что позволило тоталитарной системе установить контроль над всеми сторонами жизни граждан и охватить таким контролем практически все население страны?

8. Почему проблему возникновения и длительного существования тоталитаризма нельзя свести лишь к политическому аспекту?

9. Кто из русских мыслителей XIX — начала XX в. предупреждал об опасности тоталитаризма?

10. Каким образом тоталитаризм паразитировал на исконных духовных ценностях русского народа: стремлении к социальной справедливости, отрицании эгоистического индивидуализма, «всемирной отзывчивости» и других?

11. В чем состояли предпосылки возникновения тоталитаризма в России? Почему коммунистическая теория Маркса—Энгельса—Ленина на практике привела к результату, противоположному декларируемым ею целям? Почему нельзя ответить на этот вопрос, только лишь указав на отклонения от этой теории и на ее «искажения»?

12. Кто из отечественных и зарубежных мыслителей внес решающий вклад в развенчание тоталитарной системы?

13. Разъясните смысл понятия «социальный титанизм».

14. Почему либерализм отвергает путь насильственных общественных изменений, предпочитая «прогресс без хирургического вмешательства»?

15. Каковы основные теоретические постулаты классического либерализма?

16. Назовите либеральные реформы и мероприятия русских царей (начиная от Екатерины Второй).

17. Каковы аргументы тех, кто считает, что либерализм никогда не сможет прижиться в России?

18. В чем причины краха российского либерализма в 1917 г.?

19. Какова сущность современной демократии?

20. Почему «государство должно служить обществу, а не править им»?

21. В чем причины распространенности и популярности на Западе литературы о так называемом «русском фашизме»?

22. Что рассматривается некоторыми западными авторами в качестве «индикаторов» фашизма в России?

23. Имеют ли шанс на политический успех в России организации фашистского толка? Обоснуйте ответ.

24. В чем состоит социальная почва возникновения фашизма?

25. Почему крупнейшая русская фашистская организация возникла в эмиграции? Где она возникла и как она называлась?

26. Может ли существовать тотальный заговор «мировой закулисы» против человечества или против России? Какова роль заговоров в истории?

27. Каково отношение власти и общества в России? Почему власть — это всегда «они», а не «мы»?

28. Какие два крайних типа общественных деятелей вырабатывала российская история?

29. В какие исторические периоды отношения власти и общества резко обострялись? Приведите примеры единения власти и народа.

30. В чем состоят предпосылки преодоления противостояния власти и народа? Что означает «здоровая подозрительность к властям»?

31. В чем причины массовых психозов на политической почве?

Глава 5

ТРУД И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ

1. Нравственное оправдание труда в России.
2. Характерные черты труда в России. Вопрос о «русской лени».
3. Чувство формы.
4. Характер труда и индустриализация в России.
5. Деловой материализм.
6. Труд физический и труд интеллектуальный.
7. Российское предпринимательство в кривом зеркале идеологии.
8. Сущность «духа капитализма».

1. НРАВСТВЕННОЕ ОПРАВДАНИЕ ТРУДА В РОССИИ

Одно из свойственных России воззрений на труд и хозяйственную деятельность и их значение красноречиво характеризуются словами В. Розанова: «Не будь богат! Не стремись к богатству, довольству, избытку, обеспечению. Кормись около других, крохами от стола их. Эти сытые, трудолюбивые, богатые пойдут в геенну огненную, а ты возляжешь с избранниками Божьими.

Нерв трудолюбия был перерезан, отныне станут трудиться «со скрежетом зубовным», с отчаянием. Понесут работу как муку. Работа как *поэзия,* как *религия* — умерла и невоскресима»*.

Можно согласиться с Розановым в том, что нравственная оправданность богатства нередко ставилась в России под сомнение. Об этом свидетельствуют многие произведения русской классической литературы, как и многие другие источники. Очевидно, что богатство связывали с неправедностью, нечестностью. С этой точки зрения нажить богатство, не обделяя при этом других людей, невозможно. Впрочем, и на Западе издавна существует аналогичное воззрение. Джон Локк, например, замечал, что «никто не может разбогатеть, не нанося убытка другому»**. Однако для Запада, видимо,

---

* *Розанов В. В.* Среди художников. М., 1994. С. 251. Курсив Розанова.
** *Локк Джон.* Соч. В трех томах. М., 1988. Т. 3. С. 53.

характерно отчетливое понимание конкурентных, соревновательных отношений между людьми. Поэтому несмотря на то, что богатство невозможно без нанесения ущерба другому, оно не осуждается, поскольку является результатом не злого умысла, а конкуренции или по меньшей мере удачи, везения. Если богатство действительно часто бралось в России под подозрение, то труд в большинстве случаев оценивался и оценивается положительно и исключительно высоко.

История свидетельствует, что труд в России не всегда мотивирован достижением индивидуального богатства. Нравственная ценность труда не утрачивается и в том случае, если он и не обещает богатства или достатка. И в этом можно усмотреть существенное различие между образом труда (и хозяйственной деятельности вообще), свойственным Западу, и тем, что характерно для России. Очевидно, что западному человеку трудно понять, как можно трудиться при условии, когда за работу не выплачивается заработная плата, — а таких примеров в России великое множество, и не только в последние годы. Для западного менталитета, видимо, характерно представление, что если труд не обещает приличного вознаграждения, то он автоматически утрачивает всякую ценность, лишается всякого оправдания. Не то в России: в 1993—1998 гг. миллионы людей продолжали трудиться на своих местах, месяцами не получая заработной платы. Впрочем, следует особо подчеркнуть, что труд, не мотивированный материальным вознаграждением, — явление не только лишь последнего времени. В качестве примера можно привести эпизод из знаменитого «Одного дня Ивана Денисовича» А. И. Солженицына. Находясь в лагерях и не имея ни малейшего стимула к принудительной по своему существу работе, заключенные, если верить автору, способны испытывать подлинный трудовой энтузиазм и воодушевление!

А как тут не вспомнить знаменитые коммунистические субботники, ведущие отсчет своего существования от самого начала коммунистической эпохи и получившие теоретическое обоснование с позиций идеологии в работе В. И. Ленина «Великий почин»? Они стали непременным атрибутом жизни нескольких поколений советских людей. Очевидно, коммунистическая идеология (как во многих других случаях) лишь использовала в своих интересах традицию, идущую из глубины веков, и паразитировала на этой традиции. Отнюдь не большевики открыли для России возможность труда, непосредственно не мотивированного материально. Они лишь присвоили себе и своей идеологии то, что существовало задолго до них. Высокая нравственная оценка труда выражена, например, в изречении Л. Н. Толстого, которого, разумеется, никак нельзя отнести к сторонникам коммунистической идеологии: «Стыдиться можно и

должно не какой-либо работы, хотя бы самой нечистой, а только одного: праздной жизни»*.

Истоки отношения к труду как к ценности нравственного порядка восходят к Киевской Руси, к одному из основателей русского монашества Феодосию Печерскому. Согласно исследователю русской религиозной культуры Г. Федотову, именно Феодосий Печерский заложил основы отношения к труду как к деятельности богоугодной, поставив труд в один ряд с молитвой. «Сравнительно умеренные аскетические упражнения, — писал Федотов, — восполняются непрерывностью его трудов. Крепкий и сильный... Феодосий работает за себя и за других. При игумене Варлааме он по ночам мелет жито для всей братии. Став сам игуменом, он всегда готов взяться за топор, чтобы нарубить дров, или таскать воду из колодца, вместо того чтобы послать кого-нибудь из свободных монахов: «Я свободен», — отвечает он келарю. Трудовая, деятельная жизнь Феодосия больше всего бросается в глаза, она заполняет преимущественно страницы его пространного жития»**.

Академик Д. С. Лихачев сравнивает отношение к труду, свойственное западной церкви, с отношением, утвердившимся в православии. Он пишет: «Если сравнивать Сергия Радонежского с Франциском Ассизским (а такое сравнение делалось постоянно), то выступает огромная разница в большом и принципиальном. Франциск считал бедность одним из главных достоинств монашества. То же считал и Сергий. Франциск исповедовал нищету, бродяжничество монахов, а Сергий запрещал уходить из монастыря и просить милостыню.

Монахи должны были трудиться и трудом своим зарабатывать хлеб. Сергий выполняет свою крестьянскую работу сам. Пафнутий Боровский перед смертью отдает распоряжение по хозяйству. Игумен Филипп Соловецкий технически благоустраивает монастырь, и именно это считается его главным подвигом на Соловках... Таких примеров особого отношения к труду у русских святых можно привести множество. Христианский идеал приобрел в России существенную добродетель — трудолюбие, заботу о богатстве всего коллектива, будь то монастырь, княжество, государство в целом или простая помещичья семья со слугами»***.

Современная исследовательница следующим образом резюмирует основные положения православной концепции труда:

«Человек должен стремиться к самосовершенствованию через труд. Поэтому *первое*, что характеризует православную концепцию

---

* *Толстой Л. Н.* Путь жизни. М., 1993. С. 115.

** *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 61.

*** *Лихачев Д. С.* Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992. С. 20.

труда, это то, что труд всегда рассматривался как проявление духовной жизни, а трудолюбие есть выражение духовности. *Второе.* Основные экономические категории (собственность, богатство, хозяйственный процесс, его эффективность, прибыль и др.) оцениваются с позиции праведности или неправедности их возникновения и использования. *Третье.* С точки зрения православной концепции труда хозяйственная деятельность должна быть общественно-полезной, то есть работой как на себя, так и на общество. *Четвертое.* Показателем общественной эффективности и условием спасения души богатых предпринимателей является благотворительность. *Пятое.* Одним из принципов, вытекающих из православного вероучения, является нестрогая прибыльность рыночного обмена, недопустимость извлечения выгоды любым путем. Например, девизом газеты «Биржевые ведомости» был следующий: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли». *Шестое,* что обязательно следует отметить, — это принцип соборности в православии. С точки зрения рыночных отношений он означает возможность для предпринимателя, придерживающегося православного вероучения, сотрудничества с представителями иных конфессий, иноверцами и атеистами («нет ни иудея, ни эллина»), поскольку православный человек считает, что только Бог знает, кто верующий, а кто нет. *Седьмое.* В православной концепции отсутствует идея избранности к спасению. Своими добрыми делами спастись может каждый, вставший на путь строительства царства Божия в себе, труд же — высшее мерило богоугодности человека»*.

Разумеется, в реальной жизни отношение к труду никогда не совпадает с тем, которое предписано религиозно-этической системой. Порой отступления весьма значительны и даже вопиющи. Тем не менее утверждать, что православная концепция труда не оказывала и не оказывает *никакого* влияния на отношение к труду в России, было бы ошибкой. Так или иначе, ее влияние можно обнаружить не только среди людей, считающих себя верующими, но и среди тех, кто не считает себя таковым. Общеизвестно, что ценностные установки, рожденные той или иной религией, в большинстве случаев не теряют своего значения даже в тех случаях, когда религиозная вера потеряна или отвергнута. Кроме того, важно не только то, как реально в жизни реализуются положения религиозно-этического учения. Важен *образ*, с позиций которого оценивается поведение и который задает ценностную шкалу, определяет, что является нормой, а что — отклонением от нее. Несомненно, что образ труда и хозяйственной деятельности сформировался в России под мощным влиянием православной религиозно-этической системы. Это можно ут-

* *Шамшурина Н. Г.* Идеология труда в России // Социс. 1994. № 8—9. С. 181—182.

верждать с той же определенностью, с какой ставший в последние годы чрезвычайно популярным известный социолог Макс Вебер (1864—1920) обосновал значение протестантского образа хозяйственной деятельности для становления западного капитализма, — о чем более подробно мы будем говорить в дальнейшем.

2. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ТРУДА В РОССИИ. ВОПРОС О «РУССКОЙ ЛЕНИ»

При всем огромном значении и высокой нравственной ценности труд и хозяйственная деятельность в целом в России нередко отличаются неорганизованностью, непродуманностью (нерациональностью), недостаточной тщательностью исполнения, расхлябанностью, невниманием к деталям, неаккуратностью. В советское время широкую известность получил то ли анекдот, то ли быль о том, что генеральный секретарь компартии США Гэсс Холл (естественно, положительно относившийся к советской системе), посетив ряд предприятий СССР, заметил: «У вас работают так, как у нас перекуривают». Впрочем, черты труда, о которых идет речь, — порождение отнюдь не советского времени. Неквалифицированность и некачественность труда в России — застарелая болезнь. Ее не может компенсировать даже присущая народу смекалка: тот, кто прочитал рассказ Лескова о знаменитом Левше, знает, что подкованная Левшой английская механическая блоха перестала танцевать!

Российский человек, несомненно, любит свою землю. «Мать-земля», «земля-кормилица» — подобные выражения весьма характерны для русской культуры. Поэтический образ земли вдохновляет русского человека на свершения, ей он доверяет свои самые сокровенные мысли и чувства. Герой В. Шукшина из «Калины красной» приникает к земле, чтобы поведать ей о горестных переживаниях и получить от нее заряд энергии. Вместе с тем в России не редкость невнимательное отношение к обустройству земли, ухаживанию за ней. Ф. Степун отмечал факты безлюбовного отношения крестьян к сельскохозяйственному труду, к земле. Эти факты он связывал с негативными последствиями крепостного права: «Крепостное право оказалось не призванным внедрить в крестьянское сознание влечение к тщательной, заботливой, любовной работе на земле»*. Любовь к земле приобретала часто абстрактный характер, становилась любовью к земле «вообще», а не к этой конкретной земле, которую следует обрабатывать, беречь, ласкать: «Несмотря на свою древнюю

* *Степун Ф.* Мысли о России. В кн.: Русская философия собственности. СПб., 1993. С. 336.

напряженность и страстную мечту о земле, о какой-то несбыточной земле на горизонте, земле-невесте, русский мужик ту землю, при которой жил и которой кормился, никогда почему-то не ласкал, как ласкают иной раз даже и надоевшую жену, а всегда гнул только в три погибели, как безответную и беззащитную работницу. С этою странною, раздвоенною психологией жадного и зрящего отношения к земле подошел русский мужик к революции»*.

Неухоженность и необустроенность земли (не только сельскохозяйственной) в России бросаются в глаза. Типичный российский пейзаж характеризуется чем-то на «авось» проложенным, кое-как из подручного материала слепленным, недостроенным, недоделанным, брошенным. Пыльные проселки, весной и осенью покрытые огромными лужами, покосившиеся дома и столбы, разбитые улицы провинциальных городов, не закрывающиеся плотно скрипучие двери — все это в России никого не удивляет и не зависит от политической или экономической системы. Так же как не зависят от них ухоженность и опрятность городов и деревень, например, в Германии. Причины этого отнюдь не носят мистического характера, а вполне поддаются рациональному истолкованию.

Одна из причин заключена в вековой привычке относиться к родной земле как к чему-то не своему, чужому. Российский человек словно постоянно ощущает временность своего существования здесь, в той точке пространства, где ему выпало жить. Ощущение временности, конечно, не может настраивать на то, чтобы обустраиваться капитально. Несомненно, отношение к родной земле как к «не своей» сформировалось под влиянием двухсотлетнего господства крепостного права, труда на барской, отчужденной земле. Такой же, отчужденной от хозяина оставалась земля и при советской власти. Другая причина состоит в том, что в России задача человека нередко состоит в том, чтобы просто выжить, а не в том, чтобы основательно обустроиться и стремиться к комфорту. Это связано как с природно-климатическими, так и с иными факторами. Еще одну причину можно усмотреть в трудностях освоения и обустройства в силу размеров территории, а они огромны. Плотность населения, даже в европейской части, относительно невелика. Людям просто не хватает сил и средств для освоения территории в полном объеме.

Короткий строительный сезон, необходимость покрывать большие расстояния для доставки материалов и многое другое превращают задачу качественного строительства любого объекта в весьма трудоемкую и сложную. Ее не просто решить даже в современных условиях, при наличии мощной и совершенной техники, не говоря уже о прошлых веках. Наконец, в России никто не может быть уве-

* *Степун Ф.* Мысли о России. С. 337.

рен, что созданное непосильным трудом не будет разрушено, отобрано, приспособлено не по назначению. Никто не может поручиться, что, например, государственной власти не придет в голову проложить шоссейную или железную дорогу именно там, где располагается поселок или другое селение, или создать водохранилище, разрушив и затопив постройки без всякой компенсации (в лучшем случае — ничтожной) их хозяевам, взорвать храм или превратить его на долгие десятилетия в склад, чтобы затем затратить колоссальные силы и средства на восстановление и реставрацию, и т. д. и т. п.

Широко распространено мнение о характерной привычке к *неритмичности* хозяйственной деятельности в России. Согласно этому мнению, российский человек склонен более к тому, чтобы выкладываться на небольшом отрезке времени, чем к длительному и регулярному приложению усилий. Часто много времени уходит на раскачку, и только затем следует взрыв активности, наступает период труда, исключительный по своей интенсивности. Эта характерная черта зафиксирована в изречении, приписываемом Бисмарку: «Русские долго запрягают, а затем быстро погоняют». С этой чертой часто связывают привычку мобилизовать усилия только в экстремальных ситуациях. «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится», — гласит русская пословица.

Характерную неритмичность трудовой деятельности принято объяснять ярко выраженной сезонностью сельскохозяйственного труда в России. Весьма краткий период относительно теплого лета, в который надо успеть выполнить большой объем сельскохозяйственных работ, быстро сменяется продолжительной зимой, когда крестьянину нечего или почти нечего делать. На связь привычки к неритмичности труда с сезонностью сельхозработ впервые обратил внимание В. О. Ключевский: «В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным нежданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великобритании»*.

* *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Т. 1. Лекция 17.

Именно от Ключевского идет представление о том, что «русские долго запрягают, но быстро погоняют», то есть о привычке к концентрации сил на небольшом отрезке времени и отсутствии навыков систематической, продуманной, постоянной работы. Ключевский же связал это качество с характерной сезонностью сельскохозяйственных работ в России. Однако, отправляясь от наблюдений историка, отечественный философ Н. О. Лосский дал им иную, и, как представляется, более глубокую интерпретацию.

Н. О. Лосский соглашается с Ключевским в той части, что «способность к крайнему напряжению труда на короткое время вырабатывается в связи с привычками, обусловленными климатом»*. Однако при этом он резонно замечает, что умение концентрироваться и трудиться исключительно напряженно требует еще одной предпосылки — наличия сильной воли. Сильная воля же не может быть прямым результатом особенностей климата, она связана с факторами духовного и культурного порядка. Кроме того, согласно Лосскому, из *способности* к крайнему напряжению труда на короткое время прямо *не вытекает неспособность* к ровному, систематическому и постоянному труду. Следовательно, последняя никак не связана с особенностями климата: «Что же касается непривычки к ровному, размеренному, постоянному труду, она обусловлена не климатом, а интересами русского народа, не зависящего от климата»**. Из контекста ясно, что под словом «интересы» имеются в виду те свойства народного характера, которые прямо не обуславливаются сезонностью сельскохозяйственного производства. Согласно Лосскому, непривычка к размеренному и постоянному труду есть не что иное, как частичная лень или частичная обломовщина. Здесь мы подходим к *вопросу «о русской лени»*.

Этот вопрос имеет длительную историю, а в последние годы неоднократно поднимался вновь. Резкие обличения русского народа в якобы присущей ему лени характерны для коммунистической идеологии 20-х — начала 30-х годов. Один из активных коммунистических деятелей того периода Н. Бухарин, не смущаясь, называл русский народ «нацией Обломовых»***. Подобные обвинения лежали в русле большевистской сверхреволюционности, направленной на радикальную и крутую перестройку бытия и резко отвергавшей прошлое. Совершенно очевидно, что лень никак нельзя отнести к коренным свойствам русского или какого-либо другого народа России. Ленивый народ был бы не в состоянии создать великую (при

---

* *Лосский Н. О.* Характер русского народа. В двух книгах. Посев, 1957. Кн. 1. С. 38.

** Там же. С. 38—39.

*** См. «Известия» от 21 января 1936 г.

всех ее особенностях и недостатках) цивилизацию. Поэтому измышления о лени как о якобы одном из характерных свойств народа России следует отбросить как несостоятельные.

Сказанное, однако, не означает, что лень в России не встречается или ее проявления — исключительная редкость. Российская лень действительно представляет собой особый феномен. Поэтому неслучайно она достаточно подробно описана в литературе, прежде всего в романе Гончарова «Обломов». Ее осмыслению вообще уделяется немало внимания в размышлениях о России. Что же такое «русская лень»? В чем ее особенности? Настолько ли лень, описанная в русской литературе, специфична, чтобы относить ее только лишь к России?

При ответе на последний вопрос надо прежде всего подчеркнуть, что образ лени, созданный Гончаровым, имеет универсальное, общечеловеческое значение: обломовщину он изобразил в тех ее чертах, в которых она встречается не только у русского народа, но и во всем человечестве. Лень Обломова — это *метафизическая* лень, то есть лень как одна из черт человеческого бытия вообще. На примере Обломова Гончаров исследовал феномен лени как таковой, всесторонне показал ее природу и особенности. Отрицать универсальные черты образа Обломова — значит неправомерно сужать значение романа, сводить его исключительно к российской тематике, рассматривать роман только лишь в качестве социальной сатиры на локальное, ограниченное явление. Мировая известность произведения русского писателя связана прежде всего с универсальностью созданного им образа, с тем, что автором в концентрированном выражении воссозданы черты одной из граней человеческого характера как такового, независимо от национальной принадлежности, общественного устройства, эпохи. Люди всегда и повсюду сталкиваются с проявлениями лени (разумеется, в большинстве случаев не в столь значительном объеме, в котором она присуща герою романа) — своей и чужой, так или иначе вынуждены решать задачу *преодоления* лени.

Было бы неправильным сводить обломовщину исключительно к социальным условиям, к влиянию общественного устройства. Для объяснения механизма русской лени исходной может послужить мысль Гоголя: человек «слишком сгоряча рванулся, желая, по русскому обычаю, показать свое самопожертвование; не расспросясь разума, не рассмотрев в жару самого дела, стал им ворочать, как знаток, и потом вдруг, также по русскому обычаю, простыл, увидевши неудачу»*. Таким образом, лень возникает вследствие утраты интереса к работе. Утрата интереса происходит тогда, когда выясняется, что выполнение работы требует кропотливости, методичности,

* *Гоголь Н. В.* Духовная проза. М., 1992. С. 124.

внимания ко всем деталям. Но именно этого часто и не хватает российскому человеку: как уже отмечалось выше, труд в России нередко страдает неорганизованностью, отсутствием методичности, невниманием к деталям. Следовательно, феномен российской лени оказывается во внутренней связи с недостаточной методичностью и организованностью труда. Для преодоления как лени, так и пороков в организации труда нет другого пути, как мобилизация воли, приложение дополнительных сознательно-волевых усилий. Так оно и бывает, когда работа доводится до своего завершения. Все великие и малые достижения любой страны как раз и являются результатом преодоления — преодоления лености, расхлябанности и плохой организации труда. И все наши достижения убедительно свидетельствуют о способности российского человека к такому преодолению.

3. ЧУВСТВО ФОРМЫ

Сказанное не дает, однако, ответа на вопрос о том, в чем причины недостаточной методичности труда в России — каков источник того, что труд в России часто не отличается тщательностью исполнения? Что этот источник не социально-политической природы, ясно из факта живучести черт, о которых идет речь: они существовали и в России дореволюционной, и в России советской, сохраняются и сейчас, в России «псевдорыночной». Морис Палеолог, посол Франции в России, в 1915 г. заметил, что «ясный и методический ум, склонность к определенности в действиях, понимание руководящих принципов и общих планов, ум инициативный, последовательный и систематический» — «качества, довольно редкие среди русских»*. Для всех эпох российской истории, столь различных во многих отношениях, вполне справедлив знаменитый этюд известного нашего сатирика М. Жванецкого «Щательней»: «Ну, ребята, общим видом овладели, — может, теперь и до деталей дойдете?» Ответ на поставленный вопрос об источнике недостаточной методичности и тщательности невозможно дать, не приняв во внимание *особенностей российской природы.*

Вернемся к некоторым уже приводившимся ранее высказываниям разных мыслителей на эту тему.

«Есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной, — писал Н. А. Бердяев. — В душе русского народа есть такая же необъятность и безграничность, устремленность и бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому

* *Палеолог Морис.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 156.

русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы»*. Обратим особое внимание на выражение «сравнительная слабость формы». С его учетом мысль Бердяева можно переформулировать так: природа России такова, что не способствует формированию *чувства формы*. Эту мысль можно встретить не только у Бердяева, но и у многих других русских мыслителей: человеку, живущему на бескрайней и в общем-то однообразной равнине, трудно дается чувство формы. Чтобы прояснить сказанное, всмотримся попристальнее в нашу природу.

Нельзя, разумеется, сказать, что природа России не разнообразна. Но разнообразие ее — особого свойства. Плавность переходов, невыраженность, неконтрастность, расплывчатость — вот характерные черты российского пейзажа. «Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление», — писал В. О. Ключевский. Можно проехать сотни километров в самых разных направлениях и почти не ощутить изменения пейзажа. Совсем иное бросается в глаза при взгляде, например, на природу Франции. Фернан Бродель особо обращает внимание на резкость переходов, характерную для ландшафта Франции. Приведем его слова еще раз, но теперь с целью объяснения характера труда и его продуктов: «Вообразите себе, что вы прощаетесь с темными елями, идущими под уклон лугами и вьющимися меж обрывистых склонов дорогами Юра и внезапно въезжаете на низкую и плоскую Бресскую равнину, поросшую травой, усеянную водоемами, прошитую стройными рядами деревьев... В мгновение ока вы попадаете в другой мир.

Или, например, вы едете из Парижа в Орлеан; за Этампом вы покидаете зеленеющую долину реки Жюин... подождите немного — и глазам вашим предстанет плоскогорье Бос с его широкими горизонтами, нескончаемыми полями пшеницы, колосящейся ровными рядами, и лугами, заросшими пунцовым клевером...

Иной раз достаточно проехать на машине четверть часа — *и все меняется стремительно, словно в театре за время антракта».*

Российские просторы настраивают на размышления о беспредельном, о вечном. Они способствуют широте взгляда, масштабности мышления, но не формируют внимательного отношения к деталям, отчетливости контуров образов и идей. Таково мнение, которое можно встретить у многих авторов. Заметим, что влияние ландшафта, конечно же, одинаково ощущают представители всех

* *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX—XX века. В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 44.

этносов, проживающих в России. Поэтому черту, о которой идет речь, более правильно называть не русской, а общероссийской.

С другой стороны, невозможно отрицать, например, что отчетливость очертаний («оформленность») западной природы находится в удивительной гармонии с рациональным стилем западного мышления и, соответственно, с отчетливой оформленностью продуктов творчества западного человека. Характерно, что подобную гармонию можно усмотреть и в особенностях языка. Общеизвестно, что французский язык требует гораздо большей напряженности и артикуляции, чем русский, в котором артикуляция более расслаблена, не требует особых усилий. Грамматический строй всех западных языков более строг и определен, легко поддается формализации, чего не скажешь о языке русском, который гораздо более свободен от формальных ограничений. Например, в нем не имеет столь большого значения порядок слов в предложении и многое другое, что характерно для западноевропейских языков. Следовательно, приходится признать, что ни особенности российской природы, ни характер русского языка действительно не настраивают на форму, на тщательную отделку деталей. Они как бы подталкивают к тому, чтобы сосредоточить первоочередное внимание на общем, масштабном, глобальном. Следовательно, природные условия, в частности особенности российского ландшафта, создают своеобразную *предпосылку* для особенностей менталитета. Последний же оказывает влияние на характер труда и его результаты.

«Редкая сеть железных и шоссейных дорог, разбросанные каменные города и усадьбы, бесконечные то топкие, то пыльные проселки, животрепещущие, горбатые мосты, которые надо объезжать вброд, бревенчатые, под соломою избы, шелудивые, из нечищеных жердей, плетни — все на авось проложенное, проезженное, протоптанное, кое-как, на глаз из подручного материала сложенное и справленное! Во всем изумительное единство стиля, основанное на полном подчинении форм жизненного устроения бесформенности застраиваемой земли, и варварское отсутствие всякого тяготения к культуре...»* Так выглядит типичный дореволюционный российский сельский пейзаж в описании Ф. Степуна. Приходится с сожалением признать, что российский пейзаж мало изменился с дореволюционных времен. «Изумительное единство стиля», подмеченное Степуном, сохранилось, несмотря и как бы вопреки социально-политическим и экономическим переменам, которые пережила Россия и равным которым по «крутизне» трудно вообразить.

Чувство формы в России следует культивировать сознательно и целенаправленно, не теряя при этом широты взгляда, масштабности подхода, присущих российскому характеру.

---

* *Степун Ф. А.* Мысли о России. С. 334.

4. ХАРАКТЕР ТРУДА И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В РОССИИ

Природно-ландшафтные факторы, разумеется, не являются единственными в своем влиянии на характер труда в России. На городской, индустриальный труд оказывают огромное влияние, в частности, те из них, которые связаны с особенностями процесса индустриализации в России.

Крестьянский труд требует разносторонности, одновременного владения многими навыками и умениями, в нем отсутствует или почти отсутствует специализация: один и тот же человек выполняет целый ряд самых разнообразных работ. Поэтому крестьянин — универсал по своей природе. Кроме того, крестьянин сам планирует и сам контролирует весь процесс в целом, все его стороны, от его начала и до конца. В отличие от этого, труд индустриальный, городской в большинстве случаев *требует глубокой специализации*, владения знаниями, умениями и навыками в одной, часто достаточно узкой сфере. Только специализация в условиях промышленного и всякого городского труда способна обеспечить тщательность исполнения и высокое качество. Кроме того, работник фабрики или завода, в отличие от крестьянина, как правило, лишен возможности самостоятельно планировать и контролировать весь процесс в целом: его труд является лишь небольшой частью, из множества которых и слагается процесс изготовления продукта. Весь же процесс в целом планируется и контролируется особой небольшой группой людей, среди которых, впрочем, также существует свое разграничение функций.

Как дореволюционная, так и советская индустриализация характеризовались высокими темпами, осуществлялись в короткий исторический период. В обоих случаях индустриализация сопровождалась массовым притоком в города в небольшой промежуток времени огромного числа сельских жителей, недавних крестьян. Естественно, они несли в город свои привычки и понятия, выработанные в деревне, связанные в первую очередь с особенностями крестьянского труда. Можно сказать, что становление городской цивилизации в России совершилось в короткий исторический отрезок — от 70-х годов XIX в. до 1914 г. (начала Первой мировой войны) и затем с 1929 г., когда советская власть поставила задачу ускоренной индустриализации всей страны.

Значительный переток населения из деревни в город сохранялся и в последующее время. В течение почти всего периода советской власти крупные города являлись центрами притяжения сельского населения. В результате громадное большинство горожан в России — это недавние сельские жители, сохранившие привычки и навыки деревенской жизни. Во всяком случае, такое положение можно констатиро-

вать относительно 60—80-х годов XX в., когда немногие жители городов могли считать себя горожанами во втором, третьем и более поколениях. Только относительно конца истекающего столетия и начала будущего справедливо говорить о том, что большинство жителей российских городов стали потомственными горожанами.

Освобождение в 1861 г. крестьян от крепостной зависимости создало предпосылки для подлинной индустриализации в России, для бурного развития городов, для появления множества городских профессий. Индустриализация в России явилась одним из проявлений того состояния «брожения» российского общества, в которое оно вступило после реформ 60—70-х годов XIX в. К началу XX в. города становятся центрами индустрии, перестают быть средоточением по преимуществу торговли. Крестьяне, направляющиеся в города, теперь в основной массе становятся фабричными рабочими, сохраняя при этом, разумеется, фундамент крестьянской психологии, выработанной под воздействием сельской жизни и особенностей крестьянского труда.

По своей универсальности труд крестьянский ближе к деятельности предпринимателя (о чем мы будем говорить в дальнейшем), чем к труду промышленного специалиста-инженера, мастера или фабричного рабочего. Требуется немало времени для того, чтобы отвыкнуть от крестьянского универсализма и усвоить навыки специализации, требующей взгляда не «в общем и целом», а тщательности и внимания к деталям на относительно небольшом участке. В большинстве случаев это реально достижимо только во втором-третьем поколениях, когда появляется возможность привыкать к городской жизни и овладевать городскими профессиями *с детства, с самого начала сознательной жизни*. Переход от сельского быта к городскому, от труда крестьянского к труду промышленному требует не только приобретения соответствующих знаний и навыков, но и системной перестройки всей психологии. Такая перестройка очень тяжело дается взрослому, сложившемуся человеку.

Показателен в этом отношении опыт по обучению рабочих и их подготовке к фабричному производству одного из представителей семьи Прохоровых — основателей и владельцев знаменитой Трехгорной мануфактуры в Москве. Тимофей Васильевич Прохоров, представитель второго поколения предпринимательской семьи, вообще уделял большое внимание вопросам обучения и образования. Перепоручив ведение дел сыновьям, он в последний отрезок жизни целиком посвятил себя делу просвещения и воспитания. О начале же его просветительской деятельности можно судить по следующему отрывку.

«В начале своей промышленной деятельности умный юноша ясно видел, что русскому рабочему при врожденной его сметливос-

ти недостает общего развития для усвоения технических знаний; он понимал, что без образования рабочей массы не может развиваться наша промышленность... Сначала Тимофей Васильевич сам лично занялся обучением взрослых рабочих чтению и письму. Как и следовало ожидать, рабочие намерения своего хозяина, да еще молодого, сочли за праздную затею... Холодно встреченный в своих начинаниях, Тимофей Васильевич не мог оставить без воплощения той мысли, в правоту которой он безусловно верил: он не мог отказаться от намеченной им цели — поднять умственную и нравственную сторону русского рабочего. «Должно быть, к решению вопроса я подошел не с той стороны, — сказал себе Тимофей Васильевич, — недаром сложилась в народе поговорка: «Горбатого исправит только могила». Недаром и в Писании сказано, что новое вино не следует вливать в старые мехи». Впоследствии Тимофей Васильевич, встретив полное сходство своего вывода с мнением Лейбница, как афоризм выписал его слова: «Преобразование человеческого рода совершается с преобразованием молодого поколения»*.

В дальнейшем фабрики Прохоровых пополнялись главным образом рабочими, прошедшими с детского возраста подготовку в специально созданной ремесленной школе.

Крестьянский труд отличается от городского вообще и промышленно-технического в частности еще и тем, что в нем принципиально невозможно предусмотреть всё, все возможные варианты: слишком многое в нем зависит от природы, от погодных условий. Крестьянину волей-неволей приходится полагаться на судьбу, на стечение обстоятельств. Прекрасно сознавая, что «всего не переделаешь», он в короткое российское лето ограничивается выполнением того, что составляет обязательный минимум, без которого будущий урожай не состоится и само существование крестьянской семьи будет поставлено под угрозу. Поэтому он привыкает сосредоточивать внимание на главном, без чего невозможно обойтись и что реально можно выполнить в короткий сезон сельхозработ. Таким образом, суровые условия крестьянского бытия в России вырабатывают привычку относиться ко всему по принципу «не до жиру, быть бы живу».

Приехав в город и приступив к труду на фабрике или заводе, недавний крестьянин, естественно, сохраняет присущий ему менталитет, согласно которому следует сосредоточить внимание на «главном», «основном», не придавая значения деталям. Неудивительно, что он может быть искренне (если исключить случаи откровенной недобросовестности) убежден в том, что если построенный им авто-

* *Бурышкин П.* Прохоровы // 1000 лет русского предпринимательства. М., 1995. С. 183.

мобиль завелся и поехал, то работа сделана хорошо; если собранный станок «худо-бедно» функционирует, то принципиальных претензий быть не может; если деталь можно с теми или иными усилиями «с грехом пополам» установить на место, то о большем и беспокоиться не нужно и т. п. Овладением «общим видом» и заканчивается процесс овладения профессией.

Примечательно то, что даже получение высшего образования далеко не всегда спасает от привычного взгляда «в общем и целом». Немалое число получивших диплом инженера отнюдь не всегда избавляются от приблизительности в своей работе и уверены, что знать детали не обязательно. Этим же пороком в России порой страдают не только технические специалисты. Музыкант и эстрадный исполнитель спешит появиться на сцене или на экране телевизора в полной уверенности, что тщательно отрабатывать детали музыкального произведения совсем не обязательно; политик думает, что интуиция его не подведет, а о глубоких знаниях вовсе не помышляет; журналист считает, что главное — получить доступ к газете или заполучить в руки микрофон, остальное «приложится» и т. п. Во многих случаях такого рода явления объясняются неизжитостью представлений, уходящих своими корнями в крестьянскую психологию, — невниманием к форме, к чему располагает характер российской природы и особенности крестьянского труда.

Особая сложность состоит в том, что в процессе овладения городской профессией важно не утратить внутренней свободы и раскрепощенности, широты духа, свойственных природной деревенской жизни, с характерными особенностями российской природы и крестьянского труда. Приобретение навыков тщательности и внимания ко всем деталям не должно сопровождаться превращением в человека, страдающего узостью взгляда, в человека «без полета», без фантазии, подобного чеховскому «человеку в футляре». Своеобразная «зауженность» нередко свойственна людям Запада, особенно западным европейцам (чего не скажешь о представителях США), что находит свое логическое объяснение в свете всего сказанного выше.

5. ДЕЛОВОЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Труд в российской ментальности тесно связан с особым отношением к слову. Со многими оговорками, о которых речь пойдет ниже, можно констатировать определенное недоверие к слову, невысокую цену слова как специфические черты российской ментальности. Представители иной, в частности западной, ментальности, не вполне понимая эту специфическую черту, нередко приходят к вы-

водам, нелицеприятным для россиян. Широко известно изречение, приписываемое Черчиллю: «Договор с русскими стоит не больше, чем бумага, на которой он написан». К сожалению, не менее искаженно, чем иностранцы, интерпретируют эту черту некоторые отечественные авторы. Так, Ф. И. Гиренок трактует ее следующим образом: «Слово не свято. Оно принадлежит крестьянину на правах частной собственности. Он слово дал, он слово взял. Правда невербальна. А потому ложь словесная совместима с абсолютной правдивостью»*. Остается непонятным, как на такой основе («слово дал, слово взял») вообще можно строить какие-либо экономические и нормальные межчеловеческие отношения, не говоря уже о так называемой «моральной экономике», за которую ратует автор.

Действительно, «правда невербальна», или, говоря точнее, не сводится к словам, целиком в них не выразима. Глубокое понимание этого обстоятельства следует считать одним из коренных свойств российской ментальности. На понимании того, что суть бытия не сводится к словам, основывается особое качество российского менталитета, которое можно квалифицировать как *деловой материализм* и на которое следует обратить особое внимание. Пока же замечу, что отнюдь не принцип «слово дал, слово взял» лежит в основе деятельности дореволюционных российских предпринимателей. Напротив, в дореволюционном российском предпринимательстве верность данному слову ценилась исключительно высоко. Еще в XIX в. К. Леонтьев привел характерный пример известного ему российского предпринимателя: «Он очень честен и, несмотря на суровость своего религиозного удаления от иноверцев, слывет добрым человеком. По многим сделкам своим он расписок не дает; постояльцы, когда платят ему за дом, не требуют с него расписки в получении; ему верят так»**. Характерная для русского предпринимателя («купца») верность данному слову показана, например (правда, в негативном свете), в фильме Н. Михалкова «Жестокий романс».

Было бы правильным трактовать характерно российское недоверие к слову совсем иначе. Если, согласно Конфуцию, «искусный на слова не щедр на дела милосердия», то, согласно российской ментальности, «искусный на слова» вызывает подозрения в неделовитости. Таким образом, характерное российское отношение к слову может быть правильно понято в общем контексте российской ментальности и ее особой черты, которую можно квалифицировать как деловой материализм. Эта черта связана, как отмечалось, с глубоким

---

* *Гиренок Ф. И.* Моральная экономика: третий путь // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 1999. № 1. С. 49.

** *Леонтьев К.* Записки отшельника. М., 1992. С. 395.

понимаем того, что суть дела не сводится к словам, что корень бытия, его «правда» не исчерпывается словесными формулировками, сколь бы правильными и совершенными они ни были. Деловой материализм подчеркивает, в частности, приоритет установки на конкретное дело, на практически ощутимый результат. «Слово есть проект дела», — утверждал русский мыслитель Н. Ф. Федоров. В деловом материализме выражается своеобразная духовная трезвость, предохраняющая от иллюзий, от бесплодного «воспарения» к заоблачным высотам.

Именно эту черту российской ментальности подметил В. Г. Белинский в знаменитом письме Н. В. Гоголю, и именно ее он противопоставил утверждению Н. В. Гоголя о глубокой религиозности русского народа. Следует, однако, отметить, что Белинский сформулировал ее в свойственной ему резко-полемической манере, впрочем, вполне объяснимой с точки зрения его убеждений. Кроме того, вопрос о том, насколько отмечаемые великим русским критиком черты народного характера могут быть противопоставлены религиозности, более сложен, чем это вырисовывается из его слов. Тем не менее мысль Белинского нельзя не признать показательной: «Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже духовенству, ибо несколько отдельных исключительных личностей, отличающихся тихою холодною аскетическою созерцательностью, ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическим педантством да диким невежеством. Его грех обвинять в религиозной нетерпимости и фанатизме, его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных по своему духу массе народа и столь ничтожных перед нею численно»*. Оставив в стороне категоричность суждений, обратим особое внимание на утверждения о том, что мистическая экзальтация не в натуре русского народа и что у него много «ясности и положительности» в уме. Это именно те черты, которые можно отнести к деловому материализму. Вопреки мнению Белинского, они вполне совместимы с религиозным мировоззрением. Во всяком случае, православно-русская религиозность ярко демонстрирует подобную совместимость.

---

* *Белинский В. Г.* Избранные философские произведения. В двух томах. М., 1948. Т. 2. С. 516—517.

Легко заметить, что среди почитаемых русских святых мало найдется таких, которые провели жизнь исключительно в аскетических упражнениях, стоя на столбе или закрывшись в пещере (что характерно, например, для святых византийских). Да и почитаются они не за свой аскетизм, а прежде всего за конкретные дела. Так, почитание Сергия Радонежского основывается главным образом на том, что ему удалось в глухом, безлюдном лесу основать и построить монастырь, направить в войско Дмитрия Донского воинов-монахов, вдохновить князя на победу, то есть на конкретных делах. В ранее приведенных отрывках из произведений Г. П. Федотова и Д. С. Лихачева особо подчеркивается практическая деятельность, деловитость русских святых-подвижников. Показательно и то, что такой предельно искренний религиозный мыслитель, как С. Н. Булгаков, обозначал свое воззрение термином «религиозный материализм». Этим же термином А. Ф. Лосев счел возможным характеризовать религиозную философию Вл. Соловьева. Особенности стиля русского мышления, основанного на православии, нашли свое отражение в стихотворении Вяч. Иванова «Русский ум». В нем подчеркивается ясность и трезвость русского ума, его ориентированность на конкретное, жизненное. В последних строках стихотворения о русском уме говорится:

Как сквозь туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он трезво судит о земле,
В мистической купаясь мгле!

Таким образом, подчеркивается, что подъем к мистическому служит тому, чтобы более трезво судить о земном, которое само по себе таково, что способно вводить в заблуждение, порождать иллюзии. Эта же ориентация на духовную трезвость, на здравый смысл сохраняется, разумеется, и в безрелигиозном мировоззрении.

Деловой материализм проявляется также в отрицательном отношении ко всякого рода «заумности», к длинным и запутанным рассуждениям. Такого типа рассуждения либо отвергаются прямо, либо воспринимаются как не имеющие прямого отношения к жизни, как ритуал, который приходится терпеть, по принципу: «Мели, Емеля, твоя неделя». Тот же деловой материализм можно усмотреть в характерном отношении к теории: высоко оценивается лишь теория, обещающая конкретные результаты. Русской ментальности весьма трудно дается понимание мысли, подобно высказанной Аристотелем: «Философия — самая бесполезная из наук, но нет ничего лучше философии». Как и другие античные авторы, Аристотель наиболее высоко оценивал чистое умозрение. В его глазах связь теории с практикой замутняет чистоту теоретического взгляда, с одной стороны, а с

другой, — только чистое, «незаинтересованное» мышление, не ориентированное ни на какие практические нужды, способно доставлять подлинное удовольствие. Вероятно, восприятие марксизма именно в качестве теории, прямо обещающей реальные практические результаты, не в последнюю очередь повлияло на его распространение в России. По тем же причинам немалой популярностью во второй половине XIX в. пользовался в России утилитаризм И. Бентама.

Деловой материализм как черта российской ментальности имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Говоря более точно, он способен порождать соблазны, приводящие к отрицательным последствиям. Одним из таких соблазнов является нигилизм по отношению к культуре.

Как известно, далеко не все произведения культуры приносят ощутимые результаты в смысле непосредственного улучшения материальных условий жизни. Более того, значительная часть продуктов культурного творчества изначально вовсе и не ориентирована на практические нужды. В этом состоит самоценность культуры: культура ценна сама по себе, безотносительно к ее полезности, утилитарности. Ее оправдание лежит в сфере более высокой, чем сфера утилитарности, — быть способом саморазвития человека, обогащения его духовного мира, сферой свободной игры творческих сил. Культура является также сферой идеалов и ценностей — того, что, по словам С. Н. Булгакова, «человек ставит выше себя и над собой».

Нигилизм в отношении к культуре, таким образом, представляет собой отрицание ценностей и идеалов. Нигилизм подходит ко всему с позиций узкой утилитарности, сиюминутности, полезности, признает лишь то, что приносит непосредственный результат, то, что ощутимо. «Нигилизм — безобразное и безнравственное учение, отвергающее все, что нельзя ощупать» — такое определение дал в своем знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимир Даль. К сожалению, нигилизм — не слишком редкое явление в России. Его можно считать своеобразной оборотной стороной российского делового материализма, о котором идет речь. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что деловой материализм отнюдь не всегда ведет к отрицанию культуры, к отрицанию ценностей сверхутилитарного порядка. Жесткой, необходимой связи здесь нет. Как в ментальности отдельного человека, так и в ментальности народной они могут быть совмещены, сосуществовать, не вступая в противоречие.

В российской ментальности деловой материализм уживается с высокой духовностью так же, как в американской прагматизм в качестве доминирующей ментальной установки уживается с романтикой любви «Унесенных ветров» и сострадательностью «Хижины дяди Тома». Ничего удивительного в этом нет, поскольку, в отли-

чие, например, от научной теории, ментальность может вмещать в себя самые противоположные тезисы, утверждения, ценности. Они не вступают в конфликт между собой, поскольку относятся к различным частям ментального поля, непосредственно не соприкасаются между собой.

6. ТРУД ФИЗИЧЕСКИЙ И ТРУД ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ

С деловым материализмом тесно связано подозрительное отношение к труду интеллектуальному. Недоверие к труду интеллектуальному сопровождается всяческим подчеркиванием значения труда физического. Это тоже черта российской ментальности. Она с удивительной устойчивостью сохраняется на протяжении столетий. Ярко представлена она в воззрениях Л. Толстого. Думается, Толстой подметил ее в своих наблюдениях над народной жизнью, довел в рамках своей концепции до самого предела, до крайности. В свою очередь, толстовские воззрения оказали обратное влияние на народный менталитет.

Нравственный идеал Толстого покоится на противопоставлении труда и праздности. Труд, по его представлениям, это труд физический, прежде всего труд на земле, крестьянский. Такой труд служит нравственному совершенствованию человека. Более того, занятия физическим трудом открывают человеку путь к истине лучше, чем это способны сделать наука и образование. Толстой «обоготворял физический труд, в котором искал спасения от бессмыслицы жизни. Но у него было пренебрежительное и презрительное отношение ко всякому духовному труду и творчеству»*. Сам Толстой в зрелые годы уделял немало времени физическому труду (вспомним картину И. Е. Репина «Толстой на пашне»): собственноручно сшил сапоги для Афанасия Фета, вместе с художником Н. Н. Ге строил дом для крестьянина-погорельца и т. д.

В физическом труде Толстой видел главное средство «опрощения» — слияния с «простым» народом. При этом преклонение Толстого перед физическим трудом заходило столь далеко, что запах пота, мозоли на руках и даже появление на теле человека насекомых он рассматривал как свидетельство подлинного опрощения (см.: Толстой Л. Н. Сказка об Иване Дураке). В человека, живущего и работающего на земле, вселяется то самое божественное начало, которое соединяет его с другими людьми и со всем духовным человечеством. Нравственный идеал наиболее ярко представлен Толстым в образе Платона Каратаева в романе «Война и мир».

---

* *Бердяев Н. А.* Духи русской революции. В сб. «Из глубины». М., 1991. С. 84.

В толстовских воззрениях отчетливо просвечивает порой свойственное российскому менталитету представление о «сермяжной правде». «Сермяжная правда», по Толстому, заведомо выше той правды, которую несут наука и просвещение. Истинная и глубокая правда принадлежит людям, занятым физическим трудом, тогда как занятия трудом интеллектуальным уводят в сторону от этой правды. Сколько бы человек ни потратил времени и усилий на изучение наук и чтение книг, он никогда не постигнет той мудрости жизни, которая открывается через тяжелый физический труд. Поэтому средний представитель «простого» народа всегда выше самого образованного интеллигента в том отношении, что ему доступна истина более высокого порядка, чем та, которую можно вычитать в книгах, приобрести посредством приобщения к образованности и культуре. Отсюда следует, что интеллектуальный труд не способен принести реальную пользу, а в своей глубинной сущности есть не более чем скрытая форма праздности.

Преклонение перед физическим трудом, тесно связанное с презрительным отношением к труду интеллектуальному, было использовано большевиками в целях разжигания классовой розни. Кроме того, оно трансформировалось ими в учение о «классовом чутье», согласно которому сама по себе принадлежность к «трудящимся» якобы обеспечивает наилучшие условия для понимания всех проблем. Классовое чутье способно и призвано заменить знания и компетентность. Оно якобы дает неоценимые преимущества данному классу перед другими — неким внутренним чутьем прозревать истину, принципиально недоступную представителям иных классов, сколь бы они ни были учены и знающи. Таким образом, концепция «классового чутья» в действительности обосновывала и защищала *обскурантизм* — отрицание значения знания, просвещения, науки. Она, в частности, использовалась для пропагандистского оправдания в 30—50-е годы гонений на такие отрасли науки, как генетика и кибернетика, а также для отвержения практически всех достижений дореволюционной и эмигрантской общественной мысли.

В рамках ментальной установки преклонения перед трудом физическим и, соответственно, подозрительного отношения к труду интеллектуальному выработался устойчивый стереотип восприятия человека, занятого интеллектуальным трудом, — интеллигента, ученого. Этот стереотип в советское время очень ярко представлен в образе Паганеля из фильма «Дети капитана Гранта». Это чудак, обязательно в очках или пенсне, всецело поглощенный своей наукой, не приспособленный к реальной жизни, беспомощный и наивный. Истоки происхождения этого стереотипа объяснить весьма сложно, если принять во внимание, что личности большинства оте-

чественных ученых никак не укладываются в его рамки. Действительно, кого бы из крупных отечественных деятелей науки мы ни взяли — Ломоносова, Менделеева, Бутлерова, братьев Вавиловых, Капицу и многих других, не говоря уже о Королеве и Курчатове, — ни один из них ни в коей мере не соответствует образу беспомощного человека в пенсне. Напротив, им присущи здравый смысл, деловитость, решительность, отчетливая практическая ориентация, реализм. Очевидно, что ментальный стереотип, сложившись и обретя силу, может просто не замечать реальных фактов, игнорировать их. Сознание носителя стереотипа не видит находящегося перед глазами, если последнее не соответствует стереотипу и не привлекло внимание чем-то чрезвычайным, выбивающимся из общего ряда, ярким. Опровергающие факты могут при этом находить объяснение, не затрагивающее основ стереотипа, оберегающее его.

Установку на обскурантизм, отвергающий положительное значение знания и просвещения, можно считать еще одной (наряду с нигилизмом по отношению к культуре) оборотной стороной делового материализма, о котором велась речь ранее. Далеко не всегда последний влечет за собой обскурантистское неприятие образованности. Для делового материализма может быть характерно также и уважительное отношение к знанию, просвещению, науке. Обскурантизм — это своеобразный «выверт», *искажение* вполне здорового и ценного качества российской ментальности, каким является деловой материализм.

Надо заметить, что интеллектуальный труд в России нередко страдает теми же недостатками, что и труд физический: неорганизованностью, невниманием к деталям, недостаточной тщательностью исполнения и т. д. В. В. Розанов с присущими ему самоиронией и откровенностью отмечал: «Отсюда столько ошибок: дойти до книги и раскрыть ее и справиться — для меня труднее, чем написать целую статью. «Писать» — наслаждение; но справиться — отвращение. Там «крылья несут», а тут — должен работать: но я вечный Обломов»*.

Нередко рассуждения и выводы строятся на идеях и мыслях авторов, произведения которых остались непрочитанными и сведения о которых почерпнуты из вторичных и не очень надежных источников. Это говорит о том, что недостаток терпения и методичности в работе столь же свойствен труду интеллектуальному, сколь и физическому. Розанов, в частности, признает: «Из Шопенгауэра (пер. Страхова) я прочел тоже только первую половину страницы (заплатив 3 руб.): но на ней-то *первою строкою* и стоит это: *«Мир есть мое представление»*.

---

* *Розанов В. В.* Соч. Л., 1990. С. 97.

— Вот это хорошо, — подумал я по-обломовски. — *«Представим»,* что дальше читать очень трудно и вообще для меня, собственно, не нужно»*.

Розанов прекрасно знал литературную, писательскую, публицистскую, околонаучную и околофилософскую среду своего времени, поэтому его слова можно отнести не только к нему самому. Впрочем, Розанову, очевидно, приходилось затрачивать немало сознательных усилий для преодоления в себе отмеченного недостатка. В том, что делал он это не без успеха, убеждают его произведения, отличающиеся мастерством, тщательностью и выверенностью исполнения. То же самое можно сказать обо всех выдающихся отечественных мыслителях и ученых: им, безусловно, удавалось преодолеть склонность к расхлябанности, неорганизованности. Методичностью и систематичностью отличались интеллектуальные занятия многих отечественных деятелей культуры. Ярким примером тому может служить деятельность крупнейшего историка С. М. Соловьева, в течение почти 30 лет ежегодно подготавливавшего к публикации очередной том своей «Истории России». Такой же регулярностью характеризовался и труд таких авторов, как В. О. Ключевский, А. Ф. Лосев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Д. И. Менделеев и многие другие.

Среди массива отечественных произведений немало таких, которые страдают неопределенностью, неотчетливостью, авторы которых «растекаются мыслию по древу», или, иначе говоря, не придали произведению нужную форму, невнимательны к форме. Как уже отмечалось, природные и иные факторы приучают российский дух к первоочередной ориентации на общее, глобальное, поэтому форма не воспринимается как нечто несущественное. Между тем только определенность формы придает произведению законченность, а мысли — ясность и отчетливость. «Жизнь — это энергия ума», — совсем не случайно заметил глубокий знаток и ценитель формы Аристотель. Именно проработка формы требует особой мобилизации умственной энергии, тогда как момент зарождения идеи, как правило, предполагает внутреннюю раскрепощенность, свободный полет духа, если угодно — праздность и даже леность.

Да, элементы лени составляют необходимую и весьма важную часть интеллектуально-творческого труда. Это надо признать со всей решительностью. Однако столь же решительно надо подчеркнуть, что лень способна сыграть положительную роль только на одной из фаз творчества — на стадии зарождения замысла, идеи. Лень или ленивое состояние духа способствуют фантазии, воображению, рождению мыслей — не вполне ясных, но уходящих далеко

* *Розанов В. В.* Соч. С. 97.

за пределы непосредственно доступного, в мир вольной импровизации. Без всего этого интеллектуально-творческий труд невозможен. Поэтому хотя прав и Н. Заболоцкий, призывавший в известном стихотворении: «Не позволяй душе лениться!» — но иногда, право же, можно и позволить. Лень непродуктивна и опасна, если она становится перманентным состоянием души, если вслед за ничем не скованным воображением, вслед за периодом безмятежности и безграничной внутренней свободы не наступает период концентрации, сосредоточенности. На этапе концентрации неизбежен элемент самоконтроля и самопринуждения, поскольку только он позволяет обеспечить внимание ко всем деталям, к четкой и определенной форме. Чередование периодов лени и внутренней концентрации характерно для творчества Пушкина. Замечу, что, как ни покажется странным, чувство формы нелегко давалось даже Пушкину, чей поэтический гений и дар импровизации, казалось, избавляли его от специальных забот по поводу формы.

«Пушкин всю жизнь предавался внешнему и внутреннему созерцанию, — отмечал И. А. Ильин, — и воспевал «лень»; но чувствовал, что он имел *право* на эту «лень», ибо вдохновение приходило к нему именно тогда, когда он позволял себе свободно и непринужденно пастись в полях и лугах своего созерцания. И, Боже мой, что это была за «лень»! Чем заполнялась эта «пассивная» и «праздная» созерцательность! Какие плоды она давала!..

Пушкин был весь — игра, весь — творческая легкость, весь — огонь импровизации, — подчеркивал И. Ильин. — Не за это ли друзья его — Жуковский, Вяземский, Дельвиг — прозвали его «Сверчком»? И вот на протяжении всей своей жизни он учится духовной концентрации, предметному вниманию, сосредоточенному медитированию. Вот что означает его признания:

«Учусь удерживать вниманье долгих дум»;
«Иль думы долгие в душе моей питаю»;
«И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине».

И на протяжении всей своей жизни он требует от своего импровизаторского дара *совершенной формы*. Строгость его требований к себе была неумолимой. Он всегда чувствовал, что он «должен» сказать и чего он «не властен» и «не смеет» сказать... И вот его завещание русскому народу: гори, играй, импровизируй, но всегда учись сосредоточенному труду и требуй от себя совершенной формы»*.

---

* *Ильин И. А.* Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 346—347.

7. РОССИЙСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ ИДЕОЛОГИИ

Внедрение в сознание людей негативного образа дореволюционного отечественного предпринимателя являлось одной из важнейших задач идеологии и пропаганды советского периода. Важность этой задачи прямо вытекала из необходимости оправдания новых революционных порядков, придания им видимости легитимности. Сконструированный идеологией и пропагандой образ капиталиста (как и помещика, священника, представителя государственной власти) непременно наделялся самыми отрицательными чертами. Скупость, эгоизм, нечестность, переходящая в мошенничество и воровство, грубость, жестокость по отношению к трудящимся, а нередко пьянство, разгул и разврат — из этих черт должен был, по замыслу партийных идеологов, складываться образ российского предпринимателя в сознании советских людей. Надо сказать, что они во многом достигли своей цели — именно в негативном свете стал рисоваться образ капиталиста поколениям советских людей, родившихся после 1917 года. Приходится также с сожалением констатировать, что ложный образ капиталиста, созданный партийно-государственной идеологией советского периода, лег в основу поведения немалого числа современных российских предпринимателей, для которых названные выше отрицательные черты воспринимаются едва ли не в качестве нормы, как для хозяйственной, так и для повседневной жизни.

Формированию и поддержанию всецело негативного образа дореволюционного предпринимательства способствовало сокрытие подлинной информации о нем. Все дореволюционные и эмигрантские публикации на данную тему находились под запретом и были недоступны массовому читателю в течение всего советского периода. В результате даже имена крупнейших из дореволюционных деятелей торговли и промышленности были стерты из памяти россиян. Оставшихся известными можно пересчитать на пальцах, да и то их известность оказалась связанной со специфическими обстоятельствами их биографии. Так, Савва Морозов известен почти исключительно благодаря его связи с Горьким и той помощи, которую он якобы оказывал революционерам (подробнее об этом см. ниже), братья Третьяковы — благодаря Третьяковской галерее, Савва Мамонтов — благодаря усадьбе Абрамцево и покровительству искусствам и т. п. Что же касается собственно предпринимательской деятельности, то о ней попрежнему известно очень мало — даже в отношении названных предпринимателей, не говоря уже о множестве других.

Между тем в дореволюционной России, а также в кругах русской эмиграции изучению предпринимательства уделялось немалое вни-

мание. Конечно, русским ученым, прежде всего из-за краткости того периода, в который отечественному капитализму суждено было развиваться предельно свободно и динамично, как и по иным причинам, не удалось создать фундаментальных трудов о предпринимательстве, подобных созданным на Западе. Речь идет в первую очередь о работе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), о работе Вернера Зомбарта «Буржуа» и других, ставших классическими. Однако и то, что сделано такими авторами, как С. Н. Булгаков, В. П. Безобразов, П. А. Бурышкин, Гинс, Ч. М. Иокимович и другие, раскрывает многие грани предпринимательства вообще и российского в частности.

Миф о «непредприимчивости» российского человека, о его инертности и лености опровергается множеством фактов, причем относящихся к разным периодам истории России. Об этом свидетельствует, например, детально исследованное развитие в XVIII в. Осташковской слободы (затем г. Осташков) на берегу озера Селигер*.

Этот небольшой русский городок на берегу прекрасного озера по сегодняшний день остается излюбленным местом туристов на берегу Селигера и паломников в расположенную рядом Нилову пустынь. К сожалению, возможности небольшого старинного городка и его окрестностей для ознакомления с русской природой и историей, с благочестиво-православным и упорядоченным бытом используются далеко не полностью. Он бы мог стать одной из жемчужин туризма, прежде всего иностранного, что, несомненно, способствовало бы преодолению ложных мифов и искаженных представлений о России, свойственных людям Запада. (См. более подробно об этом главу «Россия в западном восприятии».) Развитие иностранного туризма сулило бы в том числе и немалые прибыли. Это тем более уместно, что в прошлом осташковцы славились своей предпринимательской хваткой.

К середине XVIII в. в Осташковской слободе уже было развито торговое рыболовство, образовался рыбный рынок, на который поставлялась продукция не только из местного озера и близлежащих рек, но и с Невы и Финского залива. Уловы на озере Селигер, особенно в плесах, в те времена были исключительно богатыми: за один завод невода вытаскивали 19—20 возов судаков и лещей, а порой и по 40. В середине того же века здесь начинает развиваться кожевенное, кузнечное, сапожное дело. Крупнейшим среди кожевенных заводов становится завод А. Г. Савина — родоначальника известной фамилии фабрикантов. На привозном с Урала железе начинает развиваться металлообрабатывающая промышленность. Многие

* *Хорькова Е. П.* История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998.

осташковские предприниматели владели не только соответствующими промышленными и торговыми предприятиями, но и речными судами. Производство в городе постепенно расширяется настолько, что к середине XVIII в. 25% мужского населения были наемными работниками.

Выдающимся предпринимателем стал Савва Яковлев — выходец из осташковских крестьян. Сначала он занимался торговлей мясом, и ему посчастливилось стать поставщиком императорского двора и армии. Вскоре он получил винные и иные откупы в столицах. По указу императрицы Елизаветы Петровны он был возведен в потомственное дворянство. Им был основан кожевенный завод в Петербурге, модернизированы уральские металлургические заводы графов Воронцовых и графа Ягужинского. Всего он купил 17 и построил 5 горнометаллургических заводов на Урале. В Ярославле он приобрел полотняное производство, впоследствии превратившееся в Ярославскую Большую мануфактуру.

Сегодня вряд ли есть необходимость убеждать, что предпринимательство — занятие по своей сути непростое, требующее особых качеств и подготовки; это наука и искусство, дающиеся большим трудом, напряжением воли и моральных сил. Далеко не каждый способен выносить состояние постоянной напряженности, требующей неустанных усилий, чтобы действовать в условиях риска и непредсказуемости, присущих предпринимательской деятельности во все времена и во всех странах. А потому опыт прошлых поколений предпринимателей оказывается не просто значимым, но поистине бесценным. Однако на пути понимания и оценки этого опыта стоят немалые трудности, связанные с преодолением ряда мифов и ложных стереотипов, а порой и намеренной дезинформации. Каким же образом создавались такие мифы? Обратимся к истории Саввы Морозова в интерпретации Горького.

«Ведь этот самый Савва Морозов, — писал Горький, — отец его пришел в лаптях... В 62—63 году пришли эти люди с сильным соком и взялись за дело, начали строить фабрики, заводы, судоходство развивать. Судоходство на Волге было создано с такой быстротой, которой американцы, умеющие работать очень и очень хорошо, только удивлялись. А кто это создал? Сироткины, Журавлевы. Это все мужичье...» Вместе с тем Горький подмечает, как ему представляется, характерную черту российского предпринимательства — истощение предпринимательской энергии в последующих поколениях. «И вот приходит такой человек и начинает работать, заставляет детей своих работать... и на это дело, как видно, тратит свои лучшие соки, и как производителю, как отцу ему чего-то не хватает. Дальнейшая стадия — сын работает уже по инерции, без того пафоса, без той поэзии труда, без той страсти, с которой работал его

отец... В третьем поколении люди начинают вырождаться... Это, вероятно, происходит потому, что дед вложил всю свою силу в это дело, на сына не хватило, а у сына — на внука — тоже не хватило энергии»*.

Замечу, что Савва Тимофеевич Морозов, с которым был близко знаком Горький, — предприниматель в третьем поколении. Отец его отнюдь не «пришел в лаптях», а был состоятельным и уже вполне городским человеком. Горький не мог не знать об этом. Такая «забывчивость» не может не наводить на размышления: а не явился ли Горький одним из сознательных творцов того ложного мифа о Савве Морозове, который живет по сей день?

Согласно этому мифу, Савва Морозов якобы «жестоко подавлял выступления рабочих мануфактуры и одновременно строил бесплатные дома и больницы. Боялся революции — и помогал деньгами революционерам», а потому в его характере Горький обнаружил «как раз те противоречия и разрывы, что так свойственны русскому человеку...»**. Как видим, перед нами тот самый пресловутый навязчивый тезис о «противоречивости», якобы свойственной русской душе и России в целом, который нами уже был рассмотрен. Возможно, он применим к самому Горькому, однако о характере Морозова у нас нет достоверных данных, чтобы приклеивать ему этот ярлык и использовать его в качестве очередного повода для бесплодных стенаний о мнимой русской противоречивости. Обстоятельства и причины трагической кончины С. Т. Морозова остаются и поныне не вполне выясненными.

Есть серьезные основания сомневаться и в том, насколько добровольно Морозов передавал деньги большевикам. В передаче денег участвовал Горький и бывшая любовница Морозова М. Ф. Андреева, и не исключено, что у них были причины не предавать огласке все действительные мотивы, обстоятельства и механизмы передачи значительных сумм. Во всяком случае, по версии полиции, Андреева, бывшая активной участницей большевистской организации, шантажировала Морозова, опираясь на членов боевой террористической группы большевиков, во главе которой стоял Красин. Приведем слова из донесения в Департамент полиции относительно обстоятельств смерти Морозова. «По полученным мною из вполне достоверного источника сведениям, — пишет агент полиции, — покойный Савва Морозов еще задолго до смерти своей находился в близких отношениях с Максимом Горьким, который эксплуатировал средства Морозова для революционных целей. Незадолго до выезда из Москвы Морозов рассорился с Горьким, и в Канн к нему

* Цит по: *Голубков М. М.* Максим Горький. М., 1997. С. 24.
** Там же.

по поручению Горького приезжал один из московских революционеров, а также революционеры из Женевы, шантажировавшие покойного, который был к тому времени психически расстроен. Под влиянием таких условий и угроз Морозов застрелился. Меры по выяснению лица, выезжавшего из Москвы в Канн для посещения Морозова, приняты»*.

Судя по всему, Морозов помимо своей воли оказался втянутым в одну из тех грязных и темных историй, которыми так изобилует деятельность большевиков и концы от которых тщательно прятались ими на протяжении всего советского периода. Достаточно вспомнить получение денег от германского военного командования во время Первой мировой войны, переезд в Россию в «экстерриториальном» вагоне на деньги того же командования, взаимоотношения Ленина, Крупской и И. Арманд, пакт Молотова—Риббентропа, убийство Кирова, убийство царской семьи — самое жестокое и чудовищное, правда о котором скрывалась на протяжении долгих десятилетий.

Отношение Саввы Тимофеевича к рабочим ни в коей мере нельзя характеризовать как жестокое, и уж к подавлению их выступлений он не имел никакого отношения. Вот что пишет дореволюционный автор: «После Тимофея Саввича фактическим руководителем Никольской мануфактуры стал его старший сын Савва Тимофеевич Морозов, за время правления которого мануфактура достигла выдающегося положения не только у нас в России, но и за границею. При нем не только производство усовершенствовалось и развивалось, но и положение рабочих улучшилось. Им был ликвидирован знаменитый бунт рабочих в 1885 году, вызванный применением его отцом больших штрафов и неимением для рабочих фабричных квартир. Савва Тимофеевич штрафы почти совсем отменил. Для рабочих выстроил много хороших благоустроенных казарм, медицинскую помощь поставил образцово, и, наконец... он решил привлечь рабочих к участию в прибылях товарищества мануфактуры. Но последнее не было одобрено матерью, Марией Федоровной, которая, как главная пайщица и директриса-распорядительница мануфактуры, в апреле месяце 1905 года устранила Савву Тимофеевича от управления фабрикою, что и послужило причиною его трагической кончины 13 мая того же года»**.

Очевидно, что в последнем выводе автор излишне категоричен. Ссора с матерью и последующее отстранение от дел, конечно, не могли не повлиять на моральное состояние Саввы Тимофеевича.

---

* Цит по: *Морозов С.* Дед умер молодым. М., 1984. С. 187—188.

** *Иоксимович Ч. М.* Морозовы. Цит. по: 1000 лет русского предпринимательства. М., 1995. С. 128.

Они наложились и на одновременные неприятности в отношениях с Горьким и Андреевой, что еще более осложняло положение. Поэтому отъезд в Ниццу был, вероятно, продиктован желанием передохнуть, побыть одному, вдали от проблем, сосредоточиться. Во всяком случае, считать сложившееся положение достаточной причиной для самоубийства с полной уверенностью нельзя. Обстоятельства трагической смерти Саввы Морозова еще ждут своего внимательного исследователя. Однако и то, что известно, не дает никаких поводов для утверждений о мифической противоречивости его характера, в котором якобы совмещались и не могли совместиться противоположные тенденции и устремления. Тезис о противоречивости легко может быть использован для сокрытия подлинных обстоятельств, в которых нет ничего мистического, а, напротив, слишком много самой низменной прозы.

Весьма сомнителен и тезис Горького о «вырождении» российского предпринимательства. Очевидно, что определенный «надрыв», вызванный непомерной напряженностью предпринимательской деятельности, а также чрезвычайно быстрыми темпами индустриализации России, действительно был свойствен предпринимательству конца XIX — начала XX в. Его развитие происходило в исключительно сложных условиях нестабильности политической системы, в условиях предчувствия возможных социальных потрясений. Обстановка неуверенности в будущем не могла не сказываться на предпринимателях, как и на представителях всех слоев тогдашнего российского общества. Однако все это не дает веских оснований для утверждений о «вырождении» российского предпринимательства к началу XX в. Напротив, самыми очевидными изменениями в характере предпринимательства, происходившими с последней четверти XIX в. вплоть до 1917 г., был стремительный рост *образовательного и общекультурного уровня* российских предпринимателей. Эти изменения отмечены многими исследователями, получили отражение в ряде произведений художественной литературы и в воспоминаниях современников. С уверенностью можно утверждать, что деятели торговли и промышленности начала века разительно превосходили своих предшественников по уровню культуры, образования, по разносторонности и широте интересов. Это в первую очередь касалось представителей ведущих предпринимательских семей, занимавших господствующее положение в российской торговле, промышленности, финансовом деле.

Так, если книжное образование братьев Павла Михайловича (1820—1899) и Василия Михайловича Рябушинских (1826—1885), основателей одной из крупнейших торгово-промышленных семей, было очень незначительным, то этого никак нельзя сказать о следующем поколении Рябушинских. С девяти лет дочери учились в гим-

назии, а сыновья определялись в подготовительный класс Академии практических наук или известное реальное (технически-коммерческое) училище Воскресенского. С этого же возраста они имели гувернеров-иностранцев для того, чтобы облегчить усвоение иностранных языков. По окончании Академии сыновья направлялись за границу для изучения одной из отраслей техники, промышленности, финансов*.

Братья Сергей Иванович и Николай Иванович Прохоровы из известной семьи основателей прохоровской Трехгорной мануфактуры получили гимназическое образование в Ревеле (ныне Таллинн), где преподавание велось на немецком языке. Затем первый поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского Императорского университета, второй — на юридический факультет. К тому же Сергей Иванович прошел впоследствии длительную стажировку в Германии в школе химиков и на германских фабриках. Высокий уровень образованности отличает предреволюционные поколения и других ведущих российских предпринимательских семей, таких, как Стахеевы, Второвы, Найденовы, Солдатенковы, Бахрушины, Боткины, Щукины, Гучковы и другие.

Увлечение российских промышленников искусством и их покровительство развитию живописи и театра известны достаточно широко. Однако вследствие одностороннего взгляда на предпринимательство и длительного господства идеологических штампов трактовка этого факта нередко остается весьма своеобразной. Увлечение искусством и покровительство талантам трактуется как чудачество, как странность, как отклонение от нормы, как нечто, совершенно несовместимое с предпринимательством.

Говоря об образе Лопахина в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад», современный автор отмечает, что «в образ этого героя — купца и в то же время артиста в душе — Чехов внес черты, характерные для известной части русских предпринимателей, оставивших заметный след в истории русской культуры на рубеже XIX—XX вв. Это и сам Станиславский (владелец фабрики Алексеев), и миллионер Савва Морозов, давший деньги на строительство Художественного театра, и создатели картинных галерей Третьяков, Щукин, Солдатенков, и издатель Сытин... Художественная чуткость, бескорыстная любовь к прекрасному причудливо сочетались в натурах многих из этих купцов с характерными чертами дельцов и стяжателей. Не делая Лопахина похожим ни на одного из них в отдельности, Чехов вносит в характер своего героя черты, объединяющие его со многими из этих предпринимателей»**.

---

* См.: 1000 лет предпринимательства в России. С. 170.

** Русская литература XIX—XX веков. В двух томах. М., 1998. Т. 1. С. 430.

Автор приведенных слов почему-то полагает, что любовь к искусству и предпринимательство не могут сочетаться иначе как «причудливо». А почему, собственно, любовь к искусству и меценатство не могут органически, а не «причудливо» сочетаться с капиталистическим предпринимательством? Почему бы предпринимателю не пожертвовать какую-то часть своих средств на общественно полезные цели или самому не увлечься искусством? Такое увлечение или предоставление средств на общественные нужды свидетельствовало бы о широте души, о том, что человек перерос узкие рамки чисто хозяйственной деятельности, о разнообразии интересов, о стремлении оставить свой добрый след не только в сфере хозяйства, но и на более широком общественном поприще. Так ли обязательно предпринимательство связано с отрицательным смыслом слов «стяжательство», «делец» и т. п.? Если говорить о наших днях, то ни меценатства, ни других общественно полезных дел не приходится, разумеется, ожидать от нынешних «скорохватов», получивших огромные куски бывшей социалистической собственности в награду за «услуги», оказанные новым властям. Однако как сегодня, так и в прошлом среди предпринимателей находится и находилось немало людей, призванных к общественному служению, способных видеть дальше и глубже, чем это непосредственно предполагает круг хозяйственно-предпринимательских интересов. Как сегодня, так и в прошлом далеко не всех предпринимателей можно отнести к презренной категории стяжателей и нечистоплотных дельцов, поскольку многим из них небезразлично, каким путем добывается прибыль, небезразлична судьба других людей, судьба страны.

Еще один ложный идеологический миф касается взаимоотношений предпринимателей и рабочих. Согласно этому мифу, до 1917 г. капиталисты только и делали, что нещадно угнетали рабочих, а последние едва ли не беспрерывно устраивали забастовки и стачки. Созданию такого однобокого представления о взаимоотношениях рабочих и предпринимателей способствовали, в сущности, все учебники истории и все исторические произведения, публиковавшиеся в советское время под жестким партийно-идеологическим контролем.

В действительности эти взаимоотношения носили самый разнообразный характер. Их спектр включал в себя широкий диапазон самых разных оттенков — от искреннего взаимного уважения до взаимной неприязни. Включал он и забастовки, и другие выступления рабочих в защиту своих интересов, что, конечно, обуславливалось фактами пренебрежения этими интересами со стороны предпринимателей. Но и факты заботы предпринимателей об условиях труда и быта рабочих, об их благополучии и здоровье были не редкостью. Выше уже говорилось о том, что делалось для рабочих С. Т. Морозовым. Не уступали ему в этом отношении и хозяева «Трехгорки»

Прохоровы. Прохоровская Трехгорная мануфактура на Всемирной Парижской выставке 1900 г. удостоилась за успехи в техническом деле высшей награды — Гран-при; за заботы о быте рабочих и по санитарному отделу получила золотую медаль; школа ремесленных учеников товарищества, участвовавшая в конкурсе по учебному отделу, также была отмечена золотой медалью. С 80-х годов XIX столетия при Прохоровской мануфактуре действовало Общество потребителей, созданное специально в целях удовлетворения нужд рабочих.

Особенности взаимоотношений капиталистического предпринимателя и рабочих в России определялись целым рядом факторов. Быстрые темпы индустриализации, характерные для России конца XIX — начала XX в., не давали достаточного времени для того, чтобы надлежащим образом построить и отладить устойчивый механизм взаимоотношений работодателя и наемного работника. Профсоюзное движение в России не имело глубоких исторических корней и традиций, как это было, например, в Англии. Вообще процесс индустриализации в странах Запада начался значительно раньше (с первых десятилетий XIX в.) и был более растянут во времени. Хотя элементы индустриализации в России встречаются уже в 30—40-е годы, однако по-настоящему она стала развиваться, как отмечалось, только в период, последовавший за отменой крепостного права (1861) и известными реформами 60—70-х годов. В условиях неотрегулированности постоянного механизма взаимоотношений работодателя и наемного работника, при отсутствии или слабости профсоюзных организаций любой, даже незначительный конфликт грозил перерасти в острое столкновение. Так оно во многих случаях и случалось.

Другая особенность рассматриваемых взаимоотношений определялась тем, что российскому капиталисту, как правило, приходилось брать на себя не только заботы об организации производства, но и почти полностью нести на себе бремя создания нормальных бытовых условий, обеспечения жильем, медицинским обслуживанием, организации профессионального обучения. Независимые от промышленного предпринимательства гражданское строительство, сфера бытовых услуг («сервис»), медицинское обслуживание и даже профессиональное обучение не поспевали за быстрым ростом городов и рабочих поселков, сопровождавшимся большой концентрацией населения, массами перемещавшегося из деревни в город. В ряде случаев промышленные предприятия возникали, что называется, на голом месте, вдали от сложившихся сельских поселений, поскольку промышленное производство требовало особых условий: близость источника сырья или удобство его доставки, топлива (в большинстве случаев древесины, иногда угля, поскольку запасы нефти и газа

в Западной Сибири еще не были открыты), наличие путей сообщения, в ряде случаев наличие водных ресурсов — особенно для чрезвычайно популярного в средней полосе России хлопчато-бумажного, ситцевого и текстильного производства и пищевой промышленности.

Большинство капиталистов строили для своих рабочих дома, создавали и содержали на свои средства больницы при предприятиях, столовые с льготными ценами на питание, организовывали потребительские общества для рабочих и т. п. Не было большой редкостью и добровольное вкладывание средств в строительство и организацию общественного медицинского обслуживания, образования, в развитие искусства. Так, на средства Морозовых была построена не только известная больница в Москве, но и создан институт для лечения раковых больных при Московском университете, университетская психиатрическая клиника, городской родильный дом. На средства Рябушинских длительное время содержалась бесплатная столовая на триста мест для бездомных. Во время войны с Японией Рябушинскими был устроен в Омске большой госпиталь для раненых. Дмитрий Павлович Рябушинский стал основателем Аэродинамического института для разработки вопросов воздухоплавания, а его брат Федор Павлович занимался изучением Сибири и Камчатки и тратил на это немалые средства. Прохоровыми еще в первой половине XIX в. был создан на фабрике драматический театр, в постановках которого участвовали рабочие. Кстати, из семьи Прохоровых (по материнской линии) вышел первый российский чемпион мира по шахматам А. А. Алехин. На общественно-благотворительном поприще ярко проявили себя, помимо уже названных, и представители таких предпринимательских семей, как Абрикосовы, Второвы, Крестовниковы, Кащенко, Протопоповы и многие другие.

Разумеется, среди предпринимателей, как и среди представителей других классов общества, были разные люди. Были среди них и те, кто прославился не добрыми делами, а чудачествами, разгулом, невниманием и черствостью по отношению к другим людям, равнодушием к судьбе отечества. Однако и с учетом этих фактов мы вправе согласиться с выводом, который был сделан английским философом и социологом Карлом Поппером, одним из крупнейших мыслителем XX в.

«Важно, однако, то, — писал К. Поппер, — что «капитализм» в том смысле, в каком Маркс употреблял этот термин, *нигде и никогда не существовал* на нашей прекрасной планете Земля — он реален не более, чем дантовский Ад. Но если тех, кто серьезно... верил, что Ад можно найти где-то на нашей планете, очень мало, то миллионам марксистов внушили, — и они поверили в это, — что Марксов

капитализм существует...»* «Для марксизма (а еще больше для ленинизма), — продолжает Поппер, — «капитализм» — это прежде всего такая фаза общественного развития, когда рабочие живут в нищете, труд их изнурителен и тягостен, зачастую очень опасен, а заработка едва хватает, чтобы не умереть с голоду. Более того, их положение при «капитализме» безнадежно: до тех пор, пока «капитализм» не свергнут, не уничтожен, не искоренен, ты, рабочий, должен оставить всякую надежду...»** Однако история и реально существующие общества пошли иным путем. Общество, которое Маркс именовал «капитализмом», неуклонно совершенствовалось. Благодаря прогрессу техники труд рабочих становился все более производительным, а их реальные заработки постоянно росли...

Суммируя сказанное, отмечу, что самая важная и, конечно, самая существенная черта этого общества, которое Маркс называл «капитализмом», никогда не существовала. Капитализм в Марксовом понимании представляет собой неудачную теоретическую конструкцию. Это всего лишь химера, умственный мираж»***.

В одном только Поппер мог, возможно, ошибиться — в том, что нигде доселе не виданный «капитализм» будет наконец реализован. Он «на всех парах» реализуется сегодня в России горсткой бессовестных «скорохватов». Внедрение партийно-государственной идеологии в сознание советских людей Марксовой химеры грозит сыграть с Россией и со всеми странами постсоветского пространства злую шутку: современный капитализм стали строить по чертежам марксизма. Однако никогда не поздно остановиться, поскольку только от нас, от общества, от его способности противостоять грозящим опасностям зависит дальнейшее развитие событий.

9. СУЩНОСТЬ «ДУХА КАПИТАЛИЗМА»

Согласно дореволюционному исследователю В. Безобразову, черты народного характера, на которые опиралось российское предпринимательство, таковы:

«*Чувство меры*, которое уравновешивает все разнообразные душевные порывы, движение увлечения всяких других чувств и страстей, соразмеряет важность различных целей и силу наличных способов их достижения; *практический расчет* — умение сосредоточиться на ближайших и важнейших целях жизни и пожертвовать в момент

---

* *Поппер Карл.* Открытое общество и его враги. В двух томах. М., 1992. Т. 1. С. 12.

** Там же. С. 12—13.

*** Там же. С. 14.

действия всеми более отдаленными, хотя бы и возвышенными целями; *самообладание* среди разнородных потребностей жизни и стремление к их удовлетворению; *трезвость характера*, не позволяющая увлекаться никакими чувствами и страстями, удаляющими от раз поставленной задачи, от начатого предприятия; *сила воли*, непрерывно поддерживающая бодрость духа, не позволяющая предаваться излишнему самообольщению при удаче и излишнему унынию при неудаче, всегда дающая рассудку господство над порывами чувств»*.

Нетрудно заметить, что перечисленные качества — не что иное, как требования, предъявляемые к человеку всякой профессиональной деятельности, в том числе, разумеется, и деятельности предпринимательской. Чувство меры, практический расчет, самообладание, трезвость суждений, сила воли — все это необходимо как для успешного выполнения профессиональных обязанностей в любой сфере, так и для повседневной жизни. Можно с достаточной уверенностью сказать, что этими качествами обладают не только многие предприниматели, но и представители иных классов общества и иных профессий. При этом очевидно, что предпринимательство предполагает наряду с общими требованиями профессиональной деятельности еще и требования особые, специфические.

В чем же состоят специфические черты капиталистического предпринимательства? Каков тот «дух», который отличает предпринимателя и придает ему силы в его деятельности, определяет ее мотивы? Если, как мы стремились показать в предыдущем параграфе, таким мотивом не является примитивная алчность и корысть, то в чем же состоит этот мотив? Если Маркс не был прав в определении мотивов капиталистического предпринимательства и, соответственно, в своем прогнозе относительно перспектив капитализма, то очевидно, что дело обстоит совсем не так, как внушала советским людям в течение многих лет партийно-государственная идеология. В действительности капиталистическое предпринимательство предполагает наличие черт, отличающих его от того предпринимательства, которое можно назвать «докапиталистическим» или «псевдокапиталистическим». Отличие это состоит прежде всего в особом «духе капитализма».

Выражение «дух капитализма» принадлежит одному из выдающихся мыслителей XIX — начала XX в. — немецкому социологу Максу Веберу. Его фундаментальная работа «Протестантская этика и дух капитализма» (1905), давно считающаяся классической на Западе, стала широко доступной нашей общественности относительно недавно. М. Вебер в своем труде утверждает и доказывает: обще-

* *Безобразов В. П.* Народное хозяйство России. СПб., 1882. Т. 1. С. 78—79.

ству, чтобы стать капиталистическим, необходимо иметь особый тип сознания и его носителей — людей с особым складом мысли и поведения, с особым типом ценностей. Это обязательная предпосылка. Там, где такой предпосылки нет, капитализма не будет. Конечно, мы здесь вынуждены огрублять его мысль, но нас интересуют сейчас не тонкости, а нечто другое. Если эта мысль верна, то, приступив к «строительству» капитализма, мы, конечно, должны проверить наличие в России всех его предпосылок, в том числе и его «духа». В очень краткой форме попытаемся это сделать. Прежде всего, следует уяснить *сущность «духа капитализма»*.

В самом деле, собственность, рыночные отношения, обмен, купля и продажа, кредит — это и многое другое из того, с чем мы нередко ассоциируем исключительно капитализм, — в действительности гораздо более давние спутники человечества. Они существовали в Вавилоне, Древней Греции, Индии. Уже в далекой древности люди в большинстве случаев вели хозяйство так, что прибыль превышала затраты, а сделка приносила доход. Торговая сделка, серии торговых сделок, наконец, крупные торговые предприятия — все это существовало уже на заре человечества, в древних цивилизациях. Предприниматели, спекулянты, финансовые авантюристы, то есть те, кто искал негарантированную удачу в денежных операциях, — также не менее древнее и распространенное явление. Там же, где существовало мощное государство, например в Древнем Риме, появились заимодавец, банкир, кредитор. Стоит ли продолжать? Ясно, что отождествлять названные явления, то есть всякий свободный рынок, с рациональным рыночным хозяйством современного типа (с «капитализмом») можно, только оставаясь в плену устаревших представлений. При капитализме все феномены древних товарно-денежных отношений сохранились, но не они составляют его сердцевину, его ядро.

Поэтому, отвлекаясь от побочных обстоятельств, выделим тот тип рыночных отношений, который соответствует их развитой форме и адекватен индустриальному производству, характеризующемуся рациональностью и высокой (по сравнению с предшествующими) эффективностью хозяйства. Этот тип складывается в Западной Европе и Северной Америке начиная с XVII—XVIII вв. Его-то по всем канонам только и можно называть рациональным («цивилизованным») рынком, и если мы всерьез стремимся войти в ряды цивилизованных стран, то в качестве образца должны принять именно его. Мы должны осознать, что простое «купи-продай» — это еще не рациональное рыночное хозяйство и не капитализм в собственном смысле. Рациональное рыночное хозяйство — это нечто гораздо более сложное и трудное. Оно, в частности, требует особого «духа», о котором и пишет Макс Вебер.

Для уяснения последнего вслед за Вебером воспользуемся одним из документов этого «духа». Таким классическим документом являются «Советы молодому бизнесмену» (1748) известного идеолога североамериканского капитализма Бенджамина Франклина. Целесообразно привести из этого документа ряд его тезисов, тем более что нам до сих пор известно о нем немногое, а ведь знаменитое «время — деньги» взято именно оттуда. Итак:

«Помни, что время — деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять шиллингов и тем не менее полдня гуляет и лентяйничает дома, должен — если он расходует на себя всего только шесть пенсов — учесть не только этот расход, но и считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов.

Помни, что *кредит — деньги* (здесь и далее выделено мною. — *В. Ш.*). Тот, кто оставляет у меня на некоторое время свои деньги после того, как я должен вернуть их ему, дарит мне проценты или столько, сколько я могу выручить с их помощью за это время...

Помни, что деньги *по природе своей плодоносны и способны порождать новые деньги.* Деньги могут родить деньги, их отпрыски могут породить еще больше и так далее...

Помни пословицу: тому, кто точно платит, открыт кошелек других. Человек, рассчитывающийся точно к установленному сроку, всегда может занять у своих друзей деньги, которые им в данный момент не нужны...

Наряду с прилежанием и умеренностью ничто так не помогает молодому человеку *завоевать себе положение в обществе*, как пунктуальность и справедливость во всех его делах...

Аккуратность показывает, что ты помнишь о своих долгах, то есть что ты не только пунктуальный, но и *честный человек*, а это увеличивает твой кредит.

Веди точный счет своим расходам и доходам. Если ты даешь себе труд обращать внимание на все мелочи, то это будет иметь следующий хороший результат: ты установишь, сколь ничтожные издержки вырастают в огромные суммы, и обнаружишь, что можно было бы сберечь в прошлом и что можно будет сберечь в будущем...»

Так проповедовал идеолог американского капитализма. Проповедь Б. Франклина действительно выражает *не просто свод правил житейского поведения.* В ней излагается определенная *этическая система.* Правила поведения отличаются тем, что им можно следовать или не следовать, но последний случай не рассматривается как нарушение морального долга, отклонение от смысложизненных ориентаций. Этическая же система предлагает индивиду *обоснование смысла жизни.* Это обоснование выступает в качестве этической нормы, регулирующей весь уклад жизни, отклонение от которой рассматривается не просто как оплошность, но как нарушение дол-

га. Именно как моральная (этическая) система проповедь Франклина может быть рассмотрена в качестве выражения духа капитализма. Правда, на первый взгляд может показаться, что, например, пунктуальность, честность, скромность выступают у Франклина только в служебной роли, то есть берутся с точки зрения их полезности: добродетелями они являются как бы только вследствие их полезности. Но если это было бы так, то и *видимость* честности, скромности и т. д. ценилась бы столь же высоко — ведь главное, чтобы был достигнут эффект полезности. Но суть именно в том, что Франклин ратует не за видимость добродетели, а за добродетель как таковую. Именно поэтому перед нами моральная система, а не обычные житейские правила, преследующие достижение практического результата.

Центром этой системы, ее ядром является идея, знаменующая своеобразный переворот по отношению к предшествующей «докапиталистической» этике: «Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью жизни»*. Все гедонистические**, как в смысле жизни, моменты отметаются. Нажива становится самоцелью. Употребив слово «нажива», обратим внимание на то, что в результате идеологических мутаций это слово в нашем языке стало чем-то вроде ругательства. Но ведь происходит оно от слова «наживать» и изначально не содержит в себе ничего отрицательного. Утверждение, что нажива становится самоцелью, означает не что иное, как то, что человек ориентирован не на жизненные наслаждения, не на потребительство, не на комфорт и т. д., а на приобретательство и накопительство. Подчиняя им свою жизнь, он неминуемо должен быть... аскетом.

С точки зрения восприятия, не затронутого духом капитализма, в том числе современного российского, такой переворот выглядит бессмысленным и нелепым. Но следует тем не менее настойчиво подчеркнуть, что он является необходимым лейтмотивом рационального рынка, важнейшей составляющей его духа: жить ради того, чтобы накапливать, отказывая себе во всем, экономя каждую минуту, рассчитывая каждый шаг. Какой же смысл в такой жизни? Очевидно, что ответ может быть только один. Отказываясь от жизненных наслаждений, лежащих за пределами бизнеса или выступающих его результатом, человек находит удовлетворение по преимуществу в бизнесе. Интерес теперь для него представляет прежде всего сам бизнес, *само дело*, успешность которого лишь внешне определяется количеством приобретенных материальных благ.

---

* *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 75.

** От слова «гедонизм» — учение о чувственных удовольствиях.

Главным качеством личности становится то, о котором, по свидетельству Франклина, он постоянно слышал от своего отца, старого кальвиниста: «Видел ли ты человека, проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями». Проворность, а иначе — деловитость человека, следующего своему призванию, то есть избранному делу, бизнесу, приобретение денег — при условии, что это достигается законным путем, — вот что составляет альфу и омегу морали Франклина. Понимаемая таким образом, она логически ведет к тому, что на первое место выдвигается требование *профессионализма.*

Исполнение профессионального долга и одновременно получение удовлетворения от своего профессионализма, критерием которого могут служить материальное благополучие и уважение общества, наполняют жизнь особым смыслом. Для такой жизни главным становится систематическое и рациональное стремление к получению прибыли в рамках своей профессии. Морального осуждения достойны успокоенность и довольство достигнутым — не говоря уже о наслаждении богатством, бездействии и плотских утехах. Погоня за деньгами как самоцель прямо вытекает из требований успешного ведения капиталистического хозяйства. В самом деле, вполне очевидно, что для того, чтобы вести дело, надо иметь волю к тому, чтобы не тратить весь доход на личное или семейное потребление, а непрестанно вкладывать деньги в будущее, в расширение производства, ориентироваться на перспективу.

Таким образом, дух капитализма *коренным образом отличается от алчности*, которая была и, видимо, будет присуща людям во все времена. Беззастенчивое добывание денег — такое добывание, которое не знает никаких моральных ограничений, — не имеет ничего общего с духом капитализма. Отнюдь не те люди, которые питают непреодолимую «к злату проклятую страсть» и готовы ради прибыли служить самому дьяволу, составляли и составляют до сего дня опору рационального рыночного хозяйства. Безудержное, свободное от всяких моральных и правовых норм приобретательство существовало на протяжении всей человеческой истории. В той или иной мере существует оно и сегодня. Для капитализма же нужен особый дух. Так, по крайней мере, думал М. Вебер (и ряд других мыслителей), ходу рассуждений которого мы следовали в предыдущем изложении.

Вполне очевидно, что переворот, произведенный капиталистическим духом, не столь легко укладывается в рамки современного российского сознания. Это вполне понятно и объяснимо. Однако заметим, что работа Вебера вышла в 1905 г., поэтому новостью эти идеи являются только для нас. Под влиянием этой работы и последующих исследований мысль Маркса о том, что первая фаза капитализма предполагает разгул «самых диких, самых бешеных страс-

тей», основательно поставлена под сомнение. И если уж рыночные отношения становятся нашей судьбой, то стоит, видимо, повнимательнее отнестись к существующим исследованиям и их результатам. Это тем более важно, что даже самые поверхностные наблюдения за первыми шагами российского рынка говорят о почти полном отсутствии духа капитализма, как его понимал М. Вебер, то есть духа *аскетического рационализма*. За него ошибочно принимается нечто прямо противоположное. Возникнет ли он у нас? Каковы возможные источники его возникновения?

Исторические свидетельства говорят о том, что среди дореволюционных российских предпринимателей было немало людей, являвшихся подлинными носителями духа капитализма в смысле М. Вебера. Так, об основателе торгово-промышленной семьи Рябушинских дореволюционный автор пишет следующее: «Чтобы выделиться среди общих условий, надо в самом себе нести нечто особенное, индивидуальное. Особенностью Михаила Яковлевича была сильная воля, соединенная с мировоззрением «хозяйственного мужика». Все для дела — ничего для себя. Таков был девиз жизни М. Я. Рябушинского, закончившейся 20 июня 1858 года...» («эта подчиненность интересам дела была всю жизнь самой характерной чертой М. Я. Рябушинского»*). Французский посол в России Морис Палеолог говорит о своих встречах и беседах с одним из предпринимателей: «Я всегда получаю и удовольствие, и пользу от встреч с этим дельцом, человеком оригинальной психологии; он обладает в высшей степени основными качествами американского businessman'a: духом инициативы и творчества, любовью к широким предприятиям, точным пониманием действительного и возможного, сил и ценностей»**.

В этой связи совершенно неверным является представление о том, что православное вероисповедание якобы препятствует развитию духа предпринимательства. Подавляющее большинство дореволюционных российских предпринимателей были православными людьми, некоторые принадлежали к старообрядчеству. Факты свидетельствуют, что приверженность вере не препятствовала, а помогала вести дело с энергией и аккуратностью. Как отмечалось выше, деловой материализм российского человека существовал как на безрелигиозной, так и на религиозной основе. Кроме того, неверно думать, что «каноны православной церкви, сам дух православия» якобы «не способствовали активности человека, проявлению инициативы, выделению из общего ряда, без чего невозможен предпринимательский риск и приобретение независимости через растущее

* 1000 лет русского предпринимательства. М., 1995. С. 157.
** *Палеолог Морис.* Царская Россия во время мировой войны. С. 176—177.

богатство третьего сословия... Человек лишь может принимать порядок вещей и покоряться ему. Общественным идеалом в православии является аскет, убивающий плоть «ради общего блага»*.

«Упрек в мироотреченности православия должен быть отстранен, — указывает православный богослов. — Он может быть применяем самое большее к одному из исторических ликов православия, определяющемуся под... влиянием восточного монашества»**. Мироотреченность — один из путей монашеского подвига, но отнюдь не характеристика всего русского православия. «Православие может быть определено с этической стороны как душевное здоровье и равновесие, для которого, при всей трагической серьезности... остается место и для оптимистического, жизнерадостного отношения к жизни...»*** «Устанавливается особый образ а с к е т и ч е с к о г о приятия этого мира и его жизни, аскетического труда и творчества в нем. Не осуждаются и не упраздняются никакие области жизни как таковые»****. Не осуждается, конечно, в том числе и предпринимательство, предполагающее высокий профессионализм, верность данному слову и обязательствам, активность и деловитость. Значение хозяйственной деятельности для православного человека подчеркивает епископ Феофан: «Дела житейские и общественные, от которых зависит стояние домов и обществ, суть Богом определенные дела, и исполнение их, не есть отбегание в область небогоугодную, а есть хождение в делах божеских»*****. Выше мы уже отмечали деловитость и энергию как характерные черты большинства святых русской православной церкви, начиная, по меньшей мере, с Феодосия Печерского.

В современных условиях важно прежде всего отрешиться от того взгляда, что подлинный предпринимательский дух (то есть отличный от духа алчности и беззастенчивого добывания денег любой ценой) возникнет якобы как автоматическое следствие рыночных экономических отношений. Конечно, когда последние уже сложились, приобрели развитую форму, заняли в обществе доминирующее положение, через их посредство общество пропитывается соответствующим духом. Он здесь во всех порах общественного организма. Современному американцу незачем обращаться к трудам Б. Франк-

---

* *Хорькова Е. П.* История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С. 9.

** *Булгаков С. Н.* Православие. Очерки учения православной церкви. 1991. С. 325.

*** Там же. С. 325—326.

**** Там же.

***** Что есть духовная жизнь и как к ней настроиться. Письма епископа Феофана. Л., 1991. С. 179.

лина или кого-либо еще, незачем специально знакомиться с моральными заповедями: с самого детства, а затем с момента включения в деловую жизнь дух капитализма охватывает его буквально со всех сторон; без соблюдения требований этого духа перспективы серьезной карьеры обречены на неудачу. Иное дело — начальная фаза складывания капиталистических отношений. В этом случае дух аскетического рационализма должен быть предзадан, наличествовать хотя бы в виде некоторых зачатков. Он должен присутствовать в качестве умонастроения определенных групп людей — пусть и не очень многочисленных: важна закваска. Рациональное рыночное хозяйство современного типа предполагает особую общественную атмосферу, при которой запятнанность репутации, нечестность и другие проявления нравственной нечистоплотности закрывали бы человеку путь к занятию бизнесом.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В. Г. Избранные философские произведения. В двух томах. Т. 2.

Бердяев Н. А. Духи русской революции. В сб. «Из глубины». М., 1991.

Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX—XX века. В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990.

Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви. 1991.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Гиренок Ф. И. Моральная экономика: третий путь // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 1999.

Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992.

Голубков М. М. Максим Горький. М., 1997.

Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990.

Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1994. Т. 1. Лекция 17.

Леонтьев К. Записки отшельника. М., 1992.

Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992.

Лосский Н. О. Характер русского народа. В двух книгах. Посев, 1957. Кн. 1.

Поппер Карл. Открытое общество и его враги. В двух томах. Т. 1. М., 1992.

Розанов В. В. Среди художников. М., 1994.

Соболевская А. А. Предпринимательский дух в России // Альманах Центра общественных наук МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1998. № 8.

Соловьев В. С. Сочинения. В двух томах. М.: Мысль, 1990. Т. 2.

Степун Ф. Мысли о России. В кн.: Русская философия собственности. СПб., 1993.

Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993.

1000 лет русского предпринимательства. М., 1995.

Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990.

Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998.

Чепуренко А. Ю. Предпринимательский класс в возрождающейся России // Мир России. Социология, этнология, культурология. 1993. № 1. Т. 2.

Что есть духовная жизнь и как к ней настроиться. Письма епископа Феофана. Л., 1991.

Шамшурина Н. Г. Идеология труда в России // Социс. 1994. № 8—9.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем особенности мотивации труда и хозяйственной деятельности в России?

2. Каковы историко-культурные истоки отношения к труду как к ценности нравственного порядка?

3. В чем причины того, что труд в России нередко отличается неорганизованностью, нерациональностью, недостаточной тщательностью исполнения?

4. Каковы причины неритмичности труда?

5. Какой духовный фактор необходим для напряженного и интенсивного труда?

6. Является ли лень характерной чертой русского народа? Кто и с какой целью распространял и распространяет сегодня миф о русской лени?

7. Что такое чувство формы? Почему чувство формы не возникает в России стихийно? Что является предпосылкой для формирования чувства формы?

8. В чем особенности процесса индустриализации в России?

9. Каковы отличия труда индустриально-технологического от труда крестьянского?

10. Что такое российский деловой материализм? Совместим ли деловой материализм с религиозным мировоззрением? Каковы «оборотные» стороны делового материализма?

11. В чем причины преклонения перед трудом физическим в ущерб труду интеллектуальному?

12. С какой целью советская партийно-государственная идеология насаждала искаженный образ дореволюционных российских предпринимателей?

13. Приведите исторические примеры российской предприимчивости.

14. Как можно охарактеризовать отношения между капиталистами и рабочими в дореволюционный период? Сводились ли эти отношения к непрерывной конфронтации?

15. Приведите примеры благотворительности дореволюционных российских предпринимателей.

16. В чем проявился рост образовательного и культурного уровня дореволюционных предпринимателей?

17. В чем сущность «духа капитализма» по Максу Веберу?

18. Противоречит ли православная этика капиталистической предприимчивости?

Глава 6

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В РОССИИ. СЕКСУАЛЬНОСТЬ И БРАК В РОССИИ

1. Образы женщины в российской ментальности.
2. Взаимоотношения полов в России.
3. Особенности российской сексуальной культуры.
4. Семья и брак в России.

1. ОБРАЗЫ ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Мир лукав, как женщина,
Непостоянен внешне,
Хотя внутри скорей наоборот...

Владимир Соловьев

Просто надо очень верить
Этим синим маякам...
И тогда нежданный берег
Из тумана выйдет к вам.

Булат Окуджава

«Клянусь, женщины гораздо лучше нас, мужчин, — писал Н. В. Гоголь. — В них больше великодушия, больше отважности на все благородное; не глядите на то, что они закружились в вихре моды и пустоты. Если только сумеете заговорить с ними языком самой души, если только сколько-нибудь сумеете очертить перед женщиной ее высокое поприще, которого ждет теперь от нее мир, — ее небесное поприще быть воздвижницей нас на все прямое, благородное и честное, кликнуть клич человеку на благородное стремление, то та же самая женщина, которую вы считали пустой, благородно вспыхнет вся вдруг, взглянет на саму себя, на свои брошенные обязанности, подвигнет себя самое на все чистое, подвигнет

своего мужа на исполнение честного долга и, швырнувши далеко в сторону все свои тряпки, всех поворотит к делу»*.

Не будет большим преувеличением утверждать, что в России женщину привыкли считать существом *более духовным*, чем мужчину, в котором больше плотского, животного. Такой взгляд на женщину и, соответственно, на мужчину запечатлен во многих произведениях русской литературы и философии. Так, Вл. Соловьев полагал, что в основе мироздания лежит «вечная женственность», возвышенное начало, символизирующее гармонию мира, — София. Н. А. Бердяев писал: «Без божественного, мистического влечения к женственности, без влюбленности в вечную женственность мужчина ничего бы не сотворил в истории мира, не было бы мировой культуры... Мужчина всегда творил во имя Прекрасной Дамы, она вдохновляет его»**. Для всякого россиянина хрестоматийными являются образы женщины — «гения чистой красоты» (Пушкин), Прекрасной Дамы (А. Блок).

Ф. Степун отмечал «характерно русскую» веру Достоевского в то, «что в женских лицах идеи живут и ощущаются непосредственнее, чем в мужских. Вероятно, — писал Степун, — эта мысль навеяна ему русской литературой, в которой большинство положительных образов не мужчины, а женщины: пушкинская Татьяна, Лиза Калитина, Наташа Ростова, княжна Марья из «Войны и мира», бабушка из «Обрыва» Гончарова, Соня Долгорукова из «Подростка» — все это женщины, глубоко и покорно покоющиеся в первозданности Божьего бытия. Мужчины же, за исключением старца Зосимы, послушника Алеши Карамазова, бесполого князя Мышкина, — все больше люди раздвоенные, надорванные, выбитые из орбиты предназначенной им жизни. Среди них есть много людей глубоких, значительных, умных, но почти нет людей, покорно и мудро покоющихся в Божьем мире. К этим людям относятся все лишние люди русской литературы, все революционные вожди и большинство героев Достоевского, начиная с Раскольникова и кончая Ставрогиным»***.

Взгляд на женщину как на олицетворение возвышенной духовности воспринимается в России как естественный, должный. Несомненно, он связан с образом Богоматери, Девы Марии. Именно Божия Матерь издавна считается небесной покровительницей России. Во всяком случае, для в воспитанного в традициях русской культуры носителя российской ментальности тот факт, что, например,

---

* *Гоголь Н. В.* Духовная проза. М., 1992. С. 157—158.

** *Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви. В кн.: Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 254.

*** *Степун Ф. А.* Встречи. М., 1998. С. 55.

древние греки считали строго наоборот, представляется какой-то странностью. Как известно, для античности характерно восприятие женщины как существа более низкого по причине преобладания в ней материально-физиологического начала. Именно поэтому женщины не воспринимались как объект, достойный возвышенной любви. Их функции хладнокровно перечислил, например, выдающийся общественный деятель того времени Демосфен: «Любовницы нужны нам для удовольствия, наложницы — для каждодневной заботы о нас, а законные жены — для того, чтобы рожать законных детей и вести домашнее хозяйство»*. Для древних греков женщина — существо более телесное, более материальное и физиологическое, чем мужчина. Поэтому она не способна к духовной, прежде всего интеллектуальной, деятельности в той мере, в какой к ней способен мужчина.

Для российской ментальности характерен в целом противоположный взгляд: скорее мужчина, но никак не женщина — существо более плотское, более животное. Очевидно, отнюдь не случайно то, что Толстой в «Воскресении» изобразил Катюшу Маслову исключительно невинной жертвой плотских влечений Неклюдова, оставив читателя в неведении относительно собственных сексуальных наклонностей героини. Женщина-ангел, женщина-муза, «гений дивной красоты», Прекрасная Дама — таковы характеристики *одного из образов женщины* в российской ментальности.

Еще один образ российской женщины — *«женщина-труженица»*. Выполнение женщиной тяжелой, по сути мужской работы, а подчас и мужских обязанностей в России никогда не было редкостью и не рассматривалось в качестве чего-то чрезвычайного, значительно отклоняющегося от нормы. Хрестоматийными стали слова Некрасова о русской женщине, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...». Как известно, в советское время целый ряд тяжелых и вредных профессий, требующих к тому же особенно ответственного отношения к делу и внимания, едва ли не полностью легли на женские плечи: ремонтник железнодорожных путей, вредное химическое производство и т. п. Разумеется факты такого рода не получили одобрения в общественном мнении. Вместе с тем освоение женщинами ряда традиционно мужских профессий нередко оценивалось и положительно, поскольку рассматривалось и рассматривается как проявление женской эмансипации, как победа в борьбе за женское равноправие. Как тут не вспомнить знаменитых героев-трактористок 30-х годов, таких, как Паша Ангелина и другие, лозунги «женщины на трактора!» и «женщины на паровозы!» и многое из того же ряда, знаменовавшее, как казалось, начало долгождан-

* Цит. по: Эрос. Страсти человеческие. М., 1998. С. 28.

ной эры женской эмансипации. Стремление советских женщин к овладению рядом традиционно мужских профессий нельзя считать следствием лишь официальной партийной идеологии и пропаганды того времени, хотя и влияние партийных установок несомненно. Однако не менее важными факторами явились, с одной стороны, особенности российского менталитета, традиционно отводящего женщине значительную социальную роль, с другой — европейский и общемировой процесс женской эмансипации.

В пользу последнего соображения говорит то, что аналогичные процессы наблюдались и в Европе того времени. Особенно показателен пример Швеции. Известно, что в 20—30-е годы XX столетия у шведских женщин стало модным освоение мужских профессий, например, водителя большегрузного автомобиля или трактора. Вследствие этого меняется и внешний облик женщины, привычными становятся рабочий комбинезон, брюки, короткая стрижка. Следует сказать, что исторически для Швеции вообще характерна значительная феминизация общественной жизни и культуры. Интересно, например, то, что роль рождественского Санта Клауса (Деда Мороза) у шведов принадлежит женщине — святой Луции, тогда как мужская роль представлена образом крошечного доброго гномика. В Швеции женщины (наряду с мужчинами) служат священниками в лютеранских церквях. Заметим, что у предков современных шведов — викингов — женщина заменяла павшего в бою мужчину.

В произведениях художественной литературы и кинематографа советского периода ярко запечатлен образ женщины-труженицы. Достаточно назвать фильмы «Светлый путь», «Свинарка и пастух», пьесу Розова «Таня», роман А. Рыбакова и поставленный на его основе фильм «Екатерина Воронина» и другие. В этих произведениях основной акцент делается на том, чтобы жизнь женщины не была замкнута исключительно семьей. Женщина тогда представляет интерес для мужчины, когда добилась производственных успехов или нашла себя в творческом труде. Общественное признание — условие настоящей любви и прочного брака. Ту же направленность легко обнаружить и в целом ряде произведений дореволюционной литературы. Характерен в этом смысле роман Максима Горького «Мать». Вопреки названию, речь в нем идет не о материнстве в собственном смысле, а о необходимости приобщения женщины к общественно-политической деятельности, то есть о том же выходе за пределы домашних забот, о недостаточности для женщины роли матери и жены. Для полноценной жизни она должна принимать участие в общественной жизни, — что в понимании революционной интеллигенции конца XIX — начала XX в. (с позиций которой и написан роман) означало участие в революционной борьбе. Роман дает развернутую картину того, как главная героиня Ниловна, мать молодо-

го рабочего Павла, обретает новый, более глубокий и возвышенный смысл своей жизни на пути приобщения к революционной деятельности.

Впрочем, необходимо особо подчеркнуть, что при условии более глубокого прочтения романа Горького (по сравнению с тем, которое стало каноническим в советские годы) в нем открываются неожиданные грани. Такое, «неканоническое», прочтение предложено отечественными литературоведами в последние годы. Если рассматривать роман не исключительно с точки зрения социально-политической борьбы (как было принято в советское время), а с точки зрения общечеловеческого содержания, то, по словам М. М. Голубкова, «мы увидим, что перед нами — роман о любви в самом широком ее понимании. О любви матери к сыну. О любви матери к Богу. О том, как эта любовь растет и объемлет собой не только тело сына, но и его душу, его дело, которому он предан. Как материнская любовь распространяется на товарищей сына... Мы увидим... в коллизиях романа отражение евангельских сюжетов: подобно тому как Богородица знает с самого начала о той жертве, которую ей предстоит принести во имя спасения рода человеческого, так и мать сознательно и добровольно благославляет своего сына на жертвенное служение»*. Таким образом, перед нами образ матери, но не в его ограниченном понимании, только лишь как родительницы и воспитательницы, а в широком и возвышенном значении — как носительницы совершенной любви, любви жертвенной и всеобъемлющей. Таков вообще один из образов женщины-матери, запечатленных в российской ментальности, о чем мы еще скажем в дальнейшем.

Очевидно, что для российского образа мысли характерно противопоставление женщины, занятой земными заботами, домашним хозяйством, семьей и т. п., с одной стороны, и женщины, которая посвящает себя деятельности, оцениваемой как более высокая и значительная, более «духовная», — с другой. Впрочем, такое противопоставление можно усмотреть уже в библейских образах Марфы и Марии: первая поглощена заботами хозяйственного значения, ориентирована на земное — «дольнее», вторая устремлена к «горнему», небесному, божественному. И хотя и та и другая ориентация в равной мере оцениваются как «богоугодные», однако ценностная установка Марии рассматривается в качестве более предпочтительной, поскольку ориентация на хозяйственные заботы содержит в себе опасность забвения божественных идеалов, «обмирщения».

Евангельское противопоставление Марфы и Марии, очевидно, универсально по своему значению. Вместе с тем в России оно приобрело своеобразное преломление. Стремление женщины выйти за

* *Голубков М. М.* Перечитывая классику. Максим Горький. М., 1997. С. 6.

пределы домашнего очага реализовалось по нескольким основным направлениям. Наиболее характерное из них связано с участием в общественно-политической жизни. Во второй половине XIX — начале XX в. это было часто равносильно участию в революционной борьбе. Деятельность множества революционных организаций того времени была невозможна без активного участия женщин. В ряде случаев женщины играли в них первые роли. Яркие образцы беззаветного служения революции являют собой личности Софьи Перовской и Веры Фигнер, руководительниц «Народной воли», организации, подготовившей и осуществившей целый ряд террористических актов, в том числе покушение на Александра II 1 марта 1881 г. Для этого типа женщин характерен революционный аскетизм, связанный с полным отказом от семейной жизни, а часто и от всяких сексуальных отношений вообще. С молодости они реализовали свой собственный, сознательный выбор, оставаясь верными ему до конца дней. Все, связанное с браком, семьей и домашним хозяйством, окрашивалось в рамках такого выбора негативно, как проявление «мещанства», то есть того, что унижает человека.

Вероятно, история ни одной другой страны, кроме России, не наполнена столь яркими личностями женщин-революционерок, отрекшимися от женского счастья во имя возвышенных идеалов, какими им представлялись идеалы революции. Эти женщины продемонстрировали образцы несгибаемого мужества, силы воли, стойкости и целеустремленности, еще раз доказав, что эти качества могут быть присущи не только мужчинам, но и женщинам. Впрочем, есть все основания полагать, что образ женщины — носительницы свойств, которые чаще ассоциируются с исконно мужскими добродетелями, глубоко заложен в российской культуре и истории и вообще составляет одну из глубинных основ российского менталитета. Во всяком случае, в этой связи нельзя не вспомнить о том своеобразном образе женщины, который запечатлен в древнерусском народном творчестве, в древнерусских былинах. Речь идет о женщине-воительнице, «русской амазонке», «деве-богатырке», именуемой в былинах «поленицей» или «поляницей».

«Поленицы (поляницы), — пишет современный исследователь, — это царь-девицы, которые «поляковали» в поле, то есть вели жизнь, полную степных приключений и опасностей. Поленицы — героини многих русских былин, и можно только сожалеть, почему мы так мало о них помним и знаем»*.

В былине «Об Илье Муромце и удалой поленице» рисуется такая дева-богатырка:

---

* *Кайдаш С. Н.* Сила слабых. Женщины в истории России. М., 1989. С. 49.

Проехала поленичища удалая,
Конь под нею, как сильна гора,
Поленица под нею, как сена копна...
Проехала в раздольице в чисто поле,
Стала по-соловьиному посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличет, выкрикивает поединщика,
Супротив себя да супротивника.

Все богатыри боятся принять вызов девы-богатырки, «не смеют у ней силушки отведати». Решается на это только Илья Муромец.

Вообще говоря, в древнерусской литературе зафиксировано *два* противоположных, *полярных образа* женщины: воинственной амазонки-поленицы — с одной стороны и образ женственной кокетливости, хрупкости — с другой. Так, былина о Дунае Ивановиче, популярная еще и в XIX в., дает нам два лика женского русского характера: могучей женщины-воительницы Настасьи и ее женственной кокетливой сестры Опраксы-королевичны. О последней говорится:

Ходит по терему, злату верху,
В одной только рубашечке без пояса,
В одних только чулочиках без чоботов,
У ней русая коса пораспущена,
Ее же родная сестра Настасья
Ездит во чистом поле поленицею,
Имеет в плечах силушку великую.

Очевидно, что некрасовские «женщины в русских селеньях», которые «коня на скаку остановят, в горящую избу войдут», ведут свою родословную от поляниц, от былинных женщин-богатырок. Однако для российской ментальности, разумеется, не менее значим и противоположный тип — женщины мягкой, изящной, кокетливой. Но при этом — что следует подчеркнуть особо — не менее свободной и своевольной, не уступающей мужчине по силе духа. Данные два образа женщины — два полюса одного и того же архетипа, характеризующего одно из глубинных свойств российской ментальности. Реальный тип российской женщины «колеблется» между этими двумя полюсами, располагается в промежутке между ними, в разное время и под влиянием разных обстоятельств в большей степени склоняясь к одному из полюсов. Однако, как показывает история, сама структура с характерными для нее полюсами не исчезает, а воспроизводится вновь и вновь в различные эпохи, в резко отличных друг от друга исторических обстоятельствах. Характерные два типа женщины легко обнаружить и в российской древности, и в

XVIII — XIX вв., и в советское время, и сегодня. Примечательно и то, что они обнаруживаются и в жизни, и в произведениях искусства. Их можно легко усмотреть в образах, созданных на сцене, в театре и кино Н. Мордюковой, Л. Гурченко, А. Пугачевой, С. Немоляевой, а еще раньше М. Ермоловой, В. Пашенной и другими выдающимися актрисами.

Разумеется, трудности российской жизни часто попросту не позволяют в полной мере проявиться качествам утонченной женственности, изящества, хрупкости. Как социально-исторические, так и природно-географические условия России нередко выдвигают на передний план не задачу достижения комфорта и качества жизни, а задачу элементарного выживания. Немалая тяжесть обеспечения выживания ложится на плечи женщины. Однако было бы неверным связывать тип российской женщины исключительно с трудностями российской жизни, обусловленными природно-географическими и социально-историческими факторами. Этот тип прочно зафиксирован в российской ментальности, является ее *структурным архетипом*. В пользу такой трактовки говорит то, что он не исчезает и тогда, когда задача выживания уходит на второй план или утрачивает актуальность, уступая свое место жизни в условиях относительного благополучия и комфорта. Данный архетип находит свое проявление в самых различных обстоятельствах и в различных сферах деятельности.

Достаточно напомнить, что успехи женщин на международной арене, например, в спорте далеко превзошли соответствующие успехи мужчин. Примечательно, что именно женщине, метательнице диска Нине Ромашковой-Пономаревой, выпала честь завоевать первую в истории России золотую олимпийскую медаль (1952 г., Хельсинки). Конькобежка Лидия Скобликова по количеству золотых олимпийских медалей далеко превзошла своих коллег мужчин. Примеры женских достижений легко продолжить. Так, летчицы Полина Осипенко, Валентина Гризодубова, Марина Раскова совершили в 1938 г. длительный беспосадочный перелет на тяжелом самолете, тогда как в большинстве стран Запада женщины только еще мечтали стать пилотами. Следует, конечно, вспомнить и первую в истории женщину-космонавта Валентину Терешкову. В успехах советских и российских женщин можно усмотреть продолжение дел былинных богатырок, хотя, конечно, не на уровне сознательных представлений, не на уровне того, что осознается. Однако, как известно, архетип не утрачивает своего значения в течение длительного времени именно потому, что, будучи неосознанным, продолжает оказывать свое воздействие на установки и поведение людей.

Не исключено, что истоки характерного архетипа российской ментальности уходят в глубь веков, еще дальше, чем упомянутые

нами былинные сказания. Возможно, он восходит к древней Киевско-Новгородской Руси, к самим началам российской государственности. Кочевая, бурная, полная приключений и опасностей жизнь норманнов, или, как их называли на Руси, «варягов», породила тип женщины стойкой, волевой и сильной как в духовном, так и в физическом отношении. Поэтому, возможно, именно Ольга (Хельга), став новгородской, а затем киевской княгиней, могла заложить основы того независимого и даже господствующего положения, которое длительное время занимала и продолжает занимать женщина в российском обществе. Согласно Л. Гумилеву, именно княгиня Ольга стала инициатором крещения Руси, направила Святослава против хазар, подготовила расправу над князем Игорем и т. д., то есть фактически определяла основные линии внешней и внутренней политики государства, подчинив и использовав в своих целях окружающих ее мужчин. Тип женщины вольной, деятельной и сильной, сформированный в морских и речных походах варягов, нашел благоприятную почву на бескрайних российских просторах, располагающих к удали и отваге, отразился в былинных образах «богатырок-полениц», оставил свой след в российской ментальности.

Еще один образ женщины в российской ментальности — образ *женщины-матери* (о котором уже шла речь в связи с романом Горького «Мать»). Миссия материнства оценивается в России исключительно высоко, однако не только с позиций ее значимости для продолжения рода. На первом плане образа женщины-матери — духовный, возвышенный, мировоззренческий смысл материнства. Мать — олицетворение торжества жизни, ее превосходства над смертью. Тем самым она предстает как олицетворение любви. Истоки такого понимания коренятся, несомненно, в православном понимании Богоматери, Богородицы, Матери Божией. Мать как плодоносное начало в народном сознании связывается с землей, последняя же тесно ассоциируется с Родиной, Россией. «Самой значительной женщиной, — отмечает Ф. Степун, — таящей в себе великую идею, является для Достоевского Россия». «Разлегшаяся в стамиллионном составе своем на многих тысячах верст, неслышно и бездыханно в вечном зачатии и в вечном признании бессилия что-нибудь сказать или сделать, скромная и покорная» — такова русская земля Достоевского. «Земля — Богородица есть», — говорит в «Бесах» Хромоножка*.

«Очень сильна в русском народе, — писал Бердяев, — религия земли, это заложено в очень глубоком слое русской земли. Земля — последняя заступница. Основная категория — материнство»**. Тес-

---

* *Степун Ф.* Встречи. М., 1998. С. 56.

** *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 269.

ная ассоциативная связь материнства и земли находит свое яркое воплощение в образе Родины-Матери. Неслучайно даже в условиях государственного атеизма в период тяжелейших испытаний Великой Отечественной войны знаменитый плакат «Родина-Мать зовет!» нашел горячий отклик в сердцах людей, объединил представителей различных национальностей России (тогдашнего Советского Союза) на защиту отечества.

2. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОЛОВ В РОССИИ

Тема любви, сексуальности и брака врывается в русскую литературу, художественную критику, публицистику, эссеистику, философию и теологию в конце XIX — начале XX в. О любви пишут философы и теологи, такие, как Вл. Соловьев, Н. Бердяев, П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Лосский, И. Ильин, Л. Карсавин, Б. Вышеславцев, С. Франк. Любви посвящают свои произведения писатели и поэты — И. Бунин, А. Куприн, К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый, В. Маяковский, Н. Гумилев, С. Есенин, М. Цветаева, Б. Пастернак, З. Гиппиус и многие другие. «За несколько десятилетий в России о любви пишется больше, чем за несколько веков, — справедливо отмечает современный философ В. Шестаков. — Причем литература эта отличается глубиной мысли, интенсивными поисками и оригинальностью мышления»*. К сожалению, труды отечественных мыслителей на протяжении всего советского периода были недоступны российскому читателю. Лишь после падения коммунизма исчезли и запреты, налагаемые на дореволюционную и эмигрантскую литературу советской властью и официальной партийно-государственной идеологией.

Если начало XX в. и последующий период отмечены значительным вниманием к вопросам взаимоотношения полов, сексуальности и любви, то для XIX в. характерна иная ситуация. «Очевиден тот факт, — отмечает В. П. Шестаков, — что русская философия любви XIX века чрезвычайно бедна: в огромной философской литературе мы не найдем сколько-нибудь значительных сочинений на эту тему. Более того, литературная критика с необычайной и труднообъяснимой резкостью ополчалась против малейшего элемента чувственности в романах и поэзии...»** Указание на причины такого положения можно усмотреть в словах Н. Г. Чернышевского. «Бог с ними, с эротическими вопросами, — не до них читателю нашего времени,

---

* *Шестаков В. П.* Вступительная статья в кн. «Русский эрос, или Философия любви в России». М., 1991. С. 5.

** Там же. С. 7.

занятому вопросами об административных и судебных улучшениях, о финансовых преобразованиях, об освобождении крестьян», — писал Чернышевский в 1854 г.*. Мысль Чернышевского адекватно отражает настроения российского общественного мнения кануна реформ 1861 г. и последующих годов. Для этих настроений характерна концентрация внимания на вопросах социального значения. Поэтому и вопросы семьи, брака, взаимоотношения полов рассматриваются исключительно с точки зрения социальной. Все они сводятся к так называемому «женскому вопросу», суть которого усматривается в освобождении женщины от социального гнета. Собственно, вся проблематика взаимоотношений мужчины и женщины сведена к проблеме социального угнетения, от которого женщина страдает больше, чем мужчина. Поэтому и решение «женского» вопроса видится на пути революционной перестройки несправедливого общественного устройства, построения нового, «совершенного» общества. Сам Чернышевский внес значительный вклад в обоснование и разработку такого подхода (хотя его взгляды целиком не сводятся к нему, о чем речь пойдет ниже), нарисовав в романе «Что делать?» женское счастье Веры Павловны в рамках будущего кооперативно-социалистического общества, которое является ей в ее снах.

В XX в. проблема взаимоотношений мужчины и женщины постепенно перестает сводиться исключительно к социальному аспекту. Одновременно все более уясняется, что так называемый «женский вопрос» не является исключительно женским: это вопрос взаимоотношения полов, и как таковой он в равной мере затрагивает и женщину, и мужчину. Вопрос о поле и любви не может быть сведен только лишь к проблеме социального освобождения. По словам Бердяева — «это мучительный вопрос для каждого существа; для всех людей он также безмерно важен, как вопрос о поддержании жизни и о смерти»**. Таким образом, под проблемой женской эмансипации или социального освобождения женщин в значительной мере лишь *скрывается* вопрос гораздо более глубокий — вопрос «метафизический», то есть затрагивающий глубинные основы бытия каждого человека. Однако и проблема женской эмансипации, обеспечения прав женщины, преодоления ее зависимого положения, разумеется, имеет немалое значение, составляя одну из частей или граней более общей и фундаментальной проблемы взаимоотношения полов, любви и сексуальности.

Своеобразие постановки вопроса о женской эмансипации в России по сравнению с постановкой на Западе с легкой иронией отме-

---

* *Чернышевский Н. Г.* Соч. Т. 5. М., 1959. С. 160.

** *Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви. В кн.: Русский эрос, или Философия любви в России. С. 232.

чал еще в XIX в. Е. Леонтьев. «Раз прочел я в какой-то газете, что одна молодая англичанка или американка объявила следующее: «Если женщинам дадут равные права и у меня будет власть, я велю тотчас же закрыть все кофейные и игорные дома, — одним словом, все заведения, которые отвлекают мужчин от дома». Русская дама и девица, — замечает Леонтьев, — напротив того, прежде всего подумала бы, как самой пойти туда в случае приобретения всех равных с мужчинами прав»*.

Характерный для России архетип женщины, о котором мы вели речь выше, — женщины вольной, свободолюбивой, «удалой», ощущающей в себе силы вступить в открытое соревнование с мужчиной на любом общественном поприще, не мог, конечно, смириться с какими-либо проявлениями дискриминации по половому признаку. Вполне естественно, что особенно активно этот женский архетип заявил о себе с середины XIX в., когда традиции «талантного», по преимуществу дворянского, XVIII в. ушли в прошлое и на арену общественной жизни вышли так называемые «разночинцы», то есть выходцы из недворянских слоев. В полной мере он обнаружил себя, начиная с первых десятилетий XX в., когда сословные перегородки рухнули полностью и окончательно и на арену общественной жизни вышли большие массы людей. Если на Западе борьба женщин во многом концентрировалась на юридически-правовой стороне, в частности, на проблеме избирательных прав, то в России она с самого начала ставила перед собой задачу достижения женского равноправия в полном объеме. Вопрос обеспечения равных с мужчиной избирательных прав не занимал сколько-нибудь значительного места в женской эмансипации уже по той простой причине, что первый выборный орган власти — Государственная Дума появилась в России только в 1906 г., то есть значительно позднее, чем на Западе. Во многом по этой причине, вопрос об избирательных правах женщин в России не имел самостоятельного значения. Скорее напротив, ясно осознавалось, что этот вопрос представляет лишь малую и не самую главную часть всего объема проблемы женского равноправия.

Заметим, что избирательные права женщинам были предоставлены в США только в 1920 г., а в стране, которую принято считать бастионом европейской демократии, Швейцарии — только в 60-е годы столетия. В России избирательные права женщин были предусмотрены в 1914 г. на выборах в Государственную Думу, в 1917 г. — на выборах в Учредительное Собрание. В советское время вопрос об избирательных правах женщин вообще не поднимался за его очевидной ясностью для всего общества.

---

* *Леонтьев Е.* Записки отшельника. М., 1992. С. 40.

Важное место в борьбе за женское равноправие занимал вопрос о возможности получения образования. Согласно принятому русским правительством в 1863 г. Уставу университетов, по ряду параметров более прогрессивному по сравнению с предшествующим, женщины к обучению в университетах не допускались. Однако почти одновременно были открыты негосударственные (частные и общественные) женские высшие учебные заведения, такие, как Бестужевские женские курсы, женские курсы Герье и др. Для людей более или менее состоятельных не было проблем с обучением своих дочерей за границей.

Вероятно, открытые в России в 1870 г. Высшие женские курсы были вообще первым опытом высшего женского образования в Европе. Об этом свидетельствует письмо, направленное организаторам курсов известным английским философом Д. С. Миллем. Он, в частности, писал: «С чувством удовольствия, смешанного с удивлением, узнал я, что в России нашлись просвещенные и мужественные женщины, возбудившие вопрос об участии своего пола в разнообразных отраслях высшего образования. То, чего с постоянно возрастающей настойчивостью безуспешно требовали для себя образованнейшие нации других стран Европы, благодаря вам, милостивые государыни, Россия может получить раньше других»*. Разумеется, сам факт недопущения женщин к обучению в университетах носил дискриминационный характер. Так или иначе, он подталкивал к активизации борьбы за женское равноправие, а порой — и к революционной борьбе против существующего режима в целом. Тем не менее следует отметить, что проблема обеспечения прав женщин в получении образования в России в основном была решена в первые десятилетия XX в.

Обратим внимание на то, что задолго до приобретения формального равноправия российские женщины не останавливались перед тем, чтобы вводить подобное равноправие, что называется, «явочным путем», то есть на бытовом, повседневном уровне. В этом, несомненно, сказывалась присущая России, так сказать, бытовая свобода, существующая часто в условиях отсутствия политических и правовых свобод. Бытовая свобода женщин проявлялась в том, что порой они даже «захватывали власть», подчиняя себе мужчин, в основном, конечно, из числа своих близких. Француз Шарль Массон в «Секретных записках о России времени царствования Екатерины II и Павла I» посвятил главенствующему положению женщины в России специальный раздел под характерным названием «Гинекократия». К наблюдениям французского автора, конечно, следует относиться с иронией, или лучше, — с юмором, в котором есть лишь доля истины. Очевидно, различие в роли женщин на Западе и в России столь поразило и

* Цит. по: *Розанов В. В.* Женское образовательное движение 60-х годов // *Розанов В. В.* Соч. в двух томах. М., 1990. Т. 1. С. 134.

даже ошеломило его, что он отчасти потерял способность здравого ума, и потому наблюдаемая картина предстала перед ним в гротескном виде. Он, в частности, писал: «Многие хорошо известные в Европе (российские. — *В. Ш.*) генералы были в эту эпоху в полном подчинении у жен своих. Управляющий Финляндией граф В. Пушкин не смел шелохнуться, не послав курьера к жене за советом. Граф Иван Салтыков и нравственно и физически стоял ниже жены своей, а военный министр прямо дрожал перед своей свирепой половиной. Но не подумайте, что это почти всеобщее подчинение происходило от рыцарского отношения... — женщины, упомянутые мною здесь для примера, все старые, некрасивые и злые. Подчинение это в буквальном смысле было подчинением слабого сильному... На стороне женского пола было естественное превосходство...

Вдали от двора частенько встречалось то же самое. Многие полковничьи жены входили во все мелочи полковой жизни: отдавали офицерам приказания, пользовались ими для личных услуг, увольняли их, а порой и повышали чинами. Госпожа Меллейн, полковница Тобольского полка, командовала им с настоящей военной выправкой; рапорты она принимала за туалетом, сама назначала в Нарве караулы, а благодушный супруг ее занимался тем временем в другом месте. Когда шведы попытались напасть врасплох, она, по свидетельствам очевидцев, вышла в полной форме из своей палатки, стала во главе батальона и двинулась на врага»*. По заключению Ш. Массона, мужчины в России едва ли не сведены до уровня домашних животных.

Причины этого французский автор видит, во-первых, в том, что во главе государства длительное время находилась женщина — Екатерина II, отличавшаяся властным и волевым характером: «В царствование Екатерины женщины заняли первенствующее место при дворе, откуда их первенство распространилось и на семью, и на общество». Во-вторых, — в крепостном праве («рабстве» — в его терминологии) и связанными с ним телесными наказаниями, которым подвергались крестьяне, прежде всего мужчины. Далее Массон пишет: «В деревне мужеподобность женщины была еще заметнее. Конечно, это встречается везде, где мужчины порабощены; вдовам и совершеннолетним девицам часто приходится управлять имениями, где, как стадо, живут их крепостные, то есть их собственность, их добро. В таких случаях им приходится вдаваться в подробности, мало подходящие их полу»**.

---

* *Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора. М., 1996. С. 142—143.

** Там же.

Хотя Ш. Массон в своих заметках делает акцент на якобы свойственном российской женщине стремлении занять место мужчины и даже принять мужской облик, последние его слова говорят о том, что выполнение женщиной мужских обязанностей во многих случаях являлось вынужденным. Такая трактовка представляется более правильной: в силу обстоятельств, не зависящих от желания или нежелания женщины, ей приходилось брать на себя значительную долю заботы о семье и коллективе, в том числе и в той части, которую принято относить к мужской. Например, долгое отсутствие мужчины в крестьянской семье, связанное с несением воинской службы, вынуждало жену брать на себя обязанности главы семьи. Во время войн, которые Россия вела на протяжении почти всей своей истории, так дело обстояло не только в крестьянских, но во всех российских семьях.

Внутренняя свобода, раскрепощенность женщин, несомненно, налагает отпечаток на особенности повседневного общения мужчин и женщин в России. Для такого общения в целом характерны простота, отсутствие чопорности в сближении полов, известная легкость нравов. «Молодые малороссиянки, которые хотя и строже нравами своих северных соотечественниц, но пошутить и повеселиться любят...»* — писал К. Леонтьев. То, что Леонтьев подразумевает под «пошутить и повеселиться», почти целиком основывается на намеках сексуального характера, которые могут заходить достаточно далеко и в которых в равной мере участвуют и мужская и женская половины. Общее веселье в России немыслимо без взаимного подтрунивания мужчин и женщин, парней и девушек, как это характерно, например, для частушек, а также без элемента ухаживания, впрочем, далеко не всегда являющегося выражением серьезных намерений. На подобном фоне, например, кампания, развернувшаяся с 80-х годов XX в. в США под названием «борьбы против сексуальных домогательств», воспринимается россиянами как нечто странное и непонятное. Так, в апреле 1999 г. музыканты группы О. Газманова были арестованы в США за то, что один из них дотронулся до американской участницы выступления — «приобнял», по его словам. Характерно, что сам «преступник» никак не мог взять в толк, в чем же заключается его вина.

Для характеристики взаимоотношения полов в России имеет значение сопоставление показателей средней продолжительности жизни мужчин и женщин. В 1996 г. продолжительность жизни мужчин в Российской Федерации равнялась 57,4, женщин — 72 года. Очевидно, что природа распорядилась мудро, возложив на женщину трудное бремя материнства и одновременно наделив ее большей жизнен-

* *Леонтьев К.* Записки отшельника. С. 392.

ной силой, чем мужчину. Последний, хотя и сильней физически, обладает меньшим запасом жизненности. Неслучайно, что женщины живут дольше мужчин практически во всех странах, в том числе и в самых развитых. Однако наблюдаемая в России разница в 15 лет едва ли не самая высокая в мире. Для сравнения приведем сведения продолжительности жизни мужчин и женщин в других странах. Так, в Швеции женщины в среднем живут 81 год, мужчины — 76 лет, во Франции — 82 и 74 года соответственно, в Канаде — 82 и 76 лет, в Бельгии — 80 и 73 года, в Мексике — 75 и 69 лет. В чем причины столь значительной разницы продолжительности жизни мужчин и женщин в России? Очевидно, о какой-либо «вине» женщин говорить не приходится. Вообще говоря, препирательства в рассматриваемом вопросе, непременно сводящиеся к перекладыванию вины с одного пола на другой, заведомо бессмысленны и не ведут ни к чему позитивному. Причины низкой продолжительности жизни мужчин следует искать прежде всего в факторах социально-экономического порядка.

В советское время на факт недостаточной продолжительности жизни мужчин обратил внимание видный социолог и демограф Б. Ц. Урланис. В ряде статей он нарисовал убедительную картину высокой смертности мужского населения, критического состояния здоровья и психологической уязвимости советских мужчин в период 60-х — начала 70-х годов. Особенно большое внимание привлекла его статья в «Литературной газете» с выразительным названием «Берегите мужчин!». Развернувшаяся вокруг нее дискуссия вполне в духе застойного времени ничем не закончилась, если не считать абсурдных препирательств между принявшими в ней участие мужчинами и женщинами. Впрочем, иного и не могло быть в условиях невозможности вести открытый разговор о пороках и коренных (а не «отдельных») недостатках социалистического общества. Между тем причины неблагополучного положения с мужчинами лежали, что называется, на поверхности. Они, прежде всего, — в отсутствии условий для действительной самореализации личности в рамках так называемого «развитого социализма». Характерная для социализма уравнительность закрывала для большинства пути к творческому самовыражению, а также к тому, чтобы обеспечить достаток, сколько-нибудь значительно превышающий средний убогий уровень. Тщетность всех легальных попыток выбиться из общей колеи, обеспечить себе и своей семье достойное существование, конечно, в наибольшей степени угнетающе действовала именно на мужчин, подрывая в них чувство уверенности в себе, лишая самоуважения, что в конечном итоге не могло не приводить к угасанию и утрате самого желания жить. К сожалению, избранный руководством России во главе с Ельциным курс «реформ» не улучшил, а ухудшил положение. Он лишь открыл путь к

сказочному обогащению для небольшой группы лиц посредством присвоения бывшей социалистической собственности и поставил большинство населения перед задачей элементарного выживания. Наибольшее угнетающее воздействие оказывает не столько актуальное состояние, сколько ощущение бесперспективности, охватившее вследствие так называемых ««реформ» большую часть населения России — за исключением, видимо, Москвы, в которой сосредоточены значительные финансовые и иные ресурсы.

Борьба за женскую эмансипацию не приняла в России сколько-нибудь ярко выраженных массовых организационных форм. Одной из причин этого является непопулярность того типа женщины, который ассоциируется с «оголтелой» поборницей женского равноправия. О таком типе женщины Бердяев писал: «Все эти девицы из зубоврачебных курсов, потерявших облик женщины, с истерической торопливостью бегающие на все сходки и митинги, производят отталкивающее впечатление, это существа, не имеющие своего «я», мужчины третьего сорта»*. Хотя такой тип и встречается в России, однако ему вряд ли когда-либо удастся добиться массовой поддержки. Во всяком случае, политические спекуляции на женской теме, рассмотрение вопросов семьи и материнства отдельно от общих вопросов социального развития в качестве вопросов якобы исключительно женских, не встречают серьезной поддержки населения. Об этом свидетельствует, в частности, неудача на выборах в Государственную Думу организации «Женщины России».

Вообще говоря, мысль о создании политической организации по половому признаку и о выступлении такой организации на выборах могла прийти только в очень извращенную голову, утратившую ощущение реальности под влиянием длительного воздействия партийно-государственной идеологии советского периода. А именно бывшие партийно-государственные деятельницы областного масштаба и составили ядро этой организации. Однако большинство российских женщин отнюдь не склонны утрачивать ощущение реальности настолько, чтобы посвящать свою жизнь бесплодной погоне за химерами. Присущий им здравый смысл направляет их энергию на практическое решение задач, на осуществление равноправия на деле, на самореализацию в реальной жизни. Российская женщина прекрасно отдает себе отчет в том, что в силах вступить в конкуренцию с мужчиной на любом общественном поприще и для этого не нужны никакие дополнительные внешние условия. Имея все возможности взять на себя любые мужские обязанности, а нередко и реально принимая их на себя, она скорее внутренне тяготится ими,

* *Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви. В кн.: Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 251.

мечтая о сильном мужчине, способном освободить ее. Женщина в России дорожит своей независимостью, которая является ее естественным внутренним состоянием также, как решимость и трезвость духа. Все это, разумеется, не препятствует ей быть женщиной, нуждающейся в достойном рыцаре и, подобно гриновской Ассоль, втайне от самой себя ожидать его волшебного появления на шхуне под алыми парусами...

«В России 8 марта — давно уже не День международной женской солидарности, — отмечала «Независимая газета». — Не стал он и днем борьбы за равноправие женщин, то ли по причине отсутствия феминисток, то ли из-за своей антифеминистической сути. 8 марта — день любви, и никакие попытки привить день католического святого Валентина не могут поколебать главенства мартовского красного дня календаря, кстати, единственного коммунистического праздника, не утратившего международного признания. Даже независимая Армения вернула 8 марта официальный праздничный статус»*.

Завершая рассмотрение вопроса об особенностях взаимоотношения полов в России и переходя к теме о российской сексуальности, обратим внимание на следующее обстоятельство. Известно, что именно две страны, имеющие общие исторические корни, — Дания и Швеция — явились вдохновительницами западной сексуальной революции. И именно в этих странах социальная роль женщины издревле была значительной. Женщина здесь никогда не находилась в столь безусловном подчинении мужчине, как это наблюдалось во многих других странах Европы. Данное обстоятельство позволяет выдвинуть предположение о существовании связи между значительностью социальной роли женщины и ее стремлением к сексуальной раскрепощенности. Насколько верным является данное предположение применительно к России?

3. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Для западноевропейской культуры вплоть до конца XIX в. в целом было характерно ханжески-лицемерное отношение к вопросам секса и сексуальных отношений. В качестве примера можно привести описание ситуации в столице Австро-Венгрии Вене, бывшей одним из самых значительных центров науки и просвещения в Европе. «Браки были поздними, в особенности у мужчин, которые обзаводились семьей лишь тогда, когда могли ее самостоятельно содер-

* Независимая газета. 6 марта 1999 г.

жать. Поэтому проституция в Вене процветала, а вслед за ней и врачи-венерологи. Нравы были не просто строгими, но, с сегодняшней точки зрения, чуть ли не абсурдными... Общество не только подавляло сексуальность, но и строжайшим образом запрещало о ней говорить. С. Цвейг в автобиографии писал о том, что люди были буквально захвачены мыслями на сексуальные темы, но практически никогда не нарушали табу и не должны были на сей предмет ничего говорить, причем для женщин этот запрет имел категорический характер... Молодая девушка не должна была иметь ни малейшего представления о том, откуда берутся дети, о мужской анатомии, не говоря уже о половой жизни. Цвейг рассказывает гротескную историю одной из своих теток, которая в первую брачную ночь прибежала домой к родителям с воплями: она не желает возвращаться к этому чудовищу-мужу, который вдруг начал ее раздевать»*.

Лицемерие и ханжество в вопросах секса, ставшие характерной чертой западноевропейского общества, порождали множество серьезнейших проблем. Нередко они вели к тяжелым фрустрациям, связанным с неудовлетворенным влечением. Конечно, во многом ханжество и лицемерие явились изнанкой так называемых «викторианских добродетелей», в которых центральное место занимали представления о мужском и, особенно, женском целомудрии. Однако не меньшую роль играло характерное для второй половины XIX — начала XX в. господство культуры просветительского типа. В рамках этого типа культуры человек представал как бесплотное и бесполое существо, целиком определяемое рационально контролируемыми и «научно» осмысляемыми намерениями. Знания, получаемые в процессе образования, ничего не говорили о страстной, чувственно-эмоциональной стороне человека, создавая ложное представление о ее несущественности, или еще хуже — изображая ее в качестве грязной, темной, недостойной. Неудивительно, что получение образования сопровождалось во многих случаях накоплением отрицательной энергии вследствие запретов, налагаемых по мере получения образования на сексуальную сферу самим человеком. Именно просветительный тип культуры стал причиной ханжески-лицемерного отношения к сексу и для части российского общества, прежде всего из числа интеллигенции.

Положение в этой области в России конца XIX в. может быть охарактеризовано словами В. О. Ключевского: «Современная интеллигентная барышня — пушка, которая заряжается в гимназическом классе, а разряжается в университетской клинике для душевноболь-

* *Руткевич А. М.* Психоанализ. Истоки и первые этапы развития. М., 1997. С. 71—72.

ных»*. Однако лицемерие все же не заходило в России столь далеко, как в описанной ситуации в Вене. Российская женщина всегда чувствовала себя менее стесненной, менее «зажатой»: «Любопытно, что приезжавшие на учебу или на лечение женщины из России считались в Вене чуть ли не непристойно «раскованными»**.

Свойственная России относительная раскованность в вопросах секса сохранялась и в советское время, хотя советской идеологией секс был отнесен к числу наиболее запретных тем. Многим памятен эпизод в одном из первых телевизионных «ток-шоу» эпохи горбачевской гласности. Его участница, женщина представительного вида, с горячностью воскликнула: «У нас секса нет!» Многие журналисты на этом основании поторопились сделать вывод об «отставании» России от «развитых» стран и в этой сфере. Однако в действительности мы здесь если и не «впереди планеты всей», то и не последние.

Россия еще в первые десятилетия XX в. пережила сексуальную революцию. Весьма серьезные изменения в российской сексуальной культуре происходили и раньше — в XIX в. Они в значительной мере трансформировали бывшую до того господствующей патриархальную традицию, превратив сексуальные отношения во вполне «современные» по понятиям той эпохи. Наконец, последняя по времени сексуальная революция в России совпала с периодом горбачевской «перестройки» и продолжается до сих пор.

Разумеется, советский период с характерным для него господством обязательной партийно-государственной идеологии затруднял нормальную эволюцию сексуальных отношений. Свойственная этому периоду информационная закрытость распространялась и на область секса, как и на взаимоотношения полов вообще. Неудивительно, что значительная часть советских людей пребывала в состоянии блаженной наивности и неведения относительно проблем сексуальности и сексуальных отношений. Однако из всего этого нельзя, разумеется, сделать вывод, что секс в Советском Союзе «умер», сохранившись лишь как средство воспроизводства населения. Есть все основания полагать, что, несмотря на неблагоприятные условия, характерная для России сексуальная культура не только сохранилась, но и продолжала развиваться.

Особенности сексуальной культуры, свойственные данной стране, следует отнести к числу ее отличительных цивилизованных черт. С этой точки зрения всякая страна, обладающая длительной историей и характеризующаяся своеобразной ментальностью, обладает собственной сексуальной культурой. Последняя включает в себя сово-

---

* *Ключевский В. О.* Соч. в девяти томах. М., 1990. Т. 9. С. 376.

** *Руткевич А. М.* Психоанализ. Истоки и первые этапы развития. М., 1997. С. 72.

купность норм, стереотипов поведения и ценностей, относящихся к области сексуальных отношений. В центре сексуальной культуры стоят образы половой любви, которые расцениваются в качестве положительных и, соответственно, такие, которые рассматриваются в качестве отрицательных.

На особенности сексуальной культуры оказывают влияние исторические традиции, присущие данной стране религиозные ценности, особенности национального характера в целом. В многонациональной стране общенациональная сексуальная культура (как и общенациональная культура вообще) не находится в прямой зависимости от конфессиональных и этнических традиций. Поэтому можно говорить, например, об общенациональной сексуальной культуре в Соединенных Штатах Америки, не упуская из виду исключительно разнообразный и крайне пестрый этнический и конфессиональный состав населения Соединенных Штатов. Именно так и поступает отечественный сексолог С. И. Голод, особо выделяя американскую сексуальную культуру и характеризуя ее как «прагматическую»*. К сожалению, исследователь не говорит об общероссийской сексуальной культуре. Из контекста его рассуждений напрашивается вывод, что такой культуры вообще не существует. Помимо американской сексуальной культуры, С. И. Голод дает характеристики еще двух типов — романской и славянской сексуальных культур. Такая классификация не выдерживает критики хотя бы потому, что произведена по разным основаниям. Она противоречит принятому им же признанию существования общеамериканской сексуальной культуры, которую пришлось бы разложить на романскую, англосаксонскую, скандинавскую, негритянскую и т. п. — чего автор не делает. Представляется, что неготовность и даже боязнь признать существование общероссийской (в дальнейшем для краткости будем именовать ее «российской») сексуальной культуры обусловлена тем же предрассудком, который мешает признанию общероссийского менталитета, общероссийского национального характера и в, конечном итоге, признанию самого факта существования российской цивилизации. Несостоятельность подобного взгляда, являющегося в действительности лишь предрассудком, была нами обоснована в главе 1. Там же была изложена идея о «двухъярусной» структуре менталитета, народного характера и личности, характерной для стран типа США и России как исключительно многонациональных и многоконфессиональных.

Согласно идее двухъярусности каждый представитель цивилизации является носителем характера и ментальности, *общих* для дан-

* *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996. С. 136—146.

ной цивилизации, *без обязательной* утраты социально-психологических черт той национальности, к которой он исходно принадлежит. Усвоение общих для данной цивилизации черт не предполагает также и обязательного отказа от конфессиональной принадлежности и отрицания тех черт характера, которые связаны с принадлежностью к той или иной конфессии. К числу общих для данной цивилизации черт следует отнести и характерные особенности сексуальной культуры.

Прежде всего, бросаются в глаза отличия российской сексуальной культуры от западной. «Русская литература не знает таких прекрасных образов любви, как литература Западной Европы, — писал Н. Бердяев. — У нас нет ничего подобного любви трубадуров, любви Тристана и Изольды, Данте и Беатриче, Ромео и Джульетты. Любовь мужчины и женщины, любовный культ женщины — прекрасный цветок христианской культуры Европы... У нас не было настоящего романтизма в любви. Романтизм — явление Западной Европы»*.

Западные традиции романтической любви имеют, как известно, глубокие исторические корни. Они ведут свое начало от XI — XIV вв., от эпохи крестовых походов. В этот период складывается вид любви, который принято характеризовать как куртуазную любовь, как амор. «Вокруг любви возник своеобразный культ... В центре этого культа оказалась конкретная женщина, — пишет современный исследователь. — Амор была личным и избирательным чувством. Предмет любви всегда тщательно выбирался любящим и не мог быть заменен никем другим. Чтобы стать достойной поклонения, женщине... полагалось иметь мужа и быть недосягаемой... Сущность куртуазной любви составляла свободно избранная и свободно дарованная любовь. В средние века считалось, что такая любовь недоступна супругам, руководствовавшимся в своем поведении интересами продолжения рода и собственности, а также политическими амбициями... Правила амор строятся на том, что рыцарь тайно поступает на службу к своей возлюбленной. Эта служба возвышает и облагораживает его: служа даме, рыцарь должен доказать свою доблесть. Здесь можно вспомнить слова одного средневекового автора: «Какая чудесная вещь любовь! Она заставляет мужчину обрести многие добродетели и развивает в нем положительные качества». Рыцарь должен был вынести любые испытания, изобретенные его дамой... Обычно рыцарь доказывал свою доблесть на турнирах и поединках. Мучения, которым подвергал себя добивающийся расположения дамы рыцарь, зачастую приближалось к самоистязаниям... Считалось, что каждое успешно пройденное испытание ведет к

* *Бердяев Н. А.* О Достоевском. В кн.: Эрос. Страсти человеческие. С. 86—87.

сближению влюбленных»*. Характерно, что куртуазная любовь культивировалась вопреки установлениям римско-католической церкви: «куртуазная любовь выглядит протестом против претензий христианской церкви на знание абсолютной истины. Являясь анаграммой слова roma, слово amor символизирует оппозицию Риму»**.

Вслед за эпохой куртуазной любви в Западной Европе наступает так называемый «галантный век». Такая характеристика часто прилагается к XVIII в. «Основным сексуальным лозунгом эпохи было возвращение к природе, секс считали естественным и не видели в нем ничего постыдного. Женщина была создана действительно для любви, а не для того, чтобы доставлять удовольствие мужчине. У нее была собственная сексуальная жизнь, она имела право на активную роль, а не только на подчинение мужчине. Культ эротизма поставил ее в самый центр жизни, все вращалось вокруг нее»***. При этом «супружеская верность сделалась смешным пережитком, ее никто ни от кого не ждал»****.

Разумеется, нормы галантной любви распространились только в аристократической среде и даже, точнее, — только в среде придворной знати. Однако косвенно они оказывали влияние и на более широкий круг людей. Оказывали они влияние и на высшие слои российского общества. Так, датский король поздравлял Петра Первого с тем, что тот «европеизируется» — завел себе любовницу. «Достойными» продолжательницами традиции европейской галантности стали три следующие властительницы России: Анна Иоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина Вторая, через спальни которых прошли десятки любовников. На российскую сексуальную культуру оказывала свое воздействие и вышеупомянутая куртуазная любовь, запечатленная во множестве романов, становившихся доступными все более широкому кругу российских читателей. Однако основные особенности российской сексуальной культуры определялись, разумеется, не западноевропейскими влияниями. Они формировались на основе традиций отечественной культуры, образа жизни и менталитета, одновременно составляя неотъемлемую часть последних.

Говоря об особенностях российской сексуальной культуры, следует, прежде всего, обратить внимание на такие ее качества, как интимность и душевность. Что касается интимности, то она связана с при-

---

* *Уолтрауд Айерлэнд.* Куртуазная любовь, или амор. В кн.: Эрос. Страсти человеческие. М., 1998. С. 44—46.

** Там же. С. 46.

*** *Филяр Мариан.* Галантная эпоха. В кн.: Эрос. Страсти человеческие. М., 1998. С. 50—51.

**** Там же. С. 50.

сущей России общей высокой оценкой значения интимности в жизни человека. Согласно такой оценке ценность важнейших сторон человеческой жизни определяется их интимностью и может быть утрачена при выставлении напоказ. «На счастье и на несчастье одинаково надо иметь двери, а не выставлять их напоказ», — говорит герой рассказа В. Распутина. С точки зрения российской ментальности не следует, разумеется, выставлять напоказ и столь интимную сторону жизни, как сфера сексуальных отношений. Она есть прерогатива только двоих и не терпит посторонних. Не случайно русский писатель советского периода Виктор Некрасов, проживший свои последние годы в Париже, по свидетельствам очевидцев, «долго не мог привыкнуть к поцелуям на каждом шагу — в метро, в магазине, на улице остановятся, обнимутся ни с того с сего — и взасос»*.

Очевидно, что причины характерно российской установки на интимность сексуальных отношений многообразны и глубоки. Тем не менее не исключено, что они связаны, в том числе, и со столь простым и легко обнаруживаемым обстоятельством, как особенности российского климата. Длящееся в течение восьми месяцев на большинстве территории России холодное время года не позволяет, конечно, проводить сколько-нибудь значительную часть жизни под открытым небом. Для жителей Италии и Франции да и большинства стран Европы последнее вполне привычно: едва ли не большая часть их времени проходит на воздухе — во дворике, в уличном кафе, на улице. При столь открытом образе жизни просто невозможно утаить от других людей многие подробности личной жизни. Да и нет необходимости утаивать, если отсутствуют ограничения, например, религиозного характера, такие, какие имеют место в мусульманских странах. Образ жизни, при котором едва ли не все события происходят в присутствии множества людей, делает привычным публичное проявление самых разнообразных страстей, публичное выяснение взаимных отношений, и, конечно же, — любовные поцелуи, которые уже никого не удивляют. Впрочем, Россия в ее современном виде вряд ли уступит Франции и Италии по публичным проявлениям сексуальности и, в частности, по количеству целующихся на улице. Однако было бы поспешным видеть в данном факте свидетельство утраты характерно российской сексуальной культуры. Он лишь свидетельствует об ее открытости относительно новых форм сексуального поведения и об отсутствии лицемерия, к чему мы еще вернемся.

Таким образом, особое значение интимности для российской сексуальной культуры связано со взглядом на физические проявления любви как на то, что не предназначено для посторонних глаз. Дру-

* *Конецкий В.* Последняя встреча // Огонек. 1988. № 35.

гая особенность, которая уже была упомянута, — душевность. Именно душевность отношений партнеров служит нравственным оправданием сексуальной связи. Под душевностью понимается сопереживательность и сердечность партнеров, независимость от соображений расчета и выгоды, самостоятельность и свобода выбора, совершаемого по велению сердца. Носитель российского менталитета ждет от любви духовной просветленности, того, что способно одухотворить и осветить жизнь, придать ей смысл, возвышающийся над обыденностью и над практическими нуждами и потребностями. По этим свойствам понимание любви в России во многом противостоит ее пониманию в американской сексуальной культуре. В последней прагматическая ориентация представлена достаточно отчетливо. В американской культуре акцентируются рациональные соображения такого типа: удовлетворение сексуальной потребности необходимо во имя здоровья, продолжения рода, стабильности брака и т. п.* Разумеется, подобные соображения занимают определенное место и в российской сексуальной культуре, однако, как правило, они не играют роли основных мотивов и двигательных пружин любовных отношений.

Одной из существенных особенностей российской сексуальной культуры является яркая выраженность в ней того аспекта любви, который принято обозначать греческим словом «агапэ». Это аспект милосердия, сострадательного участия любящих, сопереживательность и сердечность. Характерно в этом отношении есенинское выражение «ты меня не любишь, не жалеешь», в котором слова «любить» и «жалеть» являются почти что синонимами, тогда как «я хочу тебя» (I want you) по-русски имеет оттенок вульгарности. Один из художественных фильмов эпохи хрущевской оттепели стал заметным событием в духовной жизни страны уже потому, что затронул бывшую запретной тему первой любви. Фильм режиссера Василия Левина так и назывался «Повесть о первой любви» (1957). Он был поставлен по одноименной повести А. Атарова и рассказывал о любви школьников-подростков. Характерно, что возникшее между героем фильма Митей (артист К. Столяров) и героиней Олей (артистка Д. Осомоловская) раннее чувство оправдывается авторами, прежде всего, из соображений сострадания. После смерти матери Оля остается сиротой, а ее друг Митя, не желая оставлять свою подругу в беде, приводит ее в родительский дом. Тема подростковой любви решается авторами в тесной связи с мотивом заботы, сострадательного участия в судьбе любимого человека. В отношении Мити к Оле на первый план вынесены именно забота и стремление поддержать в трудную минуту, тогда как собственно сексуаль-

* См. *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. С. 143.

ная сторона отношений показана в фильме с исключительным тактом. Сострадательность, сердечное участие, умение сопереживать — таковы главные компоненты любви, превращающие ее в важнейшую часть жизни, способствующую духовному просветлению человека. Эта мысль отчетливо выражена во многих произведениях литературы и кинематографии советского периода. Достаточно назвать такие фильмы, ставшие кинематографической классикой, как «Летят журавли», «Дорогой мой человек», «Дом, в котором я живу», «Баллада о солдате» и другие. Такое решение темы отнюдь не являлось данью обязательной партийной идеологии, ибо последняя в таких случаях лишь паразитировала на традиционных ценностях культуры.

Свидетельством глубокой укорененности в русской культуре сострадательного мотива для любовных отношений служит изображение любви в романах Достоевского. Так, Н. Бердяев подчеркивает, что герой романа «Идиот» князь Мышкин «любит Настасью Филипповну жалостью, состраданием, и сострадание его беспредельно»*. Согласно Бердяеву, Достоевским особенно глубоко раскрыты две стороны половой любви — сострадание (жалость) и сладострастие. У Достоевского «всюду женщины вызывают или сладострастие или жалость, иногда одни и те же женщины вызывают эти разные отношения. Настасья Филипповна у Мышкина вызывает бесконечное сострадание, у Рогожина — бесконечное сладострастие. Соня Мармеладова, мать подростка вызывают жалость, Грушенька вызывает к себе сладострастное отношение. Сладострастие есть в отношении Версилова к Екатерине Николаевне, и он с жалостью любит свою жену»**.

Достоевский со свойственной ему проницательностью увидел и четко обозначил два полюса любви, характерные для российской сексуальной культуры. Если сострадание тяготеет к целомудренности, то сладострастие, напротив, выражает страстную, «дионисийскую» природу любви или, пользуясь образом Бердяева, — «вулканическое извержение, динамитные взрывы страстной природы человека». Любовь, в которой обнаженно противоборствуют сострадание и сладострастие, не подчиняется никаким канонам, никаким правилам. Ее проявления стихийны и непосредственны. В этом ее отличие от куртуазной любви, в которой партнеры строго следуют принятым правилам, играют взятые на себя роли. Кроме произведений Достоевского такой тип любви нашел свое отражение во многих произведениях отечественной литературы. Ярким ее примером является любовь Григория Мелихова и Аксиньи в «Тихом Доне» М. Шолохова. Здесь сострадание и сладострастие непосредственно совмещаются в одном глубоком, сложном и противоречивом чув-

---

* *Бердяев Н.* О Достоевском. В кн.: Эрос. Страсти человеческие. С. 88.
** Там же. С. 89

стве. Герой «Поднятой целины» Давыдов ощущает сладострастие по отношению к Лушке, в его же чувстве к Варе преобладают мотивы сострадания.

Сладострастие в своем обнаженном виде неизбежно переходит в разврат. Последний разрушает человеческую личность, губит человека. В образе Свидригайлова Достоевским показано перерождение личности, гибель личности от безудержного сладострастия, перешедшего в безудержный разврат. В основе абсолютизации сладострастия лежит представление о половом акте как унизительном для человека, греховном состоянии. Именно представление о неустранимой греховности, животности и, следовательно, запретности половых отношений составляет движущую силу сладострастия. Но такой же глубоко ложный взгляд на половые отношения может лежать и в основе строгого морализма, категорически отрицающего всякое положительное значение полового акта для межличностных отношений. При таком взгляде оправданность полового акта усматривается исключительно в деторождении. Стремление же к половому акту самому по себе с этой точки зрения есть якобы не что иное, как низменное желание удовлетворения похоти. Глубоко ошибочный взгляд на половой акт как на унизительное для человека животное состояние далеко не преодолен в рамках российской сексуальной культуры. Наиболее ярко этот взгляд представлен в воззрениях Л. Н. Толстого.

Согласно Толстому, половая любовь вообще не имеет ничего общего с любовью как таковой, с любовью подлинной. Он писал: «Называют одним и тем же словом любовь духовную — любовь к Богу и ближнему и любовь плотскую мужчины к женщине или женщины к мужчине. Это большая ошибка. Нет ничего общего между этими двумя чувствами. Первое — духовная любовь к Богу и ближнему — есть голос Бога, второе — половая любовь между мужчиной и женщиной — голос животного»*. Согласно Толстому, сладострастие есть грех и грязь, проявление животности. Предаваться сладострастию возможно лишь, как предаются тайному пороку.

«Мы до сих пор отравлены этим ощущением греховности и нечистоты всякого сладострастия любви и грязним этим ощущением тех, кого любим», — писал по поводу подобных воззрений Н. Бердяев. Он настаивал, что «вопрос о сладострастии иначе должен быть поставлен, пора перестать видеть в сладострастии уступку слабости греховной человеческой плоти, пора увидеть правду, святость и чистоту сладострастного слияния»**. Согласно Бердяеву, «само сладострастие может быть разное: может быть дурное и уродливое, но

---

* *Толстой Л. Н.* Путь жизни. М., 1993. С. 96.

** *Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви. В кн.: Русский эрос, или Философия любви в России. С. 257.

может быть хорошее и прекрасное. Может быть сладострастие как рабство у природной стихии, как потеря личности, но может быть и сладострастие как освобождение от природных оков, как утверждение личности»*.

Вопрос о природе половых отношений, об их оценке с позиций нравственности является одним из жгучих вопросов человеческого бытия. В конечном итоге именно на решение этого вопроса были направлены все *сексуальные революции*, происшедшие в Европе и мире в XX в.

«Сексуальная революция произошла в Америке приблизительно во время Первой мировой войны, — пишет американский автор, — и с тех пор каждое последующее поколение женщин исходило из новых представлений о сексуальной свободе, развивая их дальше»**. Конечно, можно считать, что уже галантный XVIII в. произвел первую сексуальную революцию. Но она коснулась очень незначительной части населения, преимущественно высших кругов общества. Кроме того, — и это самое важное, — решение, предложенное галантной эпохой, не могло устроить большинство людей: уж очень сильно оно расходилось с нормами общепринятой морали и нравственности. В Европе XVIII в. в общем и целом оставались господствующими патриархальные взгляды на сексуальные отношения. Эти взгляды отвергали самоценность половых отношений, половой акт оправдывался только необходимостью деторождения. Например, с точки зрения крупнейшего мыслителя XVIII в. И. Канта, половой акт, не преследующий цели продолжения рода, не оправдан даже в законном браке. «Цель природы в совокуплении мужчин и женщин, — писал И. Кант, — в продолжении, то есть сохранении рода; поэтому по меньшей мере нельзя действовать против этой цели. Но позволительно ли, не принимая во внимание эту цель, такое совокупление (даже если это происходит в браке)?»***

По мнению М. Лернера, сексуальная революция в Америке первых десятилетий XX в. учредила три свободы: «свободу нарушать формальные кодексы; свободу избирать формы сексуального поведения, отличные от общепринятых; свободу полного самовыражения в интимной сфере как необходимое условие счастья»****. Сексуальная революция происходила в России приблизительно в то же время, что и в Европе и США — от кануна Первой мировой войны и включая начало 20-х годов. Ее движущие мотивы были в общем и

---

* *Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви. В кн.: Русский эрос, или Философия любви в России. С. 157—258.

** *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 2. С. 175.

*** *Кант И.* Избранные труды. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 363.

**** *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 2. С. 181.

целом те же, что и в Европе и Америке, — протест против ограничений и запретов, налагаемых на область секса традиционной моралью, протест против общепринятого лицемерия по отношению к сексу.

Однако после Октябрьской революции и гражданской войны российская сексуальная революция приобрела своеобразие, существенно отличающее ее от европейской и североамериканской. Это своеобразие предопределилось большевистской властью, в первую очередь, ее установкой на мировоззренческую монополию, на подавление инакомыслия. В условиях все более укрепляющейся большевистской диктатуры обсуждение вопросов секса не могло проходить иначе как под лозунгами классовой борьбы и мировой революции. Прямая зависимость от политической линии партийно-государственной власти предопределила две главные особенности послеоктябрьского периода российской сексуальной революции: крайний радикализм и многообразие точек зрения в начале 20-х годов и, напротив, установление «сверху» обязательного для всех единого кодекса сексуального поведения в начале 30-х. Обсуждение проблем сексуальных отношений велось в рамках выработки новой, так называемой «пролетарской» морали, призванной отбросить все достижения предшествующей мысли как ненужный хлам, как «буржуазные» предрассудки. В условиях, когда стали недоступными работы многих отечественных авторов дооктябрьского периода, так же как и труды авторов зарубежных, обсуждение сексуальных проблем не отличалось достаточным уровнем знаний и культуры. Нередко оно вырождалось в простое провозглашение радикальных лозунгов безграничной сексуальной свободы. Семья и брак отвергались как «пережитки капитализма».

В 20-е годы широкую популярность получила повесть С. Малашкина «Луна с правой стороны», посвященная новой, «пролетарски-революционной» трактовке сексуальных отношений. Повесть широко обсуждалась на тысячах диспутов по всему Советскому Союзу. Ее главный герой Исайка Чужак выразил новое кредо в речи перед участниками групповых сексуальных игр. «Стоя на столе перед несколькими парами юношей и девушек (последние... были одеты в газовые прозрачные платья), он, как заправский оратор, вещал: любовь красива и свободна только до тех пор, пока есть необходимость в другом. Ведь марксизм говорит: сознание необходимости — это и есть свобода. В любви люди дополняют друг друга и лишь из такого сочетания может получиться полный человек. Поэтому нарушение гармонии, появление диссонирующих ноток должно приводить к разрыву связи. В противном случае отношения перерождаются в насилие одного пола над другим. Следует ли страшиться разрыва? — задается риторическим вопросом студент. И отвечает в категорической форме — нет. Ибо

это вполне закономерно. И затем Исайка уточняет: живя в «иных» условиях, он встречает женщину — товарища по делу и взглядам, у них зарождаются общие интересы, они стали дополнять друг друга и тем самым устанавливается новая связь, а предыдущая с полным сознанием необходимости расторгается»*.

Однако взгляды, подобные высказанным героем повести, не находили широкой поддержки в молодежной среде. Они скорее выступали своеобразным вызовом прежним представлениям. Что же касается положительного решения, то в рассуждениях Исайки его по сути и нет, — ведь не принять же за таковое наивные рассуждения о «свободе необходимости»! Обязательные для всех сексуальных революций отрицание прежних форм сексуальных отношений, протест против ханжества и традиционных запретов не могли не сопровождаться поиском новых идеалов, новых форм нравственного оправдания секса. Одним из ответов на этот поиск можно считать статью известной большевистской деятельницы того периода Александры Коллонтай под выразительным названием «Дорогу крылатому эросу!». Если исключить из статьи неизбежную по условиям эпохи коммунистическую риторику, то в ней можно усмотреть целый ряд положений, достаточно убедительно отвечавших на острые вопросы сексуальной революции. Коллонтай, во-первых, подчеркивает, что для любви не могут быть устанавливаемы внешние ограничения — любовь есть сугубо внутреннее дело ее участников. Общество не вправе предписывать любящим какие-либо обязательные формы сексуальных отношений; выбор этих форм — суверенное право партнеров. Во-вторых, моральными можно считать такие отношения полов, которые сопровождаются духовно-эмоциональными переживаниями обоих партнеров. То есть это такие отношения, которые, если и не могут быть названы любовью по самым высоким меркам, то, по меньшей мере, окрашены в любовные тона и сопровождаются любовной страстью. Наконец, Коллонтай подчеркивает недопустимость отношений, при которых один из партнеров рассматривается другим как собственность, как средство, не как цель. Напротив, равенство и взаимное уважение, понимание друг друга суть непременные условия любви.

Тесная связь российской сексуальной революции 20-х годов с партийно-государственной идеологией не позволила этой революции протекать в формах свободного и широкого обсуждения. Результаты дискуссий в последующее время намеренно замалчивались, находились под запретом. Уже в 30-е годы в вопросах секса восторжествовала линия столь же лицемерно-ханжеская, какой она была до начала обсуждений. Разница состояла в том, что теперь лицеме-

* См. *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. С. 22—23.

рие и ханжество выступили в «революционной» классово-большевистской словесной оболочке. Для примера можно привести следующие пассажи: «Половой отбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности, а потому в любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специального полового завоевания». Или: «Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешиваться в половую жизнь своих членов»*.

Вмешательство партийных и комсомольских органов «в половую жизнь своих членов» стало повседневной советской практикой на долгие десятилетия. В ходе такого вмешательства святотатственному осквернению подвергались самые интимные переживания и чувства, выставлялось на общественное поругание то, что должно составлять сокровенную тайну, принадлежащую лишь двоим, бесцеремонно и скрупулезно выискивался всякого рода «компромат» с целью дискредитации противоположной стороны. Не удивительно, что многие пары и даже семьи оказывались не в состоянии вынести публичные надругательства и распадались. К тому же в обстановке политических репрессий борьба за «чистоту» половых отношений нередко использовалась как удобный повод и средство для достижения карьерных целей, для дискредитации политических противников и т. п.

Несмотря на столь неудачное завершение, тем не менее вряд ли оправданно отрицать положительное значение сексуальной революции в России 20-х годов. Вопреки неизбежной в тех условиях зависимости от идеологических догм, российская сексуальная революция в целом учредила те же свободы, на которые обратил внимание американский автор, характеризуя аналогичную революцию в США: «свободу нарушать формальные кодексы; свободу избирать формы сексуального поведения, отличные от общепринятых; свободу полного самовыражения в интимной сфере как необходимое условие счастья». Несомненно, осуществление этих свобод сталкивалось в условиях большевистской власти с гораздо более серьезными трудностями, чем в странах Запада. Однако, надо иметь в виду, что речь в данном контексте идет, прежде всего, о *внутренней* свободе, о снятии запретов внутреннего характера. Российский человек теперь мог решиться на нарушение внешних запретов, если был уверен в своей правоте внутренне, находил самостоятельное моральное оправдание, исходил из собственных нравственных предпочтений. Возврат к безусловному восприятию внешних запретов в полном объеме стал невозможен.

Сексуальная революция, начало которой совпало со временем горбачевской перестройки (то есть вторая российская сексуальная революция в XX в.), во многом оказалась не более чем «повторени-

* См. *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. С. 34—35.

ем пройденного». Общество в короткие сроки и в форсированном режиме, часто в уродливой форме, публично и открыто воспроизвело то, что было хорошо известно, но было погребено под прессом всяческих запретов. На волне, прорвавшей плотину запретов, в первую очередь появились всякого рода низкопробные и безвкусные поделки, призванные эпатировать читателя и зрителя. В какое-то время едва ли не все места массового скопления людей — вокзалы, аэропорты, гостиницы и др. — покрылись плакатами сексуального содержания. Впрочем, вскоре здравого ума хватило, чтобы понять, что сексуальная революция отнюдь не равнозначна развешиванию фотографий голых девиц везде, где заблагорассудится. Подлинной же новостью десятилетия 90-х годов XX в., имеющей не показное, а существенное значение, стало открытие нашим читателям ранее неизвестного ему огромного пласта западной литературы по вопросам секса, среди которой много по-настоящему серьезных произведений.

Освоение новой для российского читателя зарубежной и забытой отечественной литературы по вопросам любви и секса следует считать основным содержанием современного этапа сексуальной революции в России. Это, следовательно, по преимуществу «образовательный» этап. Кроме произведений, которые можно отнести к серьезным, огромное влияние на современную сексуальную культуру России оказывает, разумеется, западная массовая культура. Именно она во многом определяет черты сексуального поведения, признающиеся сегодняшней молодежью «модными», «современными» и т. д. Легкая усвояемость (в большинстве случаев поверхностная) западных и вообще зарубежных образцов — характерная черта российской сексуальной культуры. Заимствованные образцы отнюдь не разрушают исконного, самобытного, а образуют с ним некоторое сложное, рационально трудно постижимое единство — «внешнюю дисгармонию при внутренней гармоничности». Это не может не свидетельствовать об открытости российского характера по отношению к новым формам сексуального поведения, об отрицательной оценке ханжески-лицемерного отношения к вопросам секса.

4. СЕМЬЯ И БРАК В РОССИИ

«Русский человек несемейственный», — утверждал Константин Леонтьев*. Леонтьев обращал внимание на резкие отличия от русского национального характера тех народов, которые близки русским по языку и вере и которых общественное мнение в России рассматривало как народы-братья. «И греки, и болгары, — писал он, — по духу

* *Леонтьев К.* Записки отшельника. М., 1992. С. 39—40.

домашней жизни своей одинаково буржуа, одинаково расположены к тому, что сами же немцы обозвали филистерством... Тогда как размашистые рыцарские вкусы польского шляхтича ближе подходят к казачьей ширине великоросса»*.

Действительно, во многих произведениях отечественного искусства мы встречаем картину, в которой муж находится как бы за пределами семьи. Не мужчина-семьянин, а мужчина-непоседа, занятый покорением Севера, Сибири или Дальнего Востока, участник гигантских строек, мужчина, уходящий на войну, в крайнем случае — целиком поглощенный наукой, — таков один из популярных мужских образов российского искусства. Он запечатлен во многих кинофильмах советского времени, таких, как «Добровольцы», «Два капитана» (по роману В. Каверина), «Летят журавли», «Девять дней одного года» и другие. В свою очередь, жизненная ситуация жены, ожидающей мужа, ушедшего в силу тех или иных обстоятельств (чаще всего драматических или даже трагических) в далекий поход, становится основой и мотивом многих выдающихся произведений русской литературы, — от «Плача Ярославны» в «Слове о полку Игореве» до знаменитого стихотворения Константина Симонова «Жди меня». Тот же мотив семейной разлуки находим, например, в популярной песне советских времен:

Лейся песня на просторе,
Ты не жди, не плачь, жена.
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна!

Несомненно, что обилие подобных сюжетов объясняется особенностями российской истории, тяжелейшими историческими испытаниями, выпавшими на долю россиян, а также постоянной необходимостью освоения огромных пространств с суровыми климатическими условиями. Искусство, конечно, не могло не отразить обусловленных этими обстоятельствами ситуаций семейной разлуки и связанных с ними переживаний. Однако нельзя не усмотреть в произведениях искусства и в самих этих жизненных ситуациях характерную для русского духа устремленность вдаль, его нежелание ограничить себя узкими рамками домашнего уюта и комфорта.

Я хотел бы остаться с тобой,
Просто остаться с тобой,
Но высокая в небе звезда
Зовет меня в путь.

* Там же. С. 392.

Автор этих строк, ставший популярным в 80-х годах рок-музыкантом, выдающийся российский певец и композитор Виктор Цой точно выразил эту характерную устремленность ввысь и вдаль, ставшую неотъемлемой чертой общероссийского национального характера. В ее основе — удаль, по словам сторонника евразийства Н. С. Трубецкого, «добродетель, непонятная ни романо-германцам, ни другим славянам». Устремленность российского духа к возвышенным и широким перспективам — отнюдь не непреодолимое препятствие для семейной жизни, о чем мы подробнее скажем ниже.

В ситуации разлуки по-особому осмысливается миссия жены. Она не только в том, чтобы ждать и плакать, но и в том, чтобы выручать попавшего в беду мужа. Такой взгляд на женскую миссию обнаруживается уже в «Слове о полку Игореве». «В сущности, любовный сюжет «Слова» выстроен как антикуртуазный роман, где героиню спасал ее возлюленный или рыцарь-супруг, — пишет Светлана Кайдаш. — Ярославна сама вызволяет мужа из беды»*. Как известно, куртуазная любовь предполагает преодоление мужчиной множества препятствий, с которыми он должен справиться самостоятельно. Женщина же остается наблюдательницей или судьей, хотя и пристрастным, но принципиально находящимся в стороне, «над схваткой». Важнейший смысл куртуазного романа в том, что мужчина, демонстрируя свою доблесть, побеждает всех врагов и выручает свою возлюбленную. Любовь достается ему как награда за мужество и отвагу. Своеобразной вариацией на темы куртуазной любви можно считать, например, романы Дж. Флеминга и поставленные по ним фильмы о Джеймсе Бонде. В куртуазной схеме женщина в целом пассивна, она — награда или своего рода добыча в соревновании мужчин. В «Слове» же роль женщины представлена как более активная. Такая же, активная роль отводится женщине во многих произведениях русской литературы: вспомним пушкинскую Татьяну, которая первой решается на признание в любви в письме к Евгению Онегину. Активность женщины предполагает и соответствующее изменение роли мужчины. От него теперь требуются не только мужество и отвага, но и такие качества, как душевная чуткость, способность понять женскую душу, по достоинству оценить ее порывы. Неслучайно Пушкин, как и читатели, справедливо (хотя и очень деликатно) укоряет Онегина за холодность и равнодушие.

Есть достаточные основания утверждать, что для России характерно доминирование женщины в семье и, соответственно, подчиненное положение мужа. О ведущей семейной роли женщины прямо или косвенно свидетельствуют многие произведения отечественной культуры и другие источники. Молодой Н. Г. Чернышевский, раз-

* *Кайдаш С. Н.* Сила слабых. Женщины в истории России. С. 34.

мышляя накануне свадьбы о своей будущей жене, писал: «Я всегда должен слушаться и хочу слушаться того, что мне велят делать, я сам ничего не делаю и не могу делать — от меня должно требовать, и я сделаю все, что только от меня потребуют; я должен быть подчиненным... так и в семействе я должен играть такую роль, какую обыкновенно играет жена, и у меня должна быть жена, которая была бы главой дома. А она именно такова. Это-то мне и нужно»*.

По свидетельству двоюродной сестры Чернышевского, главенствующее положение в родительском доме Чернышевского занимала мать, отец же находился в подчиненном положении: «Что Евгения Егоровна скажет, то Гавриил Романович и выполняет. У нас в семье только и было разговору, Евгения Егоровна делала то-то, Евгения Егоровна распоряжалась так-то»**. Очевидно, что Чернышевский переносил опыт жизни своих родителей на свою собственную.

Характерно, что в случае Чернышевского мы можем проследить, как сказывается бытовое доминирование женщины на области сексуальных отношений. Чернышевский уступает сексуальную инициативу женщине: «Как это будет совершаться у нас? Я желал бы, чтоб это устроилось так, чтоб обыкновенно я бывал у нее по ее желанию, чтоб инициатива была не так часто с моей стороны. Но это противно всем обычным отношениям между полами? Что ж такого? У нас до сих пор все наоборот против того, как обыкновенно бывает между женихом и невестой: она настаивает, я уступаю... Почему же не быть так и в половых отношениях? Обыкновенно жених ищет невесты, подходит к ней, заговаривает с нею — я наоборот, я дожидаюсь, чтоб она подошла ко мне и сказала: «Говорите со мной, сидите со мною». Так и тут — может быть, и будет так: «Вы можете быть ныне у меня». — «Покорно благодарю, О. С.» («О. С.» — Ольга Сократовна, жена Чернышевского. — *В. Ш.*). Как видим, сам Чернышевский осознает нетипичность своего желания уступить сексуальную инициативу жене. Что же касается доминирующей роли женщины в остальных вопросах семейных отношений, то такая роль рассматривается им как традиция предков, которой он следует, не стремясь внести в нее ничего принципиально нового.

Доминирующее положение женщины в семье свойственно не только России. «Однажды мне пришлось участвовать в собеседовании молодых девушек, — пишет японский автор, — разговор зашел о супружеских отношениях в Японии. Я с удовольствием выслушал единогласное и откровенное мнение, что в семье у каждой из собе-

---

* *Чернышевский Н. Г.* Сочинения. Т. 1. С. 473—474.

** Цит. по: *Паперно И.* Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 96.

седниц мать занимает главное место, а отец, хотя и не выражает этого на словах, проявляет к матери исключительно бережное отношение. И я полагаю, что такое положение существует не только в семьях присутствовавших на собеседовании девушек, но и характерно вообще для всякой японской семьи»*. Можно сделать вывод о том, что в доминирующем положении женщины в семье нет ничего необычного или исключительно российского. Более того, если женщина — устроительница семейного очага, то иначе и не может быть, — ее роль в семье непременно должна быть главенствующей.

Для понимания особенностей семейных отношений в России имеет значение еще один образ, также представленный в российской ментальности. Это — лихой мужчина, любитель и любимец женщин. «Нет спора, наш великоросс по природе «вивёр», — писал Леонтьев. — Пламенная религиозность его сочетается, как у итальянца, нередко с большим женолюбием и любовью к кутежу»**. «Болгарин или серб, если склонен к сластолюбию и женолюбию, то из него скорее выйдет лицемер вроде Jacque Ferrque в «Парижских тайнах», чем Лихач-Кудрявич Кольцова»***. Образ лихого мужчины — любителя женщин не столь уж ярко представлен в российском искусстве и литературе. Тем не менее его следует отнести к числу характерных для российской ментальности. Этот образ можно найти в фольклоре, в народной песне, в стихах поэтов, таких, как, например, С. Есенин, то есть близких народной традиции. Своеобразное отражение его можно усмотреть в такой, например, популярной песенке наших дней:

И тогда я поняла,
Чё те надо, чё те надо,
Но не дам я тебе,
Чё ты хошь.

Эти строки, помимо всего прочего, красноречиво свидетельствуют о простоте отношений, отсутствии чопорности и лицемерия в сближении полов, известной легкости нравов. Заметим, что характерное российское отношение к супружеской измене обнаруживается в сопоставлении с другими странами. Хорошо известен по многим фильмам «муж-рогоносец» в Италии, заслуживающий презрения и осмеяния. В России потерпевший муж скорее заслуживает сочувствия, впрочем, в большинстве случаев молчаливого, либо

---

* *Исидзака Иодзиро.* Листки из портфеля. В кн.: *Григорьев М. П.* Лик Японии. Переводы и эссе. М., 1997. С. 252.

** *Леонтьев К.* Записки отшельника. С. 390.

*** Там же. С. 396.

осуждается за плохую заботу о жене, которая «правильно сделала», что решилась на измену. Впрочем, идеальным образцом в этом вопросе служит, видимо, пушкинская Татьяна с ее словами, известными в России каждому: «Но я другому отдана; я буду век ему верна».

Вместе с тем необходимо особо подчеркнуть, что для российской ментальности характерно понимание *девичества* и *супружества* как образов жизни, существенно отличных друг от друга. При этом каждый из них по-своему хорош, по-своему интересен. Если супружество налагает на женщину целый ряд обязательств, неизбежно ограничивает ее свободу, то одновременно оно дает женщине (как и мужчине) новые жизненные ощущения, обогащает палитру переживаний, делает жизнь более насыщенной и полной. Забота о семье может восприниматься не как обременяющая тяжесть, а как радость, недоступная тем, кто не обзавелся семьей и, следовательно, лишен возможности о ней заботиться. Вместе с тем в российской ментальности представлен и противоположный взгляд на супружество — как на мрачный период в жизни женщины. В рамках этого взгляда семейная жизнь порой воспринимается едва ли не как каторга, как заточение, как жизнь, полная мучительных страданий, как безрадостное состояние угнетенности и подавленности. Надо признать, что в популяризацию такого взгляда внесла немалый вклад русская классическая литература XIX в.

Ранее мы уже отмечали, что было бы неверным смотреть на литературу как на прямое отражение жизни. Вряд ли правильно по литературе делать однозначные выводы относительно жизни и доминирующих в ней форм, укладов и обычаев. Так, во всей русской (впрочем, как и в западной) литературе едва ли найдется сколько-нибудь яркое описание хотя бы одной счастливой супружеской пары, едва ли встретится запоминающийся образ женщины, по-настоящему счастливой в браке. А вот женщин-страдалиц, стремящихся вырваться из семьи, как из клетки, — великое множество. Достаточно вспомнить Катерину из «Грозы» А. Н. Островского и Анну Каренину Л. Толстого. Литература является активным фактором жизни хотя бы потому, что изучается в школе, воздействует на формирование мировоззрения, причем в юном возрасте. В этом смысле ее значение тем более велико, что в России на протяжении длительного периода были ослаблены многие механизмы социальной регуляции. Так, влияние церкви на мировоззрение и поведение большинства людей в России стало незначительным еще в предреволюционные годы, а в советское время было сведено почти на нет. Невелико оно и в постсоветской России.

Счастье и радость семейной жизни способен испытать тот, кто готов вынести совершенно естественные для нее тяжести, преодолеть немалые трудности, без которых семейная жизнь невозможна.

Семья может приносить удовлетворение тому, кто в детские годы сформировал для себя положительный образ семейного существования, с молодости живет ожиданием семейного счастья, будучи готов во имя него перенести немалые трудности и ограничения. Можно ли сформировать положительный образ семейной жизни на основе, например, знаменитого стихотворения Н. А. Некрасова «Тройка» — вопрос риторический:

Завязавши под мышкой передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни, появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Образ семейной жизни формируется под воздействием детских впечатлений, отрезка жизни, проведенного в родительской семье. Кто в детстве был окружен семейным теплом и заботой, тот в зрелости, как правило, оказывается способным к творчеству собственной семейной жизни. Тому же, кому в детстве не повезло, наука семейного бытия дается с большим трудом. Сказанное можно отнести и к великому русскому поэту, автору приведенных строк. Сложившийся в детстве негативный образ семьи, несомненно, повлиял на судьбу Некрасова, на обстоятельства его личной жизни, на его неспособность создать полноценную семью. Именно этим, видимо, можно объяснить (хотя бы отчасти) широко известный факт, что Некрасову в конечном итоге пришлось делить со своим другом одну женщину на двоих, то есть жить жизнью, по-французски называемой «менаж-а-труа». Некрасов не единственный из русских поэтов, испытавших на себе этот путь. В XX в. его опыт был повторен не менее известным автором, ставшим классиком советской литературы, но

также не сумевшим обрести семейного счастья и закончившим жизнь трагически. Живя втроем с любовницей и ее мужем, Маяковский к тому же, в отличие от Некрасова, не затруднял себя тем, чтобы брать на свои плечи заботу о материальном благосостоянии «троицы», предпочитая жить на средства мужа, высокопоставленного советского чиновника. Другое отличие классика советского от классика XIX в. заключалось в том, что, если последний видел российскую жизнь в исключительно мрачных тонах («Выдь на Волгу, чей стон раздается...»; «косточки, косточки русские...»; «Что там? Толпа мертвецов!» и т. п.), то советский, напротив, столь же нереалистически и легкомысленно предавался розовым мечтаниям, презирал «единицу» (мысль, строго противоположная уважению к личности), предлагал делать из людей гвозди и растрачивал свой талант на воспевание земных кумиров. Без всякого Фрейда ясно, что неустроенность в сексе, постоянно гложущее ощущение собственной мужской несостоятельности не могло не сказываться на творчестве.

Вернемся к изображению семьи в русской литературе. Среди наиболее ярко запечатленных в ней образов женщины, о которых речь шла выше, — «гений дивной красоты», «женщина-труженица», «женщина-мать» — почти полностью отсутствует образ женщины *устроительницы домашнего очага*. Трудно судить, чем объясняется этот факт. Является ли он отражением реальности или его следует отнести на счет особенностей литературы, на счет того специфического подхода к реальности, который характерен для русской литературы: ее уклона в сферу социально-политическую, в сторону проблем глобально-исторического, «вселенского» масштаба? Естественно, что сосредоточенность на такого рода проблематике не способствовала вынесению на передний план образа женщины устроительницы домашнего очага. Впрочем, нельзя, очевидно, сказать, что этот образ чрезвычайно популярен в какой-либо из европейских литератур. Художественную литературу вообще больше привлекает ситуации скорее нестандартные, чем обыденные, характеры — выдающиеся и сильные, обстоятельства — драматические или трагические. Домашний очаг дает немного поводов для того, чтобы стать увлекательным сюжетом художественного произведения. Тем не менее если говорить о Западе, то само понятие домашнего очага в западной ментальности представлено достаточно отчетливо. Так, в романских языках оно относится к числу наиболее употребительных. Этого не скажешь о языке русском: в языковой практике оно почти не встречается. Между тем понятие домашнего очага является одним из важнейших для семейных отношений. Оно шире понятий семьи, материнства и отцовства: материнство и отцовство вполне возможны и вне семьи. Поэтому семья оказывается прочной в том случае, если жена и муж осознают свои роли не только в качестве

матери и отца, но и в качестве, соответственно, устроительницы домашнего очага и его охранителя и оберегателя.

Домашний очаг — то, вокруг чего группируется семья, то, что выражает тепло и уют родного дома, теплоту и интимность родственных отношений. Есть основания полагать, что, будучи не очень ярко представленным в культуре, понятие домашнего очага играло немалую роль в российской ментальности. В пользу такого предположения говорит тот факт, что до 20-х годов XX столетия для России была характерна многодетная семья, насчитывающая в среднем от четырех до шести детей. Очевидно, что воспитание такого количества детей уже само по себе предполагает прочность семейных уз, заботу об устроении и оберегании семейного очага. Последующие бурные события российской истории XX столетия не способствовали, разумеется, укреплению семьи. Стремительный процесс урбанизации (роста городов и массового переселения из деревни в город), массовое участие молодых людей в грандиозных стройках социализма вызвали к жизни понятие, совершенно невозможное в условиях дореволюционной России, — понятие общежития (ранее применявшееся только для монастырей — «общее житие» монахов). Общежитие — это именно то, что по своей сути противоположно домашнему очагу. Миллионы людей за годы советской власти прошли через общежития, а многие из них провели там значительный отрезок своей жизни. Советское общежитие — символ временности, непрочности существования, символ неустроенности. (Речь не идет о студенческих общежитиях, которые распространены во всем мире и способствуют обретению молодым человеком самостоятельности.) Общежитие, конечно, запечатлено в современной российской ментальности и является фактором, способствовавшим ввытеснению из него понятия домашнего очага. Другим таким фактором стала большевистская сверхреволюционность, особенно ярко проявившаяся в первое десятилетие советской власти.

Большевики рассматривали семью в качестве реакционного института, в качестве тормоза на пути прогресса. «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг», — писал Л. Троцкий, — то есть архаическое, затхлое и косное учреждение... Место семьи... должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания... Доколе эта задача не решена, 40 миллионов советских семейств остаются гнездами средневековья»*. И хотя во второй половине 30-х годов резко отрицательное отношение к семье в официальной идеологии было отброшено, семья продолжала рассматриваться как явление второстепенное, подчиненное задачам, которые неизмеримо превосходили

* *Троцкий Л.* Преданная революция. М., 1991. Вып. 1. С. 121.

по своему значению задачи семейной жизни. Об этом свидетельствовало выдвижение официальной идеологией известного тезиса о «семье — ячейке общества». Этот, по сути, бессодержательный тезис вошел в учебники обществоведения всех последующих десятилетий вплоть до наших дней. Единственный реальный смысл этого тезиса — в подчинении семьи общественному целому, рассмотрение ее исключительно как средства для решения общественных задач, в контексте советской эпохи — задач партийно-государственных. К сожалению, отношение к семье как к тому, что не заслуживает внимания, осталось и в 90-х годах характерной чертой государственной политики постперестроечной России. Впрочем, такое отношение лежит в русле свойственного этой политике общего пренебрежения к интересам подавляющего большинства населения.

Следует отметить, что отрицательное отношение к семье на определенном этапе было достаточно распространенным и на Западе. Так, французские студенты во время знаменитых студенческих выступлений 1968 г. выдвинули лозунг «отмены семьи» как «буржуазного» института. Правда, это произошло не без влияния троцкизма, как и других учений леворадикального толка, в 20—30-е годы популярных в России. Для леворадикальных политических направлений (коммунизм, анархизм, троцкизм и др.) характерно в целом отрицательное отношение к семье, или, в лучшем случае, — рассмотрение ее в качестве исторически преходящего, временного института, который в будущем должен отмереть. В противовес этому, партии консервативной направленности, такие, как партия консерваторов в Великобритании, республиканцев в США, христианско-демократические партии Германии, Италии и ряда других стран Европы, в своих программах подчеркивают значение семьи, уделяют вопросам ее сохранения и укрепления большое внимание. На Западе семью принято относить к числу так называемых «консервативных» ценностей, наряду со свободой предпринимательства, частной собственностью, правами личности и другими. К сожалению, в постперестроечной России не нашлось пока ни одной влиятельной политической силы, в том числе и среди партий демократической и даже консервативной ориентации, провозгласившей бы семью одним из своих важнейших ценностных ориентиров.

Резкое противопоставление общественного служения заботе о семье, несовместимость семейного и общественного возникает, если под общественным служением понимается нечто особенное, отличное, например, от занятия профессиональной деятельностью, от творчества в рамках профессии или общественной деятельности. Общественное служение российская интеллигенция на протяжении второй половины XIX в. и первых десятилетий XX в. понимала как нечто особенное, как служение установке на радикальную переделку

общества и, в целом, на радикальную переделку бытия, на своего рода «социальный титанизм». С 60-х годов XIX в. русская литература была проникнута пафосом общественного служения, понимаемого именно в указанном специфическом смысле. Социальный титанизм предполагал отречение от индивидуальной жизни во имя общества. Так называемая «натуральная школа» русской литературы XIX в., «реальная критика», некрасовский «Современник», романы Чернышевского и статьи Писарева утверждали идею общественного служения в качестве важнейшего долга личности, которому следует *целиком подчинить* все другие стороны и проявления жизни. Литература советского времени полностью унаследовала эту идею в таких произведениях, как роман Н. Островского «Как закалялась сталь», в производственных романах 30-х годов — «Время, вперед!» В. Катаева, «Гидроцентраль» М. Шагинян и многих других. Идея безостаточного подчинения индивидуальной жизни личности общественному целому нашла свое выражение во множестве проявлений не только литературы и искусства, но и жизни. Ее можно считать одной из существенных сторон российской ментальности по вопросу об отношении общества и личности (см. главу 9 «Общество и личность в России»).

Безостаточное служение обществу, конечно, не оставляло сколько-нибудь значительного места для семьи, понимания семьи как самостоятельной ценности, а не только как средства для достижения общественных целей. Установка на социальный титанизм, на радикальное и быстрое улучшение общества посредством столь же радикальных, по преимуществу революционных методов, конечно же, исполнена внутреннего благородства, героического самоотречения от личных интересов во имя общества, родины и человечества. Она выдвигает на передний план такие качества личности, как мужество, энтузиазм, бескомпромиссность. Вместе с тем она рождала своего рода горячечный активизм, хаотическую деятельность лихорадочного характера, в огне которой сгорали все общепринятые человеческие ценности, в том числе и семья, которой без колебаний следовало пожертвовать во имя целей, представлявшихся гораздо более значительными. Во многих случаях русская литература отмеченного периода как раз и воспевала такой горячечный активизм. Отрицательное отношение к полному подчинению личности делу общественного служения проявляется только у авторов, живших и работавших в эмиграции, а также в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Впервые же критика горячечного активизма российской интеллигенции была дана в знаменитом сборнике «Вехи» (1909).

Роман Б. Пастернака в свете нашей темы особенно интересен, поскольку в нем альтернативой делу безоглядного общественного служения выступает именно семья. Два главных героя — Антипов-

Стрельников и доктор Живаго — антиподы по своим жизненным приоритетам. Для первого таким несомненным приоритетом обладает служение обществу, для второго — семья и любимая женщина. Соответственно, собственная самореализация мыслится Антиповым-Стрельниковым через активное участие в событиях всемирного масштаба, в беззаветном служении революции, тогда как Юрий Живаго воспринимает как более важное то, что составляет контекст ближайшего человеческого окружения: дом, семью, родных и любимых людей, которые способны дать человеку тепло, согреть его душу. В соответствии со своей жизненной установкой Павел Антипов отправляется на фронт, затем во время гражданской войны становится красным комиссаром Стрельниковым. Убежденный в правильности избранных идеалов, отдавая им себя без остатка, он долгое время не замечает того, как становится пленником захватившей его идеи. Несясь на бронепоезде, извергающим потоки огня, сея вокруг смерть, он забывает о естественных нормах человеческих взаимоотношений, утрачивает способность любить и сопереживать. Им движет страстное стремление радикально и быстро изменить мир к лучшему, переменить ход истории. Непомерность поставленной задачи, связанная с ней утрата человечности, полное растворение личности в служении идее приводят героя к трагическому концу, к самоубийству. В своей трагедии повинен только сам герой.

Как отмечалось, Пастернак противопоставляет горячечному активизму Антипова позицию доктора Живаго. Последняя предполагает в качестве основной ценности не служение обществу и идее, а семью и близкое окружение. В двух противоположных позициях, представленных в романе, можно усмотреть вообще два характерных полюса, два несовместимых взгляда, характеризующих российскую ментальность в рассматриваемом отношении. Обе позиции представлены в российском сознании, постоянно в нем присутствуют. На передний план может выходить попеременно то одна из них, то другая. Характерное для постперестроечных лет разочарование многих людей в различного рода многообещающих проектах радикального улучшения общества, несомненно, способствовало выдвижению на передний план ценностей семьи и домашнего очага. Господствовавшее же ранее убеждение в первостепенном значении самоотверженного служения обществу сегодня в значительной мере сдает свои позиции. Однако следует особо подчеркнуть, что отмеченные два взгляда суть крайности, или, точнее, *два крайних предела* в воззрениях на соотношение семьи и общества. В своем чистом виде они присущи лишь относительному меньшинству, тогда как взгляды большинства россиян располагаются где-то *в промежутке* между полюсами, в большей или меньшей степени склоняясь к одному из них. Поэтому есть все основания полагать, что, остыв, нако-

нец, от горячечного активизма, отказавшись от установки на социальный титанизм, российское общество сумеет соблюсти гармонический баланс между ценностями семьи и общественного служения, не впадая ни в ту, ни в другую крайность. Отмечу (более подробно об этом идет речь в главе 9 «Общество и личность в России»), что такой баланс невозможен без глубокого осознания *ценности личности*, без понимания приоритета личности над любым общественным целым, будь то государство, коллектив или семья. Не следует забывать, что и семья в не меньшей степени, чем общество, способна поработить и подчинить себе личность. Порабощение и подчинение семьей могут привести к тем же последствиям, что и безостаточная отдача делу общественного служения, — к несвободе, отказу от собственной личностной определенности, от индивидуального творчества, от самореализации личности.

Таким образом, установка на заботу о семейном очаге в целом не является альтернативной установке на служение общественному целому, человечеству и родине. Тот факт, что в России нередко случалось по-иному и эти установки вступали между собой в непримиримый конфликт, не опровергает истинности данного тезиса. Прочность семьи, в частности, способствует национальному сплочению. «Та особенная сильная национальная сплоченность, которая выделяет Японию в ряду других первоклассных держав, — пишет авторитетный японский писатель и философ, — обусловливается прочными отношениями между родителями и детьми, с одной стороны, и между супругами — с другой, отношениями, образующими стержень социальной жизни. Эти отношения не имеют яркого внешнего облика, как у европейцев, и не носят так называемого рационального отпечатка, но отличаются простотой, безыскусственностью и силой внутреннего горения, что и делает особенно прочными наши социальные слои»*.

В первые десятилетия XX века в России развернулась дискуссия относительно того, каким должен быть брак христианский. Одна из крайних позиций была представлена Л. Н. Толстым. Толстой заходил столь далеко, что отрицал саму возможность христианского брака. Поскольку, по Толстому, половой акт — унизительное для человека животное состояние, то христианского брака быть не может. Противоположную позицию занял В. В. Розанов. Розанов упрекал православную церковь в том, что она мало уделяет внимания вопросам брака и семьи. Согласно Розанову, семья и брак должны быть самыми главными объектами попечения со стороны церкви. Половой акт должен прямо освящаться и благословляться церко-

* *Исидзака Иодзиро.* Листки из портфеля. В кн.: *Григорьев М. П.* Лик Японии. С. 253.

вью. Розанов даже допускал, что половое сношение могло бы совершаться прямо в стенах храма, для чего можно было бы сделать соответствующие помещения — пристройки к храму. Мыслитель-парадоксалист был крайне озабочен укреплением семейных уз, вопросами деторождения, повышением рождаемости в России, рождением и воспитанием здоровых поколений.

Значение прочности семьи для развития общества и личности едва ли нуждается в специальных доказательствах. Тем не менее вся масштабность и глубина воздействия семьи на общество, на пути и судьбы человечества в целом требуют самого серьезного осмысления. Именно в семье, в детском возрасте зарождаются те тенденции и направления развития, которые становятся судьбой человечества, объявляются впоследствии «историческими закономерностями» и изменить которые в дальнейшем исключительно сложно и трудно. На это, в частности, указывал русский мыслитель И. А. Ильин: «И не прав ли немецкий богослов Толук, утверждая: «Мир управляется из детской»... Мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути погибели»*. По сути о том же применительно к причинам обострения религиозных и этнических конфликтов говорит современный итальянский писатель и философ Умберто Эко: «Приучать к терпимости людей взрослых, которые стреляют друг в друга по этническим и религиозным причинам, — только терять время. Время упущено. Это значит, что с дикарской нетерпимостью надо бороться у самых ее основ, неуклонными усилиями воспитания, начиная с самого нежного детства...»**

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. А. Метафизика пола и люви. В кн.: Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991.

Бердяев Н. А. О Достоевском. В кн.: Эрос. Страсти человеческие. М., 1998.

Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX—XX века. В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990.

Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992.

Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.

Ильин И. А. Собр. соч. М., 1993. Т. 1.

---

* *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 143.

** *Эко У.* Пять эссе на темы этики. СПб., 1998. С. 84—85.

Исидзака Иозиро. Листки из портфеля. В кн.: *Григорьев М. П.* Лик Японии. Переводы и эссе. М., 1997.

Кайдаш С. Н. Сила слабых. Женщины в истории России. М., 1989.

Ключевский В. О. Соч. в девяти томах. М., 1990. Т. 9.

Леонтьев К. Записки отшельника. М., 1992.

Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора. М., 1996.

Паперно И. Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996.

Розанов В. В. Женское образовательное движение 60-х годов // Соч. в двух томах. М., 1990. Т. 1.

Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991.

Руткевич А. М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития. М., 1997.

Степун Ф. Встречи. М., 1998.

Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993.

Троцкий Л. Преданная революции. М., 1991. Вып. 1.

Уолтрауд Айерлэнд. Куртуазная любовь, или амор. В кн.: Эрос. Страсти человеческие. М., 1998.

Чернышевский Н. Г. Соч. Т. 1. М., 1959.

Шестаков В. П. Вступительная статья в кн.: Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991.

Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 1998.

Эрос. Страсти человеческие. М., 1998.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Каковы типичные образы женщины в российской ментальности? Охарактеризуйте образы женщины-музы, женщины-матери, женщины-труженицы. В чем состоит особое значение образа женщины-матери для русской культуры?

2. Каковы истоки того, что женщину в России принято считать существом более духовным, чем мужчину? Характерно ли это для других цивилизаций?

3. Приведите образцы женщин возвышенной духовности из жизни и из произведений русской литературы.

4. Как проявилась в России борьба за женскую эмансипацию? В чем ее сходство с борьбой женщин на Западе? В чем отличия?

5. В каких странах Европы, в отличие от большинства других западноевропейских стран, женщине издавна отводилась значительная социальная роль?

6. По какому основному направлению реализовалось стремление российских женщин выйти из круга домашних забот?

7. Каковы исторические истоки твердости духа, независимости и свободолюбия российских женщин?

8. Какие два полярных (противоположных) образа женщины следует отнести к архетипам российской культуры?

9. Какой период истории русской литературы и философии отмечен резким всплеском интереса к темам любви и сексуальности?

10. Назовите инициативы российских женщин в области образования.

11. В чем состоят особенности повседневного общения мужчины и женщины в России в отличие от других стран?

12. В чем причины значительного разрыва в продолжительности жизни женщин и мужчин в России?

13. В чем находит проявление относительная раскованность российских женщин в вопросах секса?

14. Каковы характерные черты российской сексуальной культуры?

15. Какие две стороны половой любви раскрыты в творчестве Ф. Достоевского?

16. Является ли сладострастие безусловным пороком? Как рассматривал вопрос о сладострастии Н. Бердяев?

17. Следует ли смотреть на секс как на унизительное для человека животное состояние? Кто из великих русских писателей отстаивал подобную точку зрения?

18. Когда в России произошли сексуальные революции? В чем их сходство с сексуальными революциями на Западе? В чем отличия?

19. Какой отпечаток наложила на сексуальные и брачные отношения официальная советская партийно-государственная идеология?

20. В чем причины того, что в русской литературе столь часто встречаются ситуации разлуки мужа и жены, любимого и любимой? Какова миссия жены в этой ситуации?

21. Каковы различия между западной куртуазной любовью и образом любви в России?

22. Естественно ли доминирование в семье не мужчины, а женщины?

23. Каков смысл понятия «домашний очаг»? Каковы роли женщины и мужчины в рамках домашнего очага?

24. Какие установки по отношению к семье были характерны для большевистской идеологии непосредственно предреволюционного и послереволюционного периодов?

25. Почему не следует противопоставлять семью и общественную деятельность? Почему в России подобное противопоставление нередко возникает?

26. Каково значение идеи безусловной ценности личности для проблемы «семья и общество»?

Глава 7

РОССИЯ В ЗАПАДНОМ ВОСПРИЯТИИ

1. Общая характеристика западного восприятия России.
2. Динамика западного восприятия России.
3. Способен ли Запад понять Россию?
4. Западный миф о России и его структура.
5. Нужно ли прислушиваться к западным критикам России?

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПАДНОГО ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ

«Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного культурного человека, как экзотическая пища, непривычно для него острая», — писал Н. Бердяев*. Приведенные слова относятся к 1915 г. Однако они ярко характеризуют одну из устойчивых тенденций западного восприятия России. В них можно усмотреть также указание на то, что на Западе сложился особый образ, сквозь призму которого человек Запада привык воспринимать российские реалии. Образ России в глазах Запада, как и всякий образ вообще, может и не обладать портретным сходством с оригиналом или такое сходство может быть весьма отдаленным. В большинстве случаев образ подчиняется собственным закономерностям возникновения, функционирования и развития. Но именно это свойство образа делает его особенно ценным не только для понимания оригинала, но и в более широком культурно-мировоззренческом и практическом смысле. То, как Россия воспринимается людьми других культурных регионов, в частности людьми Запада, позволяет глубже понять Россию, взглянуть на нее извне, со стороны, под новым, порой неожиданным углом зрения. Кроме того, знание особенностей того, что думают о нас другие, важно и само по себе: без такого знания невозможно полноценное общение и сотрудничество.

---

* *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. С. 9.

За правило следует принять неторопливость в оценке чужого мнения. Важно научиться чутко вслушиваться в голоса других, — даже и в том случае, если это голоса недоброжелателей. К сожалению, не вслушивание и не внимательное изучение, а торопливая оценка стала нашей традицией в отношении к мнениям иностранцев о России. Эта традиция укрепилась и пышно расцвела в советское время, когда правилом стало нетерпеливое и резкое отвержение мнений западных авторов о России, идущих вразрез с официальной советской идеологией. Это одна крайность. Другая крайность, характерная для многих нынешних «демократов», состоит в том, чтобы воспринимать всякую мысль, идущую с Запада, в том числе мысль о России, не иначе как истину в последней инстанции.

Добиться того, чтобы образ России в глазах Запада стал бы по преимуществу положительным, невозможно только лишь прямыми опровержениями мнений, представляющихся нам ложными. Тем более невозможно постоянно прибегать к резким «отповедям», выражению негодования и т. п., хотя, по-видимому, без этого полностью не обойтись. Не следует, с другой стороны, полагать, что положительный образ России в глазах Запада и всего мира сформируется автоматически, «сам собой» по мере того, как Россия будет продвигаться по пути демократии, рынка и т. д. Конечно, надо надеяться, что успешное развитие в России институтов демократии и рынка будет способствовать росту позитивных тенденций в западном восприятии России. Однако уповать на автоматизм этого процесса не приходится прежде всего потому, что образ, о котором идет речь, отнюдь не простое прямолинейное отражение российских реалий: на его характер оказывают влияние разнообразные, в том числе самые неожиданные факторы.

Чем определяются особенности западного восприятия России? Какова динамика изменения образа России в глазах Запада? Каковы устойчивые параметры этого образа? Насколько сама Россия в состоянии способствовать формированию собственного положительного образа, не поступаясь национальным достоинством, национальными интересами и безопасностью? Таков круг вопросов, которые подлежат краткому рассмотрению в настоящей главе.

Не будет большим преувеличением утверждать, что к своему «открытию России» Европа шла длинным путем. Подлинное открытие России, знаменовавшее резкий рост интереса европейцев ко всем сторонам жизни восточного соседа, можно датировать лишь периодом, следующим за наполеоновскими войнами, — 20—30 годами XIX столетия. Конечно, Россия всегда привлекала к себе внимание Европы. Об этом, в частности, свидетельствуют записки многочисленных западных путешественников периода Московского царства,

петровского и екатерининского времен. Наиболее известными стали произведения о России таких авторов, как Сигизмунд Герберштейн («Записки о Московии», 1517), Альберт Кампенезе («Письмо к Папе Клименту VII о делах Московии», 1528), Генрих Штаден («Страна и правление московитов», 1576), Шарль Массон («Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I»), баронесса де Сталь («Записки о России», 1812) и другие. В большинстве случаев записки иностранных путешественников и наблюдателей отличаются неподдельным интересом к России, ее народу, обычаям и традициям. Трудно отказать авторам в наблюдательности, в умении подметить разнообразные детали, в том числе важные и существенные. В этом смысле записки названных авторов и ряда их современников в определенной мере не утратили своего значения и до сих пор. Однако российские наблюдения западных писателей вплоть до 20—30-х годов XIX в. в общем и целом укладываются в рамки этнографических зарисовок, разбавленных хроникой происшествий, светских интриг, размышлениями авторов. Эти произведения ничем принципиально не отличаются от огромного множества этнографических этюдов, оставленных западными путешественниками периода великих географических открытий и посвященных ранее не известным Западу народам Америки, Африки, Востока.

Существенное изменение в отношении к России наблюдается, как было отмечено выше, в 20—30-е годы XIX в. Об этом, в частности, красноречиво говорят признания таких несомненных западноевропейских авторитетов того времени, как Г. Гегель и А. Токвиль. Токвиль, в частности, писал в 1835 г.:

«В настоящее время существуют на Земле два великих народа, которые, начав с разных точек, приближаются, по-видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы.

Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал об их появлении и их величии.

Все другие народы, по-видимому, почти достигли пределов, предназначенных им природой; их задача только сохранять приобретенное. Но эти два народа находятся еще в периоде роста. Все остальные остановились или подвигаются только с большими усилиями; лишь они одни идут легко и скоро по пути, которому глаз еще не может видеть конца»*.

Не менее показательны слова Гегеля: «Остальные современные государства, как может показаться, уже более или менее достигли цели своего развития; быть может, у многих кульминационная точ-

* Цит. по: *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 156.

ка уже оставлена позади и положение их стало статическим. Россия же, уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди всех прочих, в лоне своем скрывает небывалые возможности развития своей интенсивной природы»*.

Очевидно, что «новое открытие» России Западом связано со значительностью ее роли в разгроме Наполеона и последующим активным участием в европейских делах, ростом военного и экономического могущества, значительной территориальной экспансией в сторону Европы, в частности, приобретением Финляндии и части Польши. Ранее популярные в Европе язвительные слова Дидро о том, что «русские сгнили прежде, чем созрели», стали не актуальны. Кроме того, европейцам стало ясно, что Россию уже невозможно рассматривать дистанцированно, так, словно это далекая страна, не имеющая или почти не имеющая отношения к жизни Европы и могущая служить только лишь предметом этнографической любознательности. Активная европейская и международная роль России требовала выработки более обстоятельного и осмысленного взгляда, включающего в себя определенное отношение к России — положительное или отрицательное. Став значительным фактором европейской жизни, Россия неизбежно должна была стать и предметом оценивающего, то есть заинтересованного, а не отстраненного взгляда европейцев. С 20—30-х годов XIX в. именно такой, пристально-оценивающий взгляд характерен для западноевропейских авторов, посвятивших свои труды изучению России. Российская тема теперь все больше занимает не только путешественников и писателей, но и политиков, социологов, философов. В той или иной мере не сходит она и со страниц периодической печати Запада. В 30—40-е годы XIX в. окончательно оформляются основы того западного мифа о России, который с некоторыми модификациями остается в силе и до наших дней, определяя собой отношение к России среднего человека Запада.

Мы употребляем слово «миф» не как синоним ложного сознания или ошибочного представления, а в широком философском смысле — как совокупность стереотипов сознания, основанных по преимуществу на вере и не подверженных осознанной рефлексии при обычном («нормальном») течении жизни. Миф играет важную роль в жизнедеятельности человека, так или иначе определяя (хотя, конечно, и не целиком) все стороны человеческого бытия. Наибольший интерес представляют коллективные мифы, выражающие некоторые идеализированные представления данной общности людей об особенностях данной общности, ее месте в мире и об отношении к другим общностям. Именно такой коллективный миф о России, ха-

* *Гегель Г.* Работы разных лет. В двух томах. М., 1976. Т. 2. С. 407.

рактеризующий отношение к России среднего западного человека, и будет нас интересовать в первую очередь. О коллективном мифе можно судить, конечно, лишь по высказываниям отдельных людей, но предметом нашего специального интереса останется некоторая общая картина, складывающаяся из разнообразных высказываний многих лиц.

Забегая вперед, отмечу, что западный миф о России никогда не сводился к представлениям примитивного типа, к грубой и всецело негативной схеме. Даже в самые мрачные времена наибольшего охлаждения отношений, такие, как период «холодной войны» между Западом и Советским Союзом, представления западного человека о России носили сложный, многообразный и неоднозначный характер. В них причудливо сочетались противоположные оценки, эмоции, мнения: высокомерная снисходительность и уважение, страх и восхищение, подчеркивание слабостей и признание силы, отношение к России как к культурной провинции и осознание всемирного значения ее культурных достижений и т. п. Конечно, надо полностью отдавать себе отчет, что содержательное ядро этого мифа составили представления о России как оплоте деспотизма и агрессивности. Однако было бы ошибочным сводить все его содержание к западным пропагандистским клише времен «холодной войны» или к известному тезису администрации президента Рейгана о Советском Союзе как «империи зла» — так или иначе оказавшемуся адресованным не столько Советскому Союзу, сколько непосредственно России. Несомненно, что тоталитарный период российской истории наложил существенный отпечаток на представления западного человека о России, ибо характеристики тоталитаризма нередко автоматически переносились на Россию — тоталитаризм и Россия оказались в ассоциативной связке.

Тем не менее надо учитывать, что коллективный миф не определяется целиком политикой и не зависит от нее настолько, чтобы непосредственно следовать за колебаниями политической конъюнктуры. Миф обладает относительной независимостью от переменчивости политического климата, поскольку является феноменом многосторонним и многообразным. Его характерной чертой следует считать относительную устойчивость на протяжении весьма *длительного* исторического времени.

Ядро западного мифа о России составляют, несомненно, представления о ней как стране внутреннего деспотизма и внешней агрессивности. Американский автор отмечает: «На Западе российская традиция, будь то при царях или при Советах, обычно вызывала чисто павловский рефлекс: «деспотизм» и «шовинизм» дома вели к «экспансионизму» и «империализму» за границей. Столь же рефлекторным было суждение, что эти характеристики вечны и неизмен-

ны»*. Надо с сожалением заметить, что происшедшее в России крушение тоталитаризма и демократические преобразования в общем и целом *не привели* к радикальной перемене западного взгляда на Россию. Тот же автор пишет: «После крушения коммунизма часть представителей западного общественного мнения отказывается уверовать, что московский медведь и в самом деле сменил шкуру и полагает, что он скоро может вернуться в обличии русского «фашизма»**. Эти опасения, в немалой степени преувеличенные, лишний раз свидетельствуют об устойчивости и исключительной живучести сложившихся представлений, об их известной независимости от общественно-политических процессов, ретуально протекающих в России, и от того, как представляются эти процессы самим россиянам.

Западный образ России предполагает взгляд на Россию как на особый мир, резко отличный от западного. Соприкасаясь с российскими реалиями, западный человек, как правило, легко убеждается, что различия между Россией и Западом гораздо значительней, чем между отдельными странами внутри западного мира. Очевидно, что Россия не укладывается в рамки западной цивилизации. Столь же очевидным для людей Запада является факт, что Россия не может быть отнесена и к Востоку, хотя в ряде случаев подчеркиваются российские черты восточного происхождения. По меньшей мере с XIX в. Россия все больше представала перед Западом как особая вселенная, во многом загадочная и непонятная, исключительно своеобразная и разнообразная, характеризующаяся особым образом жизни и мысли, культурой и традициями. В период со второй половины XIX в. на Западе появляются серьезные обобщающие труды, посвященные всестороннему изучению России. Среди тех, кто внес особый вклад в изучение России, нельзя не упомянуть таких авторов, как Леруа-Болье («Империя царей и русский народ». В двух томах. 1881—1889), Стивен Грэхэм («Неизвестная Россия», 1912; «Меняющаяся Россия», 1913; «Россия и мир», 1915; и др.), Морис Бэринг («С русскими в Манджурии», 1905; «Один год в России», 1907; «Русский народ», 1911; «Главные истоки России», 1914), Бернард Пэрс («Россия», 1915), Р. Райт («Русский народ», 1917) и др.

2. ДИНАМИКА ЗАПАДНОГО ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ

При всей своей устойчивости и относительной неизменности, западный образ России, конечно, не остается неподвижным настоль-

---

* *Малиа Мартин.* Россия и Запад: прошлое и настоящее // В раздумьях о России. XIX век. М., 1996. С. 417.

** Там же. С. 418.

ко, чтобы совершенно не реагировать на исторические изменения. Сохраняя устойчивое ядро, этот образ подвержен известной динамике, обусловленной как изменениями, происходящими на Западе, так и масштабными сдвигами в самой России. В этой связи можно отметить, что в общем и целом к началу XX в. в западном сознании происходили перемены, благоприятные для образа России. Взгляд западного человека на Россию становился все более многосторонним, все более освобождался от узости, от того, чтобы видеть в ней исключительно страну деспотизма и агрессивности. Это было обусловлено не только политическими реформами 1861 г. и последующих лет, не только демократическими преобразованиями 1905—1917 гг., но и целым комплексом причин. В частности, западные авторы постепенно научились видеть за фасадом политического деспотизма живой образ России. Обнаружилось, что и в рамках политической несвободы может существовать духовная свобода, могут существовать своеобразная культура и творчество.

Перемену во взглядах на Россию легко обнаружить, если сопоставить знаменитые записки Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» с любым из перечисленных выше произведений, относящихся к концу XIX — началу XX в. Если у де Кюстина едва ли можно найти хотя бы одно положительное высказывание о России, сделанное без сводящих его на нет оговорок, то в работах более поздних авторов очень многое в российской жизни оценивается положительно. Резко негативное содержание записок французского маркиза следует объяснить не только исключительной предвзятостью или возможным политическим заказом, направленным против России, что представляется вполне вероятным*. Более важным кажется то, что избранный им угол рассмотрения России — с точки зрения общественно-политического устройства — не мог привести к иным выводам и оценкам. Действительно, что можно было увидеть положительного в николаевской России, если смотреть на нее только и исключительно с позиций наличия или отсутствия политической свободы? Кюстин же поступает именно так: все стороны жизни России он экзаменует с точки зрения политической свободы и всюду обнаруживает политическую несвободу и ее последствия. Между тем в России XIX в. (в отличие от тоталитарных режимов XX в.) имелись обширные пласты жизни, существовавшие относительно независимо от политической системы, не охваченные политическим деспотизмом. Обнаружить и исследовать эти пласты удалось авторам, не столь политизированным, как Астольф де Кюстин. Они-то и

* См. *Лимонов Ю. А.* Россия в западноевропейских сочинениях первой половины XIX века. Вступительная статья в сб. «Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. М., 1990. С. 12—14.

обратили внимание на то, что при отсутствии политической демократии может существовать достаточно развитая бытовая демократия, могут возникать образцы высокой и своеобразной духовности, культуры, литературы и искусства.

Так в 1858 г. большое путешествие по России совершил знаменитый французский романист А. Дюма. Он посетил Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород, Астрахань, Кавказ. Итогом поездки стали обстоятельные «Путевые впечатления. В России», первоначально публиковавшиеся в издававшемся Дюма журнале «Монте Кристо». В 1993 г. они были изданы и в России в полном объеме*. «Страницы «Путевых впечатлений» в большинстве случаев проникнуты чувством душевного уважения к людям, о которых Дюма стремился дать представление французскому обществу»**, — отмечает современный исследователь М. Трескунов. Книга Дюма написана в присущей ему манере — легкой, остроумной, увлекательной. Дюма не только описывает увиденное, но и совершает обстоятельные экскурсы в прошлое России, дает портреты известных исторических деятелей, рисует подробности обыденной жизни русских людей, воспроизводит характеры и бытовой уклад. Особенно важно то, что французский романист «проявил живейший интерес к русской литературе, тогда еще мало известной в Европе. Большая заслуга Дюма как раз и состояла в том, что он познакомил французского читателя с поэтами и прозаиками России и тем самым содействовал упрочению дружеских связей двух народов. Не зная русского языка, по подстрочнику беллетрист создал поэтические переводы Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Полежаева, Некрасова; он также перевел ряд повестей Бестужева (Марлинского), «Ледяной дом» Лажечникова. Привлекали его и биографии поэтов, чей жизненный путь был отмечен высоким трагизмом»***.

Положительные черты в западном образе России были, конечно, связаны с достижениями русской культуры конца XIX — начала XX в., с получавшим все большую известность творчеством Толстого, Достоевского, Чайковского и др., с «серебряным веком» русской культуры, такими событиями культурной жизни, как Дягилевские сезоны русской культуры в Париже, и т. п.

Новая эпоха в эволюции западного образа России начинается после 1917 г. Особенности западного восприятия России Советской заслуживают отдельного разговора. В общем плане следует отметить, что всецело негативный образ русского коммунизма сформи-

---

* См. *Дюма А.* Путевые впечатления. В России. В трех томах. М., 1993.

** *Трескунов М.* О книге Александра Дюма «Путевые впечатления. В России». Вступ. статья в кн.: *Дюма А.* Путевые впечатления. В России. М., 1993. Т. 1. С. 24.

*** Там же. С. 30.

ровался на Западе далеко не сразу. Длительное время общественное мнение колебалось в своей оценке коммунистической системы. Наглядным примером могут служить записки о Советском Союзе таких авторов, как Лион Фейхтвангер и Андре Жид, побывавших в стране в 30-е годы практически одновременно (независимо друг от друга). В картине первого преобладают положительные краски, тогда как второй подверг советскую жизнь беспощадной критике.

Оба автора побывали в СССР в 1937 г., то есть в самый разгар сталинских репрессий и одновременно победных реляций о построении социализма и небывалых достижениях Страны Советов. Оба выдающихся писателя видели почти одно и то же, им были открыты для посещения приблизительно одни и те же места. И тем не менее написанная по итогам поездки книга Л. Фейхтвангера «Москва 1937» полна восторженных отзывов о советской действительности, книга же А. Жида «Возвращение из СССР» — резкий обличительный документ в адрес советской системы. В чем причина такого поразительного различия? Подозревать кого-либо из писателей в элементарной недобросовестности не приходится. Поэтому, очевидно, прав современный журналист и исследователь А. Плутник: «Созданные двумя наблюдателями картины так разнятся потому, что авторы придерживаются принципиально разных взглядов на то, зачем, ради чего надо представить миру Страну Советов 30-х годов, чего ради выносить на всеобщее обозрение увиденное, понятое, открытое»*. «Читая сегодня книгу Фейхтвангера, — продолжает исследователь, — не устаешь поражаться ее полнейшей заданности. Создается впечатление, что с первых же страниц автор стремится не столько разобраться в нашем внутреннем положении, сколько полностью оправдать его. Доказать, что все идет прекрасно: первая в мире страна социализма день ото дня все крепче и сильнее, народ живет все лучше и лучше, а ликвидация троцкистского заговора сделала советское общество, уверенно руководимое простым и мудрым вождем, единым и могучим, готовым достичь и самых недоступных вершин»**.

А. Жид подметил множество поразивших его особенностей советской жизни того времени. Его особенно встревожила всеобщая нивелировка, устраняющая своеобразие отдельной личности: «Все друг на друга похожи. Нигде результаты социального нивелирования не заметны до такой степени, как на московских улицах, — словно в бесклассовом обществе у всех одинаковые нужды. Я, может быть, преувеличиваю, но не слишком. В одежде исключительное

---

* *Плутник А.* Анатомия таких разных убеждений. Вступит. статья в кн.: Два взгляда из-за рубежа. Переводы. М., 1990. С. 24.

** Там же. С. 47.

однообразие. Несомненно, то же самое обнаружилось бы и в умах, если бы это можно было увидеть. Каждый встречный кажется довольным жизнью (так долго во всем нуждались, что теперь довольны тем немногим, что есть). Когда у соседа не больше, то человек доволен тем, что имеет. Различия можно заметить, если только внимательно присмотреться. На первый взгляд кажется, что человек настолько сливается с толпой, так мало в нем личного, что можно было бы вообще не употреблять слово «люди», а обойтись общим понятием «масса»*.

На колебания западного общественного мнения периода кануна Второй мировой войны оказывал, несомненно, влияние мощный фактор международного значения — приход к власти в Германии фашистской партии и все более обозначившиеся агрессивные устремления Гитлера. В этих условиях западным интеллектуалам, предвидевшим неизбежное военное столкновение Германии и Советского Союза, не оставалось ничего иного, как выбирать из двух зол меньшее. В большинстве случаев выбор делался в пользу Советского Союза, поскольку его агрессивные намерения в отношении Европы представлялись менее вероятными.

В послевоенные годы негативное отношение к советской системе неуклонно нарастало. Тотальное отрицание российского коммунизма, хорошо известное нам по 70—80-м и последующим годам, — явление сравнительно позднее, пришедшее на смену надеждам и ожиданиям, возлагавшимся немалой частью западной интеллигенции на возможности общественного строя, установившегося в России.

Таким образом, можно констатировать, что западное восприятие России, претерпевая историческую эволюцию, в отдельные периоды в большей или меньшей степени склонялось к положительной оценке культурно-исторической сущности России. Однако при всех условиях Россия воспринималась как нечто отличное от Запада, как особый мир, обладающий собственными неповторимыми характеристиками, образом жизни, ментальностью и культурой. Устойчиво сохранялось и представление о России как стране внутреннего деспотизма и внешней агрессии. Так, например, в 1914 г., то есть в период, когда западный мир склонялся к относительно положительному восприятию России, именно ссылками на «монголо-византийскую» опасность, которую Россия якобы представляла для Европы, аргументировали немецкие социал-демократы свое решение голосовать за военные кредиты. И это при том, что в России того времени партии, дружественные западной социал-демократии, были весьма влиятельны, о чем было широко известно.

---

* *Жид А.* Возвращение из СССР. В кн.: Два взгляда из-за рубежа. Переводы. М., 1990. С. 72.

3. СПОСОБЕН ЛИ ЗАПАД ПОНЯТЬ РОССИЮ?

Сложность и противоречивость взаимоотношений России и Запада, наличие неоспоримых фактов взаимного отчуждения и непонимания выдвигают ряд проблем, без решения которых невозможно объяснить фундаментальные черты западного образа России. В частности, возникает предположение о том, что Запад органически не способен понять Россию. Речь идет о понимании в герменевтическом* смысле или в том, который вкладывается в термин «понимание» философией жизни, то есть в смысле «вживания», «вчувствования», постижения духа иной культуры. Конечно, в отношении Запада к России, как и к любой другой стране, присутствуют соображения политического и экономического расчета, вследствие чего образ России может подвергаться намеренным искажениям по причине заинтересованности в таком искажении определенных политических и экономических кругов. Но в свете нашей темы первоочередной интерес представляют не намеренные искажения, а те модели восприятия, которые рождаются спонтанно и обусловлены коренными свойствами ментальности и культуры. Мысль о том, что Запад органически не способен понять Россию, распространена достаточно широко. Одним из ее ярких выразителей следует считать И. А. Ильина.

Ильин выдвигает три основных причины, по которым Запад не способен к адекватному пониманию России. Первая связана с языковыми трудностями. Русский язык не принадлежит к романо-германской группе и к тому же вытеснен из Европы, не распространен в ней: «...русский язык стал чужд и «труден» западным европейцам. А без языка народ народу нем («немец»)». Вторая причина состоит в том, что Западу чужда русская (православная) религиозность. Европой искони владел Рим, — сначала языческий, потом католический, «воспринявший основные традиции первого». В русской же истории была воспринята не римская, а греческая традиция. Римская и греческая традиции и, соответственно, — западная и русская, — во многом противоположны друг другу. Третья причина связана с особенностями мировосприятия и психологической структуры: «Западноевропейское человечество движется *волею и рассудком*. Русский человек живет прежде всего *сердцем и воображением* и лишь потом волею и умом». Наконец, обобщающим аргументом выступает у Ильина мысль о том, что западной культуре не свойствен «дар вчувствования и перевоплощения», без которого постижение иной культуры невозможно. Европейцы «понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, не-

* Герменевтика — наука и искусство истолкования и понимания текста.

привлекательно... Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим и загадочным «недоразумением»...»*

В общем и целом соображения Ильина можно, видимо, истолковать как указание на существование реальных трудностей, стоящих на пути взаимопонимания существенно отличающихся друг от друга культур. Однако главный вопрос состоит в том, преодолимы ли эти трудности. Ильин, видимо, считал названные трудности непреодолимыми по причине отсутствия у западной культуры «дара вчувствования и перевоплощения».

Представляется, что в этом пункте Ильин не прав. Конечно, невозможно закрыть глаза, например, на тот факт, что исторически между западной и православной ветвями христианства существовали отношения взаимного недоверия, подозрительности и соперничества, и католическому большинству, объединенному под властью Папы Римского, привычно относиться к православным как к «схизматикам», то есть раскольникам. Но речь в данном случае идет не о преодолении различий, а о понимании *при сохранении различий*. И хотя мысль русского философа почти дословно совпадает с признанием немецкого философа К. Ясперса о том, что «самоуверенность европейцев приводит к тому, что все чуждое воспринимается ими как курьез»**, тем не менее вряд ли следует категорически отрицать способность западной культуры к постижению духа иных культур. Об этой способности культуры Запада свидетельствует, в частности, опыт западного общения с культурой народов Востока, а также факт широкого развития на Западе философско-герменевтической проблематики, свидетельствующей, несомненно, о том, что культура Запада вполне отдает себе отчет в способах постижения духа иной культуры. Думается, что человек Запада действительно не склонен «перевоплощаться» в том смысле, что всегда сохраняет сознание своей особости, непохожести на представителей иных культур. В то же время в процессе общения, например, с народами Востока он отчетливо продемонстрировал умение постичь уникальность восточной культуры. В частности западные авторы, обратившиеся к изучению Востока, не остановились на том, чтобы констатировать «курьезность» культур Индии, Китая, Японии и т. д., а пришли к выводу о присущем Востоку особом типе рациональности, отличном от западного, но не менее оправданном, имеющем свою внутреннюю логику***. История взаимоотношений западных стран и России также насчитывает немало примеров того, как

---

* *Ильин И.* Наши задачи. М., 1992. С. 58.

** *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. С. 90.

*** См., напр., *Мамонова М. А.* Запад и Восток: традиции и новации рациональности мышления. М., 1991.

люди Запада демонстрировали свое умение глубоко вникнуть в российскую жизнь, постичь дух России.

Таким образом, признание трудностей взаимоотношения, в том числе связанных с различием в языке, с отличием православия от католичества и протестантизма, особенностями западного и российского мировосприятия и др., отнюдь не равнозначно признанию принципиальной невозможности установления взаимного понимания. При наличии доброй воли человеку Запада вполне доступна российская специфика. С другой стороны, более пристальное внимание к тому, как воспринимается Россия человеком Запада, открывает перед носителями российской культуры не только возможность нового взгляда на Россию, но и путь к более глубокому постижению западной культуры. В этой связи представляет особый интерес вопрос о том, какие аргументы выдвигаются западными авторами для подкрепления центрального западного тезиса о России как о «стране внутреннего деспотизма и внешней агрессивности».

Автор знаменитой «Истории цивилизации в Англии» Генри Бокль объяснял представлявшуюся ему очевидной воинственную агрессивность России следующим образом: «Дурные нравы не более распространены в России, чем во Франции или Англии... Поэтому ясно, что Россия страна воинственная не потому, что ее население безнравственно, а потому, что оно необразованно. Беда в голове, а не в сердце»*. Таким образом, по Боклю, население России по своей природе не воинственно, а склонность к агрессивности возникает вследствие недостатка просвещения. Астольф де Кюстин придерживался несколько иной точки зрения. Он выводил российскую склонность к агрессии из политического деспотизма. По его мнению, постоянное пребывание в условиях жесткой политической стесненности рождает стремление реализовать свой потенциал в агрессивной форме на международной арене: «Тому, кто имел несчастье родиться в этой стране, остается искать утешение в горделивых мечтах и надеждах на мировое господство. ...Россия живет и мыслит, как солдат армии завоевателей. А настоящий солдат любой страны не гражданин, но пожизненный узник, обреченный сторожить своих товарищей по несчастью, таких же узников, как и он»**. Современный исследователь России Ричард Пайпс связывает несомненную для него милитаристскую сущность России с необходимостью постоянной колонизации, которая, в свою очередь, обусловлена, по его мнению, природно-климатическими условиями: «военная организация делалась просто необходимой, ибо без нее нельзя было про-

---

* *Buckle H.* The History of Civilization in England. London. 1858. Vol. 1. P. 177.

** *Кюстин А.* Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. М., 1990. С. 513—514.

водить столь жизненно важную для народнохозяйственного благополучия России колонизацию»*.

Устойчивость западного представления о России как стране агрессивной и экспансионистской проявилась, в частности, в том, что внешняя политика Советского Союза рассматривалась нередко в качестве продолжения внешней политики самодержавия, экспансионизм которой сомнению не подвергался.

Очевидно, что сегодня нет реальных оснований ожидать от России проявлений агрессивности. Однако с учетом инерции мышления нельзя быть уверенным в том, что Запад полностью избавился от подозрений подобного рода. На природу этих подозрений дополнительный свет проливают соображения, высказанные А. Тойнби. Позволим себе еще раз привести красноречивый пассаж, где Тойнби отмечал, что если западный человек сумеет «хотя бы на несколько минут покинуть «свою кочку» и посмотреть на столкновение между Западом и остальным миром глазами огромного незападного большинства человечества», то он обнаружит непривычную для себя картину: «Как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все — русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные — ответят одинаково. Запад, скажут они, — это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомнят, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах; народы Африки и Азии вспомнят о том, как, начиная с XV века, западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с моря. Азиаты могут еще напомнить, что в тот же период Запад захватил львиную долю свободных территорий в обеих Америках, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и Восточной Африке. А африканцы — о том, как их обращали в рабство и перевозили через Атлантику... Потомки коренного населения Северной Америки скажут, как их предки были сметены со своих мест...» Особо примечательно в свете нашей темы, однако, то, что «у большинства западных людей эти обвинения вызовут удивление, шок и печаль и даже, вероятно, возмущение. Голландцы скажут, что они же ушли из Индонезии, а британцы — что они оставили Индию, Пакистан, Бирму и Цейлон... У британцев на совести не лежит никакой новой агрессии со времен войны в Южной Африке в 1899—1902 годах, а у американцев — с испанско-американской войны 1898 года»**.

Слова Тойнби, несомненно, ярко свидетельствуют о значительном различии в восприятии событий мировой истории Западом и

---

* *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 35.

** *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 156—157.

остальным миром. Для нашей темы важно, однако, не то, что западный человек склонен не замечать собственной агрессивности, а то, что он обостренно воспринимает проявление агрессивности со стороны других. Тот же Тойнби отмечает, что даже незначительные агрессивные действия со стороны России или Китая вызывают исключительный страх и возмущение Запада. Что же касается собственных проявлений западной агрессивности, то они давно осознаны и подвергнуты осуждению в рамках самокритики западной цивилизации. Эта самокритика широко представлена в трудах западных мыслителей от Шопенглера, Тойнби, Э. Фромма и многих других до современных авторов, и вряд ли к ней стоит что-либо добавлять с нашей стороны. Для нас гораздо важнее принять во внимание факт болезненно-обостренного восприятия Западом агрессивности со стороны незападного мира, в том числе России. Склонность Запада видеть агрессивный замысел там, где, по мнению российской стороны, его нет, приходится принять как реальность, которую не следует игнорировать. Во всяком случае, если мы хотим добиться положительного образа России в глазах западного мира и установления в отношениях с ним стабильности и взаимопонимания, то нам неизбежно придется считаться с особенностями западного мировосприятия, по возможности снимая его подозрительность относительно агрессивных устремлений.

4. ЗАПАДНЫЙ МИФ О РОССИИ И ЕГО СТРУКТУРА

Напомним, что под мифом мы понимаем устойчивую систему стереотипов, основанных по преимуществу на вере и не подверженных осознанной рефлексии при обычном («нормальном») течении жизни. Речь идет в первую очередь о коллективном мифе, выражающем устойчивые представления той или иной общности людей об особенностях данной общности, ее месте в мире и об отношении к другим общностям. Миф следует отличать от изолированных стереотипов, которые могут и не сложиться в целостную систему. Так, внутри западного мира существуют определенные «семейные» стереотипы относительно особенностей национального характера типа: «все англичане холодные», «французы жадные», «итальянцы разговорчивы и многодетны» и т. п. Однако во всестороннюю и взаимосвязанную мифологическую систему они не складываются. Этому препятствует как географическая, так и культурная близость народов Запада. Миф предполагает определенную дистанцированность по отношению к мифологизируемой реальности. Тем самым само существование мифа свидетельствует о факте известной чуждости объекта мифологизации по отношению к тем, кто является носителем мифа.

Изучение западного мифа о России, как и в целом западного образа России, находится сегодня в начальной стадии. На это есть свои причины, о которых речь шла выше. На общем фоне невнимания к особенностям западного мифотворчества относительно России удачно выделяется работа В. С. Елистратова «Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом»)*, опубликованная в первом номере ежегодника «Россия и Запад: диалог культур.

Елистратов выделяет несколько структурных типов западного мифа о России. Первый из них условно назван *бытовым*. «Как правило, он выстраивается по этнографически-природоведческому сценарию. В него входят мифологемы, связанные с климатом и национальной психологией мифологизируемой страны. Сюда же могут входить эмблемы материальной культуры (водка, тройка, балалайка, самовар, матрешка и т. п.)**. Бытовой миф зарождается в рамках литературы путешествий. Западные путешественники издавна уделяют внимание описанию быта, нравов, привычек и обычаев россиян. При кажущейся простоте описание бытовой стороны в действительности исключительно сложно. «Дело в том, — отмечает Елистратов, — что понимание бытового уровня культуры требует вживания в себя. А поскольку организация быта в России с точки зрения цивилизации Запада стоит на достаточно низком уровне, то цивилизованный человек, как правило, не идет на бытовое снижение. Он предпочитает оставаться в искусственно созданных для него условиях (отели и т. д.) и занимает позицию пассивного наблюдения. Со стороны же многие явления бытовой культуры остаются неясными, а объяснения их в рамках привычных «цивилизованных» представлений еще больше их искажают»***. Справедливости ради следует отметить, что внимательные западные исследователи России не ограничивались позицией стороннего наблюдателя, позицией туриста. Некоторые из них провели в России по нескольку лет, разделяя с россиянами все неудобства и трудности повседневной жизни. Однако не их труды легли в основу бытового мифа о России. Серьезные и обстоятельные исследования не в состоянии изменить бытовой миф, поскольку он постоянно подкрепляется поверхностными впечатлениями туристов, фиксируется индустрией туризма, рекламой, воспроизводится записками путешественников и т. д.

---

* *Елистратов В. С.* Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом». В сб.: Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. М., 1991.

** Там же. С. 9.

*** Там же.

Еще один структурный тип мифа — *литературный*. Он вырастает из западной интерпретации русской классической литературы. В основе литературного мифа лежит отождествление художественного мира русской классической литературы и российской реальности как таковой. Литература выступает как непосредственное отражение жизни. Молчаливо предполагается, что по литературным образам можно с достоверностью судить о жизненных реалиях: литература равна жизни. При этом во внимание принимаются произведения, получившие признание на Западе, наиболее известные и доступные западному менталитету. Это произведения таких авторов, как Достоевский, Чехов, Тургенев, Герцен, Гоголь, Толстой и др., но не произведения Лескова, Мельникова-Печерского и т. п.

Данный тип мифологического восприятия России свойствен не только Западу, но и части российской интеллигенции. Подчеркнем при этом, что многие русские мыслители настаивали на неправомерности прямого переноса образов художественной литературы на реальность. Уместно привести слова И. Солоневича, выдержанные в остро полемическом тоне.

«Психология народа не может быть понята по его литературе, — пишет Солоневич. — Литература отражает только отдельные клочки национального быта — и кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и, с другой — отражал чувство *обреченности* родного писателю слоя. Ф. Достоевский — быт деклассированного и озлобленного разночинца, окрашенный в тон писательской эпилепсии. А. Чехов — быт мелкой интеллигенции туберкулезного происхождения. М. Горький — социал-демократического босяка, Л. Андреев — просто свои алкогольные кошмары. Алкогольные кошмары Эдгара По никто не принимает за выражение североамериканского духа, как никто не принимает байроновский пессимизм за выражение великобританской идеи. Безуховы и Болконские *могли быть*. Каратаевых и Свидригайловых быть *не могло*. Плюшкины могли быть, как могли быть и Обломовы, но *ни один* из этих героев никак не характеризует национальной психологии русского народа»*.

Солоневич пишет также и о том, что немцы накануне войны с Советским Союзом тщательно изучали русский национальный характер по произведениям Толстого, Чехова, Гоголя, Достоевского. Каково же было их удивление, когда вместо кающихся интеллигентов, Маниловых, Обломовых и т. п., их встретили крепкие мужики, непримиримо настроенные по отношению к оккупантам. Заметим,

* *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 22.

что, находясь в плену, фельдмаршал Паулюс признавался, что составил свое представление о России и народном характере на основе произведений Достоевского, герои которого воспринимались им как неуравновешенные, неврастенические личности, лишенные воли и не способные к решительному действию. По признанию Паулюса, он совсем по-иному отнесся бы к войне с Россией, если бы имел более точное представление об этой стране и ее людях.

Думается, что Солоневич отчасти впадает в противоположную по отношению к критикуемой им крайность, утверждая, что художественная литература *ни в коей мере* не является свидетельством реальной жизни. Художественная литература может быть рассмотрена как исторический источник наряду с другими документами эпохи. Но этот источник весьма и весьма своеобразен — и с этой точки зрения предостережения Солоневича вполне справедливы. В отличие от ученого, художник имеет право на вымысел, на выражение субъективного взгляда, и более того — именно этот субъективный взгляд автора интересен читателю. Поэтому наблюдения писателя гораздо «гуще» окрашены «в цвет лорнета наблюдателя» по сравнению со многими другими документами и свидетельствами. Следовательно, относиться к художественной литературе как к источнику знаний о реальности следует весьма осторожно и уж, во всяком случае, нельзя допускать прямого отождествления литературы с жизнью, рассматривать ее как непосредственное отражение национальной жизни.

К сожалению, взгляд на русскую классическую литературу как на прямой и непосредственный источник информации о российской реальности был закреплен официальной идеологией советского периода. С этих позиций изучалась (и продолжает изучаться сегодня) литература в школе, он широко распространен в стране и за рубежом. Думается, что причины заключены не в самой по себе западнической ориентации части российской интеллигенции. Тем более — не в злом умысле какой-либо группы лиц, стремящихся опорочить Россию путем интерпретации едва ли не всей русской литературы в качестве злой сатиры на российское общество. Причины его лежат глубже. Они связаны, в частности, с явлением, получившим наименование *сакрализации** литературы.

Дело в том, что в XIX в. имела место сакрализация культуры, прежде всего, художественной литературы. Произведения литературы стали восприниматься как то, что призвано научить правильно жить, ответить на актуальные животрепещущие вопросы. Литература заняла то место, которое раньше занимала религия. В период конца XVIII — начала XIX в. в России начинается процесс сакрали-

* От слова «сакральный» — священный.

зации литературы, характерный для таких западноевропейских стран, как Франция и Германия. Он является своеобразной реакцией на утрату религией своего центрального места в обществе. В России этот процесс носил особый общественный характер, шел особенно интенсивно и длился значительно дольше. С такой сакрализацией, принявшей уродливые государственные формы в советский период, было покончено только в постперестроечный период.

Сакрализация означала установление такого отношения к художественному тексту, которое характерно для отношения к текстам священным. Следовательно, художественный текст неправомерно лишался права на множественность равноправных интерпретаций, а допускал единственную, претендовавшую стать канонической. Именно такой подход к русской классической литературе был реализован отечественной критикой XIX в. и закреплен в XX в. официальной советской идеологией. Он и лег в основу западного литературного мифа о России. Поэтому прав Елистратов, утверждая, что творцами западного мифа о России «могут выступать (и чаще всего выступают) сами русские интерпретаторы. Западная позиция здесь в известном смысле пассивна: избирается лишь понятное и укладывающееся в намеченную ранее доминанту. Далее процесс мифотворчества практически прекращается: просто под данную схему подгоняется все новый и новый материал»*.

Западный литературный миф активно эксплуатирует, например, творчество Н. В. Гоголя. Впрочем, на примере творчества Гоголя можно выявить особенности той интерпретации русской литературы, которая и является предпосылкой литературного мифа о России. Поэтому, обратившись к краткому анализу устоявшейся интерпретации творчества Гоголя, можно выявить характерные черты того, что является предпосылкой мифа, и одновременно наметить альтернативу.

Литературный миф опирается на заложенную еще Белинским интерпретацию Гоголя исключительно как реалиста и социального сатирика. Однако в свете иного подхода, возникшего в конце XIX — начале XX в., такая интерпретация представляется односторонней. Н. Бердяев, в частности, писал: «Странное и загадочное творчество Гоголя не может быть отнесено к разряду общественной сатиры, изобличающей временные и преходящие пороки дореформенного русского общества... Творчество Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего, а не зла общественного и внешнего, связанного с политической отсталостью

* *Елистратов В. С.* Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом». В сб.: Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. М., 1991. С. 11.

и непросвещенностью»*. Отметим, что для другого мыслителя — В. Розанова — творчество Гоголя оставалось мучительной загадкой, терзавшей его вплоть до самых последних дней. Однако именно Розанову принадлежит приоритет в пересмотре привычного взгляда на творчество Гоголя. Он, в частности, предпринял попытку проникновения в творческую лабораторию писателя с целью проанализировать процесс создания Гоголем тех чудовищных или уродливых персонажей — «ужасных харь и рож», — которыми полны его произведения. По Розанову, гоголевский дар состоял в необычайной способности повсюду обнаруживать зло, которое под пером писателя приобретало самые гротескные формы**. Тот факт, что Гоголь именно создавал, конструировал своих персонажей, а не списывал их с натуры, подтверждается и его собственным признанием: «Эти ничтожные люди, однако ж, ничуть не портреты с ничтожных людей; напротив, в них собраны черты тех, которые считают себя лучшими других... Тут, кроме моих собственных, есть даже черты многих моих приятелей... Мне потребно было отобрать от всех прекрасных людей, которых я знал, все пошлое и гадкое, которое они захватили нечаянно»***.

Трактуя Гоголя как художника метафизического зла, читатель не в праве, конечно, заключать, что если, к примеру, в произведении писателя городничий наделен такими-то отрицательными чертами, то все или большинство городничих того времени были наделены описанными чертами. Тем более на основе всего творчества Гоголя он не вправе составить себе образ России, едва ли не сплошь заселенной Хлестаковыми, Плюшкиными, Ноздревыми, Собакевичами и т. д. Метафизичность зла означает, что оно изображено в нарочито концентрированном виде, рассмотрено через увеличительное стекло писательского метода. Метафизическое зло не обязательно находится во внутренней связи с той или иной социальной ролью, с общественным устройством, с национальными особенностями. Оно может проявляться в самых разнообразных условиях, в любых социальных, временных и пространственно-географических границах. Если же Гоголь — не более чем обличитель самодержавия и связанных с ним порядков, то как объяснить тот факт, что пьеса «Ревизор» была в числе тех, которые Николай II смотрел весьма охотно и часто?****

---

* *Бердяев Н.* Духи русской революции. В сб.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 54—55.

** См. *Розанов В. В.* Как произошел тип Акакия Акакиевича. В кн.: *Розанов В. В.* Сочинения. М., 1990.

*** *Гоголь Н. В.* Духовная проза. С. 129.

**** См. *Ферро М.* Николай II. М., 1991. С. 24.

Интерпретация Гоголя исключительно как социального сатирика и реалиста, на которой отчасти основывается литературный миф о России, так или иначе суживает значение его творчества, ограничивая последнее специально российскими рамками. Как художник зла метафизического, зла не только надвременного, но и надпространственного, Гоголь интересен и китайцу, и англичанину. В этом универсализм его творчества, как и творчества других русских писателей-классиков. Культурный универсализм предполагает не простое воспроизведение своей «родной», хорошо известной действительности, а умение увидеть в ней то, что имеет универсальное, общечеловеческое значение. Тогда художник достигает обращенности к глубинам души человека, где бы, в каких бы социальных условиях он ни жил, к какой бы нации ни принадлежал. Творчество универсально потому, что формирует открытость всему иному, а свое, близкое дает возможность рассматривать как бы с дистанции, не впадая в соблазн примитивного любования им только потому, что оно свое, «родное», но и не выражая рабского согласия признать за ним все мыслимые и немыслимые пороки.

Но что же остается в Гоголе характерно российским, характерно русским — за исключением материала, от которого он, естественно, должен был отталкиваться? Может быть, к нему относится исключительная острота взгляда, чуткое неприятие зла и несправедливости, отличающие гоголевские произведения, сострадание маленькому человеку при одновременном ощущении возможной агрессивности с его стороны, то есть все, что придает гоголевским творениям поэтическую трагичность и философичность? Во всяком случае, характерное отторжение того, что рассматривается в качестве отрицательного и неприемлемого, отчетливо выражено во всей русской классической литературе. При этом ей чуждо низведение высших проявлений духа к низшим, унижающее достоинство личности и подрывающее веру в человека.

Еще одной структурной составляющей западного мифа о России является *политический миф*. Как уже отмечалось, его ядро состоит из представления о России как стране внутреннего деспотизма и внешней агрессивности.

Устойчивые представления о России как стране политического деспотизма часто связывают с якобы присущей российскому населению склонностью и даже любовью к несвободе, к рабству. Астольф де Кюстин писал, что «за границей не удивляются уже любви русского народа к своему рабству» и что «весь русский народ, от мала до велика, опьянен своим рабством до потери сознания»*. Харак-

* *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году // Россия во второй половине XIX века глазами иностранцев. С. 429—430.

терно, что западный миф о «естественной склонности России к деспотизму» целиком относит причины этой склонности к внутрироссийским факторам, не придавая значения внешним причинам российского деспотизма и даже не задумываясь над их возможностью. И уж конечно, в сознании западного человека с трудом укладывается мысль, что Запад сам приложил руку к торжеству столь непривлекательного в его глазах российского деспотизма. Поэтому признания, подобные сделанному в свое время Тойнби, сравнительно редки: «Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться... игу коренной власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить. Не случайно, что это новое правление возникло именно в Москве, ибо Москва была форпостом на пути возможной очередной западной агрессии... Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако... русские научились терпеть ее... оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными (западными. — *В. Ш.*) соседями»*.

Резкие суждения, характерные как для западных авторов, так и для многих отечественных о якобы неискоренимой тяге России к деспотической организации обусловлены, в частности, романтическим представлением о том, что метафизическая сущность Запада (и только его) состоит в стремлении к свободе. Начиная с первой трети XIX в. «различия между Россией и Западом чаще всего обобщенно определялись по Гегелю и Ранке, заявивших, что «история романо-германской Европы была историей свобод». Такая точка зрения оставляла на долю России прозябание в ее азиатских степях»**, — отмечает американский исследователь. С появлением и укреплением идущего от Гегеля и ряда других авторов представления о романо-германском мире как единственном бастионе свободы убеждение в российской любви к состоянию несвободы нашло «теоретическую основу» и со временем приобрело силу неоспоримого стереотипа. С этих позиций Россия, как и другие страны незападного мира, представлялась заведомо не способной породить самостоятельный, не привнесенный с Запада, а внутренний, собственный импульс к свободе: движение к свободе стало мыслиться не иначе как движение по западному пути. В какой мере справедлив этот стереотип, нелегко судить и сегодня. Во всяком случае, современной России еще

* *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. С. 157—158.

** *Малиа М.* Россия и Запад: прошлое и настоящее // В раздумье о России. XIX век. С. 421.

только предстоит по-настоящему подтвердить, насколько важен для нее самостоятельный, то есть не пришедший извне, а собственный импульс к свободе, а значит, решить, в состоянии ли она развиваться по демократическому пути без того, чтобы быть постоянно стимулируемой к этому извне.

Отметим, что западный миф в целом, то есть взятый в единстве его бытовой, литературной и политической составляющих, расцвечен множеством деталей российской истории, вырванных из ее контекста. Так, любой западный студент знает, что Петр Первый любил рвать зубы своим подданным, Иван Грозный убил своего сына (к тому же за неимением более адекватного термина в английском языке «грозный» звучит скорее как «ужасный»), у Екатерины Второй было множество любовников и т. д. Перемешанные со смутными представлениями о российском климате, морозной и снежной зиме, неаккуратностью и необустроенностью российского быта, с представлениями литературного и политического характера о деспотизме, рабстве и т. д., с непонятными для западного человека идеями и образами русского православия, — эти детали способны выстроиться в картину, которую никак не назовешь привлекательной. Она ярко запечатлена в одном из стихотворений Иосифа Бродского. Вслед за Елистратовым приведем это стихотворение, заметив вместе с тем, что в нем выражен лишь *один* из *полюсов* мифа, о котором идет речь. Есть и другой, противоположный — положительный — полюс, о котором мы скажем ниже.

Холуй трясется. Раб хохочет.
Палач свою секиру точит.
Тиран кромсает каплуна.
Сверкает зимняя луна.

Се вид Отечества, гравюра.
На лежаке — Солдат и Дура.
Старуха чешет мертвый бок.
Се вид Отечества, лубок.

Собака лает, ветер носит.
Борис у Глеба в морду просит.
Кружатся пары на балу.
В прихожей — куча на полу.

Луна сверкает, зренье мучa.
Под ней, как мозг отдельный, туча...
Пускай художник, паразит,
Другой пейзаж изобразит.

Будучи относительно целостной системой, всякий миф при всем при том противоречив. Он нередко включает в себя противоположные представления, которые в явном виде не вступают в противоречия друг с другом потому, что разнесены по различным частям общей картины, непосредственно не сталкиваются между собой. В западном мифе о России можно выделить комплекс представлений, которые вызывают не отрицательные, а положительные эмоции и даже выражают некий восторг западного человека перед российским образом жизни. Они, в частности, выражают тоску человека западного мира по романтике бытия, по карнавальности, необычности, экзотичности.

Российская жизнь разительно отличается от благоустроенной, размеренной, требующей расчета и рациональности жизни на Западе. Чтобы вырваться из плена повседневной размеренности, на Западе издавна устраиваются карнавалы. Житель России в специально устраиваемых карнавалах не нуждается: карнавальна сама жизнь, способная в любой момент принести самые неожиданные сюрпризы. Наблюдая российскую жизнь издалека или во время кратких поездок, западный человек не может не поражаться ее наполненности, странности, разнообразию и непредсказуемости, особенно по сравнению с воспринимаемой им как рутина жизнью собственной. Это способно вызвать нечто похожее на зависть с известной долей восторга, ярко выраженную в словах литературного героя английского писателя: «Ах эти русские, как увлекательна их жизнь!»

5. НУЖНО ЛИ ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К ЗАПАДНЫМ КРИТИКАМ РОССИИ?

Один из крупнейших западных специалистов по России, посвятивший свои труды ее изучению в предреволюционный период, англичанин Морис Бэринг отмечал, что придирчивый взгляд обнаружит в российской реальности много недостатков. Указание на недостатки, однако, не умаляет достоинств. Бэринг сравнивает того, кто берет на себя миссию придирчивого и въедливого критика, с «адвокатом дьявола» — так называется в католической церкви лицо, которому поручено перечислять недостатки канонизируемого святого. Благожелательность по отношению к России побуждает Бэринга в одном из разделов своей книги мысленно занять позицию такого «адвоката дьявола». Думается, что весьма полезно и сегодня познакомиться с тем, как видятся недостатки России тем западным авторам, которые, не довольствуясь коллективным мифом, посвятили немало времени изучению России и которые не скрывали своего в целом благожелательного к ней отношения.

«Россия — страна с неприятным климатом, — сухое лето, дающее ненадежный урожай, иногда ведущий к голоду, невыносимо долгая зима, сырая нездоровая весна и еще более нездоровая осень; страна... где почти нет хороших дорог, провинциальные города — разросшиеся деревни, грязные, приземистые, скучные, лишенные естественной красоты и не украшенные искусством; страна, в которой внутренние пути сообщения вне больших железнодорожных линий сложны и плохи... где издержки на жизнь велики и не пропорциональны качеству доставляемых продуктов; где работа — дорогая, плохая и медленная; где гигиенические условия жизни очень плохи... где бедные люди — отсталые и невежественные, а средний класс — беспечный и неряшливый... где все формы деловой жизни громоздки и обременены канцелярскою волокитою; где взятка — необходимый прием в деловой и административной жизни; страна, отягощенная множеством чиновников, которые в общем ленивы, подкупны и некомпетентны... страна плохого управления; страна, где есть всякое попустительство и нет закона; где всякий действует, не принимая во внимание соседа... страна крайностей, нравственной распущенности и экстравагантного потворства самому себе; народ без держания себя в руках и самодисциплины; народ, все порицающий, все критикующий и никогда не действующий; народ, ревнивый ко всему и ко всем, кто выходит из строя и поднимается выше среднего уровня; смотрящий с подозрением на всякую индивидуальную оригинальность и отличие... народ, имеющий все недостатки Востока и не имеющий ни одной из его суровых добродетелей, его достоинства и внутренней дисциплины; нация ни к чему не годных бунтовщиков под руководством подлиз-чиновников; страна, где стоящие у власти живут в постоянном страхе... страна неограниченных возможностей...»*.

Конечно, каждому тезису приведенного высказывания можно противопоставить контртезис или найти опровергающий пример. Именно так и поступает цитируемый автор, признающийся в своей любви к России и в уважительном отношении к ее народу. Он говорит о красоте русской природы, о трогательности и задушевности русской песни и поэзии, искренности и простоте общения и многом другом, что привлекает и покоряет. Однако очевидно, что мы не должны оставить без внимания и подмеченные недостатки, о которых с горечью и болью говорят серьезные зарубежные авторы. Для нас знание слабостей позволяет целенаправленно работать над их устранением. Тому, кто верит в собственные силы, «адвокат дьявола» не страшен. Напротив, его критическая въедливость только помогает движению вперед.

---

* Цит. по: *Лосский Н. О.* Характер русского народа. М., 1990. Кн. 2. С. 79—80.

Нельзя не признать, что многие из критических замечаний Бэринга не утратили своего значения и до сих пор. Это лишний раз свидетельствует о том, что отнюдь не все в особенностях бытия той или иной страны определяется общественно-политической системой. Об этом же свидетельствует и тот факт, что нередко люди, разделенные между собой столетиями и наблюдавшие Россию при резко различных общественно-политических порядках, подмечают в российской жизни одни и те же недостатки. Устойчивость ряда характерных пороков российской жизни не следует использовать для их оправдания. Их сохранность на протяжении большого исторического времени объясняется факторами длительного действия.

Условия относительной изоляции России, неисчерпаемость (на том этапе) природных и людских ресурсов и ряд других факторов долгое время позволяли России существовать и даже одерживать верх над соперниками. Сегодня действие этих факторов приходится считать исчерпанным. Поэтому для того, чтобы в современных условиях если не одержать верх, то хотя бы выжить, необходимы новые подходы, существенно отличные от тех, что казались естественными еще вчера. В частности, нельзя смиряться с пороками только потому, что их история уходит в глубь веков. Обратим внимание на некоторые из тех недостатков, которые отмечены в работах иностранных авторов. Заметим, что отнюдь не всегда критику со стороны зарубежных авторов следует принимать буквально и всерьез; но и оставлять ее без внимания было бы неверным.

Известно, что западный человек ориентирован на индивидуальность, оригинальность, самостоятельность. Таково вообще ставшее широко известным свойство западной культуры, одна из ее специфических черт. Человек, воспитанный в ее традициях, привык высоко оценивать проявления личной самостоятельности и творчества. Напротив, его неприятно поражают проявления несамостоятельности, неоригинальности, подражательства. Именно *подражательство* является одной из черт, с удивительным постоянством отмечаемой западными наблюдателями России в качестве отрицательной. Так, голландский путешественник Фридрих Гагерн на заявление русского генерала о том, что народу России присущ «гений подражания», с удивлением и иронией замечает про себя, что это некий неизвестный, «новый совсем род гениальности!»*. Еще более определенно высказывается маркиз де Кюстин, на протяжении своего повествования обращающийся к теме подражательства неоднократно. «Я не осуждаю русских за то, каковы они, — пишет он, — но я порицаю их за притязание казаться теми же, что и мы. Они еще совершенно некультурны. Это не лишало бы их надежды стать таковыми, если

* Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 686.

бы они не были поглощены желанием по-обезьяньи подражать другим нациям, осмеивая в то же время, как обезьяны, тех, кому они подражают»*.

Возмущение иностранцев вызывают не переимчивость, не умение учиться у других, а слепое копирование, заимствование внешних форм, бездумное и неосмысленное подражание. По мнению де Кюстина, подражательство Западу скрывает неприязнь к нему: «Я убедился, что русские относятся к нам иронически и неприязненно. Они нас ненавидят, как всякий подражатель того, кого он копирует»**. Очевидно, что в XVIII—XIX вв. подражательство Западу захватило немалую часть высшего дворянского общества. В этом смысле мнения западных наблюдателей совпадают с наблюдениями отечественных авторов той эпохи. Так, один из героев комедии Фонвизина заявляет: «Тело мое принадлежит России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской» (Бригадир. Действие 3, явление 1). А. С. Хомяков, критикуя часть отечественного дворянства за его пристрастие к внешним формам западной жизни, называл такое пристрастие «европейничанием». Если в прошлом болезнь поверхностного подражательства захватывала лишь высшие классы российского общества, то сегодня она поистине не знает социально-классовых барьеров, получив едва ли не всеобщее распространение. Излишне доказывать, что поверхностное подражательство препятствует подлинному усвоению западной культуры, ибо подражатель не видит в западном образе жизни ничего, кроме «сникерсов», развязности, ганстеризма и т. п. Тот факт, что комфортность западной жизни обеспечена высочайшей техникой мышления, длительным и преемственным развитием богатейшей культуры, для него остается скрытым и непонятным. Неслучайно подражатель (в отличие от вдумчивого ученика), как правило, превосходит отрицательные черты того, кому подражает, доводя его недостатки до самого предела, до самых крайних форм.

Любопытное наблюдение сделал в апреле 1917 г. Джордж Бьюкенен: «Неспособность русских к дружной совместной работе даже тогда, когда на карте стоит судьба их родины, достигает степени национального дефекта. Как сказал мне однажды один из русских государственных деятелей, когда дюжина русских собирается за столом для обсуждения какого-нибудь важного вопроса, то они будут говорить целыми часами, а в заключение рассорятся друг с другом...»*** Вообще говоря, индивидуализм западного мировоззрения каким-то удивительным об-

* Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 449—450.

** Там же. С. 557.

*** Русский характер в представлении иностранцев // Российская провинция. 1995. № 6. С. 142.

разом сочетается с коллективизмом действия. У нас же дело нередко обстоит строго наоборот: декларации о единстве, «соборности», коллективизме и т. п. остаются декларациями, тогда как способность к совместному действию — крайне низкой, если, конечно, речь идет о действии добровольном, а не принудительном, не по указанию «сверху». Неумение действовать продуманно и совместно — не только интеллигентская черта. Глеб Успенский привел замечательный пример из современной ему народной жизни. В очерке «Общий взгляд на крестьянскую жизнь» на вопрос о том, почему бы крестьянам сообща, всей деревней не засыпать небольшое болото, крайне мешавшее вывозу сена, крестьянин Ермолаич ответил автору: «Захотели вы с нашим народом! Нешто наш народ присогласишь?» Не нужно специально доказывать, что и в современной России «присогласить» кого-либо к дружной и сплоченной работе очень непросто.

Не секрет, что постсоветская Россия конца 80—90-х годов XX в. явила мировому сообществу поистине обескураживающее зрелище. Надежды доброжелательной по отношению к России части западного общественного мнения на то, что, сбросив тоталитарные оковы, страна ускоренно пойдет по пути духовного и культурного возрождения, не оправдались. Многие западные авторы видят причину сложившегося положения в том, что у власти фактически осталась та же номенклатура, лишь поменявшая лозунги с коммунистических на «демократические», но в своей основе оставшаяся такой же черствой, бескультурной и эгоистичной, какой была всегда. Эту точку зрения в обстоятельной книге с показательным названием «Обманутая Россия: провалившаяся демократия Ельцина» отстаивал, например, немецкий журналист Дирк Загер. Особую ответственность на неудачи реформ автор возлагает на руководство России. Думается, что в номенклатурном происхождении нынешних российских руководителей состоит только один аспект проблемы. В связи с современной российской ситуацией можно, в частности, вспомнить соображение, высказанное в свое время испанским философом Хосе Ортегой-и-Гассетом.

Испанский мыслитель писал, что при всех различиях Испанию и Россию «сближает то, что обе страны оказались населены расой-народом, иначе говоря, они всегда испытывали недостаток в выдающихся личностях. Славяне — могучее народное тело, над которым едва подрагивает крошечная детская головка. Разумеется, некое избранное меньшинство имело положительное влияние на жизнь русских, но по малочисленности ему так и не удалось справиться с необъятной народной плазмой. Вот откуда аморфность, расплывчатость, закоренелый примитивизм русских людей»*. Слова известно-

* *Ортега-и-Гассет Х.* Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 80.

го испанского автора можно истолковать в том смысле, что высокие гуманистические идеалы русской культуры и, прежде всего, великой русской литературы не проникли в души значительной массы населения, не затронули, не преобразили их. В России (как и в Испании времен Ортеги-и-Гассета) образовался *разрыв* между идеалами и ценностями, провозглашенными и отстаиваемыми ее великими художниками, писателями и мыслителями-гуманистами, и примитивными, а порой просто варварскими воззрениями и мировоззренческими установками немалой части населения, независимо от социальной и иной принадлежности, от места в социальной иерархии. Разительный контраст между массовой этической глухотой и огрублением, с одной стороны, и пронзительно высокой нравственной нотой великих произведений русской культуры — с другой, видимо, особенно заметен иностранному наблюдателю. Однако не ускользнул он от внимания и отечественных авторов. В этом смысле наглядной иллюстрацией к высказыванию Ортеги-и-Гассета может служить запись В. Розанова о его беседе с одним человеком в 1918 г. Весьма «положительный», серьезный на вид и немолодой мужчина поразил Розанова своими предложениями относительно методов, какими следовало расправляться с противниками: по его мнению, нужно с живых сдирать с них кожу и выделывать из нее ремни. Записывая этот эпизод, Розанов с горькой иронией восклицает: «Вот тебе и Толстой, вот тебе и Достоевский!..»*

Сегодня, наблюдая за тем, как люди, называющие себя «демократами», ради сохранения своей власти, привилегий и возможности присваивать себе собственность страны, готовы пустить «по миру» огромные массы людей, лишив их элементарных средств к существованию, как и так называемые «новые русские» (в которых нет ничего «нового» и ничего «русского», ибо алчность и стремление к наживе — вечные пороки человечества), вцепляются друг другу в глотку, чтобы захватить кусок пожирней, глядя, с какой циничной легкостью принимаются решения, стоящие жизни тысячам людей, и как никто не несет за это ответственность, не говоря уже об угрызениях совести, как можно вслед за Розановым не воскликнуть: «Вот тебе и Толстой, вот тебе и Достоевский, вот тебе и «слезинка ребенка»...»

Невозможно смириться с тем, что у российского общества не найдется достаточно культурных и творческих сил, чтобы избавиться от поголовного увлечения поверхностным подражательством, научиться в нужных случаях действовать совместно и сплоченно, оставляя в стороне различия и разногласия, относиться к жизни и достоинству человека как к высочайшей ценности, — как взывают к тому великие образцы отечественной культуры.

---

* См. *Розанов В. В.* Сочинения. Л., 1990. С. 469.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. А. Духи русской революции. В сб.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991.

Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.

Гегель Г. Работы разных лет. В двух томах. М., 1976. Т. 2.

Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992.

Два взгляда из-за рубежа. Переводы. М., 1990.

Дюма А. Путевые впечатления. В России. В трех томах. М., 1993.

Елистратов В. С. Россия как миф (к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом). В сб.: Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. М., 1991.

Ильин И. Наши задачи. М., 1992.

Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. М., 1990.

Лимонов Ю. А. Россия в западноевропейских сочинениях первой половины XIX века. Вступительная статья в сб.: Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. М., 1990.

Мамонова М. А. Запад и Восток: традиции и новации рациональности мышления. М., 1991.

Малиа Мартин. Россия и Запад: прошлое и настоящее // В раздумьях о России. XIX век. М., 1996.

Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Розанов В. В. Сочинения. Л., 1990.

Розанов В. В. Как произошел тип Акакия Акакиевича. В кн.: Розанов В. В. Сочинения. М., 1990.

Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. М., 1990.

Русский характер в представлении иностранцев // Российская провинция. 1995. № 6.

Солоневич И. Народная монархия. М., 1991.

Страда В. В свете конца, в предвестии начала. В кн.: В раздумье о России. XIX век. 1999.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.

Трескунов М. О книге Александра Дюма «Путевые впечатления. В России». Вступ. статья в кн.: Дюма А. Путевые впечатления. В России. М., 1993. Т. 1.

Ферро М. Николай II. М., 1991.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Какое значение имеет для нас знание того, каков образ России в глазах иностранцев, в частности, людей Запада?

2. На каких путях можно добиться положительного образа России перед лицом мировой общественности?

3. Когда Россия перестает быть для западных наблюдателей только лишь объектом этнографической любознательности и становится предметом пристального оценивающего внимания? С чем это связано?

4. По каким основаниям следует отличать западный коллективный миф о России от воззрений западных ученых, специалистов по России?

5. Что составляет ядро западного мифа о России? Приведите доказательства устойчивости этого ядра.

6. Какова историческая динамика западного восприятия России? В какой исторический период в этом восприятии в наибольшей мере присутствовали положительные характеристики?

7. В чем причины того, что западное общественное мнение длительное время колебалось в оценке советской общественной системы? К какому времени относится начало тотального отрицания советского строя западным общественным мнением?

8. Какие аргументы приводит И. Ильин в пользу того, что Запад органически не способен понять Россию? Насколько они правомерны?

9. Чем объясняют западные авторы представляющуюся им несомненной агрессивность России и внутренний деспотизм, якобы органически присущий России?

10. Какова структура западного коллективного мифа о России? Почему стереотипы восприятия западными европейцами друг друга не складываются в мифологическую систему?

11. Разъясните истоки и особенности бытового, литературного и политического мифа о России.

12. Что в действительности вызывает у людей Запада отрицательные эмоции и что, напротив, вызывает у них восторженное удивление и даже зависть?

13. Как следует относиться к критическим замечаниям западных ученых-россиеведов в адрес России?

14. Какие из известных критических замечаний западных авторов не утратили своей актуальности и сегодня?

Глава 8

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ, ИСКУССТВО И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ

1. *Характерные черты российской общественной мысли.*
2. *Культура и советская партийно-государственная идеология.*
3. *Общественное положение и миссия искусства в России. Сакрализация и десакрализация искусства.*
4. *Официальная, неофициальная и полуофициальная культура советского периода.*
5. *Блатная песня.*
6. *Бардовская (авторская) песня.*
7. *Сатира в России.*
8. *Корифеи российского рока.*
9. *Средства массовой информации в России.*

1. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Народный менталитет всегда отличен от способа мышления выдающихся личностей, хотя между ними можно, конечно, обнаружить и черты сходства. Общественная мысль, выраженная в произведениях культурного творчества выдающихся личностей, обладает специфическими особенностями, которые не могут быть целиком отождествлены с особенностями народной ментальности и народного характера. Поэтому судить о народной ментальности и народном характере по произведениям литературы, философии, литературной критики и др. следует с большой осторожностью, о чем мы уже неоднократно говорили. По той же причине характерные черты российской общественной мысли, представленные в произведениях культуры, могут быть рассмотрены *отдельно* от особенностей российской ментальности, на которых мы преимущественно сосредоточивали внимание в других разделах.

Народ не есть «лишь масса простонародья, крестьян и рабочих, лишь физически трудящихся классов, — писал Н. Бердяев. — Ни так понимаемый народ, ни какой-либо класс не могут говорить от име-

ни нации»*. Дух нации «всегда выражается через качественный подбор личностей, через избранные личности. В тысячу раз более народом был дворянин Пушкин или интеллигент Достоевский»**. Характерное для российского способа мышления разделение на тех, кто «наверху», и тех, кто «внизу», резкое противопоставление «они» и «мы» (см. более подробно главу 4 «Политическая система в России») приводят, в частности, к тому, что нередко только трудящиеся и эксплуатируемые ассоциируются в сознании россиян с народом. Эта точка зрения отказывает в праве называться «народом» представителям имущих классов, высоким политическим и государственным руководителям, интеллигенции, деятелям культуры — все они, с этой точки зрения, выносятся за скобки понятия «народ». Против вынесения выдающихся деятелей культуры за пределы понятия «народ» и направлены приведенные выше слова Бердяева.

Действительно, не считать Пушкина и Достоевского представителями народа и яркими выразителями его духа не только ошибочно, но и кощунственно. Надо, однако, иметь в виду, что выдающиеся личности выражают дух народа в *концентрированном* и *творчески* преобразованном виде. Нельзя, конечно, полагать, что все представители или большинство русского народа являются носителями идей, характерных для творчества Пушкина и Достоевского, впрочем, как и для творчества многих других выдающихся представителей отечественной культуры.

Предваряя размышления о характере русской философии, известный русский философ Б. П. Вышеславцев (1877—1954) писал: «Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. В этом смысле не существует никакой специально русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. Национализм в философии невозможен, как и в науке. Но возможен преимущественный интерес к различным мировым проблемам и различным традициям мысли у различных наций»***.

Слова Вышеславцева справедливы не только по отношению к философии, но ко всей российской общественной мысли, выраженной в произведениях философов, литераторов, поэтов, драматургов, литературных критиков, публицистов. Российская общественная мысль ставит и решает в основном те же проблемы, что и мировая общественная мысль в целом. Однако эти проблемы находят в ней своеобразное преломление, рассматриваются под специфическим

---

* *Бердяев Н.* Философия неравенства. Берлин, 1923. С. 80.

** Там же. С. 81.

*** *Вышеславцев Б. П.* Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 154.

углом зрения, одни из них привлекают больший, другие — меньший интерес и т. д. Особенности российской общественной мысли определились и продолжают определяться особенностями русской культуры и российской истории, общим своеобразием общероссийского национального характера, культурными традициями и особенностями исторической эволюции.

Решение вопроса об исторических особенностях и своеобразии российской общественной мысли является теоретическим обобщением всего пути, пройденного отечественной общественной мыслью, обобщением огромного многообразия концепций, идей, подходов и т. п. Иначе говоря, само по себе выступает самостоятельной и сложной теоретической задачей. Ее решению посвятили свои труды такие мыслители, как Н. А. Бердяев (1874—1948), С. Н. Булгаков (1871—1944), Б. П. Вышеславцев (1877—1954), В. В. Зеньковский (1881—1962), И. А. Ильин (1882—1954), Н. О. Лосский (1870—1965), С. Л. Франк (1877—1950), А. Ф. Лосев (1893—1988), М. Я. Гефтер, Г. Померанц и другие.

Своеобразие российской общественной мысли лучше всего выявляется через сопоставление с западной общественной мыслью. Такое сопоставление не должно идти по линии «лучше — хуже», «выше — ниже», а лишь по линии выявления характерных особенностей, присущих общественной мысли Запада, с одной стороны, и русской мысли — с другой. Любая национальная культурная традиция обладает специфическими чертами. Они определяются не только историей философии и общественной мысли данной страны, но и характером контактов данной страны с другими странами. Говоря о российской общественной мысли, полезно и целесообразно сопоставить ее с западной по ряду причин. На протяжении длительного исторического периода российская культура находилась в тесном контакте с западной, испытывала западное влияние. Вместе с тем в течение столь же длительного времени она настойчиво стремилась найти свои ответы на «вызовы» со стороны западной культуры. Западная мысль часто являлась своеобразным катализатором российской мысли, способствовала интенсификации интеллектуальных, культурных и художественных исканий. Особенно ярко это проявилось начиная с первых десятилетий XIX в. Неслучайно это время отмечено явлением поэзии Пушкина, вобравшей в себя лучшие достижения Запада и традиции русской культуры. Также неслучайно 30—40-е годы XIX в. были названы Г. Флоровским временем «философского пробуждения» в России. В этот период русскими философами и социальными мыслителями были созданы первые самостоятельные обобщающие философские и социально-политические произведения, дающие своеобразные ответы на проблемы, поставленные не только российской жизнью, но и философской и социаль-

но-политической мыслью Западной Европы. Последующее время знаменательно творчеством Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Вл. Соловьева, Чехова и других выдающихся отечественных писателей и мыслителей.

Сопоставляя русскую мысль с западной, исследователи отмечают, в частности, *онтологизм* российского мышления. Онтология — это учение о бытии, в отличие от гносеологии — учении о познании. Таким образом, первоочередной интерес к проблемам бытия, к проблемам реальной жизни, а не к процессу познания является чертой отечественной общественной мысли, отличающей ее от мысли Запада. Речь идет о том, что гносеологические проблемы, то есть проблемы теории познания, занимают в русской мысли иное место и играют иную роль по сравнению с тем, как это присуще общественной мысли Запада.

Значительный объем гносеологической проблематики — характерная черта западной мысли. Она легко обнаруживается в творчестве таких философов, как Ф. Бэкон, Локк, Декарт, Кант, Гегель и многих других. Общим правилом западной философской классики стало то, что тщательная проработка вопросов теории познания предваряет решение проблем онтологии. Для русской мысли, в общем и целом, характерен иной подход. В большинстве случаев она исходит из того, что «познание не является первичным и определяющим началом в человеке, — писал о характерном для русской мысли подходе В. Зеньковский. — Иными словами — познание признается лишь частью и функцией нашего действования в мире, оно есть некое событие в процессе жизни, а потому его смысл, задачи и его возможности определяются из общего отношения нашего к миру»*. Познание, прежде всего познание теоретическое, научное, есть часть целостной жизни человеческого духа — одна из частей, существующая наряду с другими. Не жизнь есть функция познания, а познание есть функция жизни.

Укорененность человека в мире — отправной пункт для большинства концепций русской общественной мысли. Укорененность человеческого бытия в мире признается как очевидность, как непосредственная данность. Отсюда та особая роль, какую в учениях большинства отечественных мыслителей играет интуиция. «Своеобразие русского типа мышления именно в том, что оно изначально основывается на интуиции, — писал С. Л. Франк. — Систематическое и понятийное в познании представляется ему хотя и не как нечто второстепенное, но все же как нечто схематическое, неравнозначное полной и жизненной истине»**. Таким образом, для русской мысли

---

* *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. С. 17.

** *Франк С.* Русское мировоззрение / *Франк С.* Духовные основы общества. М., 1992. С. 474.

характерно опасение, что за пределами самой совершенной рационально-научной системы всегда остается нечто жизненно важное, существенное. Это с одной стороны. С другой — русские мыслители стремятся вскрыть опасности, которые влечет за собой чрезмерная экспансия рационализма, чрезмерная экспансия научного схематизма, этого, по выражению Достоевского, «эвклидова ума» — расчетливого и холодного.

Нетрудно заметить, что данная особенность отечественного философского мышления находится в тесной связи с той характерной чертой народной ментальности, которая была названа нами «деловым материализмом» (см. главу 5 «Труд и предпринимательство в России»). В этой особенности российской общественной мысли выражено то же опасение, которое присуще народному деловому материализму: теория никогда не в состоянии исчерпать всей полноты жизни, не способна исказить и излишне схематизировать реальность. Можно констатировать, что русская общественная мысль стремится преодолеть две одинаково опасные крайности: рационализм и иррационализм. Иррационализм, как правило, связан с рыхлостью духа, с романтической размытостью, с неясностью, с логической нечеткостью; он ведет к неприятию точной науки вообще и к оправданию неспособности к ней. В лучших произведениях российской общественной мысли ярко выражен протест как против «эвклидова ума», стремящегося подогнать жизнь под строго рациональную схему, так одновременно и против бессмыслия, против безмерного упования на таинственные иррациональные силы.

В крупнейших произведениях русской общественной мысли отчетливо обнаруживается направленность к духовной трезвости, к уравновешенности, критика абсолютизации темной, бессознательной стороны человеческой природы, критика всякого рода экзальтированности. Но, отрицая иррационализм, русские мыслители тем не менее не могли принять рационализм — не потому, что в их представлении он ассоциировался с Западом, а в первую очередь потому, что с установкой на чистую рациональность (то есть логичность, целесообразность, закономерность, полезность, научную схематичность) они связывали опасности, о которых говорилось выше. Позицию равного неприятия как рационализма, так и иррационализма, согласно С. Франку, следует квалифицировать как *антирационализм*. А. Ф. Лосев связывает ее с понятием *«логос»*, характерным для русской мысли, — в противовес западноевропейскому *«рацио»*. Поэтому характеризовать целый ряд направлений отечественной философии как иррационализм только на том основании, что в них отводится должное место иррациональным факторам, совершенно неверно. Между тем в учебниках по истории отечественной мысли

советского времени, да и во многих учебниках 80—90-х годов на целый ряд отечественных авторов привычно навешивался ярлык иррационалистов.

Такая неверная характеристика философии Вл. Соловьева, Н. Бердяева, Л. Шестова, С. Булгакова и других дореволюционных авторов, живших и работавших впоследствии в эмиграции, была свойственна официальной идеологии советского периода. Она была продиктована чисто идеологической задачей — изобразить названных авторов мистиками и мракобесами, якобы отрицавшими значение разума, науки, просвещения. К сожалению, подобная оценка наших отечественных философов сохраняется и в трудах ряда современных специалистов. В действительности в подавляющем большинстве выдающихся произведений отечественной мысли выражено равное неприятие как абсолютизации «рацио», так и переоценки темной, иррациональной стороны жизни.

Знаменитое «cogito ergo sum» — «мыслю, следовательно, существую», сформулированное французским философом Р. Декартом, ярко выражает фундаментальную установку западноевропейского рационализма. Такая установка выглядит вполне естественной для мышления, занятого поисками обоснования достоверности научного знания. Роль разума, логически обоснованного знания, то есть всего того, что объединяется в понятии «рацио», подчеркнута в ней необычайно ярко. Очевидно, что в рамках европейской общественной и философской мысли и в целом европейской культуры декартовская формула находит свое место. Во всяком случае, она не вызывает недоумений, хотя, конечно, принимается далеко не всеми. На этом фоне соображение отечественного философа С. Франка представляется совершенно справедливым: «русскому духу путь от «cogito» к «sum» всегда представляется абсолютно искусственным; истинный путь для него ведет, напротив, от «sum» к «cogito»*. Иначе говоря, в рамках характерно русского понимания факт существования собственного «я» не нуждается в доказательстве, он очевиден, поэтому странно заниматься поисками аргументов для его подтверждения. Сначала «я есть», а потом «я мыслю». Факт собственного существования дан мне интуитивно. В переводе на философский язык это означает, что учение о бытии предшествует учению о мышлении, познанию; онтология предшествует гносеологии. Кроме онтологизма, о котором речь шла выше, мы обнаруживаем здесь еще одну характерную черту российской общественной мысли — ее *антропоцентризм*.

«Если уж нужно давать какие-либо общие характеристики русской философии, что само по себе никогда не может претендо-

* *Франк С.* Русское мировоззрение / *Франк С.* Духовные основы общества. С. 479.

вать на точность и полноту, — то я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий»*. Русская общественная мысль больше всего занята темой человека, его судьбы, смысла человеческого существования, его места в истории и в космосе. Это, однако, не означает, что другие темы не находят своего отражения в произведениях русских мыслителей. В русской общественной мысли широко представлена космологическая, теологическая, эстетическая, социально-философская и иная проблематика. Однако все темы российской общественной мысли рассматриваются сквозь призму темы о человеке, с точки зрения учения о человеке. Человек как бы поставлен в центр, вокруг которого располагаются все сферы бытия — такова характерная черта отечественной литературы, философии, публицистики. С антропоцентризмом связана еще одна черта русской общественной мысли. Речь идет о том, что в произведениях отечественной мысли в большинстве случаев ярко выражена *моральная установка*.

Едва ли можно назвать хотя бы одного русского мыслителя, который не выступал бы одновременно в качестве морального проповедника или социал-реформатора. Русский мыслитель не довольствуется, как правило, теоретическими рассуждениями: он стремится улучшить мир или возвести идеал. Эта черта характерна для русских мыслителей по меньшей мера от Радищева до Солженицына. Ярким примером может служить творчество Л. Толстого (1828—1910), для которого характерен панморализм, то есть подход ко всем вопросам личного и общественного бытия исключительно с позиций морали. Особое внимание к морально-нравственной проблематике присуще также такому выдающемуся представителю русской философской мысли, как Вл. Соловьев (1853—1900). Даже у тех авторов, у которых нет произведений, специально посвященных морали и нравственности, легко обнаруживается высокий моральный пафос, обоснование нравственных идеалов и ценностей. Русский дух в лице мыслителей, философов, писателей, литературных критиков так же, как в лице искателей-странников из народа, всегда искал ту истину, которая, с одной стороны, объяснит и осветит жизнь, с другой — станет основой для новой, подлинной и справедливой жизни.

Наконец, обратим внимание еще на одну характерную черту русской общественной мысли, связанную с ранее отмеченными чертами и вместе с тем как бы подводящую итог всему перечисленному, а именно: в произведениях русских мыслителей ярко представлена *историософская тема*. Речь идет в первую очередь об историософии России. Русских мыслителей интересует вопрос о месте и роли России в составе мирового сообщества, о том, какой вклад внесла и

* *Зеньковский В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. С. 16.

призвана внести Россия в сокровищницу мировых достижений, о смысле российской истории и ее перспективах. Неслучайно у Вл. Соловьева и у Н. Бердяева мы встречаем произведения с характерным названием «Русская идея». В этих трудах полностью отсутствует этническая проблематика — речь идет о России в целом.

Первоначальный толчок к размышлениям историософской направленности был обусловлен знакомством с немецкой философией, в частности, с философией Ф. Шеллинга (1775—1854) и Гегеля (1770—1831). Эти философы впервые в общей форме поставили вопрос о том, какой вклад внесла и призвана внести каждая крупная страна в прогресс человечества. Ответом на этот вопрос, как в общей форме, так и применительно к России, стали размышления П. Я. Чаадаева (1794—1856), славянофилов, Н. Я. Данилевского (1822—1885), К. Леонтьева (1831—1891) и многих других русских мыслителей. В XX в. ряд авторов русской эмиграции разрабатывал концепцию евразийства (о которой мы уже неоднократно говорили). Она, несомненно, лежит в русле тех же поисков специфики России, ее места в составе мирового сообщества, которые характерны для предшествующих периодов отечественной общественной мысли. В наши дни концепцию евразийской сущности России активно разрабатывал Л. Н. Гумилев (1912—1992).

Утвердившаяся в советское время партийно-государственная идеология по-своему решала вопрос о роли России в мировом сообществе. Советские идеологи утверждали, что всемирно-историческое призвание России (СССР) состоит в том, чтобы быть «авангардом мирового коммунистического и рабочего движения». Россия должна была стать инициатором установления социализма и коммунизма марксистско-ленинского образца во всем мире. «Страна победившего социализма» своим примером и помощью угнетенным во всем мире призвана якобы открыть всему человечеству путь в светлое будущее — коммунизм. Несмотря на присущий ей утопизм, коммунистическая идеология, как в целом, так и в части решения ею вопроса об исторической миссии России, обладала многими привлекательными чертами. (Более подробно об этом см. главу 4 «Политическая система в России».) В частности, она вполне ясно и четко обозначала ориентиры на будущее, опиралась на органически присущее человеческому сознанию стремление к идеалам и на стремление претворить их в жизнь. Ее привлекательность основывалась также на понимании того, что полноценное существование страны невозможно без великой идеи, способной объединить людей, наметить вдохновляющую перспективу. К сожалению, от такого понимания оказались крайне далеки некоторые из тех людей, которые сегодня незаслуженно именуют себя «демократами». Они сочли возможным вместо великой идеи почти открыто начертить на своих знаменах

лозунги стяжательства, политического и экономического авантюризма, расхищения национальных богатств.

Обязательность советской партийно-государственной идеологии закрывала пути свободного исследования вопроса о месте и роли России в мире. С позиций официальной идеологии этот вопрос представлялся решенным один раз и навсегда, а всякие иные варианты рассматривались как враждебные, «антисоветские». В действительности же вопрос о месте и роли России (как и любой другой страны, что является предметом размышлений для мыслителей соответствующих стран) в составе мирового сообщества по самой своей природе таков, что его предстоит осмыслить заново при каждом новом повороте истории. Поэтому историософия России с 90-х годов вновь обретает свое место в проблематике российской общественной мысли.

Особенности российского мышления, выразившиеся в произведениях целого ряда философов, писателей и других деятелей культуры, нашли свое поэтическое резюме в стихотворении Вячеслава Иванова:

Своеначальный жадный ум —
Как пламень, русский ум опасен;
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он и так угрюм.

Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

2. КУЛЬТУРА И СОВЕТСКАЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Партийно-государственной идеологии советского периода была свойственна абсолютизация классового подхода. Одним из проявлений такой абсолютизации явилась так называемая «теория двух культур», согласно которой в каждой национальной культуре существует две враждебные друг другу культуры — «культура угнетенных» и «культура угнетателей». Эта теория была разработана Лени-

ным еще в дореволюционную эпоху. Она была откровенно направлена на разжигание классовой розни прежде всего внутри собственной страны, России. В рамках этой теории подлинной признавалась только «культура угнетенных», тогда как «культура угнетателей» считалась насквозь лживой и фальшивой, призванной обслуживать корыстные интересы эксплуататоров.

Теория «двух культур» прочно вошла в арсенал официальной советской идеологии. Однако на практике она была в значительной мере преодолена уже к середине 30-х годов. С этого периода творчество многих деятелей отечественной культуры, прежде рассматриваемое теорией двух культур как «классово чуждое», было признано в качестве общенационального достояния. Так, в 1937 г. общегосударственного масштаба достигли мероприятия, посвященные столетию со дня гибели А. С. Пушкина, которого ранее рассматривали как поэта «дворянского», враждебного пролетариату и крестьянству. Пушкин оказался фигурой не того исторического масштаба, которую можно было с легкостью «сбросить» с социалистического корабля современности. Тем не менее подлинное признание таких писателей и поэтов, как, например, С. Есенин (рассматривавшийся как «выразитель интересов кулачества»), отчасти Л. Толстой, не говоря уже о Ф. Достоевском, А. Куприне, И. Бунине («дворянско-буржуазные» писатели) и других, последовало только после 60-х годов.

Дамоклов меч теории двух культур в советскую эпоху висел над каждым деятелем культуры, поскольку в любой момент он мог быть отнесен партийными идеологами к «классово чуждым», что незамедлительно вело к тем или иным репрессиям. Окончательно эта теория пала только в эпоху горбачевской гласности, когда были сняты все ранее существовавшие запреты на публикацию литературно-художественных, философских, публицистических и др. произведений. Отметим, что теория двух культур отчасти находила себе опору в массовом сознании в силу присущего российской ментальности противопоставления «они» и «мы» и использовала его в целях воспитания у советского народа чувства «классовой ненависти» (более подробно см. главу 4 «Политическая система в России»).

Особое значение для понимания взаимоотношений государственной идеологии советского периода и культуры имеет также статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Положение этой статьи вместе с теорией двух культур составили основу политики советского государства по отношению к литературе и искусству. Ленин видел задачу литературы в разработке и развитии «пролетарской» идеологии и пропаганде идей марксизма, идей партии. Результатом приложения тезисов статьи Ленина к литературе и искусству стали запреты и ограничения, которым подвер-

гались все сферы свободного художественного творчества на протяжении всего периода существования советской власти.

Одним из следствий постоянного давления на деятелей искусства и литературы явилось то, что из сознания некоторых деятелей культуры был едва ли не полностью вытравлен дух свободного творчества; его место заняло раболепие перед вышестоящими партийными органами, навыки и умения «колебаться вместе с линией партии». Такая установка лишала искусство и литературу того, без чего они просто не могут существовать: свободы суждения, свободы самовыражения, искренности и доверительности в отношениях между автором и зрителем или читателем. Однако сразу отметим (подробнее об этом см. ниже), что даже и в рамках официально контролируемой культуры российским художникам удавалось в ряде случаев создавать подлинные шедевры, проникнутые глубокой гуманистичностью и воплощенные с подлинным художественным мастерством. Однако общая масса советской культурной продукции оказалась подверженной глубокой отрицательной деформации и осуществила резкий отрыв от общих традиций русской дореволюционной культуры. Если быть более точным, из всего многообразия этих традиций была выделена, интерпретирована и сохранена одна-единственная линия так называемой «революционной» культуры, сформировавшейся в России еще во второй половине XIX в.

В русской классическом культуре «главенствовали чувства верности, чести, гуманизма и благородства, ценности человеческой личности и уважения к ее достоинству. Она стояла на фундаменте общечеловеческих, универсальных христианских ценностей и была «открытой» культурой, готовой к общению с миром. У революционной культуры были совсем другие ориентиры. Еще в 60-е годы XIX в., когда стали различимы ее отличительные особенности, о ней заговорили как о явлении сектантском, культуре «закрытого» типа. И были правы. Эта культура сама себя выключала из универсального пространства, ибо не признавала ни Бога, ни человека, ни личности, ни ее свободы, ни памяти, ни традиции, ни любви... ни дружбы, ни жизни, ни смерти. Тем самым она изначально была лишена естественных коммуникаций с миром, той многоканальности, наличие которой так важно для развития культуры. Из сферы общечеловеческой морали ее исключало стремление к разрушению миропорядка и системы гуманистических ценностей. Ее искусство было утилитарным. И главное — осуществляло себя через разрушение самой природы искусства»*.

---

* *Белая Галина.* «И речка, вероятно, еле билась, затвердевая в каменном гробу...» // Хранить вечно. Оттепель. Приложение к «Независимой газете». № 6. 29 сентября 1999.

Так называемое «советское искусство» в большинстве случаев оказалось насквозь пропитанным фальшью и лицемерием. Под запретом оказалось все, что не укладывалось в рамки официальной партийно-государственной идеологии. Творчество таких авторов, как М. Булгаков, А. Платонов, М. Цветаева, А. Ахматова, Б. Пастернак и других, не говоря уже о А. Солженицыне, прямо критиковавшем советскую систему, надолго выпало из доступного широкому читателю контекста отечественной культуры. Из официально контролируемого потока культурной продукции оказались исключенными ценности, присущие культуре как таковой. Подавляющее большинство произведений официально контролируемого искусства представляло собой поделки, одобренные и утвержденные ЦК КПСС с точки зрения их соответствия целям и задачам партии. Более того, многие талантливые произведения были фальсифицированы и искажены. Так, осуществленная в советское время экранизация «Тихого Дона» М. Шолохова едва ли не полностью искажала смысл романа. Кинофильм целиком подчинен задаче изобразить «красных» в самых положительных тонах, «белых» — в самых отрицательных. Из него выпали драматизм и противоречивость шолоховского повествования, отнюдь не классовый, а общечеловеческий и личностный смысл произведения. То же произошло с экранизацией романа «Белая гвардия» М. Булгакова. Пафос служения родине, лежащий в основе замысла Булгакова, — родине, какой бы она ни была, под какой бы политической личиной ей ни выпало существовать, — в киноварианте опошлен и подменен соображениями мелкожитейского свойства.

Однако примечательно, что и в советскую эпоху, в условиях тотальной несвободы художественного творчества, были созданы также и величайшие произведения, составившие славу и гордость не только российского, но и мирового искусства. На парадоксальность отношений власти и художественного творчества следует обратить особое внимание. Об этой парадоксальности мы будем говорить в дальнейшем. Предварительно целесообразно остановиться на вопросе о том, что характерно для России в понимании общественной миссии искусства.

3. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И МИССИЯ ИСКУССТВА В РОССИИ. САКРАЛИЗАЦИЯ И ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ ИСКУССТВА

«Нам не дано было пережить радость Ренессанса, у нас, у русских, никогда не было настоящего пафоса гуманизма, мы не познали радости свободной игры творческих избыточных сил. Вся вели-

кая русская литература, величайшее наше создание, которым мы можем гордиться перед Западом, — не ренессансная по своему духу. В русской литературе и русской культуре был лишь один момент, одна вспышка, когда блеснула возможность Ренессанса — это явление пушкинского творчества, это культурная эпоха Александра I. Но это был короткий период, не определивший судьбы русского духа. Русская литература XIX в., в начале которой стоял чарующий гений Пушкина, была не пушкинская; она обнаружила невозможность пушкинского творчества и пушкинского духа. Мы творили от горя и страдания; в основе нашей великой литературы лежала великая скорбь, жажда искупления грехов мира и спасения. Никогда не было у нас радости избыточного творчества. Вспомните Гоголя и весь характер его творчества. Это скорбная и мучительная творческая судьба. Такова же судьба двух величайших русских гениев — Толстого и Достоевского. Все их творчество не гуманистическое и не ренессансное. Весь характер русской мысли, русской философии, русского морального склада и русской государственной судьбы несет в себе нечто мучительное, противоположное радостному духу Ренессанса и гуманизма»*.

Очевидно, что в словах Бердяева очень многое подмечено тонко и верно. Гуманизм русской культуры — особое свойство. Он существенно отличен от западного гуманизма, сформировавшегося в эпоху Возрождения. В западном гуманизме приоритетом является установка на самореализацию и самоутверждение личности. В русском гуманизме на первое место выходят милосердие и сострадание, «жалость» к человеку, тогда как западный гуманизм основан на вере в безграничность творческих сил и возможностей человека, прежде всего отдельной личности. Действительно, все крупнейшие произведения русской культуры, особенно культуры XIX в., проникнуты состраданием к человеку. И в этом можно усмотреть своеобразие и величие русской культуры.

Однако следует обратить особое внимание на изменение статуса и характера культуры в XX в. Это изменение , хотя и с большим опозданием, затронуло и Россию. Современная культура, то есть культура XX в., гораздо больше обращает внимания на темную, иррациональную сторону человеческого бытия, на «ночного человека». «Маленький человек», о котором столь трогательно заботилась русская литература XIX в., обнаружил в XX в. то, что было до времени скрыто его угнетенно-зависимым положением: склонность к агрессии, пренебрежение к достоинству других людей, нарушения в интимно-сексуальной сфере, стремление к деньгам, власти и могуществу любой ценой.

---

* *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990. С. 143—144.

Прояснение через культуру темных сторон человеческой натуры стало рассматриваться в XX в. не столько с точки зрения познавательного значения, сколько с точки зрения достижения очищающего эффекта. Умолчание и сокрытие рождают агрессивность. Напротив, извлечение «ночного человека» на свет дневных лучей способно снять внутреннее напряжение. Кажется парадоксальным, но современная культура в ряде случаев берет на себя проявления того, что ранее рассматривалось как бескультурье. Зло, уродство, агрессивность, выраженные через художественный образ, в силу идеальной эстетической природы последнего может способствовать уменьшению его шансов быть реализованным в жизни. Образы неклассического искусства XX в. отнюдь не всегда следует воспринимать в качестве образцов для подражания. К сожалению, в нашей стране они часто воспринимаются именно так. Коренная причина такого восприятия состоит в том, что у нас с большим опозданием начался процесс *десакрализации* культуры. Поясним сказанное.

В главе 7 уже отмечалось, что в XIX в. имела место *сакрализация* художественной литературы. Произведения литературы (и литературной критики) стали восприниматься как духовные наставления, из которых читатель должен почерпнуть науку жизни, усвоить окончательную и непререкаемую истину. Литература заняла то место, которое раньше занимала религия. Вот как об этом пишет современный исследователь: «В период конца XVIII — начала XIX в. в России тоже начинается процесс сакрализации литературы, отмечаемый в таких западноевропейских странах, как Франция и Германия, являющийся своеобразной реакцией на потерю религией своего центрального места в социуме... С той лишь разницей, что в России этот процесс носил особый общественный характер, шел особенно интенсивно и длился значительно дольше. С такой сакрализацией, принявшей уродливые государственные формы в советский период, покончено только сейчас»*.

Известное изречение Е. Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт» ярко характеризует сакрализацию литературы. Вопреки общепринятому мнению (которого, вполне очевидно, придерживался и сам поэт), эта мысль не характеризует особенности России в ряду других стран. Изречение Евтушенко справедливо только для определенного периода российской истории, но отнюдь не является констатацией особого положения литератора в России в отличие от других стран: такое сакрализированное значение литературы для общественной жизни было характерно и для других стран Европы. Отличие России состоит лишь в том, что период отношения к пуб-

* *Страда Витторио.* В свете конца, в предвестии начала // В раздумье о России. XIX век. М., 1996. С. 30.

личному тексту как к священному, непременно несущему окончательную и непререкаемую истину, здесь оказался гораздо более длительным.

В результате сакрализации, имевшей место в советский период, всякое публичное слово, обращенное со страниц книги, газеты, идущее из уст диктора радио, с экрана телевизора стало восприниматься как образец «правильности», как проповедь, как наставничество, то есть восприниматься наподобие священного текста. Обратный процесс, то есть процесс десакрализации, начавшийся после 1991 г., пошел так стремительно, что застал общество врасплох. Неудивительно, что люди старшего поколения стали горячо высказывать протест и возмущение в адрес средств массовой информации, прежде всего телевидения, ставшего, с их точки зрения, орудием растления и развращения общества. Напротив, молодежь, воспринимая всякую публичную информацию в качестве «учительской», как и старшее поколение, видит в продуктах массовой культуры чуть ли не прямое указание, как «нужно жить», а в образах экранных антигероев — образцы для подражания. Нечего и говорить, сколь опасно сложившееся положение.

Уродливость российской десакрализации выразилась и в том, что, как это нередко бывает, возникла противоположная крайность: публичное слово стало орудием лжи, лицемерия, прямого обмана и клеветы. Особенно характерны в этом отношении потоки дезинформации, обрушиваемые средствами массовой информации в периоды предвыборных кампаний. Результатом «информационных войн», свидетелями которых стали миллионы телезрителей, явилось то, что уже мало назвать «десакрализацией», а именно утрата доверия ко всякой публичной информации, утрата, рождающая общественный скепсис и нигилизм.

Десакрализация культуры предполагает преодоление отношения к продуктам культуры, подобного отношению к священным текстам. Нормальное протекание процесса десакрализации связано с возрастанием воспитательной роли таких общественных институтов, как семья, церковь, система образования. Именно они призваны формировать *избирательное* отношение к продуктам массовой культуры, способствовать формированию вкуса, умению отличать достойное подражания от того, что такого подражания не достойно. К сожалению, на пути нормальной десакрализации в нашей стране стоит немало трудностей, в частности, бедственное положение системы школьного и университетского (академического) образования. Формирование личности в системе образования могло бы опереться на позитивный материал отечественной и мировой культуры. Особую роль в этом могли бы сыграть произведения русской классической литературы.

Могучий гуманитарный потенциал великих произведений русской классической литературы оказывается задействованным далеко не полностью, в частности, потому, что чтение серьезной литературы, ее глубокое изучение и понимание до сих пор воспринимается как привилегия «высоколобых» интеллектуалов, а не как то, что может быть доступно и важно для каждого человека и, главное, значимо для его повседневной жизни. Если в дореволюционные и советские времена отечественная интеллигенция во многих случаях злоупотребляла взятой на себя учительской миссией (вследствие сакрализации литературы), возлагая на воспитательный эффект литературы чрезмерные надежды, то сегодня налицо другая крайность — полный отказ значительной части интеллигенции от своего высокого социального предназначения.

Сегодня приходится с сожалением констатировать, что, с одной стороны, деятельность в области культуры нередко сводится к интеллектуальной «игре». Такая «игра» доступна лишь узкому кругу «посвященных», подготовленных к различению и восприятию тонкостей, нюансов, скрытых смыслов и т. д. Наглядным примером такого рода интеллектуальной игры, в большинстве случаев непонятной широкому читателю (сомневаюсь, что она понятна вообще кому-либо, в том числе и ее участникам, которые, похоже, лишь делают вид, что понимают друг друга), может служить страница культуры в «Независимой газете» 1995—2000 гг.

С другой стороны, немалая часть деятелей культуры в 90-х годах переквалифицировалась в изготовителей низкопробных поделок массового искусства, решив, что коммерческий успех достигается изобилием пошлости, похабщины, изображением истязаний и убийств и т. п. В действительности занимательность сама по себе отнюдь не противоречит тому, чтобы произведение служило позитивным целям, воспитывало и пробуждало в человеке лучшие чувства и качества. Самое печальное, однако, состоит в том, что многие деятели культуры постперестроечного периода сочли, что миссия «сеять разумное, доброе, вечное» была обусловлена изжившей себя коммунистической идеологией. В стремлении откреститься от этой идеологии многие зашли столь далеко, что не нашли ничего лучшего, как выбросить за борт всякие ценности духовного и гуманитарного порядка.

Стоит ли удивляться тому, что, несмотря на исконный патриотизм, массовый российский зритель и читатель в поисках духовной пищи все чаще обращается к продукции западного и вообще зарубежного происхождения. Стоны, например, российских кинематографистов по поводу нехватки средств при внимательном рассмотрении часто оказываются не чем иным, как прикрытием художественной несостоятельности, точнее, неспособности создать то, что воз-

вышает человека, способствует радостному ощущению полноты жизни, по-настоящему увлекает, открывает новые грани бытия, вселяет веру в торжество добра над силами зла. Вместо этого многие отечественные кинорежиссеры предпочли изображать на экране сюжеты и сцены, соревнующиеся между собой по степени и густоте того, что иначе как маразмом не назовешь, — маразмом, которого и без того хватает в современной российской жизни.

Безрадостность и уныние постперестроечного российского кино, несомненно, являются следствием эстетической наивности его создателей, а именно — господства в их умах так называемой «теории отражения», согласно которой призвание искусства состоит в том, чтобы быть не более чем отражением действительности. Надо заметить, что эта установка не помешала в советское время созданию подлинных шедевров киноискусства, к числу которых, несомненно, относятся такие получившие мировое призвание и снискавшие широкую зрительскую популярность фильмы, как «Волга-Волга», «Цирк», «Свинарка и пастух», «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Судьба человека», «Карнавальная ночь», «Ирония судьбы, или С легким паром» и другие. Очевидно, что в условиях характерного для советской эпохи жесткого идеологического пресса на искусство установка на отражение, на изображение «правды жизни» не мешала, а, напротив, даже помогала художнику найти верный путь к сердцу зрителя, внутренне освобождая создателя произведения от давления навязываемых «сверху» стереотипов. Однако ситуация резко поменялась в постперестроечные годы.

Для деятелей культуры сегодняшняя ситуация предоставляет поистине безграничные возможности для творчества. В современных условиях создать произведение, которое бы несло в себе заряд духовной энергии, невозможно, если руководствоваться только установкой на отражение жизни. Оказавшись перед лицом сложнейших проблем, многие деятели российского искусства растерялись, не найдя ничего лучшего, как заполнить теле- и киноэкраны откровенной пошлостью и «чернухой». Из-за своей глубинной «советскости» они оказались даже не в состоянии заметить, что лучшие образцы продукции западного массового искусства (которое стало образцом для подражания) во многих случаях (если не в большинстве) несут в себе огромный заряд гуманистичности, человечности, взывая к справедливости, милосердию, взаимопониманию, личной чести, к мужеству и отваге. Массовое искусство может действительно стать массовым, широко популярным, если, изображая жестокость и несправедливость современного мира, одновременно обращается к лучшим чувствам человека — мужеству и стойкости в борьбе против зла, к романтической любви, чувству патриотизма.

4. ОФИЦИАЛЬНАЯ, НЕОФИЦИАЛЬНАЯ И ПОЛУОФИЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Для понимания и объяснения многих художественных достижений советской эпохи следует учесть разработанное немецким социологом начала XX в. М. Вебером понятие *«продуктивной напряженности»*. Состояние продуктивной напряженности может существовать между государственной властью и искусством. Эта напряженность, выражающаяся в цензурных ограничениях, в гонениях или угрозе гонений и др., становится в ряде случаев специфическим *стимулом* для художественного творчества. Вот как об этом пишет современный специалист по эстетике О. Кривцун. «Исследователи, изучающие историю русского искусства советской эпохи и пытающиеся объяснить, как в условиях жесткой идеологии возникли и состоялись такие значительные фигуры, как А. А. Ахматова, М. А. Булгаков, Б. Л. Пастернак, Д. Д. Шостакович, А. А. Тарковский, склонны считать, что *определенная степень внутренней напряженности идеального и реального, официального и внутренне-человеческого* была необходима для того, чтобы искусство было способно на своей территории создавать особые смыслы и свой говорящий язык. Сама по себе ситуация между легализованным и табуированным чрезвычайно продуктивна для развития разных форм художественного иносказания: углубленной метафоричности, эзопова языка, подстрочных и контекстуальных смыслов. Художественный конфликт в литературе и искусстве мог совпадать с допускающимися официальной цензурой коллизиями, но его невидимая часть содержала в себе нечто большее, и порой совсем другое»*.

Разумеется, ни о какой «продуктивной напряженности» между властью и искусством не могло бы быть и речи, если бы, с одной стороны, власть была бы в состоянии полностью и без остатка контролировать все проявления общественной и личной жизни, а с другой — искусство не было бы деятельностью творческой, потенциально не содержащей в себе бесконечных резервов изобразительности и выразительности. Однако дело обстоит именно так: даже тоталитарная власть не в состоянии взять под контроль все проявления жизни. Искусство же в условиях жесткого пресса наглядно демонстрирует свои безграничные возможности в открытии и изобретении новых художественных форм и средств. Совершенно необычный с точки зрения привычных канонов роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» явился достойным ответом на своеобразную и крайне стесненную в политическом отношении жизнь людей «первого в

* *Кривцун О. А.* Эстетика. М., 1998. С. 225.

мире пролетарского государства». Это же можно сказать о произведениях таких авторов, как А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Платонов, О. Мандельштам, Д. Шостакович, А. Тарковский, В. Высоцкий, о повести «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына и др.

Прекрасной иллюстрацией состояния продуктивной напряженности может служить Театр на Таганке советского периода под руководством Ю. Любимова. Известное всем состояние «напряженности» театрального коллектива в отношениях с властью не только способствовало популярности театра. Самое главное — оно побуждало режиссера и труппу к творческому поиску, к нахождению своеобразных и неповторимых художественных форм, к изобретению особого языка иносказаний. Между исполнителями и зрителем устанавливался специфический контакт, основанный на многозначности текстов, на искусно найденных оригинальных ассоциациях и аллегориях. Элементы «продуктивной напряженности» между властью и искусством играли немалую роль в создании и многих других шедевров российского искусства советского периода.

5. БЛАТНАЯ ПЕСНЯ

Специфический феномен российской массовой культуры — так называемая *«блатная» песня*. Доминирующей в ней является воровская и тюремная тематика. Для понимания феномена блатной песни важно иметь в виду следующее обстоятельство. По данным, приведенным министром юстиции (1998) Крашенинниковым, число заключенных в дореволюционной России перед Октябрьским переворотом 1917 г. составляло около 150 тыс. человек. В начале 50-х годов в СССР оно составило около 2 млн. Таким образом, при росте населения менее чем вдвое количество заключенных увеличилось более чем в 10 раз. Число людей, побывавших в заключении, а также тех, кто так или иначе столкнулся с системой государственного наказания (пенитенциарной системой), с задержанием, тюрьмами и т. д., скажем, через родственников и знакомых, составило значительный процент от общего числа населения. Несомненно, это стало решающим фактором популярности блатной песни и остается, к сожалению, им до сих пор. Можно без преувеличения утверждать, что преступный и околопреступный мир создал в России *мощную субкультуру*, одним из ярких проявлений которой явился особый песенный жанр, о котором идет речь.

Надо учесть, что для советского периода характерна неоправданная суровость наказания. Печальную известность получил, в частности, сталинский «указ о колосках», согласно которому за кражу нескольких колосков с колхозного поля (а колхозными или совхозны-

ми стали практически все поля) предусматривалось тюремное заключение. Неоправданная суровость наказания приводила к тому, что, попав в заключение за незначительный проступок, человек оказывался в дальнейшем вовлеченным в орбиту преступного мира. Порвать с ним оказывалось тем более трудно, что в обществе господствовала атмосфера недоверия к лицам, побывавшим в заключение; судимость становилась несмываемым пятном в биографии. Человек, имевший судимость, попадал в замкнутый круг, поскольку, выйдя из заключения, повсюду встречал недоверие и подозрительность. Строка анкеты с данными о судимости закрывала ему путь к интересной и хорошо оплачиваемой работе, к сколько-нибудь значительному продвижению по службе и т. п. Попытка сломать замкнутый круг была предпринята в эпоху хрущевской «оттепели», о чем свидетельствует, например, появление художественного фильма под характерным названием «Исправленному — верить!». В этом фильме показана история вышедшего из заключения человека. Авторы фильма напоминают о том, что обществу не следует отворачиваться от тех, кто, отбыв в тюрьме установленный срок, решительно намерен порвать с преступным прошлым; такой человек нуждается в особой поддержке со стороны окружающих.

Блатная песня существовала в Советском Союзе в полуподпольном состоянии. Ее нужно отличать от бардовской (авторской) песне, существующей также в полуподполье, но существенно иной по тематике, содержанию, поэтике. Лишь с эпохой гласности блатная песня получила возможность для публичного самовыражения. В постперестроечной России она по-прежнему находит благодарную публику. Такой исполнитель, как Михаил Шуфутинский (вернувшийся в Россию в постперестроечный период), мог рассчитывать в США на ограниченную популярность лишь в пределах замкнутой аудитории недавних соотечественников. В России же он нашел многомиллионную аудиторию. Такую же широкую аудиторию приобрел Е. Кемеровский и другие исполнители.

Блатная песня воспевает романтику «блатной», то есть «воровской» жизни. Ярко представлена в ней и тюремная тематика — все, что связано с тюремным заключением, лагерной жизнью. К числу наиболее характерных тематических мотивов блатной песни можно отнести: сожаление о погубленной судьбе («Не жди меня, мама, хорошего сына...») и понимание невозможности ее изменить («Таганка, я твой бессменный арестант...»); неизбежность расставаний и разлук («Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая, / Здравствуй, моя Мурка, и прощай...»), решимость следовать своей судьбе до конца, воспевание романтики преступления. Если сравнивать с американской традицией романтизации преступной жизни, выраженной, в частности, в таких фильмах, как «Бони и Клайд», «Крестный

отец», «Однажды в Америке» и других, легко заметить, что в российской блатной песне больше лиризма, больше грусти, задумчивости. Как и в Америке, это, конечно, псевдоромантика.

6. БАРДОВСКАЯ (АВТОРСКАЯ) ПЕСНЯ

Бардовская (или авторская) песня связана прежде всего с именами таких выдающихся поэтов и исполнителей, как Б. Окуджава, Ю. Визбор, Е. Клячкин, Ю. Ким, А. Городницкий, А. Дольский, Татьяна и Сергей Никитины, В. Качан и другие. Был близок к ней В. Высоцкий, хотя его творчество по глубине и философичности выходит за пределы лирико-романтического настроя, характерного для бардов. Во второй половине 60-х — начале 70-х годов авторы и исполнители бардовской песни собирали многотысячные аудитории Дворцов спорта и стадионов. Несомненно, рождение этого феномена связано с хрущевской «оттепелью», точнее, с чувством обновления и очищения, с ожиданиями перемен, которые она породила. В 70-е — широко развивается движение авторской песни со слетами на природе, с песней у костра.

Прагматизм и меркантилизм 90-х годов, а также обострение проблемы выживания, вызванное неумелым проведением реформ (разорительным для большинства населения), привели авторскую песню едва ли не к гибели. Впрочем, не исключено, что авторской (бардовской) песне предстоит еще эпоха нового расцвета, поскольку ее поэзия и возвышенный нравственный пафос способны найти отклик в сердцах людей в любых социально-политических и экономических условиях.

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаяние,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
Последний, случайный.
Последний троллейбус по улице мчит,
Верша по бульварам круженье,
Чтоб всех подобрать потерпевших в ночи
Крушенье, крушенье...
.....
Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
И боль, что скворчонком стучала в виске,
Стихает, стихает.

Эти строки Б. Окуджавы (как и многие другие) вечны и не потеряют своего значения, несмотря на самые разнообразные социально-политические изменения.

Надо заметить, что авторская песня для своего полноценного существования длительное время нуждалась в напряженности между властью и искусством. Именно состояние напряженности было свойственно в советскую эпоху взаимоотношениям между партийно-государственной властью и тем искусством, которое не укладывалось в предписанные официальной идеологией рамки. Не укладывались в эти рамки ни блатная, ни авторская песня. Нельзя сказать, что авторская песня относилась к числу направлений, гонимых с особым ожесточением. Однако между нею и властью существовали напряженные отношения: она не допускалась на радио и телевидение, ее авторы не отмечались официальной прессой. Распространялась она в основном в записях для домашних магнитофонов. Это способствовало созданию особой атмосферы интимности в кругу единомышленников. Без такой атмосферы авторская песня утрачивает немалую часть своего очарования и привлекательности. Знаменитая строка Б. Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» обращена, конечно, ко всем. Но подтекст все же предполагает наличие круга единомышленников, людей, близких по духу. Их объединяло, прежде всего, скептическое отношение к официальной партийно-государственной идеологии, убежденность в существовании иных, подлинных ценностей. Отсюда авторской песне часто присущ вызов установившимся порядкам, ощущение полуподпольности, неофициальности собственного существования, гонимости. Это ощущение и придавало ей особое очарование, особую привлекательность. Вообще говоря, гонимость может в ряде случаев служить не только созданию ореола, но, что самое главное, — быть стимулом к творчеству и даже, как это ни парадоксально, — стимулом к созданию подлинных художественных шедевров. Залог неувядаемости авторской песни — слушательские аудитории, которые в 90-е годы собирали и продолжают собирать в самое последнее время С. Никитин, В. Качан (автор совместно с Л. Филатовым знаменитой песенки «Оранжевое лето» и многих других) и другие исполнители.

7. САТИРА В РОССИИ

Российская массовая культура немыслима без такой своеобразной и во многом специфически российской фигуры, как *писатель-сатирик*. Традиции литературной сатиры, заложенные в XIX в. Н. В. Гоголем и М. Е. Салтыковым-Щедриным, получили продолжение в творчестве М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова, М. Зощенко, а в последние годы — в творчестве таких популярных писателей и исполнителей собственных произведений, как М. Жванец-

кий, М. Задорнов, А. Арканов, Гр. Горин, Е. Шифрин, Г. Хазанов, М. Евдокимов и многие другие. Патриархом советской сатирической эстрады был, конечно, А. Райкин.

Очевидно, что в самом феномене российской сатиры и ее популярности можно усмотреть неустранимую тягу и желание россиян посмеяться над собой. Как видно, знаменитые гоголевские слова из комедии «Ревизор» «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» не останавливают российскую публику в этом желании. В России яркое высвечивание недостатков российской жизни отнюдь не всегда вызывает желание их исправить. Напротив, сатирическое обыгрывание и заострение недостатков и уродств российского бытия доставляет особый род удовольствия — и это при том, что российская сатира, несомненно, более «злая», чем сатира западная, к которой скорее применим термин «юмор».

Российский народ не мыслит своей жизни без шутки и розыгрыша, без того, чтобы комедийно не обыграть любую, даже самую трагическую или драматическую ситуацию. Не случайно, по замечанию В. Белинского, русская литература XVIII в. началась с сатиры, тогда как западная история литературы развивалась в обратном порядке. Сатира появляется на Западе не на начальном этапе, а в период зрелости литературы. Для таких выдающихся деятелей российской истории, как Петр Первый, Екатерина Вторая, выдающийся полководец А. В. Суворов и многие другие, шутка и розыгрыш представлялись неотъемлемыми частями жизни. Даже российский воинский дух не обходится без элемента смеха и розыгрыша (см. главу 11). В особой склонности к смеху, к розыгрышу, карнавальности, комедийности можно усмотреть одну из характернейших черт российского духа. В комедийном виде легко открываются многие глубинные стороны российской жизни, в частности, жизни политической. По замечанию М. Задорного, «лучшей страны для Дня смеха не найти, а лучшее место для него — Кремлевский дворец съездов».

Российская эстрадная сатира, без сомнения, вносит свой вклад в культивирование и поддержание мифа о российской экзотичности и якобы загадочной российской противоречивости. При этом в сатирической литературе, разумеется, находит свое выражение в первую очередь та разновидность этого мифа, в которой Россия рассматривается как отличающаяся от «нормальных» стран в худшую сторону, — в отличие от другой его разновидности, где мнимые «таинственность», «непонятность» и «противоречивость» России выдаются за свидетельства ее превосходства. В этой связи необходимо обратить внимание на специфический парадокс сатирического изображения реальности. С одной стороны, изображение пороков и недостатков, их высмеивание призваны устранить их из жизни, с другой — такое изображение способно создать впечатление их неус-

транимости, их глубокой укорененности и даже их органичности для российского общества и российского характера. Последствия этого парадокса ощутил на себе еще Гоголь.

«Гоголь был убежденным консерватором, монархистом, никогда не ставившим вопрос об изменении социального строя, не мечтавшим о социальных потрясениях... — пишут специалисты по творчеству Гоголя. — Русский монарх для писателя — «помазанник Божий», воплощение мощи государства и высший моральный авторитет. Он способен покарать любое социальное зло... Писатель критикует «плохих» чиновников, не выполняющих обязанности, возложенные на них царем, не понимающих своего долга перед отечеством. У него не было сомнений в том, что любой чиновник, имеющий «полное познание его должности», не выступающий «из пределов и границ, указанных законом», необходим для управления огромной страной. Бюрократия, по Гоголю, — благо для России, если она понимает значение занимаемого «важного места», не поражена корыстью и злоупотреблениями»*.

В глубоком противоречии с замыслом писателя творчество Гоголя было воспринято как социальная сатира на общественный строй, как его реалистическое изображение, как призыв к революционному изменению общественных порядков. Это с одной стороны. С другой — оно стало восприниматься как изображение коренных отрицательных свойств России и российского характера, как злая сатира на все русское, на все российское. Помимо воли автора и в резком противоречии с его намерениями (о чем можно вполне определенно судить по письмам Гоголя) Россия перед читателями его произведений предстала страной, где все «не так, как у людей».

Российская сатира резко отличается, например, от английского юмора — лишенного всякой назидательности и поэтому мягкого, не морализирующего. Юмор мягкий, ненавязчивый и неназидательный в своем непосредственном выражении свойственный, например, творчеству А. П. Чехова и А. Н. Островского, не является в российской сатире доминирующим. В большинстве случаев российская сатира, с одной стороны, моралистична, как моралистична почти вся российская общественная мысль. Российская сатира *обличает* недостатки, без *обличения* пороков и недостатков она немыслима. За пороки и недостатки принимаются в основном отличия российской жизни от западной, как жизни «ненормальной» от жизни «нормальной». Достаточно вспомнить любое из произведений М. Жванецкого или М. Задорнова. С другой стороны, она и не очень «против» этих недостатков, поскольку видит в них неискоренимые черты рос-

---

* *Скороспелова Е. Б., Голубков М. М., Красовский В. Е.* Н. В. Гоголь // Русская литература XIX—XX веков. В двух томах. М., 1998. Т. 1. С. 178—179.

сийского духа, с которыми ничего не поделаешь и с которыми придется жить «вечно».

Вместе с тем в сатире находит свое выражение «второе *я*» культуры — то, что у Достоевского выступает под именем «бес, кошмар, черт», — «своя же мысль, но в отвратительном виде», «господин в сером пиджаке, приживальщик...», «мое подлое я» («Братья Карамазовы»). Трактовки «второго я» для понимания культуры так же важны, как и для понимания отдельной личности. Осознание «второго я» проводит черту между нормой и ее зеркально уродливым, патологическим отображением. То, что в данной культуре считается заслуживающим осмеяния и сатиры, существенно для понимания данной культуры, является ее важной самохарактеристикой. Посредством смешного культура вычленяет свое «подлое» «я» и одновременно борется с ним, не давая ему занять место «я» подлинного. В отличие от теоретических доктрин, идеологий и моральных учений, смеховая стихия гораздо меньше подвержена соблазну лицемерия. Она четко и определенно обозначает предмет отторжения самим фактом смеха. Важен и характер смеха: смех придавленный или глумливый, скорее всего, невольно обнажает скрываемый от самого себя порок; смех же открытый и искренний призван освобождать от порока.

Российская сатира ярко выражает одну из характерных черт российского духа и российской жизни — их *карнавальность*. Смысл этого понятия легче всего уяснить в сравнении с жизнью западной — размеренной, продуманной, расчетливой, рациональной. По сравнению с россиянином западный человек гораздо более серьезен, рационален и сосредоточен. Его повседневная жизнь наполнена хлопотами и заботами, которые требуют предельного внимания и сосредоточенности. В западной жизни все планируется и прогнозируется, разлиновывается на строгие квадратики, раскладывается «по полочкам». Чтобы хоть на время освободиться от плена «разлинованной» жизни, западные люди придумали карнавалы, столь популярные во всех западных странах. (Бразилия здесь не в счет, поскольку там карнавал имеет природу, лишь отчасти схожую с западной.) В России карнавалов не придумали, а, по большому счету, они и не нужны: карнавальна сама жизнь, способная в любой момент принести самые неожиданные сюрпризы.

Так же, как неустойчива российская погода, всегда готовая «выкинуть фортель», так и развитие событий в любой сфере общественной жизни в общем отличается непредсказуемостью, а иногда и тем, что иначе как «выкидыванием фортелей» не назовешь. И дело тут не только в субъективном факторе — характере людей. Природные, климатические и иные условия часто не позволяют полагаться на четко разработанный план. Неслучайно российская общественная

мысль в большинстве случаев скептически оценивает прямолинейный, схематический рационализм.

Жить в условиях постоянного «карнавала», конечно же, нелегко. Такая жизнь изматывает больше, чем самый изнурительный труд. По этому поводу напрашивается замечание: если уж невозможно устранить карнавальность российской жизни полностью, то следовало бы сдерживать ее в определенных рамках. Конечно, сегодня — это одна из важнейших задач. Без внесения в общественные отношения значительных элементов упорядоченности и рациональности, и прежде всего права (законности) и нравственной честности, все надежды на реформирование российского общества неизбежно окажутся беспочвенными иллюзиями. Безграничный разлив карнавальности превратил бы общество в «страну дураков», в которой, впрочем, как и в известной сказке А. Н. Толстого, всегда найдутся свои лиса Алиса и кот Базилио, греющие руки на чужой наивности.

Повторим: жить в условиях постоянного «карнавала» нелегко. Однако наблюдать его на сцене или слышать из уст писателя-сатирика — совсем иное дело. Как античная трагедия посредством перенесения трагического в сферу театральности становилась средством «очищения страстей» («катарсиса»), так и российская сатира, перенося карнавальность российской жизни на сцену, заостряя и усиливая ее, делая ее достоянием публичности, оказывается средством психологической и социальной разрядки, «катарсиса».

8. КОРИФЕИ РОССИЙСКОГО РОКА

Феномен российской («советской») эстрады заслуживает самого обстоятельного и серьезного разговора. Вероятно, нигде в мире не удалось создать ничего подобного, соединяющего в себе столь разнородные музыкальные традиции самых различных этнорелигиозных культур народов Советского Союза. При этом советская эстрада не была простым конгломератом разнородных стилей и жанров. В ней отчетливо просматривалось единство. Во многих случаях такое единство впрямую навязывалось партийно-государственной идеологией. Но это имело место далеко не всегда. Во многих случаях единство и общая тональность были продиктованы не идеологией, а общим эмоциональным настроением всего общества. Это особенно наглядно проявилось в *советской песне*. Песенное творчество Л. Зыкиной, М. Магомаева, Т. Миансаровой, Г. Великановой, Л. Лещенко, А. Пугачевой, Л. Долиной, Э. Хиля, В. Толкуновой, А. Серова, Ю. Антонова, В. Леонтьева, музыкальные произведения М. Таривердиева, А. Пахмутовой, Д. Тухманова, И. Крутого и многих других корифеев еще ждут своего внимательного и заинтересованного

исследователя — не только в специально музыковедческом, но в широком социальном и философско-эстетическом планах.

Наибольший же интерес в качестве самовыражения современного российского духа вызывает *российский рок* — без сомнения, уникальный феномен мирового эстрадного искусства. На первый взгляд рок — явление, целиком заимствованное с Запада. Однако дело в том, что российские исполнители сумели пересадить заимствованный феномен на российскую почву и создать нечто совершенно своеобразное. В течение короткого исторического времени — немногим более чем за 30 лет — выросло, приобрело зрелые черты и завоевало огромную популярность совершенно новое направление музыкального искусства, представленное творчеством таких авторов и исполнителей, как А. Градский, Ю. Шевчук, группа «Машина времени», В. Цой, Б. Гребенщиков, группы «Автограф», «Браво», «Агата Кристи» и другие. Не будет преувеличением утверждать, что по своей общественной роли и по своему значению для самовыражения современного российского духа российский рок сравним с той ролью, какую в свое время сыграл и продолжает играть в культуре США джаз.

История российского рока прослежена и тщательно исследована в трудах Артемия Троицкого, первым понявшего и оценившего значение нового музыкального направления. Он же стал первым его блестящим исследователем и горячим пропагандистом*. Российский рок начинался как увлечение музыкой западных исполнителей, поначалу поверхностное, хотя искреннее и самозабвенное. Потребовалось время для того, чтобы родилась сама мысль о создании русскоязычного репертуара собственного, авторского производства. Первым на русском языке запела рок-группа «Скоморохи» под руководством А. Градского. После ряда лет исполнения англоязычного рока лидер «Машины времени» Андрей Макаревич «осознал необходимость русскоязычного репертуара... Вполне возможно, это стало констатацией факта, что лучше «битлов» на английском не сочинишь, а может быть, как это случалось со многими, ребята услышали «Скоморохов» и поняли, что рок-н-ролл можно петь по-русски»**.

Русскоязычный репертуар резко изменил и музыкальную стилистику произведений. Кроме того, он побудил не только к творчеству музыкальному, но и к творчеству поэтическому, точнее, к новому синтезу музыки и слова. В своих лучших образцах российский рок стал музыкой «мыслящей», во многих случаях — мыслящей глубоко и философски. Особую роль в российском роке играют слова, текст,

* См., напр., *Троицкий А.* Рок в СССР. М., 1991.

** *Троегубов В.* «Машина времени». В кн. Легенды русского рока. М., 1999. С. 38.

конечно, не в ущерб музыке. Видимо, российская культура в сущности своей глубоко ориентирована в первую очередь на слово, на внушающую и воздействующую силу текста. Рок не явился в этом смысле исключением. В пользу этого соображения свидетельствует, например, следующее наблюдение, сделанное В. Кожиновым относительно особенностей песенной культуры Италии во время беседы с итальянцами.

«Зашла речь и о итальянском пении... И я задал вопрос, как выяснилось, наивный: популярны ли, звучат ли по радио и с телеэкрана песни на стихи выдающихся итальянских поэтов? Гости поначалу даже удивились, а потом наперебой стали говорить о том, что текст в итальянском пении вообще мало что значит, его даже нередко — и не раз — по разным причинам (например, как устаревший), заменяют и т. д. А что касается песен на стихи выдающихся поэтов, то о таких просто ничего не знают»*.

Своеобразна роль текста и в американском джазе. «Текстовки джазовых песенок, — отмечает американский автор, — довольно своеобразны. Порой это лишь набор бессмысленных слов, порой что-то слащаво-сентиментальное. Однако столь же часто эти тексты исполнены грубоватого земного юмора или неподдельного трагизма и печали. Последнее относится прежде всего к текстам, на которые поются блюзы и спиричуэлс»**.

В связи со сказанным не лишено глубокого смысла соображение В. Кожинова о том, что «в начале всегда Слово, — неотъемлемая особенность, сама природа отечественной культуры... Но это отнюдь не умаляет значения *музыки* в русской песне или романсе, ибо можно утверждать, что, придавая слову полет (стихотворение, став песней, как бы обретает крылья) и проникновенность (образуясь в песню, стихотворение легко проникает в самую глубь души слушателя), музыка как бы и претворяет его в Слово... Роль музыки в русской поэзии вообще нельзя переоценить: еще в прошлом веке, когда круг *читателей* был — при всех возможных оговорках — весьма и весьма узок, многие явления поэтической классики стали поистине всенародным достоянием благодаря песням и романсам, долетавшим и до глухих деревень. Но не будет преувеличением утверждать, что и сегодня, когда все у нас грамотные, ценности отечественной поэзии в немалой степени существуют в душах людей неотделимо от музыки»***.

Роль слова накладывает особый отпечаток на российскую музыкальную культуру во всех ее проявлениях — от оперы до массовой

---

* *Кожинов В.* Судьба России. Вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 239.
** *Лернер Макс.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 2. С. 376.
*** *Кожинов В.* Судьба России. Вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 240.

эстрады и рока. В частности, она придает исполнению музыкального произведения черты театральной драмы, театрального спектакля. Театральность, драматургичность, сюжетность — эти черты отчетливо проявились в песенном творчестве таких замечательных исполнителей, как Алла Пугачева и Валерий Леонтьев. В их исполнении песня разворачивается в драматическое действие, тесно связанное со смыслом и настроением текста. В нем участвует и сам певец, и весь ансамбль находящихся на сцене артистов. В отличие от выступлений большинства западных звезд, где танцоры и статисты выступают лишь фоном и украшением музыкальной палитры, в концертах отечественных звезд все сопровождение играет еще и драматическую роль, связанную с сюжетом песни. Главный исполнитель выступает не только в роли певца, но и драматического артиста. В этом можно усмотреть продолжение традиций Ф. Шаляпина, в свое время поразившего западных любителей оперы не только чисто музыкальными достоинствами исполнения (что для Запада вполне привычно), но и талантом драматического артиста, способностью совмещать музыкальное и драматическое мастерство.

Словесно-поэтическое творчество многих отечественных рок-музыкантов нередко представляет самостоятельную поэтическую ценность. Оно полно подлинных открытий в области чисто литературно-поэтической. Но, конечно же, только в соединении с музыкой рок-поэзия образует то, что только и может быть названо российским роком. Важная роль текста объединяет российский рок с песней народной. О последней Л. Толстой говорил, что «русский мужик поет с убеждением, что главное в песне — слова, а мелодия только так, для ладу»*. Возможно, в словах Толстого есть преувеличение, однако роль текста в народной песне подмечена верно.

На пути российских рок-музыкантов в советскую эпоху стояло столько трудностей, что, казалось, их невозможно преодолеть. Прежде всего, это густой частокол партийно-идеологических запретов. Партийные функционеры длительное время испытывали аллергию на само слово «рок», не говоря уже о том, чтобы разрешать представления рок-музыкантов в сколько-нибудь массовых аудиториях. К числу серьезных препятствий следует также отнести и монопольное положение в сфере звукозаписи государственной фирмы «Мелодия». Если продолжить параллели с американским джазом, то хорошо известно, что уже на первых этапах существования джаза всякая мало-мальски популярная композиция, исполненная где-нибудь в увеселительном заведении Нового Орлеана, тут же находила заказчиков в лице какой-либо из бесчисленных фирм звукозаписи. Растиражированная на пластинках, она незамедлительно распрост-

* Цит по: *Кожинов В.* Судьба России. Вчера, сегодня, завтра. С. 239.

ранялась по всей стране. Монополия же фирмы «Мелодия» означала, что отказ ее руководителей какой-либо группе или исполнителю был равнозначен выключению из музыкального оборота, изоляции от массовой аудитории. Наконец, трудности с инструментами, которых практически в стране не было, описание способов их «доставания» и затраченных на это титанических усилий само по себе достойно стать сюжетом для целого ряда драматических, трагических, а чаще всего — трагикомических произведений. Не забудем и о бытовой неустроенности первых российских рок-музыкантов, о трудностях поиска помещений для репетиций и т. п. Российский рок — это история борьбы за существование и самоутверждение, и уже этим он интересен*. Однако главное все же состоит не в этом.

Российский рок вобрал в себя напряженный ритм российской жизни последних десятилетий, и этот ритм нашел в рок-музыке свое наиболее полное и адекватное выражение. Вместе с тем, сохранив элементы танцевальности, рок оказался способен привлекать одновременно огромные массовые аудитории. По этой причине рок — это музыка, избавляющая слушателя от пассивности, что в большинстве случаев присуще другим музыкальным жанрам. Давая возможность подпевать и подтанцовывать, он вовлекает аудиторию в некое общее действо, пробуждает в ней динамическую активность. Пульсация танцевальных ритмов в сочетании с насыщенностью звука и яркостью и необычностью текста позволяет человеку сбросить с себя панцирь ограничений, которыми сковывает его общество, высвободить подспудные желания. Рок дает ощущение свободы — свободы не только социальной и политической, — путь к которой и ее победа в России почти совпали с вехами развития рока. Но, что еще более важно, он рождает ощущение свободы внутренней, освобождает от комплексов, высвобождает внутреннюю энергию человека, внутренне раскрепощает.

Рок принес с собой преодоление психологической отчужденности человека от других людей, той свойственной тоталитарному обществу отчужденности, переходящей порой во взаимное озлобление, которая скрывалась за официальными лозунгами советского периода о единстве партии и народа и т. п. К нему в полной мере применим эпитет А. Блока, адресованный русской народной песне, — «грустно-победная». Роль отечественного рока как средство преодоления отчужденности и сегодня не менее значительна. Однако надо заметить, что поменялся ее ракурс. Теперь рок становится музыкой, помогающей забыть об ужасе одиночества в обществе, ориентированном на едва ли не звериный индивидуализм и эгоизм. Рок сегодня, вопреки

* См., напр., *Троегубов В., Пушкина М., Липатов А., Гаврилов В., Гурьев С., Порохня Л.* Легенды русского рока. М., 1999.

современным политике и экономике, разделяющим людей, остается в числе факторов, способствующих объединению, созданию и поддержанию чувства солидарности, чувства собственного достоинства. Рок по самой своей природе является одним из способов избавления от одиночества. Он напоминает о подлинных ценностях, о том, что для их защиты и поддержания потребны мужество и решимость, рождает свободу духа, как в следующем тексте Ю. Шевчука:

Я открыл окно,
И веселый ветер разметал все на столе —
Глупые стихи,
Что писал я в душной и унылой пустоте.
Грянул майский гром,
И веселье бурною, пьянящею волной
Подкатило, —
Эй, вставай-ка и попрыгай вслед за мной!
Выходи во двор
И по лужам бегай хоть до самого утра!
Посмотри, как носится
Смешная и святая детвора!

Капли на лице — это просто дождь
Иль, может, плачу это я?!
Дождь очистил все, и душа, захлюпав,
Вдруг размокла у меня,
Потекла ручьем прочь из дома
К солнечным некошеным лугам,
Превратившись в пар, с ветром полетела
К неизведанным мирам!

И представил я —
Город наводнился вдруг
Веселыми людьми.
Вышли все под дождь,
Хором что-то пели и плясали, черт возьми!
Позабыв про стыд и опасность после с осложненьем заболеть,
Люди под дождем, как салют, встречали гром —
Весенний первый гром!

9. СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ

Было принято думать, что свобода слова — это великое счастье. Однако, как сказал генеральный директор ВГТРК (1999) Михаил

Швыдкой, «свобода на самом деле — это трагедия, к которой еще не готовы ни власти, ни журналисты»*. В действительности свобода слова в современной России является относительной. Разумеется, она не сравнима с советской эпохой, но, одновременно, очень далека от норм современного демократического общества. «Новая российская система СМИ, — отмечает Я. Н. Засурский, — отличается разнообразием точек зрения, в основе которого — конфликт интересов владельцев масс-медиа, однако «публичной сферы», в которой общество могло бы определить свое будущее через открытое и рациональное обсуждение различных проблем, как не было, так и нет. Напротив — тот, кто хочет восстановить ход событий по сообщениям прессы или ТВ, должен снова *учиться читать между строк.* Журналисты, после нескольких ударов по иллюзиям о свободной и независимой прессе, вернулись к цинизму и спячке, во многом напоминающей пресловутые застойные годы»**.

«Главный лозунг печати: проклинай, ненавидь и клевещи», — так нелицериятно характеризовал современную ему предреволюционную печать В. В. Розанов***. Впрочем, Розанов распространял свою пессимистическую оценку на всякую печать, считая, что ложь, клевета, дезинформация и др. заложены в самой природе средств массовой информации. К такому выводу его привели наблюдения над предреволюционной российской прессой (1906—1918 гг.), когда свобода печати была исключительно велика, сравнима с современной, а возможно, и превосходила современный уровень. Однако пресса предреволюционного периода была в большинстве случаев крайне политизирована: каждая газета или журнал отстаивали определенную политическую линию, обслуживали одну из политических партий. Поэтому печать была одной из важнейших составляющих политической борьбы. Отсюда и те ее отрицательные свойства, которые отмечены мыслителем. По этой же причине ни одно из изданий не было способно завоевать доверие самой широкой аудитории, стать авторитетным источником, не зависящим от политических симпатий и антипатий.

Низкий уровень доверия аудитории остается и сегодня одной из основных примет российских средств массовой информации. Откровенно «заказные» публикации и передачи с целью оклеветать политического противника, внести неразбериху в происходящие события, облить грязью неугодное лицо — все это и многое другое из той же серии прочно вошло в арсенал постперестроечных российских СМИ. Немало и таких журналистов, которые вообще весьма

---

* Независимая газета. 6 марта 1999.

** *Засурский Я. Н.* Масс-медиа второй республики. М., 1999. С. 11—12.

*** *Розанов В. В.* Сочинения. Л., 1990. С. 425.

смутно представляют свое общественное предназначение, в частности, принимая продажность за норму деятельности.

В советское время роль средств массовой информации была четко определена и жестко контролируема: печать должна была выполнять функции агитатора, пропагандиста и организатора масс под руководством партии. Пресса, а в последующем, по мере их развития, и все средства массовой информации призваны были стать орудием правящей партии при решении тактических и стратегических партийных задач. Та же роль отводилась кинематографу, книгоиздательству, литературе и искусству. Средства массовой информации находились под жестким партийным контролем и, более того, были превращены в один из маховиков мощной партийно-государственной машины. «В целом... в советской системе прессы за счет постоянного партийного контроля была достигнута беспрецедентная для истории прессы управляемость и охват населения страны»*.

К 1991 г. просуществовавшая почти 70 лет система партийного управления прессой оказалась в общем и целом разрушенной. Разрушение прежней системы было с полным основанием воспринято журналистами и общественностью как большая победа демократических сил, как наступление новой эры. Многим казалось, что освобождение от партийного контроля — это и есть необходимое и достаточное условие для возникновения и существования новых, независимых и демократических средств массовой информации. В 1991—1993 гг. трудно было и представить все реальные трудности, которые ожидали демократическую прессу. В последующие годы становилось все более очевидным, что процесс становления независимых средств массовой информации, отвечающих требованиям современного демократического общества, гораздо более сложен: освобождение от партийного контроля знаменовало собой только первый, только начальный шаг. В 1991—1993 гг. все представлялось в гораздо более розовом свете. Чрезвычайно популярной стала, в частности, концепция «четвертой власти».

Согласно этой концепции, пресса является самостоятельным и независимым общественным институтом, который совместно с тремя ветвями государственной власти — законодательной, исполнительной, судебной — участвует в управлении обществом. Другой идеей, характерной для первого периода постсоветской демократии, явилась идея о свободном рынке информации, на котором правит невидимый закон товарообмена, «сам собой» определяющий ценность информации и справедливое ее распределение. Информация рассматривалась как один из видов товара, ничем принципиально не отличающийся от других. С этой точки зрения ус-

* *Засурский Я. Н.* Масс-медиа второй республики. С. 33.

пешность или неуспешность того или иного информационного предприятия якобы зависит исключительно от качества материала, мастерства журналиста, полноты и иных свойств информации: рынок свободной конкуренции сам расставит все по своим местам, определит лидеров и аутсайдеров, а соответственно, и популярность и доходность издания. В принципе обе названные концепции отражали стремление демократической общественности и журналистов к созданию средств массовой информации, подлинно независимых и демократических. Однако приблизительно с 1995—1996 гг. развитие масс-медиа пошло по пути, во многом противоположном ожидаемому.

Коренной причиной этого явилось то, что государственная власть вполне определенно взяла курс на монополизацию средств массовой информации. Этот курс выразился как в захвате контроля над наиболее влиятельными масс-медиа (прежде всего, телевидением) самими органами государственной власти, так и в поощрении их скупки крупным капиталом, непосредственно подконтрольным Кремлю или тесно связанным с ним. Такой курс власти был, несомненно, продиктован интересами выборных кампаний и в конечном итоге — боязнью власти быть сметенной волной народного недовольства в случае открытого и полного информирования населения о злоупотреблениях, совершенных под прикрытием якобы неизбежных «тягот реформ». В результате два ведущих телеканала оставались к 2000 г. под непосредственным контролем президентской администрации. Будучи целиком и полностью подчиненным администрации и преданным ей лицам в правительстве, один из них словно в насмешку назван «общественным российским телевидением». Полный контроль над ведущими телеканалами открыто использовался в политических целях президента Б. Ельцина и его клана, который в 1997—1999 гг. получил название «семьи». Отсюда — легко прочитываемый испуг и напряженность в лицах дикторов не меньший, а порой и больший, чем это было в тоталитарную эпоху, страх перед тем, что малейшее отступление от редакционных установок может стоить им места работы.

Местные телецентры оказались в большинстве случаев под контролем местной администрации. Дотационные регионы (то есть те, экономика которых убыточна и питается дотациями из центра) беспрекословно проводят линию центра, в том числе и в местных средствах массовой информации. Недотационные регионы используют местное телевидение в своих целях. Они порой могут позволить себе выступать как оппозиционные к центральной власти, но никогда — по отношению к властям местным. Классическим примером такого типа монополизации местного телеканала являлась в 1997—1999 гг. Москва. Ко всему сказанному нужно добавить, что российский жур-

налистский клан в целом (если не принимать во внимание достаточно большую, но разрозненную группу журналистов и редакторов) оказался не готовым противостоять соблазнам и искушениям новой ситуации.

Согласно видному западному теоретику средств массовой информации Герберту Альтшулу*, главная задача СМИ, в которой кроется *подлинный потенциал самостоятельной роли* прессы и журналистов, — *описывать картину реальности, благодаря которой у людей появляется возможность принимать самостоятельные и обдуманные решения.* И чем лучше СМИ справляются с этой задачей, тем выше их общественное влияние. Такое представление с трудом прививается в России как в среде журналистов, так и в массовой аудитории. Внедренное за 70 лет представление о СМИ как средстве агитации и пропаганды остается доминирующим как в массовом сознании, так и среди многих журналистов. Неслучайно журналисты «самой-самой» демократической направленности если и принимают мысль о критичности по отношению к одному из политических направлений, то в большинстве случаев не могут представить себя в роли критиков и противоположной позиции, какого бы «цвета» она ни была. Возможность проведения информационной политики без того, чтобы примкнуть к какой-либо из существующих политических сил, рассматривается некоторыми отечественными представителями масс-медиа как «беспринципность», заслуживающая морального осуждения.

В сознании многих журналистов все еще живо представление о том, что якобы стыдно и недостойно стоять «над схваткой». Они не мыслят себя иначе как в качестве бойцов идеологического фронта, а потому постоянно стремятся примкнуть к какой-либо политической силе. Конечно, если печатное издание является официальным органом политической партии или движения, то оно обязано выражать соответствующую точку зрения. Однако перед подавляющим большинством средств массовой информации такая задача не стоит. Не примыкая ни к какой политической силе, они должны объективно и честно информировать население о событиях в мире и в России. Преодоление представлений о журналисте как о политическом «бойце партии» стало бы залогом становления демократических средств массовой информации в современном смысле.

С внешней стороны средства массовой информации постперестроечной России кажутся вполне открытыми и свободными. Однако этой видимой информационной открытости и свободе сопутствует чрезмерно высокий уровень «информационного шума». Он выражается в

* См. Altshulle J. H. Agents of Power. The role of the news media in human affairs. New York and London. 1984.

разнообразных «сенсациях», в качестве которых предлагаются скандалы и разоблачения, резкие взаимные выпады политиков и высоких должностных лиц и т. п. Современный исследователь К. Зуев отмечает: «Представители высших этажей власти, их пресс-секретари, помощники и т. д., подчиняясь правилам «информационной игры» (пресс-конференции, выступления на телевидении и радио), более или менее успешно освоили манеру уходить от вполне конкретных вопросов и не давать никакой или почти никакой полезной информации с помощью многозначительных, но маловразумительных формулировок, заявлений и интерпретаций, главным следствием которых является лишь стимуляция журналистских воображения и фантазии. В отличие от стран, где сформировались и надежно функционируют демократические механизмы, у нас пока отсутствуют традиции и общественная атмосфера, в которой политики или высокопоставленные чиновники обязаны отвечать на обоснованную критику в свой адрес. При этом чем выше положение, занимаемое кем-либо во властной пирамиде, тем выше вероятность безнаказанности даже в случае серьезных нарушений закона и морали. Возникающий «информационный шум» никакого эффекта не имеет, тем более что нет и гарантий доступа журналистов к действительно важной информации»*.

Как известно, демократия в современном понимании предполагает информационную открытость общества. Такая открытость означает, что все сферы общественной жизни, за исключением небольшой и четко очерченной области, составляющей государственную и военную тайну, должны быть доступны освещению в органах массовой информации и печати. В России же такая открытость пока далеко не достигнута. В создавшейся ситуации многое зависит от личной ответственности журналиста и главного редактора тех или иных средств массовой информации, от их настойчивости и умения добывать достоверную информацию, постоянно следовать самостоятельно избранной тактике и стратегии. Этот фактор особенно подчеркивает Я. Н. Засурский: «У нас много говорят о значении инвестора для СМИ, но мы должны обратить внимание на роль *редактора*, которая оказывается не менее значительной»**. Многие редакторы и рядовые журналисты в сложившихся неблагоприятных для свободы слова условиях проявляют себя как истинные борцы за правдивость и достоверность информации, принципиально отказываясь от «заказных» материалов, не поддаваясь давлению со стороны властных или коммерческих структур.

---

* *Зуев К. А.* Информационная ответственность и перспективы открытого общества в России. В кн.: На пути к открытому обществу. Идеи Карла Поппера и современная Россия / Под ред. А. Н. Чумакова. М., 1998. С. 251.

** *Засурский Я. Н.* Масс-медиа второй республики. С. 77.

К счастью, реставрационная (по сути) монополизация масс-медиа не является тотальной. Достижения 1990—1991 гг. не утрачены полностью. На общем фоне монополизированных средств массовой информации сохраняются хотя и немногочисленные, но порой весьма влиятельные «островки» в подлинном смысле независимого публичного слова. В таких случаях от журналистов требуется только одно — правильно распорядиться завоеванной свободой. И они распоряжаются ею для распространения подлинной, честной и оперативной информации, для разоблачения злоупотреблений должностных лиц, для защиты прав человека. Однако это происходит далеко не всегда.

Одним из проявлений неумения правильно распорядиться свободой (пожалуй, самым безобидным, но выражающим ужасающую обыденность интеллектуальной нечестности) является привычка обходиться без ссылок на источники. «Большинство зрителей также очень отдаленно представляют себе, кто такой Юрий Лотман или Юрий Тынянов, и искренне уверены, что раз пишется в титрах — «автор — Леонид Парфенов», значит, так оно и есть. Между тем авторство Парфенова в основном свелось к достаточно грамотному подбору выдержек из разных книг упомянутых авторов, и не только их... Конечно, такому солидному каналу, как НТВ, не мешало бы сослаться на первоисточник, чтобы не подвергать себя лишней критике. Впрочем, в последние годы НТВ взяло определенную ориентацию на массового зрителя, которому подобные «тонкости», по мнению авторов «Живого Пушкина», знать совершенно необязательно»*. Журналист не может быть знатоком во всех вопросах, да это и не нужно. Существуют ученые-специалисты, к которым он может обратиться за консультацией, проводились и проводятся научные исследования, в которых детально изучаются вопросы, мало известные широкой публике. Во всех случаях журналист должен обращаться к материалам специалистов. Журналист, претендующий на роль оракула и всезнайки, — это не что иное, как рецидив тоталитарного, то есть по происхождению и сути — советского отношения к средствам массовой информации.

Именно поэтому в России не находит реализации одна из важнейших миссий средств массовой информации. «Искать новых людей, создавать культурные репутации наши СМИ не умеют — они могут лишь эксплуатировать привычные имена, действовать по принципу «маска, я тебя знаю!». Страшно узок круг этих «масок»; все они примелькались. Евтушенко — Вознесенский — Ахмадулина. Ахмадулина — Вознесенский — Евтушенко»**. Пустая развлека-

---

* *Барабаш Екатерина.* О странностях любви // Фигуры и лица. Независимая газета. № 11, июнь, 1999.

** *Архангельский Александр.* Бабье лето // Известия. 13 июля 1999 г.

тельность с приглашением узнаваемых лиц стала «палочкой-выручалочкой» для многих телепрограмм. Ввести же в широкий оборот масс-медиа новое лицо, известное своим творчеством в какой-либо сфере культуры, — на это из теле- и радиожурналистов отваживаются очень немногие, да и то не всегда знают, как это сделать интересно и зрелищно. Между тем в западной культуре журналист часто выступает проводником или посредником между массовым читателем и автором серьезной литературы и искусства. Посредством масс-медиа писатель, философ, политический мыслитель (именно мыслитель, а не беспрестанно мелькающий на экране политик, чиновник или так называемый «эксперт», сосредоточенный исключительно на малозначительных деталях коммерческого события), театральный режиссер становится известной фигурой, его идеи и произведения начинают привлекать внимание широкого читателя, политиков, бизнесменов. Тем самым поднимается общий уровень культуры общества, повышается его готовность решать сложнейшие проблемы современного мира, квалифицированно отстаивать интересы собственной страны на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский Александр. Бабье лето // Известия. 13 июля 1999 г.

Барабаш Екатерина. О странностях любви // Фигуры и лица. Независимая газета. № 11, июнь, 1999.

Белая Галина. «И речка, вероятно, еле билась, затвердевая в каменном гробу...» // Хранить вечно. Оттепель. Приложение к «Независимой газете» № 6. 29 сентября 1999 г.

Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990.

Бердяев Н. А. Философия неравенства. Берлин, 1923.

Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М., 1994.

Засурский Я. Н. Масс-медиа второй республики. М., 1999.

Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1.

Зуев К. А. Информационная ответственность и перспективы открытого общества в России. В кн.: На пути к открытому обществу. Идеи Карла Поппера и современная Россия / Под ред. А. Н. Чумакова. М., 1998.

Кожинов В. Судьба России. Вчера, сегодня, завтра. М., 1997.

Кривцун О. А. Эстетика. М., 1998.

Легенды русского рока. М., 1999.

Скороспелова Е. Б., Голубков М. М., Красовский В. Е. Н. В. Гоголь // Русская литература XIX—XX веков. В двух томах. М., 1998. Т. 1.

Троицкий А. Рок в СССР. М., 1991.

Франк С. Русское мировоззрение / *Франк С.* Духовные основы общества. М., 1992.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Назовите характерные черты российской общественной мысли.
2. Что означает онтологизм русского мышления?
3. Почему в рамках российской мысли «систематическое и понятийное представляется хотя и не как нечто второстепенное, но все же как нечто схематическое, неравнозначное полной и жизненной истине» (С. Франк)?
4. Как С. Франк называет позицию равного неприятия как рационализма, так и иррационализма?
5. В чем проявляются антропоцентризм и моральная установка российской общественной мысли?
6. Как в произведениях русских мыслителей выражаются и рассматриваются проблемы историософии России?
7. Какими привлекательными чертами обладала советская коммунистическая идеология? Почему невозможен единственный и окончательный ответ на вопрос о месте и роли той или иной страны в мире?
8. Чему была призвана в действительности служить ленинская теория «двух культур»? В чем сущность этой теории? Почему официальная советская идеология была вынуждена со временем все больше отклоняться от этой теории?
9. Каковы отличия общей массы официально контролируемой советской культурной продукции от дореволюционных высоких достижений культуры?
10. Чем объяснить тот факт, что в эпоху тотальной несвободы художественного творчества вопреки этому положению оказалось возможным создание величайших художественных произведений?
11. В чем смысл понятия «продуктивная напряженность»? Кем было разработано это понятие?
12. В чем причины популярности в России блатной песни? Каковы ее характерные черты?
13. Каковы основные черты бардовской (авторской) песни? Песни каких авторов вы знаете?
14. Почему особую склонность к смеху, к розыгрышу, комедийности следует считать одной из характерных черт российского духа?
15. На чем основан и в чем проявляется очищающий и просветляющий душу эффект сатиры?
16. Каковы основные особенности российского рока?
17. Какова роль слова (текста) в российской музыкальной культуре?
18. В чем причины того, что в постперестроечный период свобода слова для средств массовой информации (СМИ) в России остается ограниченной?
19. Чем характеризовалось положение СМИ в советский период? Какая роль была отведена СМИ партийными идеологами?

20. В чем должна состоять главная задача СМИ, в которой как раз и кроется потенциал самостоятельной роли прессы и журналистов?

21. Что такое «информационный шум»? Почему он мешает выполнению СМИ их главной задачи?

22. В чем проявляется и почему важна личная ответственность журналиста?

Глава 9

ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ В РОССИИ

1. Жизнь частная и жизнь общественная.
2. Оценка значения и роли личности в российской культуре.
3. Интеллигенция в России.
4. Особенности общения в России.
5. Особенности российского бытового уклада.
6. Российская философия индивидуальной судьбы.

1. ЖИЗНЬ ЧАСТНАЯ И ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ

Как уже отмечалось в главе 4 «Политическая система в России», характерная черта тоталитарной общественной системы состоит в отрицании права личности на неприкосновенность частной жизни. Все стороны жизни личности контролируются органами партийно-государственной машины. В тоталитарном обществе существует мощная система мер, призванных поставить все проявления личности на службу государству. Будучи идейным выражением тоталитаризма, советская партийно-государственная идеология свято соблюдала принцип приоритета общества над личностью, а значит, над частной жизнью. «Ставить личные интересы выше общественных» считалось одним из самых страшных отступлений от идеологических норм, от «советского образа жизни». «Раньше думай о Родине, а потом о себе», — призывала популярная песня советского периода. Государство, партия, «общественность» бесцеремонно вторгались в сферу частной жизни, в область семейных и других сугубо личностных отношений. Правомерность вторжения общества в частную жизнь личности оправдывалась необходимостью первоочередной заботы об общественном благе, о благе общества в целом.

В постперестроечной России с начала 90-х годов в общественном настроении преобладающей становится противоположная крайность. Примитивный эгоизм, не стесненное никакими моральными соображениями стремление к личному обогащению, пренебрежительное отношение к общественным интересам, презрение к народным массам — все это стало восприниматься определенной частью

общества едва ли не в качестве нормы. Вполне понятно, что по своим социальным и нравственным последствиям эта крайность не менее, если не более разрушительна, чем отрицание права личности на частную жизнь, о котором говорилось выше.

Противоречия частного (индивидуального) и общественного интересов в той или иной форме неизбежны в любом обществе. Шатания российского общества из одной крайности в другую являются не чем иным, как формами проявления этих противоречий. Очевидно, что доходящее до крайности резкое противопоставление общественного служения частной жизни, несовместимость индивидуального и общественного возникает тогда, когда под общественным служением понимается нечто особенное, отличное, например, от занятия профессиональной деятельностью, от творчества в рамках профессии или общественной обязанности. Как уже отмечалось, общественное служение радикальная российская интеллигенция на протяжении второй половины XIX в. и первых десятилетий XX в. понимала именно по-особенному — как служение установке на ускоренную революционную переделку общества и в целом на радикальную переделку бытия, как своего рода «социальный титанизм». Целый ряд произведений русской литературы XIX в., критические статьи Белинского позднего периода, некрасовский «Современник», романы Чернышевского и статьи Писарева утверждали идею общественного служения в качестве основного и единственного долга личности, которому следует *целиком подчинить* все другие стороны и проявления жизни. Официально одобряемая литература советского времени унаследовала эту идею.

Однако *полное подчинение* частной жизни обществу, исповедуемое российской социал-демократической интеллигенцией и воспринятое советской партийно-государственной идеологией, следует отличать от *идеи общественного служения*. Различие показано хорошо известными словами из комедии А. Грибоедова «Горе от ума»: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Государственная служба — военная, в органах правопорядка, дипломатическая и др. — всегда в России оценивалась положительно и высоко. Не менее высоко оценивалась профессиональная деятельность учителей, врачей, агрономов, а также и такие проявления добровольной деятельности во благо общества, как благотворительная помощь больным и инвалидам, специальная забота о детях и стариках и т. д. Иными словами, идея общественного служения — одна из характерных и популярных идей российского сознания; российского характера.

Однако наряду с ней существовала и продолжает существовать идея, которую можно назвать идеей *неслужения*. Она означает не просто признание приоритета частной жизни над общественной, а

сознательный отказ от всяких добровольных действий, направленных не на непосредственно личное, а на общественное благо.

Идея радикального *неслужения* ярко выражена, например, в одной из статей «Московского комсомольца» 90-х годов: «Но когда-нибудь случится так, что русские люди... скажут: «Да не хотим мы служить великой державе. Мы хотим, чтоб она нам служила. Мы хотим делать любимую работу, и получать хорошие деньги, и жить в своих домах и квартирах. А если России будет угрожать враг, мы хотим, чтоб наша армия достойно и быстро умела с ним справиться, а сами воевать и выполнять священный долг мы не хотим. У нас один священный долг — перед своими детьми и родителями, а все остальное, в том числе и защита нашей безопасности, — священный долг правителей, которых мы нанимаем на свои деньги».

Приведенные слова современного автора вызывают ассоциацию с тем, что в свое время мыслитель-парадоксалист В. В. Розанов иронически провозгласил в качестве «громовой истины», протестуя против одностороннего увлечения современной ему интеллигенции общественной деятельностью:

«— Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

— Ну? Ну?.. Хх...

— Это — что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха!

— Да, да! Никто этого не говорил; я — первый... Просто сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

— Ха-ха-ха...

— Ей-ей: это *общее* религии... Все религии пройдут, а это останется: просто — сидеть на стуле и смотреть вдаль»*.

Очевидно, что идея неслужения — также одна из характерных для российской ментальности. Но столь же очевидно, что радикальное ее выражение, то есть прямое отрицание всяких обязательств личности перед обществом, встречается в России достаточно редко. Резко негативное отношение к идее общественного служения (идея *неслужения*) составляет один из двух противоположных взглядов на проблему. В своих истоках и в своем предельном выражении оно сводится к анархическому эгоизму, к отрицанию всяких моральных обязательств личности перед обществом. Согласно другому взгляду (о котором речь шла выше), представляющему собой полную альтернативу приведенному, служение обществу является важнейшей и, по существу, единственной жизненной задачей человека. Крайности представляют собой пару противоположных полюсов, между которыми как раз и колеблется российская ментальность в решении про-

* *Розанов В. В.* Сочинения. Л., 1990. С. 66.

блемы соотношения личности и общества. Под влиянием множества исторических обстоятельств она склоняется в большей мере то к одному, то к другому полюсу.

Окончательное разочарование большей части населения России в коммунистической идее, произошедшее в конце XX в., и целый ряд других обстоятельств привели к тому, что отрицательное отношение к идее общественного служения стало заметным фактором массового сознания российского общества. Однако вряд ли можно ожидать, что отрицательное отношение к идее служения обществу когда-нибудь станет в России повсеместным. Напротив, можно с полной уверенностью утверждать, что оно встретит резкий отпор со стороны тех, кто считал, считает и будет считать, что одна из важнейших задач человека состоит в служении Родине, в заботе о ее процветании и благополучии. Идея общественного служения издавна и прочно укоренена в российском характере.

История не раз подтверждала, что черты народного характера обладают большим запасом прочности и стойкости. Поэтому более целесообразно принимать их как данность, а не тратить энергию на бессмысленную и никому не нужную переделку коренных черт российской ментальности. Во всяком случае, в отличие от позиции журналиста «Московского комсомольца» — автора приведенных выше строк, — более предпочтительно было бы не забывать о тех поучительных исторических уроках, к которым приводила установка на радикальную переделку человеческой природы и, в частности, народного характера. Думается, что сознательный отказ от самонадеянных проектов переделки глубинных социально-психологических свойств народа является одним из признаков демократического мышления в отличие от тоталитарного. «По мнению коммунистов, — писал американский историк М. Лернер, — ...природа человека пластична и... все еще представляет собой чистую грифельную доску, на которой новый социальный опыт может записать новые установления. Этот взгляд на сущность человеческой природы отводит человеку роль средства, совокупности... возможностей, которыми станет манипулировать элита социальных инженеров»*. И далее: «Демократ тоже рассматривает человека как совокупность потенциальных возможностей. Но, в отличие от коммунистов, он не столь самонадеянно уверен в том, что ему точно известно, как распорядиться этими возможностями. Он не столь дерзок в своем отношении к неведомым силам мироздания и проявляет больше уважения к стойкости инстинктивной жизни человека»**.

---

* *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. Т. 2. С. 488.
** Там же.

2. ОЦЕНКА ЗНАЧЕНИЯ И РОЛИ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Благодаря господству официальной партийно-государственной идеологии, почти весь XX в. прошел в России под знаком приоритета общественных интересов над интересами личности. Однако, как следует из сказанного выше, это отнюдь не означает, что данный взгляд является для российского характера единственно возможным или типичным. Наряду с ним в российской ментальности присутствует также и противоположный взгляд, содержащий *высокую оценку значения личности.*

Широкое распространение в XX в. установки приоритета общественного целого над личностью имело и свои социально-исторические причины, и иные причины. Прежде всего, обратим внимание на причину, которая обычно недостаточно акцентируется в большинстве публикаций, остается в тени. Эта причина заключается в *отрыве* народной ментальности от самых высоких достижений отечественной культуры. На протяжении последних полутора веков даже в среде интеллигенции популярными нередко становились идеи случайные и поверхностные. Идеи же, содержащиеся в тех произведениях, которыми отечественная культура вправе гордиться и которые получили мировое признание, оставались вне поля зрения немалой части образованных людей и тем более не доходили до основной массы народа. Печальным примером может служить невосприимчивость широких масс российского общества и части российской интеллигенции к идеям Ф. Достоевского, Н. Бердяева, С. Франка, А. Солженицына, то есть тех авторов, которые давно и широко признаны на Западе и во всем мире. Отрицательные последствия отрыва массовой народной ментальности от великих достижений отечественной культуры особенно отчетливо проявились в XX столетии. Одним из таких последствий и явилось массовое распространение установки приоритета общества над личностью.

Ведь только по причине такого отрыва молодые люди 20-х годов XX в. могли с неподдельным энтузиазмом декламировать:

Мы только гайки
Великой спайки
Всемирной армии труда! —

не подозревая о том, что еще в XIX в. их великий соотечественник Ф. М. Достоевский писал о недопустимости рассмотрения человека в качестве винтика общественного целого: «И что же такое человек, без желаний, без воли, без хотений, как не штифтик в органном

вале?»* Не знали они и о том, что еще в 1894 г. крупнейший русский философ XIX столетия Владимир Соловьев особо подчеркивал: *«Никакой человек ни при каких условиях и ни по какой причине не может рассматриваться как только средство* для каких бы то ни было посторонних целей, — он не может быть только средством и *орудием ни для блага другого лица,* ни для блага *целого класса*, ни, наконец, для так называемого *общего блага*, то есть блага большинства других людей»**. *«Самостоятельность лица есть основание крепости общественного союза»,* — подчеркивал В. Соловьев***.

Только вследствие такого отрыва могли приобрести популярность строки:

Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор!

Их авторы и исполнители не ведали о том, что еще в XIX в. их соотечественник, один из крупнейших философов своего времени П. Д. Юркевич разработал концепцию, которую он назвал «философией сердца». Эта концепция трактовала понятие «сердце» в качестве метафизического центра всего бытия личности. Не ведали они и о том, что их современник П. Флоренский, опираясь на древние источники, также подчеркивал значение сердца для духовной жизни человека: «Очищение себя или самоисправление требуется для собрания всего существа в сердце, для внутреннего оплотнения около сердца всех сил духа — умом, волею и чувством. Собрание ума в сердце есть внимание, собрание воли — бодренность, собрание чувства — трезвление»****.

Только по причине отрыва, о котором идет речь, кому-то могло прийти в голову назвать тех, кто занят бессовестным присвоением ему не принадлежащего, «новыми русскими». Придумавшему это словосочетание невдомек, что против алчности и попрания человеческого достоинства протестует весь дух русской культуры и что в терминах отечественного культурного наследия те, кто, пользуясь моментом, спешно захватывает чужое или бесхозное, заслуживают лишь презрительного прозвания «скорохватов». Именно такое наименование дал им А. И. Солженицын.

Могучий гуманитарный потенциал великих творений русской классической литературы и философии оказывается востребован-

---

* *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья. Соч. Т. 5. С. 114.
** *Соловьев В. С.* Соч. В двух томах. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 345.
*** Там же. С. 289. Курсив В. Соловьева.
**** *Флоренский П.* Сочинения. В двух томах. Т. 1(1). С. 100.

ным далеко не полностью, потому что чтение серьезной литературы, ее глубокое изучение и понимание нередко считается привилегией специалистов-гуманитариев, а не естественной потребностью каждой личности, обогащающей ее повседневную жизнь.

Высокая оценка личности, важность защиты ее прав и достоинства ярко выражена уже в творчестве Пушкина. Однако эта сторона идейного наследия великого поэта длительное время оставалась и порой продолжает оставаться в тени, являясь достоянием лишь ограниченного круга людей, а не широчайшего круга почитателей его творчества, к которому можно отнести едва ли не всех, кто имеет о поэте хоть какое-то представление. Однако всеобщее почитание нередко основывается на поверхностном понимании, на привычке видеть в Пушкине только великого поэта, а не глубокого мыслителя-философа.

Между тем открытие Пушкина-мыслителя состоялось достаточно давно. Еще в XIX в. известный литератор, издатель и комментатор произведений Пушкина П. В. Анненков обратил внимание на глубокое содержание заметок, писем и набросков Пушкина, в которых поэт подвергал тщательному анализу вопросы истории, политики, философии*. Ряд аспектов социально-философского содержания творчества поэта был глубоко раскрыт Ф. Достоевским в знаменитой речи о Пушкине. Однако подлинно глубокое и всестороннее прочтение мудрости Пушкина относится к началу XX в. Оно связано с трудами отечественных предреволюционных мыслителей, большинству из которых пришлось впоследствии жить и работать в эмиграции. Речь идет о работах таких авторов, как Д. Мережковский, В. Розанов, Л. Шестов, М. Гершензон, С. Булгаков, И. Ильин, Г. Федотов, С. Франк и другие.

К сожалению, их труды были недоступны широкому читателю в течение длительного времени. Поэтому сегодня приходится говорить о «переоткрытии» не только Пушкина, но и тех идей и мыслей, которые были высказаны в связи с творчеством Пушкина целой плеядой выдающихся отечественных мыслителей. В забвении и неосвоенности трудов отечественных авторов состоит одна из причин того, что Пушкин, несмотря на всенародное признание и почитание, нередко продолжает восприниматься поверхностно. Другая причина как раз и связана с признанием и почитанием, с всенародностью поэта. Трагичность судьбы всенародно признанного гения состоит в том, что широкая популярность в большинстве случаев оплачивается поверхностностью усвоения и понимания. Чем более плоды творчества распространены «вширь», тем менее

* См. *Анненков П. В.* Пушкин в александровскую эпоху. Общественные идеалы Пушкина. Минск, 1998.

они осваиваются «вглубь» — такова вообще общественная судьба произведений культуры, особенно в современном массовом обществе. Однако в случае с Пушкиным, в силу его бесспорной уникальности, есть все основания полагать, что удастся избежать, по меньшей мере, крайних проявлений поверхностного почитания и формального поклонения, которые в общем неизбежны при столь широкой популярности.

Николай Первый назвал Пушкина «умнейшим человеком России». Такое признание говорит о многом, если учесть определенную неприязнь самодержца к поэту. По словам Аполлона Григорьева, «Пушкин — это наше всё». Каков же ум Пушкина и что представляет собой «наше всё»? Ответить на эти вопросы — значит не только еще раз осмыслить непреходящее, вечное значение поэта. Эти вопросы предполагают выявление актуальности Пушкина, его значения для современности, для нас, для ныне живущих поколений.

Актуальность Пушкина невозможно оценить без учета послепушкинского идейного развития. В послепушкинский период русская мысль нередко пускалась в опасные и бесперспективные авантюры, блуждала по темным закоулкам, принимаемым за светлые пути. Творчество Пушкина зрелого периода являет собой одно из наиболее действенных противоядий против всякого рода шатаний и шараханий из одной крайности в другую. Описав огромную дугу длиною почти в два столетия и чрезвычайно дорого стоившую России, отечественная общественная мысль должна, наконец, вернуться к своим незамутненным истокам, осмыслить во всей глубине великое наследие великого сына России. «Вернуться к Пушкину» означает вернуться к здоровым чувствам и здоровым мыслям, отказаться, наконец, от горячечного активизма, как левого, так и правого толка, излечиться от революционных неврозов, обрести твердую ясность духа. Именно свобода личности, ее жизнь и достоинство и явились центром всего мировоззрения Пушкина.

Пушкин постоянно подчеркивает значение принципа духовной независимости личности, недопустимость вмешательства государства в личную жизнь, в духовный мир личности. Недопустимым он считает и вмешательство государства в культуру, творчество. Пушкина глубоко ранило, например, указание царя переделать драму «Борис Годунов» в исторический роман в стиле Вальтера Скотта по той причине, что оно грубо нарушало принцип свободы творчества. Для Пушкина не столь важна возможность участия в политической жизни: «Не дорого ценю я громкие права...» («Из Пиндемонте»). Гораздо более важным для него является требование *духовной независимости личности*, нестесненности духовной жизни и творчества. «Это требование, — отмечает С. Франк, — ближайшим образом относящееся к сфере духовной жизни и эстетического творчества,

разрастается у Пушкина в общее принципиальное утверждение независимости личности в частной жизни»*.

С учетом нашего трагического исторического опыта нетрудно видеть, что важнейший аспект пушкинского мировоззрения направлен своим острием против тоталитарной тенденции государственной власти, стремящейся целиком превратить личность в послушное орудие общественного целого. В этой связи Пушкина следует считать одним из ярких выразителей протеста против государственного тоталитаризма, почувствовавших опасность до того, как она реализовалась в тоталитарных режимах XX в. Особый акцент на свободе и достоинстве личности отличает пушкинское мировоззрение от современного ему расхожего либерализма, к которому Пушкин относился резко отрицательно. Распространенный в дворянских кругах либерализм делал первоочередной акцент на допущении всех граждан к активному участию в управлении государством и обществом. Такой либерализм основывался на буквальном понимании слова «демократия» — власть народа. Пушкину же идея власти народа была полностью чужда. Более того, он был убежден, что осуществление ее на практике грозит катастрофой полного разрушения государства. Вот почему он был занят разработкой идеи, которую можно обозначить как идею «необходимости духовно-культурной элиты» и о которой мы будем говорить в следующем параграфе.

Как уже было отмечено, опасность превращения личности в «винтик» общественного целого впоследствии была с особой остротой и ясностью показана в творчестве Ф. Достоевского. Писатель, в частности, отмечал, что человек остается человеком лишь постольку, поскольку не хочет согласиться с ролью «штифтика». При рассмотрении общественной жизни Достоевский логически шел от индивида к обществу, а не в обратном направлении — от общества к личности. Тем самым Достоевский противопоставляет свой подход взгляду, ведущему свое начало еще от древнегреческого философа Платона, характерной чертой которого было признание приоритета общественного целого перед отдельным индивидом. С позиций приоритета общественного целого рассматривали общественную жизнь просветители XVIII в., в XIX в. — такие мыслители, как Г. Ф. Гегель, К. Маркс и др. В противовес этому Достоевский настаивает на том, что, напротив, общество должно рассматриваться с позиций индивида, отдельной личности. Это связано с присущим Достоевскому *персонализмом* — обостренным чувством личности, глубоким пониманием необходимости защиты и отстаивания жизни и достоинства личности. Персонализм Достоевского особенно ярко отра-

* *Франк С.* Пушкин как политический мыслитель / Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 415.

зился в рассуждениях Ивана Карамазова о том, что мировая гармония, в частности, достижение наиболее совершенного общественного устройства, не стоит «слезинки ребенка».

Достоевский полагает, что личность не может существовать и развиваться вне общества. Общество составляет необходимое условие для жизни индивида. Вместе с тем от общества могут исходить и угрозы для суверенного бытия личности. История свидетельствует, что права личности во многих случаях и при самых различных общественных устройствах постоянно ущемлялись. Он предвидит, что многие современные ему проекты будущего, такие, как социализм, приведут к еще большему закабалению личности. Поэтому он выступает против будущего «хрустального дворца». Образ «хрустального дворца» служит Достоевскому наглядным обобщением такого общественного устройства, которое будет построено по «научному» проекту, в котором все будет рационально упорядочено, «разлиновано», организовано и которое полностью будет управляться из единого центра. Мечты о «хрустальном дворце» вырастают из стремления к тому, чтобы жизнь всех людей или хотя бы подавляющего большинства стала благоустроенной и обеспеченной. Однако, согласно Достоевскому, там, где нет гарантий прав и свобод личности, где отсутствует уважение к достоинству отдельной человеческой души, достижение даже материального благополучия невозможно. Поэтому все подобные проекты обречены на неудачу, а попытки их осуществления должны привести к еще большему закабалению человека.

Не менее опасной возможностью является, по мнению Достоевского, превращение общества в подобие муравейника. «Муравейник» символизирует такое состояние общественной жизни, в котором утрачиваются все высшие ценности человеческого бытия. При этом состоянии люди целиком сосредоточены на ценностях сугубо материального плана, на потреблении. В отличие от «хрустального дворца», в «муравейнике» каждый предоставлен сам себе, но господствующим является дух наживы и стяжательства. Происходит забвение высшего предназначения человека, а из него следует добровольный отказ от индивидуальной свободы ради материального благополучия. Отказ от свободы не останется, по Достоевскому, без последствий, поэтому и такое общество, так же как «хрустальный дворец», обречено на неудачу, поскольку вне свободы жизнь человека не может быть полноценной. В возможности добровольного отказа от свободы Достоевский открывает еще одну важную грань сложной диалектики свободы. Эта диалектика находит наиболее полное выражение в знаменитой «Легенде о великом инквизиторе», рассказанной Иваном Карамазовым (роман «Братья Карамазовы»).

По признанию многих исследователей, «Легенда о великом инквизиторе» принадлежит к числу самых гениальных произведений Достоевского. Ее изучению и комментированию посвящена обширная литература. «Легенда» многозначна и символична. В ней заключен глубокий и многообразный философский смысл. Первостепенное значение имеют не подробности и детали (события происходят в XVI в., инквизитор — высокий представитель католической церкви и т. д.), а именно философское содержание легенды.

Инквизитор упрекает неожиданно появившегося Христа в том, что тот в свое время напрасно отверг (как об этом сказано в Евангелии) три искушения, которым подверг его Дьявол в пустыне. Эти искушения состояли, во-первых, в том, чтобы превратить «камни в хлебы», во-вторых, в том, чтобы завоевать расположение людей, опираясь на их веру в «чудо, тайну и авторитет», в-третьих, в том, чтобы «владеть земными царствами», то есть стать земным властителем. Основная мысль инквизитора связана с тем, что бремя духовной свободы, открытой христианством, непосильна для людей. Люди настолько слабы и духовно немощны, что готовы добровольно отказаться от истины, добра и красоты, от свободы ради «хлебов», ради веры в то, что кто-то «сильный» способен совершить чудо и знает, как «надо», наконец, ради того, чтобы иметь возможность поклоняться земным кумирам или стать таким кумиром для других.

Обратим внимание на то, что в «Легенде о великом инквизиторе» Достоевский, продолжая свою тему о свободе человека, подчеркивает ее новый аспект. Здесь речь идет о том, что свобода, без которой человеческое существование немыслимо, является не только радостью для человека, но и *тяжким* бременем, которое человек не всегда желает нести. Люди соблазняются материальным благосостоянием, упованием на авторитет, стремлением к земной власти и могуществу, не замечая, что теряют самое драгоценное человеческое качество — свободу. Писатель не дает окончательного ответа относительно того, в какой мере люди способны преодолеть свои слабости и искушения во имя обретения свободы, сопряженной с ответственностью. Достоевский скорее предупреждает и надеется.

Идеи Пушкина, Достоевского и Вл. Соловьева о непреходящей ценности личности, ее жизни и достоинства получили дальнейшее развитие в культуре начала XX в., а также в произведениях русских мыслителей, живших и работавших в вынужденной эмиграции. Высокая оценка значения личности ярко представлена в философии Николая Бердяева. Его философская концепция считается одной из наиболее персоналистических в русской мысли. Сам Бердяев характеризовал свои воззрения следующим образом: «Моя философия есть философия духа. Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение любви. Я утверждаю примат свободы над быти-

ем»*. «В конфликте личности со всем безличным или притязающим быть сверхличным, в конфликте с «миром» и с обществом я решительно стал на сторону личности»**. Значительное место отведено личности в философской концепции выдающегося отечественного мыслителя Н. О. Лосского, который, в частности, писал: «Личность есть центральный онтологический элемент мира: основное бытие есть субстанциальный деятель, то есть или потенция личности, или действительная личность. Все остальное... существует или как принадлежность, или как нечто производное от активности потенциально-личных и действительно-личных деятелей»***. Свою философию в одном из важнейших ее аспектов Лосский характеризовал как персонализм.

С точки зрения русских мыслителей, идеи и высказывания которых были приведены, а также целого ряда других, общественные институты должны служить личности, а не личность — общественным институтам. Если же на протяжении длительного времени в России самодержавной и России советской дело обстояло наоборот, а в России постперестроечной нередко продолжает обстоять так же, то одну из коренных причин этого следует усматривать в отрыве массовой ментальности от высоких образцов отечественной культуры. Целый ряд правителей России в совершенно разные периоды ее истории продемонстрировали свою готовность, не задумываясь, пролить не то что «слезинку ребенка», а моря и океаны слез во имя того, что им представлялось общественным благом, во имя «светлого будущего» — коммунистического или «демократического».

Неуважение к жизни и достоинству личности имеет, конечно, глубокие исторические корни. Не следует, в частности, забывать, что «до Екатерины в России вообще не существовал статус свободного гражданина. Даже дворянин — в иной, чем крестьянин, форме, — но тем не менее был собственностью государства, как, впрочем, и любой человек, принадлежащий к иному сословию»****. Служба воспринималась как своего рода «естественное состояние». Им можно было гордиться, или, наоборот, негодовать на свою службу и связанные с ней обязанности, но полностью освободиться от него можно было только одним способом — бежать из общества, что означало уход в «разбой».

Не следует также забывать о том, что вплоть до реформ 60-х годов XIX столетия к лицам всех сословий, за исключением дворянского, в России широко применялись телесные наказания, причем

---

* *Бердяев Н.* Самопознание. М., 1990. С. 278.
** Там же. С. 279—280.
*** *Лосский Н. О.* Бог и мировое зло. М., 1994. С. 284.
**** *Леонтович В. В.* История либерализма в России. М., 1995. С. 37.

немалая часть общества была убеждена в их необходимости и даже естественности. На «законном» основании применялись они, в частности, в армии. А ведь большее унижение достоинства личности едва ли можно вообразить! Надо также учесть, что либерализм в России развивался в жестоком противоборстве с идейными течениями, не признающими первостепенного значения личности. (Более подробно см. главу 4 «Политическая система в России».) Все эти факторы оказывали свое влияние и на менталитет последующих поколений, конечно, не способствуя формированию отношения к личности как к высочайшей ценности. Тем большее значение имеют идеи, высказанные русскими мыслителями относительно рассмотрения личности как наибольшей ценности, сохранению и обереганию жизни и достоинства которой должны быть подчинены общественные институты.

Именно личность является *творческим* элементом общественной жизни, и в этом ее основная *роль*. В глубинах души отдельной личности, а не в массе рождаются творческие замыслы, идеи, проекты, что, разумеется, не отрицает важности сотрудничества между людьми. Идея о творческой природе личности, о значении творческой индивидуальности человека отчетливо представлена в русской мысли. «В отличие от животного человек в индивидуальности своей несет свой существенный, особый смысл; в ней же лежит родник всякого духовного творчества»*, — подчеркивал В. Розанов. Поэтому человек «приносит нечто новое в мир всегда не общим, что у него с другими людьми, но исключительным, что принадлежит ему одному»**. «Внутренняя жизнь личности, — отмечал М. Гершензон в предисловии к сборнику «Вехи» (1909), — есть единственная творческая сила бытия и... она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства»***. Владимир Соловьев подчеркивал, что «личность, в силу присущей ей бесконечной потенции понимания и стремления к лучшему, является в избранных своих представлениях началом движения и прогресса (динамический элемент истории), тогда как данная общественная среда... естественно представляет косную, охранительную сторону (статический элемент истории)»****.

Однако личность, чтобы быть способной играть творчески-позитивную роль, должна обладать необходимыми качествами. В этой связи П. Б. Струве (1870—1944), говоря о личности, особо подчерки-

---

* *Розанов В. В.* Сумерки просвещения. 1990. С. 9.
** Там же. С. 14.
*** Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 4.
**** *Соловьев В. С.* Соч. В двух томах. М., Мысль. 1990. Т. 1. С. 287.

вал значение того, что он называл личной «годностью». Еще в 1908 г. он писал: «Большая *производительность* всегда опирается на более высокую личную *годность*. А личная годность есть совокупность определенных духовных свойств: выдержки, самообладания, добросовестности, расчетливости. Прогрессирующее общество может быть построено только на идее личной годности как основе и мериле всех общественных отношений. Если в идее свободы и своеобразия личности был заключен вечный идеалистический момент либерализма, то в идее личной годности перед нами вечный реалистический момент либерального миросозерцания»*.

3. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИИ

Вопрос об интеллигенции является одним из наиболее обсуждаемых российскими мыслителями. Ему посвящена огромная литература. Без преувеличения можно сказать, что ни один крупный отечественный мыслитель не обошел его стороной. Специально этому вопросу был посвящен ставший знаменитым сборник «Вехи» (1909)**, вызвавший многочисленные отклики во всей последующей литературе и продолжающий привлекать внимание и сегодня. Обсуждался этот вопрос и в советское время, хотя главным образом в так называемой «самиздатовской» литературе, то есть в той литературе, которая нелегально издавалась людьми, настроенными оппозиционно по отношению к советской власти.

Пристальное внимание многих отечественных авторов к теме интеллигенции в России, разумеется, не случайно. С одной стороны, эта относительно небольшая часть общества всегда играла в России значительную роль. С другой — она испытывала на протяжении почти всей истории своего существования исключительные трудности и лишения, сталкиваясь с серьезными препятствиями на пути выполнения своей общественной миссии. Далеко не всегда она оказывалась на высоте поставленных перед собою задач. Исторический путь российской интеллигенции — это путь исканий и заблуждений, не только путь относительных побед и заслуг перед обществом, но и поражений, чреватых отрицательными последствиями как для всего общества, так и для самой интеллигенции.

Возникновение интеллигенции как особого социального явления в России принято связывать с периодом конца XVIII — начала XIX в., с просветительской деятельностью Радищева и Карамзина. Для интеллигенции характерен особый духовный настрой, особое умонаст-

---

* *Струве П. Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 203.
** См. Вехи: pro et contra. СПб., 1999.

роение, которое отчетливо выражено Радищевым: «Я взглянул окрест себя, и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». Забота об оскорбленных и униженных, печалование о человеческой судьбе, о страданиях людей, стремление найти пути к лучшей жизни для всех и каждого человека стали отличительными чертами русской интеллигенции с момента ее возникновения. Эти черты, как правило, ставили ее в оппозиционное положение к государственной власти, рождали критический настрой по отношению к существующим общественным порядкам и институтам. Названные черты наиболее ярко проявились в XIX — начале XX в. Именно они дали повод говорить об интеллигенции в России как уникальном феномене, аналогов которому нет в других странах, в частности, в странах Запада. Действительно, западные интеллектуалы, то есть работники умственного труда, в большинстве случаев и на протяжении длительного периода не ставили перед собой задач нравственного и социального совершенствования; позиция критичности по отношению к существующим порядкам и институтам не была для них характерной. Однако чтобы более точно ответить на вопрос об уникальности феномена российской интеллигенции, необходимо, конечно, сформулировать общее представление о том, что следует понимать под интеллигенцией.

Итальянский ученый Витторио Страда, глубокий знаток русской истории и литературы, выделяет три значения слов «интеллектуал» и «интеллигенция»:

1. Производитель и обладатель специального знания.
2. Человек, критически воспринимающий общество своего времени в перспективе прошлого и будущего.
3. «Образовательный слой», являющийся необходимым для создания и передачи культурных ценностей*.

По мнению В. Страды, западные интеллектуалы освоили вторую из названных позиций только к концу XIX в., тогда как русской интеллигенции она была присуща с самого ее возникновения, то есть начиная от эпохи Радищева и Карамзина. Для рождения российской интеллигенции реформы Петра Великого имели такое же значение, как церковная Реформация Лютера для западной.

В свете сказанного вряд ли правильно считать, что интеллигенция представляет собой чисто российское явление. Западные интеллектуалы тоже продемонстрировали свою способность критически воспринимать общество и выступать против его недостатков не в

* См. *Страда В.* В свете конца, в преддверии начала // В раздумьях о России. XIX век. М., 1996. С. 32.

меньшей степени. Доказательством тому служит страстное разоблачение социальных пороков западного общества в публицистических произведениях Э. Золя, Р. Роллана, Т. Манна и многих других. По своему пафосу их вполне можно поставить рядом, например, со знаменитым «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева, открывшим в России длинный список произведений критической направленности.

Важно иметь в виду, что в состав понятия «интеллигенция» входят не только выдающиеся деятели культуры, а прежде всего — рядовые интеллигенты, то есть люди, получившие соответствующее образование, занятые интеллектуальным трудом и разделяющие мировоззрение интеллигенции. Воззрения выдающихся представителей культуры могут как в той или иной степени совпадать с воззрениями основной массы интеллигенции, так и не совпадать. Так, философские взгляды Достоевского не были поняты и не разделялись основной массой русских интеллигентов второй половины XIX — начала XX в.: кумирами интеллигенции этого периода были Белинский, Чернышевский, Некрасов. Идеи сборника «Вехи», разработанные рядом выдающихся мыслителей и философов, не были поняты и даже встречены в штыки основной массой интеллигенции. Наибольшая часть российских интеллигентов, будучи страстно увлеченной революционной борьбой, не услышала предупреждений, содержавшихся в «Вехах» и оказавшихся пророческими. Тем не менее дореволюционная интеллигенция являла собой высочайший образец духовности и нравственного благородства.

Достоинства предреволюционной интеллигенции ярко охарактеризованы А. Солженицыным. «Всеобщий поиск целостного миросозерцания, жажда веры (хотя и земной), стремление подчинить свою жизнь этой вере... Социальное покаяние, чувство виновности перед народом... Нравственные оценки и мотивы занимают в душе русского интеллигента исключительное место; думать о своей личности — эгоизм, личные интересы и существование должны быть безусловно подчинены общественному служению; пуританизм, личный аскетизм, полное бескорыстие, даже ненависть к личному богатству, боязнь его как бремени и соблазна... Фанатичная готовность к самопожертвованию, даже активный поиск жертвы; хотя путь такой проходят единицы, но для всех он — обязательный, единственно достойный идеал»*.

Нередко принято говорить о «пропасти» между интеллигенцией и народом. Имеется в виду, что интеллигенция плохо представляла жизнь народа и поэтому выдвигала идеи, далекие от интересов народа и непонятные ему. Однако в действительности эта пропасть

* *Солженицын А. И.* Образованщина. В сб.: Из-под глыб. М., 1974. С. 219—220.

оказалась в значительной степени только кажущейся. Ведь именно интеллигенция подготовила идейную почву для падения самодержавной монархии в России. Антимонархический настрой интеллигенции, ставший характерным для нее с 60-х годов XIX в., в конце концов передался широким слоям и стал массовым. Именно интеллигенция шла во главе демократических преобразований в России как в период 1905—1917 гг., так и в 1988—1991 гг. В последнем случае нельзя не упомянуть об идеях и деятельности таких представителей интеллигенции, как А. Д. Сахаров, Ю. Афанасьев, Ю. Болдырев, А. Емельянов, Г. Попов, О. Румянцев, А. Собчак, С. Станкевич и другие. Это были в основном представители академической и университетской науки. Многотысячные митинги, собираемые лидерами демократического крыла перестройки, тоже в значительной мере состояли из представителей интеллигенции. Отметим здесь также, что интеллигенция конца XIX — начала XX в., усвоив атеистическое мировоззрение, сумела внедрить его в сознание значительной части народа. Мы рассмотрим этот вопрос в следующей главе.

О значительной социальной роли интеллигенции, о влиянии ее умонастроения на умонастроение широких масс свидетельствуют слова П. Б. Струве, относящиеся к 1908 г. «Значение того, *как* думает интеллигенция, чрезвычайно велико... Замечательный исторический и социологический урок русской революции заключается именно в том, что она показала, с какой легкостью закрылась эта пресловутая «пропасть» (между интеллигенцией и народом. — *В. Ш.*): идеи интеллигенции поразительно быстро проникли в народные массы и действительно заразили их. В силу этого ответственность интеллигенции за свое «умоначертание» чрезвычайно велика. Оно перестало быть просто интеллигентским делом»*.

Таким образом, роль интеллигенции в истории России весьма значительна. И это не случайно. Дело не только в особенностях российского исторического пути, но и в самой природе интеллигенции и в природе организации общества. Во всяком обществе для его нормального функционирования и развития необходима относительно небольшая группа людей, специально занятая осмыслением исторического пути этого общества и разработкой перспектив дальнейшего развития. Идеи этой группы людей оказывают значительное воздействие на массовое сознание, тем самым, так или иначе, оказывая влияние на развитие общества. На значение и особенности взаимодействия интеллигенции и народа обратил внимание С. Франк: «Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства... Конечно, от культурного,

* *Струве П. Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. С. 204.

умственного и нравственного состояния широких народных масс зависит, какая политическая сила, какие политические идеи и способы действий окажутся наиболее влиятельными и могущественными. Но получающийся отсюда общий итог всегда, следовательно, определен взаимодействием между содержанием и уровнем общественного сознания масс и направлением идей руководящего меньшинства»*. Интеллигенция, таким образом, призвана выполнять роль «руководящего меньшинства» или, по-другому, — духовно-культурной элиты общества.

Идею необходимости духовно-культурной элиты и важности ее роли обосновал в XX в. испанский философ Х. Оргтега-и-Гассет в ставшей знаменитой работе «Восстание масс». Эта идея содержится и в трудах работавшего в эмиграции отечественного мыслителя Г. П. Федотова, в частности в его «Письмах о русской культуре». Но самое поразительное заключается в том, что эту же идею без труда можно обнаружить в творчестве Пушкина, который не только неоднократно заявлял идею духовно-культурной элиты в своей поэзии, но и совершенно конкретно разрабатывал ее в своих письмах и записках. Разумеется, идея Пушкина совпадает с идеями Ортеги-и-Гассета и Федотова только в главном и основном, поскольку была высказана в иную эпоху, в иных социально-исторических условиях. Сословное общество XIX столетия, конечно, существенно отлично от массового общества XX в., поэтому Пушкин искал социальную основу для духовно-культурной элиты среди сословий современного ему общества. Он находил ее в родовом дворянстве. Однако главным критерием для Пушкина была не принадлежность к родовому дворянству сама по себе, а *ценностные установки личности*. И в этом мысль Пушкина совпадает с размышлениями Ортеги и Федотова. Из этого главного критерия следует наиболее общее понимание духовно-культурной элиты, обнаруживающее, кстати, условность (и даже неудачность) термина «элита».

Всякий, кто не утратил мужества сохранять нормальные человеческие понятия, такие, как честь, дружба, верность данному слову, родина, семья, домашний очаг, почитание старших, родителей и предков, кто готов служить истине, а не пресмыкаться перед «сильными мира сего», кто верит в добро, красоту, милосердие, сострадание и другие «вечные» ценности, может отнести себя к духовно-культурной элите. Не по приобретенным научным знаниям, не по числу выпущенных книг, не по высоте образованности, а по чистоте устремлений, по душевной самоотверженности во имя правды выделяется духовно-культурная элита. Важно отчетливо сознавать, что

* *Франк С.* De profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 304—305.

таким людям суждено оставаться *в меньшинстве* в мире количественного преобладания пошлости, развязности, утраты смысложизненных ориентиров. Однако для общественной жизни, как и для ряда природных процессов, важна «закваска».

Задача духовно-культурной элиты отнюдь не в борьбе, а в том, чтобы честно делать свое дело, сохраняя в обществе островки здравого смысла и трезвости духа в противовес наступающему со всех сторон океану духовного оскудения. Только опираясь на такую элиту, общество способно противостоять смятению и растерянности, будет в состоянии мобилизовать мысль и волю против псевдоценностей, навязываемых обществу с разными целями. Об этом можно говорить с полной уверенностью, поскольку в глубинах человеческих душ живет неистребимая тяга, которую не в состоянии полностью вытравить никакой наплыв псевдокультуры, — тяга к сохранению собственного достоинства, к тем ценностям, которые были названы выше. «Государственное устройство, — подчеркивал А. И. Солженицын, — второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве — допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве — невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности — то это проявляется при любом строе»*.

Разумеется, духовно-культурная элита, о которой мечтал Пушкин (и которая в его время хотя бы отчасти существовала) и о которой писали Ортега-и-Гассет и Г. Федотов, не имеет ничего общего с той пошлой «тусовкой», которая порой занимает господствующее положение в средствах массовой информации постперестроечной России 90-х годов XX в. Не имеет она ничего общего и с так называемой «политической элитой» общества, особенно если под последней иметь в виду политических авантюристов и проходимцев, нередко проникающих на самые вершины государственной власти.

Вполне реальная опасность повсеместной утраты ценностей непреходящего значения, о которых идет речь, чревата полным разрушением того минимума *доверия* между людьми, без которого невозможна общественная жизнь. В отсутствие элементов доверия для осуществления любого акта общения (например, акта купли-продажи, любой сделки и т. п.) пришлось бы прибегать к помощи служащих полиции, которые, впрочем, в свою очередь, нуждались бы в еще одном уровне контроля и так далее. Полная утрата доверия потребовала бы рекрутирования в органы правопорядка значительной части населения, привела бы к превращению страны в полицей-

* *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию. Посильные соображения (1990). Цит. по: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 697.

ское государство. Нетрудно видеть, сколь реальна тенденция к подобному превращению в постперестроечной России.

Существование духовно-культурной элиты основывается на самоуважении, на осознании самоценности культуры, которая является «наградой сама по себе», на высоком профессионализме. Только такая элита может рассчитывать со стороны общества на оценку, свободную от подозрений в корыстолюбии; и только она сможет оказывать нравственное воздействие на жизнь общества. Одновременно отсутствие прямой связи с уровнем материальных притязаний любой ценой обеспечивает ей внутреннюю свободу — условие для творчества совершенно необходимое. Это же избавляет ее от необходимости приноравливать свое творчество к интересам каких-либо политических сил, дает ей духовные силы не раболепствовать перед властью.

Лесть и заискивание перед властью — традиция не интеллигенции, а околопридворной «черни», тех, к которым были обращены знаменитые слова М. Ю. Лермонтова: «Вы, жадною толпой стоящие у трона, свободы, гения и славы палачи...» Эту роль унаследовала в советское время партийная номенклатура, а также часть представителей официальной культуры, непосредственно допущенная к кормушке партийно-государственного аппарата. За это представители официальной культуры были вынуждены подстраивать свое творчество к пропагандистским интересам власти, фальшивить, а порой откровенно лгать. Их жизненным правилом стало циничное — «колебаться вместе с линией партии». Эту же традицию лести и заискивания перед властью продолжили, к сожалению, некоторые деятели отечественной культуры постперестроечного периода.

Представитель же интеллигенции, свободный от материальных притязаний любой ценой, не заискивающий перед властью, мог бы сказать о себе словами Пушкина:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в тебе самом. Ты сам свой высший суд:
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, изысканный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колышет твой треножник.

Общественное влияние духовно-культурной элиты основано, таким образом, на ее нравственном авторитете, на готовности сделать

судьбу большинства людей своей, на чувстве собственного достоинства. Для такой элиты характерно скорее смирение, чем высокомерие. Напротив, масса элитарна в худшем смысле, поскольку для нее характерно «высокомерие разума» (Ф. А. Хайек), ведущего отсчет от самого себя и раз за разом начинающего жизнь с чистого листа.

Все, что сказано о духовно-культурной элите, легко обнаруживается в творчестве Пушкина или прямо вытекает из его размышлений. В частности, Пушкин был убежден в важности для нормального развития общества независимого и влиятельного *общественного мнения*. Он с сожалением отмечал отрицательные последствия его отсутствия в современной ему России. Так, в известном письме к Чаадаеву он соглашается с автором «Философических писем» именно в этом пункте: «Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью и истиной, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали об этом громко»*.

Пушкин связывал существование независимого общественного мнения, в первую очередь, с печатью, с прессой. Именно этим было продиктовано его стремление основать самостоятельный печатный орган. Он потратил немало усилий на создание сначала «Литературной газеты», затем журнала, который так и не состоялся, не успев получить названия, наконец, «Современника». Независимость печати отнюдь не означала для Пушкина всего лишь ее свободу от цензурных ограничений. Более того, как это ни покажется странным, Пушкин вовсе не настаивал на отмене цензуры. Против чего он возражал категорически — это против предписаний, против диктата в отношении прессы, с чьей бы стороны подобные предписания ни исходили, с чьей бы стороны подобный диктат ни осуществлялся. Более всего он опасался диктата толпы, массы, навязывающей автору свои низкопробные вкусы и предпочтения.

Мотив противопоставления поэта, мыслителя, художника толпе, «черни» является одним из сквозных мотивов поэзии Пушкина. Дополненный мотивом противостояния «сильным мира сего», власти, он выступает в виде тезиса о духовной независимости познания и творчества — важнейшего для мировоззрения Пушкина. В отличие от многих представителей русской мысли более позднего периода, Пушкин хорошо понимал, что опасность для свободы мысли может проистекать не только со стороны власти, но и со стороны народа, со стороны господствующих в массе усредненных представлений и ценностей. При этом такие усредненные представ-

* *Пушкин А. С.* Письмо П. Я. Чаадаеву // Русская идея. М., 1990. С. 51.

ления могут опускаться до самого низкого уровня пошлости и нигилизма.

Заботясь о благе народа, нужно иметь мужество не приноравливать свое творчество к количественно преобладающим в его среде воззрениям. Об этом напрочь забыла значительная часть русской интеллигенции второй половины XIX — начала XX в. Не случайно ее взгляды на этот счет были подвергнуты суровой критике авторами уже упоминавшегося сборника «Вехи» (1909), само появление которого знаменовало собой начало духовного отрезвления и возврата к пушкинскому пониманию отношения интеллигенции и народа. Из правильного тезиса о необходимости защиты интересов народа, из сочувствия к «униженным и оскорбленным» немалая часть русской интеллигенции неправомерно сделала вывод о совершенной правоте народа во всех вопросах, в том числе и тех, которые требуют для своего разрешения соответствующей подготовки, специальных знаний, квалификации, высокого уровня культуры. Такой взгляд был охарактеризован в сборнике «Вехи» как «народопоклонство». Идеализацию народных воззрений и народной жизни впоследствии использовали большевики, «именем народа» уничтожавшие и запрещавшие все, что не укладывалось в рамки усредненных представлений и было непонятно массе.

Отрицательные последствия диктата толпы отчетливо обнаружились уже в пушкинскую эпоху. И хотя это была по преимуществу дворянская «толпа», легче от этого не становилось: и в дворянской среде было немало людей (если не большинство), далеких от подлинной культуры, от ясного понимания непреходящих ценностей личного и общественного бытия. Удручающие результаты господства усредненных, а порой и откровенно пошлых представлений Пушкин мог наблюдать на примере многих современных ему периодических изданий. Именно поэтому важнейшую задачу собственного журнала он видел в освещении событий с точки зрения ценностей, представлявшихся ему незыблемыми: уважение к жизни и достоинству личности, забота о благе всего общества, прочность государства, просвещенный патриотизм. Этим пушкинский журнал должен был отличаться от множества других изданий, о запрещении которых или о каких-либо репрессиях в отношении которых Пушкин, разумеется, не помышлял.

Пушкин мыслил свой журнал в качестве связующего звена между обществом и государственной властью*. Это означало, что, с одной стороны, журнал должен был с глубоких и теоретически обоснованных позиций разъяснять политику правительства широким кругам

* См. *Анненков П. В.* Пушкин в александровскую эпоху. Общественные идеалы Пушкина. Минск, 1998. С. 233—260.

интеллигенции. Тем самым он способствовал бы преодолению тех подчас абсурдных и нелепых представлений, которыми была набита голова среднего дворянского интеллигента в результате каждодневного поверхностного проглатывания зарубежных (по преимуществу французских) газет или чтения отечественных изданий низкого теоретического и духовно-нравственного уровня. С другой стороны, журнал призван был если не подсказывать правительству, то, по меньшей мере, обозначать и теоретически обосновывать приоритеты государственной политики, удерживать власть от необдуманных решений. Пушкин хорошо понимал, что власть нуждается в идеях, которые она не в состоянии выработать самостоятельно, сколь бы ни была уверена в обратном. Кроме того, в структурах власти всегда бывает немало людей случайных, для которых национальные интересы России значат меньше, чем собственные карьерные и корыстные соображения. Такие люди рассматривают «эту страну» только лишь в качестве плацдарма для достижения личных целей или полигона для рискованных экспериментов.

Пушкин исходил из особого значения глубокого осознания укорененности в России, важности ощущения тесной духовной связи с ней, с ее прошлым, настоящим и будущим. Именно поэтому, в частности, он настаивал на особой роли родового дворянства. К нему он относил тех представителей дворянского сословия, которые являлись потомками древних дворянских родов. Однако принадлежность к древнему дворянскому роду Пушкин рассматривал лишь в качестве предпосылки для развития высоких нравственных качеств. В отрывке «О дворянстве» он, в частности, писал: «Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? — Нужно. — Чему и как учиться дворянству? — Независимости, храбрости, благородству, *чести* вообще. — Не суть ли сии качества природные? — Так, но образ жизни может их развить, усилить или задушить. — Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? — Нужны, и дворянство — la sauvegard (защита. — *В. Ш.*) трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества»*. По словам Анненкова, Пушкин придавал огромное «народовоспитательное и политическое значение потомственному независимому дворянству в государстве»**.

В связи со сказанным следует отметить, что идея духовно-культурной элиты у Ортеги-и-Гассета и Федотова не в последнюю очередь мотивирована принципиальным несовершенством демократических форм государственного устройства. Признание как необходимости демократических форм, так и их принципиального несовер-

* Цит. по: *Анненков П. В.* Пушкин в александровскую эпоху. С. 241.
** Там же. С. 242.

шенства отчетливо выражено в изречении, приписываемом Черчиллю: «Демократия — ужасная вещь, но человечество не изобрело ничего лучше демократии». Для того чтобы демократия была действенной и плодотворной, необходимы дополнительные усилия по ограничению негативного воздействия на общество органически присущих ей недостатков.

Дело, в частности, в том, что сколь бы ни был совершенен избирательный механизм, он принципиально не способен дать абсолютных гарантий от проникновения во власть людей, к ней не пригодных. Политическая демократия не может застраховать себя от вознесения к вершинам государственной власти тех, для кого интересы страны ничего не значат, кто равнодушен к судьбам людей, преследует лишь собственные корыстные интересы. Впрочем, изобрести абсолютно совершенный государственный механизм, вероятно, невозможно в принципе: совершенство во всей полноте осуществимо только в мечтах, или в раю, на небесах, — в реальной жизни приходится смиряться со многими несовершенствами. Чрезмерные упования на государство, как и ориентация на то, что является наиболее распространенным и массовым, на то, что количественно преобладает, следует вообще отнести к рецидивам тоталитарного способа мышления. В действительности же, полагаясь только на государственно-политические механизмы или на популярные средства массовой информации, общество не в состоянии обезопасить себя от роста негативных проявлений, ведущих к социальному разложению и деградации.

Вопреки известному внешне привлекательному ленинскому суждению — «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», жить в обществе и быть свободным от общества можно и должно. Более того, сохранять и оберегать свою личность, свою духовную независимость — важнейшая задача человека. Особенно же эта задача важна для тех, кто занят интеллектуальным трудом, поскольку свобода и независимость суждений являются первейшими условиями всякого исследования, всякого размышления. Следовательно, эта задача имеет первоочередное значение для интеллигенции. С этой точки зрения для того, кто относит себя к интеллигенции, совершенно неприемлемо и недопустимо спешить на поклон к очередному политическому фавориту с тем, чтобы засвидетельствовать свою преданность в расчете на последующие подачки с его стороны, — как это, к сожалению, случалось и случается с некоторыми представителями отечественной культуры.

Из сказанного ясно, что интеллигенции для того, чтобы оказывать влияние на общественную жизнь, отнюдь не обязательно стремиться к участию во власти, к тому, чтобы занять высокие посты в иерархии государственного управления, хотя это и не исключается

полностью. Однако основной путь влияния интеллигенции на общество связан с идейным влиянием, что предполагает сознательное дистанцирование от власти для сохранения независимости суждений. Дистанцирование от власти, разумеется, не исключает, а, напротив, предполагает заботу о собственной стране, о благосостоянии и процветании всех граждан государства. Дистанцирование от власти не означает также враждебного отношения к носителям власти, но в большинстве случаев предполагает трезвый и серьезный анализ проводимой ею политики, публичную критику ошибок и недостатков. Такое дистанцирование предполагает также публичное осуждение случаев произвола, злоупотреблений властью, нарушения органами власти законов и Конституции. Отсутствие стремления к занятию государственных должностей избавляет интеллигенцию от политической борьбы, в которой неизбежно приходится примыкать к той или иной политической силе, к той или иной политической партии. Политическая борьба хотя и неизбежна для общественной жизни, однако скорее разъединяет общество, чем объединяет его.

Таким образом, сознательный отказ от принадлежности к какому-либо одному из политических направлений является предпосылкой для объединительной функции интеллигенции, для того, чтобы она выступала как фактор объединения, а не разобщения. Именно чрезмерное увлечение политической борьбой приводило русскую интеллигенцию к расколам в собственной среде и способствовало расколам всего общества, в частности, на славянофилов и западников, на демократов и патриотов, демократов и коммунистов. Такого рода разделения были в той или иной степени оправданы для XIX в. или для начала XX в., но не для начала XXI в. Сегодня они наносят столь непоправимый ущерб, что в состоянии сделать российское общество совершенно не способным к решению стоящих перед ним задач, выбросить Россию на обочину мирового развития. И если политики не могут отказаться от подобного рода разделений из-за необходимости сохранения своего политического лица, то данное разделение отнюдь не обязательно для интеллигенции. Напротив, задача интеллигенции состоит, в частности, в том, чтобы предостеречь от ложного пути, по которому могут повести страну политики. Только постоянно ощущая давление со стороны общества, прежде всего со стороны интеллигенции, политики будут корректировать свой курс в соответствии с интересами всех граждан, всего населения. При наличии такого давления долго оставаться глухими к интересам всего общества ни власть, ни политики не могут. Если интеллигенция ясно осознает эту задачу, станет возможен положительный ответ на вопрос, который ставит Витторио Страда: «Сумеет ли русская интеллигенция обновить самое себя и способствовать воз-

рождению своей страны и мировому сотрудничеству, чтобы, преодолев дихотомии (дихотомия — деление на две враждебные части. — *В. Ш.*), стать подлинно русской (имеется в виду не этнический, а гражданский смысл слова «русский», то есть «подлинно российской». — *В. Ш.*) и глубоко европейской?»*

4. ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ В РОССИИ

Характер общения между людьми в России в целом, вероятно, определяется идеей, которая отчетливо сформулирована Владимиром Соловьевым: «С одной стороны, гипнотики индивидуализма, утверждая самодостаточность отдельной личности... в общественных связях и собирательном (то есть общем, общественном. — *В. Ш.*) видят только внешнюю границу и произвольное стеснение, которое должно быть во что бы то ни стало упразднено; а с другой стороны, выступают гипнотики коллективизма, которые, видя в жизни человечества только общественные массы, признают личность за ничтожный и преходящий элемент общества, не имеющий никаких собственных прав и с которым можно не считаться во имя так называемого общего интереса. Но что же это за общество, состоящее из бесправных и безличных тварей, из нравственных нулей? Будет ли это во всяком случае общество *человеческое*? В чем будет заключаться и откуда возьмется его достоинство, внутренняя ценность его существования, и какою силою оно будет держаться?»**

Как видно из приведенного изречения, В. Соловьев осуждает как тех, кого он называет «гипнотиками индивидуализма», так и тех, кого считает «гипнотиками коллективизма». Нормальный вариант, с его точки зрения, лежит посредине между этими крайностями, то есть между крайностями индивидуализма и коллективизма. Представляется, что философ верно подметил то умонастроение, которое определяет особенности межличностного общения в России: российский человек, строя свое общение с другими людьми, в большинстве случаев стремится избежать названных двух крайностей и занять некоторую среднюю позицию.

Вполне очевидно, что в российском менталитете и в российской культуре невозможно обнаружить что-то похожее на западный индивидуализм. Во всяком случае, с этим согласны едва ли все авторы, писавшие и пишущие на рассматриваемую тему. Индивидуализм в России в подавляющем большинстве случаев оценивается отрицательно и приравнивается к эгоизму. Но из вполне правомерной кон-

---

* *Страда В.* В конце света, в преддверии начала // В раздумьях о России. С. 41.
** *Соловьев В. С.* Соч. В двух томах. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 283.

статации отрицательного отношения к индивидуализму нередко поспешно и необоснованно делается вывод о господстве в массовой российской ментальности установки на коллективизм, соборность и т. д. В этом выводе содержится значительный элемент приукрашивания российской действительности, или, по меньшей мере, опасность такого приукрашивания. Если же трезво взглянуть на российскую жизнь, легко обнаружить, что деятельные проявления соборности и коллективизма встречаются в ней не столь уж часто. Вполне очевидно, что установка на соборность и коллективизм не является доминирующей в нынешней России — России постсоветской. Однако есть основания полагать, что она не была господствующей и не охватывала большинство населения также и в прошлом. Что же такое соборность, коллективизм и какие иные понятия, характеризующие отношения личности и общества, могут лежать в основе межличностного общения в России?

Понятие соборности было разработано в трудах русских философов XIX в., которых принято называть «славянофилами», а именно И. В. Киреевского и А. С. Хомякова. Н. О. Лосский так характеризует понимание соборности Хомяковым: «Основной принцип церкви заключается не в повиновении внешней власти, а в соборности. Соборность — это свободное единство основ церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути к спасению, единство, основанное на единодушной любви к Христу и божественной праведности... Принцип соборности означает, что ни патриарх, имеющий верховную власть, ни духовенство, ни даже вселенский собор не являются абсолютными носителями истины. Таким носителем является только церковь в целом»*. Таким образом, соборность — это в первую очередь церковное понятие, объединяющее весь православный народ в церковь. Оно применимо к взаимоотношению тех людей, которые ясно и определенно решили для себя вопрос о вере, считают себя членами православной церкви и, соответственно, регулярно посещают церковь и осознанно исполняют все религиозные обряды. Единодушие, которое подразумевается соборностью, касается отнюдь не всех вопросов жизни, а лишь религиозных. Однако даже в своем церковном виде соборность всегда была скорее идеалом, чем реальностью: как свидетельствует история, члены церкви, как правило, с большим трудом достигали единства в вопросах веры. Если же пытаться распространить понятие соборности на все общество, то есть на взаимоотношения внецерковных людей, то оно предстанет еще более нереалистическим, практически невыполнимым. Да и сам Хомяков вполне резонно полагал, что еще никогда в мире не бывало народа, государства или

* *Лосский Н. О.* История русской философии. М. 1991. С. 35.

страны, которые бы осуществили в полной мере принципы христианства, в том числе принцип соборности.

Принципом соборности в его православно-религиозном виде совершенно невозможно руководствоваться в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как современная Россия, что, конечно, не отвергает его религиозно-церковного значения для православных. Что же касается области взаимоотношений людей различных национальностей и вероисповеданий, то соборность, понимаемая как единение в высшей духовности, может выступать в качестве идеального образца, лишь будучи основанной не на ценностях какой-либо одной конфессии, а на тех ценностях, которые принято называть общечеловеческими. Основанная на общечеловеческих духовных ценностях, соборность действительно может стать путеводной звездой для общения людей самых различных вероисповеданий и национальностей.

«Противоположный полюс с о б о р н о с т и, как духовного единства, составляет с т а д н о с т ь, как душевно-телесное единство, — писал отец Сергий Булгаков. — Противоположным же полюсом церковного многоединства (то есть соборности. — *В. Ш.*), в котором личность возводится к высшей действительности, является к о л л е к т и в, в котором личность, оставаясь сама в себе, вступает в соглашение с другими, которое имеет для нее далее принудительный характер, между тем как с в о б о д н о е единение в любви есть самое существо соборности»*.

Таким образом, соборность, с одной стороны, противостоит стадности, с другой — коллективизму. Вполне понятно, что стадность, то есть простое послушание, подчинение пастырю (вождю, руководителю) — такое состояние, при котором индивидуальность личности полностью погашается. Коллектив основывается на договорных отношениях между людьми. Вступая в коллектив, человек сознательно уступает в пользу коллектива часть своей личной свободы. Коллектив в данном смысле, как правило, связан с какой-либо организацией, имеющей в числе прочих и формальные основания своего существования, например, устав или какие-то другие документы, формулирующие обязанности его членов. Таким образом, существование в рамках коллектива связано не со свободой, а главным образом с необходимостью. В отличие от коллектива, соборность не предполагает никаких обязательств чисто формального характера. Поэтому она связана не с необходимостью, а со свободой. В рамках соборности индивид остается полностью самим собой, сохраняя за собой всю полноту свободы. Единство же достигается не за счет подчинения, а за счет совпадения духовных ценност-

* *Булгаков С.* Православие. Очерки учения Православной церкви. М., 1991. С. 156.

ных установок членов соборности в главном и основном. Совпадая в главном и основном, мировоззрение и основанная на нем деятельность членов соборного единства остаются совершенно свободными, следовательно, многообразными и разнообразными. Именно поэтому С. Булгаков, как и многие другие отечественные мыслители, использует в приведенном изречении термин «многоединство» как синоним соборности.

Как уже неоднократно отмечалось, характер российского человека противится всякого рода формальным ограничениям. Это связано с особенностями российской природы, климата, рельефом поверхности, огромной протяженностью территории, с многонациональностью и многоконфессиональностью населения, особенностями истории и культуры. Отсутствие пиетета, то есть нарочитого преклонения перед формальными правилами, отличает российский менталитет от западного. Н. Бердяев после длительного пребывания в вынужденной эмиграции на Западе писал: «Когда сравниваешь русского человека с западным, то поражает его недетерминированность, нецелесообразность, отсутствие границ, раскрытость в бесконечность, мечтательность. Это можно видеть в каждом герое чеховского рассказа. Западный человек пригвожден к определенному месту и профессии, имеет затверделую формацию души»*. Поэтому коллективизм в указанном выше смысле, если учитывать особенности российской ментальности, вряд ли может быть идеалом для межличностного общения в России. Российский человек смиряется с существованием в рамках коллектива как с необходимостью, скорее мечтая при первой возможности вырваться из коллективных пут на широкий простор, освободиться от стесняющих его формальных обязательств. В этой связи соборность, предполагающая отсутствие ограничений формального типа, гораздо более подходит к широте российского духа.

Привлекательной стороной соборности не в узком, религиозном, а в широком смысле для российского характера является та полная внутренняя свобода, которая в ней подразумевается, свобода, в которой, по словам С. Булгакова, «личность возводится к высшей действительности». В условиях характерного для длительного периода истории отсутствия политической свободы в России получили иные, то есть неполитические формы свободы. На это обращали внимание многие отечественные авторы. «Россия — страна бытовой свободы, неведомой... народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами, — отмечал Н. Бердяев. — Только в России нет давящей власти буржуазных условностей»**. России присуща «нравственная свобо-

* *Бердяев Н. А.* Душа России. М., 1990. С. 12.
** Там же.

да, свобода выбора. Никогда на Западе она не осуществилась в таком величии, в такой чистоте и полноте, — писал О. Э. Мандельштам. — Нравственная свобода — дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный... Она равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры»*. Бытовая и нравственная свобода, в отличие от политической, это не внешняя, а внутренняя свобода, проявляющаяся в сфере непосредственного общения, а не в сфере публичных или служебных отношений.

Проявления бытовой свободы без труда обнаруживаются в поведении и менталитете российского человека. Так, правила вежливости не имеют в России затверделого характера, гораздо менее ритуальны, чем в странах Запада, не говоря уже о Японии и Китае. В большинстве стран Запада при встрече со знакомым, но не очень близким человеком принято задавать целую серию вопросов о здоровье, о семье, о детях и т. п. Эти вопросы не имеют содержательного значения, а являются всего лишь формальным выполнением правил вежливости. Они не предполагают обстоятельного и откровенного ответа. Для западных людей привычной является «дежурная» улыбка на лице, которая стала правилом при всяком контакте с другим, особенно мало знакомым человеком. Японцы и китайцы улыбаются постоянно, и с точки зрения российского менталитета можно решить, что им все время очень весело. В действительности все это не более чем проявление необходимости строго исполнять правила вежливости. Ничего подобного мы не встретим в России. Российский человек в большинстве случаев спрашивает о здоровье, семье и детях, когда он действительно этим интересуется, улыбается и смеется, когда ему действительно весело. Именно поэтому он нередко представляется и западным, и восточным людям чрезмерно серьезным и мрачным в повседневных проявлениях. Зато только в России и странах, исторически входивших в орбиту российской истории, мы встретим яркие проявления буйного веселья во время праздников или во время, свободное от забот о «хлебе насущном», — того буйного, не ограниченного никакими правилами веселья, которое неведомо ни западным, ни восточным народам.

Н. Бердяев отмечал, что российские люди «безмерно более коммюнотарны» по сравнению с западным человеком. «Они ищут не столько организованного общества, сколько общности, общения... Русский парадокс заключается в том, что русский народ гораздо менее социализирован, чем народы Запада, но гораздо более коммюнотарен, более открыт для общения»**. Бердяев использует тер-

---

* *Мандельштам О.* Сочинения в двух томах. М., 1990. Т. 2. С. 155.

** *Бердяев Н. А.* Русская идея. В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 268.

мин «коммюнотарность», означающий открытость к общению. По мнению философа, россиянин (Бердяев, как и большинство дореволюционных и эмигрантских авторов, употребляет слово «русский» не в этническом, а в первую очередь в гражданском смысле) в межличностных отношениях более всего ценит откровенное и неформальное общение. Всякого рода условности рассматриваются им скорее как помеха для установления контакта неформального характера. Коммюнотарность отнюдь не означает, что у россиянина всегда «душа нараспашку», как, например, у сыгранного Л. Куравлевым главного героя фильма «Живет такой парень». Этот тип личности хотя и не является редкостью в России, все же не столь широко распространен.

Свойство, которое мы вслед за Бердяевым называем коммюнотарностью, вызвало восхищение французского писателя Андре Жида во время его посещения СССР в 1937 г. Давая в целом резко отрицательную оценку советской действительности того времени, А. Жид, однако, писал: «Нигде отношения с людьми не завязываются с такой легкостью, непринужденностью, глубиной и искренностью, как в СССР. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы возникла горячая взаимная симпатия. Да, я не думаю, что где-нибудь еще, кроме СССР, можно испытать чувство человеческой общности такой глубины и силы. Несмотря на различия языков, нигде и никогда еще я с такой полнотой не чувствовал себя товарищем, братом. И ради этого я готов отдать самые красивые пейзажи в мире»*.

Коммюнотарность, помимо готовности к неформальному общению, имеет целый ряд аспектов, тесно связанных с этим свойством. Скажем, коммюнотарность может выражаться в способности «открыть душу» совершенно незнакомому человеку, делиться самыми интимными или сложными мировоззренческими переживаниями. Во всяком случае, для российского человека почти невозможно просидеть несколько часов в поезде рядом с незнакомым попутчиком, ограничившись лишь несколькими формальными фразами, как это привычно для англичан и некоторых других европейцев. Россиянину в подобном случае обычно «хочется поговорить». Однако это желание реализуется далеко не всегда и не при всех условиях. Сдерживается оно, прежде всего, стремлением не выпячивать свое «я». Хотя в России (как, очевидно, и в других странах) и встречаются люди типа Хлестакова, «якающие» на каждом шагу, однако неслучайно «я» — последняя буква в русском алфавите. Стремление к невыпячиванию собственного «я» сопровождается, как правило, противоположным: не растворить свое «я» в окружающих.

---

* *Жид А.* Возвращение из СССР. В кн.: Два взгляда из-за рубежа. Переводы. М., 1990. С. 69.

Опасение растворить свое «я» в окружающих порой переходит в стремление спрятать свое «я» в лукавство и хитроватость. Следует признать, что в России всегда было немало людей, которые, согласно русской поговорке, «слова в простоте не скажут». Ими постоянно движет мелочный расчет и корыстолюбие, от них можно ожидать подвоха в самый неожиданный момент и в самых безобидных ситуациях. Возможность подвоха, опасение его накладывают отпечаток на весь характер общения в России. Тот, кто прожил в России большой отрезок времени, по меньшей мере, к зрелости отчетливо начинает понимать, что от партнера по общению здесь можно ожидать чего угодно, как неожиданных подарков и щедрости, так и проявлений ничем или почти ничем не мотивированной хитрости. Об этом не принято говорить, об этом не много пишется, но коренному россиянину это ясно и без всяких слов. Умудренный опытом российской жизни, В. В. Розанов писал в свойственной ему иронической манере:

«Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком...

И все понятно.

И не надо никаких слов.

Вот чего нельзя с *иностранцем*»*.

В России не могла сложиться устойчивая традиция спокойного и ровного (то есть диалогического) обсуждения политических, философских и иных проблем, затрагивающих глубинные основы бытия человека и общества. Формированию такой традиции никак, разумеется, не способствовали ни самодержавный, ни тоталитарный общественные порядки. Поэтому и в те непродолжительные исторические периоды, когда свободное обсуждение сложнейших вопросов личного и общественного бытия все же становилось возможным, такое обсуждение, как правило, немедленно выливалось в полемику непримиримых, во взаимные препирательства, доходящие до вульгарных упреков и оскорблений. В этом отношении, например, Государственные Думы постсоветского периода (90-х годов XX в.) удивительно схожи с Государственными Думами дореволюционного времени. И в том и другом случае дискуссии депутатов (при всем их содержательном различии) одинаковы в неумении и нежелании выслушивать оппонентов, в неспособности понять их мотивы и аргументацию, в стремлении навязать свое мнение как заведомо единственно верное и непререкаемое. Такого рода «дискуссии» суть не что иное, как совокупность изолированных монологов, а отнюдь не диалог. А только в форме диалога (а не монолога) возможен плодотворный обмен мнениями, и, следовательно, реальное, а не мнимое разрешение обсуждаемой проблемы.

---

* *Розанов В. В.* Сочинения. Л., 1990. С. 31.

Значение диалога и диалогического способа мышления было в XX в. теоретически осмыслено в трудах таких авторов, как М. Бахтин, В. Библер, М. Бубер и другие. В этих трудах показано, что умение вести диалог есть особое искусство и наука, без которых обсуждение серьезных проблем в лучшем случае останется формальным, а в худшем — превратит его участников в непримиримых личных врагов. Поэтому диалог сам по себе следует квалифицировать как одну из наиболее значимых культурных и духовных ценностей*. Диалогическая форма, непременно предполагающая внимательное и заинтересованное отношение к иной точке зрения, способствует, в частности, повышению уровня взаимного доверия.

Ни для кого не секрет, что уровень доверия между людьми в современной, постперестроечной России является низким. Об этом свидетельствуют факты высокой преступности, множество скандалов политического характера, ложь и лицемерие ряда средств массовой информации. Об этом же свидетельствуют и данные социологических опросов. Существующее в современной социологии понятие коэффициента межличностного доверия позволяет с достаточной степенью точности замерить средний уровень доверия между людьми, характерный для данного общества. Он фиксирует количество актов общения, в которых люди доверяют друг другу, по отношению к их общему числу. Этот коэффициент составляет в постперестроечной России 30%, тогда как в современных странах Запада он приближается к 70%. Это значит, что только в трех случаях из десяти, вступая в контакт с другим человеком, средний россиянин доверяет ему. На столь низкий уровень доверия оказывает влияние целый ряд факторов, главным из которых является, несомненно, неумелое проведение реформ, вызвавшее колоссальное общественное напряжение. Не последнюю роль для современного периода «строительства капитализма» играет и внушенный советской пропагандой утрированный образ капитализма исключительно как общества, в котором «человек человеку волк», и ряд других факторов.

Вполне очевидно, что в период правления Л. И. Брежнева, особенно в первые годы, уровень межличностного доверия был выше, чем сегодня. Достаточно высоким он оставался до начала 1992 г., то есть пока в обществе сохранялись надежды на позитивный смысл предстоящих реформ. На сравнительно высокий уровень доверия в эпоху правления Брежнева, несомненно, оказала решающее влияние хрущевская «оттепель» второй половины 50-х — начала 60-х годов. Духовный климат «оттепели» воспитал целое поколение людей, слабо представлявших себе трагические масштабы сталинских репрес-

* См. *Абулкасова Г. С.* Диалог как духовная ценность. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. М., 1998.

сий, поверивших в то, что все мрачное и темное в российской истории осталось позади, а впереди следует ожидать только непрерывного роста и улучшения. Этот оптимистический духовный настрой периода оттепели выразился в поэзии Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Р. Рождественского и других, чьи выступления собирали в тот период огромные аудитории. Дух честности и товарищества, характерный для поэзии и прозы того времени, таких, как, например, повесть В. Аксенова «Коллеги», песни Б. Окуджавы, еще долго оказывал оздоравливающее воздействие на характер взаимоотношений между людьми.

В обозримой российской истории одним из самых высоких уровень доверия был, видимо, в первый период царствования Александра Первого, в так называемую «александровскую эпоху», особенно в годы после Отечественной войны 1812 г. Положительное значение этого периода для культурного и духовного развития России трудно переоценить. «Отечественная война, — писал Н. Бердяев, — была благодатным потрясением русского народа, в котором на мгновение русский культурный слой петровской эпохи и слой народный почувствовали себя принадлежащими к единой нации. Русский народ в целом почувствовал себя способным к деянию, имеющему освободительное значение для всей Европы. Русская гвардия вернулась из Западной Европы с большим запасом впечатлений и новыми культурными горизонтами... Народ, в котором явился всеобъемлющий и чарующий гений Пушкина, мог осознать себя способным к великой культуре... русская культура стала наряду с великими культурами Запада»*.

Патриотический подъем, вызванный войной 1812 г., несомненно, способствовал высокому уровню взаимного доверия россиян. В последующие эпохи этот уровень постоянно падал, достигнув, очевидно, критически низкой отметки в гражданскую войну (1918—1920) и в эпоху сталинских репрессий. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что победа в Великой Отечественной войне (1941—1945) способствовала росту уровня доверия. В дальнейшем он постоянно возрастал вплоть до уже отмеченной даты начала 1992 г., то есть начала экономической реформы. При этом придется, очевидно, исключить последний период правления Брежнева и краткосрочного правления его непосредственных преемников — период, который принято называть «годами застоя». Застойные явления в области экономики, неясность перспектив, вызванная неспособностью власти проводить осмысленную политику, очевидная для всех дряхлость верховного руководителя — все это не могло не сказы-

* *Бердяев Н. А.* О характере русской религиозной мысли XIX века // Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. С. 5.

ваться самым отрицательным образом и на характере межличностных отношений в стране.

В связи со сказанным нельзя не обратить внимания на суждения русского философа Федора Степуна, высказанные им после нескольких десятилетий пребывания в вынужденной эмиграции на Западе. «Шаблонные русские рассуждения о том, что все мы гораздо искреннее, душевнее и глубже европейцев и, в частности, немцев, естественны и понятны у эмигрантов, — писал Ф. Степун, — но явно не верны. Верно лишь то, что русская интеллигентская культура сознательно строилась на принципе внесения идеи и души во все сферы общественной и профессиональной жизни, в то время как более старая и опытная европейская цивилизация давно уже привыкла довольствоваться в своем житейском обиходе простою деловитостью. Остроумнейшая социология Зиммеля представляет собой интересное оправдание этой европейской практики. По мнению Зиммеля, вся уравновешенность и уверенность человеческого общежития покоится на том, что мы не слишком заглядываем друг другу в душу. Знай мы всегда точно, что происходит в душе нашего шофера, пользующего нас доктора и проповедующего священнослужителя, мы иной раз, может быть, и не решились бы сесть в автомобиль, пригласить доктора или пойти в церковь... Немецкая профессиональная культура целиком покоится на труде, знании и жажде профессионального совершенствования. Души, в русском смысле, в ней немного, но успех ее очевиден»*.

В высказывании Степуна содержится несколько разных идей. Прежде всего, это констатация того, что немец и вообще западный человек в повседневном общении более замкнут и сдержан, чем средний россиянин. Эта мысль подтверждается наблюдениями большинства отечественных авторов, проведших долгие годы на Западе и имевших возможность сравнивать характер общения в России и в странах Запада. Об этой отличительной черте общения в России — «коммюнотарности» — мы уже говорили. Вторая идея Степуна состоит в утверждении преимуществ сдержанной манеры общения, когда «мы не слишком заглядываем друг другу в душу». Третья идея (с которой он начинает) связана с опровержением достаточно распространенного мнения, что россиянин гораздо более душевен и искренен, чем западный человек.

Очевидно, сдержанная манера общения имеет свои преимущества, особенно в условиях современной городской цивилизации. В условиях, когда в течение короткого промежутка времени приходится сталкиваться с огромным множеством самых разных людей, такая манера позволяет избегать мелких стычек и конфликтов, кото-

* *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М.—СПб., 1994. С. 82—83.

рые в противном случае могут возникнуть едва ли не на каждом шагу. Следовательно, она позволяет не растрачивать нервную энергию попусту. Поэтому следует согласиться со Степуном, что гораздо лучше, если шофер такси, врач или продавец магазина просто добросовестно выполняют свои служебные обязанности, не вступая с клиентами в отношения, не связанные с выполнением этих обязанностей. Следует признать, что в России факты бесцеремонного вторжения в душу незнакомого партнера по общению встречаются чаще, чем на Западе. Одной из причин этого, как уже упоминалось, является то, что становление цивилизации городского типа произошло в России в гораздо более поздние сроки, чем в странах Запада. Процесс урбанизации происходил стремительно и в более короткий промежуток времени, чем в Западной Европе. Сельские жители, становясь горожанами, не успевали осваивать новые для них формы городской жизни, перенося в город привычную для них деревенскую манеру общения. Нельзя, разумеется, говорить о том, что деревенская манера общения ниже той, которая диктуется условиями города. Однако то, что уместно в небольшой деревне, где все друг друга знают, оказывается неуместным в большом городе, где общение по необходимости должно приобретать гораздо более безличный, нейтральный по отношению к особенностям личности характер.

Что же касается широко распространенного мнения о некой особой душевности русского человека, душевности, якобы превосходящей по своим параметрам все, что присуще другим народам, то, видимо, также правильно будет согласиться со Степуном — это выдумка, призванная потешить собственное самолюбие. Как и повсюду в мире, в России встречаются люди душевные, стремящиеся понять душу другого, отличающиеся душевной щедростью, и, напротив, люди черствые, равнодушные. Если же говорить в общем, то, очевидно, России, с одной стороны, и Западу — с другой, присущи разные типы и разные формы проявления душевности. Ни одна из них не «выше» и не «ниже», скорее всего, они просто различны по своему типу и формам проявления. Так, говорить об отсутствии души в произведениях западной культуры можно лишь с большой натяжкой, особенно если вспомнить такие произведения, как «Отверженные» или «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, в которых ярко выражены душевное сочувствие и участие в судьбе человека. А таких произведений в западной культуре немало. То же касается и народных песен, сказок и других видов народного творчества. Может быть, в них меньше тоски, меньше бесшабашности, меньше пронзительной грусти, мечтательности и других настроений, которые без труда обнаруживаются во многих произведениях русской культуры. Однако на основании подобных отличий вряд ли следует делать вы-

вод о большей душевности российского характера по сравнению с характерами других народов.

Действительно, в повседневной жизни россиян существует немало ситуаций, неизвестных представителям других стран и народов. Эти ситуации накладывают свой отпечаток на характер общения в России, придают ему особый колорит. В этих особых ситуациях предельно ярко проявляется «коммюнотарность», открытость к общению российского человека. Одна из них — ситуация дальней дороги. Свойственная российским просторам огромность расстояний и превращает дорогу в один из важнейших элементов повседневной российской жизни. В дороге российский человек наиболее раскрепощен и открыт для общения. Особенно легко наблюдать это в поездах дальнего следования. Только поезд рождает то неповторимое настроение, которое названо Ф. Степуном «отлетно-романтическим». Нигде в такой мере, как в длительной поездке по железной дороге, столь ярко не проявляется российская склонность к общению. Нигде собеседники не бывают столь откровенны, как в поезде дальнего следования: здесь открывают друг другу души люди самых различных убеждений, профессий, национальностей, вероисповеданий. Не случайно целый ряд важнейших эпизодов великих произведений русской литературы связан с железной дорогой. На это обращает внимание Ф. Степун:

«Роман Анны с Вронским начинается в поезде и кончается им. Под стук поездных колес рассказывает Позднышев в «Крейцеровой сонате» совершенно чужим ему людям об убийстве жены, и мы чувствуем, что нигде, кроме как в поезде, он не смог бы исповедоваться с такою искренностью. Замершею рукою стучит Катюша Маслова в ярко освещенное окно вагона первого класса и, не сводя глаз с Нехлюдова, чуть не падая, бежит по платформе. «Дым, дым, дым», — развертываются в поезде скорбные раздумья Литвинова — Тургенева. Провожая жену своего приятеля и прощаясь с нею в вагоне, скромный герой одного из самых нежных рассказов Чехова вдруг понимает, что всю жизнь любил только ее и что с ее отъездом для него все кончается. В «Лике» Бунина тема несчастной любви и творческих скитаний духа еще глубже и таинственнее сливается с темой железнодорожной тоски, о которой пел Александр Блок:

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая,
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да, было что-то в русских поездах, что, изымая души из обыденной жизни, бросало их в «пустынные просторы, в тоску и даль неиз-

житой мечты»*. Очевидно, что не только «было», но и останется надолго, поскольку никакое совершенствование средств транспорта не в состоянии полностью исключить влияние на российский дух огромности российских пространств.

5. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО БЫТОВОГО УКЛАДА

Бытовой уклад существенно зависит от традиций, религии, особенностей психологии того или иного этноса (национальности). Поскольку в России издавна проживает множество национальностей, то и бытовых укладов здесь великое множество. Однако, как и во всех других разделах, мы будем говорить в первую очередь не о том особенном, что отличает отдельные народы России, а о том, что является для них общим. Вполне правомерно говорить о российском бытовом укладе, не зависящем от национально-этнических факторов, являющимся общим для всех россиян, к какой бы этнической группе они ни принадлежали, какую бы религию ни исповедовали. Существует же американский бытовой уклад, составляющий важную часть так называемого «американского образа жизни», которому уделено значительное внимание в литературе. А ведь США — страна не меньшего этнического и религиозного многообразия, чем Россия! Американский бытовой уклад является общим для всех американцев, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Он определяется не особенностями этноса и его религий, а особенностями жизни в США, особенностями ее материальных и природных условий, общеамериканскими традициями, политической и экономической системами и многими другими факторами.

На характер бытового уклада, как и на все стороны образа жизни, существенное влияние оказывает *уровень материального благосостояния* людей. Ни для кого не секрет, что в постперестроечной России средний уровень благосостояния населения крайне низок. По этому показателю Россия в 1999 г. занимала 72-е место в мире, 40% населения жило за чертой бедности, 45 млн человек имели ежемесячный доход ниже прожиточного минимума — 600 рублей.

Важно глубоко сознавать, что столь низкий уровень материального благосостояния — факт колоссального социального значения, который имеет далеко идущие отрицательные последствия. Приходится констатировать, что в постперестроечной России (как и в других странах постсоветского пространства) произошел процесс *маргинализации* значительной части населения. Маргинализация — это не просто бедность. Это нищета и безысходность, которые ведут к

* *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М.—СПб., 1995. С. 173.

полному выпадению человека из общества. При маргинализации человек выбрасывается на обочину общественной жизни, помимо своей воли перестает принадлежать к определенной общественной группе или классу, оказывается за пределами социальной структуры общества с определенными интересами, менталитетом, культурой. Он оказывается вне культуры и вне политики.

Когда у значительной части населения постоянно, с утра до вечера и ежедневно, голова занята одной мыслью — добыть пропитание, чтобы не умереть с голоду, — происходят серьезные изменения отрицательного характера во всей общественной жизни. В таком случае подвергаются деформации все сферы бытия общества — политика, экономика, право, мораль, культура в целом. Они неизбежно приобретают все более фарсовый, фальшивый и лицемерный характер. «Есть уровень нищеты, беззащитности, материальных страданий, — отмечал Г. Федотов, — перед которым должны умолкнуть все вопросы о смысле культуры. Хлеб становится священным в руках голодного и даже праща Давида, вышедшего на Голиафа»*.

Очевидно, «должны умолкнуть» все вопросы не только о культуре, но и всякие абстрактные теоретические рассуждения о политике, экономической «реформе» и многом другом, что в свете угрозы голодной смерти становится пустым и ненужным. Пустыми и ненужными становятся даже разговоры о нравственности, поскольку голодный человек нуждается единственно в том, чтобы его накормили.

Маргинализация захватила не только людей опустившихся, «лиц без определенного места жительства» (бомжей), не только нетрудоспособных, инвалидов, пенсионеров, но и значительную часть вполне работоспособных и квалифицированных людей. Разговоры о том, что предприимчивый и энергичный человек всегда найдет способ прокормить и обеспечить себя, имеют лишь тот положительный смысл, что призывают не сдаваться и не утешать себя ссылкой на обстоятельства. Однако в реальной жизни все обстоит сложнее. Во многих случаях человек находится в жесткой зависимости от обстоятельств, избежать воздействия которых не в его силах. Так, никогда и ни одно общество не состояло и не может состоять из одних предпринимателей. Подавляющее большинство населения в любой, «самой капиталистической из капиталистических» стран, это лица наемного труда. Они работают по найму либо в государственных организациях, либо в частных компаниях. Их благосостояние целиком и полностью зависит от размера заработной платы.

Средняя заработная плата в постперестроечной России в 1999 г. была в три раза ниже порогового значения. Мировое сообщество еще в начале 80-х годов признало, что заработная плата ниже трех

* *Федотов Г. П.* Письма о русской культуре. В кн.: Русская идея. М., 1992. С. 403.

долларов в час является запредельной. Она выталкивает работника за пороговую черту его жизнедеятельности, за которой идет разрушение потенциала экономики. «И это имеет место в условиях, когда нашему, по существу, нищему, по западным меркам, работнику приходится обменивать свой труд на продукцию и услуги, цены которых близки или уже сравнялись с мировыми, — отмечают в коллективном труде видные отечественные экономисты. — Такой чудовищной эксплуатации труда не знает ни одна цивилизованная страна мира... За годы реформ ничего не было сделано, чтобы хотя бы приблизиться к странам Запада по доле заработной платы и выработке. Вне рамок этого отношения вообще неправомерно говорить о заработной плате как экономической категории... Мы должны первоочередной считать задачу доведения доли нашей средней заработной платы в стоимости производимой продукции хотя бы до уровня восточно-европейских стран»*.

Речь идет не о требовании повысить заработную плату в соответствии с ростом производительности труда. Речь идет о повышении ее доли в стоимости производимого продукта. При такой низкой величине этой доли, которая характерна для России последнего десятилетия XX в., заработная плата теряет экономическое значение в том смысле, что перестает выполнять роль стимула к труду, то есть свою важнейшую социально-экономическую роль. Ее повышение или понижение в пределах такой низкой доли не способно оказать никакого влияния на работника, на его отношение к труду. Поэтому и ожидать от него повышения производительности не приходится.

Вместе с тем следует отметить, что надеяться на то, что правительство и предприниматели пойдут на повышение заработной платы «по доброте душевной», не приходится. Такого, впрочем, нет нигде в мире. Как правительство, так и предприниматели в большинстве случаев идут на повышение оплаты труда наемных работников только под давлением. Не нужно делать революции — достаточно самоорганизации в рамках профсоюзов или иных организаций трудящихся. Многое зависит от профсоюзного лидера на предприятии, в отрасли, в регионе — от его твердости и решимости не выпрашивать подачки, а настойчиво добиваться своих требований. В принципе в сегодняшней России профсоюзы располагают мощными законодательно оформленными рычагами давления как на правительство, так и на предпринимателей.

Низкий уровень материальной обеспеченности в постперестроечной России является, очевидно, беспрецедентным в ее истории, если, конечно, исключить периоды мировых войн, революции и граждан-

* Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д. С. Львова. М., 1999. С. 33.

ской войны, голод на Украине во время сталинской коллективизации и другие трагические события. В дореволюционной России, будучи не очень высоким по сравнению с рядом промышленно развитых стран, он все же не опускался до столь критической отметки. По свидетельству современников, увидеть голодного человека в России начала XX в. было большой редкостью. Так, В. В. Розанов во время путешествия по Волге в 1907 г. наблюдал протест голодающих. «Никогда до этого я не видел «голодающих мест», голодного человека, — замечает Розанов. — Не оттого, что ему не было времени или случая поесть днем и он поест и даже наестся вдвое вечером, а голодного оттого, что ему нечего есть, нет пищи, у него вокруг нехватка, как у волка в лесу, как у буйвола в пустыне!! Представить себе это в Казанской губернии, в образованной и цивилизованной России, с ее гимназиями, университетами, православием и миллиардным бюджетом?!»* Розанов воспринимает голодающих (людей, на лодке подплывших к пароходу с требованием накормить их) как нечто удивительное и диковинное.

Обратим внимание на то, что сам писатель происходил отнюдь не из богатой семьи. Ему довелось претерпеть в жизни многое, в том числе бедность и недоедание. Поэтому удивление, испытанное им при виде голодающих, можно рассматривать как свидетельство того, что настоящий голод встречался в России его времени, во всяком случае, не на каждом шагу. Если еще вспомнить оставленные В. Гиляровским красочные описания московского Охотного ряда той же эпохи, то перед нами предстанет картина если и не вполне благополучной, то вполне сытой России. Согласно Гиляровскому, в Охотном ряду, который представлял собой не что иное, как рынок, любой, даже самый бедный человек буквально за гроши мог приобрести себе пропитание. Впечатляет, например, манера продавать горячую пищу по принципу «от пуза». Принцип «от пуза» означал, что за определенную, весьма скромную плату покупатель мог взять неограниченное количество еды — столько, сколько мог съесть на месте.

Другая, во многом противоположная картина предстает, например, в произведениях Некрасова: голод является одной из важнейших тем его творчества.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден, —
Не по плечу одному!
В мире есть царь, этот царь беспощаден:
Голод названье ему.

---

* *Розанов В. В.* Сумерки просвещения. М., 1990. С. 552—553.

Однако картины голодной жизни русского народа в произведениях Некрасова относятся к 50-м — началу 70-х годов XIX столетия. А только с 80—90-х годов XIX в. начинается в России экономический подъем, который она переживала вплоть до 1914 г., то есть до начала Первой мировой войны. При всех издержках экономического роста, который сопровождался ростом социально-классовой напряженности, случаи абсолютного голодания значительных масс населения были исключены. И это с учетом регулярных неурожаев и недородов, столь свойственных земледелию в России с ее неустойчивым климатом.

Важным материальным фактором бытового уклада является *обеспеченность жильем*. В 1999 г. в России приходилось в среднем 15 кв. метров жилой площади на человека, тогда как, например, в США — 49 кв. метров. Значительно более высок, чем в России, этот показатель в западноевропейских странах, а также в странах Восточной Европы — в Польше, Чехии, Словакии, Болгарии. Низкий уровень обеспеченности жильем объясняется, в первую очередь, недостаточной социальной ориентированностью российской экономики и экономической политики правительства. Это относится и к советскому, и постсоветскому периодам.

Экономика Советского Союза была ориентирована главным образом на противостояние в холодной войне, на поддержание высокого уровня военной мощи, а также на связанное с этим выполнение обязательств идеологического характера перед странами «третьего мира». Последним оказывалась огромная материальная помощь в обмен на обещания их правительств следовать по пути социалистической ориентации. Правда, в идеологической риторике внутри страны немало внимания уделялось заботе о «человеке труда», о повышении уровня его благосостояния. Однако эта риторика реально далеко не всегда подкреплялась конкретными делами. Разорительный курс реформ, избранный руководством России после 1991 г., разумеется, не способствовал социальной ориентированности экономики. Поэтому и вопросы обеспеченности жильем, как и большинство вопросов социальной сферы, остались далеко за пределами внимания.

Помимо причин социально-экономического характера, низкий уровень обеспеченности жильем в России объясняется также более фундаментальными причинами, связанными в первую очередь с природно-географическими условиями. Крупный американский специалист по градостроительству (русский по происхождению) Б. С. Пушкарев обращает внимание на дешевизну «господствующей в США легкой, неогнестойкой конструкции односемейных жилых домов из деревянных планок, фанеры и картона, в которых живет три четверти населения»*. Одна тонкая, иногда остекленная входная дверь,

* *Пушкарев Б. С.* Россия и опыт Запада. М., 1995. С. 184.

единственная оконная рама и многое другое, столь характерное для подавляющего большинства жилых и иных построек в США, совершенно невозможно в России, с ее климатом, с зимними холодами, осенними и весенними заморозками и ветрами. Затраты на строительство жилья в России всегда будут выше, чем в западных странах. Поэтому, предъявляя справедливые претензии к органам власти, к политической и экономической системам, не следует забывать и о том, что климат России ставит немало преград и препятствий к достижению того уровня обеспеченности жильем, который характерен для западных стран.

Важным фактором образа жизни в целом и бытового уклада в частности является *состояние окружающей среды*. В целом экологическая обстановка в России остается сегодня неблагополучной. Реки Волга, Дон, Обь, Иртыш, Урал, Енисей, Лена, Печора, Кама имеют недопустимый уровень загрязненности. Из общего объема сточных вод, приходящихся в год на одного жителя России, около 70% представляют собой загрязненные воды, содержащие значительную долю токсичных веществ. Целый ряд промышленных предприятий, прежде всего химических, выбрасывают в окружающую среду массы ядовитых веществ. В 2000 г. сильнейшие яды — диоксины были обнаружены в питьевой воде ряда городов России, а также на полях в Среднем Поволжье и в Западной Сибири. Серьезный ущерб окружающей среде западных и юго-западных территорий современной России нанесла катастрофа на Чернобыльской АЭС (1985).

Начало резкого ухудшения экологической обстановки в России следует отнести к 50—60-м годам XX в. Именно с этого времени начинается широкое развитие атомной и химической промышленности — производств, наиболее опасных с точки зрения экологии. Вплоть до отмеченного времени экологическая обстановка в России, по сравнению с развитыми странами Запада, в целом оставалась более благополучной. В 60-е и 70-е годы общественность и правительства западных стран проявляли серьезную обеспокоенность состоянием окружающей среды на Западе. В ряде случаев это состояние достигало предельно критического уровня. Целый ряд рек Европы, например Рейн, были превращены бесконтрольным сбросом отходов промышленности в сточные канавы, в которых погибало все живое. Колоссальной загрязненности достигли водоемы Северной Америки, прежде всего Великие озера. Факты загрязнения окружающей среды стали предметом самого пристального внимания западной прессы. Под влиянием общественности в 70—90-е годы в странах Запада был разработан и принят целый ряд законодательных мер экологической направленности, а также предприняты действенные шаги по очищению загрязненных участков и восстановлению экологического равновесия.

В Советском Союзе считалось, что экологический кризис — это последствие капитализма, являющееся одной из сторон «общего кризиса капиталистической системы». Считалось, что при социализме же ничто подобное не может иметь места «в принципе», поскольку социализм, будучи обществом трудящихся и плановой экономики, способен своевременно предвидеть и предотвращать любые возможные угрозы, в том числе экологические. Такова была официальная точка зрения. На практике же экологические проблемы лишь замалчивались. Факты все большего обострения и ухудшения экологической обстановки скрывались от широкой общественности. Всякий же, кто осмеливался открыто поднимать свой голос в защиту природы, шельмовался как противник социализма, подвергался травле и гонениям. Положение стало меняться в лучшую сторону лишь с началом гласности в эпоху Горбачева.

Наконец, на особенности бытового уклада огромное влияние оказывают *природно-географические характеристики российской цивилизации* — те, которые остаются в общем и целом неизменными на протяжении веков и которые были подробно рассмотрены в главе 2. Напомним, что к ним относятся удаленность основной массы суши от морского побережья (континентальность территории); отсутствие отчетливо выраженных рубежей естественного происхождения, равнинность огромных пространств; северность расположения с характерной продолжительной зимой и коротким неустойчивым летним периодом; капризность и неустойчивость погоды; неброскость красоты русской природы.

В связи с особенностями климата бытовой уклад россиянина ориентирован в первую очередь на то, чтобы оградить себя от неблагоприятных природных воздействий. Прежде всего необходимо иметь надежное укрытие, создать тепло и уют, защититься от непогоды. На бескрайней, открытой всем ветрам равнине не приходится, конечно, рассчитывать на длительное существование под открытым небом. Обеспечить дом теплым полом и стенами, отоплением — такая же первейшая задача, как иметь шерстяные носки и теплую обувь, чтобы, по выражению Суворова, «держать ноги в тепле». За короткий летний период надо успеть подготовиться к зиме. Подготовка к зиме — едва ли не главная забота, занимающая львиную долю летних хлопот россиянина. На все остальное, то есть на приращение материальных богатств сверх необходимого, остается не так уж много времени. Так было в древности, так это сохраняется в значительной мере и сейчас.

Российский человек стремится в первую очередь обустроить свое жилище и непосредственно прилегающие к нему территории, то есть то, без чего само его существование может быть поставлено под угрозу. Обустройству же того, что выходит за пределы непосред-

ственно связанного с сохранением и поддержанием жизни, по необходимости уделяется гораздо меньшее внимание. Отсюда легко объяснить, почему жилище любого россиянина, независимо от того, беден он или богат, всегда отличается уютом, опрятностью, обустроенностью (в пределах возможностей). То же можно сказать о непосредственно прилегающем к сельскому дому участке. Но обустроенность, как правило, тут же заканчивается, как только мы выходим за калитку сельской усадьбы или за дверь городской квартиры.

Обустройство жилища далеко не сводится, конечно, к созданию чистоты и теплоты. Важное место имеет и эстетическая сторона. Характерно, что неоднократно упоминавшийся нами французский путешественник XIX в. Астольф де Кюстин, на протяжении своего многостраничного повествования не сказавший и пары теплых слов в адрес россиян, вынужден был отметить поразившее его чувство красоты у русских крестьян. Он обратил внимание на эстетическую привлекательность их одежды, на нарядность и красоту внутреннего убранства жилищ. Бедность и простота народного быта, к изумлению путешественника, не стали препятствием для придания бытовому укладу целого ряда ярких эстетических черт. Впрочем, широко известная тяга российского человека к красоте не нуждается в доказательствах: еще принятие Русью христианства из Византии не в последнюю очередь мотивировалось красотой византийских храмов и особым благолепием византийского богослужения. Не исключено также, что яркая привлекательность внутреннего убранства жилища неосознанно мотивирована неброскостью окружающей природы: входя в дом, человек стремится компенсировать однообразие пейзажа, увидеть что-то яркое, бросающееся в глаза.

Наглядным свидетельством стремления сделать свое жилище красивым и нарядным являются, например, ковры на полу и особенно на стенах. Нигде на Западе нет устойчивой традиции вешать ковры на стены. Эта традиция — восточного происхождения. Заимствованная на Востоке, она прочно прижилась в России. С одной стороны, она как нельзя лучше подходит для решения важной для россиян задачи утепления жилища, с другой — соответствует характерно российскому стремлению как можно полнее украсить внутреннее пространство дома.

Очевидно, российский человек сориентирован более на то, чтобы по возможности украсить свой быт, чем придать ему рационально организованный характер. Уж во всяком случае ему не придет в голову при установлении дверного замка задуматься над тем, чтобы он находился именно на той высоте, которая позволяла бы воспользоваться ключом, прикрепленным к брюкам на цепочке определенной длины, не отстегивая ключа, — именно так поступают многие американцы. Практически во всяком российском доме, обществен-

ном или частном, можно встретить замки, вставленные наоборот, так, что ключ приходится поворачивать в обратную сторону, электровыключатели, на которых знакам «вкл» и «выкл» реально соответствует обратное, краны, из которых под наименованием горячей воды течет холодная, на кухне — баночки с надписью «горох», содержащие, например, фасоль и т. д. Как уже неоднократно отмечалось, рациональность и целесообразность в России явно уступают таким ценностям, как доброта и красота, и находятся на гораздо более низкой отметке ценностной шкалы, чем в странах Запада.

В связи с низкой оценкой целесообразности при наличии материально-финансовых возможностей россиянин в большинстве случаев употребит их на роскошь своего жилища или одежды, а не на рациональное обустройство. Роскошь, вероятно, в глазах многих россиян имеет приоритет перед удобством и целесообразностью. Неслучайно даже очень богатые иностранные путешественники, сами не чуждые любви к роскоши, поражались во все века роскошной отделке дворцов и одеяний российской знати. Н. В. Гоголь с негодованием обличал пристрастие имущих классов современной ему России к роскоши: «Гоните эту гадкую, скверную роскошь, эту язву России, источник взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас есть»*. К сожалению, это пристрастие к роскоши унаследовал в послесталинское время советский партийно-номенклатурный правящий класс, а вслед за ним, в постперестроечный период — так называемые «новые русские».

Важным элементом бытового уклада являются *праздники* — столь же необходимая составная часть жизни человека, как и труд. Люди нуждаются в том, чтобы прервать на короткое время монотонность повседневности, освободиться от текущих забот, расслабиться в поддержании духовного здоровья нации. То, какие праздники и каким образом отмечаются, многое может сказать о характере народа, его привычках и наклонностях, о его культуре.

До революции 1917 г. главными в России были те же праздники, что и в странах Запада: Рождество, Пасха, Масленица, дни, посвященные тем или иным святым, и другие, тесно связанные с памятными датами христианского календаря. Широко отмечались также праздники других религий, главным образом, теми народами, которые исповедовали данную религию, и на тех территориях, где она была распространена. Советская власть ввела ряд совершенно новых праздников, запретив прежние в целях борьбы с «религиозными пережитками». Лишь в 1935 г. вновь было «разрешено» ставить и украшать новогодние елки. С этого момента они и стали именоваться «новогодними», тогда как до 1917 г., как и у всех христианских народов, они назывались «рождественскими».

---

* *Гоголь Н. В.* Духовная проза. М., 1992. С. 147.

Советские праздники носили ярко выраженный политико-идеологический характер. В праздничные дни 1 мая и 7 ноября «трудящиеся» должны были «демонстрировать» свою поддержку политики партии, солидарность со всем международным коммунистическим и рабочим движением, «гневный протест» против «мирового империализма». Политико-идеологическую направленность изначально должен был иметь и Международный женский день 8 Марта, задуманный как день классовой солидарности женщин-тружениц. Однако со временем не только 8 Марта, но другие советские праздники на практике все больше утрачивали политико-идеологический характер, все более превращаясь в торжественные, но дружеские встречи коллег по работе, друзей и родных. «Демонстрации трудящихся» по случаю 1 мая и 7 ноября приобретали характер совместной торжественной прогулки, с непринужденными беседами и весельем. Нередко они становились лишь поводом и прелюдией для последующего застолья. 8 Марта стал праздником прославления женщины, женской красоты, праздником любви. В таком виде он сохраняется и сегодня.

Важной составной частью бытового уклада являются традиционные *способы поддержания здоровья*. Очевидно, что климат, особенности природной среды вообще, с одной стороны, как бы предъявляют требования к здоровью людей с тем, чтобы они оказались в состоянии жить и плодотворно трудиться в данном природном окружении, с другой — сама природа создает предпосылки, используя которые человек вырабатывает определенные способы поддержания здоровья, адекватные окружающей среде. Такие способы становятся традиционными и передаются из поколения в поколение.

Особую роль в поддержании здоровья в России играла и продолжает играть *баня*. Известный историк XIX в. Николай Иванович Костомаров писал о древних банях: «Русские вообще ходили в баню очень часто: она была первою потребностию в домашней жизни, как для поддержания чистоплотности, так и для какого-то наслаждения. Почти в каждом зажиточном доме была своя мыльня... сверх того для простонародия и для приезжих везде по городам существовали общественные, или царские, мыльни, где за вход платили деньги...

Обыкновенно ходили в мыльню после обеда, не страшась от этого вредных последствий. Жар был нестерпимый. На скамьях и полках постилалось сено, которое прикрывали полотном. Русский ложился на него и приказывал себя бить до усталости, потом выбегал на воздух и бросался летом в озеро или реку, подле которых обыкновенно строились мыльни, а зимою катался по снегу или обливался холодною водою на морозе. Всегда кто ходил в мыльню, тот и парился: это было всеобщим обычаем. В общественных мыльнях было два отделения: мужское и женское; они отделялись одно от другого перегородками, но вход и в то и другое был один; и мужчи-

ны и женщины, входя и выходя в одну дверь, встречались друг с другом нагишом, закрывались вениками и без особенного замешательства разговаривали между собою, а иногда разом выбегали из мыльни и вместе катались по снегу. В более отдаленную старину было в обычае и мужчинам, и женщинам мыться в одной мыльне... Баня была самым главным лекарством от всяких болезней: коль скоро русский почувствует себя нездоровым, тотчас выпьет водки с чесноком или перцем, закусит луком и идет в баню париться»*.

Поэтическое описание бани находим у Пушкина:

В чертоги входит хан младой,
За ним отшельниц милых рой,
Одна снимает шлем крылатый,
Другая — кованые латы,
Та меч берет, та пыльный щит.
Одежда неги заменит
Железные доспехи брани.
Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В ее серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны:
Разостлан роскоши ковер,
На нем усталый хан ложится,
Прозрачный пар над ним клубится.
Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
Вкруг хана девы молодые
В заботе нежной и немой
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез...
И жар от них душистый пышет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает
И в ароматах потопляет
Темнокудрявые власы...

По свидетельству В. Гиляровского, эти стихи навеяны Пушкину знаменитыми Сандуновскими банями, которые он посещал со своими друзьями в каждый свой приезд в Москву. «Поэт, молодой, сильный,

* *Костомаров Н.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. СПб., 1860. С. 98—100.

крепкий, «выпарившись на полке ветвями молодых берез», бросался в ванну со льдом, а потом опять на полок, где снова «прозрачный пар над ним клубится», а там «в одежде неги» отдыхает в богатой «раздевалке», отделанной строителем екатериновских дворцов, где «брызжут хладные фонтаны» и «разостлан роскоши ковер»...*

Гиляровский сообщает также о том, что любил баню и А. П. Чехов. «Антон, пойдем в баню», — зовет его, бывало, брат, художник Николай, весь измазанный краской. «Пошел бы... да боюсь... вдруг, как последний раз, помнишь, встретим Сергиенко... Я уж оделся, выхожу, а он входит. Взял меня за пуговицу и с час что-то рассказывал. Вдруг опять встретим? А я люблю Сандуны...»** Кстати, приведенный эпизод немало говорит и о характере самого Чехова, о его нелюбви ко всякой навязчивости, что, несомненно, важно и для понимания его литературного творчества.

Несколько оригинальных стихотворений посвятил бане ныне малоизвестный поэт XIX в. П. В. Шумахер, сам бывший большим любителем бани. «Мякнут косточки, все жилочки гудят, / С тела волглого окатышки бегут, / А с настреку вся спина горит, / Мне хозяйка смутны речи говорит. / Не ворошь ты меня, Танюшка, / Растомила меня банюшка, / Размягчила туги хрящики, / Разморила все суставчики. / В бане веник больше всех бояр, / Положи его, сухмяного, в запар, / Чтоб он был душистый и взбучистый, / Лопашистый и уручистый... / И залез я на высокий на полок, / В мягкий, вольный во малиновый парок. / Начал веничком я париться, / Шелковистым, хвостистым жариться».

П. В. Шумахеру принадлежат и следующие проникнутые тонким юмором строки, также приводимые Гиляровским: «Лишенный сладостных мечтаний, / В бессильной злобе и тоске / Пошел я в Волковские бани / распарить кости на полке. / Я свой заветный идеал — / Свободу, равенство и братство — / В торговых банях отыскал».

(«Торговые» — то есть общественные бани, посещение которых за определенную плату было доступно каждому, в отличие от бань частных, предназначенных для узкого круга. — *В. Ш.*)

Важную роль в поддержании здоровья в России играет *лес*. Прогулки в лесу, походы за ягодами и грибами сегодня стали для жителей городов одним из способов пополнения запасов духовной и физической энергии, одним из способов снятия напряжения и стрессов, которыми наполнена жизнь большого города. Конечно, хорошо бы иметь «под боком» море, и жители России при первой возможности устремляются на отдых к морскому побережью. Однако из-за удаленности от морей большой части территории России по-

* *Гиляровский В.* Москва и москвичи. М., 1968. С. 310—311.
** Там же. С. 295.

пасть к морю непросто. Во всяком случае, это требует гораздо больших финансовых затрат и времени, чем для живущих, например, в одной из стран Европы, где в большинстве случаев можно на машине за несколько часов доехать до морского побережья. Можно сказать, что лес в России выступает в рекреативной функции моря, то есть оказывается своеобразным заменителем моря, в том смысле, что, если невозможно побывать в лесу, городскому жителю просто нечем восстановить запасы растраченного здоровья.

Почему мы вообще отдыхаем на природе? Потому, что природа к нам безразлична, — заметил Ф. Ницше. Живя в обществе, человек постоянно испытывает давление со стороны общества. «Безразличие» природы освобождает от давления, умиротворяет. Но если природа к нам и равнодушна, то человек, разумеется, небезразличен, неравнодушен к природе. Подчас он может воспринимать ее как живое существо. Такое восприятие отчетливо выражено во многих произведениях русской культуры.

Не то, что мните вы, природа, —
Не слепок, не бездушный лик,
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык!

(Ф. И. Тютчев)

Напомним в этой связи, что одним из важнейших смыслов понятия философии Вл. Соловьева — понятия Софии — является одушевленность природы. София — живая душа природы, зримо или незримо присутствующая во всех ее творениях. Князь Андрей в «Войне и мире» Л. Толстого мысленно беседует со встретившимся ему на лесной дороге старым дубом, как с одушевленным существом. Герой В. Шукшина из «Калины красной» обращается к березкам, как к молодым девушкам, «невестушкам».

«Лес оказывал русскому человеку разнообразные услуги, — отмечал В. О. Ключевский, — хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом... Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки... Лес служил русскому человеку Фиваидской пустыней, убежищем от соблазнов мира. С конца XIV в. люди, в пустынном безмолвии искавшие спасение души, устремлялись в лесные дебри северного Заволжья, куда только они могли проложить тропу... По их следам шли крестьяне, и многочисленные обители, там возникшие, становились опорными пунктами крестьянского расселения, служа для новоселов и приходскими храмами, и ссудо-

дателями, и богадельнями под старость. Так лес придал особый характер северно-русскому пустынножительству, сделав из него своеобразную форму лесной колонизации»*.

Вместе с тем безотчетная робость овладевала человеком, когда он вступал под сумрачную сень леса. «Сонная, "дремучая" тишина леса пугала его; в глухом, беззвучном шуме его вековых вершин чуялось что-то зловещее; ежеминутное ожидание неожиданной, непредвиденной опасности напрягало нервы, будоражило воображение. И древнерусский человек населил лес всевозможными страхами. Лес — это темное царство лешего одноглазого, злого духа — озорника, который любит дурачиться над путником, забредшим в его владения»***. Многообразие восприятия леса российским человеком, несомненно, свидетельствует о той роли, которую он играл в его жизни. Именно поэзия леса наряду с особым лесным воздухом не в последнюю очередь способствует тому, что лес служил и продолжает служить источником духовного и физического здоровья россиян.

Важным способом поддержания здоровья и элементом бытового уклада в России является *спорт*. Россия является одной из тех стран, где спорт издавна приобрел широкую популярность. Вероятно, самым древним российским видом спорта были кулачные бои, устраивавшиеся зимой на льду замерзших рек и озер между двумя большими группами участников. Одним из первых видов спорта стала охота, когда она перестала быть добычей средств пропитания и приобрела характер удовольствия и состязательности. Собственно с охотой и связано появление в русском языке слова «спорт», которое было заимствовано из английского в середине XIX в. славянофилом А. С. Хомяковым и первоначально применялось именно к охоте. В конце XIX — начале XX в. в России получают широкое развитие такие виды спорта, как борьба, поднятие тяжестей, конькобежный и лыжный спорт.

Подлинный расцвет спорта относится к советскому времени. В 1952 г. Советский Союз впервые принял участие в Олимпийских играх в Хельсинки. Следующие Олимпийские игры в 1956 г. в Мельбурне ознаменовались подлинным триумфом советских спортсменов. С этого момента начинается длительный период доминирования советского спорта на мировой арене, завершившийся только в 80-х годах, после московской Олимпиады и последующих внутриполитических событий в Советском Союзе.

Главной причиной международных успехов советских спортсменов явилось возведение спорта в ранг одного из важнейших приоритетов государственной политики. Советское руководство раньше, чем

---

* *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1995. Кн. 1. С. 53.

** Там же. С. 53—54.

руководители других стран, осознало, что спортивные успехи являются важным критерием международного авторитета страны, существенно влияют на ее престиж в глазах мировой общественности. И хотя советской пропагандой успехи в спорте подавались как «успехи социализма», суть от этого не менялась: советские спортивные достижения способствовали престижу страны. Спорту уделялось значительное внимание на всех уровнях государственного управления.

Другая важная причина триумфа советского спорта состояла в том, что в стране удалось создать обстановку уважительного отношения к спорту и спортсменам. Занятие спортом стало признаком современного, «передового» человека, стало престижным и «модным». Этому способствовали средства массовой информации и вся партийно-государственная пропаганда. Неспортивный, пренебрегающий спортом человек нередко высмеивался. Напротив, подчеркивались положительные черты тех, кто занимался спортом. Такие произведения литературы и кино, как повесть Л. Кассиля «Вратарь республики», кинофильм «Первая перчатка» и другие сыграли огромную роль в популяризации спорта и спортивного образа жизни. Важная роль спорта подчеркивалась и парадом физкультурников, который предварял военные парады во время праздников 1 мая и 7 ноября. Большое внимание уделялось строительству спортивных сооружений, устройству спортивных площадок во дворах и парках, развитию массового и детского спорта — например, турниры «Золотая шайба» и «Кожаный мяч».

Не будет преувеличением утверждать, что феномен советского спорта во многом способствовал коренному пересмотру отношения к спортивным занятиям во всем мире. С конца 60-х — начала 70-х годов XX в. в мире происходит радикальный пересмотр роли спорта в общественной жизни. Правительства, общественность, деловые круги развитых стран Запада и Японии прилагают все больше усилий к развитию спорта, к достижению спортсменами своих стран максимальных успехов на международной арене. Приходит всеобщее осознание того, что международные успехи спортсменов способствуют повышению международного авторитета страны, а это, в свою очередь, ведет к росту доверия к ней в политической и экономической сферах. Все более глубоко осознается и роль спорта в повышении жизненного тонуса нации, в противостоянии унынию и застою, в формировании образа динамичного и энергичного человека, способного преодолеть любые трудности и готового побеждать.

В условиях современной России подъему спорта способствовало бы не только повышение внимания к нему органов государственной власти. Значительная роль должна принадлежать общественности, а также предпринимательским структурам. Нельзя ни в коем случае забывать, что спорт это «не просто спорт», в смысле занятий физическими упражнениями. Это школа духа и воли, один из важнейших факторов не

только физического, но и морального здоровья как отдельного индивида, так и всей нации. Культ спорта позволил бы в значительной мере компенсировать и преодолеть отрицательные последствия тех элементов российского быта, о которых речь пойдет ниже.

Одной из составляющих российского бытового уклада следует признать шумные *застолья*, сопровождающиеся обильным употреблением спиртных напитков, прежде всего водки. Не только ни один праздник не обходится без обильных возлияний, но нередко для них достаточно самого малозначительного повода. Водка, которая считается русским национальным напитком, несравнимо превышает по крепости и силе воздействия на человеческий организм вино или напитки, принятые на Западе, — виски, джин, ром и т. д. Надо заметить, что широкое распространение водки относится к сравнительно недавнему периоду русской истории. В Древней Киевской и Московской Руси водки не знали: главным спиртным напитком была медовуха, крепость которой не превышала 12—15 градусов. Достаточно привычной водка становится не ранее эпохи Екатерины Второй. Со второй половины XIX в. употребление ее возрастает настолько, что возникает реальная опасность массового пьянства. В конце того же века впервые создаются общественные организации, обеспокоенные распространением пьянства и направляющие свои усилия на борьбу против него. Сегодня широкое распространение пьянства в России является едва ли не общепризнанныи фактом. Однако некоторые авторы, как представляется, делают из него далеко идущие выводы и отваживаются на излишне смелые обобщения.

«Пьянство — наш коренной национальный порок и больше — наша идея-фикс, — писал в 1965 г. Андрей Синявский. — Не с нужды и не с горя пьет русский народ, а по извечной потребности в чудесном и чрезвычайном, пьет, если угодно, мистически, стремясь вывести душу из земного равновесия и вернуть ее в блаженное состояние. Водка — белая магия русского мужика; он ее решительно предпочитает черной магии — женскому полу. Дамский угодник, любовник перенимает черты иноземца, немца (черт у Гоголя), француза, еврея. Мы же, русские, за бутылку очищенной отдадим любую красавицу (Стенька Разин)»*. Думается, что, вопреки приведенному изречению, мотивы употребления спиртных напитков в России ничем принципиально не отличаются от соответствующих мотивов в других странах. Главные из них — отметить радостное или знаменательное событие, помянуть ушедших, скрасить горе, снять напряжение повседневности. И уж совсем абсурдно утверждать (как это делает автор приведенных слов), что в характере русского человека — предпочесть водку женс-

* *Синявский А. Д.* Мысли врасплох. В кн.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 664.

кому полу. Дело обстоит скорее наоборот — в народном сознании дамское угодничество, «донжуанство» идут в ассоциативной связке с любовью к крепким напиткам. Достаточно вспомнить, например, серию анекдотов о поручике Ржевском. Считать же, что Стенька Разин бросает княжну за борт, в «набежавшую волну», во имя бутылки водки, было бы кощунственным надругательством над смыслом народной песни и над образом народного героя.

Н. А. Некрасов писал о русском мужике: «Он до смерти работает, до полусмерти пьет». Даже в самых трудных обстоятельствах не пьянство, а работа стояли и стоят в России на первом месте. Пьянству же способствуют, как и повсюду в мире, безысходность, отсутствие перспектив, нищета, материальная и психологическая угнетенность. Немалую роль может сыграть неуверенность в собственных силах, отсутствие веры. Распространению пьянства способствует упаднический тон общественных настроений, ложь и лицемерие, идущие нередко с самых вершин российской государственной власти, скепсис в отношении ценностей духовного порядка. Сюда же можно отнести и романтизацию пьянства в некоторых произведениях литературы и кинематографии советского и особенно постсоветского периода. Такую романтизацию легко усмотреть и в приведенных выше словах А. Д. Синявского. Наконец, необходимо учесть, что как на уровне общества в целом, так и на уровне отдельного коллектива или небольшой компании знакомых всегда находятся те, кто стимулирует и поощряет пьянство в корыстных интересах.

В постперестроечные годы составной частью российского бытового уклада стала, к сожалению, *наркомания*. В 1999 г. в России насчитывалось около 1 млн наркоманов. Еще около 10 млн составляют группу риска. За годы так называемых «реформ» (с 1991 г.) наркомания среди подростков возросла в 20 раз! Половина подростков в возрасте до 18 лет пробовали наркотики.

Главная социальная причина столь широкого распространения наркомании состоит в политическом и экономическом курсе, проводимом руководством России и его олигархическим окружением. Обнищание и маргинализация населения — наиболее благоприятная почва для наркомании. Во всем мире основными потребителями наркотивов являются молодые люди из малообеспеченных семей. Богатеет же на их распространении небольшая кучка людей — наркодельцов, которые сами наркотиков не употребляют. Другой причиной явилась неготовность российского общества противостоять негативным внешним влияниям в условиях открытости в отношениях с внешним миром. Характерная для советского периода закрытость от остального мира («железный занавес») создавали внутри страны своего рода тепличные условия, «инкубатор». Проникновение всяких влияний извне было предельно ограничено препятствия-

ми формально-юридического, политического и идеологического характера. Открытостью постсоветского пространства не замедлили воспользоваться не только те, кто хотел заниматься честным бизнесом, но и те, кто решил погреть руки на культивировании человеческих пороков. К сожалению, в случае с наркоманией, как и в ряде других случаев, постперестроечная Россия заимствовала от заграницы не лучшее, а худшее. В известной мере это объяснимо, поскольку, как известно, плохое всеобще воспринимается легче и быстрее, чем хорошее. Это, разумеется, не снижает важности усиления постоянной борьбы с таким страшным общественным злом, каким является наркомания.

6. РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СУДЬБЫ

Под «философией индивидуальной судьбы» мы будем понимать здесь представление о жизни и смерти, о смысле различных возрастов, или периодов в жизни, — детства, молодости, зрелости, старости — и, в конечном итоге, представление о предназначении человека. Хотя человечество издревле занято поисками абсолютного смысла жизни, то есть такого смысла, который мог бы быть признан всеми людьми независимо от их национальной и религиозной принадлежности, однако в реальности в каждой национально-религиозной культуре существуют свои представления о смысле человеческого бытия. Свои представления имеются и о смерти, и об индивидуальной судьбе, и о различных ее этапах. Мы будем говорить о философии индивидуальной судьбы применительно к России, то есть попытаемся на основе разнообразных источников выявить наиболее характерные для российской цивилизации взгляды на рождение и смерть, на детство, молодость и старость, на смысл человеческого существования.

Особенности народного характера и менталитета ярко характеризуются определенным *отношением к смерти*. Смерть как переживание всегда является элементом человеческой жизни, активно влияющим на все ее остальные составляющие. Вместе с тем представители различных цивилизаций, как правило, по-разному воспринимают факт смерти, по-разному к нему относятся. Очевидно, нельзя отрицать того, что в самой природе человека заложено отношение к смерти как к факту трагическому. Тем не менее особенности той или иной цивилизации накладывают характерный отпечаток на это отношение.

«В нашей ментальности, несмотря на многовековые «усилия» христианства, — отмечает современная исследовательница, — сохранилось традиционное мировосприятие жителей греческих поли-

сов, где смерть воспринималась не как следствие телесности, но как следствие несовершенства человека, поэтому она — не радость и освобождение, но неотвратимый конец всего светлого, радостного, расцвеченного красками жизни»*. Действительно, можно, очевидно, с определенностью констатировать, что христианское понимание смерти не стало в России всеобщим, как не стало всеобщим понимание ее с позиций религиозного мировоззрения иных конфессий — ислама, иудаизма, буддизма. Характерное отношение к смерти, определяемое этими конфессиями, остается достоянием сравнительно узкого круга людей, являющихся строгими последователями данных религий во всем их объеме. Единственное, что прочно сохраняется от религиозного взгляда на смерть, это обрядовая сторона — процедура похорон, поминок и др. Эта сторона в значительной мере сохранялась даже в советское время, когда власть делала все от нее возможное, чтобы вытравить из сознания людей всякие следы традиционных религий. Попытка, например, в 20—50-е годы заставить воздвигать на могиле усопшего пятиконечную звезду не имела широкого успеха. В конечном итоге власть вынуждена была смириться с традиционно-религиозной формой похорон и со всем, что ей сопутствовало.

Не став всеобщим, христианское понимание смерти нашло свое отражение в трудах религиозных философов. Так, Сергий Булгаков в работе «Софиология смерти» подчеркивал сложность и принципиальную антиномичность христианского представления о смерти. С одной стороны, смерть — факт безусловно трагический. С другой — она есть освобождение от бренности земного существования, переход души в иное состояние — состояние несравненно более близкое к Богу, чем земное. Наконец, смерть антиномична в том смысле, что понятие смерти заключает в себе противоречие; оно не может быть помыслено не противоречиво. Следовательно, смерти в подлинном смысле не существует, ее нет. Это и подчеркивается фактом воскресения Христа, который «воскресе из мертвых, смертию смерть поправ». Отметим, что известный философ XIX в. П. Я. Чаадаев — мыслитель ярко выраженной христианской ориентации — отмечал, что «христианское бессмертие — это жизнь без смерти, а вовсе не жизнь после смерти»**.

Вместе с тем в христианском представлении отчетливо выражено почтение к смерти. Смерть — неопровержимое свидетельство телесности человека, его конечности. Смерть обнаруживает ценность жизни в ее определенных, ограниченных временем рамках. Смертность входит в само определение человека. Вл. Соловьев, критикуя идею

---

* *Ретюнских Л. Т.* Онтология игры. Дис. на соиск. уч. ст. докт. филос. наук. М., 1998. С 300.

** *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. В двух томах. М., 1991. Т. 1. С. 470.

Ф. Ницше о сверхчеловеке, подчеркивает именно этот факт*. В известной мере «человек» и «смертный» — синонимы. Но человек не хочет смириться с фактом смерти. Именно поэтому он жаждет бессмертия.

Французская писательница баронесса де Сталь, побывавшая в России в 1812 г., писала: «Правда, смерть не производит на русских особенно сильного впечатления, и, быть может, причиною тому бодрое настроение русских; быть может, их непостоянство; но долговременная печаль не в русском характере»**. Вероятно, баронесса хотя бы отчасти права: характерно российская бесшабашность сказывается и в отношении к смерти. О таком отношении свидетельствует и известная поговорка: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». Российское отношение к смерти родственно американскому. Во всяком случае, Джордж Сорос отмечает, что «американская культура характеризуется отрицанием смерти»***. Баронесса де Сталь, пожалуй, ошибалась в том, что печаль не является долговременным состоянием российского характера. Не печали, не грусти, а долговременного уныния — вот чего не встретишь в России.

Уныние? Оно недостойно человека.
Но я люблю грусть — эту задумчивую сестру
Размышлений и замыслов, —

писал в одном из стихотворений Степан Щипачев. Смерть не повергает российского человека в долговременное уныние. После краткого периода уныния, вызванного смертью, российский человек решительно возвращается к текущим делам и заботам.

На отношении к смерти сказывается, видимо, и то, что российский человек во все возрасты жизни сохраняет в себе элемент детства и молодости. Для молодости же характерно представление о смерти, как о чем-то далеком, касающемся не меня, а кого-то другого. В «Войне и мире» совсем еще молоденький Николай Ростов, оказавшись на поле сражения тяжело раненным, с ужасом открывает реальность смерти — не той смерти, о которой можно прочитать в книге, и даже не смерти родных и близких, а — своей смерти. «Я думаю, что молодость особо утопична потому, что она живет с закрытыми на смерть глазами, — писал Ф. Степун. — В так называемые «лучшие» годы нашей жизни смерть представляется нам бледною безликою тенью на дальнем горизонте жизни, к тому же еще и тенью, поджидающей наших отцов и дедов, но не нас самих. Этим

* См. *Соловьев В. С.* Идея сверхчеловека. Сочинения. В двух томах. М., 1990. Т. 2.
** Баронесса де Сталь в России. В кн.: Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 42.
*** *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 256—257.

чувством здешней бессмертности и объясняется прежде всего революционный титанизм молодежи, ее жажда власти и славы, ее твердая вера в возможность словом и делом, огнем и мечом изменить мир к лучшему — одним словом все, что характерно для вождей, диктаторов, героев-революционеров, чувствующих себя не смертными человеками, а бессмертными полубогами»*.

Российский марксизм стал верой совсем еще молодых людей. Отсюда — уверенность немалого числа большевиков первого призыва в том, что с началом «новой эры» очень скоро удастся найти эликсир бессмертия. В целом марксистско-ленинская идеология основывалась на забвении факта смертности человека, на игнорировании конечности человека. Мысль о том, что тело Ленина следует не предать земле, а сохранить для всеобщего обозрения в похожем на живого виде, отнюдь не случайна. Применительно к вождю смерть воспринималась как нечто совершенно невозможное, не вяжущееся с ним. В еще большей степени такое восприятие смерти проявилось при похоронах Сталина. Чуть ли не всеобщая паника, охватившая миллионы людей при известии о смерти Сталина, была вызвана не столько любовью к умершему, сколько потрясением фактом смерти того, кто так возвышался над обычными людьми, что, казалось, не мог быть подвержен обычным человеческим слабостям и недостаткам. Именно забвением конечности человека, его смертности, можно объяснить ярко выраженную в марксистской идеологии уверенность в безграничности возможностей отдельного индивида или поколения в короткие сроки радикально изменить мир и саму природу человека. Мысль же о смертности неизбежно удерживает от построения чрезмерно грандиозных планов и проектов, настраивает на размеренную и трудную работу в пределах ограниченности отпущенного на наш век времени. Древнее изречение «Помни о смерти!» имеет в виду именно эту ограничивающую функцию смерти, память о которой способствует ответственности, трезвости и реалистичности мышления.

Тем не менее очевидно, что *молодости* в российской ментальности нередко отдается приоритет по сравнению с другими возрастами жизни. Во всяком случае, в пользу такого вывода говорят произведения литературы и искусства как дореволюционного, так и советского периода. Главным действующим персонажем почти всегда является молодой человек, а люди более старшего возраста выступают в ролях второстепенных, составляют фон для молодых героев. Нередко произведение заканчивается на том, что молодые решают проблемы своего призвания, налаживают любовные отношения, женятся. На этом в произведении ставится точка, поскольку дальнейшее, то есть супружеская жизнь, обычное существование челове-

* *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М.—СПб., 1995. С. 292.

ка, связанное с работой, воспитанием детей и т. п., представляется неинтересным и как бы само собой понятным.

Следует вместе с тем отметить, что переход от молодости к *зрелости* отмечается обычно достаточно четко. «Первый тайм мы уже отыграли», — поется в известной песне А. Градского. Зрелость знаменует новое понимание жизни, когда ценится не только будущая перспектива, не только предстоящие свершения, но и уже прожитый отрезок жизни. Именно об этом говорит строка знаменитой песни Вахтанга Кикабидзе «Мои года — мое богатство».

А. П. Чехов в «Рассказе неизвестного человека» говорит устами своего героя: «Отчего мы, вначале такие страстные, смелые, благородные, верующие, к 30—35 годам становимся уже полными банкротами? Отчего один гаснет в чахотке, другой пускает пулю в лоб, третий ищет забвения в водке, картах, четвертый, чтобы заглушить страх и тоску, цинически топчет ногами портрет своей чистой прекрасной молодости?» Героев, утративших светлые идеалы юности, разочаровавшихся едва ли не во всем, не достигнув и тридцати лет, немало в русской литературе. Галерея знаменитых «лишних людей» в русской литературе XIX в. — это галерея тех, кто находится на пороге зрелости, ощутил на себе разочарование в идеалах юности и не видит перспектив приложения своих сил и энергии в зрелом возрасте. Их счет можно вести от Чацкого, Онегина, Печорина. Образы, подобные им, свидетельствуют, что ранняя растрата духовной энергии в молодости может привести к тому, что зрелость так и не наступит — место зрелости и возмужания занимают разочарование и апатия. В природе молодости заложены стремления, которые в зрелом возрасте неизбежно обнаруживают свою утопичность. Конечно, нельзя отрицать того, что социально-экономические и политические условия российской жизни нередко препятствовали самореализации людей талантливых и энергичных. Они оказывались невостребованными, «лишними». Однако переход от молодости к зрелости требует немалых усилий и от самого человека. Сколь благоприятными ни были бы социальные условия, ничто не может заменить усилий по внутреннему самоизменению личности. Для перехода к зрелости необходим мужественный отказ от свойственных молодости иллюзий, признание утопичности и нереалистичности многих планов, которые естественны для молодого возраста.

Зрелость связывается в российской ментальности прежде всего с переходом от юношеского максимализма к трезвому реализму. С. Булгаков характеризовал эти два состояния духа как «героизм» и «подвижничество». Героизм, согласно Булгакову, — это уверенность в том, что успех может быть достигнут посредством некоторого одномоментного акта, кратковременного предельного напряжения сил. Героизм часто не лишен театральности, элемента самолюбования.

Напротив, подвижничество — это непрерывный размеренный труд, порой невидимый для других, приносящий свои плоды не сразу, но прочно и навсегда. Подвижничество предполагает неизбежность повседневной рутины, понимание того, что без нее невозможны никакие серьезные достижения ни в социальном, ни в индивидуальном плане.

Вместе с тем в зрелости не исключено возрастание вкуса к жизни, еще более острое ощущение радости жизни. Замечательный русский поэт Алексей Фатьянов выразил это в одном из стихотворений, которое в песенном виде было исполнено столь же замечательной актрисой Людмилой Гурченко. «На что нам в жизни сетовать — / На то, что ночи длинные, / Еще полны рассветами / Те ночи соловьиные. / ...А сбудется, не сбудется, / Вовеки не забудется, / Когда проходит молодость, — / Еще сильнее любится!»

Зрелость ассоциируется с достижением жизненного успеха. Весьма популярна в России восточная поговорка о том, что достойно прожил жизнь тот, кто сумел сделать три вещи: посадить дерево, вырастить сына, убить змею. Успех — это уважение окружающих, это признание заслуг, общественное признание, слава. Неслучайно в России популярны торжественные юбилеи, начиная с 50-летнего возраста. Такие юбилеи в эпоху телевидения становятся моментами широкого общественного признания для юбиляра. Особенно излюбленными они являются среди деятелей культуры. Свидетельством жизненного успеха часто служит политическая карьера, что связано с тем, что политика в жизни российского общества всегда занимала исключительно важное место. Вообще, успех на поприще публичной деятельности — политики, искусства, журналистики и т. п. — оценивается в России гораздо выше, чем высокий профессионализм в непубличных сферах. Между тем именно высокая общественная оценка профессионализма, в том числе и того профессионализма, который не виден, не связан с постоянным мельканием не телеэкране, как ничто более стимулирует и сам профессионализм, и динамичное развитие общества.

Важным критерием зрелости в России служит и достижение материального достатка. К традиционным символам успеха — квартира, машина (в прошлом — роскошная тройка лошадей для выездов), дача — сегодня добавились компьютер, видеомагнитофон и т. п. Вряд ли следует видеть в стремлении к достижению материальной обеспеченности что-то негативное, противопоставляя ее «возвышенной духовности». Такое противопоставление хотя и характерно для целого ряда произведений русской общественной мысли, никогда, однако, не было всеобщим и массовым. Скорее оно принадлежит к числу тех предрассудков, по поводу которых напрасно ломают копья авторы, не желающие взглянуть на реальную жизнь, целиком замкнувшиеся в иллюзорном мире идеологий. Материальный доста-

ток, достигнутый трудом, талантом и энергией, в России всегда оценивался положительно.

Что же касается пресловутой зависти, якобы являющейся исконной чертой русского человека, то, во всяком случае, она не в меньшей степени присуща и западному образу жизни: достаточно взглянуть на поистине снедаемых этой страстью героев многих западных телесериалов. Верно то, что большевики искусственно нагнетали зависть в целях обострения классовой борьбы в дореволюционное время и в период коллективизации. Верно и то, что зависть является одним из наиболее распространенных человеческих пороков и в этом смысле вечным спутником человечества. Россия, конечно, не является исключением. Однако если, например, чиновник, получающий весьма скромную зарплату и не имеющий помимо нее никаких иных официальных доходов, вдруг начинает возводить роскошный особняк и приобретать дорогостоящие автомобили, то это не может не привлекать внимания окружающих. Такого рода факты вызывают не зависть, а вполне оправданно пробуждают чувство справедливости. Кстати, в западных странах они вызывают гораздо большее беспокойство, чем в России. Западный обыватель не видит ничего зазорного в том, чтобы сообщить о них прессе и полиции. И это для него вполне нормально, если учесть, что западный человек не видит ничего зазорного даже в том, чтобы мгновенно позвонить в полицию, сообщая о случайно замеченном им водителе, нарушившем правила дорожного движения. Таким образом, мнение об особой завистливости, якобы присущей русскому характеру, является не чем иным, как мифом для обывателя или заведомой ложью. Если что-то реальное и скрывается за всеми этими ложными рассуждениями, то это косвенное признание в российском характере отчетливого понимания принципа справедливости, который есть принцип воздаяния за добро и наказания за зло.

Переходя к еще одному возрасту жизни — *детству*, отметим прежде всего, что можно с достаточной степенью уверенности утверждать: для российского умственного воспитания характерно особое, трепетное отношение к детству. Детство — период хрупкости, незащищенности, символ чистоты, непорочности, непосредственной открытости миру. Сохранить в себе элементы детства даже в зрелом возрасте означает сохранить в себе детскую непосредственность и чистоту. В России определение «большой ребенок» не является абсолютно негативным. Неслучайно князь Мышкин — самый чистый и искренний из героев Достоевского — несет в своем характере отчетливые следы детскости. Доброе и ласковое отношение к детям служит одним из важнейших критериев доброты человека. Желая подчеркнуть доброту Алеши Карамазова, Достоевский показывает его любовь к детям. Практически все положительные герои русской и

советской литературы наделены любовью к детям, тогда как отрицательные — равнодушны, черствы, жестоки к ним. Помимо русской классики, достаточно назвать повесть Ч. Айтматова «Первый учитель», «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Республика Шкид» Леонида Пантелеева и другие.

Вероятно, проявление особо трепетного отношения к детству можно усмотреть и в том, что в России принято одевать детей в одежду, подчеркивающую их возраст. В западных странах детская одежда в большинстве случаев ничем принципиальным не отличается от взрослой: она является лишь уменьшенной копией одежды взрослых. Особый детский стиль одежды, принятый в России, призван, очевидно, подчеркнуть уникальность детства, его самоценность. Детство является не только подготовительной стадией к жизни взрослой, но имеет и самостоятельную ценность. Особый мир детства с неповторимой красочностью и теплотой, исключительной психологической точностью описан в первой части трилогии Л. Толстого «Детство. Отрочество. Юность».

Различные грани многообразного феномена детства раскрываются в произведениях отечественной литературы. Особую мудрость раннего детского возраста, исключительную детскую наблюдательность и восприимчивость и даже особый стиль детского мышления раскрыл Корней Чуковский в своей замечательной книге «От трех до пяти». Способность детей активно участвовать во взрослой жизни, в решении самых серьезных общественных проблем показана в произведениях А. Гайдара («Тимур и его команда», «РВС», «Мальчиш-Кибальчиш» и др.), А. Рыбакова («Кортик» и др.), В. Катаева («Белеет парус одинокий») и других отечественных авторов.

Особое место в русской литературе занимает тема несчастного детства. Эта тема, несомненно, является отражением реалий российской жизни, трагических страниц в истории России, трудностей российского бытия. Наиболее ярким примером решения темы несчастного детства является, конечно, известная повесть М. Горького. В этом произведении Горький заложил традицию социального подхода к причинам и обстоятельствам детских несчастий. Эта традиция во многом была унаследована последующими авторами. Несчастное детство — это следствие несправедливого общественного устройства. Таков основной мотив этой традиции. И этим она отличается от того, как решается эта тема в ряде произведений западной литературы. Так, в известной повести французского писателя Г. Мало «Без семьи» причина несчастий маленького героя — в роковом стечении обстоятельств, в плохих людях и т. д. В произведении нет и намека на несправедливость общественной системы.

Советская власть, пропагандистски обличая пороки дореволюционного общественного устройства, на практике восприняла от нее

жестокость в обращении с теми детьми, которые оказались лишенными родительской защиты и опеки. Более того, она возвела эту жестокость в ранг государственной политики. Это особенно характерно для 30-х годов. 7 апреля 1935 г. было принято постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», в котором ставилась задача «быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних». Несовершеннолетние, начиная с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечья и так далее, должны были привлекаться к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания, вплоть до расстрела. Очевидно, что никакими, даже самыми чрезвычайными обстоятельствами нельзя оправдать санкционированный государством расстрел детей. Можно не сомневаться, что такие расстрелы приняли массовый характер, поскольку беспризорность вследствие гражданской войны, голода, разорения крестьянства коллективизацией стала массовым явлением. Стаи беспризорных детей, сбившиеся в бандитские шайки под предводительством подростков или людей зрелого возраста, превратились в подлинный бич для многих городов страны, разрушая и без того едва упорядоченный ход жизни.

Конечно, во все времена в России находились люди, не утратившие чувства гуманности по отношению к детям, глубоко понимающие детскую психологию, готовые посвятить детям всю свою жизнь. В организованных советской властью колониях для беспризорных среди воспитателей было немало таких людей. Одним из наиболее ярких был А. Г. Макаренко, запечатлевший жизнь руководимой им колонии в знаменитой «Педагогической поэме» и повести «Флаги на башнях». Сегодня специалисты по детской психологии и педагогике ведут дискуссии относительно того, насколько правильным был метод Макаренко, насколько он способствовал воспитанию личности, готовил ли детей к взрослой жизни за пределами колонии и т. д. Однако личный подвиг педагога, сумевшего в неблагоприятных условиях сберечь детей, оградить их от развращающегося влияния улицы, воспитать уважение к труду и коллективу, вряд ли подлежит сомнению. Не подлежат сомнению и его любовь к детям, глубокая заинтересованность в их судьбе.

Не только трагизм, но и романтика беспризорности нашли отражение в повести Л. Пантелеева «Республика Шкид» и поставленном по ней кинофильме. Популярная песенка из фильма стала едва ли не народной:

По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла.
Ах зачем я на свет появился,
Ах зачем меня мать родила!

Несмотря на все тяготы, детство остается детством, тем незабываемым периодом, который навсегда остается в памяти: «Все мы родом из детства». Детство освещает всю последующую жизнь, во многом определяет ее смысл и направленность. Очевидно, в любом возрасте человек испытывает потребность хотя бы мысленно вернуться в детство, чтобы почерпнуть в нем заряд духовной энергии, сделать текущую жизнь более осмысленной и наполненной. Как показано современной исследовательницей, идея возвращения в детство является одной из сквозных для творчества писателя Владимира Набокова*. Неоднократные возвращения в детство, по мысли писателя, являются условием осмысления жизни на всех ее этапах. При этом условии становится возможным отыскать то, что чрезвычайно трудно уловимо, не поддается однозначным формулировкам и называется «*смыслом жизни*».

Современный отечественный философ Ю. Н. Давыдов отмечает: «*Представление об осмысленности жизни дается человеку как награда за серьезное к ней отношение.* Человек, всерьез стремящийся воздать своей жизни за то благо, — бытие, которое получил вместе с нею, сам того не замечая, приходит к нерушимому убеждению в осмысленности жизни»**. Все крупнейшие отечественные мыслители ставили перед собой задачу ответить на вопрос о смысле жизни. В. Белинский и А. Герцен, Н. Чернышевский и В. Соловьев, Л. Толстой и Ф. Достоевский, С. Франк и Н. Бердяев, С. Булгаков и Б. Вышеславцев, М. Горький и А. Чехов, как и многие другие философы и писатели, настойчиво искали смысл человеческого бытия. Можно вполне определенно констатировать, что напряженность поиска смысла жизни является одной из характерных черт русской культуры. В том же ряду стоит напряженность искания Бога, столь же характерная для русской культуры. Вопрос о Боге и вопрос о смысле индивидуальной человеческой жизни нередко оказывались тесно связанными между собой, превращаясь в две стороны одной и той же проблемы.

Разумеется, в произведениях русских мыслителей представлен широкий спектр разнообразных решений столь сложного вопроса. Вместе с тем можно выделить некоторые общие идеи, разделяемые большинством отечественных авторов, несмотря на отчетливо выраженное несходство их концепций в целом. Эти общие идеи тесно связаны с общим духом русской культуры. В той или иной степени они нашли свое отражение и в народной ментальности. К числу таких общих идей следует отнести, прежде всего, масштабность по-

---

* См. *Югай А.* Идея вечного возвращения в творчестве В. Набокова. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1997.

** *Давыдов Ю. Н.* Страх смерти и смысл жизни. В кн.: Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993. С. 417.

становки вопроса. Ни один русский мыслитель не замыкал вопрос о смысле жизни узкими рамками индивидуального бытия. Смысл жизни тесно связывался ими с судьбами России и человечества в целом, со всемирной историей, с природой и мирозданием. Человек может обрести смысл своего индивидуального существования только в широком контексте смысла существования человечества — такова мысль, которую следует признать весьма характерной практически для всех крупных отечественных авторов.

В тесной связи с ней находится другая: смысл жизни не может быть постигнут на путях эгоистического самоутверждения. Категорическое осуждение эгоизма свойственно всей отечественной культуре. Оно без труда обнаруживается в произведениях всех крупнейших мыслителей. Однако осуждение эгоизма весьма редко сопровождается безоговорочным принятием противоположной позиции — альтруизма, согласно которому жить следует исключительно для других, во имя других. Русские мыслители в большинстве случаев ищут некоторую среднюю позицию. Ранее мы обозначили ее как «персонализм». Эгоизм и альтруизм — два полюса, две крайние точки, между которыми и располагается характерно российское понимание смысла жизни.

Наконец, еще одну характерную российскую черту можно усмотреть в понимании смысла жизни как некоторого интегративного итога всей жизни человека. Российскому менталитету мало свойственна «арифметика заслуг», согласно которой на одну чашу весов следует положить достижения, на другую — ошибки и прегрешения и посмотреть, которая перевесит. Такого рода «бухгалтерия» популярна у российской бюрократии. При подходе же к столь глубокому мировоззренческому вопросу, как смысл жизни, в большинстве случаев под ним понимается та главная направленность, которая задает и определяет все стороны жизни и все ее этапы. Это означает, что осмысленность жизни предполагает, что в жизни человека должна присутствовать и присутствует некоторая сквозная идея, пронизывающая все ее проявления, возвышающая и освящающая их.

В советское время хрестоматийным стал знаменитый фрагмент из «Как закалялась сталь» Н. Островского: «Жизнь дается человеку один раз. И прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за мелочное и подленькое прошлое, чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному на свете — борьбе за освобождение человечества». Это, конечно же, формулировка смысла жизни, в которой без труда обнаруживаются некоторые из отмеченных выше черт. Предельно ярко выраженный в ней альтруизм не может не вызывать чувства благоговения и преклонения, как не могут не вызывать этих чувств судьба Н. Островского и его героя. Здесь ярко выражена и характерно отражена российская масштаб-

ность в понимании индивидуального смысла жизни — забота о спасении не больше не меньше, как человечества в целом. Тем не менее идею Островского следует считать лишь одним из проявлений, причем не столь уж часто встречающимся (что не умаляет ее достоинства), российского понимания смысла жизни. В этой идее сформулирован один из полюсов, тогда как наиболее характерным является то, что располагается в промежутке между полюсами: российскому человеку в среднем свойственно стремление не только не быть эгоистом, но и не быть абсолютным альтруистом.

Следует также отметить, что чрезмерное возвеличивание борьбы неминуемо ведет к принижению творчества, созидания. Борьба, какие бы благородные цели она ни преследовала, сама по себе ничего не создает; она всегда есть борьба за передел данного, наличного, созданного ранее. Установка на борьбу неизбежно умножает общественные раздоры и разлады. Чрезмерное преувеличение борьбы нанесло и продолжает наносить огромный ущерб российскому обществу, препятствовать общественной консолидации и солидарности. Мнение о том, что борьба, а не созидательная деятельность является главным призванием человека, подпитывает общественное недоверие. Именно с распространенностью этого мнения связан, в частности, тот низкий уровень межличностного доверия, который характерен для длительного периода российской истории.

В российском понимании смысла жизни находят свое место и стремление к материальному благополучию, и жизненный успех, и любовь, и чувственные удовольствия, и удовольствие, получаемое от занятием любимым делом, будь то профессия или хобби, и счастье в семейной жизни, и радость рождения и воспитания детей, и подлинная дружба, свободная от корыстолюбия и расчета. Все элементы смысла жизни являются одновременно и элементами человеческого счастья. Сказанное еще раз свидетельствует о надуманности представления о некой особой «экзотичности» российского склада души, как бы эта экзотичность ни понималась — в духе ли самодовольного превосходства или же самоуничижительного покаяния.

Старость в России понимается как такой период жизни, главное предназначение которого состоит в передаче жизненного опыта молодому поколению. Пожилой человек активно участвует в жизни главным образом постольку, поскольку озабочен проблемами жизни детей и внуков. Такое понимание отлично от западного, где старость — это период отдыха от забот, период, когда, наконец, можно посвятить львиную долю времени самому себе. Западные старики — это туристы, путешественники, посетители кафе, театров и т. п. Для Запада совсем не типичен, например, образ бабушки, воспитывающей внуков, посвящающей им свое основное время, отдающей им все свое тепло и заботу. Для России же это вполне типичное явле-

ние. Вообще, мудрая воспитательница, заботливая няня в российской традиции — это почти всегда старушка, а не молодая женщина. Такое представление настолько укоренилось, что, например, знаменитая Арина Родионовна, няня Пушкина, нередко воспринимается как женщина преклонных лет. А ведь в период детства Пушкина она была еще совсем молодой женщиной!

Вместе с тем участие пожилых людей в жизни молодых, как правило, носит ограниченный характер. Этим оно отличается от традиционного участия стариков, принятого у кавказских народов. На Кавказе, в том числе в той его части, которая входит в состав современной России, старейшины часто принимают решения, касающиеся самых важных вопросов текущей жизни. При этом принятое ими решение обладает наибольшим весом и авторитетом. В остальных же российских регионах более важным является прошлый опыт стариков, опыт их жизни. Этот опыт передается главным образом через рассказы пожилых людей о пережитом. Неслучайно в советское время стали особенно популярными встречи ветеранов Великой Отечественной войны с молодежью и школьниками. Не потеряли они свое значение и в постперестроечный период.

Очевидно, российское восприятие старости сложилось не в последнюю очередь под влиянием опыта православного старчества. Основателем православного старчества принято считать святого XVIII в. Паисия Величковского. Особое развитие старчество получило в Оптиной пустыни — монастыре в Калужской губернии, близ города Козельска. Старцы Оптиной пустыни стали особенно почитаемы в народе во второй половине XIX в. К ним со всей России стекались тысячи людей в поисках духовного просветления, а порой — ответа на самые житейские вопросы. Для общения со старцами Оптинский монастырь посещали и многие известные деятели культуры того времени, например В. Соловьев и Ф. Достоевский.

ЛИТЕРАТУРА

Анненков П. В. Пушкин в александровскую эпоху. Общественные идеалы Пушкина. Минск, 1998.

Бердяев Н. А. Душа России. М., 1990.

Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991.

Бердяев Н. А. Русская идея. В кн.: О России и русской философской культуре. М., 1990.

Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990.

Булгаков С. Православие. Очерки учения православной церкви. М., 1991.

Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. (Репринтное воспроизведение издания 1909 г.).

Вехи: pro et contra. СПб., 1999.

Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 1968.

Гоголь Н. В. Духовная проза. М., 1992.

Давыдов Ю. Н. Страх смерти и смысл жизни. В кн.: Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993.

Достоевский Ф. М. Записки из подполья. Соч. Т. 5.

Жид А. Возвращение из СССР. В кн.: Два взгляда из-за рубежа. Переводы. М., 1990.

Интеллигенция. М., 1995.

К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Сборник статей под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М., 1999.

Кара-Мурза С. Г. Интеллигенция на пепелище России. М., 1997.

Леонтович В. В. История либерализма в России. М., 1995.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. Т. 2.

Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994.

Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.

Магарил С. А. Интеллигенция и будущее России // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 1999. № 6.

Мандельштам О. Сочинения. В двух томах. М., 1990. Т. 2.

На перепутье (Новые вехи). Сборник статей под редакцией А. С. Панарина, А. И. Уткина, В. Г. Федотовой. М., 1999.

Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д. С. Львова. М., 1999.

Пушкарев Б. С. Россия и опыт Запада. М., 1995.

Пушкин А. С. Письмо П. Я. Чаадаеву // Русская идея. М., 1990.

Пушкин в русской философской критике. Сб. статей под редакцией Р. А. Гальцевой. М., 1990.

Розанов В. В. Сочинения. Л., 1990.

Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990.

Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения (1990). В кн.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997.

Солженицын А. И. Образованщина. В сб.: Из-под глыб. М., 1974.

Соловьев В. С. Соч. В двух томах. М., 1990. Т. 1.

Соловьев В. С. Идея сверхчеловека. Соч. В двух томах. М., 1990. Т. 2.

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся, М:—СПб., 1995.

Страда В. В свете конца, в предвестии начала // В раздумьях о России. XIX век. М., 1996.

Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

Толстой Л. Н. Путь жизни. М., 1993.

Федотов Г. П. Письма о русской культуре. В кн.: Русская идея. М., 1992.

Флоренский П. Соч. В двух томах. Т. 1 (1).

Франк С. Л. De profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991.

Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель / Пушкин в русской философской критике. М., 1990.

Франк С. Л. Смысл жизни. В кн.: Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.

Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия / *Юркевич П. Д.* Философские произведения. М., 1990.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем отличие идеи полного подчинения личности обществу от идеи общественного служения?

2. Какая идея, по вашему мнению, более характерна для российского менталитета — идея общественного служения или идея неслужения?

3. Каковы причины того, что почти весь XX в. прошел в России под знаком подчинения личности общественному целому (государству)?

4. Как понимали выдающиеся русские мыслители значение личности? Приведите высказывания Пушкина, Достоевского, Вл. Соловьева, Н. Бердяева и других на эту тему.

5. Какова, по мнению выдающихся отечественных философов и писателей, общественная роль личности?

6. Каковы исторические корни распространенности неуважения к жизни и достоинству личности?

7. С какого времени и кем из отечественных мыслителей начинается русская интеллигенция?

8. Какие черты отличают российскую интеллигенцию от интеллектуалов Запада? Насколько значительны эти отличия?

9. Кого следует включать в интеллигенцию? Все ли выдающиеся деятели российской культуры разделяли убеждения основной массы интеллигентов?

10. Какие достоинства отличали дореволюционную российскую интеллигенцию?

11. Почему ошибочно суждение о «пропасти» между интеллигенцией и народом?

12. В чем состоит общественное призвание интеллигенции? Почему обществу необходима духовно-культурная элита?

13. Каковы характерные черты духовно-культурной элиты согласно Пушкину, Ортеге-и-Гассету, Г. Федотову?

14. В чем значение существования независимого общественного мнения? От кого и от чего оно не должно зависеть?

15. Кому принадлежит суждение «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»? В чем его ошибочность?

16. Что означают выражения Вл. Соловьева «гипнотики индивидуализма» и «гипнотики коллективизма»?

17. Разъясните смысл понятий «стадность», «коллективизм», «соборность». Почему именно соборность, понятая в общечеловеческом смысле, может быть идеалом для межличностных отношений?

18. Что означает «коммюнотарность» российского человека? Кто автор понятия коммюнотарности?

19. В чем смысл бытовой и нравственной свободы в России? В чем она выражается?

20. В чем выражается характерно российское стремление не выпячивать своего «я», но и не растворять его в окружающих?

21. Чем определяется уровень межличностного доверия? В какие периоды российской истории он был наиболее высоким и наиболее низким?

22. На чем основано мнение о чрезвычайной душевности русского человека? Насколько оно верно?

23. В чем преимущества сдержанной манеры общения в условиях городской цивилизации?

24. Какими факторами определяются особенности бытового уклада той или иной страны?

25. В чем опасности маргинализации общества?

26. Какова средняя обеспеченность жильем в России? В чем причины отставания России по этому показателю от многих стран мира?

27. Охарактеризуйте экологическую обстановку в России в сравнении с другими странами.

28. Каковы первоочередные задачи по обустройству жизни в России? Чем они определяются?

29. Какие черты характеризуют праздники в России?

30. Каковы характерно российские способы поддержания здоровья? Кто из российских поэтов воспел русскую баню?

31. В чем состоят рекреативные функции леса в России?

32. Почему для физического и морального здоровья нации важны ее спортивные достижения на международной арене?

33. Что можно сказать о российском пьянстве?

34. В чем особенности российского восприятия различных возрастов жизни: детства, молодости, зрелости, старости?

35. В чем особенности российского отношения к смерти?

36. Как можно охарактеризовать российские представления о смысле жизни? Как соотносятся в нем понятия эгоизма и альтруизма?

Глава 10

РЕЛИГИИ И ВЕРОВАНИЯ В РОССИИ

1. *Общая характеристика религиозности в России.*
2. *Многообразие конфессий.*
3. *Историческая роль православия.*
4. *Религия как нравственный регулятор жизни в России.*
5. *Русское религиозное искусство.*

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЛИГИОЗНОСТИ В РОССИИ

В 1988 г. было отмечено 1000-летие крещения Руси. Торжества прошли в Москве и других городах страны. Однако вряд ли можно утверждать, что они вызвали всеобщий интерес и повышенное внимание. Число людей, принявших знаменательное событие близко к сердцу, глубоко понимающих историческое значение факта вступления России на путь православной веры, не было значительным. Еще более незамеченным для массы населения осталось празднование в 1989 г. столь же важного для России события — 1100-летия принятия ислама волжскими булгарами и 200-летия Духовного управления мусульман.

Долгие десятилетия политики советского государственного атеизма наложили свой отпечаток на сознание людей. Эта политика не столько достигла поставленной цели — воспитать атеистическое мировоззрение, — сколько способствовала утрате исторической памяти, забвению древних традиций и истоков. Поэтому ведущий телевидения Л. Парфенов, повествуя о событиях 1988 г., а в их числе о торжествах в честь тысячелетия Руси, лишь с небольшой долей преувеличения мог сказать: «В 1988 году нам объявили, что мы православные».

Очевидно, что религиозность в России — величина переменная. В постперестроечный период число верующих людей возросло до 50—60%, тогда как в последние годы советской власти опросы давали ничтожные цифры считающих себя верующими, и немногие действующие церкви, мечети и синагоги посещали лишь небольшие

группы старушек и стариков. Если бы социологические опросы проводились в дореволюционной России, то вполне очевидно, что подавляющее большинство населения, несомненно, признало бы свою принадлежность к той или иной конфессии, хотя в непосредственно предреволюционные годы все более ощутимым становилось и влияние атеизма. Однако несмотря на столь значительные колебания, можно выделить факторы длительного действия, характеризующие особенности религиозности в России. Показательным в этом смысле является и сам факт колебаний, и их диапазон — от всеобщей религиозности в XIX в. и ранее до почти всеобщей безрелигиозности в советское время. Насколько в действительности склонен к религии народ России?

Славянофилы, Гоголь, Достоевский и другие отечественные мыслители были убеждены в глубокой и органической религиозности русского народа. Широко известно утверждение Достоевского, что русский народ есть народ-«богоносец». Н. О. Лосский отмечал: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием»*. Представители этой точки зрения видели в православии русского народа залог великого будущего России. Противоположный ответ на поставленный вопрос характерен для таких мыслителей, как Белинский, Чернышевский, Герцен и ряд других.

Весьма показательна в этом отношении известная полемика В. Г. Белинского с Н. В. Гоголем, развернувшаяся в связи с публикацией гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями». В этой работе Гоголь настаивал на глубокой религиозности русского народа, подчеркивал положительное значение православия для российского общества. Белинский в знаменитом «Письме к Гоголю» от 3 июля 1848 г. остро полемизировал с Гоголем, в частности, по вопросу о религиозности русского народа. Он писал: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь. Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх Божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, а не годится — горшки покрывать.* Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубокоатеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... Религиозность не привилась в нем даже духовенству, ибо несколько отдельных исключительных личностей, отличающихся тихою холодною аскетическою созерцательностью, ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическим педантством да

* *Лосский Н. О.* Характер русского народа. Кн. 1. Посев. 1957. С. 5.

диким невежеством... Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных по своему духу массе народа и столь ничтожных перед нею численно»*.

Тем не менее господствующая точка зрения продолжала относить подавляющее большинство русского народа к людям глубоко религиозным, православно-христианским. Поэтому перемена, происшедшая в послереволюционные годы, не могла не восприниматься как разительная и труднообъяснимая. «Русский народ оказался вдруг нехристианским...»**, — с горечью отмечал религиозный мыслитель С. Н. Булгаков. Вряд ли следует объяснять утрату религиозности только лишь жестокими репрессиями советской власти в отношении Церкви. Массовые казни священников, разрушение храмов, репрессии в отношении верующих, массированная антирелигиозная пропаганда — все это, разумеется, сыграло свою роль в разрушении прежней религиозности. Однако следует принять во внимание и еще один важнейший фактор — значительный рост атеистических и антицерковных настроений в дореволюционной период.

Корни российского атеизма связаны с воззрениями образованных людей (интеллигенции) середины XIX в. Для этих воззрений был характерен культ науки (естествознания), преувеличенные упования на достижения техники. В глазах образованных молодых людей наука и техника выглядели теми магическими средствами, которые станут волшебным ключом для решения всех общественных и человеческих проблем. Формирование взглядов русской интеллигенции второй половины XIX — начала XX в. происходило в условиях стремительного крушения религиозных убеждений. Многие образованные люди, порвав с религиозным мировоззрением, не успевали обрести твердую духовную опору в рамках нового для себя секуляризованного мировоззрения. Новые взгляды нередко складывались как результат экзальтированности и впечатлительности. На эту сторону обратил внимание философ XX столетия Г. П. Федотов, который, в частности, писал: «Чудеса науки и техники действовали неотразимо на детские умы, вчера еще жившие верой в чудотворные иконы и мощи»***.

«Нет интеллигенции более атеистической, чем русская, — отмечал в 1909 г. С. Н. Булгаков. — Атеизм есть общая вера... И так повелось изначала, еще с духовного отца русской интеллигенции Белинского. И как всякая среда вырабатывает свои привычки, свои верования, так и традиционный атеизм русской интеллигенции сде-

---

* *Белинский В. Г.* Избранные философские произведения. В двух томах. М., 1948. Т. 2. С. 516—517.

** *Булгаков С. Н.* Соч. В двух томах. М., 1993. Т. 2. С. 609.

*** *Федотов Г. П.* Письма о русской культуре // Русская вера. М., 1992. С. 408.

лался как бы само собой разумеющеюся ее особенностью, о которой даже не говорят, признаком хорошего тона. Известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма и отрицания»*. Безрелигиозность и атеизм российской интеллигенции второй половины XIX — начала XX в. в конце концов передался широким народным массам. Этот факт, кстати, можно рассматривать как еще одно свидетельство значительности общественной роли интеллигенции, которую мы рассматривали в главе 9.

Противопоставляя атеизму значительной части российской интеллигенции положение дел в Европе, Булгаков отмечал, что «западноевропейская культура... имеет религиозные корни, построена на религиозном фундаменте, заложенном средневековьем и реформацией... Нельзя отрицать, что реформация вызвала огромный религиозный подъем во всем западном мире, не исключая и той его части, которая осталась верна католицизму, но тоже была принуждена обновиться... Новая личность европейского человека... родилась в реформации... политическая свобода, свобода совести, права человека и гражданина были провозглашены также реформацией (в Англии); новейшими исследованиями выясняется также значение протестантизма... и для хозяйственного развития, при выработке индивидуальностей, пригодных стать руководителями развивавшегося народного хозяйства. (Имеется в виду работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». — *В. Ш.*) В протестантизме же преимущественно развивалась и новейшая наука, и особенно философия»**.

Следует признать, что западная культура, действительно, редко забывала свои христианские корни. Поэтому западный атеизм в большинстве случаев изначально носил более «мягкий» характер, не был столь агрессивным, как атеизм российский. Так, французский мыслитель Вольтер, выражая свое отрицательное отношение к католической церкви, выступая против ее всевластия, призывал: «Раздавите гадину!» И тот же Вольтер выступал в защиту христианской веры, понимая, что именно христианство лежит в основе западной цивилизации, составляет фундамент утвердившихся в Европе нравственных норм. Широко известно его изречение о том, что если бы религии не было, ее надо было выдумать. Вся западная философия, включая философию XX в., в той или иной форме признает свою связь с фундаментальными идеями христианства. Исключение составили воззрения Маркса и Энгельса, Бюхнера, Моллешотта и неко-

---

* *Булгаков С.* Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 34.

** Там же. С. 37.

торых других, которые, впрочем, либо быстро теряли свое общественное влияние, либо подвергались трансформации («ревизии» — по большевистско-ленинской терминологии) в духе общего настроя западной культуры.

Косвенным показателем относительно неглубокой христианизации дореволюционного российского общества является тот факт, что в России не получили сколько-нибудь значительного влияния политические партии христианской ориентации, тогда как в Европе партии христианских демократов с конца XIX в. (то есть с момента своего возникновения) и по сей день весьма влиятельны и авторитетны. Именно христианско-демократические партии стали теми силами, которые вывели Германию и Италию из послевоенного кризиса XX в., возглавили процесс реконструкции и возрождения, открыли путь к стабильности и процветанию. Попытки создания в России партий, аналогичных западной христианской демократии, имели место как в дореволюционный период, так и в новейшей, постсоветской России, однако не увенчались успехом. Во всяком случае, ни одной из партий открытой христианской ориентации, возникших после 1985 г., не удалось стать массовой и влиятельной.

Согласно данным социологических исследований, на 1991 год в Советском Союзе убежденных атеистов было всего 16%, вредным предрассудком религию считали лишь 2%. По сравнению с доперестроечным периодом численность относящих себя к верующим резко возросла и составила приблизительно 45%. В последующие годы число верующих продолжало возрастать.

Рост религиозности в постперестрочные годы «очевидно, является результатом распада существовавшей системы ценностей и заполнением того вакуума, который образовался на месте коммунистической идеологии и ее эрзацев. Хотя основная масса населения перестала, очевидно, искренне разделять коммунистические идеалы по крайней мере с конца 60-х годов, но такая ситуация до последнего времени не приводила к формированию полнокровных массовых идеологических альтернатив, ибо система подавления и идеологического контроля препятствовала свободным идейным поискам. Смутное неприятие официальной идеологии не приводило к возникновению полнокровных идеологических альтернатив. В короткий срок после 1985 г. эта система разрушилась»*.

Вместе с тем данные социологических опросов свидетельствуют о частых случаях невежества в религиозных вопросах. Так, немалое число людей, считающих себя верующими, весьма смутно представляют различия между конфессиями, в частности, между православи-

* *Бызов Л., Филатов С.* Религия и политика в общественном сознании советского народа. В кн.: Религия и демократия. На пути к свободе совести. М., 1993. С. 12.

ем, католицизмом и протестантским направлениями. Не видя таких различий, они предпочитают именовать себя «просто христианами» или «христианами вообще». В ряде случаев отсутствие элементарных представлений о крупнейших религиозных конфессиях является столь вопиющим, что влечет за собой распространение совершенно нелепых искажений. К примеру, Е. Пазухин утверждает, что не столь уж редко можно услышать «трогательную историю о простом русском мужике «Хрестосе», который пошел проповедовать жидам нашего «русского православного Бога», за что они его и распяли. (Это — не фантазия. Такая легенда действительно бытует в народе.)»*. Не мог не поразить и показанный в 1999 г. по телевидению эпизод подготовки российских солдат к участию в миротворческой миссии в Боснии, в котором военный инструктор объяснял солдатам религию сербов. Из его слов выходило, что сербы исповедуют какую-то разновидность язычества, к которому, впрочем инструктор относил едва ли не все существующие религии. Видимо, он даже не подозревал, что Сербская Православная церковь издавна является едва ли не самой близкой к Русской церкви, и поэтому сербов в России всегда считали братским народом. Так же относились на протяжении своей истории и продолжают относиться к русским сербы, не раз обращавшиеся за помощью к России. Как известно, именно стремление России защитить братскую православную Сербию и стало одной из причин Первой мировой войны.

Впрочем, исторические свидетельства говорят о том, что невежество в религиозных вопросах не есть черта, приобретенная только в годы советского государственного атеизма. Она издавна свойственна немалой части российского населения. Долгие годы государственного атеизма, несомненно, способствовали еще большему невежеству в делах веры. Однако не редким оно было и в дореволюционной России. Это констатируют многие исследователи российской религиозности, в том числе и церковные авторы. Один из них, иеромонах Иоанн (Кологривов), приводит факт, относящийся к XVIII в. Прибыв в Воронеж в 1763 г., Тихон Задонский, впоследствии канонизированный Русской православной церковью, обнаружил во вверенной ему епархии «полное расстройство» церковной жизни: «Воронежские пастыри и пасомые были очень далеки от того, чем они должны были бы быть. ...Священники не только не знали богослужений, но не умели бегло читать и писать и не имели Евангелия... Нравственный уровень духовенства также заставлял желать лучшего. Нерадение в мыслях, словах и делах о спасении душ, им порученных; обычай напиться допьяна по праздникам; небрежное приготов-

* *Пазухин Е.* Пути «религиозного ренессанса». В кн.: Религия и демократия. На пути к свободе совести. М., 1993. С. 66.

ление себя к совершению Таинств; незнание песнопения и богослужений...»*

Здесь уместно вспомнить, что «история России есть история страны, которая колонизуется» (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский). За сравнительно короткий срок — два с половиной века — территория страны увеличилась в 36 раз. Христианское просвещение едва успевало за столь быстрым вовлечением в орбиту России все новых территорий с разнообразным этническим составом населения, с господствующими в его среде дохристианскими культами. В факте столь стремительного территориального расширения можно усмотреть одну из объективных причин трудностей распространения христианства в России. Сравнительно немногочисленным хорошо подготовленным христианским пастырям приходилось порой в одиночку противостоять огромной массе людей, не имеющих представления о христианстве. Вновь освоенные территории отличались крайне пестрым составом населения, неукорененностью переселенцев на новых территориях и в связи с этим отсутствием сложившегося прочного нравственно-бытового уклада.

Именно с такой ситуацией сталкивались многие христианские пастыри, в том числе и Тихон Задонский: «Его епархия была в то время одной из самых обширных в России и весьма трудной для управления. За последние 80 лет население ее стало смешанным: казаки, украинцы, бывшие крепостные люди, бежавшие от господских наказаний, великороссы, перемещенные из Центральной России для защиты от татарских набегов, бродяги. Весь этот люд жил на берегах Дона в атмосфере беспорядков и распущенных нравов, с которыми Тихону приходилось бороться в течение всего срока его епископства»**. В Воронеже «кроме празднования масленицы, сопровождаемого пьянством и бесчинствами, на глазах благосклонного духовенства праздновался языческий праздник Ярило, праздник бога плодородия. Одним из обрядов этого праздника были неистовые пляски толпы под предводительством юноши в бумажном колпаке, украшенном бубенцами, лентами и цветами, с набеленным и нарумяненным лицом, изображавшего собою Ярило. Тихон решил раз и навсегда покончить с этим бесчинством. 30 мая 1765 года в самый разгар безобразия неожиданно появился на площади Святитель и, грозно обличая «смердящий» праздник, угрожал отлучением от церкви. Он говорил с такой пророческою силой и пламенной убедительностью, что в один миг, тут же, на глазах Святителя толпа разнесла в щепки балаган и лавчонки и

* Очерки по истории русской святости. Составил иеромонах Иоанн (Кологривов). Брюссель, 1961. С. 313.

** Там же. С. 311.

чинно разошлась по домам. Ряженый юноша в испуге бежал, и с тех пор праздник Ярило больше не повторялся в Воронеже»*.

Описанная картина относится к середине XVIII в., то есть, если считать от 988 года, — к концу восьмого (!) столетия существования христианства в России. Однако на большинстве ее территорий христианская вера насчитывает гораздо меньший срок, поскольку пришла гораздо позже — только тогда, когда эти территории прочно вошли в состав российского государства. Значительность миграционных процессов, характерная для истории России как страны, «которая колонизуется», огромность российских пространств ставили существенные препятствия не только на пути распространения христианства, но и на пути распространения других влиятельных мировых конфессий. Сюда же следует отнести малую плотность населения, когда один населенный пункт отделен от другого десятками, а порой сотнями километров бездорожья, пестроту этнического состава населения и ряд других факторов.

Мятущийся российский дух постоянно находится в поиске. Будучи часто не удовлетворен кажущейся простотой требований, которые ставит перед ним официальная церковь, он ищет в религии чего-то, что способно осветить его жизнь, разом ответив на все сложнейшие мировоззренческие вопросы. Отсюда проистекает постоянный и страстный поиск Бога. Отсюда же проистекает и постоянная неудовлетворенность. Характерный пример — духовные искания В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого и многих других отечественных мыслителей. Белинский отвергал православную веру как «реакционную и отсталую», всю жизнь провел в поисках нового Бога, который удовлетворил бы его пылкую и увлекающуюся натуру. О страстности и увлеченности великого критика религиозными исканиями красноречиво свидетельствует известный эпизод, приведенный в книге Герцена «Былое и думы». На предложение одного из знакомых, с которыми великий критик вел обсуждение религиозно-философских вопросов, сделать перерыв и попить чаю, Белинский с возмущением воскликнул: как можно пить чай, когда еще не решен основной вопрос — вопрос о Боге! Этот ставший широко известным эпизод ярко характеризует не только Белинского, но и то значение, которое занимал и занимает вопрос о Боге в России. Белинский нашел его разрешение, превратив исповедуемое им социалистическое воззрение в разновидность религиозной веры. Только окончательно приняв атеистическое мировоззрение, критик стал отстаивать и тезис о безрелигиозности русского народа.

* Очерки по истории русской святости. Составил иеромонах Иоанн (Кологривов). Брюссель, 1961. С. 315—316.

«Русский народ самый атеистических из всех народов», — утверждал Белинский. «Русский народ самый мистический из всех народов», — утверждал Достоевский. Кто из них прав? Или, может быть, оба правы? Может быть, нет народа, более жаждущего религии и менее утолившего эту жажду, чем русский народ»*. Именно поиск веры — одна из характерных черт российского характера. Видимо, можно считать, что на одном полюсе находится всегда относительно немногочисленная часть населения, твердо придерживающаяся одной из религиозных конфессий, на другом — столь же относительно немногочисленная часть, занимающая атеистические позиции. В «промежутке» же располагается значительное число людей либо индифферентных (равнодушных) к вопросам веры, либо постоянно находящихся в поисках веры.

Поисками Бога заняты почти все герои Ф. Достоевского. При этом, в большинстве своем, они не удовлетворены той верой, в которой они воспитаны с детства, — православным христианством. Они предъявляют свой счет христианскому Богу. Особенно показательна в этом отношении фигура Ивана Карамазова, впрочем, как и многих других героев великого писателя. Положительно-верующими героями его романов являются старец Зосима и Алеша Карамазов, образы которых не относятся к числу наивысших достижений писателя. Острота вопроса о Боге сделала невозможной для России религиозно нейтральную философию. Вся русская философия носит ярко выраженный религиозный или, напротив, — столь же отчетливый антирелигиозный характер. В силу все той же остроты этого вопроса едва ли не всякое общественно-политическое учение превращается в России в род религиозной веры. Именно по типу религиозного вероучения, охватывающего все стороны личности человека, был воспринят в России коммунизм. И после падения коммунистической общественной системы коммунизм остается верой для тех, кто не находит в себе сил ни принять истины какой-либо религиозной конфессии, ни отказаться от привычных идеалов, что было бы для них равнозначно смириться с духовной пустотой, цинизмом и нигилизмом.

Вместе с тем в российской религиозности находит свое выражение тот «безгранично вольный менталитет», который порожден российской природой и целым рядом факторов истории и культуры, о чем уже неоднократно говорилось. В области религиозности эта безграничная вольность характерного российского умственного воспитания проявляется не только в непрестанных и страстных поисках Бога, но и в легкости расставания с одной верой и перехода к другой. Как только российский человек начинает понимать, что

* *Мережковский Д.* Теперь или никогда / *Мережковский Д.* Больная Россия. Избранное. Л., 1991. С. 68.

принятая им вера налагает на него множество обязанностей религиозного, нравственного и бытового характера, как только осознает, что вера ограничивает его свободу, не обещая взамен скорого успеха или награды, он нередко охладевает к ней. Охлаждение выражается либо в том, что заповеди веры начинают выполняться формально, «без души», либо — в поисках иной, более привлекательной веры, обещающей нечто более конкретное, зримое, земное.

Конечно, в России всегда было и есть сегодня немало людей, твердо следующих своей вере, не поддающихся никаким соблазнам и искушениям. Именно они создали и продолжают создавать тот стержень российской цивилизации и культуры, благодаря которому Россия оказалась способной вынести все тяжелейшие испытания, выпавшие на ее долю. Однако надо признать и противоположный тип мировоззрения, также укоренный в России, — дух мятущийся, не нашедший успокоения ни в одной из признанных мировых религий, беспрестанно находящийся в поиске, в сомнении и поэтому «кочующий» от одной веры к другой. При этом легковерность, проявляемая при вступлении на стезю новых верований, бывает порой поистине поразительной.

Отнюдь не случайно в постперестроечной России нашли благоприятную почву самые разнообразные культы, в том числе те, которые во многих странах принято относить к деструктивным, то есть опасным в гуманитарном и социальном отношении. По данным общественного Комитета по спасению молодежи от псевдорелигий в Москве и Московской области, численность последователей деструктивных культов в 1999 г. составила: Свидетели Иеговы — 15 тыс. человек, Богородичный центр — 5 тыс., Церковь объединения — 5 тыс., Церковь Христа — 3 тыс., Общество сознания Кришны — 3 тыс., Церковь Нового Завета (виссарионцы) — 1,5 тыс., Церковь саентологии (Рон Хаббард) — 1 тыс. Судя по данным Москвы и Московской области, нетрудно представить, сколько последователей этих культов насчитывается по всей стране. Так, число сторонников не вошедшей в перечень названных выше одиозной японской секты «Аум Сенрикё» в России в свое время превысило их число в Японии. Между тем эта секта хорошо известна своей особой агрессивностью, стремлением к овладению максимальной властью не только над своими сторонниками, но и над всем обществом. Число сторонников церкви саентологии Рона Хаббарда в России к 1999 г. было больше, чем в какой-либо иной стране.

Разумеется, не только легковерность части россиян создает благоприятную почву для распространения деструктивных культов. Немалую роль играет продажность некоторых государственных чиновников, порой готовых за сравнительно небольшие деньги зарегистрировать любую, даже самую одиозную организацию, предоставив ей самые широкие возможности для пропаганды. Распростране-

нию деструктивных культов способствует и нищета немалой части российского населения, толкающая его на любой, даже сомнительный путь, если он обещает хоть какой-то моральный и материальный выход из сложившегося положения. Изощренные, отработанные многими десятилетиями способы вовлечения в секту успешно используют религиозное невежество и легковерность россиян.

Поиски «единственно правильной» веры, не подкрепленные здравым смыслом, заходят иной раз столь далеко, что приводят к самым курьезным последствиям. Так, газеты сообщали о том, что в некоторых постперестроечных фирмах принимают на работу в соответствии со знаком Зодиака. Такого рода факты еще раз подтверждают уже отмеченную выше особенность российского умственного воспитания: в России любое учение, сколь далеко оно ни отстояло бы от подлинной религиозности, имеет шанс превратиться в род религиозной веры. При этом, приняв новую веру, российский человек тут же начинает проводить ее в жизнь последовательно и до конца, прилагая ее ко всем сферам своей жизнедеятельности. Неудивительно, что не только марксизм и коммунизм, но и противопоставленные им «демократия и рынок» оказались восприняты на манер религиозного учения. Так же, как в свое время сторонники коммунизма, некоторые нынешние апологеты демократии и рынка с подлинно религиозным фанатизмом взялись проводить в жизнь догмы своего вероучения, совершенно не принимая во внимание последствия содеянного и не желая вносить коррективы в избранный курс. Если исключить мотивы прямой корысти, то именно догматически-религиозный взгляд на политико-экономическую доктрину явился одной из причин неудач первого десятилетия постперестроечных реформ в России.

С учетом того, что те или иные религии приходили в различные регионы страны в разное время и при разных обстоятельствах, анализ состояния религиозности требует учитывать региональный фактор. В целом для России характерен «точечный» характер влияния мировых конфессий. Это означает, что влияние крупных религиозных конфессий во многом обусловливалось территориальным расположением центров религиозной жизни: вблизи таких центров оно было наибольшим, тогда как на больших пространствах, по мере удаления от этих центров, оно снижалось, порой делаясь едва ощутимым. Соответственно, глубина усвоения ценностей религиозного происхождения, уровень их понимания, характер воздействия на мировоззрение и практику жизни в дореволюционной России существенно различались от региона к региону. Только с достижением всеобщей грамотности, а затем с появлением мощных средств массовой информации региональный фактор в сфере религиозной жизни (как и в других сферах) стал утрачивать свое значение. Но это произошло только в XX в.

Важнейшим центром православно-христианского просвещения в Московской Руси стала основанная Сергием Радонежским Троице-Сергиева Лавра. Как отмечает Г. Федотов, Лавра явилась также «центром духовного лучеиспускания огромной силы»*. Ученики Сергия понесли его заветы в разные концы русской земли. Особое значение приобрело северное направление. Именно на обширных пространствах Севера России, в глуши лесов, по берегам реки Костромы и ее притоков, в Вологодском крае, в районе Белого озера образовалась территория, с необычайной плотностью покрытая центрами религиозной жизни — монастырями. Крупнейшим из них стал Кирилло-Белозерский монастырь. Недалеко от него был основан Ферапонтов монастырь, знаменитый своей иконной росписью мастера Дионисия. Вторым центром северного подвижничества «была южная округа Вологодского уезда, обширный и глухой Комельский лес... Лесные речки Обнора и Нурома дали приют Павлу Обнорскому и Сергию Нуромскому, ученикам преподобного Сергия... Третьим духовно-географическим центром Святой Руси был Спасо-Каменский монастырь на Кубенском озере. Узкое и длинное, до семидесяти верст, Кубенское озеро связывает своими водами Вологодский и Белозерский край. Вдоль берега его шла дорога из Вологды и Москвы в Кириллов. На скале («на камне»), поднимающейся из волн бурного озера, и создался монастырь... Соловецкий монастырь был четвертой по значению обителью Северной Руси — первым форпостом христианства и русской культуры в суровом Поморье...»**.

Столь высокую интенсивность православно-христианской духовной жизни, какая сложилась в XV—XVI вв. на русском Севере, как и саму плотность расположения влиятельных ее центров на относительно небольшой территории, следует признать явлениями достаточно уникальными для России. Нет сомнения, что именно население Севера в отмеченную эпоху с наибольшей полнотой и глубиной восприняло православное вероучение. Это сказывалось и в последующие эпохи. Вместе с тем центры православно-духовной культуры возникали и в других регионах страны. Именно вокруг них и создавалось «поле притяжения» не только для верующих, но и для людей, находящихся в страстном поиске веры.

2. МНОГООБРАЗИЕ КОНФЕССИЙ

Россия — страна, отличающаяся исключительной множественностью и многообразием религий, получивших распространение на ее

* *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 155.
** Там же. С. 160—161.

обширных пространствах. Современные исследователи насчитывают свыше семидесяти религиозных направлений, исповедуемых более чем 150 народами России*. Чисто условно к числу «основных», или традиционных, российских религий следует отнести: православие, ислам, иудаизм, буддизм. Однако помимо них в России *издавна* существует множество религиозных направлений самого разнообразного толка.

В целом можно утверждать, что для России характерно преобладание мирного сосуществования различных религий. «Для общественного настроения, разделяемого подавляющей частью российского населения, характерно лояльное отношение к людям других верований и убеждений, готовность к терпимости, доброжелательности, сотрудничеству в разных сферах — от быта до политики»**. Это утверждение справедливо не только для последнего времени, но и для продолжительного исторического периода. В России не было в собственном смысле религиозных войн, подобных, например, тем, которыми сопровождалась в Европе реформация. Крестьянские восстания не проходили под религиозными знаменами, что было обычно для истории Европы. В России они носили открыто классовый характер, собирая в ряды восставших людей самых разных национальностей и вероисповеданий — достаточно вспомнить восстания С. Разина и особенно Е. Пугачева. Не было в России случаев резни на религиозной почве, подобных Варфоломеевской ночи во Франции.

В течение последнего столетия в России, несомненно, имел место процесс, свойственный и другим промышленно развитым странам. Его можно характеризовать как стирание различий между религиозными направлениями. Этот процесс обусловлен общей секуляризацией общественной жизни, уменьшением влияния религии. «Во всех... промышленно развитых странах (Запада. — *В. Ш.*), — отмечает французский исследователь М. Малерб, — рост уровня жизни населения не способствует мистицизму: проведение выходных на природе или у телевизора выглядит значительно более привлекательным, чем религиозная воскресная служба. При этом сохраняется общая вера в Бога, уважение к христианским ценностям и признание определенной принадлежности к традиционной церкви, однако интерес к религии падает, и религиозное безразличие распространяется все шире. В таких условиях находится мало желающих учитывать вероучительные тонкости каждой конкретной религии»***. Очевидно, что в России процесс развивается также по линии все

---

* См. Религии народов современной России. Словарь. М., 1999.

** Там же. С. 515.

*** *Малерб М.* Религии человечества. М.—СПб., 1997. С. 156.

более уважительного отношения к религии в целом и по линии все меньшего акцентирования конфессиональных различий.

Сказанное, однако, не означает, что имеет место процесс «слияния» различных религиозных направлений. Напротив, каждая конфессия стремится сохранить присущие ей коренные особенности, укрепить свои позиции, расширить сферу своего влияния.

Ислам стал проникать на территорию современной России в VII в., то есть в следующем столетии после его возникновения в Аравии. Этому способствовали военные походы арабов на Дербент и другие селения Дагестана. Однако процесс исламизации народов Кавказа занял несколько столетий. В Волжской Булгарии ислам был принят в 922 г. Сегодня районами традиционного распространения ислама в России остаются Северный Кавказ, Поволжье, Урал и Сибирь. К народам мусульманской культуры относятся татары, башкиры, чеченцы, кабардинцы, аварцы, ингуши, карачаевцы, адыгейцы и др. Из народов Кавказа только осетины исповедуют христианство. В Закавказье мусульманами являются азербайджанцы, тогда как армяне и грузины являются народами древней христианской культуры. В крупных городах России численность мусульманского населения всегда была значительной. В последние годы она возрастает главным образом за счет выходцев из Азербайджана, республик Средней Азии и Северного Кавказа. По разным оценкам, в России проживают от 15 до 20 млн мусульман*.

Царское правительство в целом положительно относилось к мусульманству. Нормально функционировали мечети, строились новые. Не чинилось препятствий к отправлению религиозных культов. В тех воинских частях, в которых насчитывалось значительное число мусульман, активно вели проповедническую деятельность исламские священнослужители. В 1789 г. был создан руководящий орган — Духовное управление мусульман.

Иудаизм в России ведет свои истоки от Хазарского Каганата — существовавшего в VIII в. обширного и влиятельного государства в низовьях Волги. После падения Каганата и принятия Русью христианства еврейские общины продолжали существовать в Киеве, а впоследствии в других городах. Еще одним очагом распространения иудаизма явилось Польско-Литовское государство XVI в. После разделов Польши значительная часть лиц иудейского вероисповедания оказалась на территории Российской империи. К началу XIX в. в границах империи проживало около 2 млн евреев. С 1795 г. законодательно вводится так называемая «черта оседлости лиц иудейского вероисповедания». Согласно этой черте, евреям было запрещено поселяться во внутренних районах Империи. Им разрешалось постоян-

* См. Религии народов современной России. Словарь. М., 1999. С. 122.

но жить на всей территории Украины и Новороссии. В 1804 г. в черту оседлости включаются Астраханская и Кавказская губернии. В либеральный период царствования Александра Первого при покровительстве властей возникает Санкт-Петербургская религиозная община. Вместе с тем евреям было запрещено поступать в высшие учебные заведения, они не могли быть зачислены в крепостные, а также рекрутироваться в армию.

Периодами наибольших гонений на иудеев явилось царствование Николая Первого и начало XX в., особенно годы, непосредственно предшествовавшие революции. Правительством Николая Первого был введен институт так называемых «кантонистов». В кантонисты принудительно призывали еврейских детей в возрасте двенадцати лет, принуждали креститься и после соответствующей подготовки направляли служить в армию, как правило, сроком на 25 лет. В 1844 г. правительством Николая Первого разгоняются иудейские религиозно-общественные организации — «кагалы». Конец XIX — начало XX в. ознаменовались еврейскими погромами в ряде городов юга России. Массированная антиеврейская кампания находит свое концентрированное выражение в печально известном деле Бейлиса. В 1911 г. киевского мещанина Менделя Бейлиса обвинили в совершении ритуального убийства христианского мальчика. Дело Бейлиса вызвало широкий общественный резонанс. Несмотря на попытки крайне правых сил использовать его для разжигания масштабной антиеврейской кампании, суд присяжных вынес по делу оправдательный приговор. Оправданию Бейлиса способствовали активные выступления многих деятелей русской культуры. Наконец, все правовые ограничения для лиц иудейского вероисповедания были отменены Временным правительством.

Буддизм первоначально пришел в Россию из Индии, через Тибет и Монголию. В XVI — начале XVII в. на территории современных Бурятии и Тувы появились первые буддийские монахи. Буддистами стали и калмыки (ойраты), которые после переселения в низовья Волги принесли буддизм в европейскую Россию. Почти сразу после вхождения соответствующих территорий в состав России буддизм получает официальный статус. Указом императрицы Елизаветы Петровны от 1741 г. закрепляется право исповедания буддийской религии и утверждается титул главы бурятского буддизма. В 1915 г. в Санкт-Петербурге по инициативе известного бурятского деятеля и дипломата 13-го Далайламы Агвана Дорджиева был построен буддийский храм на средства, собранные верующими из Бурятии и Монголии. Царское правительство позволяло российским буддистам отправляться на учебу в Тибет, не препятствовало открытию новых храмов и монастырей, созданию богословских и медицинских школ. Имелись широкие возможности и для издания религиозной литературы.

Римско-католическое вероисповедание имеет в России длительную историю. В 1999 г. в Москве насчитывалось свыше 60 тыс. католиков, а по всей стране — около миллиона, тогда как на территории Российской империи (приблизительно в два раза превышавшей территорию нынешней РФ) к началу XX в. насчитывалось более 10 млн католиков, значительную часть которых составляли выходцы из Польши (большая часть которой входила в состав России), западных губерний России, Германии и других стран. Российский католический епископат назначался российским правительством с последующим утверждением в Ватикане. Действовало около 150 католических храмов, две духовные семинарии (в Санкт-Петербурге и Саратове), духовная академия в Санкт-Петербурге.

Тем не менее традиционная вероисповедальная настороженность между двумя христианскими конфессиями сохранялась. Она проявлялась, в частности, в острой борьбе за верующих, особенно в западных губерниях, где немалая часть населения колебалась в выборе между католичеством и православием. Сохранялись и напряженные отношения между Ватиканом и руководством Русской Православной церкви. Именно поэтому царское правительство принимало активные меры к тому, чтобы привлечь на свою сторону католических священников, работавших в России. Им, в частности, было положено жалованье непосредственно из государственной казны, чего никогда не делалось в отношении священников православных. И Ватикан, и Русская Православная церковь продолжали считать себя единственными обладателями христианской истины, называя противоположную сторону «схизматиками», то есть раскольниками. Долгое время запрещалось издание католической литературы: первые католические печатные издания в России появились только после опубликования в 1905 г. «Манифеста о веротерпимости».

В постперестроечный период католическая церковь на территории России получила широкие возможности для активного существования. Восстановлены и действуют многие католические храмы, развивается миссионерская деятельность. В 90-е годы начались занятия во вновь открытом Колледже католической теологии св. Фомы Аквинского, в католической духовной семинарии «Мария, Царица Апостольская». С отпадением от России тех районов, которые в Российской империи считались западными губерниями (после Первой и Второй мировых войн часть их вошла в состав Польши, а после распада СССР другая их часть оказалась в составе Украины), изменился качественный состав католических прихожан. Теперь это по преимуществу интеллигенция, прежде всего столичная, и, разумеется, проживающие в России представители тех национальностей, для которых католицизм является традиционным.

Широкое распространение в России *протестантских* течений начинается в 80—70-х годах XIX в. Оно было связано с проникновением в Россию из Германии большого числа проповедников-миссионеров. Это были представители баптизма, отличавшегося от католичества и православия (направлений в христианстве, которые можно считать классическими) целым рядом особенностей. Баптизм, а вслед за ним и другие протестантские течения основывали общины на Кавказе, Кубани, в отдельных регионах Украины, в Прибалтике и в Петербурге.

Распространение протестантских течений вызвало резко отрицательную реакцию со стороны руководства Православной церкви. Как это было нередко в российской истории, предпочтение было отдано запретно-административным мерам. В резолюции совещания под председательством обер-прокурора Священного Синода К. Победоносцева (бывшего фактически главой Русской Православной церкви в конце XIX — начале XX в.), в частности, говорилось: «Быстрый рост сектантства (имеются в виду протестантские направления. — *В. Ш.*) является серьезной опасностью для государства. Всем сектантам должно быть воспрещено покидать свое местожительство. Все преступления против Православной церкви должны разбираться не в светских, а в духовных судах. Паспорта сектантов должны быть помечены особым образом, чтобы их нигде не принимали на работу, ни на жительство, пока жизнь в России для них не станет невыносимой. Дети их должны силой отбираться и воспитываться в православной вере»*.

Только с 1905 г., после выхода Указа о веротерпимости и Манифеста 17 октября протестантские церкви смогли свободно вести миссионерскую, издательскую и прочую деятельность.

Существует ли взаимное влияние между религиозными направлениями, распространенными в России? Если да, то какова его степень и в чем оно проявляется? Любопытное наблюдение на эту тему сделано И. Ильиным: «Всякий внимательный наблюдатель знает, что лютеране в России и реформаты в России, англикане в России и магометане (последователи ислама. — *В. Ш.*) в России разнятся от своих иностранных соисповедников по укладу души и религиозности, удаляясь от своих первообразцов и приближаясь незаметно для себя к православию...»**

Очевидно, мысль Ильина нуждается в уточнении. Прежде всего следует учесть, что всякая религия настойчиво стремится сохранить важнейшие основоположения своей веры. На сохранение и защиту

---

* Цит по: *Тришин А.* Мировые религии и религиозные памятники. М.—Брянск, 1997. С. 153.

** *Ильин И. А.* Наши задачи. М., 1992. С. 235.

догматов направляются первоочередные усилия, ибо такова природа религии: разрушение догматов немедленно ведет к разрушению всей религиозной системы, от вероучения до культовой стороны. Неслучайно любая церковь противится даже незначительным изменениям какой-либо из сторон церковной жизни, и даже небольшие нововведения проходят с большими трудностями и противоречиями. Поэтому в отмеченном смысле говорить о видоизменениях той или иной религии под влиянием другой вряд ли оправдано. Вместе с тем нельзя отрицать, что условия той или иной страны (в нашем случае России) накладывают определенный отпечаток на жизнь и духовный склад верующих. Длительное совместное существование в общих исторических условиях способствует своеобразной «притирке», установлению взаимного понимания. Такая «притирка» имеет место и в тех случаях, когда между руководством конфессии наблюдаются противоречия и даже конфликты, — разумеется, при условии, если из исторического опыта извлекаются уроки. Особое же влияние православия (о чем говорит Ильин) если и имеет место, то может осуществляться скорее не прямым, а косвенным путем и в той мере, в какой православный дух за многие века пропитал все стороны российской жизни и культуры.

В советское время сложился идеологический стереотип о якобы существующем жестком подавлении царской властью всякого проявления неправославного инакомыслия. Этот стереотип не выдерживает никакой критики. Как ясно из ранее приведенных фактов, политику самодержавия более справедливо охарактеризовать как разнообразную или разнонаправленную. В ней легко обнаружить и проявления тиранического произвола. Но в ней имелось и немало тенденций подлинно либерального отношения к религии. Показательна для последнего случая позиция Екатерины Второй, о либерализме которой мы уже говорили. «Что касается вероисповедания, то надо заметить, что, хотя сама Екатерина всегда была подчеркнуто набожна и всячески демонстрировала свою приверженность православию, в отношении других религий... проявляла веротерпимость, которая распространялась не только на христиан — русских старообрядцев, католиков, протестантов, — но и на мусульман. По-видимому, у нее не было и предубеждения против евреев. Когда во второй половине царствования в составе империи оказалось довольно значительное еврейское население (благодаря присоединению к России Западной Украины и части Польши. — *В. Ш.*), на первых порах оно пользовалось такими же правами, как и другие народы. Однако давление со стороны православного духовенства и русского купечества, опасавшегося конкуренции с еврейскими торговцами, заставило Екатерину в 1791 году установить печально знаменитую черту оседлости, ограничивавшую право евреев селиться на определенных

территориях страны, жить в столицах, учиться в высших учебных заведениях»*.

Множество различных религий, сосуществующих в рамках одной страны, не является редкостью в современном мире. Массовая миграция со второй половины XX в. превратила Западную Европу не только в многоэтнический и многорасовый, но и в чрезвычайно пестрый поликонфессиональный континент. Однако для Европы это явление сравнительно ново. Для России же во временных рамках современной российской цивилизации, как мы их определили в первой главе книги (то есть со второй половины XVIII в.), сосуществование многих религий изначально стало ее неотъемлемой чертой. В этом качестве России близка лишь Северная Америка. Не удивительно, что в области отношения к религии между Россией и США имеются черты сходства.

«В англосаксонской Америке сложилось такое разнообразие церквей самого различного происхождения, — отмечает современный исследователь, — что принадлежность к той или другой из них перестала быть социально значимой: каждый легко принимает особенности других, и вероучительные различия стираются — по сути, важно лишь верить в Бога и быть христианином»**. Фактор огромного разнообразия церквей в России действует в общем и целом в том же направлении: социальная значимость принадлежности к одной или другой религии уменьшается. Более того, для большинства россиян не имеет существенного значения не только быть или не быть христианином, но исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Это означает, что на работе, в быту, в повседневном общении религиозность или нерелигиозность не принято акцентировать. Российский люди в подавляющем большинстве наделены достаточным чувством такта, чтобы, с уважением относясь к представителям иного вероисповедания, не затевать разговоров на столь сложные вопросы «всуе». В современной России совершенно невозможно представить, например, ситуацию, когда какой-либо человек мог быть смещен с государственного поста на основании его религиозной принадлежности.

Тем не менее опасность конфликтов на почве религиозной розни нельзя недооценивать. Об этом свидетельствуют события в ряде регионов страны, прежде всего в Чечне. «Религиозная карта», как и национальная, всегда может быть разыграна нечистоплотными людьми с корыстными целями сокрытия совершенных ими или их окружением злоупотреблений и правонарушений.

Вопросам всемерной гармонизации отношений между различными религиозными конфессиями была посвящена конференция

---

* *Каменский А.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 227—228.

** *Малерб М.* Религии человечества. С. 156—157.

«Межконфессиональный мир и консолидация общества», проходившая в Москве в феврале 1997 г. На конференции были выработаны принципы взаимоотношений между конфессиями, соблюдение которых позволило бы избежать обострения отношений, способствовало бы их сближению и сотрудничеству. Главные из них следующие: приверженность общечеловеческим ценностям; уважение права каждого человека на религиозное самоопределение; признание за последователями всех религий права распространять свои убеждения методами и средствами, не противоречащими духу любви и не нарушающими свободу личности; юридическое равенство всех религиозных объединений; отказ от конфронтационного мышления, готовность к диалогу; взаимодействие между религиозно-конфессиональными объединениями в миротворчестве, гуманитарных сферах, в деятельности по экологическому возрождению России и ее регионов*.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ

«Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер, — писал А. С. Пушкин. — В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколь пагубно в землях римско-католических» (Пушкин А. С. Исторические замечания. 1822).

Историческую роль православия в России следует выделить особо прежде всего потому, что масштабы его воздействия на российское общество, на культуру и умственное воспитание всех россиян намного превосходят масштабы воздействия иных конфессий. Строительство и рост российской государственности также были тесно связаны с православной церковью и православной верой. Поэтому принятие Русью христианства в 988 г. («крещение Руси») по своему значению выходит далеко за пределы события чисто религиозного: его следует рассматривать как событие общекультурного и исторического масштаба.

Византийско-православное наследие открыло русскому народу путь приобщения к культуре эллинизма, а через нее и к истокам культуры латинского Запада, Средиземноморья и Ближнего Востока. Длительная и основательная связь России с православной Византией позволила заложить основы русской культуры, сформировать универсальный, а не локально или этнически замкнутый тип культуры. Крупнейший отечественный историк мысли и культуролог С. С. Аверинцев пишет: «Только с принятием христианства

* См. Религии народов современной России. Словарь. М., 1999. С. 231—232.

русская культура через контакт с Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальное измерение. Она осознала себя самое и свое место в ряду, выходящем далеко за пределы житейской эмпирии; она стала культурой в полном значении этого слова»*.

Русская культура опиралась в своем развитии на те же содержательные основания, что и культура Запада, — культуру периода святоотеческой литературы (патристики). Опора на общие истоки предопределила сходство русской и западноевропейской культуры. Вследствие этого русский народ и народы Европы, при всех различиях, составили единую семью христианских народов. Их культура, образ жизни, менталитет, традиции и многое другое приобрели черты сходства. Различия же определялись в первую очередь *особенностями и путями* приобщения к общим истокам. Культура средневекового Запада складывалась главным образом под влиянием римско-католической ветви христианской церкви. В ее поле зрения находились в основном произведения западных отцов церкви, писавших по-латыни. Значительное влияние на культуру Запада оказала схоластика IX—XV вв., аналог которой в российской культуре полностью отсутствует. Русская культура восприняла главным образом наследие восточных отцов, писавших по-гречески. Важнейшую роль для Руси длительное время играли контакты с Константинополем (Царьградом) — политическим и культурным центром Византии.

Творения святых отцов церкви пользовались наивысшим авторитетом у книжников средневековой Руси. Сочинения таких авторов, как Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Василий Кесарийский, Ефрем Сирин, Афанасий Александрийский, Иоанн Лествичник, Иоанн Дамаскин, Максим Исповедник, и многих других представителей патристики постоянно переводились, распространялись на Руси. Они служили главным источником самых разнообразных знаний, от теологических и философских до географических, математических, логических, астрономических и др. Через посредство святоотеческой литературы стала доступной широкая информация о ранней культуре античности, в частности, сведения о жизни и трудах мыслителей древности, таких, как Сократ, Платон, Аристотель, Пифагор, Демокрит, Филон и др.

Святоотеческое наследие задавало *духовный уровень* бытия человека и общества Древней Руси. Это был уровень христианской духовности, противостоящий низведению человека к животным проявлениям. Устремляя человеческую душу ввысь, патристика позволяла одухотворять жизнь, наполнять ее возвышенным содержанием.

---

* *Аверинцев С. С.* Крещение Руси и путь русской культуры // Страницы русской зарубежной печати. Мюнхен—М., 1988. С. 44.

Изучение и осмысление трудов отцов церкви, распространение на Руси соответствующих идей создавали прочную опору для наращивания культурного потенциала в противостоянии варварству, обскурантизму и нигилизму. Вот почему значение православно-христианского просвещения Древней Руси невозможно переоценить. «Если мы, русские, не окончательно варвары и скифы, то потому лишь, что через православную церковь, через Византию получили связь с преданиями античной, греческой культуры»*, — писал Н. Бердяев.

Начало распространения византийской учености на Руси связано с просветительской деятельностью братьев Кирилла и Мефодия, которых принято почитать как основателей славянской письменности. Однако не следует забывать о том, что прежде всего это были высокообразованные люди, входившие в самую просвещенную элиту византийского общества того времени. Они вобрали в себя богатейший опыт греко-византийской культуры. Отметим, что один из братьев — Кирилл (получивший это имя за 50 дней до смерти, по пострижении в монахи, до этого он носил имя Константин) был широко известен в Византии как Константин-философ. Его отличала исключительная эрудированность в богословских и философских вопросах, знание многих языков, логики и риторики. Значение деятельности солунских братьев (Солунь — славянское название греческого города Салоники, крупного центра Византии, откуда братья были родом) далеко выходит за пределы создания ими славянской письменности. Известный современный исследователь данного вопроса И. Экономцев отмечает: «Деятельность св. братьев представляла собой первый гигантский шаг в передаче славянам всей суммы знаний, накопленных Византией и полученных ею в наследство от античной цивилизации, в передаче ее исторического опыта, юридических и этических норм, духовных ценностей, художественных идеалов»**.

Таким образом, миссия Кирилла и Мефодия положила начало процессу усвоения достижений Византии и предшествующих ей цивилизаций на славянской почве. В дальнейшем этот процесс складывался из деятельности огромного числа церковных просветителей, христианских писателей, мыслителей, подвижников. Особая роль в распространении на Руси христианских ценностей принадлежала монастырям.

Монастыри выполняли в России ряд общественных функций. Во-первых, они являлись главными центрами образования и просвещения. Вплоть до создания специальных учебных заведений высшего уровня (первым из них на территории нынешней России была мос-

---

* *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С. 528—529.
** *Экономцев И.* Православие. Византия. Россия. М., 1992. С. 17—18.

ковская Славяно-греко-латинская академия, ныне — Духовная Академия в г. Сергиев Посад), именно в монастырях сосредоточивались самые образованные кадры и осуществлялась подготовка наиболее образованных людей. При монастырях создавались также школы различного уровня. Во-вторых, монастырь служил образцом упорядоченности и организации для жителей прилегающих территорий. Сам факт его существования свидетельствовал, что возможна жизнь «праведная», жизнь, соответствующая божественным заветам. Монастыри способствовали очищению и оздоровлению духовной жизни общества. Наиболее крупные и известные из них, такие, как Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский монастыри, Троице-Сергиева Лавра, воздействовали на духовную жизнь всей страны. В-третьих, монастыри были центрами паломничества. Сюда стекались люди со всех уголков страны для того, чтобы помолиться, отдать дань уважения особо почитаемым святым, поклониться святым мощам. Такая «психотерапевтическая» роль монастыря особенно возросла после возникновения особого феномена монастырской жизни, каким явилось старчество.

Возникновение старчества связано с деятельностью и трудами выдающегося представителя русской православно-духовной культуры XVIII в. Паисия Величковского (1722—1794). Он знаменит переводом на русский язык книг нравственных монашеских наставлений «Добролюбие». Эти книги были одними из наиболее читаемых наставлений по нравственной жизни. Паисий Величковский стал первым в России почитаемым старцем. Старец — это монах, ставший для других наставником, руководителем на пути духовного совершенствования. В монастыре старец, то есть уважаемый пожилой человек, не касается ни власти, ни управления. Его авторитет основывается исключительно на нравственности, на духовности. Пример Паисия Величковского способствовал широкому распространению старчества в монастырях по всей Руси, в частности в Оптиной пустыни — монастыре в Калужской губернии, близ города Козельска. Во второй половине XIX в. оптинские старцы снискали исключительное уважение в народе. Люди со всей страны стекались для того, чтобы посоветоваться по духовным и самым различным вопросам жизненного характера. Они привлекли внимание В. С. Соловьева и Ф. М. Достоевского. Старцы Оптиной пустыни стали прототипами старца Зосимы в романе Достоевского «Братья Карамазовы».

Значительная роль принадлежала церкви и ее представителям в решении задачи становления и укрепления российской государственности. Как известно, именно Сергий Радонежский вдохновил князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Сергий «благословил его, молитвой вооружил и сказал: «Следует тебе, господин, за-

ботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредим в свое отечество вернешься»*. Накануне битвы князь получил от Сергия гонца со словами: «Обязательно поможет тебе Бог»**. Для достижения победы русское общество нуждалось в консолидации. Общественная консолидация и концентрация сил в те времена не были возможны ни на какой почве, кроме религиозной. Поэтому заслуги преподобного Сергия невозможно приумалить. Их невозможно приумалить, даже если учесть, что к концу XIV в. Орда уже вступила в период упадка и не представляла собой такой грозной силы, какой была в прошлом.

Действительно, как подчеркивал Б. Зайцев, «преподобный вышел в жизнь, когда татарщина уже надламывалась... Идут два процесса: разлагается Орда, крепнет молодое русское государство. Орда дробится, Русь объединяется»***. Эти слова недвусмысленно свидетельствуют о том, что момент для решающей битвы был выбран правильно. Преждевременное же и неподготовленное выступление могло бы оказаться для Руси губительным. Русская церковь и русские князья максимально использовали имеющиеся условия для собирания государства и церкви. До поры до времени для решения этих задач им нередко приходилось идти на поклон к золотоордынским ханам, а порой сносить и прямые унижения. Но из-за подобного рода фактов адресовать церкви и князьям упреки в криводушии, в «услужливой приспособляемости» (как это делают некоторые современные авторы) — конечно же, явное недоразумение, если не ханжество. Ведь не будем же мы считать «услужливой приспособляемостью» решение М. И. Кутузова сдать Москву французам? Ни для кого не секрет, что в истории, как и в человеческой жизни, нередко приходится идти на уступки, а порой и на трагические жертвы (как в случае сдачи Москвы), — но для того, чтобы в нужный момент одержать решающую победу.

Не следует забывать и о том, что православные идеалы и символы вдохновляли бойцов ополчения Минина и Пожарского, воинов Суворова, Румянцева, Кутузова, Нахимова, Ушакова, как и воинов, сражавшихся под руководством других выдающихся русских полководцев. Православная идея, тесно связанная с идеей патриотической, воодушевляла героических защитников Севастополя во время Крымской войны, матросов крейсера «Варяг». Немалое значение она имела и во время Первой мировой войны, хотя к этому периоду

---

* Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.

** Там же.

*** *Зайцев Б.* Преподобный Сергий Радонежский // *Зайцев Б.* Улица Святого Николая. М., 1989.

религиозность стала заметно падать. Православная вера длительное время являлась главным фактором сплочения российского общества, служила идейной опорой российской государственности. Однако нельзя при этом не учитывать и многоконфессиональный состав современной российской цивилизации.

«Мы страна европейской культуры. К этому приучило нас христианство»*, — отмечал крупнейший знаток отечественной литературы и истории академик Д. С. Лихачев. Тем не менее приведенный тезис нуждается в уточнении. Действительно, российская и в первую очередь русская культура во многом сходна с европейской, приближается к ней по своему типу. Российская и европейская (и в целом западная) цивилизации настолько близки, что их можно считать «цивилизациями-сестрами». Они объединены общей древней христианской культурной традицией. Без сомнения, именно христианство вносило на протяжении веков и вносит значительную и наиболее мощную струю в общий поток российской культуры, сближая русскую культуру с европейской, сделав Россию составной частью европейской семьи народов.

Различия же России и Запада с культурно-исторической точки зрения определяются своеобразием православия в сравнении с западным христианством, а также той важной ролью, какую издавна играл и продолжает играть в жизни России *ислам*. Если страны Запада соприкасались с исламской культурной традицией как с пришедшей извне и в сравнительно недавний период (за исключением Испании, которая была завоевана арабами в средние века), то в России ислам издавна был значительным фактором внутреннего бытия. Отличия православия и западного христианства, с одной стороны, и исконное наличие в России значительного исламского фактора — с другой, характеризуют российскую цивилизацию как специфический феномен христианской культуры.

Следует также учесть, что ни западные исследователи, ни западное общественное мнение в целом никогда не отождествляли и не отождествляют Россию и Европу. Они видят в России особый культурный мир, особую цивилизацию, отличную как от Запада, так и от Востока.

Нет сомнения в том, что культурно-историческая роль православия для России весьма значительна. Нет сомнения и в том, что она могла бы быть еще более высокой, если бы не ряд трагических событий, омрачивших историю Русской церкви. Одним из таких событий стал раскол XVII в., внесший смуту не только в саму Православную церковь, но и в сознание многих русских людей, способствовал разобщению российского общества. Неслучайно расколу и его по-

* *Лихачев Д. С.* Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992. С. 13.

следствиям посвящена огромная исследовательская литература. В результате раскола от официальной церкви отделилась большая группа сторонников православия, получившая название «старообрядцев». Официальные власти именовали старообрядцев «раскольниками». Гонения на старообрядцев и их преследования со стороны государственной власти и церкви в большинстве случаев по своей жестокости и систематичности намного превосходили масштабы преследований конфессий, несравненно более далеких от православия, таких, как, например, иудаизм или буддизм. Конец преследования старообрядцев связан с уже упомянутым выше Манифестом о веротерпимости 1905 г. Однако и в последующие времена, даже в условиях советской власти, православная церковь (сама находившаяся в тяжелейшем положении) долго еще продолжала сохранять настороженно-подозрительное отношение к старообрядчеству, которое и поныне платит ей тем же.

Тем не менее следует еще раз подчеркнуть позитивность и значительность культурно-исторической роли русского православия. Прежде всего, благодаря православной вере в дореволюционной России удавалось поддерживать в массе населения определенный уровень духовности и нравственности. Огромное влияние оказал православный дух на народный характер, на литературу, искусство и философию. Его влияние во многом определило особенности российской цивилизации: неслучайно А. Тойнби назвал российскую цивилизацию «православно-христианская в России». Духовно-нравственное влияние православия не исчезло и в период советской власти, когда проводилась политика жесткого государственного атеизма. Свидетельством тому служит хотя бы тот факт, что свое выступление по радио по случаю нападения Германии Сталин вынужден был начать с традиционно христианского обращения: «братья и сестры...». Очевидно, критический момент заставил его интуитивно-прагматически вспомнить о православной душе русского народа. В произведениях таких авторов советского периода, как Б. Пастернак, М. Булгаков, А. Платонов, К. Чуковский, А. Солженицын, Л. Леонов, М. Шолохов и др., без труда обнаруживаются мотивы православно-христианского происхождения. В русской классической литературе XIX в. влияние православного мировоззрения, нравственных и этических норм прослеживается весьма отчетливо. Ярким тому подтверждением является Пушкин. «Ясно... что христианство Пушкина — явление вполне реальное, доказуемое фактами его биографии и творчества, — отмечает известный современный литературовед В. И. Кулешов. — Оно источник многих его идей, образов и мотивов. Пушкин перелагает молитвы, псалмы, заповеди, использует в художественных целях церковное красноречие, проповеди, лексику. Христианство — одна из коренных тем его творчества во всех

родах и жанрах»*. В творчестве практически всех значительных писателей XIX в., а также тех, кто впоследствии вынужден был жить и работать в эмиграции, влияние православного христианства прослеживается вполне отчетливо.

Православное мировоззрение оказало влияние на сам строй российского мышления, что нашло свое выражение как в произведениях культуры, так и в народном характере. Об этом хорошо сказано в стихотворении Вячеслава Иванова «Русский ум», которое уже приводилось. Православное мировоззрение не противоречит деловому материализму народа, не противоречит духовно-трезвому взгляду на жизнь.

Атеист Белинский (слова которого были приведены выше) был прав в том, что народ России скорее деловой, чем мистически-созерцательный. Но об этом же говорит в приведенном стихотворении и религиозный мыслитель-поэт Вяч. Иванов: «он (православный русский ум. — *В. Ш.*) в жизнь от грезы отвлеченной пугливой воле кажет путь». Свойственные российскому характеру духовный реализм и деловой материализм возможны на почве как безрелигиозного, так и православно-религиозного мировоззрения.

4. РЕЛИГИЯ КАК НРАВСТВЕННЫЙ РЕГУЛЯТОР ЖИЗНИ В РОССИИ

Имея в виду русское православие, В. Розанов писал: «Религия наша... имеет ту поразительную особенность в себе, что она: 1) хороша, когда стоит далеко от жизни (монастырь, созерцательность), и 2) просто *ничего не выходит*, когда она пытается с нею слиться»**. Общий вывод Розанова был таков: православие в том виде, в каком оно существует в России, не выполняет роли нравственного регулятора жизни личности и общества из-за присущей ему отреченности от мира, созерцательности, сосредоточенности на формально-обрядовой стороне. По Розанову, нравственные требования православия таковы, что пригодны лишь для монахов, а не для людей, живущих в реальных условиях мирской жизни и вынужденных решать множество житейских и личных проблем. Поэтому в лучшем случае — это «религия инвалидов и старичков на пенсии»***.

Попробуем выяснить, насколько справедливы упреки Розанова в адрес русской православной церкви за ее неспособность служить

---

* *Кулешов В. И.* А. С. Пушкин и христианство / Русская литература и христианство. М., 1997. С. 10.

** *Розанов В. В.* Среди художников. М., 1994. С. 249.

*** Там же. С. 251.

нравственному воспитанию людей. Обратим внимание, прежде всего, на обстоятельство, подчеркиваемое рядом исследователей.

«Миссия церкви, — пишет французский исследователь М. Малерб, — вести верующих к Богу, а этот путь лежит через святость. Она проповедует нравственные идеалы и требует соблюдать добродетель героически, если это потребуется. Любое отклонение от закона любви может быть толчком к расслаблению, примиренчеству и создавать препятствия для приближения к Богу. Это объясняет чрезмерную строгость принципа нравственного учения Католической церкви. Если же становиться на позицию постоянного, а иногда и героического стремления к святости, некоторые пункты этой морали выглядят сверхчеловеческими, невыполнимыми, следовательно, неприменимыми и не представляющими интереса для простых смертных»*. Таким образом, для любой церкви всегда характерна определенная «завышенность» нравственных требований по сравнению с реально выполнимыми для большинства верующих. Таков общий закон существования церкви в несовершенном мире. Как видим, он находит свое вполне рациональное объяснение.

Выполнение заповедей христианства в полном объеме, без всяких исключений и на протяжении всей жизни — дело крайне сложное и трудное. Оно требует особых морально-нравственных качеств. Следовательно, под силу оно лишь очень немногим. Именно таких людей церковь причисляет к лику святых. Именно эти праведники и подвижники при жизни становятся мудрыми наставниками в делах веры и благочестия. После их кончины светлый образ, запечатленный в памяти потомков, остается путеводной звездой для последующих поколений в области нравственности и благочестия.

Понятие святости имеет дохристианские корни. Однако с возникновением христианства оно было радикально преобразовано. «С введением христианства сложилось представление о новом типе святости — д у х о в н о й, — отмечает крупнейший современный специалист В. Н. Топоров, — понимаемой как некое «сверхчеловеческое» благодатное состояние, когда происходит возрастание в духе, творчество в духе. Идея материального роста не исключается, но ее мотивировка решительно изменяется: жито свято не потому, что оно растет и плодоносит, но оно растет и плодоносит потому, что оно свято искони, по условию, в соответствии с высшей волей. Но хотя понятие святости в принципе ясно и в отдельных случаях отчетливо противостоит понятию мирского, профанического, опознание святости в конкретных примерах и ситуациях оказывается затрудненным. Право определения святых принадлежит церкви, и она имеет на этот счет вполне определенные правила... и длительную

* *Малерб М.* Религия человечества. С. 414—415.

практическую традицию. Для того чтобы быть уверенным в правильном понимании святости и ее персональных воплощений, нужно взглянуть на эту проблему, встать на точку зрения верующих...»* Святость есть высшая мера человеческого, за которой уже лежит сфера божественного, принципиально недоступная человеку смертному.

Достижение святости связано с подвигом, с беззаветным подвижничеством, с аскетизмом, строжайшей самодисциплиной духа. Святые — это люди выдающиеся. В связи с понятием святости возникает вопрос о понятии «Святая Русь». «Святая Русь — это неофициальное патриотическое название России, которое употреблялось по большей части во времена национальных бедствий. Впервые его использовал Иван Курбский в конце XVI в., критикуя Ивана Грозного. Впоследствии оно встречается в патриотических поэмах времен войн с Польшей, а затем с Францией. Понятие «Святая Русь» превратилось в клише русской религиозной национальной мысли»**. Современник Пушкина Петр Вяземский посвятил Святой Руси одно из своих стихотворений. В нем отчетливо просматривается одна из трактовок этого понятия.

Святая Русь! В самом значенье
Ей Промысл путь предуказал:
Недаром при ее крещенье
Он ей то имя даровал.

О, дорожи своим залогом!
Блюди тобой избранный путь,
И пред людьми и перед Богом
Святая Русь, — святою будь!

В ряде случаев выражение «Святая Русь» истолковывается как указание на особый союз России с христианским Богом. Такое истолкование навеяно тем, что с падением Византии (1452) в мире не осталось ни одной крупной страны, способной стать продолжательницей традиций истинной (православной) веры. Следовательно, такой страной призвана стать Россия. Существуют и другие трактовки этого понятия. Большинство из них вполне оправданы как с религиозной, так и с нерелигиозной точек зрения. Неоправданной и даже нелепой следует признать одну — что якобы выражение «Святая

* *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 9.

** *Ван дер Беркен Уильям.* «Святая Русь» в русской литературе XIX века: за и против / Русская литература XIX века и христианство. М., 1997. С. 369.

Русь» означает превосходство России над всеми другими странами и народами в нравственном, духовном и иных отношениях, что в России все «свято», все устроено самым надлежащим образом, тогда как в других краях господствуют нестроения и беспорядки. В наше время такая трактовка популярна только в узком кругу недалеких людей, верующих сугубо догматически. Если же трактовать его в широком или переносном смысле, то, скорее всего, — как естественный призыв дорожить добрым именем и честью родины, как память о том, что прошлое России отмечено именами и деяниями выдающихся представителей Православной церкви, рядовых верующих, внесших свой вклад в утверждение христианской веры и нравственности.

Итак, большинству людей подвиг святости не под силу. Какие же рекомендации в области нравственности может дать православие обычному человеку, не претендующему на святость?

Очевидно, что в человеческой душе заложены самые разные тенденции, как положительные, так и отрицательные. Они различны в каждом человеке. Однако даже те из людей, кто является к нам в чистоте, нередко таят в себе безнравственные наклонности. Когда в романе Достоевского «Идиот» князю Мышкину задают вопрос, не думает ли он, что «на свете гораздо больше воров, чем не воров, и нет даже такого самого честного человека, который хоть раз в жизни чего-нибудь не украл», то князь отвечает: «Мне кажется, что вы говорите правду, но только очень преувеличиваете». Достоевский вложил эту фразу в уста своего чистейшего героя, чтобы показать всю серьезность этой мысли. Задача человека, по Достоевскому, состоит не в том, чтобы скрывать свои пороки от других или даже от самого себя, и не в том, чтобы достичь абсолютной беспорочности. Главная задача состоит в том, чтобы не дать безнравственным наклонностям разрастись, не допустить того, чтобы они заняли в душе доминирующие позиции, подчинили себе личность человека, целиком и в главном определяли его помыслы и поведение.

Нравственные принципы христианства, сформулированные, прежде всего, в десяти заповедях и в Нагорной проповеди Христа, во множестве притчей Ветхого и Нового Завета, служат своеобразными ориентирами общего характера, оставляя окончательный выбор за самим человеком. Общий характер нравственных принципов христианства предполагает свободу индивидуального нравственного выбора и личную ответственность. Эти принципы — не законы, которые следует выполнять лишь из страха перед наказанием. Следуя заповедям Христа, человек одновременно следует велениям глубин своего сердца, очищая его от всего наносного и освобождая его от замутнений. Именно поэтому христианство является, согласно

определению богословов, религией не закона, а «религией благодати». В центре христианской нравственности стоят принципы милосердия и сострадания, а также принцип справедливости. Справедливость понимается отнюдь не как равенство или уравниловка, а как принцип воздаяния за добро и наказания за зло. Главными человеческими добродетелями (положительными качествами) и одновременно высшими нравственными ценностями являются вера, надежда, любовь.

Неверным является представление о христианском Боге как о деспоте, ограничивающем свободу человека, превращающем его в раба. Такое представление было характерно для атеистов-революционеров, для анархистов. Известный анархист М. Бакунин рассуждал: «Бог есть, значит, человек — раб. Человек свободен, значит, нет Бога. Я утверждаю, что никто не выйдет из этого круга, а теперь выберем». На это рассуждение дал ответ Д. Мережковский: «Если есть Бог, то человек — раб», — утверждает Бакунин. Почему? Потому что «свобода есть отрицание всякой власти, а Бог есть власть». Это положение Бакунин считает аксиомой. И действительно, это было бы аксиомой, если бы не было Христа. Христос открыл людям, что Бог не власть, а любовь, не внешняя сила власти, а внутренняя сила любви. Любящий не желает рабства любимому. Между любящим и любимым нет иной власти, кроме власти любви; но власть любви уже не власть, а свобода. Совершенная любовь — совершенная свобода»*.

Все перечисленные свойства христианской нравственности придают ей способность быть мощным регулятором нравственной жизни человека и общества. На протяжении столетий православно-христианские принципы и были главными ориентирами в области нравственности в России.

Однако при всей значимости роли православия и его широком распространении в дореволюционной России нельзя не отметить, что нравственное воздействие христианского учения далеко не всегда было глубоким и уж тем более никогда не охватывало всего населения, в том числе даже и тех, кто привычно относил себя к православным. Нередко вера воспринималась формально, сводилась к внешнему исполнению церковных обрядов, не затрагивая нравственных основ личности. Имея в виду одного из героев романа Достоевского «Бесы», Ф. Степун писал: «Вспомним Федьку Каторжного — христианина, постоянно читающего Апокалипсис, зажигающего Кириллову лампады, но за несколько рублей, брошенных ему Ставрогиным, перерезающего горло Лебядкиной; или еще

* *Мережковский Д.* Грядущий хам / *Мережковский Д.* Больная Россия. Избранное. Л., 1991. С. 24—26.

страшнее — тех парней, что выносят из церкви вынутое изо рта причастие, кладут его на забор в огороде и стреляют в него... «Все эти ужасы... — комментирует Степун, — конечно, не составляют сердцевины России — кто это посмеет утверждать, но это ее очень показательное грехопадение»*. Напомним, что Розанов обращал внимание на плохо скрываемое безверие даже семинаристов и учащихся духовных академий.

Формальное, однако внешне весьма тщательное исполнение церковных обрядов, при сохранении в душе варварских, далеких от христианства нравственных представлений, было названо рядом русских мыслителей обрядоверием и квалифицировано как «срастание греха с внешним благочестием».

О «срастании греха с внешним благочестием» писал С. А. Аскольдов в своей статье в знаменитом сборнике «Из глубины» (1918). В подтверждение своей мысли он привел известное стихотворение А. Блока.

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм,

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом,

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод.

* *Степун Ф.* Встречи. М., 1998. С. 243.

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне... —
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Почему и такая Россия оказалась для поэта дороже всех краев? Аскольдов отвечает на этот вопрос так: «Вероятно, потому что он (Блок. — *В. Ш.*) интуитивно понял, что с этой пьяной икотой как-то неразрывно сочетались — пусть не в одном и том же человеке... — какие-то нигде не встречаемые ценности и красоты. Полярную противоположность такого рода сочетания составляют люди, иногда глубокие гуманисты... но до противности пошлые в восприятиях и оценках жизни, глухие к ее духовным красотам, не замечающие ее высот и глубин, живущие вечно на плоскости благ *культуры* (курсив Аскольдова. — *В. Ш.*) в смысле науки, техники и общественного благоустройства»*.

Слова из песни А. Розенбаума «Гулять так гулять, любить так любить, стрелять так стрелять» точно выражают еще одну из сторон российского умственного воспитания: все что угодно, только не размеренная, рациональная, благоразумная, но именно поэтому невыносимо скучная и пошлая жизнь. Эта сторона связана с тем, что называется «оттянуться на всю катушку», то есть на короткое время напрочь позабыть о текущих заботах и проблемах, чтобы потом *замаливать свой грех* и ценой невероятного напряжения наверстывать упущенное.

«Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, в том, — продолжает Аскольдов, — что среднее специфически человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других людей. В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала *святое и звериное*»**.

И далее: «Этот своеобразный зверинец русской души в достаточной мере ярко и художественно правдиво представлен нашими бытописателями: Гоголем, Островским, Лесковым, чтобы его нужно было подтверждать или иллюстрировать теми или иными примерами. Разве Собакевич не медведь, Коробочка не овца и Петух не добродушный боров, как-то странно очеловечившиеся и сохранившие в человеческом обличье добрую половину своей как телесной, так и духовной природы. И где, кроме как в России, возможны и символичны такие наименования людей, как Кит Китыч? Столь же

---

* *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции. В сб.: Из глубины. М., 1991. С. 27.

** Там же. С. 24.

ярко выражена и высшая часть русской души. История России и литература дают нам такие же многообразные примеры святости как в специфической области церковной жизни, так и в формах духовной высоты и чистоты в общих жизненных отношениях»*.

Н. О. Лосский среди множества свойств характера русского народа, которые являются положительными, выделял одно отрицательное в самом прямом и несомненном смысле — «хулиганство». Факты хулиганства выражались в игнорировании важнейших нравственных принципов православия, а иногда и в кощунственном издевательстве над ними. Иоанн Кологривов, слова которого уже приводились, в связи с фактами распущенности духовенства и народа отмечал также: «Класс так называемой интеллигенции** был не лучше народа: пьянство, бесчинства, азартная карточная игра, где ставились на ставку крепостные люди, бывшие на положении рабов, жестокость к ним, двоеженство, браки с малолетними, женоубийства, блуд и прочие бесстыдства... Понятно, что эта картина общественной нравственности была в глазах Святителя (Дмитрия Задонского. — *В. Ш.*) пожаром, опустошающим душу огнем беззаконий»***.

Еще одним примером «срастания греха с внешним благочестием» можно считать обычай дарения монастырям и церквам крупных вкладов, имений, одежды и т. п. Существование этого обычая отмечено еще в XVI в. «Давать в монастыри считалось особенно спасительным делом... — отмечал один из крупнейших историков России Н. Костомаров. — Некоторые знатные люди доставляли в монастыри каждогодние пропорции. Во время болезни и пред кончиною страждущие думали уменьшить тяжесть грехов вкладами в церковь... Если умирающий не успевал распорядиться формально, то наследники, зная его волю, считали своим долгом поскорее исполнить ее для успокоения души усопшего»****. Такое чисто формальное отношение к вере противоречит всему духу православия. Не дарения (хотя они полностью и не исключаются), а преображение души человека, воспитание в нем доброты, сострадания ближнему и «дальнему», человеколюбие — вот центр религиозно-нравственного учения и проповеди Православной церкви.

Очевидно, что не только к простому народу применимы слова В. О. Ключевского: «Переплетение несродных понятий вносило великую путаницу в религиозное сознание, проявлявшуюся многими

---

* *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции. В сб.: Из глубины. М., 1991. С. 24—25.

** Здесь под словом «интеллигенция» имеются в виду просто богатые, знатные или служивые люди, то есть все, не принадлежащие к крестьянам.

*** Очерки по истории русской святости. С. 316.

**** *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 295.

нежелательными явлениями в нравственно-религиозной жизни народа»*. Эти слова, в частности, еще раз подчеркивают не только имевшую в ряде случаев место относительно малую эффективность воздействия христианской нравственности, но и указывают на существование объективных трудностей на пути христианизации страны, которая постоянно находилась в процессе территориального расширения: наличие остатков языческих представлений, множественность и разнообразие конфессий, последствия церковного раскола.

Коренные причины недостаточного влияния православия на нравственный уровень народной жизни следует усматривать, разумеется, не в недостатках православного учения, не в его «отсталости» от западных ветвей христианства — католицизма и протестантизма. К сожалению, по этому теоретически наиболее простому пути идут некоторые отечественные авторы, настаивая на коренной реформации православия на манер западных церквей.

Действительными же причинами являются те, о которых отчасти уже шла речь в начале настоящей главы. Огромность территории, ее постоянное расширение приводили к тому, что на большей части современной России христианство насчитывает не тысячу лет своего существования (если считать от официальной даты — 988 г.), а от силы два-три, а порой всего одно-два столетия, причем последний век прошел в условиях жесткого государственного атеизма. Малая плотность населения, значительная удаленность одного населенного пункта от другого также в немалой степени затрудняли дело христианского просвещения: даже в начале XX в. в стране оставалось немало углов, где о христианстве и христианской нравственности имели весьма смутное представление или не имели никакого. Огромное разнообразие народов, исповедовавших своеобразные дохристианские культы, требовало в каждом случае особых подходов для разъяснения существа христианского вероучения. Характерно, что православие практически не прибегало к насильственным методам христианизации «иноверцев», не устраивало крестовых походов, инквизиций и т. п. Западная же церковь не останавливалась перед самыми жестокими мерами. Результатом карательных мер западной церкви стало полное физическое истребление десятков исконно населявших Западную Европу народов из числа противившихся христианизации. И. А. Ильин приводит их перечень, занимающий половину книжной страницы. Наконец, немалое значение для России имело бедственное положение священников, особенно приходских священников, и связанные с ним трудности выполнения священнической и нравственно-просветительской миссии в сложных российских условиях.

---

* *Ключевский В. О.* Соч. В девяти томах. Т. 1. С. 308.

В подтверждение последнего тезиса сошлемся на творчество А. П. Чехова. Известно его признание: «Веры у меня нет никакой». Тем более показательным является изображение в его произведениях личностей и жизни священников. «Помня распространенное представление о священниках и монахах как о людях, едящих легкий хлеб, — отмечает современный исследователь, — нельзя не обратить внимания на то, что у Чехова служитель церкви — это еще и труженик. Писателю, может быть, и не очень по душе благочинный Орлов («Письмо»)... но в одном он ему не отказывает — и не потому, что, как говорится, не может отказать, а напротив, подчеркивает это — служение этого благочинного есть, в сущности, тяжелый и беспрерывный утомительный труд... Церковь, жизнь церкви и люди церкви составляли предмет особой сердечной склонности писателя... Одно из последних и наиболее совершенных творений Чехова носит название «Архиерей» и посвящено скромному труженику церкви, изображенному с глубоким, поистине братским сочувствием»*. Отметим, что в произведениях Чехова столь же сочувственно изображаются сельские учителя и врачи, чья жизнь и служение требовали не меньшего напряжения сил и проходили в столь же тяжелых условиях, как и жизнь священников.

Трудности священнического служения ярко описаны в воспоминаниях С. Булгакова, предки которого в нескольких поколениях были служителями церкви. Не богатство, а существование, близкое к нищете, при необходимости каждодневного выполнения широкого круга обязанностей — вот что являлось постоянным спутником жизни священника. Описание нелегкой жизни священников и их стремления добросовестно выполнять обязанности по религиозно-нравственному воспитанию народа находим в произведениях А. Солженицына и ряда других авторов.

Эти и многие другие факты говорят о том, что привычный образ «попа» — толстого, заплывшего от жира и всяческих удовольствий, — образ, сложившийся, в частности, под влиянием картин Репина «Крестный ход в Курской губернии» и Перова «Чаепитие в Мытищах», следует рассматривать в качестве крайности, в качестве исключения, а отнюдь не в виде общего правила. Именно такой, по сути ложный, образ дореволюционного священника был взят на вооружение советской партийно-государственной идеологией и внедрялся в сознание людей на протяжении семи десятилетий с целью дискредитации православия.

---

* *Отец Йосиф (Затеишвили)*. Чехов и русская православная церковь / Русская литература XIX века и христианство. М., 1997. С. 44, 45.

Полнокровному воздействию православия на повышение нравственного уровня народа препятствовал еще один фактор. Даже такой искренне православный человек, как Достоевский, вынужден был с горечью констатировать, что «Русская церковь в параличе со времени Петра Великого». Петровская реформа церковного управления по сути свела Церковь к одной из частей государственной машины. Петр ликвидировал патриаршество, то есть лишил Церковь возможности самостоятельно и свободно выбирать главу Церкви на соборе. Вместо патриарха была учреждена должность обер-прокурора Синода, который назначался царем. Церковь стала едва ли не полностью зависимой от государственной власти, от царя. При таком положении Церковь, разумеется, не могла себе позволить занять критическую позицию по отношению к власти ни по одному вопросу. Вместе с тем недовольство народа на то или иное действие государственной власти автоматически распространялось и на Церковь, что неизбежно влекло за собою понижение ее авторитета. Петровская система церковного управления открывала широкий простор для проникновения на самую вершину церковной иерархии людей типа К. Победоносцева, в своей деятельности придерживавшегося противоречащей всякому здравому смыслу крайней охранительной позиции — «ничего не менять!». Ненормальная система церковного управления была отменена в период Временного правительства, которое в последние месяцы своего существования успело-таки созвать церковный собор. (Он завершил свою работу уже при большевиках, у которых еще не «дошли руки», чтобы с ним расправиться.) На соборе впервые более чем за 200 лет был избран глава Церкви — патриарх Тихон.

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом благотворное и мощное нравственное влияние православия на российское общество было вместе с тем ограничено целым рядом факторов как природно-географического, так и социально-исторического порядка.

Описанные же в русской классической литературе XIX в. факты вопиющего нарушения нравственных принципов христианства и даже кощунственного надругательства над христианскими ценностями следует, очевидно, рассматривать в качестве не столь редких, но все же *крайних* проявлений. Они составляют один из полюсов жизни народа. На противоположном полюсе располагается святость, а также проявления высокой нравственности обычных людей, не причисленных к святым. Таких людей в России всегда было немало. Именно они составляли и составляют опору как для любого жизнеспособного коллектива, так и для всего общества. Слова А. Солженицына из повести «Матренин двор» — «не живет село без праведника» — вполне оправданно обобщить в более широкий тезис: не живет Россия без праведников.

Очевидно, что именно между двумя названными крайними полюсами (положительным и отрицательным) располагался и располагается нравственный уровень *большинства* населения. Можно смело констатировать, что этот уровень в России в среднем никогда не был ниже уровня нравственности в любой другой стране, в том числе в тех, которые принято считать цивилизованными.

Вместе с тем под влиянием исторических обстоятельств средний уровень нравственности способен сдвинуться либо в сторону одного или другого полюса. Так, в период 1917 — начала 20-х годов он вполне очевидно сдвинулся в сторону понижения. Это было связано с утратой религиозности, с гражданской войной, ибо именно междоусобная война особенно ожесточает нравы, с попыткой большевиков насадить антихристианскую нравственность, то есть по существу антинравственность. Такой же сдвиг в сторону понижения можно отметить и в современный, постперестроечный период 1991—1999 гг. Стабильно высокий массовый уровень нравственности характерен для XIX в., поскольку, несмотря на отмеченные выше недостатки и трудности, христианская нравственность являлась мощным и по существу единственным регулятором жизни подавляющего большинства населения. Так, К. Леонтьев отмечал характерное для XIX в. значение христианской нравственности для прочности семейных уз, для духовного здоровья и благополучия семьи: «Если мы найдем старинную чисто великорусскую семью (то есть в которой ни отец, ни мать ни немецкой крови, ни греческой, ни даже польской или малороссийской), крепкую и нравственную, то мы увидим, во-первых, что она держится больше всего православием, церковью, религией... заповедью, понятием греха, а не вне религии стоящим принципом отвлеченного долга, одним словом, чувством, не признающим греха и заповеди...»* При отсутствии религиозного оправдания семья держится на долге, на недопущении эвдемонизма** и на отрицании терпимого отношения к супружеской измене, то есть на отрицании «той согласной взаимной терпимости, которую так любило дворянство романских стран XVII и XVIII вв.»***. Христианская нравственность способствовала доверию между людьми, делала их более восприимчивыми и отзывчивыми к чужой боли и страданиям, препятствовала проявлениям эгоизма.

Есть основания полагать, что в первые годы советской власти большевики ставили задачу не просто разрушения христианства и

---

* *Леонтьев К.* Записки отшельника. М., 1992. С. 38.

** Эвдемонизм — здесь взгляд, согласно которому чувственные, прежде всего сексуальные, удовольствия занимают главное место в жизни человека, поэтому супружеская измена вполне допустима.

*** *Леонтьев К.* Записки отшельника. М., 1992. С. 38.

церкви и даже не просто внедрения новой «коммунистической» веры, а создания и распространения антихристианства — такого учения, которое бы заимствовало некоторые христианские обрядовые формы, придавая им совершенно противоположное, то есть антихристово содержание. Такую гипотезу отстаивает ряд современных авторов. Одним из показательных фактов в пользу такой трактовки И. А. Есаулов считает, например, то, что в сюжетной композиции поэмы «Владимир Ильич Ленин» Маяковский сознательно или бессознательно воспроизводит ситуацию православной молитвы перед иконой. Он докладывает фотопортрету Ленина — инфернальному (то есть дьявольскому, адскому) двойнику православной иконы: «Работа адовая будет сделана и делается уже...» Частое употребление в произведениях первых советских поэтов и писателей, в речах партийных руководителей тех слов, которые в церковно-славянской лексике служат обозначению сил зла — «дьявольский», работа «адова», «красные дьяволята» и аналогичных, согласно Есаулову, отнюдь не случайно. Это — осознанное или неосознанное проявление стремления внедрить антихристианство и антинравственность. В этом ряду же стоит и, например, приведенное Горьким изречение Ленина: «А сегодня гладить по головке никого нельзя; и надо бить по головкам, бить безжалостно... Гм-гм, должность *адски трудная*!». Характерна «оговорка» и самого Горького в том же известном очерке о Ленине: «Владимир Ленин большой, *настоящий человек мира сего...*». Как известно, на языке христианства «князь мира сего» — не кто иной, как сатана...*.

Со второй половины 30-х годов, когда в преддверии войны репрессии в отношении Церкви были несколько ослаблены (за исключением послевоенного периода правления Хрущева, который с энергией, достойной лучшего применения, вновь взялся за разорение Церкви), в бывшем Советском Союзе в основной массе населения, очевидно, действовали две основные тенденции в отношении к религии и церкви. Одна из них была связана со все большим отходом от религии и, соответственно, со все большим отходом от религиозной нравственности. Другая, противоположная первой, тенденция выражала понимание того, что принципы религиозной нравственности, даже при отсутствии глубокой веры, являются важнейшим рычагом в установлении общественного доверия и согласия, выступают незаменимым идейным компасом в личном поведении человека.

Сожаление об утрате в советское время нравственных ценностей религиозного происхождения отчетливо выражено в строках В. Высоцкого:

---

* Примеры взяты из книги: *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 180—183. Курсив Есаулова.

И ни церковь, ни кабак,
Ничего не свято.
Нет, ребята, все не так,
Все не так, ребята.

Современное возрождение православной церкви (как и других классических российских конфессий, если они воспринимаются не в искаженном или фанатичном варианте) должно, несомненно, способствовать решению задачи повышения нравственного уровня в массе населения. Однако в современных условиях Церковь сама по себе, в одиночку не сможет справиться с этой задачей. В нравственном воспитании должны играть важную роль система образования (вспомним, что еще Руссо настаивал на том, что в учебных заведениях должна преподаваться одна важнейшая наука — «наука быть человеком»), искусство, средства массовой информации, литература.

5. РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ИСКУССТВО

«Нет ни малейшего сомнения в том, что... иконопись выражает собою глубочайшее, что есть в древнерусской культуре; более того, мы имеем в ней одно из величайших *мировых* сокровищ религиозного искусства. И однако, до самого последнего времени икона была совершенно непонятна русскому образованному человеку. Он равнодушно проходил мимо нее, не удостоивая ее даже мимолетнего внимания. Он просто-напросто не отличал иконы от густо покрывавшей ее копоти старины. Только в самые последние годы у нас открылись глаза на необычайную красоту и яркость красок... Только теперь, благодаря изумительной технике очистки, мы увидели эти краски отдаленных веков, и миф о «темной иконе» разлетелся окончательно. Оказывается, что лики святых в наших древних храмах потемнели единственно потому, что они стали нам чуждыми; копоть на них нарастала частью вследствие нашего невнимания и равнодушия к сохранению святыни, частью вследствие нашего неумения хранить эти памятники старины»*.

Эти слова были сказаны выдающимся русским философом, знатоком древнерусской иконы Е. Н. Трубецким во время публичной лекции, прочитанной в 1916 г. Адресованы они были в первую очередь образованным людям — интеллигенции. Как уже отмечалось, немалая часть российской интеллигенции конца XIX — начала XX в.,

* *Трубецкой Е.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи / Философия русского религиозного искусства / Под ред. Н. К. Гаврюшина. М., 1993. С. 201.

поддавшись односторонней увлеченности социалистическими и иными идеями западного происхождения, потеряла интерес и вкус ко всему отечественному. Российская древность стала рассматриваться этой частью интеллигенции как нечто устаревшее, давно отжившее свой век, как проявление мракобесия и отсталости. Сегодня религиозная, эстетическая и этическая ценность древнерусской иконы не нуждается в доказательствах. Немалая заслуга в опровержении ложного взгляда на икону и в достижении общественного, поистине мирового, признания ее ценности принадлежит Е. Трубецкому, П. Флоренскому, С. Булгакову, В. Бычкову, Д. Лихачеву и другим исследователям.

Е. Н. Трубецкой явился автором емкой характеристики иконы — характеристики, ставшей классической, — «умозрение в красках». Под умозрением здесь понимается и философия, и догматика христианства, и христианская нравственность, и церковная история — все стороны христианского взгляда на мир и человека, на миссию Церкви. Однако важно иметь в виду, что икона — умозрение не книжное, а именно «в красках», то есть выраженное в художественной форме. Она являет собой религиозное и эстетическое единство и как таковая выступает одной из важнейших форм православно-христианского *символизма*.

«Система символов в религиозно-мистическом сознании православия носит тотальный характер, — отмечают современные исследователи К. Бобков и Е. Шевцов. — Христианство начинается с принятия Символа Веры. Само понятие Господа как символа есть исповедание некоего иного мира, как и акт крещения означает переход в «новое подданство»*. Так, «православный храм представляет собой сложный, неисчерпаемой обозримости символ, — продолжают те же авторы. — Расположение храма, его архитектура, система росписи символически выражают то, что непосредственно изобразить невозможно. Храм как целостный символ — это и образ Вселенной, и существующей в ее пределах Церкви, распространенной по всему миру и созерцаемой в перспективе. Храм — мистический образ тела Христова, Единой Святой апостольской Церкви. Слово «церковь» применяется одновременно и к Церкви как Царству Христову, состоящему из верующих, и к храму. Храм — это образ горнего Иерусалима грядущего...»**. Восточная сторона храма символизирует образ света, «страну живых», страну райского блаженства. Напротив, западная сторона храма, где находится притвор, — это область мрака и скорби. В притворе стоят оглашенные и кающиеся. Они не изгоняются из храма, но не могут принимать участия в Та-

* *Бобков В. К., Шевцов Е. В.* Символ и духовный опыт православия. М., 1996. С. 13.
** Там же. С. 25.

инствах церкви. Притвор символизирует мир необновленный, еще лежащий во грехе. Поэтому притвор находится в западной части храма, противоположной алтарю.

Наиболее важной частью храма является алтарь. Алтарь — основная святыня храма, освящающая все здание. Алтарь символически изображает «селение Божие», «небо небесе», место, где восседает на престоле с апостолами Христос. Средняя часть храма вмещает в себя людей, готовящихся к восприятию благодати, получаемой в таинстве Евхаристии (причастия). Середина храма символически представляет собой все земное пространство, где находится вселенская Христова Церковь. Средняя часть храма символизирует мир тварный (сотворенный, земной), но уже освященный, религиозно оправданный.

Символична конструкция иконостаса, отделяющего алтарную часть от средней части храма. Однако иконостас нередко трактуется не только как разделение, но и как то, что объединяет символ вечности — алтарь с символом земного, конечного существования — средней частью храма. Иконостас состоит из нескольких горизонтальных рядов икон, расположенных в определенном порядке. Смысл, композиция и символизм иконостаса подробно представлена П. Флоренским в работе «Иконостас». Все ряды иконостаса подчинены основной задаче — раскрытию смысла первой и основной иконы — иконы Христа. Северная и южная стороны православного храма украшаются картинами из Вселенских соборов. В куполе изображается Христос Вседержитель (греч. Пантократор).

Следует обратить внимание на то, что в православии «изобразимость Христа противопоставляется неизобразимости Бога Отца, невидимого, непостижимого и, следовательно, неописуемого. Московский Большой Собор 1666—1667 гг. вообще запретил изображение Бога Отца... В рамках православной догматики и канонов Бог Отец познается Сыном (то есть Христом. — *В. Ш.*), а Сын познается Духом Святым. Отсюда икона изображает только то, что было явлено людям: Сына Бога — как Богочеловека, Духа Святого — через его проявления в виде голубя, огненных языков, ярчайших световых бликов»*.

Символизм присущ не только художественному оформлению храма, не только его расположению и конструкции. Он свойствен всем сторонам христианства: и притче как особому виду текста, составляющему своеобразную «единицу» библейского повествования, и литургии, и православным праздникам, и многим другим проявлениям церковной жизни. В целом можно констатировать, что жизненный мир христианской культуры представляет собой сложную,

* *Бобков К. В., Шевцов Е. В.* Символ и духовный опыт православия. С. 61.

символическую и вместе с тем гармоничную и универсальную картину, в которой находят свое выражение все грани мироздания и человеческой жизни. Именно символичность и лежащее в ее основе понятие символа и являются главными основаниями гармоничности и универсальности этой картины, придают ей характер подлинной симфонии.

Что же такое символ? Наиболее близким понятию символа является понятие знака. И символ, и знак есть некоторое обозначение — в этом их сходство. Однако знак, как правило, указывает на одну вещь, имеет одно-единственное содержание. Наличие многосмысленности знака придает ему неопределенность, поэтому рассматривается как недостаток, требующий устранения. Символ же, напротив, имеет бесконечное количество смыслов, где один усиливает другой. Символ как бы «стягивает» в себя всевозможные множества смыслов. Он является центром всех смыслов, откуда может происходить их постепенное развертывание. «Символ можно определить как таинственный язык, приоткрывающий то, что незримо совершается в храме, открывая глаза на живущую в Церкви реальность... Еще одна особенность символа: он не просто обозначает бесконечное количество единичностей, но в себе содержит закон их возникновения. Символ использует материальные конструкции знака (слова, краски, линии, свет, цвет, звук), но сами символы при этом не есть обозначения предметов, вещественных структур, — но сущностей, идей, понятий. Для православия все происходящее в мире есть не только совокупность предметов... но — отображение лучшего, горнего мира. В этом заключается связь Творца и мира. Все происходящее — только отблеск, тени невидимого глазом. Это символическое мироощущение, когда природа и мир — только лишь прозрачная оболочка, отражение непреходящих реальностей»*.

Символизм православной культуры находит яркое выражение в русской иконе. В ней все подчинено главной задаче: посредством изображения мира видимого раскрыть содержание мира невидимого, божественного. Идеализация тела была свойственна искусству античности и западноевропейского Возрождения. Икона же призвана выразить возвышенный дух красоты, доброты, смирения, кротости. Именно поэтому, по словам С. Булгакова, «икона не дает места похоти и ее тончайшим услаждениям, поэтому она суха и бессодержательная для их любителей, но потому на икону можно молиться трезвенно и без соблазна»**.

Икона вообще не столько изображает, сколько *свидетельствует*. Она в визуально-прекрасной форме свидетельствует о высшей ре-

---

* *Бобков К. В., Шевцов Е. В.* Символ и духовный опыт православия. С. 19.
** *Булгаков С.* Соч. В двух томах. М., 1993. Т. 2. С. 632.

альности так, чтобы внимание зрителя не заострялось на внешней форме, не останавливалось на ней. Икона взывает к миру горнему и сама является его свидетельством.

С этой основной особенностью иконы связан целый ряд других. К ним прежде всего следует отнести то, что процесс написания иконы строго регламентирован: он подчинен определенному канону и догматам. Икона пишется в строгом соответствии с разработанными и утвержденными Церковью правилами. В работе над ней участвуют несколько мастеров, функции которых строго определены. С каноничностью иконы связаны упреки, нередко адресуемые иконописи, во-первых, в том, что икона не в состоянии выразить индивидуальность мастера, во-вторых, в том, что искусство иконописи якобы не способно к развитию. Оба упрека следует признать несостоятельными, основанными на непонимании смысла и предназначения иконы.

Индивидуальность автора раскрывается в иконе действительно не так, как в картине, предназначенной для художественной галереи, выставки, украшения интерьера и т. д. Вообще, икону и картину, даже если последняя посвящена религиозной тематике, не следует сравнивать. У них разные цели и задачи, следовательно, различны их методы и формы. Решая задачу свидетельствования о мире божественном, который в представлении верующего человека и является единственно объективным, иконописец, естественно, должен стремиться к отстранению от всего авторски-субъективного, сугубо личностного, того, что поверхностно и тленно. Именно поэтому написанию иконы должны предшествовать длительный пост, молитва, очищение души мастера от греховных помыслов. Вместе с тем канон не препятствует творческому самовыражению художника-иконописца. Павел Флоренский в этой связи писал: «Художественному творчеству канон никогда не служил помехой, и трудные канонические формы во всех отраслях искусства всегда были... оселком, на котором ломались ничтожества и заострялись настоящие дарования. Подымаясь на высоту, достигнутую человечеством, каноническая форма высвобождает творческую энергию художника к новым достижениям, к творческим взлетам и освобождает от необходимости «творчески» твердить зады: требования канонической формы, или, точнее, дар от человечества художнику канонической формы есть освобождение, а не стеснение»*. Действительно, творческий почерк автора, особенности его стиля обнаруживаются в иконах кисти различных мастеров, как именитых, таких, как, например, Андрей Рублев и Феофан Грек, так и множества малоизвестных или

* Цит. по: *Дунаев М. М.* Своеобразие русской религиозной живописи. XII — XX век. М., 1998. С. 18.

безымянных иконописцев, как принадлежавших далекому прошлому, так и современных. А ведь все иконы написаны, в общем и целом, в соответствии с одним и тем же каноном. Сам канон, конечно же, тоже подвержен изменениям, но они протекают крайне медленно и заметны лишь в крупном масштабе исторического времени.

Ответ на второй из названных выше упреков к иконописанию — в неспособности к развитию — находится в тесной связи с решением вопроса о развитии догматической стороны православия. Крупнейший дореволюционный историк церкви и богослов (живший впоследствии в вынужденной эмиграции) А. А. Карташов настаивал на том, что у православной церкви есть и всегда будет «право и факт нормального развития догматов. Пора сдать в архив устаревшее чурание термина «развитие»*. Однако Карташов предостерегает от «развития ради развития», от таких изменений, которые сходны с погоней за модой. Развитие догматической стороны (разумеется, с сохранением догматов основополагающего значения) мыслится современными богословами как обобщение нового религиозного опыта, причем опыта не индивидуального, а церковного, соборного. Этот же ход рассуждения применим и к проблеме иконотворчества. Развитие иконы, новаторство, известные изменения и дополнения иконографических канонов должны быть оправданы новизной церковно-соборного опыта всей церкви.

Еще одна особенность иконы, вытекающая из ее смысла и предназначения, была охарактеризована П. Флоренским как «обратная перспектива». Чтобы уяснить суть обратной перспективы, следует вспомнить об открытой художниками западного Возрождения прямой (или, по-иному, «линейной») перспективе. (Есть сведения о том, что данный вид перспективы был известен древним грекам, но широкого распространения в Древней Греции не получил.) Прямая или линейная перспектива — это строго геометрический способ изображения пространства, при котором все выражающие объем пространства линии сходятся в одной точке, соответствующей бесконечной удаленности от наиболее близлежащего к зрителю поля картины. Прямая перспектива позволяет выразить на плоскости глубину пространства. Соответственно предметы, расположенные ближе, изображаются более крупными, а по мере их удаленности — пропорционально более мелкими. Прямая перспектива налагает запрет на изображение того, что не может быть видимо с данной точки зрения. Например, стоя лицом к фасаду здания, невозможно увидеть то, как оно выглядит с противоположной стороны, или одновременно две боковые стороны. Прямая перспектива ставит зрителя картины на ту точку, с которой созерцал изображаемое художник, автор картины.

---

* *Карташов А. В.* Воссоздание Святой Руси. М., 1991. С. 229.

Открытие, разработка и применение в художественной практике принципов прямой перспективы явились выдающимися достижениями художественной культуры Возрождения. С этой эпохи и до настоящего времени подавляющее большинство картин создаются по правилам прямой (или линейной) перспективы. Со временем соответствие этим правилам стало привычным как для художников, так и для зрителей. Более того, оно стало восприниматься как единственно правильное (в художественном отношении «грамотное») изображение пространства и расположенных в нем предметов.

При взгляде практически на любую древнерусскую икону легко обнаружить, что принципы прямой перспективы в ней полностью нарушены или соблюдаются лишь частично. Впрочем, следует сразу отметить, что в истории мирового искусства можно найти огромное число примеров графических изображений, которым также свойственно несоблюдение принципа прямой перспективы. Однако их художественная ценность не подвергается сомнению. Так, все древнеегипетское изобразительное искусство не знало и не соблюдало принципов перспективы, о которой идет речь. Поразительно и то, что многие выдающиеся художники, начиная с первых десятилетий XX столетия вплоть до наших дней, сознательно идут на отказ от изображения по правилам прямой перспективы, о чем более подробно речь пойдет ниже. Таким образом, широкий взгляд на историю изобразительного искусства свидетельствует о том, что отсутствие привычной перспективности изображения не является редким исключением. Не является оно и показателем какой-то «неразвитости» искусства, неразработанности, примитивности художественных средств.

Обратная перспектива иконы есть выражение сознательного замысла для решения основной задачи — посредством изображения мира видимого свидетельствовать о мире невидимом, горнем, божественном. Иначе говоря, она тесно связана с символизмом как неотъемлемым свойством иконы.

Проявления «нарушений» правил прямой перспективы в иконе описаны П. Флоренским. Совершенно неожиданными (с точки зрения обычно перспективы) представляются изображения «предметов с плоскими гранями и прямолинейными ребрами, как-то, например, зданий, столов и седалищ (то есть постаментов, скамеек и т. д. — *В. Ш.*), в особенности же книг, собственно же Евангелий, с которыми обычно изображаются Спаситель и Святители... Тела, ограниченные кривыми поверхностями, тоже переданы в таких ракурсах, которые исключаются правилами перспективного изображения. Как в криволинейных, так и в ограненных телах на иконе бывают нередко показаны такие части и поверхности, которые не могут быть видны сразу... так, при нормальности луча зрения к фасаду

изображаемых зданий у них бывают показаны обе боковые стенки; у Евангелия видны сразу три или даже все четыре обреза; лицо — изображается с теменем, висками и ушами, повернутыми вперед и как бы распластанными на плоскости иконы, с повернутыми к зрителю плоскостями носа и других частей лица... характерны также горбы сгорбленных фигур деисусного ряда (одного из рядов иконостаса. — *В. Ш.*), спина и грудь, одновременно представленные у св. Прохора, пишущего под руководством апостола Иоанна Богослова, и другие аналогичные соединения профиля и фаса, спинной и фронтальной плоскостей и т. д. В связи с этими дополнительными плоскостями, параллельные и не лежащие в плоскости иконы, которые перспективно должны быть изображены сходящимися к линии горизонта, на иконе бывают изображены, напротив, расходящимися»*.

Флоренский опровергает утверждения в том, что нарушение перспективности изображения в иконах есть всего-навсего проявление наивности, «детскости». Во-первых, иконы с наибольшими отклонениями от правил прямой перспективы действуют на зрителя эмоционально гораздо более сильно, чем те, в которых таких отклонений немного или они вообще отсутствуют. Во-вторых, наибольшие и наиболее «дерзкие» выходы за рамки прямой перспективности присущи самым выдающимся иконописцам, тогда как мастера «второго ряда» гораздо более робки в данном отношении. В-третьих, те части изображаемых предметов, которые не должны быть видны по правилам прямой перспективы, нередко нарочито подчеркиваются, например, окрашиваются в более яркие тона. Наконец, как ближайшее распространение характерной для иконы обратной перспективы «следует отметить *разноцентренность* в изображениях: рисунок строится так, как если бы на разные части его глаз смотрел, меняя свое место»**.

С учетом истории всего мирового искусства, а также особенностей искусства XX в. многие современные искусствоведы приходят к выводу, что разработанные художниками западноевропейского Возрождения правила прямой перспективы не являются единственными для изобразительного искусства. Они не могут быть также признаны в качестве некоторого единственного и абсолютного критерия «правильности» художественного изображения. Источником возникновения прямой перспективы явилось представление о пространстве, основанное на эвклидовой геометрии и затем закрепленное в математике Декарта и механике Ньютона. Согласно этому пред-

---

* *Флоренский П.* Обратная перспектива./ Философия русского религиозного искусства / Под ред. Н. К. Гаврюшина. М., 1993. С. 247—248.

** Там же. С. 249.

ставлению, пространство прямолинейно, трехмерно и представляет собой не что иное, как пустое вместилище тел. В строгом соответствии с ним находится непреложное правило прямой перспективы; разметка пространства должна предшествовать процессу изображения помещаемых в него предметов. Изображение предмета должно быть строго подчинено геометрической разметке пространства.

Нет необходимости специально акцентировать, что наука конца XIX — XX в. радикально изменила эвклидово-декартовско-ньютоновские представления о пространстве. Открытие неэвклидовых геометрий Риманом и Лобачевским, теории относительности Эйнштейном и другие выдающиеся достижения науки резко изменили картину мира, казавшуюся прежде привычной и единственно возможной. XX в. внес существенные изменения и в представления о человеке и обществе. Все это не могло не отразиться на художественной теории и практике. Как это ни покажется странным на первый взгляд, именно особенности современности способствовали глубокому осмыслению древнерусской иконы, своеобразному «переоткрытию» ее ценности.

Из числа достоинств свойственной иконе обратной перспективы следует особо выделить упомянутую выше разноцентренность изображения. Прямая перспектива помещает зрителя картины в ту точку, с которой видит изображенное художник. Точка зрения задана и даже навязана зрителю: он вынужден видеть мир так, как увидел его художник. Разноцентренность изображения, напротив, предполагает свободу зрительского взгляда: наблюдатель не поставлен в единственную и заранее фиксированную точку. Следовательно, он может видеть изображение из разных центров, ставя себя по на одну, то на другую позицию. Разноцентренность способствует тому, чтобы икона не превратилась в простое дублирование реальности, не стала простым удвоением видимой реальности. Она призвана пробуждать в человеке особые чувства и мысли, рождать особые понятия и идеи. Таким образом, разноцентренность (как и обратная перспектива) находится в тесной связи с символизмом как неотъемлемым свойством иконы.

Как отмечают многие исследователи, в XVIII и XIX вв. в российском искусстве выделялись три главных потока: народное, самодеятельное искусство; искусство религиозное, церковное; искусство «высокое», основанное по преимуществу на западных образцах. Эти потоки длительное время существовали в изоляции друг от друга, словно не замечая друг друга. Существенные перемены в соединении и во взаимном творческом обогащении трех потоков начали происходить в конце XIX — начале XX в.

«С конца XIX в. наметилось стремление ввести древнерусское искусство в «большое» искусство России, — отмечал академик Д. С. Лихачев. — Это стремление шло двумя путями. С одной стороны, это

было возвращение к древнему искусству иконописи в творчестве Врубеля, Васнецова, Нестерова, Рериха, а с другой — стремление присоединиться к тому потоку русского искусства. которое прямым образом продолжало русское традиционное искусство. Рябушкин, Кустодиев, Петров-Водкин испытывают на себе влияние провинциальных вывесок, глиняной игрушки — их цвета и их «первозданности». Особенно отчетливо возвращение к народной вывеске у Шагала. Но был и третий путь воссоединения с традиционным искусством — путь, открытый авангардом начала XX в. Авангардисты стремятся продолжить непосредственность лубочных изданий в своих изданиях, перенести в свои произведения экспрессию крестьянской и древнерусской иконы, фресок, лубочных картинок, чистоту и яркость красок, отчетливую ясность композиций, отчетливость образов»*. Это хорошо видно в картинах Малевича, Филонова, гравюрах Н. Гончаровой. «Наметилась и еще одна тенденция — соединения живой традиции и обращения к древнерусской классике в произведениях Петрова-Водкина. Его «Богоматерь — Умиление злых сердец» не только по форме, но и по содержанию становится своего рода классикой русской иконописи.

Его отношение к Богоматери благоговейно, как у настоящего иконописца, стремящегося не стилизовать, а продолжить традицию, следовать идеалам, а не просто их воспроизводить... Впрочем, нельзя сказать, что этого стремления к идеалам, созданным в древнерусском искусстве и искусстве народном, не было и у всех других так называемых «авангардистов», в большинстве своем пытавшихся выразить в своих произведениях крепкую... веру как в Божество, так и в человека»**.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Страницы русской зарубежной печати. Мюнхен—М., 1988.

Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции. В сб.: Из глубины. М., 1991.

Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1.

Бобков К. В., Шевцов Е. В. Символ и духовный опыт православия. М., 1996.

Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990.

Булгаков С. Православие. Очерки учения православной церкви. М., 1991.

Бычков В. 2000 лет христианской культуры. Т. 2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М., 1999.

---

* *Лихачев Д. С.* Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992. С. 370, 374.

** Там же.

Дунаев М. М. Своеобразие русской религиозной живописи. XII—XX вв. М., 1997.

Зайцев Б. Улица Святого Николая. М., 1989.

Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995.

Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.

Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 1, 2.

Ключевский В. О. Соч. В девяти томах. Т. 1.

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.

Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992.

Лосский Н. О. Характер русского народа. Кн. 1. Посев. 1957.

Малерб М. Религии человечества. М.—СПб. 1997.

Мережковский Д. Грядущий хам / *Мережковский Д.* Больная Россия. Избранное. Л., 1991.

Мережковский Д. Теперь или никогда / *Мережковский Д.* Больная Россия. Избранное. Л., 1991.

Очерки по истории русской святости. Составил иеромонах Иоанн (Кологривов). Брюссель, 1961.

Путь православия. Пастырский, богословский, церковно-общественный журнал. № 1 и последующие.

Религия и демократия. На пути к свободе совести. М., 1993.

Религия народов современной России. Словарь. М., 1999.

Религия, церковь в России и за рубежом. Информационный бюллетень Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации. М., 1995.

Розанов В. В. Среди художников. М., 1994.

Русская литературе XIX века и христианство / Под общ. ред. В. И. Кулешова. М., 1997.

Степун Ф. Встречи. М., 1998.

Струве Никита. Православие и культура. Христианское издательство. М., 1992.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995.

Тришин А. Мировые религии и религиозные памятники. М.—Брянск, 1997.

Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.

Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв. Антология. Составление и общая редакция Н. К. Гаврюшина. М., 1993.

Флоренский П. А. Иконостас. М., 1994.

Экономцев И. Православие. Византия. Россия. М., 1992.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Кто из дореволюционных и эмигрантских отечественных мыслителей считал, что русский народ в высокой степени религиозен? Кто, напротив, полагал, что это по своей природе безрелигиозный, глубоко атеистический народ? На каком основании Д. Мережковский счел обе позиции верными?

2. Чем можно объяснить рост религиозности в России в постперестроечные годы?

3. Приведите характерные примеры невежества в религиозных вопросах. Свойственно ли оно только лишь для советского и постсоветского периодов?

4. Чем объясняются трудности на пути распространения и неискаженного восприятия в России влиятельных мировых конфессий, таких, как христианство, ислам, иудаизм, буддизм, и в чем, соответственно, причины длительного сохранения языческих культов?

5. Каковы причины легкого распространения в постсоветской России новых религиозных культов отечественного и зарубежного происхождения?

6. Как сказывается на российской жизни догматически-религиозное восприятие политических и экономических доктрин?

7. Каково влияние регионального фактора на глубину религиозности в России?

8. Какие религиозные направления являются основными, традиционными, для России?

9. Какие исторические факты свидетельствуют о преобладании в России мирных отношений между различными религиозными конфессиями?

10. Коротко охарактеризуйте этапы распространения ислама в России. Какие российские народы традиционно исповедуют ислам? Какое отношение к исламу характерно для российской государственной власти?

11. Каковы истоки распространения иудаизма в России? Какие периоды истории России отмечены наибольшими гонениями на иудаистов? Когда были отменены все правовые ограничения для лиц иудейского вероисповедания?

12. Коротко охарактеризуйте историю распространения буддизма в России. Какие российские народы традиционно исповедуют буддизм? Каково характерное отношение к буддизму российской власти?

13. Каковы характерные черты положения в России римско-католической церкви и протестантизма?

14. Имеется ли взаимное влияние между традиционными для России религиозными направлениями?

15. Как в целом можно охарактеризовать политику российских самодержцев по отношению к неправославным верованиям? В чем проявлялся либерализм этой политики?

16. Каковы позитивные функции православия в российской истории?

17. В чем состояла роль православия в формировании и развитии российской цивилизации?

18. Какими историческими факторами определились черты сходства и различия российской и западной цивилизаций? Почему правомерно считать их «цивилизациями-сестрами»?

19. Какие последствия имел церковный раскол XVII в.? Что стало характерным для отношения Православной церкви к старообрядцам?

20. Как проявились нравственно-религиозные функции православия в России? На чем основано нравственное воздействие христианства на человека?

21. Что означает «срастание греха с внешним благочестием»? В каких формах оно проявляется?

22. Как можно объяснить описанные в русской классической литературе случаи вопиющего нарушения принципов христианской нравственности и кощунственного надругательства над христианскими ценностями?

23. На каком основании некоторые современные авторы считают, что в первые два десятилетия после захвата власти большевики не просто стремились уничтожить христианство (как и другие религии), а насадить антихристианство, то есть то, что в христианстве названо учением Антихриста?

24. Когда и кем был опровергнут ложный миф о невысокой ценности русского религиозного искусства?

25. В чем находит свое проявление символизм русского религиозного искусства?

26. Что такое символ и каковы его особенности?

27. Каковы особенности православной иконы? Что такое обратная перспектива и разноцентренность изображения?

28. В чем проявилось в XX в. слияние трех основных потоков российского искусства: народного (самодеятельного), религиозного, «высокого»?

Глава 11

РОССИЯ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ ГОСУДАРСТВ

1. *Общая характеристика роли России в мировом сообществе государств.*
2. *Национальная безопасность, национальные интересы, сфера национальных интересов России.*
3. *Российский патриотизм.*
4. *Российский воинский дух.*

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОЛИ РОССИИ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ ГОСУДАРСТВ

Современный отечественный исследователь А. С. Ахиезер отмечает: «Россия может быть по своей сути мостом между народами, но может быть и пороховым погребом, который находится в слабом месте мирового сообщества. Отсюда необходимость возрастающего внимания к проблема России, которые, по сути, затрагивают весь мир»*. Очевидно, что международное значение России, по меньшей мере начиная с эпохи Петра Первого, всегда было велико. Остается значительным оно и сегодня. Однако надо иметь в виду, что представители практически любой крупной страны склонны рассматривать международную роль своей страны как важнейшую. Так, например, видный исследователь цивилизации в США, американский ученый Макс Лернер считает, что «Америка — концентрация мировых *противоречий*, где они и призваны разрешиться»**. Не менее показательно мнение выдающегося французского историка Фернана Броделя: «Франция — одна из тех стран, где решаются судьбы всего мира»***. Чтобы не вступать в спор, выскажемся о роли России скромнее: Россия — *одна* из целого ряда стран, где решаются судьбы всего мира.

---

* *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. В трех томах. Т. 2. М., 1991. С. 375.

** *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. С. 96.

*** *Бродель Ф.* Что такое Франция? Т. 1. С. 15.

Роль страны в составе мирового сообщества государств определяется ее экономическим, научно-техническим, военным, культурным потенциалами. Глубинным основанием международной роли страны является ее геополитическое положение. Напомним, что *геополитическое положение* страны связано с особенностями ее расположения на географической карте мира, размером территории, наличием природных ресурсов, климатическими условиями, плодородием и состоянием почв, численностью и плотностью населения, с протяженностью, удобностью и обустроенностью границ. Особое значение имеет наличие или отсутствие выходов в Мировой океан, легкость или, наоборот, затрудненность таких выходов, а также среднее расстояние от основных центров страны до морского побережья. Политический аспект понятия геополитического положения наиболее ярко проявляется в отношении (дружественном или недружественном) к данной стране со стороны других стран мирового сообщества, в уровне ее международного авторитета.

Распад СССР привел к существенным изменениям в геополитической раскладе международных сил. Эти изменения в целом неблагоприятны для России (что, разумеется, автоматически не означает требования возврата к прежнему положению): по сравнению с Советским Союзом ее геополитические возможности сократились. Отечественный геополитик Н. А. Нартов приводит обстоятельный перечень геополитических потерь, связанных с распадом СССР. Среди таких потерь: значительная утрата выходов к Балтике и Черному морю; в ресурсном отношении потеряны шельфы Черного, Каспийского, Балтийского морей; при сокращении территории протяженность границ увеличилась, к тому же Россия получила новые, необустроенные границы. Численность населения современной Российской Федерации и занимаемая площадь по сравнению с СССР уменьшилась приблизительно в два раза*. Отметим также, что потеряны прямые сухопутные выходы к Центральной и Западной Европе, вследствие чего Россия оказалась отрезанной от Европы, не имея теперь непосредственных границ ни с Польшей, ни со Словакией, ни с Румынией, которыми располагал Советский Союз. Поэтому в геополитическом смысле расстояние между Россией и Европой увеличилось, поскольку увеличилось число государственных границ, которые необходимо пересечь на пути в Европу. В результате распада СССР Россия оказалась как бы отодвинутой на северо-восток, то есть в определенной степени утратила те возможности непосредственного влияния на положение дел не только в Европе, но и в Азии, которые имел Советский Союз.

Говоря об экономическом потенциале, следует констатировать, что роль российской экономики в мировой экономике не очень ве-

* См. *Нартов Н. А.* Геополитика. М., 1999. С. 132.

лика. Она не сравнима не только с ролью США, Западной Европы, Японии и Китая, но уступает (или приблизительно равна) роли таких стран, как Бразилия, Индия, Индонезия и ряда других. Так, падение курса рубля (как и его рост) почти не влияет на курсы ведущих мировых валют; котировка акций крупнейших российских компаний мало отражается на состоянии мирового рынка, как на него в сколько-нибудь ощутимой мере не влияет разорение российских банков и предприятий. Вообще положение в России, его ухудшение или улучшение объективно мало затрагивают мировое сообщество. Главное, что способно вызвать озабоченность мирового сообщества с точки зрения воздействия на мир в целом — наличие у России ядерного оружия и другого оружия массового уничтожения (прежде всего, химического), а точнее — возможность *утраты контроля* над ним. Мировое сообщество не может не проявлять беспокойства относительно возможности такого положения, когда ядерные арсеналы и средства доставки окажутся в руках политических авантюристов, радикалов или международных террористов. Неслучайно, согласно заявлению бывшего Государственного секретаря США Мадлен Олбрайт, 75% долларов, которые Соединенные Штаты расходуют на помощь России, «расходуются на программы, призванные уменьшить угрозу ядерной войны и снизить опасность попадания оружия массового уничтожения в преступные руки»*. Если же исключить ядерное оружие и другое оружие массового уничтожения, то в целом военная роль России в мире также невелика. Падению военного влияния способствовало неумелое проведение военной реформы, упадок воинского духа в ряде частей и подразделений, ослабление технического, финансового обеспечения армии и флота, падение престижа военной профессии. Политическое значение России находится в тесной зависимости от экономического и других названных выше аспектов.

Таким образом, относительно незначительная объективная (геополитическая, экономическая, военная, политическая) роль России в мире конца 90-х годов XX в. — начала первого десятилетия XXI в. не позволяет уповать на то, что по причине ее особого положения («быть пороховым погребом или мостом между народами», согласно приведенному выше изречению Ахиезера) весь мир будет вынужден помогать ей. Тезис о том, что «если России будет плохо, то и всем будет плохо, если России хорошо, — хорошо всем», в явной или неявной форме разделяло немало российских политических деятелей периода 1986—1993 гг. На нем основывалось убеждение, что с крушением советской тоталитарной общественной системы весь

* *Олбрайт М.* Задача США — управлять последствиями распада советской империи // Независимая газета. 16 октября 1998 г. № 193.

мир, прежде всего страны Запада, немедленно приложат все усилия к тому, чтобы не допустить чрезмерного ослабления России, усугубления в ней кризисных явлений с катастрофическими последствиями для всего мира. Короче говоря, предполагалось, что, согласно известному выражению Остапа Бендера, «Запад нам поможет».

Действительно, нельзя отрицать того, что определенная помощь со стороны как правительственных, так и неправительственных организаций ряда западных стран была оказана. Однако она диктовалась соображениями стратегической безопасности, главным образом, в смысле контроля над российским оружием массового уничтожения, а также гуманитарными мотивами. Что же касается финансовых займов со стороны международных финансовых организаций и правительств богатых стран, то они строились и продолжают строиться на чисто коммерческой основе.

После распада Советского Союза произошло изменение международного положения качественного характера. Фактически мир вступил в принципиально новую полосу истории. Распад Советского Союза означал конец противоборства двух противоположных общественных систем — «капиталистической» и «социалистической». Это противоборство определяло основные черты международного климата на протяжении нескольких десятилетий. Мир существовал в двухполюсном измерении. Один полюс был представлен Советским Союзом и странами-сателлитами, другой — Соединенными Штатами Америки и их союзниками. Противоборство двух полюсов (двух противоположных общественно-политических систем) накладывало отпечаток на все стороны международных отношений, определяло взаимные отношения всех стран, заставляя их делать выбор между двумя системами.

Крушение двухполюсной системы породило надежды на создание принципиально новой системы международных отношений, в которой определяющими должны были стать принципы равноправия, сотрудничества, взаимопомощи. Стала популярной идея *многополюсного* (или многополярного) мира. Эта идея предусматривает реальный плюрализм в сфере международных отношений, то есть наличие на мировой арене множества самостоятельных центров влияния. Одним из таких центров могла бы стать развитая в экономическом, научно-техническом и иных отношениях Россия. Однако, при всей привлекательности идеи многополюсности, на сегодняшний день она далека от практического осуществления. Следует признать, что сегодня мир все более становится однополюсным. Наиболее мощным центром международного влияния стали Соединенные Штаты Америки. Эта страна с полным основанием может считаться единственной сверхдержавой современного мира. И Япония, и Китай, и даже объединенная Западная Европа уступают США по уров-

ню финансового, промышленного, научно-технического, военного потенциала. Этот потенциал в конечном итоге и определяет колоссальную международную роль Америки, ее влияние на все стороны международных отношений. Под контролем США находятся все крупнейшие международные организации, а в 90-е годы через посредство НАТО США стали вытеснять и такую прежде влиятельную организацию, как ООН.

Современные отечественные специалисты — политологи и геополитики — единодушны, считая, что сложившийся после распада СССР мир стал монополярным. Однако они расходятся в том, каким он будет или должен быть в перспективе. Относительно перспектив мирового сообщества имеется несколько точек зрения. Одна из них предполагает, что в недалеком будущем мир все же станет как минимум трехполюсным. Так, в фундаментальном труде отечественных ученых говорится: «В настоящее время вырисовываются три полюса будущего мира, который, скорее всего, придет на смену нынешнему однополюсному. Это США, Европейский Союз и Япония. С точки зрения экономического потенциала Япония не так далеко отстает от Америки, а преодоление валютно-экономической разобщенности внутри ЕС также сделает его важным противовесом США»*.

Другая точка зрения наиболее отчетливо представлена в книге «Основы геополитики» Александра Дугина*. Дугин считает, что в предстоящей перспективе мир должен вновь стать двухполюсным, обрести новую биполярность. С позиций, отстаиваемых этим автором, только образование нового полюса во главе с Россией создаст условия для действительного противодействия США и их наиболее верной союзнице Великобритании. В противном случае Запад всегда «будет диктовать идеологические и экономические условия всем, кто станет претендовать на роль развитого региона. Поэтому любая многополярность при сохранении статус-кво будет фиктивной...»**.

Из сложившегося положения вытекают два важнейших вывода, которые разделяют многие российские политики и политологи. Во-первых, Россия (как и большинство стран современного мира) должна стремиться к налаживанию и поддержанию нормальных, неконфронтационных отношений с США и без ущерба для своих национальных интересов по возможности расширять сотрудничество и взаимодействие в самых разнообразных сферах. Во-вторых, совместно с другими странами Россия призвана ограничивать всевластие Америки, не допустить того, чтобы решение важнейших междуна-

* Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д. С. Львова. М., 1999. С. 559.

** *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 161.

родных вопросов превратились в монопольное право США и ограниченного круга их союзников. Тенденция монополизировать это право с 90-х годов наметилась вполне отчетливо. Она не может не ущемлять интересы других стран и народов.

В свете первой из названных задач (развития сотрудничества между Россией и США) следует обратить внимание на элементы культурно-исторического сходства, имеющиеся между Россией и Соединенными Штатами. Можно предположить, что дух Америки, ее национальный характер больше похожи на российский национальный характер и дух, чем это можно было бы сказать относительно других стран. Об этом, например, свидетельствуют соображения, высказанные еще в советское время известным американским мыслителем и писателем Уолтом Уитменом. Его «Письмо к русскому другу», направленное в адрес писателя К. Чуковского, содержит целый ряд глубоких наблюдений.

«Вы — русские, и мы — американцы! — писал Уитмен. — Россия и Америка, такие далекие и несхожие с первого взгляда — так различны социальные и политические условия нашего быта, такая разница в путях нашего нравственного и материального развития... — и все же в некоторых чертах, в самых главных, наши страны схожи. И у вас, и у нас — разнообразие племен и наречий, которому во что бы то ни стало предстоит спаяться и сплавиться в единый союз... сознание, что у наших народов есть своя историческая, священная миссия, свойственно и вам и нам; пылкая склонность к героической дружбе, вошедшая в народные нравы, нигде не проявляется с такой силой, как у вас и у нас; огромные просторы земли, широко раздвинутые границы, бесформенность и хаотичность многих явлений жизни, все еще не осуществленных до конца и представляющих собою, по общему убеждению, залог неизмеримо более великого будущего; кроме того, и у вас, и у нас независимое руководящее положение в мире, которое и вы, и мы стремимся удержать... бессмертные стремления, живущие в глубине глубин великих народов... — все это присуще в равной мере и нам, американцам, и вам, русским»*.

В словах американского автора подмечено немало общих черт России и США, с которыми трудно не согласиться: при всей несхожести, Россия и США имеют, вероятно (как мы предположили выше), между собой столько общего, сколько трудно найти между какими-нибудь двумя другими странами. Особенно ценно то, что слова Уитмена написаны в период конфронтации и холодной войны, когда отношения между СССР и США оставляли желать лучшего. «Независимое руководящее положение в мире», о котором гово-

* *Чуковский К.* Мой Уитмен. Очерки о жизни и творчестве. Избранные переводы из «Листьев травы». Проза. М., 1966. С. 295.

рил Уитмен, Россия должна вернуть себе не на пути прежней партийно-государственной идеологии и не на пути имперских притязаний, а став для других стран одним из центров притяжения в культурном, экономическом, научно-техническом, политическом отношениях. В пользу того, что такая задача вполне разрешима, говорят богатейшие традиции российской культуры, достижения науки и техники, колоссальный опыт международных отношений практически со всеми странами мира.

Задача восстановления России в качестве одного из центров современного мира диктуется не государственным и национальным честолюбием, не притязаниями на исключительную мировую роль. Это задача жизненной необходимости, задача самосохранения. Для страны с такими геополитическими характеристиками, какими обладает Россия, вопрос всегда стоял и продолжает стоять так: либо быть одним из центров мировой цивилизации, либо быть расчлененной на несколько частей и, следовательно, сойти с карты мира в качестве самостоятельного и целостного государства. Одним из оснований для постановки вопроса по принципу «либо — либо» является фактор огромности российской территории. Для того чтобы сохранить такую территорию в целостности и неприкосновенности, страна должна быть достаточно могущественной в международном плане. Россия не может себе позволить того, что вполне допустимо для территориально небольших стран, таких, как большинство стран Европы (за исключением Великобритании, Франции и Германии). Россия не может себе позволить превратиться в среднюю, «рядовую» страну, хотя бы и с достаточно высоким уровнем жизни населения, достаточно развитой экономикой и т. п. Перед Россией стоит альтернатива: либо продолжать отстаивать значительность своей мировой роли, следовательно, стремиться сохранить свою территориальную целостность, либо быть расчлененной на несколько самостоятельных государств, образованных, например, на территориях нынешних Дальнего Востока, Сибири и европейской части России. Первый вариант оставлял бы для России возможность постепенного выхода из современного кризисного состояния. Второй же однозначно и навсегда обрек бы «осколки» прежней России на полную зависимость от крупнейших центров современного мира: США, Западной Европы, Японии, Китая. Следовательно, для «осколочных государств», если бы таковые возникли взамен современной России, оставался бы единственный путь — путь вечно зависимого существования, который означал бы нищету и вымирание населения. Подчеркнем, что при неумелой политике руководства подобный путь не заказан и для целостной России. Однако сохранение целостности и соответствующей мировой роли оставляет стране принципиальный шанс для будущего процветания.

Еще один фактор постановки вопроса о самосохранении в альтернативной плоскости определяется для России численностью населения и другими демографическими показателями, такими, как возрастной состав, здоровье, уровень образования и др. По численности населения Россия остается одной из крупнейших стран современного мира, значительно уступая только Китаю, Индии, США. Сохранение и приумножение народонаселения, улучшение его качественного состава напрямую определяются целостностью российского государства и прочностью его положения на международной арене. Прочность международного положения для России означает укрепление своего статуса великой державы, своего положения в качестве одного из самостоятельных мировых центров. Это связано, в частности, с тем, что Россия окружена целым рядом государств, страдающих от перенаселения. К ним относятся такие страны, как Япония и Китай, отчасти южные республики бывшего Советского Союза. Противостоять демографическому давлению со стороны перенаселенных стран-соседей может только могущественное государство, способное самостоятельно, без посторонней помощи постоять за себя.

Наконец, борьба за сохранения и укрепление Россией статуса одной из великих держав, одного из важнейших центров мирового развития равнозначна борьбе за сохранение собственных цивилизованных основ. Задача сохранения и поддержания цивилизованных основ, с одной стороны, резюмирует все факторы, определяющие для России необходимость быть одной из великих держав, одним из самостоятельных центров мирового развития. С другой стороны, она добавляет к этим факторам весьма существенное новое содержание.

Действительно, территориальное расчленение России на несколько даже достаточно крупных государств означало бы не что иное, как гибель российской цивилизации. Оно означало бы исчезновение с карты мира самостоятельного цивилизованного образования, каким испокон веков и была Россия. Это обусловлено, прежде всего, слитостью, «спаянностью» основных особенностей цивилизации с природно-географическими условиями ее существования. Как уже отмечалось в главе 2, всякая локальная цивилизация есть своеобразный «организм природы и духа». Расчленение же России, разумеется, привело бы к тому, что новые государства унаследовали бы только часть тех природно-географических условий, которые сохраняет сегодняшняя Россия. Естественно, это резко повлияло бы на самоощущение граждан этих государств. Со временем существенно изменился бы менталитет и народный характер, наконец, исчез бы сам дух современной российской цивилизации, которая началась с эпохи Петра Великого и окончательно сформировалась к концу

царствования Екатерины Второй. Эта цивилизация мыслима только на широких просторах, на обширных географических пространствах и при определенных климатических и иных природных условиях. Резкое уменьшение численности народов, которые обусловливают многонациональную природу современной российской цивилизации и придают ей неповторимое своеобразие, их вытеснение с исторически сложившихся мест проживания и распыление по разным уголкам мира неизбежно привели бы к катастрофическим для цивилизации последствиям. Чтобы противостоять этим опасным тенденциям, у России нет иного пути, кроме пути укрепления своего статуса великой державы и превращения в один из самостоятельных и влиятельных центров мирового развития. Лишь на этом пути она сможет не только обеспечить сохранение своей территориальной целостности, безопасное существование и приумножение населения своих народов, но и не потерять себя в качестве самостоятельной, уникальной и неповторимой цивилизации.

Международная политика Советского Союза диктовалась двумя основными факторами. С одной стороны, это была официальная (коммунистическая) партийно-государственная идеология, с другой — геополитические интересы. О геополитических интересах было не принято говорить открыто, поэтому каждый внешнеполитический шаг пропагандистски обосновывался с позиций идеологии. Геополитические интересы СССР в основном совпадали с тем, как они понимались в царской России. Зонами первоочередного внимания как для царского правительства, так и для руководства СССР являлась Европа, Балканы (главным образом с целью обеспечения возможности выхода в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы), Кавказ, Ближний и Дальний Восток. Такое совпадение не случайно, поскольку само геополитическое положение дореволюционной России и СССР в основном было идентичным. Вместе с тем задача партийно-государственной идеологии — «достижение победы коммунизма во всем мире» — неизмеримо расширила степень вмешательства СССР в международные дела, вывела ее далеко за пределы непосредственных геополитических интересов. Советское руководство стремилось вмешиваться в любое международное событие, в какой бы точке земного шара оно ни происходило, если такое вмешательство обещало ослабление «загнивающего империализма», способствовало усилению влияния коммунизма. Разумеется, на это тратились немалые средства. Значительная материальная поддержка оказывалась зарубежным политическим партиям, движениям, режимам и др. взамен на обещания следовать по коммунистическому пути или по так называемому «пути социалистической ориентации». Последний термин был изобретен специально для отсталых колониальных стран Азии и Африки, или, как их стали назы-

вать после освобождения от колониальной зависимости, «развивающихся» стран.

Следует вместе с тем отметить, что помощь Советского Союза колониальным странам Азии и Африки (какими бы мотивами она ни диктовалась) имела колоссальное положительное значение для этих стран. СССР во многом способствовал обретению ими независимости. Так, год 1960-й вошел в историю как «год Африки», положивший начало масштабному процессу превращения бывших колониальных владений Запада в независимые государства. Роль Советского Союза в этом процессе, как и в поддержке новых независимых государств на первых этапах их существования, оказалась весьма значительной.

В рамках временного отрезка современной российской цивилизации, то есть со второй половины XVIII в. (см. главу 1), периодами наибольшей международной роли и значения России следует считать время после Второй мировой войны, то есть послевоенный период существования Советского Союза, и первую половину XIX в. — период от победы в наполеоновских войнах до Крымской войны 1855 г. К сожалению, и в том и в другом случае державный международный авторитет держался главным образом на военной силе. И в том и в другом случае рост международного влияния сопровождался нарастанием кризисных процессов внутри страны.

Россию периода царствования Николая Первого окрестили «жандармом Европы». Действительно, опасаясь проникновения радикальных революционных идей в Россию, напуганный восстанием декабристов, европейской революцией 1848 г., Николай Первый принимал все меры к тому, чтобы задушить всякое революционное движение в любой точке Европы. В этом смысле роль России была реакционной. Однако следует принять во внимание и то, что, начиная от Великой французской революции 1789 г. и почти на протяжении трех четвертей XIX в., Европа была охвачена тем, что на современном научном языке характеризуется как «революционный невроз». «Революционный невроз — не праздное слово, — пишут французские исследователи О. Кабанес и Л. Насс. — Он действительно и несомненно существует и вносит самое беспорядочное смятение не только в души отдельных людей, но и в души целых обществ... Когда дух возмущения овладевает озлобленными сердцами толпы, то никакая образованность и гуманность не будут и впредь в силах удержать в должных границах ее пробуждающиеся животные инстинкты»*.

Революционный невроз возникает на основе вполне оправданного возмущения несправедливыми общественными порядками как

* Революционный невроз. М., 1998. С. 557—558.

требование осуществления назревших общественных перемен. Однако отсутствие со стороны правительства соответствующей ответной реакции делает требования недовольных все более радикальными и бескомпромиссными. Охватывая все большее число людей, революционный невроз принимает свои крайние формы, которые, наконец, наиболее ярко проявляются в виде насильственной революции. Как свидетельствует история, все насильственные революции, несмотря на провозглашенные их лидерами благородные лозунги и цели, пробуждают и вызывают к жизни самые низменные инстинкты толпы. Поэтому насильственные революции сопровождаются массовым вандализмом, изуверством, казнями ни в чем не повинных людей, всеобщим ожесточением и страхом. Массовый характер невроза заглушает все доводы разума и совести. «Если против революционного невроза могут существовать какие-либо средства, то только средства предварительные и предупредительные, — отмечают те же авторы. — Но раз уж он проявился, он не поддается более никаким усилиям и не может быть подавлен. Задача правительств поэтому и заключается в том, чтобы предвидеть события, по возможности руководить ими, не давать разгораться народному неудовольствию и возмущению, строго блюдя с этой целью правосудие и преследуя беззакония»*.

Справедливо опасаясь распространения радикальных революционных настроений в России, правительство Николая Первого необдуманно действовало строго вопреки изложенным выше рекомендациям. Во внешней политике это была поддержка самых реакционных европейских режимов, во внутренней — отказ от всяких перемен и реформ постепенного характера, в которых российское общество испытывало острую необходимость. Преобладание административно-запретительных мер также стало одной из характерных черт николаевской эпохи. Неудивительно, что вместо желаемого правительством уменьшения революционных настроений они лишь возрастали. Их рост продолжался и в последующие десятилетия, достигнув к первым десятилетиям XX в. классических форм массового революционного невроза, а своего пика — в период поражений на фронтах Первой мировой войны (см. также главу 4, пп. 1, 5).

Как отмечалось в главе 7 («Россия в западном восприятии»), сыграв значительную роль в разгроме Наполеона, российское государство окончательно превратилось в один из мощных и значительных факторов европейской и мировой жизни. Без участия России невозможно стало решать ни один крупный вопрос международной политики. Многие выдающиеся деятели и мыслители Запада предсказывали России великое будущее: высказывания Г. Гегеля и

* Там же. С. 558.

А. Токвиля, однозначно свидетельствующие об этом, уже приводились в главе 7.

Вместе с тем не только военная сила лежала в основе международного авторитета России. Впрочем, о роли военной силы и воинского духа специально речь пойдет ниже. Факторами усиления мировой роли России явилось также невиданное в истории территориальное расширение, начавшееся в еще XVI в., продолженное Петром, Екатериной Второй и Александром Первым, быстрый рост народонаселения, ускоряющееся экономическое развитие. Немалое значение имели искусство видных российских дипломатов и достижения русской культуры.

XIX в. был веком русской классической культуры. Имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского и многих других русских писателей становились все более знакомы интеллектуалам Запада и других регионов мира. То же можно сказать о выдающихся музыкантах и художниках, таких, как М. Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков, А. Рубинштейн, Чайковский, Крамской, Саврасов, Поленов, Суриков, Васнецов, Левитан и другие. Интенсивное развитие российской культуры, несомненно, способствовало повышению международного авторитета России, оно способствовало также развитию международных контактов. Не случайно в XIX в. Россию охотно посещали многие выдающиеся представители культуры Запада. Среди них были А. Дюма, Г. Берлиоз, О. Бальзак и многие другие. Замечательный романист А. Дюма оставил обширное сочинение о России в трех томах. С охотой откликались на предложения работать в Российской академии наук многие выдающиеся ученые Запада.

Несмотря на то что в глазах среднего западного обывателя Россия продолжала оставаться страной внутреннего деспотизма и внешней агрессивности, к началу XX в. в западном восприятии России стали наблюдаться значительные перемены. Положительному образу России способствовали демократические преобразования, наступивший «серебряный» век русской культуры, перемены во внешней политике. События 1917 г. круто изменили судьбу России, а вместе с тем и ее положение в составе мирового сообщества. Достигнутый дореволюционной Россией уровень международного авторитета Советскому Союзу пришлось завоевывать заново ценой колоссальных усилий и затрат.

Сегодня международный авторитет России не может держаться исключительно на военной силе. Этому препятствуют многие факторы, такие, как информационная открытость современного мира, взаимосвязь и взаимодействие экономик различных стран, существование всемирного товарного и финансового рынка и др. Военное могущество является в современных условиях лишь одним из

целого комплекса составляющих, от которых зависит международное положение страны, ее авторитет и роль в составе мирового сообщества государств. Эти же факторы делают невозможным достижение страной международного авторитета при сохранении острых внутренних проблем и противоречий. Поэтому как с точки зрения внутренней, так и с точки зрения международного положения страны российское общество должно осознать необходимость консолидации, увеличения уровня взаимного доверия между различными классами, слоями и другими категориями населения, между политическими партиями, между обществом и властью, между отдельными гражданами.

2. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ, СФЕРА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Национальная безопасность — это обеспечение властью государства защиты граждан данного государства от возможных угроз, поддержание условий для развития и процветания страны. Здесь понятие «национальная» образовано от понятия нации как совокупности граждан государства, независимо от их этнической и иной принадлежности. (О понятии «нация» см. более подробно главу 3, п. 1.)

Во все времена национальная безопасность имела преимущественно военный аспект и обеспечивалась главным образом военными средствами. Однако со второй половины XX в. ситуация стала меняться. «Сейчас, на пороге XXI в. национальная безопасность (НБ), безусловно, не исчерпывается чисто военными аспектами, — отмечается в капитальном труде коллектива отечественных ученых. — Более того, они постепенно оттесняются на второй план. В общей сложности можно, наверное, насчитать свыше десятка фундаментальных составляющих обеспечения НБ в новую эпоху: политическую, экономическую, финансовую, технологическую, информационно-коммуникационную, продовольственную, экологическую (включая широкий спектр проблем, связанных с существованием ядерной энергетики), этническую, демографическую, идеологическую, культурную, психологическую и т. п.»*.

К концу XX в. резко возросло значение невоенных методов воздействия — «сегодня границы стран совсем не обязательно, как консервную банку, вскрывать железом»**. Рост значения невоенных ме-

* Системные проблемы России. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д. С. Львова. М., 1999. С. 187.

** Там же.

тодов воздействия одной страны на другую или одной группы стран на другую объясняется целым рядом факторов современного общественного развития. Во-первых, это высокий уровень индустриального, технологического и информационного потенциала. Границы стран стали проницаемы, прежде всего, посредством информации. Во-вторых, это экономическая взаимозависимость всего мира, образование всемирного товарного и финансового рынков. Национальную безопасность той или иной страны или группы стран стало возможным подорвать, используя, например, финансовые операции на мировом валютном рынке или на рынке нефти и газа. В-третьих, сегодня стал возможным подрыв национальной безопасности с использованием целого комплекса мер воздействия, сочетания силовых мер с мерами «мягкого» давления.

Специально следует, вместе с тем, подчеркнуть, что особенности современного мира не исключают значения военных методов. Поэтому, как и раньше, сохраняется потребность в военной мощи, в наличии боеспособной, технически вооруженной и морально стойкой армии. Кроме того, военное могущество страны имеет и символический смысл: оно укрепляет международный авторитет страны, а также способствует вере граждан в силу своего государства.

Каковы основные угрозы национальной безопасности России?

Назовем среди них, в первую очередь, такие, как дезорганизация национальной экономики, экономическая и технологическая блокада, продовольственная уязвимость*.

Дезорганизация национальной экономики может происходить под влиянием целенаправленного воздействия экономической политики ведущих держав современного мира или групп таких держав. Она может происходить также вследствие действий международных корпораций, а также международных политических экстремистов. Наконец, она может возникнуть как результат стихийного стечения обстоятельств на мировом рынке, а также действий международных финансовых авантюристов. Угроза экономической блокады возникает для России из-за открытости ее экономики. Если экономика Советского Союза была в основном закрытой, то есть существенно не зависела от мирового рынка, то сегодня дело обстоит совершенно иначе. Экономика России самым существенным образом зависит от импорта. Прекращение импорта посредством введения эмбарго только на отдельные виды товаров неизбежно поставит страну в затруднительное положение. Введение же полномасштабной экономической блокады (такую возможность нельзя полностью исключить) привело бы ее к экономическому краху.

* Системные проблемы России. Путь в XXI век. С. 188—189.

Угроза технологической блокады также возникает как следствие вовлеченности страны в мировой рынок. В данном случае речь идет о рынке технологий. Самостоятельно Россия способна решить задачу обеспечения современными технологиями только в отдельных сферах производства, на отдельных направлениях научно-технического прогресса. Это те сферы и направления, на которых имеются достижения мирового уровня. К ним относится авиационная и космическая техника, ядерная энергетика, многие военные технологии и вооружения и ряд других. Еще в 60-х годах Советский Союз был одним из мировых лидеров в области вычислительной техники. Однако позже усилия на этом направлении были ослаблены. Сегодня Россия практически полностью зависит от импорта вычислительной техники, прежде всего персональных компьютеров. При этом важно иметь в виду, что наверстывать упущенное, стараясь наладить собственное производство компьютерной техники по собственным проектам, экономически невыгодно. Так же обстоит дело в области многих других технологий, где на сегодняшний день отсутствуют достижения мирового уровня.

В постперестроечные годы произошло резкое сокращение научно-технического потенциала во всех странах бывшего Советского Союза, в том числе и в России. В этой связи в публикациях ряда авторов, в выступлениях некоторых ученых, общественных деятелей, политиков и др. звучит мотив тоски по советским временам, когда якобы с организацией и обеспечением науки, как и технологических разработок, все было в порядке. Однако не следует забывать, что эффективность науки в СССР была крайне низкой. В 70—80-е годы СССР опережал США по численности научных сотрудников более чем в два раза. Однако это не помогло ему выдержать соревнование в научно-технической сфере. Работа многочисленных НИИ (научно-исследовательских институтов) и КБ (конструкторских бюро) характеризовалась рутиной, сводилась к составлению многочисленных справок и отчетов, а не была направлена на творческую разработку новых идей и технологий. Огромные трудности стояли на пути внедрения научно-технических достижений в практику, в производство. Исключение составили в большинстве случаев только те направления научно-технической мысли и технологий, которые мы называли: космос, авиация, ядерная энергетика, военная техника, вооружение и ряд других. Постсоветская Россия остро нуждается в сохранении и приумножении достижений в первую очередь именно на этих направлениях, как с точки зрения обеспечения национальной безопасности, так и с позиций успешного развития экономики. Стратегия экономического роста для России предполагает, в частности, решение задачи «формирования производственно-экономических систем современного и следующего за ним новейшего технологичес-

кого уклада и стимулирования их роста вместе с модернизацией смежных производств. Для этого должны быть решены проблемы выращивания на основе уже накопленного научно-промышленного потенциала конкурентоспособных на мировом рынке предприятий, развертывания и быстрого распространения системы подготовки кадров необходимой квалификации...»*.

Наконец, продовольственная уязвимость России определяется зависимостью от импорта продуктов питания зарубежного производства. Критическим для продовольственной независимости страны считается уровень импортных продуктов в 30% от их общего объема. Между тем, в крупных городах России он уже превысил эту отметку. Так, в Москве доля импортных продуктов питания в 1999 г. составила 89%. Московские мясокомбинаты производят колбасные и другие мясные изделия почти целиком из импортного мяса. Значительна доля импорта и готовых продуктов питания. Очевидно, что даже незначительное сокращение импорта продовольствия поставило бы многомиллионный город перед лицом сложнейших проблем, а его полное прекращение было бы чревато катастрофой.

Понятие национальной безопасности указывает на тот минимальный уровень защищенности страны, который необходим для ее независимости, суверенного существования. Поэтому оно органически дополняется понятием «национальные интересы». *Национальные интересы* — это специфические интересы данной страны, то есть совокупности ее граждан, на международной арене. Специфика национальных интересов той или иной страны определяется, прежде всего, ее геополитическим положением. Обеспечение национальных интересов должно быть главной целью внешней политики государства. Все множество национальных интересов классифицируется по степени их значимости. Существуют первоочередные интересы и интересы меньшей важности.

В свою очередь с понятием национальных интересов тесно связано понятие *«сфера национальных интересов»*. Оно обозначает те регионы мира, которые в силу геополитического положения данной страны имеют для нее особое значение и политическая, экономическая и военная ситуация в которых непосредственно влияет на внутреннюю ситуацию в данной стране. Так, например, Джордж Сорос замечает: «Балканы, Ближний Восток, Северная Африка и бывший Советский Союз — это сферы интересов не только для Европы, но для США и остального мира»**. Сферой первоочередных интересов России всегда были такие регионы, как Средняя и Восточная Европа, Балканы, Ближний и Дальний Восток. В условиях нынешней,

---

* *Глазьев С.* Геноцид. Россия и новый мировой порядок. М., 1997. С. 131.

** *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 199. С. 249—250.

постперестроечной России к этим регионам добавились страны ближнего зарубежья, то есть самостоятельные государства, возникшие на месте республик бывшего Советского Союза.

Следует иметь в виду, что для внешней политики не меньшее значение, чем задача обеспечения национальных интересов, имеет и задача отстаивания определенных *принципов*. Внешняя политика, ориентированная на голый интерес, неминуемо становится беспринципной политикой, превращает страну в международного пирата, подрывает доверие к ней со стороны других стран, нагнетая международную напряженность. Однако между принципами и интересами может возникать противоречие. В истории российской общественной мысли мы встречаем оппозицию интересов и принципов во внешней политике, прежде всего, в виде полемики, развернувшейся по поводу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», впервые вышедшей в свет в 1869 г. Позиции Данилевского, защищавшего в своей книге политику интересов, наиболее отчетливо противостоял Вл. Соловьев, защищавший политику принципов, прежде всего принципов нравственности.

Чтобы убедиться в коренной несовместимости взглядов Вл. Соловьева и Н. Данилевского, достаточно сравнить два высказывания. Данилевский, в частности, писал: «Око за око, зуб за зуб, строгое право, бентамовский* принцип утилитарности, то есть здраво понятой пользы, — вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования. Не к месту примененный, этот высший нравственный закон принимает вид мистицизма и сентиментальности... Начало здраво понятой пользы... недостаточное и негодное как основание нравственности, должно дать гораздо лучшие результаты как принцип политический...»**. Для Соловьева, убежденного сторонника неразделенности политики и нравственности, видевшего в наполнении общественных отношений нравственным началом главный смысл истории, такой взгляд был категорически неприемлем. Рассматривая тезис Данилевского «*Лучше отказаться от патриотизма, чем от совести*», он поясняет: «Но такой альтернативы нет. Смеем думать, что истинный патриотизм согласен с христианской совестью... что существуют интересы у христианского народа, не требующие и даже совсем не допускающие международного *людоедства*»***.

Данилевский и Соловьев представляют две крайние, экстремальные, или полярные, позиции по рассматриваемому вопросу. Очевид-

---

* Бентам Иеремия (1748—1832) — английский философ, основатель философии утилитаризма.

** *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 34.

*** *Соловьев Вл. С.* Соч. В двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 265.

но, что они в приблизительно одинаковой мере присущи состоянию российского умонастроения, российскому менталитету. Однако не менее очевидно, что в своем чистом виде они встречаются не так уж часто. Полностью разделяет взгляды либо Данилевского, либо Соловьева относительно небольшое число россиян, большинство же стремится совместить интересы и принципы, найти нечто среднее. Как найти это «среднее»?

Думается, что задача обеспечения национальных интересов вполне совместима, например, с принципом миролюбивости внешней политики. Отнюдь не обязательно нагнетать напряженность и конфронтацию в отношениях с другими странами, а тем более немедленно прибегать к военной силе. Существует немало возможностей достичь желаемого путем переговоров, а также мерами информационного или иного воздействия. Военное же насилие оправдано только в самых крайних, экстремальных ситуациях, когда исчерпаны все иные средства и когда возникает непосредственная угроза национальной безопасности. При этом в современных условиях следует стремиться минимизировать собственные человеческие потери и в принципе идти к тому, чтобы свести их к нулю. Уровень военной техники вполне позволяет достичь этого. Политика обеспечения национальных интересов не противоречит и принципам честности и открытости. Честность и открытость следует отличать от простодушия и наивности. В частности, для соблюдения принципа честности и открытости важно заблаговременно заявлять о собственных национальных интересах и делать это открыто и прямо. Предварительное извещение руководства других стран о намерениях и планах руководства данной страны (в нашем случае России) на международной арене вообще способствует оздоровлению всемирной политической атмосферы. Не менее важным является выполнение страной взятых на себя международных обязательств.

Таким образом, между интересами и принципами нет глубинного противоречия. Это противоречие конкретной практики, в данном случае — практики международных отношений. Разрешить это противоречие можно только в том случае, если не будет забыт фундаментальный принцип — принцип недопущения конфронтации. Его можно назвать «принципом всех принципов» для внешней политики любой страны, в том числе, конечно, и России. Речь идет не только о прямой военной конфронтации, но и о конфронтации без непосредственного применения военной силы, типа, например, «холодной войны», которая на протяжении нескольких десятилетий велась между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Как ясно из предыдущего, принцип недопущения конфронтации не означает отказа от обеспечения национальных интересов. Он означает, что для внешней политики особое значение приобретает дипломатическое

искусство, а именно — владение искусством ведения переговоров всеми чиновниками государственного аппарата, имеющими выход на международную арену, включая, разумеется, и президента. Это искусство требует также отчетливого понимания национальных интересов и задач национальной безопасности, готовности и решимости защищать и отстаивать интересы страны на международной арене.

«Стратегические интересы русского народа должны быть ориентированы *антизападно*, — пишет А. Дугин, — а в перспективе возможна и цивилизованная экспансия»*. Действительно, надо признать, что интересы России во многих случаях не только не соответствуют интересам западных стран, но и прямо пересекаются с ними. Надо также признать, что само геополитическое положение России таково, что ее национальные интересы в целом ряде аспектов вступают в противоречие с интересами Запада. Так, Запад заинтересован в сохранении и укреплении своего влияния на Балканах, на Ближнем и Дальнем Востоке, в распространении своего влияния на страны, возникшие из республик бывшего СССР. Но Россия также заинтересована в укреплении и расширении своего влияния в тех же регионах. Здесь интересы России и Запада пересекаются, вступают в конфликт. Однако это не должно означать, что Россия призвана вступать в конфронтацию с западными странами и всегда и повсюду вести постоянную и непримиримую борьбу с ними. А именно к этому призывает концепция А. Дугина. Вопреки этой концепции, России следует, напротив, искать те участки, те «ниши» в международных отношениях, в которых возможно сотрудничество между Россией и Западом. Такой подход прямо соответствует национальным интересам России. Он соответствует и принципу недопущения конфронтации, о котором мы говорили выше. Россия, например, прямо заинтересована в сотрудничестве со странами Запада в области нераспространения ядерного оружия, в таких сферах, как борьба с международным терроризмом и международной наркомафией и преступностью.

Вместе с тем в концепции А. Дугина заключена та правда, что Россия нуждается в противовесе одностороннему росту международного влияния США и Великобритании. В одиночку она не в состоянии создать такой противовес. В этой связи укрепление отношений с такими странами, как Германия, Япония, некоторые страны Востока, должно стать (как и предлагает Дугин) одной из приоритетных задач внешней политики нашей страны. Такой противовес необходим по целому ряду соображений. Главными из них являются следующие. Во-первых, пересечение интересов стран Запада во

* *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. С. 190.

главе с США с интересами России в тех зонах земного шара, которые были перечислены выше. Во-вторых, существенное различие интересов России как страны с ярко выраженной континентальностью и интересов западных стран как стран морских или атлантических. В-третьих, конкуренция на международных рынках, прежде всего на рынках нефти и газа, а также на рынке военных технологий и вооружений.

Будучи странами морскими или атлантическими, страны Запада, прежде всего США и Великобритания, заинтересованы в максимальной открытости мирового рынка, в максимальной свободе мировой торговли. Доступность и легкость выхода в мировой океан, относительно небольшая протяженность морских путей, близость основных экономических центров к морскому побережью делают открытость мирового рынка максимально выгодной для морских стран. При полностью открытом рынке мировой торговли континентальная страна (типа России) всегда окажется в проигрыше прежде всего потому, что морские перевозки гораздо дешевле сухопутных и воздушных, а также потому, что все перевозки в случае ярко выраженной континентальности оказываются более длинными, чем в случае, когда страна является морской. Эти факторы определяют более высокую стоимость всех товаров внутри континентальной страны, что больно бьет по материальному благополучию граждан этой страны. В невыгодном положении оказываются и отечественные товаропроизводители, продукция которых не в состоянии выдержать конкуренции на мировом рынке уже потому, что всегда будет более дорогой из-за дороговизны перевозок. Исключение составляют те продукты, которые поддаются транспортировке по трубопроводам, — это нефть и газ или электроэнергия, передающаяся по проводам. Континентальность и связанные с ней трудности интеграции в мировой рынок не означают, однако, что экономическая политика России должна быть изоляционной. Но Россия не может и не должна идти по тому пути, который ей экономически не выгоден, сколько бы ее ни склоняли к избранию такого пути. Она должна, следовательно, проводить исключительно гибкую внешнюю экономическую политику, сочетающую в себе формы открытых рыночных отношений с методами развития внутреннего рынка и защиты отечественного товаропроизводителя.

Противоречие интересов России и стран Запада обусловлено также тем, что Россия является одним из крупнейших мировых производителей и экспортеров нефти и газа, тогда как западные страны являются импортерами этих продуктов. Россия заинтересована в высоких мировых ценах на нефть и газ, тогда как страны Запада заинтересованы в обратном — в более низких ценах. На мировом рынке военных технологий и вооружений постоянно имеет место

ожесточенная конкуренция, прежде всего между Россией и США. Распад СССР и ослабление России привели к сокращению российского рынка военных технологий и вооружений по сравнению с тем, которым обладал Советский Союз. Между тем продажа одних только автоматов Калашникова — не говоря уже о более сложных изделиях, таких, как военные самолеты или танки, — способна приносить России многомиллионные прибыли. Разумеется, речь может идти о продаже изделий военного назначения только на совершенно законной основе и в соответствии с правилами международной торговли.

Все названные выше факторы однозначно говорят о том, что Россия нуждается в международном противовесе, чтобы противостоять монопольному контролю со стороны США и Великобритании над всеми сферами мировой жизни, над всеми регионами планеты. Следует вместе с тем особо подчеркнуть, что Россия заинтересована в установлении ровных и устойчивых отношений со всеми странами мира. Она также заинтересована в расширении самых разнообразных контактов с максимально большим числом международных партнеров. При этом в ее международной политике должны быть выделены приоритеты, обусловленные, прежде всего, геополитическим положением страны. Одним из важнейших приоритетов является создание противовеса абсолютной гегемонии США и их стратегической союзницы Великобритании на международной арене. Такой противовес можно создать, опираясь, в первую очередь, на Германию.

Для развития тесных отношений с Германией имеются благоприятные возможности и предпосылки. Во-первых, с точки зрения геополитической Германия не является в строгом смысле морской или атлантической страной. Ее центральные и южные области достаточно континентальны. Во-вторых, по своему местоположению и историко-культурным традициям Германия не относится к Европе Западной, а скорее к «Европе Средней». В-третьих, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что именно немцы, как никто другой, способны понять Россию. Это обусловлено тем, что только Германия перенесла в своей истории испытания, аналогичные тем, которые выпали на долю России. Поэтому представителям германской нации более понятны трудности, переживаемые постперестроечной Россией, чем представителям иных наций. Неслучайно именно Германия была первой в числе стран, оказавших России гуманитарную помощь еще во времена Горбачева. Неслучайно, что именно с Германией Россия продолжает развивать достаточно успешное экономическое сотрудничество и немецкие предприниматели более охотно и смело идут на российский рынок, чем предприниматели западных стран. Неслучайно, что в Германии не появляется

откровенно враждебных публикаций относительно России и не предлагается проектов дальнейшего ослабления и расчленения России. Примером таких проектов может служить книга американского политолога З. Бжезинского «Геостратегия для Европы», выдержки из которой были опубликованы «Независимой газетой»*.

Наконец, взаимопониманию между Россией и Германией способствует еще один фактор. Как это ни покажется странным, он состоит в том, что на протяжении длительного периода истории Россия и Германия неоднократно воевали между собой. Однако в действительности в этом нет ничего странного. Надо сказать, что и война является средством знакомства одной нации с другой, и боевые действия открывают одному народу психологию другого, что, разумеется, не означает одобрения войны. Знакомство одного народа с другим на полях боевых сражений надолго запечатлевается в народной памяти, и когда приходит время и морально-психологические раны начинают постепенно заживать, то в памяти все более отчетливо проступают сведения об отличительных чертах психологии народа. Возможно, если бы не многочисленные войны, то мы в массовом порядке еще долго не знали бы о немецкой педантичности и методичности, как и немцы не знали бы о многих чертах характера россиян, о российской природе, климате и других условиях российской жизни.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство, также на первый взгляд странное. С точки зрения геополитических интересов все войны между Германией и Россией следует признать грандиозными и трагическими недоразумениями. Геополитические интересы двух стран почти не пересекаются, почти не вступают в конфликт. С объединением Германии исчез последний существенный фактор геополитического характера, отделявший его от России. Все военные конфликты между Германией и Россией были вызваны политическими и идеологическими мотивами, а также имперскими притязаниями обеих сторон.

Первая и Вторая мировые войны, в которых Россия и Германия выступили в составе противоборствующих группировок, были, правда, отчасти продиктованы и противоположными геополитическими интересами. Так, Германия стремилась установить контроль над бакинской (город Баку ныне столица суверенного Азербайджана) и ближневосточной нефтью и тем самым обеспечить себе надежную топливно-сырьевую базу. Россия же выступала одной из главных помех на этом пути, так же как США, Великобритания и Франция. Однако с тех пор ситуация изменилась в ряде аспектов. В частности, тогда еще не были открыты крупнейшие нефтяные и

* См. Независимая газета. 24 октября 1997.

газовые месторождения России — в Западной Сибири и в Поволжье, по своим запасам намного превосходящие бакинские и сравнимые с ближневосточными. В современных условиях Германии более выгодно получать нефть и газ из России по трубопроводам и отчасти коротким морским путем через Балтийское море, чем длинным морским путем с Ближнего Востока и из Баку, хотя и этот путь ей не обязательно исключать полностью. Таким образом, конкуренция России и Германии в названных регионах может быть в принципе значительно ослаблена. Этого не скажешь в отношении конкуренции со странами Запада, для которых главным навсегда останется морской путь транспортировки нефти и газа с Ближнего Востока и, возможно, отчасти из Азербайджана, уже хотя бы потому, что проведение трубопроводов из России в Великобританию является крайне трудновыполнимой задачей, а проведение их в США следует вообще отнести к области фантастики.

Как было отмечено выше, еще одним геостратегическим союзником России в создании противовеса односторонней гегемонии США и их верной союзницы Великобритании на международной арене могла бы стать Япония. Обладая колоссальным научно-техническим и экономическим потенциалом, эта страна не принадлежит и не может принадлежать к сообществу атлантических государств во главе с США уже в силу своего географического положения. Кроме того, ее национальные интересы во многих случаях прямо противоположны интересам Соединенных Штатов. Для Японии полное доминирование атлантических стран столь же неприемлемо, как и для России. Это и является прочной базой для стратегического партнерства двух стран. Камнем преткновения для развития такого партнерства выступает сегодня, прежде всего, проблема Курильских островов. Очевидно, что эту проблему придется решать, но решать крайне осторожно, так, чтобы сам способ решения не служил поводом для резкого обострения отношений между Россией и Японией, а также, чтобы не дать лишнего повода для ухудшения политической ситуации внутри каждой из стран. Следовательно, проблема Курил должна решаться поэтапно, путем целого ряда последовательных шагов. Именно этот путь был избран в 90-х годах руководством России и находит все большее понимание японской стороны.

Позитивной предпосылкой для развития российско-японского стратегического партнерства является наличие в Японии мощных политических сил, решительно противостоящих росту американского влияния. Эти силы традиционно находят поддержку в японском обществе. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные массовые акции протеста против сохранения американских военных баз на Окинаве. Никогда не изгладятся из памяти японского народа и американские ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Единственным серьезным аргументом сторонников сохранения в Японии американских военных баз является опасение угрозы со стороны России (ранее — со стороны Советского Союза). Этот аргумент автоматически отпадет вместе с дальнейшей нормализацией отношений между двумя странами.

Япония заинтересована в импорте сырья и энергоресурсов — с одной стороны, и экспорте продукции высоких технологий — с другой. В данном аспекте экономические интересы Страны восходящего солнца вступают в конфликт с интересами Запада, но не вступают в конфликт с интересами России. Между Японией и США существует и будет существовать острая конкуренция в научно-технической сфере и в сфере высоких технологий. Эта конкуренция обусловливается, прежде всего, отсутствием в Японии сколько-нибудь значительных природных ресурсов, и следовательно, невозможностью самообеспечения всем необходимым для поддержания нормальной жизнедеятельности страны. В этой связи главной и по существу единственной возможностью для успешного развития японской экономики остается ускоренный прогресс в научно-технической сфере и в области высоких технологий с последующим экспортом продукции высокого технологического качества. Именно за счет поставок на мировой рынок такой продукции и возможно развитие и процветание Японии. Но здесь она наталкивается на ожесточенную конкуренцию со стороны стран Запада, прежде всего США. Высокотехнологическая продукция России не является конкурентом Японии, поскольку в большинстве случаев эта продукция принадлежит к тем отраслям, которые в японской промышленности наименее развиты: военная техника и вооружения, космос, ядерные технологии и др. Что касается сырьевых и энергоресурсов, то Япония прямо заинтересована в развитии тесного сотрудничества с Россией.

Еще один фактор, который способствовал бы участию Японии в создании противовеса абсолютному доминированию США, состоит в характерной для японского общества традиционности. На Востоке вообще дорожат историческими и культурными традициями в гораздо большей степени, чем на Западе и в России. Однако и на фоне всеобщей восточной традиционности Япония выглядит страной едва ли не наиболее традиционной. Уважение к традициям, бережное отношение к ним, сохранение и поддержание традиционной культуры в Японии сочетаются с самыми передовыми достижениями техники и экономики. Не изолируясь от мировой культуры, японское общество достаточно успешно противостоит установлению монопольного господства западной массовой культуры. При соответствующей культурной политике со стороны России Япония могла бы найти в ней верного союзника в ограничении всемирного

влияния западной, прежде всего американской, массовой культуры. Это необходимо не потому, что произведения американской массовой культуры всегда плохи — среди них немало выдающихся и даже подлинных шедевров мирового значения. Однако абсолютное доминирование культурной продукции американского производства неизбежно затрудняет развитие национальных культур других стран. Такое доминирование не только препятствует выходу национальной культуры на мировую арену, но и вытесняет ее из внутреннего оборота в рамках данной страны.

Стратегический союз России со странами Ближнего Востока обусловливается необходимостью противостояния полному доминированию Соединенных Штатов в южных морях. Сегодня американские военно-морские силы являются практически безраздельными хозяевами мирового океана. Исключение составляют самые северные моря, где Россия еще не потеряла возможности для сохранения своего присутствия. Такому присутствию способствует, конечно, само географическое положение, поскольку Россия имеет в северные моря прямой и открытый выход. Выход же в южные моря несравненно более затруднен. Но без возможности свободного и удобного плавания в южных морях полноценное участие России в мировой торговле и в целом в мировой экономике никогда не будет возможным. Это обстоятельство должно побуждать российское руководство поддерживать прочные отношения со странами Ближнего Востока, какие бы политические режимы в них ни существовали. Прочные отношения с такими странами, как Иран, Сирия и Ирак, значительно облегчили бы нахождение российских морских судов в районе Индийского океана, то есть в том регионе, который имеет для развития мировой торговли исключительно большое значение, но прямого доступа в который у России нет.

Гибкая политика сотрудничества даже с теми странами, где у власти находятся реакционные режимы, но в которых Россия заинтересована с точки зрения геополитической, не противоречит принципам. Как уже отмечалось выше, между интересами и принципами нет глубинного противоречия. Все зависит от конкретной практики. Поэтому элементы сотрудничества вполне могут сочетаться с элементами дипломатического и иного давления с целью демократизации и либерализации антидемократических и антилиберальных режимов. Во всяком случае, такая политика гораздо менее опасна и более плодотворна, чем политика введения санкций, эмбарго и тем более — мер военного вмешательства. Неприкрытое давление способно дать даже обратный по сравнению с желаемым результат. Перед лицом внешней угрозы общество способно консолидироваться даже вокруг реакционного режима и его лидера. Показателен в этом отношении пример неприкрытого давления США и их союзни-

ков на Ирак. Такое давление не только не способствовало падению режима Саддама Хусейна, к чему стремились Соединенные Штаты, но, скорее, наоборот, дало иракскому лидеру возможность укрепить свое положение внутри страны. Кроме того, политика санкций и эмбарго на экспорт и импорт данной страны больно бьет в первую очередь не по режиму, а по населению, ввергая его в нищету и полуголодное существование. Такая политика не может не противоречить принципу гуманности, столь же важному в международных отношениях, как и в отношениях между отдельными людьми.

Важным геостратегическим партнером сегодняшней России следует признать Белоруссию. Эта страна остается для России единственным незатрудненным сухопутным выходом в Европу. Дружественность белорусского правительства и подавляющего большинства белорусского народа к России следует рассматривать в качестве бесценного нравственного, культурного и политического богатства. Этим богатством Россия должна тем более дорожить, что на планете не так уж много стран, относящихся к нашей стране всецело положительно. Элементы антидемократизма во внутренней политике руководства Белоруссии могут быть успешно преодолены с дальнейшим развитием контактов с Россией. В противном случае, то есть если к власти пришла бы называющая себя «демократической» оппозиция, то вся политика Белоруссии была бы немедленно ориентирована антироссийски и прозападно. Россия получила бы на своих рубежах новый резко враждебный ей режим. Кроме того, вряд ли белорусские оппозиционные силы являются демократическими, как они стремятся себя представить. Не окажется ли белорусский народ, а вместе с ним и Россия, перед лицом произвола кучки политических авантюристов и проходимцев, стремящихся к власти лишь для удовлетворения своих амбиций, а не для служения национальным интересам? Опасения такого рода вполне оправданы неспособностью белорусской оппозиции идти на компромисс, ее стремлением дестабилизировать внутреннюю обстановку, тесной связью с экстремистскими антироссийскими кругами Запада, некоторых стран постсоветского пространства, чеченскими сепаратистами.

Огромное значение для обеспечения национальной безопасности любой страны, для защиты ее национальных интересов имеет ее *военная доктрина.* Ни царская Россия, ни Советский Союз не имели официально принятой, утвержденной и открыто опубликованной военной доктрины. Официальное принятие и открытость военной доктрины делают возможным знакомство с ней всех участников международного процесса, правительств, парламентариев, общественности и народов всех стран. Это, несомненно, способствует увеличению уровня международного доверия, оздоровлению между-

народной политической атмосферы. Открытость создает также условия для ясного понимания целей и задач вооруженных сил для всех воинов, для всех солдат и офицеров, а также для граждан государства. Военная доктрина призвана ответить на фундаментальный вопрос: а зачем, собственно, данному государству нужна армия, каковы ее цели и задачи? Исходя из ответа на него, в военной доктрине определяется численность вооруженных сил, соотношение родов войск, характер военной техники и вооружений, уровень финансирования и другие параметры.

Ныне действующая военная доктрина России утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. В ней развиты основные положения военной доктрины 1993 г., и вместе с тем она содержит ряд новых положений принципиального характера. Важнейшим из них является положение о прямой нацеленности вооруженных сил на обеспечение безопасности и защиты национальных интересов России. В документе, в частности, говорится: «Военная доктрина носит оборонительный характер, что предопределяется органическим сочетанием в ее положениях последовательной приверженности миру с твердой решимостью защищать национальные интересы, гарантировать военную безопасность Российской Федерации и ее союзников»*.

Военная доктрина постперестроечной России предусматривала существенное сокращение вооруженных сил по сравнению с теми, которые имел Советский Союз. Необходимость сокращения определялась, с одной стороны, изменением целей и задач Российской Армии, в первую очередь, освобождением ее от функций обеспечения военного присутствия в Восточной Европе и во многих других регионах земного шара — присутствия, которое диктовалось не национальными интересами, а требованиями идеологического порядка. С другой стороны, сокращение вооруженных сил диктовалось падением экономического потенциала России: содержать большую армию стране стало просто не по карману. К сожалению, сокращение вооруженных сил пошло не по тщательно продуманному плану, не поэтапно и плавно, а стихийно и хаотично. Процесс сокращения сопровождался целым рядом негативных явлений, таких, как вынужденный уход из армии квалифицированных специалистов, резкое снижение государственного финансирования, разбазаривание и расхищение военного имущества, значительное ухудшение материальных условий службы и быта военнослужащих. Нельзя, конечно, сказать, что в советское время с армией всегда и во всем дело обстояло благополучно. Однако недостатки советского времени по своему масштабу выглядят карликовыми по сравнению с их масштабом

* Независимая газета. 22 апреля 2000 г. С. 5.

в постперестроечной России. Страна крайне нуждается в преодолении этого положения.

Еще одно негативное последствие непродуманности и хаотичности военной реформы связано с тем, что при сокращении армии с 90-х годов наблюдается рост числа вооруженных людей в целом. Такой рост обусловлен возникновением множества охранных фирм, разного рода вооруженных спецподразделений. Если в советское время вооруженный спецназ был принадлежностью одного ведомства — КГБ, то сегодня едва ли не каждое ведомство имеет свое вооруженное подразделение. Сложившееся положение подпитывает склонность применять вооруженную силу там, где можно обойтись иными средствами. В этой склонности нельзя не усмотреть одно из проявлений роста насилия в российском обществе.

Весь исторический опыт России и всех крупных государств свидетельствует о том, что армия должна быть предметом особого внимания и заботы со стороны государства, общественности и всего народа. На значение армии для плодотворного развития страны указывал замечательный русский мыслитель И. А. Ильин: «Армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины; воплощенная храбрость моего народа, организация чести, самоотверженности и служения... Сердце человека вообще принадлежит той стране и той нации, чью армию он считает *«своей»*. Дух воина, стоящего на страже правопорядка внутри страны и на страже родины во внешних отношениях, отнюдь не есть дух «реакции», «насилия» и «шовинизма», как думают иные и до сего дня. Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, родина остается без обороны, государство распадается и нация сойдет с лица земли»*.

3. РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Патриотизм (от латинского patria — отечество, отчизна, родина) — это любовь к своей стране, чувство органической принадлежности к ней, взаимное чувство сопринадлежности к соответствующей общности людей, возникающее и существующее между людьми данной страны. Патриотизм — это, в частности, любовь к природе данной страны, к другим ее особенностям, но гораздо более важным является отношение к ее людям, выражающееся в заботе о сохранении их жизни и здоровья, личного достоинства, в стремлении обеспечить условия для их благополучия и процветания.

Патриотизм оправдан, прежде всего, тем, что жизнь отдельного человека протекает в рамках специфических условий определенной

* *Ильин И. А.* Собр. соч. В десяти томах. Т. 1. М., 1993. С. 207.

страны, определенного государства, которое призвано обеспечить достойное существование своим гражданам. При этом органы государственной власти неизбежно должны руководствоваться соображениями национальной безопасности и защиты национальных интересов (то есть совокупностью интересов всех граждан государства) на международной арене. Но из последнего прямо вытекает заинтересованность граждан в укреплении государства, в прочности его положения в составе мирового сообщества, в росте его всемирного авторитета и уважения к нему со стороны правительств и народов других стран. Как показал исторический опыт, надежда на «отмирание» государства является несостоятельной. Напротив, современная цивилизация идет по линии укрепления государства, в том числе по линии увеличения роли государства в международных делах. Неправительственные, негосударственные организации не в состоянии вытеснить государство из международных отношений прежде всего потому, что только органы государственной власти в состоянии обеспечить национальную безопасность и защиту национальных интересов. Более того, в этом и состоит один из важнейших аспектов самого смысла их существования, один из главнейших аспектов их предназначения.

Патриотизм определяется и тем, что развитие все более широких и тесных контактов между народами, расширение и укрепление международного сотрудничества не ведут к уничтожению различий народов, стран и континентов. На этот аспект патриотизма обратил, например, особое внимание великий русский ученый Д. И. Менделеев: «Любовь к Отечеству, или патриотизм, как, вероятно, небезызвестно читателям, некоторые из современных учений крайних индивидуалистов уже стремятся представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви к человечеству... Ложность такого учения становится, на мой взгляд, ясна не столько со стороны одних важнейших исторических услуг скопления народов в крупные государственные единицы, вызывающего самое возникновение патриотизма, сколько со стороны того, что ни в коем будущем нельзя представить слияние материков и стран, уничтожение различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главную причину соревнования и прогресса... Любовь к Отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого общежитного состояния людей от их первоначального дикого или полуживотного состояния»*.

Патриотизм оправдан также тем, что для человека естественна особая душевная привязанность к родным местам, к тем местам, где прошло его детство, где жили и трудились его родители и предки, та

* *Менделеев Д. И.* К познанию России. СПб., 1907. С. 111—112.

относительно ограниченная территория огромного земного шара, с которой связаны существенные события индивидуальной человеческой судьбы. Именно на этой территории человек чувствует себя наиболее непринужденно, здесь ему все наиболее понятно и близко. Как отмечено выше, патриотизм включает в себя и любовь к природе своей страны, но еще более важным является ощущение родного духа страны, ее особой атмосферы, которая связана и с особенностями природы, и с особенностями народного характера и культуры. «Над Канадой небо синее, / Меж берез дожди косые. / Хоть похоже на Россию, // Только все же не Россия», — поется в одной из известных бардовских песен.

Патриотическая мировоззренческая позиция достаточно ярко и отчетливо представлена как в отечественной общественной мысли, так и в российском народном характере. Вместе с тем российский патриотизм выражается посредством целого ряда разновидностей. Их можно усмотреть в позициях выдающихся мыслителей России по этому вопросу. Разнообразие взглядов объясняется тем, что, несмотря на внешнюю простоту, понятие патриотизма в действительности является очень сложным. Кроме того, само по себе чувство патриотизма испытывает воздействие самых разнообразных факторов общественного развития. Характерным для России приходится считать и постоянное наличие антипатриотических настроений, которые время от времени выходят на поверхность и открыто заявляют о себе.

Понятие патриотизма выдвигает целый ряд проблем теоретического, мировоззренческого и практического характера. Одна из них — тождество и различие между любовью к своей стране и характером отношения к другим странам.

«Мы должны любить все народности, как свою собственную, — утверждал Вл. Соловьев. — Этою заповедью утверждается патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, и в то же время это чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма и национализма...»* Согласно Соловьеву, мы должны так же хотеть истинного блага всем другим народам, как своему собственному. Для этого, прежде всего, необходимо стремиться психологически глубоко понять другие народы, их дух и национальный характер.

Этот взгляд Вл. Соловьева был впоследствии оспорен целым рядом отечественных мыслителей. Например, С. Булгаков писал: «Вл. Соловьев, развивая идею «национального альтруизма», выставил совершенно фальшивую и утопическую максиму: люби чужие нацио-

* *Соловьев В. С.* Соч. В двух томах. М., 1988. Т. 1. С. 378.

нальности, как свою собственную. Это подобно тому, как если бы сказать: надо любить чужих жен и чужих детей, чужих друзей, как своих собственных. Эта идея неверна онтологически, ибо существуют такие отношения, которых сама их природа состоит в их исключительности»*. С точки зрения Булгакова, любовь к родине «не должна быть самоутверждающей в ограниченности своей, которая оборачивалась бы враждой или презрительностью к другим народам, но она не может не быть исключительной»**.

Взгляды Достоевского на историческое предназначение и судьбу России принято характеризовать как почвеннические. Почвенничество (от слова «почва») — воззрение, отдающее приоритет всему своему, родному, отечественному над всем заимствованным и привнесенным из других стран. Почва, вместе с тем, противопоставлена понятию крови, то есть кровно-родственным связям. Поэтому сторонники почвенничества под «своим», «родным», «отечественным» понимают то, что создано и произросло на территории данной страны, независимо от того, представителями какой крови, какого этноса оно создано и взращено.

Вершиной развития мыслей Достоевского о России явилась знаменитая «Пушкинская речь» (май 1880), произнесенная на празднике по случаю освящения памятника Пушкину в Москве. Центральным тезисом этой речи стала идея о «всемирной отзывчивости» русской души, о «всечеловечности» русского национального идеала. Достоевский настаивал на том, что русскому духу присущ особый дар «перевоплощения» в дух других народов и культур. Поэтому «стать настоящим русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком». Именно с «всемирной отзывчивостью», «всечеловечностью» и даром «перевоплощения», возникшими, по Достоевскому, на основе православной культуры, и связывал писатель историческое призвание России. Оно состоит в том, чтобы «внести примирение в европейские противоречия... указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев...». Достоевский полагал, что у России есть свой особый исторический путь, своя историческая миссия, отличные от исторического пути и миссии Запада. Он связывал историю и будущее России с православием, с развитием православной культуры. Именно православие взрастило «всемирную отзывчивость» русской души. И именно оно предопределит будущее России.

Относительно самого факта патриотизма Достоевского не может, разумеется, возникать никаких сомнений. Однако теоретичес-

---

* *Булгаков С. Н.* Соч. В двух томах. М., 1993. Т. 2. С. 647—648.
** Там же. С. 647.

кие взгляды великого русского мыслителя на смысл и предназначение России такие сомнения вызывают. Согласно В. Зеньковскому, идеи Достоевского в области социологии России принадлежат к числу наиболее слабых мест его воззрений. В. Зеньковский отмечал, что, насколько силен Достоевский в большинстве тем своего творчества, «настолько же расплывчаты его указания на положительные пути «православной культуры»*.

И. Ильин считал, что Достоевский свел своеобразие России и русского характера к миссии благородной, но такой, которую следует считать служебно-посреднической. Очевидно, чтобы по-братски относиться к другим, необходимо сначала самому быть кем-то, — не говоря уже о том, что неплохо бы задуматься и над вопросом, насколько другие нуждаются в твоем братском сочувствии. «Тот, кто хочет быть «братом» других народов, — писал в этой связи И. Ильин, — должен *сам* сначала *стать и быть* — творчески, самобытно, самостоятельно... растить свой дух, крепить и воспитывать инстинкт своего национального самосохранения, по-своему трудиться, строить, властвовать и молиться. Настоящий русский есть прежде всего *русский,* и лишь в меру своей содержательной, качественной, субстанциальной русскости он может оказаться и «сверхнационально» и «братски» настроенным «всечеловеком»... *Национально безликий «всечечеловек»* и *«всенарод» не может ничего сказать другим людям и народам»***.

Помня изречение Ал. Григорьева о том, что «Пушкин — это наше все», давно ставшее аксиомой для всех, кто знаком хотя бы с азами русской культуры и кому она дорога, в очередной раз обратимся к размышлениям и взглядам великого поэта и мыслителя. На этот раз на тему о патриотизме. Широко известны пушкинские строки:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Однако Пушкин не ограничивался только поэтическими призывами. Он глубоко размышлял на тему о патриотизме, не раз резко осуждал проявления антипатриотизма в близкой ему дворянской среде. Важнейшей чертой пушкинского мировоззрения следует счи-

---

* *Зеньковский В. В.* История русской философии. В двух томах. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 243.

** *Ильин И.* Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 334.

тать его глубоко *уважительное отношение к прошлому,* прежде всего к прошлому России. Глубокий интерес к истории России особенно возрастает после 1827 г., то есть в зрелый период, именно тогда, когда окончательно складываются либерально-консервативные убеждения поэта. Особенно показательным для пушкинского отношения к прошлому России является его письмо, написанное в ответ на знаменитое первое из «Философских писем» П. Я. Чаадаева.

Несомненно, Чаадаева следует отнести к числу выдающихся русских философов, и его взгляд на российскую историю не сводится к тому, что было высказано в первом письме*. Тем не менее факт едва ли не тотально отрицательной оценки Чаадаевым прошлого России, данной в первом «Философском письме», сомнению не подлежит. Она не могла пройти мимо внимания Пушкина, тем более что философ принадлежал к числу давних и близких друзей поэта.

Содержание чаадаевского письма стало известно Пушкину еще до публикации его в 1836 г. в журнале «Телескоп». Пушкин подготовил ответное письмо, но не отправил его адресату, узнав о последовавших в отношении Чаадаева репрессиях и, видимо, не желая усугублять и без того тяжелое положение философа. Содержание письма стало известно только после смерти поэта.

Возражения Пушкина против высказанной Чаадаевым отрицательной оценки прошлого России можно свести к двум основным подходам: *фактическому* и *ценностному*. Прежде всего, Пушкин не согласен с философом с точки зрения фактической. «Что же касается нашей исторической ничтожности, — писал поэт, — то я решительно не могу с Вами согласиться... Война Олега и Святослава и даже удельные усобицы, — разве это та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству... оба Ивана, величайшая драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели это не история, а бледный полузабытый сон! А Петр Великий, который один есть целая всемирная история? А Екатерина Вторая, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел Вас в Париж?..»**

Не соглашаясь с Чаадаевым по позиции фактической, Пушкин, однако, не ограничивается ею. Он выдвигает аргумент, основываю-

---

* См. более подробно, в частности, *Шаповалов В. Ф.* Основы философии. От классики к современности. М., 1998. С. 278—299.

** *Пушкин А. С.* Письмо П. Я. Чаадаеву // Русская идея. Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М., 1992. С. 51. В последней фразе имеется в виду участие Чаадаева в войне 1812—1814 гг.

щийся на подходе, который правомерно охарактеризовать как ценностный. Об этом говорят следующие его слова: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал»*. Из этих слов можно заключить, что Пушкин исходит из того, что, с одной стороны, в прошлом ничего не изменишь, оно таково, каким состоялось («каким его Бог дал»). Поэтому сожаления по поводу прошлой истории неизбежно порождают чувство неудовлетворенности и не ведут ни к чему позитивному. Деяния предков могут быть поверены и оценены в полном объеме лишь нашими собственными деяниями. Право судить прошлое есть то, что следует заслужить. С другой стороны, мы обязаны прошлому уже самим фактом нашего существования. Следовательно, в истории всегда можно найти то, на что можно опереться, то, что станет источником духовного опыта для современности. Наше отношение к истории характеризует не столько прошлое, сколько нас самих, поскольку история — не прямая линия, ведущая из прошлого через настоящее в будущее, а неисчерпаемый, не поддающийся окончательному обозрению кладезь духовного опыта. Из него современность отбирает то, что ей по силам, что соответствует нравственной направленности и мере культурно-творческого потенциала. Поэтому, в небольшой мере заостряя пушкинскую мысль, можно с уверенностью утверждать, что, согласно поэту, вполне оправданное стремление превзойти прошлое осуществимо лишь при условии, если не утрачивается наша связь с ним.

Ярко выраженный *патриотизм* является важнейшей чертой пушкинского мировоззрения, как в целом, так и в политической его части. Пушкинский патриотизм сложился, конечно, в юности, под влиянием войны 1812 г. и вызванного ею всеобщего патриотического подъема. Однако особенно примечательно то, что Пушкин сохранил патриотическую настроенность на протяжении всей жизни, а в последний период пушкинский патриотизм не только не иссяк, но возрос и укрепился. Это следует подчеркнуть, в частности, в связи с тем, что мировоззрение немалого числа друзей его молодости претерпело обратную метаморфозу.

Под влиянием очевидных недостатков российской жизни и под воздействием того расхожего понимания либерализма, которое приобрело популярность в дворянской среде, часть прогрессивных деятелей того периода (среди которых были и близкие знакомые Пушкина) утратили остроту патриотического чувства. Патриотизм стал восприниматься как нечто немодное, несовременное, устаревшее. Воззрения Пушкина резко противостояли подобным взглядам. Бо-

* *Пушкин А. С.* Письмо П. Я. Чаадаеву // Русская идея. Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М., 1992. С. 51.

лее того, он сумел увидеть то, что нередко скрывалось за либеральной фразой, а именно — нелюбовь приверженцев поверхностного либерализма к России. Пушкин с возмущением писал о тех деятелях, которые, фрондируя своими либеральными воззрениями, в действительности «стоят в оппозиции не к правительству, а к России»*. О том, что любовь к России была для поэта одной из наиболее значительных ценностей, свидетельствует, например, тот факт, что Пушкин остановился перед тем, чтобы с упреком отнести своего друга князя Вяземского к «озлобленным людям, не любящим Россию». Впрочем, князь не принадлежал к числу радикальных либералов, поэтому применительно к нему слова Пушкина были явным преувеличением**. Однако сам факт их появления нельзя не считать показательным.

Не менее показательным является отношение Пушкина к польскому восстанию 1831 года. Признавая с точки зрения принципиальной право польского народа самостоятельно решать свою судьбу, Пушкин, однако, не считал возможным на этом основании жертвовать патриотическими убеждениями. Его особенно возмущали проявления восторга со стороны некоторых русских по поводу неудач российских войск, посланных на подавление восстания. «Грустно было слышать толки московского общества во время последнего польского восстания, — писал поэт. — Гадко было видеть бездушных читателей французских газет, улыбающихся при вести о наших неудачах»***. Именно к этому периоду относится стихотворение «Клеветникам России». В нем поэт резко выступает не только против западной прессы, воспользовавшейся удобным поводом, чтобы обрушить на Россию все мыслимые и немыслимые обвинения, но и против тех представителей российского общества, которые, в силу своего по-детски наивного и неосмысленного космополитизма, с удовольствием примыкали к подобным обвинениям. В отличие от последних, зрелый Пушкин отчетливо понимал, что благие и внешне невинные либеральные фразы могут использоваться недругами России в целях ее разрушения и ни о каком космополитизме не может идти речь в международных отношениях, где непрерывно идет ожесточенная борьба разноречивых национальных интересов.

Таким образом, патриотизм Пушкина связан с особой заботой о прочности Российского государства. Эта забота выражается как в

---

* См. *Франк С.* Пушкин как политический мыслитель / Пушкин в русской философской критике. С. 409.

** См. там же.

*** Цит. по: *Франк С.* Пушкин как политический мыслитель / Пушкин в русской философской критике. С. 410.

аспекте международном, так и в аспекте внутреннем. Пушкин допускает любые преобразования внутри страны, но при одном важном условии — чтобы они не ставили под угрозу прочность и само существование российского государства. Именно этим, в частности, объясняется его установка, которую можно характеризовать как «прогресс без хирургического вмешательства», о котором мы уже говорили выше. В аспекте международном действует аналогичный принцип: любые изменения могут быть приняты, но при том же условии обеспечения прочности и устойчивости российского государства.

Ярко выраженная установка на обеспечение прочности и сохранности государства резко выделяет Пушкина из среды независимых и оппозиционных русских мыслителей XIX в. (к которым, разумеется, относится и сам поэт). В подавляющем большинстве случаев российские оппозиционеры проявляли поразительное легкомыслие в вопросе о прочности государственных устоев, полагая ее как нечто само собой разумеющееся, не требующее особой заботы и попечения. Настаивая на радикальных реформах или революции, они совершенно упускали из виду то обстоятельство, что любое преобразование общества сохраняет позитивный смысл до той поры и в тех пределах, пока не подвергает обвальному разрушению сами основы государственности. Неучет этого обстоятельства следует отнести к проявлениям инфантилизма и незрелости, если, конечно, исключить случаи намеренного (под предлогом необходимости перемен) разрушения государства, чтобы при образовавшемся хаосе и неизбежной неразберихе «ловить рыбку в мутной воде».

Пушкинский патриотизм имеет еще один аспект, о котором невозможно не упомянуть. Он оказывается тесно связанным с глубоким пониманием значения для жизни всякого человека почтительного отношения к предкам, к домашнему очагу, семейным традициям, к «пенатам». Тесная связь патриотизма и семьи в ее широком понимании — как непрерывности ряда поколений — органична для пушкинского мировоззрения.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
Самостоянье человека,
Залог величия его...
Животворящая святыня!
Земля была без них мертва,
Без них наш тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без божества.

Таким образом, уважение к предкам, любовь к семье и патриотизм для Пушкина неразделимы.

Выстравить патриотическую идею из сознания людей, полностью заменив ее классовой, — такую задачу ставили большевики в первый период своего правления с 1917-го приблизительно по 1935—1937 гг. Антипатриотическая установка была непосредственным продолжением линии большевиков дооктябрьского периода. Эта линия наиболее ярко выразилась в выдвинутом Лениным в период первой мировой войны лозунге поражения своего отечества. Большевики того периода явились единственной партией не только в России, но и в Европе (за исключением отдельных социал-демократических групп в Германии), выдвинувшей идею поражения страны. Именно поэтому германское командование оказало существенную помощь в переброске в 1917 г. большой группы большевиков из Швейцарии в Россию, а также отпустило значительные средства на революционную пропаганду, направленную на разложение армии и ослабление России. Помимо знаменитого вагона, в котором были переправлены Ленин и его непосредственное окружение, Германия способствовала направлению в Россию еще около четырехсот большевиков-эмигрантов.

Установка на «мировую революцию», основанная на сугубо классовом, антипатриотическом подходе, оставалась официальной партийной установкой вплоть до середины 30-х годов. Исходя из нее, трактовались важнейшие факты истории России; по сути, вся дооктябрьская история грубо искажалась, фальсифицировалась и очернялась. Так, в издававшейся в 1930—1932 гг. «Малой советской энциклопедии» с позиций сугубо классовых и тенденциозных освещалась деятельность выдающихся патриотов России, выпячивались и преувеличивались их отрицательные черты, замалчивался их вклад в становление и развитие российской государственности. Об Александре Невском говорилось: «Александр Невский оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу (слово «капитал» в условиях 20 — начала 30-х годов ассоциировалось со всем темным, злым, «плохим». — *В. Ш.*)... подавлял волнения русского населения, протестовавшего против тяжелой дани татарам. «Мирная» политика Александра была оценена ладившей с ханом русской церковью: после смерти Александра она объявила его святым»*. Козьма Минин характеризовался в «Энциклопедии» так: «Минин-Сухорукий нижегородский купец, один из вождей городской торговой буржуазии... Буржуазная историография идеализировала Минина-Сухорукова как бесклассового борца за единую «матушку Россию» и пыталась сделать из него национального героя»**. Его сподвижник князь

* МСЭ. Т. 1. С. 216.
** МСЭ. Т. 5. С. 229.

Дмитрий Пожарский характеризовался так: «Пожарский... князь ставший во главе ополчения, организованного мясником Мининым-Сухоруким на деньги богатого купечества. Это ополчение покончило с крестьянской революцией»*. О Петре Первом авторы «Энциклопедии» писали: «Петр Первый... был ярким представителем российского первоначального накопления. Соединял огромную волю с крайней психической неуравновешенностью, жестокостью, запойным пьянством и безудержным развратом»**.

Только во второй половине 30-х годов советская партийно-государственная идеология перешла на патриотические позиции. Со стороны высшего руководства, прежде всего Сталина, это был, скорее всего, вынужденный шаг, обусловленный потребностями приближающейся мировой войны. Тем не менее с этого времени в идеологии патриотический элемент стал присутствовать постоянно. Например, фильмы-кинопоэмы (все кинофильмы выпускались на экран с личного одобрения Сталина) «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940), в художественной форме (правда, в достаточно примитивной, что вполне объяснимо условиями времени) раскрыли выдающуюся роль этих деятелей в истории России. Такого рода произведения воспитывали гордость за свою страну, за ее прошлое, способствовали формированию патриотического чувства.

Таким образом, в российской истории наряду с яркими патриотическими проявлениями мы находим и опасные проявления антипатриотизма. Как было отмечено выше, антипатриотизм отчетливо проявился в период, примыкающий к 1917 г. Едва ли не менее отчетливо он, к сожалению, проявился и в годы, последовавшие за 1991 г., когда немалая часть российских средств массовой информации была активно занята целенаправленной дискредитацией патриотизма. При этом понятие патриотизма целиком переводилось из нравственно-гуманитарной сферы в политическую. Вообще говоря, перевод вопроса о патриотизме из нравственно-гуманитарной полностью в плоскость политическую чреват расколом общества, обострением конфронтации. При этом понятие патриотизма неизбежно отдается на откуп самым крайним, экстремистским политическим силам. Последние приобретают шанс повысить свою популярность, беззастенчиво спекулируя на понятии патриотизма, остающимся святым для большинства рядовых граждан.

В период 1991—1998 гг. политиками и журналистами «демократического» направления (или теми, кто демократической вывеской прикрывал свои узкокорыстные, эгоистические устремления) неред-

* МСЭ. Т. 6. С. 651.
** Там же. С. 447.

ко цитировались слова, приписывавшиеся то Л. Н. Толстому, то Б. Шоу: «патриотизм — последнее прибежище негодяев». В действительности это изречение принадлежит английскому литератору XVIII в. Сэмюэлю Джонсону. Смысл его в том, что негодяям свойственно маскировать свои намерения самыми святыми в глазах большинства людей духовными ценностями. К числу таких ценностей относится и патриотизм, — в глазах автора изречения — ценность самая святая, высшая. Именно поэтому он и оказывается «последним» прибежищем... Сам Сэмюэль Джонсон был членом консервативной партии (партии тори), горячим патриотом Великобритании.

Теоретические взгляды Л. Толстого на патриотизм (как и на многие другие вопросы) отличались своеобразием. Действительно, в его статьях «Христианство и патриотизм», «Патриотизм и правительство» встречаются выражения: «патриотизм есть рабство», «злодейства всегда вытекают из патриотизма», войны порождаются «желанием исключительно блага своему народу», а потому «для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм». Последнее высказывание свидетельствует о том, что Толстой путал патриотизм с эгоистическим национализмом, который как раз и есть «желание исключительного блага своему народу». Не проводил Толстой и четкого различия между патриотизмом и имперскими притязаниями. Об этом говорит, например, следующее высказывание Толстого: «Если христианство истина и мы хотим жить в мире, то нельзя сочувствовать могуществу своего Отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому... Мы, члены больших государств, не только перестанем желать присоединять к себе новые народности и государства, а будем радоваться, когда покоренные народы будут от нас освобождаться, и будем содействовать этому, и так будем содействовать этому, и так будем воспитывать молодые поколения; русские будут содействовать освобождению Польши, Финляндии, Остзейского края (ныне республики Балтии. — *В. Ш.*), Армении...»

Отметим, что позиция Толстого, как отчетливо видно из последних слов, характеризуется высоким благородством. Великий русский писатель проявляет подлинно христианскую заботу о других народах, обеспокоен их судьбой. Вместе с тем он явно путает патриотизм с совершенно неоправданной, по меньшей мере в современную эпоху, политикой колонизации и не оправданным никогда, ни в какие эпохи, стремлением поработить другие народы.

Самого Толстого — Толстого как человека, а не как теоретика, — вряд ли можно заподозрить в нелюбви к России. Напротив, можно с достаточной уверенностью утверждать, что все его размышления как на тему о патриотизме, так и на другие темы продиктованы

горячей любовью к народу России, прежде всего к «простому» народу. Они, несомненно, продиктованы чувством сострадания к бедам народным, сочувствием к «униженным и оскорбленным». Широко известно, что Толстой предпринимал колоссальные усилия по просвещению русского народа, по подъему его нравственного, образовательного и культурного уровня. Но не менее широко известно и то, что теоретические построения и концепции Толстого нередко отличались противоречивостью. Особенно характерна для них терминологическая путаница. Под этой терминологической путаницей бывает не просто усмотреть те гениальные прозрения, которые содержатся во многих теоретических размышлениях писателя и философа, отличить их от явных заблуждений великого русского гения. Для подтверждения сказанного приведем еще одну мысль Толстого на тему о патриотизме.

«Восстановительный патриотизм покоренных, угнетенных народов — армян, поляков, чехов, ирландцев и т. п. едва ли не самый худший, потому что самый озлобленный и требующий наибольшего насилия». «Мелкие угнетенные народности, реагируя против давящего их патриотизма покорителей, до такой степени заразились от угнетающих их народностей этим отжившим, ставшим ненужным, бессмысленным и вредным чувством патриотизма, что вся их деятельность сосредоточена на нем и что они сами, страдая от патриотизма сильных народов, чтобы совершить его над другими народностями из-за того же патриотизма то самое, что покорившие их народности производили и производят над ними».

В этих высказываниях, в частности, подмечены те специфические особенности патриотизма малых и угнетенных народов, которые способствуют перерождению здорового чувства патриотизма в болезненное чувство агрессивного национализма. Факты такого перерождения имеют место и сегодня, в конце XX — начале XXI в., в том числе и на постсоветском пространстве. Однако агрессивный национализм — это именно переродившийся патриотизм, ставший по основным параметрам противоположностью патриотизма. Наличие тенденций и возможности извращений в понимании патриотизма, конечно, не может быть аргументом для отказа от патриотизма как одной из высших ценностей человеческого бытия.

4. РОССИЙСКИЙ ВОИНСКИЙ ДУХ

Воинский дух — это дух мужества, отваги, рыцарства, чести и верности. Поэтому воинский дух следует поставить выше духа предпринимательского. Приведем слова испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, резко критикующего противоположную точку зрения.

«Герберт Спенсер — столь же вульгарное, сколь и верное отражение своей нации и эпохи — взял и противопоставил «воинскому духу» — «предпринимательский», — писал Х. Ортега-и-Гассет. — По его (Спенсера. — *В. Ш.*) глубокому убеждению, последний — первый во всех отношениях. Разумеется, такая формулировка сверх меры льстит правящей буржуазии, потакая ее инстинктам. Тем не менее нам предстоит пересмотреть ее коренным образом. Ибо трудно представить себе большее искажение истины. *Этика* предпринимательства, иными словами, совокупность настроений, норм, принципов, направляющих ход деловой деятельности и в моральном, и в жизненном отношении, уступает *этике* воина. Воротила движим чисто утилитарным началом, истым воином повелевает энтузиазм. Деловое сообщество объединяет людей, которые связаны договорами, то есть внешними, частными, как бы механическими узами. В военную дружину, наоборот, входят те, кто привержен двум высшим ценностям: чести и верности. Промышленный дух направляется осторожным стремлением избежать риска, воинственный — неутолимой жаждой жить в опасности. И даже то, что их роднит, то есть строгая дисциплина, родилось среди бойцов, в военной среде и затем привилось мирному человеку»*.

Заметим, что признание воинского духа более высоким в моральном отношении по сравнению с предпринимательским, не должно означать, что последний есть что-то сугубо отрицательное. Предпринимательский дух имеет свои достоинства. Кроме того, без него немыслима экономико-хозяйственная жизнь общества. (Предпринимательский дух подробно рассмотрен в главе 5.)

Ортега с сожалением отмечал упадок воинского духа в современном ему обществе. «В глазах большинства все, связанное с войной и армией, предстает как нечто недочеловеческое, как рудимент почти звериного состояния. Здесь сила упорно противопоставляется духу или, в лучшем случае, рассматривается как низшая форма духовности»**.

Российскую цивилизацию всегда отличало наличие крепкого воинского духа. Об этом свидетельствуют многочисленные победы, достигнутые на полях боевых сражений. В конечном итоге Россия всегда побеждала тех, кто посягал на ее независимость и свободу. Неслучайно еще Пушкин писал: «Страшись, о рать иноплеменных, России двинулись сыны». Для России характерна идея высоты воинского духа — духа мужества, отваги, чести и благородства. Впрочем, высокая оценка воинского духа характерна, конечно, не только для России. Например, по свидетельству американского исследова-

---

* *Х. Ортега-и-Гассет.* Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 32—33.
** Там же. С. 32.

теля, именно для США характерно высказывание: «Армия сделает из тебя мужчину»*.

Трудности армейской жизни, умение их преодолевать, отсутствие привычной для молодого человека родительской опеки — эти и многие другие факторы не могут не способствовать становлению характера. Однако воспитывающая роль армии в позитивном смысле реализуется, разумеется, лишь при нормальном состоянии самой армии. «Дедовщина», низкий нравственный уровень офицерского состава, воровство военного и государственного имущества и другие негативные проявления отрицательно сказываются не только на боевом духе армии, но и на ее воспитывающей функции. Это лишний раз свидетельствует о том, что армия нуждается как в поддержке общества, так и в контроле с его стороны. Речь идет именно об общественном, а не только государственном контроле. Контролирующие органы самой армии, как и органы контроля государственного аппарата, сами по себе не в состоянии решить задачу искоренения злоупотреблений. Они должны быть дополнены контролем со стороны общественных организаций. В этой связи появление и активную деятельность таких общественных образований, как, например, «Организация солдатских матерей», следует считать фактом особого социального значения.

Наряду с общими чертами, характерными для воинского духа вообще, российский воинский дух имеет свои отличительные особенности. Они связаны со специфическими особенностями российского менталитета и народного характера, которые мы неоднократно отмечали. Назовем три важнейшие особенности российского воинского духа. Во-первых, это романтика персонализма, в отличие от романтики индивидуализма, характерной для западного воинского духа. Во-вторых, органическое сочетание в нем таких серьезных качеств, как мужество, стойкость, отвага и т. д., с шуткой, юмором и даже элементами шутовства. В-третьих, это то, что условно можно назвать «музыкальностью» российского воинского духа. С изумительным постоянством эти черты сохраняются на протяжении более чем двух столетий, то есть на протяжении всего периода существования современной российской цивилизации. Рассмотрим их более подробно.

Первая особенность связана с персонализмом как наиболее характерном для российской цивилизации представлении о соотношении индивида и общества. Персонализм — это средняя позиция между индивидуализмом и коллективизмом (см. более подробно главу 9). Для России в целом не характерен индивидуализм западного образца. Но неверно считать, что для нее характерен коллекти-

* *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Т. 2. С. 12.

визм. Коллективизм в чистом виде является достоянием Востока: Китая, Индии, Японии, Кореи. Для России же характерна срединная позиция, вбирающая в себя некоторые черты как индивидуализма, так и коллективизма. Ее мы называем «персонализмом». Она находит свое проявление и в рамках российского воинского духа. Поэтому правомерно говорить о своеобразной романтике российского воинского духа — романтике персонализма.

В самом деле, западному воинскому духу свойствен индивидуализм. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить любой западный фильм на военную или приключенческую тему, начиная с фильмов о Джеймсе Бонде до фильмов самого последнего времени, например, фильмов с участием замечательного американского актера Тома Беринджера. Его главным персонажем, как правило, является герой, в одиночку решающий стоящие перед ним проблемы. Конечно, взаимопомощь и взаимовыручка тоже присутствуют. Но не они представляют главную ценность и не они приносят герою самоудовлетворение. Романтизируется именно личный подвиг. Вряд ли на Западе родилась бы поговорка «один в поле не воин», столь характерная для российского умственного воспитания. В этом воспитании, правда, присутствует и обратное: «и один в поле воин», но оно производно от первого и основного: на поле брани, в первую очередь, важны взаимоподдержка и взаимовыручка. Неслучайно А. В. Суворов наставлял солдата: «Сам погибай, а товарища выручай».

Если на Западе, как правило, романтизируется личный подвиг, то в России романтизируется и, соответственно, наиболее высоко оценивается такой положительный результат, который достигнут совместными усилиями, причем каждый отдельный участник проявляет свои лучшие качества. Личный подвиг, разумеется, оценивается тоже исключительно высоко, но, как правило, в рамках совместной деятельности, во имя общих целей и общих ценностей. Российская военная история дает немало образцов личного героизма. Так, в дореволюционной России был широко известен подвиг гренадера Гвардейского Финляндского полка, участника Отечественной войны 1812 г. Леонтия Коренного. Он совершил его в битве под Лейпцигом осенью 1813 г.

Батальон, в котором сражался Коренной, оказался в окружении. В жестоком бою вышли из строя все боевые товарищи гренадера. Леонтий Коренной остался один, продолжая сражаться. Не дождавшись сдачи русского богатыря, французы кололи его штыками до тех пор, пока он не рухнул среди погибших товарищей и врагов. О пленном русском герое, получившем 18 штыковых ран и сражавшемся до последнего, доложили Наполеону. Император приказал вылечить русского солдата и издал приказ по армии, в котором указывал своим войскам брать пример с русского гренадера. В доре-

волюционной России о подвиге Коренного знали все. В Русском музее выставлялась картина художника П. Бабаева «Подвиг гренадера Леонтия Коренного». Во время Крымской войны оружейники Тулы изготовляли для участников обороны Севастополя револьверы, которые были украшены изображениями подвига Леонтия Коренного. В более позднее время, в 1903 г., когда лейб-гвардии Финляндский полк праздновал столетний юбилей, офицеры полка установили у входа в офицерское собрание бронзовый памятник Коренному.

Высокая оценка в рамках российского воинского духа личной храбрости и героизма не противоречит тому, что особо оцениваются и коллективные усилия и результаты. Это и есть персонализм, органически сочетающий в себе черты индивидуализма и коллективизма. В отличие от коллективизма, персонализм не предполагает полного подчинения личности общественному целому, не предполагает полного растворения личности в общности. С персонализмом главным образом и связана особая романтика российского воинского духа. Наибольшее самоудовлетворение приносит личный героизм во имя общей цели, во имя общих ценностей.

Последнее объясняет и характерную для России особую ценность воинской дружбы. Она проявляется не только на поле сражения («сам погибай, а товарища выручай»), но, как правило, сохраняется на долгое время, часто на всю оставшуюся жизнь. Замечательные образцы воинской дружбы продемонстрировали все поколения российских воинов от времен Суворова до наших дней. Своими корнями она уходит далеко в глубь веков. Являясь одной из форм проявления характерной для России высокой оценки дружбы вообще, воинская дружба отличается особой прочностью, особым состоянием душ, в ней ярко выражена готовность «жизнь положить за други своя».

Вторая особенность российского воинского духа связана с присутствием в нем наряду с такими качествами, как мужество, отвага, самоотверженность и др., качеств весьма своеобразных, связанных с весельем, юмором, шуткой, порой — с шутовством и розыгрышем. Разумеется, война — дело предельно серьезное. Поэтому воинский дух — это, прежде всего, дух серьезности. Однако российская его разновидность органически сочетает в себе серьезное с несерьезным. Присутствие в российском воинском духе элементов юмора является одним из проявлений всеобщего свойства российского духа — его склонности к шутке, розыгрышу, его смешливости (см. главу 8, раздел «Сатира в России»). Еще Пушкин отмечал, наряду с другими качествами, «смешливость» русского крестьянина.

Эта особенность российского воинского духа сохраняется на всем протяжении более чем двухвекового существования современ-

ной российской цивилизации. Ее легко можно обнаружить, например, в «чудачествах» А. Суворова и в произведениях отечественной литературы XX в., отразивших опыт Великой Отечественной войны, таких, как «Василий Теркин» Твардовского или «Повесть о солдате Чонкине» В. Войновича.

Шутовские черты характера Суворова глубоко проанализированы Юрием Михайловичем Лотманом*. Однако по сложившейся в отечественной общественной науке традиции Лотман объясняет шутовство Суворова главным образом двумя основными факторами: противоречивостью характера выдающегося полководца и особенностями эпохи. Конечно, воздействие эпохи на характер и поведение личности отрицать невозможно. Что же касается противоречивости, то в действительности она мало что объясняет. Указание на противоречивость равносильно всего лишь указанию на странность, непонятность, загадочность явления. Действительно, поведение Суворова порой вызывало у современников, особенно у иностранцев, удивление и оставляло впечатление загадки. Однако, если мы вспомним о «всешутейском соборе» Петра Великого, о том, что шутка и шутовство составляют неотъемлемую черту российского народного характера, об элементах карнавальности российской жизни, о том, что, по мнению академика Д. С. Лихачева, даже собор Василия Блаженного на Красной площади в своей архитектуре несет значительный элемент шутовства и словно издевательски подшучивает над чрезмерной серьезностью Кремля, о том, что сатира в России развита как нигде в мире, и что писатели-сатирики и артисты сатирического жанра популярны в России тоже как нигде в мире, и о многом другом из этого ряда, — то в чудачестве Суворова мы увидим лишь одно из бесчисленных проявлений извечной склонности российского духа к шутке, розыгрышу, карнавальности.

Наиболее известны два эпизода шутовства Суворова, подробно проанализированные Лотманом. Один из них — шуточно-карнавальное представление, устроенное по случаю награждения медалями Сардинского короля денщика полководца Прошки, известного на всю армию своим пьянством. Другой — когда на ужине у Екатерины Второй в последний день поста Суворов вдруг стал изображать из себя великого постника и сидел, не притрагиваясь к еде. Первый эпизод закончился тем, что фельдмаршал, словно дитя, вместе со своим денщиком, обряженным по случаю представления, несмотря на жаркий итальянский день, в бархатный кафтан, гонялся бегом за уполномоченным Сардинского короля, якобы желая облобызать его руку, а тот не мог понять, что происходит. Второй — тем, что слова Суворо-

* См. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII — начала XIX веков. СПб., 1994.

ва о том, что «до первой звезды нельзя», были парированы Екатериной Второй, по одной версии тем, что, подозвав пажа, она приказала ему принести бриллиантовую орденскую звезду, которая тут же и была вручена Суворову. По другой версии, Екатерина Вторая произнесла: «Ваша звезда взошла, фельдмаршал». Ю. Лотман пишет: «Эпизод запечатляет двойной розыгрыш: Суворов, который далеко не всегда был такой «строгий постник», демонстративно в присутствии Потемкина, известного своей ненавистью к любым запретам и безудержностью своих порывов, демонстрирует строгое соблюдение обрядов, а Екатерина Вторая использует игру слов, чтобы выступить в амплуа милостивой государыни»*.

Не будем забывать, что Суворов обладал не только выдающимся полкодоводческим талантом, но был и чрезвычайно образованным человеком. Он в совершенстве владел четырьмя иностранными языками, был знатоком истории и литературы. Особенно глубоки были его познания в области античности. Нередко он поражал собеседников тем, что цитировал наизусть отрывки из произведений греческих и римских авторов. Шутовство же Суворова целиком укладывается в рамки особенностей современной российской цивилизации и в рамки особенностей российского воинского духа, который просто не мыслим без шутки и юмора. Об этом говорят не только уже названные выше «Василий Теркин» А. Твардовского и «Солдат Чонкин» В. Войновича, но и такие фильмы советского времени, как «Белое солнце пустыни» или «В бой идут одни старики», в которых изображение войны сопровождается легким юмором, а герои мягко иронизируют над собой и над происходящим. Последний из названных, фильм Л. Быкова «В бой идут одни старики» показателен еще и в том смысле, что ярко демонстрирует еще одну черту российского воинского духа — его «музыкальность». Эта черта с удивительным постоянством сохраняется на протяжении всего времени существования современной российской цивилизации.

В самом деле, нетрудно обнаружить перекличку между заявлением Суворова «с музыкой взял я Измаил» и ключевыми словами фильма, которые неоднократно произносит герой Л. Быкова:

Кто сказал, что нет места песне на войне,
После боя сердце хочет музыки вдвойне.

Конечно, во Вторую мировую войну никто не ходил в атаку с музыкой, как это было во времена Суворова: изменился сам характер войны. Но музыка не ушла с театра военных действий. Речь идет не только о строевой песне и не только о музыке полковых оркест-

* *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. С. 274.

ров — это мы встречаем во многих армиях мира. Речь идет прежде всего о песне, сочиненной и исполняемой самими бойцами в перерывах между боями. Знаменитый эпизод из «Василия Теркина» А. Твардовского говорит сам за себя: «Только взял боец трехрядку, / Сразу видно — гармонист. / Для начала, для порядка / Кинул пальцы сверху вниз» и т. д. Во время афганской войны гармонь сменила гитара, но сама песенная традиция сохранилась. Афганская война породила пласт песенной культуры, по своему объему и содержанию сравнимый с тем, который создала Великая Отечественная война. Характерно и то, что военная песня обладает той же особенностью, что российская песня вообще. В ней исключительно велика роль *слова* в самом высоком его понимании — поэзии как способа самовыражения, идущего из глубин человеческого сердца. Эту же особенность мы уже отмечали при рассмотрении русской народной песни, бардовской песни, российского рока.

Носителями воинского духа являются в первую очередь служащие Вооруженных Сил, армии. Это солдаты и офицеры, рядовые и командиры.

Российский рядовой солдат явил собой образец мужества, выдержки, стойкости. Во многих произведениях российской литературы и российского искусства мы встречаем идею о том, что боеспособность армии, ее боевой потенциал зависят в первую очередь от боевых и морально-волевых качеств простого бойца, рядового. Эта идея ярко выражена уже в «Севастопольских рассказах» Л. Толстого. Она нашла свое подтверждение и в советское время, особенно в произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, таких авторов, как К. Симонов, Ю. Болдырев, Б. Васильев и многие другие.

Офицерский корпус — становой хребет армии. Создание корпуса квалифицированных офицеров считается важнейшим при формировании армии. Значение офицерского состава еще более возросло в современную эпоху. Характерно, что история российского офицерства тесно связана с историей российской цивилизации в том ее понимании, которого мы придерживаемся, то есть как ведущей свое начало с петровской эпохи. Допетровская Россия не знала постоянного корпуса офицеров. Военные начальники Московской Руси, как правило, находились на службе только в военное время. Когда наступал мир, они разъезжались по вотчинам, поместьям и никаких военных обязательств не несли. Образование российского офицерского корпуса неразрывно связано с созданием Петром Первым регулярной армии. С этого времени быть офицером в России считается ответственным и почетным.

Примечательно, что многие деятели отечественной культуры в определенный период своей жизни были офицерами российской армии или военно-морского флота. Поручик М. Ю. Лермонтов, ар-

тиллерийский офицер Л. Н. Толстой, морской офицер композитор Н. А. Римский-Корсаков, генерал композитор Ц. А. Кюи, генерал медицинской службы, выдающийся хирург Н. И. Пирогов, выпускник кадетского корпуса художник В. В. Верещагин — всех не перечислишь. В советское время офицерами Красной и Советской Армии были писатели: Б. Лавренев, В. Вишневский, М. Шолохов, К. Симонов, Ю. Герман, Э. Казакевич, И. Эренбург, А. Твардовский и др.

Идея высоты воинского духа, важности и значительности армии и ее офицерского корпуса для стабильности и процветания родины отчетливо выражена, например, в замечательной песне Олега Газманова:

Офицеры, офицеры,
Ваше сердце на прицеле,
За Россию и свободу до конца!

Офицеры, россияне,
Пусть свобода воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца!

ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В трех томах. М., 1991. Т. 2.

Бжезинский З. Геостратегия для Европы // Независимая газета. 24 октября 1997 г.

Булгаков С. Н. Соч. В двух томах. М., 1993. Т. 2.

Военная доктрина Российской Федерации // Независимая газета. 22 апреля 2000 г.

Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. М., 1997.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

Зеньковский В. В. История русской философии. В двух томах. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2.

Ильин И. А. Собр. соч. В десяти томах. М., 1993. Т. 1.

Ильин И. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М. 1990.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII — начала XIX веков. СПб., 1994.

Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1907.

Нартов Н. А. Геополитика. М., 1999.

Олбрайт М. Задача США — управлять последствиями распада советской империи // Независимая газета. 16 октября 1998 г.

Осипов Ю. М. Теория хозяйства. В трех томах. М., 1997—1998.

Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994.

Революционный невроз. М., 1998.

Пушкин А. С. Письмо П. Я. Чаадаеву // Русская идея. Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М., 1992.

Россия: в поисках стратегии безопасности / Под ред. А. Г. Арбатова. М., 1996.

Системные проблемы России. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д. С. Львова. М., 1999.

Соловьев Вл. С. Соч. В двух томах. М., 1989. Т. 1.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.

Толстой Л. Н. Христианство и патриотизм. Патриотизм и правительство.

Чуковский К. Мой Уитмен. Очерки о жизни и творчестве. Избранные переводы из «Листьев травы». Проза. М., 1966.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем состоят особенности международной роли России в мире? На чем основывалась значительность этой роли в период от Петра Великого до распада Советского Союза?

2. Почему глубинные основания роли любой страны в составе мирового сообщества государств заключаются в ее геополитическом положении? Чем определяется геополитическое положение страны?

3. Какими факторами обусловливается международный авторитет страны в современных условиях?

4. Каков смысл понятий «национальная безопасность», «национальные интересы», «сфера национальных интересов»?

5. В чем различия интересов России и США на международной арене? В каких сферах Россия могла бы развивать интенсивное сотрудничество с Соединенными Штатами? В чем состоят и на чем основываются черты сходства национальных характеров американцев и россиян?

6. Почему Германию, Японию и ряд стран Ближнего Востока следует отнести к стратегическим партнерам России?

7. Каковы факторы, определяющие для России место одной из великих держав, одного из самостоятельных и влиятельных центров мирового развития? Определяется ли задача России быть одной из великих держав национальным честолюбием и претензией на исключительность ее мировой роли?

8. Американский политолог З. Бжезинский предлагает для решения проблем России расчленить ее на три части: европейскую Россию, Сибирь и Дальний Восток. Подумайте и самостоятельно ответьте на следующий вопрос (в тексте на него нет прямого ответа): почему в случае расчленения

современной России и образования на ее месте нескольких отдельных государств последние не смогут обеспечить свое независимое, суверенное существование и создать условия для роста благосостояния населения?

9. На какие вопросы призвана дать ответы военная доктрина?

10. Как определяется понятие патриотизма?

11. Связан ли патриотизм с негативным отношением к другим странам и народам? В чем причины перерождения патриотизма в эгоистический национализм?

12. В состоянии ли человек любить чужие страны и народности, как свою собственную? Кто из русских философов призывал «любить другие народности, как свою собственную»?

13. В чем особенности патриотизма А. С. Пушкина?

14. В чем причины российского антипатриотизма? В какие периоды российской истории антипатриотическая позиция заявляла о себе наиболее открыто?

15. Почему воинский дух не следует противопоставлять предпринимательскому? Почему тем не менее воинский дух должен оцениваться более высоко, чем дух предпринимательства?

16. В чем особенности российского воинского духа?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Глава 1. «ОСОБЕННАЯ СТАТЬ» РОССИИ (РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ) 11

Глава 2. ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 82

Глава 3. МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 116

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В РОССИИ 167

Глава 5. ТРУД И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ 239

Глава 6. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В РОССИИ. СЕКСУАЛЬНОСТЬ И БРАК В РОССИИ 285

Глава 7. РОССИЯ В ЗАПАДНОМ ВОСПРИЯТИИ 332

Глава 8. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ, ИСКУССТВО И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ 363

Глава 9. ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ В РОССИИ 403

Глава 10. РЕЛИГИИ И ВЕРОВАНИЯ В РОССИИ 473

Глава 11. РОССИЯ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ ГОСУДАРСТВ 525

Издательская группа «ГРАНД-ФАИР»
приглашает к сотрудничеству авторов
и книготорговые организации

тел./факс:
(095) 170 - 93 - 67
(095) 170 - 96 - 45

Почтовый адрес:
109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2
e-mail: ***grandpub@dol.ru***
Книги on-line: ***http://www.grandpub.ru***

Учебное пособие для вузов

Шаповалов Виктор Федорович

РОССИЕВЕДЕНИЕ

Редактор О. Иванова
Корректор Л. Савельева
Оригинал-макет и верстка И. Колгарёва
Дизайн обложки А. В. Матросова

ЛР 065864 от 30 апреля 1998 г.
Подписано в печать 20.04.2001.
Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35. Тираж 5000 экз.
Заказ 3359.

Издательство «ФАИР-ПРЕСС»
109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93